

**История Русской Православной Церкви.
Синодальный и новейший периоды (1700–
2005 гг.)
протоиерей Владислав Цыпин**

Предлагаемый вниманию читателя труд представляет собой первое систематическое описание огромного периода истории Русской Православной Церкви, с начала XVIII до начала XXI веков, принадлежащее перу одного автора. Доктор церковной истории, профессор, известный канонист протоиерей Владислав Цыпин дает впечатляющую картину всепобеждающей силы Божией, когда при самых тяжелых обстоятельствах и в самых трудных условиях Церковь сумела преодолеть все невзгоды и продолжить свою миссию по спасению человека.

Введение. Периодизация истории русской церкви синодального и новейшего периодов

Существуют проблемы, связанные с периодизацией истории Русской Церкви трех последних столетий. Традиционно в синодальный период включают также эпоху межпатриаршества, продолжавшуюся с 1700 по 1721 г. Есть, конечно, формальные основания видеть в ней продолжение предыдущего, патриаршего периода, поскольку юридически, пока не был учрежден Святейший Синод, патриаршество не было отменено. Но реальная церковная жизнь при патриаршем местоблюстителе митрополите Рязанском Стефане имела существенно иной характер, чем в 17 столетии, при патриархах. Можно указать на ряд факторов, сближающих эту эпоху с последующим, а не с предыдущим периодом.

Первое обстоятельство связано с соотношением государственной и церковной власти в самой церковной жизни, которое значительно изменилось в сторону преобладания государства, в этом отношении знаменательным событием стало восстановление Монастырского приказа в 1701 г. При патриархах было непредставимо, чтобы указы по делам церковным издавались даже не царской властью, а боярской думой, а при местоблюстителе митрополите Стефане Сенат издавал такие указы и даже делал выговоры местоблюстителю, и это при том, что как личность митрополит Стефан был более властной и сильной натурой, чем последний патриарх 17 столетия Адриан. Второе обстоятельство связано со значительным усилением западного влияния на церковную жизнь уже в начале века, чего в таких масштабах в 17 столетии быть не могло: достаточно сослаться на такие явления, как латинизация духовной школы (применительно к московской Славяно-греко-латинской академии эту латинизацию можно точно датировать – 1700 г.), как ставшее характерным и обычным делом замещение архиерейских кафедр выходцами из Киевской академии и лицами, получившими образование на Западе, – это относится ко всем наиболее представительным церковным деятелям эпохи. И наконец, третье обстоятельство, заставляющее считать начало 18 в. рубежом нового периода церковной истории, связано с тем, что учреждение Синода не стало совершенно неожиданным событием, реформа обдумывалась, планировалась и готовилась с того момента, как решено было отложить избрание нового патриарха. Ведь нормальным образом избрание должно было состояться не позже, чем через год после кончины патриарха Адриана. Учитывая все эти обстоятельства, время

местоблюстительства следует все-таки включить в синодальный период, как это и делается традиционно, но в нем он занимает, естественно, особую эпоху.

Своеобразный период церковной истории представляет и время правления последнего царя, от 1894 до 1917 г. Само отношение святого императора Николая II к Церкви несло на себе печать его глубокого и искреннего благочестия, отличавшего его от предшественников на троне. Характерная черта церковной жизни тех лет – значительное число канонизаций подвижников благочестия: в царствование Николая II клику святых было причислено больше угодников Божиих, чем за два столетия до него. Но самое важное обстоятельство, побуждающее выделить этот период, заключается в том, что он прошел под знаком подготовки Поместного Собора, явившись поэтому в некотором смысле переходным к послесинодальной эпохе. И еще одна особенность времени – угроза гонений на Церковь, разразившихся после отречения императора, духовно пронизательными людьми ощущалась уже тогда, в предреволюционные годы – столь глубоким стало отчуждение от Церкви значительного большинства образованного общества, неудержимо рвавшегося к власти. Учтем еще, что изменения в России в 1905 г. внесли принципиальную новизну и в правовой статус Православной Церкви.

Время от 1721 до 1894 г. представляет некоторое затруднение для более дробной периодизации. Пожалуй, важнейшей датой в церковной истории этой эпохи может считаться 1764 г., когда была проведена секуляризация церковных земель. И все-таки едва ли целесообразно обозначить именно им границу между периодами: первый опыт секуляризации был предпринят уже императором Петром III. Екатерина II обдумывала и готовила эту акцию с самого начала правления, в то же время секуляризация была проведена ею поэтапно: в 1764 г. только в великорусских епархиях, затем в малороссийских и, наконец, на Слободской Украине.

Предлагается поэтому разделить указанный без малого 200-летний период рубежом столетий, а точнее 1801 г. – годом воцарения Александра I после последнего дворцового переворота, столь типичного для политической истории 18 в. Закон императора Павла о престолонаследии послужил стабилизации государственной жизни. 18 столетие отличается заметно от 19 и в сфере церковной. Состояние духовной школы и богословской науки в эти столетия являет заметный контраст: в 19 в. кончилась эпоха «ученичества» у Запада, и в опоре на святоотеческую традицию русское богословие обнаруживает для себя прочную основу.

Еще одно характерное различие столетий относится к взаимоотношениям государства с Церковью. В юридической плоскости здесь не было существенных перемен, но заметно изменилась церковная политика правительства. Дело в том, что в 18 столетии российское правительство проводило политику европеизации, вестернизации России, завещанную Петром Великим. Этот курс был причиной для настороженного, опасливого отношения к Православной Церкви, в которой не без оснований виделся оплот отвергнутых византийских и московских традиций. Иначе сложилась ситуация в 19 столетии: Западная Европа в целом перестала быть абсолютистской и западные влияния на российское общество были уже чреватые в худшем случае революцией или либерализацией, т. е. такими изменениями государственного строя, которые были для правительства неприемлемы. Православная Церковь в этот век стала оплотом незыблемости российского самодержавия, стала остро необходимой для государства и потому пользовалась со стороны правительства поддержкой, хотя вместе с тем сохранялся прежний обременительный для Церкви контроль и тяжеловесная опека.

В основание более детализированной периодизации синодальной эпохи, ввиду исключительно большой зависимости Церкви от высочайшей власти, должна быть положена смена императоров, при этом, конечно, эфемерные царствования Екатерины I, Петра II, Иоанна VI и Петра III составить отдельных эпох не могли. В результате для 18 в. получается следующая хронология: 1721–1725 гг., 1725–1741 гг., 1741–1762 гг., 1762–1796 гг., 1796–1801 гг.

В 19 столетии периоды церковной истории точно совпадают с царствованиями императоров.

Новейший период церковной истории начинается с 1917 г., который был не только годом государственной катастрофы, но ознаменован также созывом Поместного Собора и восстановлением патриаршества. В особый период, хотя и весьма краткий, но насыщенный событиями первостепенной важности, следует выделить время от февраля до ноября 1917 г., когда Церковь сразу после отречения императора оказалась в радикально иной правовой ситуации. Хотя Временное правительство не успело провести отделение Церкви от государства, но курс был очевидным образом взят на построение вне конфессионального государства. На созванном в августе 1917 г. Соборе было восстановлено патриаршество, и событие это почти точно совпало с установлением советского режима.

В дальнейшей истории Русской Церкви можно выделить ряд рубежных дат: 1922 г. с его кампанией изъятия церковных ценностей; 1929

г., когда было принято новое, уже совершенно драконовское законодательство, регулирующее религиозную жизнь, и когда началось массовое закрытие приходов; 1943 г., ознаменованный частичной нормализацией церковно-государственных отношений; 1961 г., когда в разгар хрущевских гонений был радикально реформирован порядок приходского управления; 1988 г., когда в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси в условиях перестройки отношение к Церкви со стороны государственных инстанций и общественных организаций изменилось в позитивную сторону; наконец, 1991 г., когда рухнул режим, враждебный Церкви, и распался Советский Союз.

И все-таки в основу детальной периодизации в рамках длительного периода, начавшегося в 1917 г., следует, в соответствии с традицией, положить смену первосвятителей, последовательно возглавлявших Русскую Церковь. В таком случае мы выделяем время патриаршества святителя Тихона (1917–1925); время, когда во главе Церкви стоял местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (1925); период от 1925 до 1936 г., когда звание патриаршего местоблюстителя оставалось за митрополитом Петром, но реальная власть принадлежала его заместителю митрополиту Сергию, а также короткое время в 1926–1927 гг. другим иерархам; 1936–1943 гг. – эпоха местоблюстительства митрополита Сергия; 1943–1944 гг. – время его патриаршества; 1945–1970 гг. – время первосвятительского служения патриарха Алексия I; и, наконец, 1971–1990 гг., когда во главе Церкви стоял патриарх Пимен.

Начало первосвятительского служения Святейшего Патриарха Алексия II (1990) совпало с началом новой эпохи в истории России, и есть все основания видеть тут и важный рубеж в церковной истории, ибо Церковь после десятилетий прямых гонений и бесправия обрела свободу.

Часть первая. Синодальный период

Глава 1. Русская православная церковь в эпоху Петра I

1. Период местоблюстительства

Патриарх Адриан скончался в 1700 г. Россия переживала тогда переломные исторические события, в ходе которых складывался новый облик государства: реформировалось войско, строился флот, на западно-европейский лад перекраивались культура и быт высшего слоя русского общества, на отвоеванном у шведов балтийском побережье в считанные годы была выстроена новая столица России – Санкт-Петербург.

Среди преобразований Петра Великого особенно важной по своим последствиям была церковная реформа, ибо главная черта петербургского периода – абсолютизм государственной власти, существенно отличавшийся от старомосковского самодержавия с его традиционным обычным правом и, главное, не подчиненной светскому государю высшей церковной властью. Попытки московских государей узурпировать власть над Церковью являлись нарушением нормы, а нормой в отношениях между церковной и государственной властью до Петра оставалась симфония, унаследованная от Византии. Властной рукой Петра Православная Церковь была отодвинута от главного русла национальной жизни. Светское правительство стало смотреть на Церковь не как на высочайшую святыню народа, а как на одну из опор государственного аппарата, нуждающуюся в опеке и надзоре. Для этого правительству понадобилось сломать старый строй церковного управления, сочетавший в себе соборное начало и первосвятительское возглавление, а на его месте учредить новую – синодальную – систему.

Творец этой реформы Петр I получил старомосковское воспитание, которое, однако, не было чуждо западных влияний. Учился он, как и его сверстники, по Псалтири и священным книгам, Часослову, но уже в детстве пристрастился к иллюстрированным книгам иностранной печати, а потом его на многие годы увлекли потешные военные игры с полками иноземного строя; в юности он завел знакомства в вызывавшей ужас и отвращение у ревнителей старины Немецкой слободе, где проживали иностранцы. На душу будущего царя неизгладимое впечатление произвел дикий стрелецкий бунт 1682 г., когда на глазах у юного наследника растерзали его дядей Алексея и Ивана Нарышкиных. С этих пор всякая старина в сознании Петра отождествлялась с неукротимым и темным фанатизмом.

Петру стала чужда любовь русских людей старинного склада к

земным поклонам и долгим молитвам, к возжиганию свечей перед иконами, к колокольному звону. Царь не придавал важного значения постам и даже, к ужасу людей строгих правил, позволял себе шутовские забавы, которые воспринимались ими как кощунство. Его воспитатель дядька Никита Зотов, возведенный в шутовской сан «князя-папы», на потеху государю в пьяной пирушке раздавал бражникам «благословения» двумя накрест сложенными чубуками. У ревнителей старины вызывало недоумение и пристрастие царя к табаку, которое патриарх Адриан связывал со склонностью к западному инославию. «Многие от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков, – писал он в одной из своих грамот, – обьюродели».

Петра подозревали в неправославии, иные даже в безбожии. Но атеистом он не был. Вера его была твердой и по-своему сильной. Выражалась она в том, что в воскресные и праздничные дни он непопустительно молился за литургией, часто становился на клирос и читал Апостол; всякое дело, всякий военный поход он начинал с молитвы о ниспослании Божия благословения, а всякий успех и всякую победу сопровождал благодарственным молебном. О его живой вере в Промысл Божий свидетельствуют часто повторявшиеся им слова: «Кто забывает Бога и не исполняет заповедей Его, тот, сколько бы ни трудился, не сделает многого, ибо не осенен благословением свыше».

О вольнодумцах Петр I говорил со свойственной ему грубоватой крепостью выражений: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Характерна одна из его бесед с историком Татищевым, который, увлекшись в Европе крайним рационализмом, позволил себе однажды в присутствии царя издевательски насмеяться над Библией и церковными установлениями. Ударив вольнодумца за эти речи своей знаменитой дубинкой, царь поучал его: «Не соблазняй верующих чистых душ, не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству – не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви».

Но искренность христианской веры Петра не мешала ему на все смотреть глазами государственного человека, под углом зрения государственной пользы. А его политические и правовые воззрения складывались под влиянием западных протестантских учений о примате государства во всех сферах народной жизни, из чего выводилась и ложная доктрина о главенстве монарха над Церковью. Однако он не спешил в осуществлении своего замысла поставить Церковь на место одного из подвластных ему ведомств, а действовал осторожно и расчетливо. Да и сам

замысел не сразу обрел характер до конца продуманного плана. План складывался постепенно – и переходный период, который поначалу мыслился как время межпатриаршества, затянулся на двадцать лет.

Весть о кончине патриарха Адриана застала Петра в действующей армии под Нарвой. Из Москвы к нему летели курьерские донесения. Первое предложение отложить избрание патриарха и учредить межпатриарший «соборик» поступило от боярина Тихона Стрешнева, в прошлом врага и гонителя патриарха Никона. Алексей Курбатов, ведавший казной, советовал царю: «О избрании же, государь, патриарха, мню, достоин до времени обождать, да во всем всего сам твое самодержавие изволиши усмотреть... Из архиереев, государь, для временного в духовных управления, ежели тебе, государю, угоден, мнится многим добр быти холмогорский».

Предложение «обождать с избранием патриарха» совпало с намерением самого царя. Но для временного возглавления Церкви он избрал не холмогорского архиепископа Афанасия, как советовал А. Курбатов и как того ожидали в Москве, а одного из самых молодых архиереев – митрополита Стефана (Яворского), ученого монаха из Киева.

Дело было, конечно, не в том, что великорусская иерархия оскудела талантами. Правда, некоторые из архиереев-великороссов, напуганные петровскими новшествами, потеряли чувство духовного равновесия. Подобно старообрядцам, они видели в царе-реформаторе еретика и даже антихриста. В 1700 г. к уголовному суду был привлечен тамбовский епископ Игнатий, который поощрял Григория Талицкого, читавшего ему свои тетрадки, в которых он доказывал, что Петр – антихрист. Преосвященный, слушая эти бредни, плакал от умиления и приговаривал: «Павловы твои уста». Но среди великорусской иерархии были, конечно, и люди другого склада – умные, дальновидные, с широким кругозором.

Таким был упомянутый в донесении Курбатова холмогорский архиепископ Афанасий. В своей епархии ему часто приходилось видеться с иностранцами, и он, к удовольствию царя, умел обходиться с ними приветливо. Это был тот самый Афанасий, которого во время стрелецкого бунта на глазах юного Петра в Грановитой палате заушал раскольничий протопоп Никита Пустосвят. Еще при жизни первосвятителя Адриана Петр высказывал желание иметь его преемником престарелого патриарха.

Другим незаурядным архипастырем был митрополит Новгородский Иов, постриженник Троице-Сергиева монастыря, покровитель просвещения в греко-славянском духе, деловитый благотворитель, который в своей епархии устраивал школы, странноприимные дома,

больницы. Митрополит Иов доброхотно жертвовал епархиальные средства на строительство флота и войну с турками.

Наконец, подлинным светилом в сонме архиереев сиял епископ Митрофан Воронежский (1623–1703). До 40 лет он служил приходским священником, потом, овдовев, принял постриг в Золотниковской пустыне. В 1682 г. его хиротонисали во епископа и назначили на вновь открытую Воронежскую кафедру. В ту пору это был дикий казачий край, которого едва коснулось христианское просвещение. За время святительского служения епископа Митрофана в епархии было построено 47 новых храмов, основано два монастыря. Дом святителя служил приютом для странников и лечебницей для болящих. Замечательную черту в житии святого составляет его духовная дружба со святителем Пителимом, епископом Тамбовским.

Петр I близко познакомился со святителем Митрофаном во время строительства кораблей на воронежской верфи. Святитель видел в этом предприятии богоугодное дело. Войну с турками, угнетавшими православных братьев, для которых предназначались корабли, он считал священной войной Креста с полумесяцем, благословлял на нее царя и с радостью жертвовал сбережения епархиального дома «на ратных».

Но, чуждый человекоугодия и искательства, святой Митрофан был непоколебим и бесстрашен, когда дело касалось веры. Его огорчала приверженность Петра к иноземным, «еретическим» обычаям. Однажды царь пригласил святого Митрофана на обед в свой воронежский домик-дворец, перед входом в который стояли статуэтки полунагих богинь. Возмущившись таким тогда еще необычным в России видом дворца, святитель отказался войти в дом. «Лучше умереть – сказал он, – чем присутствием своим или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить болваны языческие». Уверенный в том, что за этот дерзкий поступок царь прикажет казнить его, он, вернувшись к себе, велел звонить во все городские колокола. И когда Петр, удивленный звоном, спросил, что это значит, ему объяснили: владыка готовится к смерти. Преисполнившись уважения к исповеднической ревности архиерея, Петр велел убрать статуи.

Перед смертью святитель Митрофан принял великую схиму с именем Макария. Кончина его последовала 23 ноября 1703 г. В погребении святого архипастыря участвовал Петр, который сам нес его гроб до могилы и сказал после погребения: «Не осталось у меня другого такого святого старца».

Сохранилось завещание святителя Митрофана, в котором есть

замечательное поучение: «Для всякого человека таково правило мужей мудрых: употреби труд, храни мерность – богат будеши; воздержно пей, мало яждь – здрав будеши; твори благо, бегай злаго – спасен будеши».

Но, несмотря на все уважение, с которым относился царь к таким достойным архипастырям, как святители Митрофан, Иов, Афанасий или митрополит Казанский Тихон, его смущало их недоверие, даже архиепископа Афанасия, к западно-европейской учености, к инославной культуре. А главное, опасался Петр, эти архиереи могут воспротивиться его замыслу подчинить Церковь государственной власти. Поэтому всем им был предпочтен выходец из Малороссии митрополит Рязанский Стефан.

Митрополит Стефан (Яворский) родился в 1658 г. в семье православного галицкого шляхтича. Образование получил в Киево-Могилянской академии и в иезуитских коллегиях во Львове, Люблине, Вильне и Познани. Учение в католических школах предполагало для православного принятия униатства. Это была унижительная, но обычная тогда в Западной Руси «кража науки». Вернувшись в Киев, будущий иерарх отрекся от притворного униатства и принял монашеский постриг. Его назначили профессором академии, где он выделялся среди коллег даром проповедничества. Он умел соединить в своих проповедях и «предиках» изощренные приемы киевско-польской риторики с неподдельной искренностью религиозного чувства, воодушевлением и сердечностью.

В 1700 г. митрополит Киевский Варлаам (Ясинский) послал архимандрита Стефана в Москву для рукоположения в сан викарного епископа. Но в Москве ставленнику случилось в присутствии царя произнести «предику» при погребении боярина А. С. Шеина. Слово это привело Петра в восторг. Он увидел в ораторе человека европейской культуры, как ему казалось, превосходившего ученостью московских «начетчиков». Петр распорядился поставить его на древнюю митрополичью кафедру в Рязань. А менее чем через год после этого возвышения Освященный Собор, по указанию Петра, назначил митрополита Стефана «экзархом, блюстителем и администратором патриаршего стола».

«Экзарх и блюститель», мечтавший об архиерействе у себя на родине, принял свое назначение со скорбью. К тому же в Москве его встретили недружелюбно и даже враждебно, считали чужаком, обзывали «обливанцем, поляком, латынником». Возвышение митрополита Стефана встревожило и православный Восток. Строгий ревнитель православия патриарх Иерусалимский Досифей в 1702 г. писал Петру, умоляя его не

назначать на архиерейские кафедры «ни черкас, ни греков», а только православных москвичей, «аще и не мудрии суть», «чтобы и в патриархи не попал ни грек, ни иные какие породы человек, сиречь от Малыя и Белья России, которые вскормилися и учатся в странах и школах латинских и полонских». А еще через год патриарх Досифей прислал послание самому митрополиту Стефану, в котором сурово предупреждал его, что на Востоке не потерпят, чтобы он стал патриархом.

Скоро, однако, выяснилось, что Петр ошибся в выборе местоблюстителя. Вероятно, тогда ему слишком упрощенно представлялся характер западного образования, и он не предполагал, что «западник и латынник» может оказаться более крутым противником церковной реформы на протестантский лад, чем великорусские архиереи. Митрополит Стефан, воспитанный в католических школах, был горячим поборником высокого авторитета Церкви и ее независимости от государства.

Как и великорусские архиереи, он мечтал об избрании патриарха. И ревнители старины в Москве вскоре поняли, что в лице столь сперва нежеланного для них чужака они обрели если и не единомышленника, то союзника, к тому же человека неуступчивого, твердого, мужественного. Вместе с ними местоблюститель не одобрял второго брака царя, заключенного при жизни насильственно постриженной царицы Евдокии Лопухиной. С негодованием узнал он об отмене постов в войсках, на что царь, в обход предстоятеля Русской Церкви, заручился разрешительной грамотой от Константинопольского патриарха. В своих проповедях митрополит Стефан стал открыто обличать не хранящих постов, обидящих Церковь и оставляющих своих жен, прозрачно намекая на личность самого царя.

Особую остроту отношения между монархом и местоблюстителем приобрели после дела Тверитинова. Московский лекарь Дмитрий Тверитинов, учившийся в Немецкой слободе, собрал кружок вольнодумцев, увлеченных протестантским учением. Его сторонники отвергали почитание святых угодников, мощей, икон, отвергали авторитет иерархии, не признавали Таинств и Священного Предания. В то же время в тверитиновском кружке, возможно, по богословскому невежеству, отвергали и краеугольный камень протестантизма – учение о спасении единой только верой. Повторяя древних стригольников, Тверитинов учил, что человек спасается не верой, а своими делами и заслугами, без посредничества Церкви. «Я сам себе Церковь», – говорил ересиарх. Самым рьяным из еретиков оказался родственник Тверитинова цирюльник Фома

Иванов.

В 1713 г. существование ереси обнаружилось: первым в неправославии был обличен ученик московской Славяно-греко-латинской академии Максимов. Митрополит Стефан немедленно начал расследование, которое велось гласно и было известно в Москве. Петр, опасаясь, что этот шумный процесс повредит столь любезным его душе немцам, распорядился перевести розыск из Москвы в Петербург в новоучрежденный тогда Сенат. В Сенате дело закончилось быстро и легко для подсудимых. От них потребовали отречения от ереси и препроводили их обратно в Москву. Местоблюстителю было приказано присоединить раскаявшихся к Церкви. Митрополит Стефан, подозревая вероотступников в лицемерии, велел разослать их по монастырям для проверки искренности их покаяния. Тогда-то и обнаружилась обоснованность его недоверия к столь легко избавившимся от наказания еретикам. Заключенный в Чудовом монастыре Фома Иванов, одержимый неистовством, бросился с косарем на резной образ святителя Алексия и изрубил его. После этого злодеяния митрополит Стефан созвал Освященный Собор для суда над преступниками. Новоявленные иконоборцы были преданы анафеме, а Фому, как злостного и нераскаявшегося еретика, сожгли на костре. Гнев Петра, узнавшего об исходе нового розыска, был страшен. Он подозревал местоблюстителя в том, что своим суровым судом над вероотступниками, впадшими в ересь под влиянием Немецкой слободы, тот подстрекает москвичей на погром иностранцев. Петр приказал объявить местоблюстителю выговор через Сенат.

Все недовольные царем-реформатором с надеждой смотрели тогда на царевича Алексея, который сочувствовал настроениям ревнителей старины. С большой теплотой относился к царевичу и митрополит Стефан. В слове, произнесенном в 1712 г. на день ангела наследника, он не без вызова его отцу назвал именинника «единой надеждой России». Недвусмысленно намекая на царя, проповедник продолжал: «Море свирепое, море – человеке законопреступный, – почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть Закон Божий, берег есть во еже не прелюбы сотворити, не вождеleti жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть во еже хранить благочестие, посты, а наипаче Четырдесятницу».

А через шесть лет после этого было заведено два страшных дела: в заговоре против царя обвинялись вначале царевич, а потом и его мать Евдокия, в монашестве Елена. К этим делам оказались причастными и

духовные лица. Духовник царевича протопоп Иаков Игнатов, когда Алексей каялся ему в желании смерти отцу, успокоил исповедника словами: «Мы все желаем ему смерти». К делу были привлечены духовник царицы Феодор Пустынный, ростовский епископ Досифей, юродивый Михаил Босой, а также митрополиты Киевский Иоасаф (Краковский) и Крутицкий Игнатий (Смола), которые состояли в переписке с наследником. На следствии епископ Досифей говорил, оправдываясь: «Только я один попался... Посмотрите, и у всех что на уме. Извольте пустить уши и в народ, что в народе говорят».

Розыск закончился казнями. Сенат приговорил к смерти царевича Алексея, казнили епископа Досифея, протопопов Иакова Игнатова и Феодора Пустынного. Митрополит Иоасаф скоропостижно скончался до окончания расследования на пути из Киева. Митрополита Игнатия пощадили по старости и уволили на покой. Против местоблюстителя улик не оказалось. Но Петр подозревал его в сочувствии заговорщикам. В конце розыска у Петра окончательно созрел план: во-первых, провести церковную реформу и упразднить патриаршество, а во-вторых, отодвинуть митрополита Стефана от кормила церковного управления.

2. Учреждение Святейшего Синода

После неудачи с митрополитом Стефаном Петр I лучше разобрался в настроениях киевского ученого монашества. Подыскивая исполнителей задуманной реформы, он выбирал теперь из этой среды редких людей особого образа мыслей – противников латинского, «папезского» направления, от которых он только и мог ожидать сочувствия своим взглядам.

В Новгороде Петр обратил внимание на выходца из Малороссии архимандрита Хутынского монастыря Феодосия (Яновского), который бежал туда из Москвы во время «гонения на черкас» при патриархе Адриане. Митрополит Иов, собиравший вокруг себя ученых мужей, приютил беглеца, приблизил его к себе и сделал одним из главных своих помощников. Феодосий был сыном шляхтича и отличался высокомерием, заносчивостью. Петра он обворожил аристократическими манерами и искусством светского разговора. В 1712 г. Петр назначил его архимандритом новосозданного Александро-Невского монастыря и правителем церковных дел Петербургской области, а в 1721 г., через пять лет после кончины митрополита Иова, он в сане архиепископа был поставлен на Новгородскую кафедру. Из нового архиерея, однако, не вышло серьезного церковного деятеля. Это был человек не особенно ученый, маскировавший пробелы в образовании блеском светского

красноречия. Среди духовенства и народа возникали соблазны от его скорее магнатского, чем архиерейского образа жизни, от его корыстолюбия. Петру стало ясно, что особую ставку на этого тщеславного честолюбца делать нельзя.

Другой киевлянин, Феофан (Прокопович), покорило сердце Петра. Сын киевского купца, в крещении он был наречен Елеазаром. С успехом закончив Киево-Могилянскую академию, Елеазар обучался во Львове, Кракове и в римской коллегии святого Афанасия. В Риме он стал базилианским монахом Елисеем. Вернувшись на родину, он отрекся от униатства и был пострижен в Киево-Братском монастыре с именем Самуила. Его назначили профессором академии и вскоре, в награду за успехи в преподавании, удостоили имени его покойного дяди Феофана – ректора Могилянской академии. Из Рима Прокопович вынес отвращение к иезуитам, к школьной схоластике и ко всей атмосфере католицизма. В своих богословских лекциях он пользовался не католическим, как это было принято в Киеве до него, а протестантским изложением догматики.

В день Полтавского сражения Феофан поздравлял царя с победой. Слово, произнесенное им за богослужением на поле битвы, потрясло Петра. Оратор использовал день победы 27 июня, на который приходится память преподобного Самсона, чтобы сравнить Петра с библейским Самсоном, разодравшим льва (герб Швеции складывается из трех львиных фигур). С тех пор Петр не мог забыть Феофана. Отправляясь в Прутский поход, он взял его с собой и поставил во главе войскового духовенства. А по окончании похода Феофан был назначен ректором Киевской академии. В 1716 г. его вызвали «на чреду» в Петербург, и там он произносил проповеди, которые посвящал не столько богословским и церковным темам, сколько прославлению военных побед, государственных свершений и преобразовательных планов Петра.

Архимандрит Феофан стал одним из кандидатов на архиерейскую кафедру. Но у ревнителей православия его богословские воззрения вызвали серьезные опасения. Хорошо знавшие его по Киеву ректор Московской академии архимандрит Феофилакт (Лопатинский) и префект архимандрит Гедеон (Вишневский) еще в 1712 г. отважились подать государю открытое обвинение Феофана в протестантизме, который они обнаружили в его киевских лекциях. После вызова архимандрита Феофана в Петербург его обличители не замедлили послать на него новый донос, направив его Петру через местоблюстителя, который присовокупил к докладу московских профессоров свое мнение, что Феофана никак нельзя ставить во епископа. Но Феофан сумел так ловко оправдаться в

возведенных на него обвинениях, что митрополиту Стефану пришлось просить у него извинения.

В 1718 г. Феофана хиротонисали во епископа Псковского с тем, однако, чтобы резиденцией его был Петербург. В отличие от своего менее удачливого соперника в борьбе за близость к царю, Феодосия, епископ Феофан был образованным ученым, богословом, писателем, человеком ясного и сильного ума. Ему удалось стать советником и незаменимым помощником Петра I не только в церковных, но и в государственных делах. Он служил Петру неиссякаемым источником самых разнородных знаний, его живой академией и «мозгом». Именно Феофан стал главным исполнителем задуманной Петром церковной реформы, и ему она больше, чем кому бы то ни было, обязана своим протестантским оттенком. Многие в поступках и воззрениях этого иерарха подтверждало обоснованность выдвинутых против него обвинений в неправославии. На своих противников, ревнителей православия, Феофан с церковного амвона возводил обвинение в затаенной вражде на монарха: «Суть нецьи... или тайным бесом льстимии, или меланхолией помрачаеми, которые такового некоего в мысли своей имеют урода, что все им грешно и скверно мнится быти, что-либо увидят чудно, весело, велико и славно... И сии наипаче славы безчестити не трепещут и всякую власть мирскую не точию не за дело Божие имеют, но в мерзость вменяют».

В написанном по поручению Петра сочинении «Правда воли монаршей» епископ Феофан, повторяя Гоббса, формулирует абсолютистскую теорию государственного права: «Могуществу монарха основание есть... что народ правительской воли совлекся» и передал эту волю монарху. «Сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемена обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая». В «Розыске о понтифексах», играя этимологией слов, Феофан ставит вопрос: «Христианские государи могут ли нареццися епископы, архиереи?» – и без смущения отвечает, что могут; более того, государи – это «епископы епископов» для своих подданных.

В 1718 г. митрополит Стефан подал прошение отпустить его из Петербурга в Москву, откуда удобнее управлять Московской и Рязанской епархиями. Царь наложил на прошение резолюцию с рядом укоризненных замечаний, а в конце добавил: «А для лучшего впредь управления мнится быть Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно». Идея учредить коллегию в качестве органа высшей церковной власти была подсказана Петру во время его путешествия по

Западной Европе великим Лейбницем, который в этом предложении опирался на практику протестантских немецких княжеств.

Епископу Феофану Петр поручил составить проект учреждения Духовной коллегии. К февралю 1720 г. проект под названием «Духовный регламент» был готов. Такое название воспроизводило наименования уставов других коллегий, которые при Петре заменили старомосковские приказы. У каждой петровской коллегии был свой регламент. Царь просмотрел «Духовный регламент» и внес в него исправления.

«Регламент» разделен на три части: 1) описание и вины синодального управления; 2) дела ему подлежащие; 3) самих управителей должность и сила. О «Регламенте» метко было сказано, что «это рассуждение, а не уложение». Это скорее объяснительная записка к закону, нежели самый закон. Он весь пропитан желчью, напоен страстью политической борьбы со стариной. В нем больше злых обличений и сатиры, чем прямых положительных постановлений. «Регламентом» провозглашалось учреждение Духовной коллегии, которая должна была заменить и высшую власть Освященных Соборов, и единоличное возглавление Церкви патриархом.

Основания для замены патриаршего управления синодальным подробно изложены в предисловии к самому «Духовному регламенту»: 1) собор скорее может найти истину, чем одно лицо; 2) определения, исходящие от собора, авторитетнее, чем единоличные указы (в доказательство этого утверждения делается ссылка на то, что сам монарх в важнейших делах советуется с высшими государственными сановниками); 3) при единоличном правлении дела часто приостанавливаются из-за личных обстоятельств правителя, и в случае его смерти течение дел и вовсе прекращается на некоторое время; 4) в коллегии нет места пристрастию, от которого может быть несвободно одно лицо; 5) коллегия имеет больше свободы в делах правления, ибо ей нет нужды опасаться гнева и мщенья недовольных судом, а одно лицо может оказаться подверженным такому страху; 6) и, несомненно, главное для Петра и Феофана: от соборного правительства государству нечего опасаться мятежей и смут, какие могут произойти от одного духовного правителя, ибо «простой народ не видит, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великого высочайшего пастыря честью и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть вторый государь, самодержцу равносильный или и больший его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство»; 7) все члены коллегии имеют равные голоса и все, не исключая и ее президента, подлежат суду коллегии, в то время

как патриарх мог бы не захотеть судиться у подчиненных ему епископов, и самый этот суд в глазах простого народа показался бы подозрительным и некрепким, так что для суда над патриархом понадобилось бы созывать Вселенский Собор, что ввиду отношений России с турками весьма затруднительно; и, наконец, 8) соборное правительство должно стать школой духовного управления.

Документ был представлен на обсуждение в Сенат и только потом предложен вниманию Освященного Собора из оказавшихся в Петербурге шести архиереев и трех архимандритов. Под давлением светской власти духовные сановники подписались, что все «учинено изрядно». Чтобы придать «Регламенту» больший авторитет, решено было отправить архимандрита Антония и подполковника Давыдова во все концы России для сбора подписей от архиереев и «степенных монастырей архимандритов и игуменов». На случай отказа в подписи в указе Сената без обиняков, с откровенной грубостью предписывалось: «А буде кто подписыватца не станет, и у того взять за рукою, какой ради причины оной не подписываема, чтоб о том показал имянно». За семь месяцев гонцы объездили всю Россию и собрали под «Регламентом» полноту подписей.

25 января 1721 г. император издал манифест об установлении «Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительства». А на другой день Сенат передал на высочайшее утверждение штаты создававшейся коллегии: президент из митрополитов, два вице-президента из архиепископов, четыре советника из архимандритов, четыре асессора из протопопов и один из «греческих черных священников». Штатное расписание в точности соответствовало штатам других коллегий, вплоть до присутствия в Духовной коллегии «греческого священника». Дело в том, что Петром заведен был такой порядок – назначать в коллегию иностранцев, которые должны были обучать русских чиновников правильному ведению дел. В православную церковную коллегию Петр не мог все-таки посадить немца из протестантов, поэтому и включен был в состав «Духовного коллегияума» грек. Предлагался и личный состав коллегии во главе с президентом – митрополитом Стефаном и вице-президентами архиепископами Феодосием Новгородским и Феофаном Псковским. Царь наложил резолюцию: «Сих призвав в Сенат, объявить».

14 февраля после молебна в Троицком соборе состоялось открытие новой коллегии. И сразу встал недоуменный вопрос, как совершать молитвенное возгласение нового церковного правительства. Латинское слово «коллегияум» в сочетании со «святейший» звучало несообразно.

Предлагались разные варианты: «собрание», «собор», и наконец остановились на приемлемом для православного уха греческом слове «синод» – Святейший Правительствующий Синод. Наименование «коллегия», предложенное архиепископом Феофаном, отпало и по административным соображениям. Коллегии были подчинены Сенату. Для высшей церковной власти в православном государстве статус коллегии был явно неприличен. А Святейший Правительствующий Синод уже самим названием ставился наравне с Правительствующим Сенатом.

В самый день открытия Синода встал и вопрос о возношении имен Восточных патриархов за богослужением. Решен он был не сразу. Архиепископ Феофан высказался против такого возношения. Ему нужно было, чтобы из народной памяти исчез сам титул патриарха, а аргументы его сводились к соблазнительной софистике: он ссылаясь на то обстоятельство, что в актах любого государя имена союзных ему монархов не фигурируют, будто политический союз подобен единству Тела Христова. Мнение составителя «Регламента» восторжествовало: имена патриархов исчезли из богослужений в русских храмах. Исключение допускалось лишь в тех случаях, когда первоприсутствующий член Синода совершал литургию в домовый синодальной церкви.

Президент Синода митрополит Стефан, не присутствовавший на заседаниях при обсуждении этого вопроса, подал свое мнение письменно: «Мне видится, что в ектениях и возношениях церковных явственно можно обоя вместити. Например, так: о Святейших Православных Патриархах и о Святейшем Правительствующем Синоде. Какой в этом грех? Какой убыток славы и чести Святейшему Российскому Синоду? Кое безумие и непристойность? Паче же Богу приятно и народу весьма угодно было бы».

Но по настоянию преосвященного Феофана мнение это было отвергнуто Синодом как раз из-за того, что оно «народу весьма угодно было бы». Более того, Синод принял составленное Феофаном постановление: «Те вопросы-ответы (т. е. замечания митрополита Стефана) яко неважные и некрепкие, паче же неполезные, но весьма противные и мир церковный терзающие и государственной тишины вредительные... держать в Синоде под опасным хранением, дабы не точию в публику, но и в показание не произошли».

Для придания большего авторитета и каноничности новому церковному правительству было решено обратиться к Константинопольскому патриарху. Проект послания был составлен архиепископом Феофаном, но царь счел его бестактным или, по крайней мере, недостаточно дипломатичным. В нем патриарх уведомлялся о

церковной реформе в России. Петр I сам написал послание Константинопольскому патриарху Иеремии III, в котором просил его, чтобы он, по совещании с другими патриархами, «учреждение духовного Синода за благо признать изволил». При этом текст «Регламента» не был выслан в Константинополь. В 1723 г. Иеремия III прислал свою утвердительную грамоту, в которой извещал о признании Святейшего Синода своим «во Христе братом», имеющим власть «творити и совершати елико четыре Апостольские Святейшие Патриаршие Престолы». Аналогичные грамоты были получены и от других Восточных патриархов. Таким образом, Святейший Правительствующий Синод был признан и на христианском Востоке в качестве постоянного собора, равного по власти патриархам, и потому носящего титул Святейшего.

В отличие от Синода при Восточных патриархах, наш Синод не восполнял патриаршую власть, а заменял ее. Равным образом он заменял и Поместный Собор как высший орган церковной власти. Упразднение первосвятительского престола, равно как и исчезновение более чем на 200 лет Поместных Соборов из жизни Русской Церкви, явилось грубым нарушением 34-го апостольского правила, согласно которому «епископам всякаго народа подобает знати перваго в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго их власть не творити без его разсуждения... Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех». Первенствующий член Синода, первое время со званием президента, ничем не отличаясь по своим правам от других его членов, лишь символически представлял первого епископа, первоиерарха, без разрешения которого в Церкви не должно твориться ничего такого, что превышало бы власть отдельных епископов. Не был Синод, состоявший всего лишь из нескольких архиереев и пресвитеров, и полноценной заменой Поместного Собора.

Еще одним печальным последствием реформы явилось подчинение церковного правительства светской верховной власти. Для членов Синода была составлена присяга: «Исповедую же с клятвою крайнего судию Духовной сей коллегии быти самого всероссийского монарха государя нашего всемилостивейшего». Эта присяга, противная каноническим началам Церкви, просуществовала до 1901 г., почти 200 лет. В «Духовном регламенте» недвусмысленно провозглашалось, что «Коллегиум правительственное под державным монархом есть и от монарха уставлено». Монарх же с помощью соблазнительной игры слов вместо традиционного наименования его «помазанником» именовался в «Регламенте» «Христом Господним».

Святейший Правительствующий Синод, как и Сенат, действовал от

имени государя, получал от него к исполнению высочайшие указы и повеления по всем церковным делам. Все постановления Святейшего Синода вплоть до 1917 г. выходили со штемпелем «По указу Его Императорского Величества». В государственных бумагах церковная власть, но, конечно, не Церковь, как это нередко неверно представляют, с тех пор стала именоваться «Ведомством православного исповедания», наряду с другими ведомствами: военным, финансовым, судебным, внутренних дел.

Синод представлял собой высшую административную и судебную инстанцию Русской Церкви. Ему принадлежало право открытия новых кафедр, избрания иерархов и поставления их на вдовствующие кафедры. Он осуществлял верховное наблюдение за исполнением церковных законов всеми членами Церкви и за духовным просвещением народа. Синоду принадлежало право устанавливать новые праздники и обряды, канонизовать святых угодников. Синод издавал Священное Писание и богослужебные книги, а также подвергал верховной цензуре сочинения богословского, церковно-исторического и канонического содержания. Он имел право ходатайствовать перед высочайшей властью о нуждах Российской Православной Церкви. Как высшая церковная судебная власть, Синод являлся судом первой инстанции по обвинению епископов в антиканонических деяниях; он также представлял собой и апелляционную инстанцию по делам, решавшимся в епархиальных судах. Синоду принадлежало право выносить окончательные решения по большей части бракоразводных дел, а также по делам о снятии сана с духовных лиц и об анафематствовании мирян. Наконец, Синод служил органом канонического общения Русской Церкви с автокефальными Православными Церквями, со Вселенским православием. В домово́й церкви первенствующего члена Синода за богослужением возносились имена Восточных патриархов.

Помимо того, что Синод был центральным органом управления Русской Церкви, он являлся еще епархиальной властью для бывшей Патриаршей области, переименованной в Синодальную. Синод управлял ей через те же приказы, какие существовали и при патриархах, переименованные, однако, в дикастерию (в Москве) и тиунскую контору (в Петербурге). Но после открытия Московской и Петербургской епархий в 1742 г., Синодальная область прекратила свое существование. В непосредственном ведении Синода от бывшей Синодальной области остались с тех пор лишь кремлевский Успенский собор и ставропигиальные монастыри.

При открытии Святейшего Синода в России было 18 епархий и два викариатства. После упразднения патриаршества архиереев надолго перестали жаловать титулами митрополитов. Полномочия епархиальных властей распространялись на все церковные учреждения, за исключением ставропигиальных монастырей и придворного духовенства, поставленного под непосредственное начальство царского духовника. В военное время и армейское духовенство поступало под управление полевого обер-священника (согласно воинскому уставу 1716 г.), а военно-морское – под управление обер-иеромонаха (по морскому уставу 1720 г.).

В 1722 г. было издано «Прибавление к регламенту», в котором содержались правила, относящиеся к белому духовенству и монашеству. Этим «Прибавлением» вводились штаты для причтов: на 100–150 дворов полагался причт из одного священника и 2–3 церковнослужителей, на 200–250 – двойные штаты, на 250–300 – тройные. В 1722 г. указом императора была учреждена должность синодального обер-прокурора. Инструкция обер-прокурора была буквально списана с Инструкции генерал-прокурора при Сенате. Обер-прокурором, по мысли Петра I, должен был назначаться «из офицеров добрый человек». Ему вменялось в обязанность быть «оком государя и стряпчим по делам государственным».

В круг обязанностей обер-прокурора входило: 1) наблюдение за исполнением государственных законов по Духовному ведомству и контроль за своевременным исполнением дел; 2) просмотр протоколов Святейшего Синода, прежде чем они будут приведены в исполнение; 3) осуществление сношений Синода с высшими светскими начальниками; 4) предварительные заключения о всех рассматриваемых в Сенате делах, которые касались церковной недвижимости; 5) управление светскими чиновниками, состоявшими на службе в Духовном ведомстве.

Обер-прокурор имел канцелярию, по штатам равную министерской, однако была она учреждена позже, в 1839 г. Кроме канцелярии обер-прокурора, существовала еще канцелярия Святейшего Синода, но и она была подчинена обер-прокурору. В ней рассматривались и подготавливались дела, которые утверждались Синодом. Первым обер-прокурором был И. В. Болтин, занимавший эту должность с 1722 по 1725 г.

Отодвинутый и почти устраненный от церковного управления президент Синода митрополит Стефан практически не оказывал никакого влияния на ход синодальных дел, где всем распоряжался любимец императора Феофан. В 1722 г. митрополит Стефан скончался. После его смерти должность президента была упразднена. Формально церковную

иерархию возглавил первый вице-президент архиепископ Новгородский Феодосий, но, пока был жив император Петр, самым влиятельным в Синоде оставался архиепископ Феофан.

Учреждением Святейшего Синода открывалась новая эпоха в истории Русской Церкви. В результате реформы Церковь утратила былую независимость от светской власти. Грубым нарушением 34-го правила святых апостолов явилось упразднение первосвятительского сана, замена его «безглавым» Синодом. В петровской реформе коренятся причины многих недугов, омрачавших церковную жизнь двух протекших столетий. Несомненна каноническая дефективность учрежденной при Петре системы управления. Реформа смутила церковную совесть иерархии, клира, народа. Тем не менее она была принята и законопослушным духовенством, и верующим народом, а значит, несмотря на ее каноническую ущербность, в ней не было усмотрено ничего такого, что извращало бы строй церковной жизни настолько, чтобы Русская Церковь выпала из кафолического единства Вселенского православия.

Признанная Восточными патриархами, новая синодальная власть стала законным церковным правительством. И несмотря на то что воля императора часто действительно была навязываема послушному Синоду, эта воля, во-первых, никогда не посягала на чистоту православного вероучения, чего бы Церковь в лице своего Синода не потерпела, а во-вторых, церковный авторитет синодальным актам все-таки придавала подпись членов Синода – иерархов; штемпель же «По указу Его Императорского Величества», подобно подписям византийских императоров под определениями Вселенских Соборов, лишь придавал синодальным указам статус государственных законов.

Синодальный период явился эпохой небывалого внешнего роста Русской Православной Церкви. При Петре I население России составляло около 20 миллионов человек, из них – 15 миллионов православных. В конце синодальной эпохи, по переписи 1915 г., население империи достигло 180 миллионов, а Русская Православная Церковь насчитывала уже 115 миллионов чад. Столь стремительный рост Церкви явился, конечно, плодом самоотверженного подвижничества русских миссионеров, горевших апостольским духом. Но он был также прямым следствием расширения пределов России, следствием роста ее могущества, а ведь ради укрепления и возвышения мощи Отечества и были задуманы Петром его государственные реформы.

В Синодальный период происходит подъем образования в России; уже в 18 столетии духовные школы укрепились и сеть их покрыла всю

страну; а в 19 в. совершился настоящий расцвет отечественного богословия.

Наконец, в эту эпоху на Руси явлен был великий сонм подвижников благочестия, не только уже удостоившихся церковного прославления, но и еще не прославленных. Как одного из самых великих угодников Божиих чтит Церковь преподобного Серафима Саровского. Его подвиги, его духоносная святость – это самое твердое и надежное свидетельство того, что и в синодальную эпоху Русская Церковь не оскудела благодатными дарами Святого Духа.

О церковной реформе Петра высказывались разноречивые суждения. Самая глубокая оценка ее принадлежит митрополиту Московскому Филарету. По его словам, «Духовную коллегия, которую у протестанта перенял Петр... Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод».

3. Миссионерство

Знаменательным явлением церковной жизни петровской эпохи было обращение ко Христу многих тысяч язычников и магометан. Как и в предшествующие столетия, христианское просвещение совершалось в России без насилия и принуждения. Выражая дух исконно русского правосознания – свойственной нашему народу веротерпимости, Петр Великий писал в указе 1702 г.: «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность пещися о спасении души своей». Правительство, однако, не избегало поощрительных мер по отношению к обращенным инородцам. Крещеных крепостных отписывали от их некрещеных помещиков. С 1720 г. всем новообращенным представлялась трехлетняя льгота от податей и рекрутства.

В Казанской епархии, где значительную часть населения составляли магометане и язычники, миссионерство заметно оживилось при митрополите Тихоне (1701–1724). Его деятельными помощниками были ключарь кафедрального собора священник Феодор и Раифский иеромонах Алексей. Среди язычников – мордвы, черемисов (марийцев), чувашей – миссия имела немалый успех, но магометане оказались гораздо упорней. Митрополит Тихон первым в России открыл школу для крещеных инородцев. Когда из-за недостатка средств эту школу пришлось закрыть, святитель продолжал обучать новокрещеных детей в духовном училище при епархиальном доме.

В Нижнем Поволжье слово Божие проповедовалось буддистам-калмыкам. Уже в 1700 г. на реке Терешке выросло целое поселение

крещеных калмыков. Калмыцкий хан Аюка разорил это селение, и тогда правительство стало отсылать крещеных калмыков на жительство в Киев и Чугуев, приписывая их там к казакам. После смерти Аюки святое крещение принял его внук Тайшин, кочевавший со своей ордой близ Астрахани. Восприемником Тайшина был сам царь, и в крещении хана нарекли Петром.

Проповедь Евангелия сибирским инородцам связана с именами двух тобольских святителей: Филофея (Лещинского) и Иоанна (Максимовича).

Митрополит Филофей родился в 1650 г. в Малороссии в дворянской семье. Образование получил в Киево-Могилянской коллегии, потом священствовал, а овдовев, принял постриг в Киево-Печерской лавре. В обители он исполнял должность эконома. Потом его назначили наместником приписанного к лавре Брянского Свенского монастыря. В 1702 г. архимандрита Филофея возвели в сан митрополита Тобольского на место не выехавшего в Сибирь по болезни святителя Димитрия.

Из Тобольска святитель писал Петру I: «Пришед в Сибирские страны, в церквах Божиих обрел великое нестроение... А чинится то за великою простотою (священников) и нищетой». Архиерейский дом стоял в развалинах, церковей не хватало; некоторые поселения находились в сотнях верст от приходского храма. Духовенство было сплошь малограмотное. За время пребывания на кафедре митрополита Филофея в епархии было построено 288 церквей. Для подготовки священников устраивались школы, где обучались дети «духовного звания», и содержались они на средства архиерейского дома. Святитель добился от властей выдачи жалования городским священникам, а сельских священнослужителей, по его ходатайствам, стали наделять землей.

В 1708 г. митрополит Филофей тяжело занемог и принял схиму с именем Феодора в Тюменском Троицком монастыре. Он мечтал вернуться в родную Киевскую лавру и умереть там. Но Бог судил иначе. Когда он неожиданно для себя поправился, губернатор Сибири князь Гагарин предложил ему отправиться миссионером к осяткам и вогулам (хантам и манси). И святитель увидел в этом предложении волю Божию. Он взял с собой гребцов, переводчиков, казаков для охраны и отправился на малом судне вниз по Иртышу и потом по Оби в селения остяков.

Остяки были кочевниками, занимались звероловством и рыбной ловлей. Они поклонялись идолам, обожествляли не только духов, но и вредивших им зверей. Остановившись в остяцких юртах, святитель объяснял язычникам бессилие их идолов, проповедовал им истинного Бога. И многие идолопоклонники, пораженные силой проповеди, сжигали

свои кумирни и принимали крещение. Успеху проповеди содействовали чудеса. Однажды крестили немощную девочку, которую для погружения в реку несли на руках, но, выйдя из воды, она сама пошла домой, и с этих пор даже тяжелая работа была ей по силам. Не один раз отправлялся святитель в миссионерские путешествия по сибирским рекам. Он побывал и в алатымских юртах, и в Пельми, где сам крестил 400 вогулов, и в Березове, и на Конде, и среди чулымских татар. Уже глубоким старцем великий миссионер побывал в далеком Иркутске и за Байкалом, плавал по рекам Ангаре, Тунгуске и Кеше.

В этих путешествиях не раз его жизнь подвергалась опасности. В буренинских юртах в него стрелял остяцкий старшина. Но пуля, пронзив одежду подвижника, не повредила ему. Старшину схватили и привезли в Тобольск, а там митрополит взял его к себе домой, простил и убедил его в истине христианской веры, и язычник принял крещение.

В 1715 г., по кончине святого Иоанна Тобольского, митрополит Филофей снова занял Тобольскую кафедру и оставался на ней до 1720 г. За время своих миссионерских подвигов он крестил около сорока тысяч остяков, вогул, татар и тунгусов (эвенков). С заботой и любовью он опекал новокрещеных, оберегал их от произвола мирских начальников. Священников митрополит обязал не менее трех раз в году объезжать селения новокрещеных. Способных мальчиков из крещеных инородцев он отправлял на обучение в монастыри и в архиерейский дом, где их готовили к священству.

После ухода на покой во второй раз, схимитрополит Филофей-Феодор опять поселился в Тюменском Троицком монастыре. В зимнее время он учил русской грамоте инородческих детей. Преставился он 31 мая 1727 г. в своей обители. Тело его погребли у входа в монастырь.

С 1711 по 1715 г. Тобольскую кафедру занимал святой Иоанн (Максимович). Родился он в 1651 г. в Нежине. У его отца, малороссийского дворянина Максима Васильевича, было семеро сыновей. Образование будущий святитель получил в Киево-Могилянской академии, после окончания которой его оставили преподавателем латинского языка. В 30 лет он принял постриг в лавре и проходил послушание проповедника и эконома. В 1685 г. братией лавры он был отправлен в Москву просить у царя Федора войско для защиты лавры от турок. В Москве патриарх Иоаким поставил Иоанна наместником приписанного к лавре Брянского Свенского монастыря. Через 10 лет архиепископ Черниговский святой Феодосий вызвал к себе свенского наместника и поручил ему управление Черниговским Елецким монастырем – он наметил его в приемники себе по

кафедре.

Святой Иоанн благоговейно чтит своего наставника и архипастыря, а после его кончины верил в силу его молитв пред Богом. Когда после смерти святого Феодосия он тяжело заболел и все уже ожидали его скорой смерти, он позвал на помощь почившего святителя, и тот явился ему и сказал: «Не скорби, брат, Господь услышал молитвы твои, и ты будешь здоров. Вставай с одра и готовься служить Божественную литургию. Это тебе знамение». После видения святой Иоанн сказал, что будет служить литургию. Слова его сочли бредом умирающего, но больной встал с одра и служил; с этих пор в Чернигове началось почитание святителя Феодосия как угодника Божия.

После блаженной кончины святителя Феодосия святой Иоанн был избран его преемником по кафедре, и 10 января 1697 г. в Москве в Успенском соборе патриарх Адриан хиротонисал его во епископа Черниговского. Настоятелем Елецкого монастыря святой Иоанн оставил вместо себя святого Димитрия (впоследствии митрополита Ростовского). Удивительна эта не только духовная, но и биографическая, житийная связь четырех святителей – святых Феодосия, Иоанна, Димитрия и митрополита Филофея. Управляя Черниговской кафедрой, святитель Иоанн основал в Чернигове коллегия, подобную киевской, открыл типографию.

Когда митрополит Филофей по болезни ушел на покой, на Тобольскую кафедру назначили святителя Иоанна. Назначение это состоялось по проискам князя А. Д. Меншикова, который был оскорблен тем, что святитель отказался освящать церковь в его имении в день, назначенный управляющим, сказав, что выбирать день освящения – это дело его, архиерея, а не князя.

Узнав о своем переводе из родного Чернигова в далекий холодный Тобольск, святой сказал: «Да, далеко мне ехать, но он будет еще далее меня». И предсказание это сбылось. Князь Меншиков окончил жизнь в ссылке, в Березове, на тысячу верст севернее Тобольска.

Митрополит Иоанн прибыл на свою новую кафедру в августе 1711 г. Около четырех лет пробыл он в Тобольске. И за это время много сделал для распространения христианства в Сибири: проповедовал язычникам Евангелие, строил церкви, заботился о созданной его предшественником школе при архиерейском доме, выписал для нее ученых монахов из Киева и Чернигова, отдавал этой школе свои личные средства. По словам местного летописца, он был «тих, скромн, благорассудлив, о бедных сострадательн, милостив». Святой Иоанн никогда не оставался праздным: читал, писал, учил, а больше всего молился – на долгие часы запирался в

своей келии для коленопреклоненной молитвы. Втайне творил добро нуждающимся. Деньги беднякам посылал через доверенных лиц, и часто, переодетый, сам осторожно подходил к их окнам, стучал и говорил: «Приимите во имя Иисуса Христа!» – и быстро уходил, стараясь остаться неузнанным. Он посылал деньги в богадельни, посещал тюрьмы, принося заключенным гостинцы.

За несколько дней до своей кончины святитель стал готовиться к ней. 10 июня 1715 г. он в последний раз служил литургию, а после службы устроил в своих покоях обед для городского духовенства и нищих. Нищим сам прислуживал за столом. После трапезы простился со всеми и заперся в келии. Когда на следующий день митрополит не ответил очередному звонарю, постучавшему за благословением ударить в колокола, в архиерейском доме собралось городское духовенство, приехал губернатор, и дверь взломали. Святителя нашли бездыханным, стоявшим на коленях в молитвенном положении.

В этот день митрополит Филофей, миссионерствовавший в Кондинском крае, сказал своим спутникам: «Брат наш Иоанн успе. Прейдем отсюда!» – и поспешно возвратился в Тобольск. Святитель Иоанн был замечательным духовным писателем. Главный его труд «Илиотропион» [подсолнечник – греч.] посвящен тому, как должен человек соотносить свою волю с Божией волей, уподобляясь в этом дневному движению цветка подсолнечника вслед за солнцем. Этот труд написан на латинском языке, как писали тогда большей частью ученые киевские монахи. В 1714 г. святитель издал этот труд в переводе на славяно-русский язык. Перу святого Иоанна принадлежат также «Царский путь Креста», «Нравоучительное зеркало» и другие творения. В Сибири память святителя благоговейно чтилась с первых лет после его преставления.

В начале 18 в. предпринимались меры по христианизации Восточной Сибири и Дальнего Востока. Для этого в 1707 г. была открыта Иркутская кафедра – на правах викарной кафедры Тобольской митрополии. Но еще раньше, в 1705 г., митрополит Филофей послал на Камчатку для проповеди Евангелия туземцам архимандрита Мартиниана. После 13 лет миссионерских трудов отец Мартиниан мученически скончался. Он был убит во время восстания инородцев против пришлых людей, и останки его бросили в реку.

В 1711 г. на Камчатке принял монашество Иван Козыревский, в прошлом разбойник, а потом отважный мореплаватель, присоединивший к русским владениям Курильские острова. В иночестве он носил имя

Игнатия. Отец Игнатий основал первую обитель на Камчатке, близ Ключевской сопки. Там он выстроил приют для калек и престарелых камчадалов, занимался огородничеством сам и обучал этому туземцев. В 1732 г. иеромонаха Игнатия вызвали в Москву и по постановлению Тайной канцелярии лишили сана и монашества, а осиротевшая обитель в том же году была сожжена во время одного из камчатских бунтов.

Своеобразной ветвью миссионерства была миссия среди старообрядцев. С особенным успехом на этом поприще потрудились епископ Нижегородский Питирим. В прошлом он сам был старообрядцем, поэтому очень хорошо знал нравы и привычки, надежды и страхи этой среды. Он ходил по старообрядческим скитам, вступал в беседы с раскольниками, увещевал их, обращался к ним с посланиями. К заблуждавшимся он относился с сердечной теплотой, с мудрым пониманием, с ревностью об их спасении. Труды его увенчались успехом. К концу его жизни (1730) в Нижегородской епархии осталось только две тысячи старообрядцев, а в 1715 г., когда он занял кафедру, их числилось там до сорока тысяч. Епископ Питирим написал «Пращицу» – ответы на недоуменные вопросы старообрядцев о вере. Эти ответы были настолько основательны, убедительны, мудры, что многие из закоренелых старообрядцев, даже из предводителей раскола, прочитав «Пращицу», оставляли раскол и присоединялись к Православной Церкви.

4. Духовное просвещение

Одной из главных забот Петра I было насаждение в России европейского просвещения. Много усилий потратил он на заведение школ, которые были призваны готовить знающих людей для армии и флота, для горного дела и строительства крепостей. Но светские училища и по числу учащихся, и по уровню образования решительно уступали ранее устроенным духовным школам. На государственную службу поступали многие выпускники духовных школ. Поэтому правительство не хотело оставить без внимания и эту ветвь народного образования. Духовная школа подвергалась при Петре основательной перестройке – происходила ее латинизация.

Школа старого, греко-славянского типа доживала последние дни, хотя именно в это время в Новгороде было устроено превосходное греческое училище. В 1706 г. митрополит Иов вызвал к себе братьев иеромонахов Софрония и Иоанникия (Лихудов) и с их помощью открыл при архиерейском доме две школы: низшую – славянскую и высшую – греческую. Планы ученых греков были обширные: они собирались открыть в Новгороде типографию и подготовить новый, исправленный перевод

Библии на славянский язык. Но этим планам не суждено было сбыться. Уже через год иеромонаха Софрония перевели в Москву в греческую школу при типографии, а иеромонах Иоанникий к тому времени был в преклонных годах. В 1716 г. митрополит Иов скончался, через год умер и вернувшийся после кончины своего покровителя в Москву иеромонах Иоанникий. Созданная ими школа просуществовала еще десять лет.

В Москве греческое образование сохранялось лишь в типографской школе иеромонаха Софрония (Лихуда), пока ее не соединили с академией. Сама же Спасская академия уже в 1700 г. была преобразована по киевскому образцу.

Архиереи из киевских ученых монахов открывали латинские училища и в провинции. В 1700 г. святым Иоанном (Максимовичем) была открыта школа в Чернигове, в 1702 г. святителем Димитрием – в Ростове, в 1703 г. митрополитом Филофеем – в Тобольске. Но священнослужители-великороссы часто не хотели отдавать в эти училища своих чад. Чтобы содействовать делу духовного образования, Петр I издал указ, по которому дети духовенства, не обучавшиеся в школах, не допускались к церковным должностям. Без аттестатов «поповичей» запрещено было принимать и в «чины гражданской службы», кроме «солдатского чина». Пока число регулярных духовных училищ было невелико, в качестве временной меры при архиерейских домах и больших монастырях велено было устраивать начальные «цифирные» школы, куда принимались дети из всех сословий, а все дети духовных лиц обязаны были проходить эти школы под угрозой принудительной солдатчины.

«Духовный регламент» провозгласил обязательность обучения для детей священнослужителей и причетников. Необученные недоросли подлежали исключению из духовного сословия. «Регламент» поучал: «Когда нет света учения, нельзя быть доброму Церкви поведению, и нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам, и пребезумным ересям». Согласно «Регламенту», духовные училища содержались на средства архиерейских домов и сборов с монастырских земель.

В латинские училища принимались уже грамотные мальчики, получившие начальное образование у себя дома или в цифирных школах. Курс обучения разделялся на 8 классов, с преподаванием в 1-м классе латинской грамматики, географии и истории, во 2-м – арифметики и геометрии, в 3-м – логики с диалектикой, в 4-м – риторики и пиитики, в 5-м – физики и метафизики, в 6-м – политики, в 7-м и 8-м – богословия. Языки – латинский, греческий, еврейский, церковно-славянский – должны

были изучаться во всех классах. А на деле преподавался один только латинский язык, который и стал языком обучения. В новооткрытых школах ученики отвыкали от славянского языка, даже Священное Писание они изучали по Вульгате.

Для воспитанников вводились строгие правила жизни. Общежития при училищах назывались «семинариями», впоследствии этим словом стали называть и сами духовные школы. Свидания с родными дозволялись семинаристам крайне редко. Школа была закрытой, подобно военным «корпусам». «Таковое молодых человек житие, – сказано в «Регламенте», – кажется быть стужительное и заключению пленническому подобное: но кто обвыкнет так жити, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет». Ректор, префект, надзиратели и учителя обязаны были жить при семинарии вместе с воспитанниками.

Во исполнение проекта, изложенного в «Регламенте», духовные училища семинарского типа стали открываться в разных городах России. В Петербурге в 1721 г. открыты были сразу две школы: одна – в Александро-Невском монастыре архиепископом Феодосием, другая – на Карповке архиепископом Феофаном. В том же году открылась семинария в Нижнем Новгороде, в 1722 г. – в Харькове и Твери, в 1723 г. – в Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, в 1724 г. – в Рязани и Вологде, в 1725 г. – в Пскове.

Но дети духовенства по-прежнему неохотно шли в семинарии. В школах не хватало учителей, не хватало книг, из-за недостатка средств жизнь семинаристов оказалась на самом деле крайне «стужительной» и часто полуголодной. И все же главной причиной недоверия к латинским семинариям и страха перед ними была их оторванность от церковной жизни. Великорусское духовенство смотрело на латинскую школу как на чуждую «латино-польскую колонию» в родной земле. Многих смущало и то обстоятельство, что почти все учителя были «черкасами» – выходцами из Малороссии и Польши. К тому же эти учителя порой смотрели на своих питомцев высокомерно, смеялись над ними и презирали их.

Детей часто свозили в школы под стражей, чтобы они не разбежались по дороге. Некоторые убегали; беглецов укрывали родители, которым новые школы казались хуже острога. Иные из догадливых «дезертиров науки» прикидывались юродивыми. В предвидении этих уловок «Регламент» требовал, чтобы неспособных учеников испытывали в семинарии целый год, «не притворяют ли они себе тупости», как другие «притворяют себе телесную немощь от солдатства», и только по годичном испытании исключались те, кто окажутся «детинами непобедимой злобы». Но несмотря на все полицейские строгости, несмотря на то, что беглецов

ловили и возвращали в семинарию в кандалах, в списках учащихся против многих фамилий значилось «semper fugitiosus» (постоянно в бегах). Лишь немногие из воспитанников дотягивали до последних богословских классов. Большинство же уходило либо на приходы, либо на светскую службу, не пройдя и половины семинарского курса. И часто выпускники духовных школ, ученые «латынники», оказывались хуже подготовленными к пастырскому служению, чем «псалтирники», обученные грамоте по старинному: при родном храме по церковным книгам.

В петровскую эпоху в руках ученых киевских монахов оказалась не только духовная школа, но и богословская наука. Одним из самых замечательных сочинений этой эпохи явился «Камень веры» митрополита Стефана (Яворского), направленный против протестантских доктрин и косвенным образом против замыслов, увлеченных протестантскими идеями реформаторов Русской Церкви. В полемике с враждебной православия реформацией митрополит Стефан часто повторяет аргументы католических богословов. Как и все почти выученники Киевской школы, в своих догматических воззрениях он близок к Фоме Аквинскому и Беллармину.

Но ввиду нависшей тогда над Русской Церковью опасности протестантской реформы, «Камень веры» высоко ценили и те, кто совершенно чужд был латинского, «папезского» направления. Иван Посошков, природный великоросс и даже ревнитель петровских реформ государственного устройства, но встревоженный «люторским безумным мудрованием», писал: «Ради утверждения в вере и ради охранения от люторския и кальвинския и от прочих иконоборцев напечатать книг колико надлежит «Камень веры» и книг по пяти-шести в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающие пресвитерства затвердили его на память». По словам протоиерея Георгия Флоровского, «Стефан, богословствуя от Беллармина, тем самым в действительности оберегал Русскую Церковь от вводимой в нее реформации».

Оппонентом митрополита Стефана был архиепископ Феофан (Прокопович). Современники не без основания подозревали его в протестантском уклоне. В его академических лекциях Писанию отдается решительное предпочтение перед Священным Преданием. В богословской системе Феофана нет места мистическому учению о Церкви. Лютеранское влияние сказывается и в его истолковании учения о спасении. В трактате «Об иге неудобноносимом» (1712) он проводит мысль об оправдании верою без дел закона, «не имеющих совершительной силы». Оправдание— это действие благодати Божией, которым кающийся и уверовавший грешник

объявляется правым; и ему не вменяются уже его грехи, а вменяются правда и верность Христова.

Столь откровенное повторение учения Лютера вызвало тревогу у ревнителей православия. Полемизируя с Феофаном, архиепископ Феофилакт (Лопатинский) написал сочинение «Об иге Господнем благом».

Так в богословской мысли России начала 18 в. сложилось два направления. Несмотря на то что в церковно-административной области архиепископ Феофан сумел захватить ключевые позиции, в богословской науке и в духовной школе на первых порах возобладало направление митрополита Стефана. Лекции, прочитанные Феофаном в Киевской академии, были изданы лишь при Екатерине II.

Самым великим творением русской духовной литературы петровской эпохи явились «Четьи Минеи» святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Святитель Димитрий, в миру Даниил Саввич Туптало, родился в 1651 г. в местечке Макарове под Киевом в семье благочестивого сотника. Образование получил в Киево-Могилянской академии. Учителем и наставником Даниила был выдающийся проповедник и полемист архимандрит Иоанникий (Галятковский). В 12 лет юноша принял постриг с именем Димитрия. Своей кротостью, смирением, молитвенностью он изумлял собратий. В 1675 г. архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович) вызвал юного подвижника из Киевского Кириллова монастыря в Чернигов, рукоположил в иеромонаха и назначил проповедником. Святой Димитрий проповедовал в монастырских и приходских храмах Малороссии, Белороссии, Литвы.

В 1684 г. киево-печерский архимандрит Варлаам (Ясинский), зная о высокой духовности Димитрия, о его образованности и несравненном даре слова, вызвал его к себе и предложил составить жития святых на весь год. Совершая этот труд ради послушания, ученый монах собрал многочисленные книги, из Москвы ему доставили «Великие Четьи Минеи» святителя Макария. Святой Димитрий использовал также южно-русские и южно-славянские жития святых, прологи, труды греческих агиографов, но главным образом издания Болландистов – Acta Sanctorum, а также «Церковную историю» кардинала Барония. Труд над составлением новых Четых Минеи требовал вышечеловеческого напряжения сил, без Божией помощи совершить его было немислимо. По словам автора, душа его при писании Минеи наполнилась образами святых, которые укрепляли его дух и тело и вселяли в него веру в успех предприятия.

В 1689 г. в киево-печерской типографии вышел первый из четырех

томов «Четьих Минеи»: за сентябрь, октябрь и ноябрь. В 1693 г. закончена была вторая четверть, в 1700 г. отпечатана третья; и лишь к концу своей жизни, в 1705 г., святитель завершил свое великое творение. «Четы Минеи» святителя Димитрия стали самой читаемой книгой в России. Едва ли какая еще книга, кроме Евангелия, оказала столь глубокое и благотворное воздействие на духовную жизнь русского народа, на формирование его религиозных и нравственных идеалов, его представлений о том, чего искать в жизни и как жить. Жития святых изложены в Минеях изумительным языком – ярким, живым, одухотворенным. Это творение написано на века. Современники называли книгу святителя Димитрия боговдохновенной.

Работая над Четьими Минеями, святой подвижник одновременно настоятельствовавал в монастырях Западной Руси. В 1701 г. Петр I вызвал архимандрита Димитрия в Москву. В Успенском соборе Кремля состоялась его хиротония в митрополита Тобольского, но из-за телесных немощей святитель не смог выехать в Сибирь и вскоре получил новое назначение – на древнюю Ростовскую кафедру.

В Ростове святитель создал духовную школу, в которой учились дети всех сословий. Обучение в школе строилось по латинскому, киевскому образцу. Но в отношениях между воспитанниками и учителями не было бездушного формализма и казенщины; они согревались взаимной заботой, доброжелательством, христианской любовью. Ученики много гуляли, катались в лодках по озеру Неро; по праздникам произносили «предики», ставили на сцене пьесы на темы библейской и христианской истории, которые писал для них сам святитель. Святой Димитрий часто посещал классы, в долгие зимние вечера толковал особенно даровитым воспитанникам Ветхий Завет, а летом – Новый. Он исповедовал и причащал учеников, дарил им деньги, угощал их в архиерейском доме и у себя на даче за городом. Для развлечения семинаристов заведена была по образцу латинских коллегий игра: лучший ученик именовался «императором» и его с церемониями усаживали на особое место. Рядом с «императором» сидел второй ученик – «сенатор». Вся обстановка в семинарии, скорее семейная, чем официальная, скрашивала жизнь оторванных от родного дома школяров.

Много сил потратил святитель на противодействие распространенному в Ростовской епархии расколу. Против старообрядчества направлено его обширное полемическое сочинение «Розыск о брынской вере», в котором вскрывается главный корень раскола – недостаток любви. В Ростове святой Димитрий трудился над еще одним

сочинением, которое скромно названо им «Келейным летописцем». «Летописец» представляет собой комментированную библейскую историю, доведенную до борьбы Иакова с Ангелом.

Еще в юности святитель прославился как проповедник. В Ростове его проповеднический дар раскрылся с особой силой. Проповедовал он почти за каждой службой. Его проповеди носили характер отеческой беседы с родными и дорогими ему чадами. Задушевный тон, жизненность тематики, простота и естественность слога сочетались в этих проповедях с яркой образностью, и все пропитано было глубоким и строго евангельским духом. Проповеди святителя не лишены обличительного пафоса. В одной из них он смело говорит о царящей в мире социальной неправде и для обличения ее находит сильные слова: «Егда богатый яст, убогих труды яст. А егда пьет, кровь людскую пьет, слезами людскими упивается». Не страшился святитель и давать уроки самодержцу: «Смертен ты быти памятствуи, о царю, а не в веки живуща. Днесь всем страшен, а утро мертва ты кто убоится? Днесь неприступен еси, а утро лежащ во гробе ногами всех попираем будешь».

Скорбя о мирских неправдах, святой Димитрий писал своему другу митрополиту Стефану: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо и возбуждают гнев и отмщение Божие».

Хрупкий телосложением, болезненный от юности, святитель тяжело переносил непривычный ему суровый северный климат. Предвидя скорую смерть, он умножил молитвенные и аскетические подвиги: часами лежал неподвижно, распростерши руки крестом, а в загородном уединении для изнурения плоти на длительное время обнажал тело для укусов комаров и мошек. Подлинно евангельским смирением дышит составленное им завещание: «От юности и до приближения моего ко гробу не стяжевал имения, кроме книг святых. Не собирал во архиерействе сый келейных приходов, яже не многи бяху. Но ово на мои потребности та иждивах, ово же на нужды нуждных... Если никто не восхоцет меня тако нища обычному предати погребению, то пусть бросят в убогий дом. Если же по обычаю будут погребать, пусть схоронят в углу церкви святого Иакова в монастыре, идеж место назнаменованых... Изволяй же безденежно помянути грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковый сам да помяновен будет во Царствии Небесном...».

За несколько часов до смерти святитель писал своему другу монаху: «До чего не примусь, все из рук падает. Дни мои стали темны. Очи мало видят». Вечером накануне кончины святитель позвал к себе певчих. Сидя у горячей печки, он слушал пение составленной им кантаты «Иисусе мой

Прелюбезный, надежду мою в Боге полагаю». Потом, отпустив всех, оставил при себе любимого певчего, переписчика своих сочинений. Ему он стал рассказывать о своем детстве и юности, о родной Украине, о Печерской лавре, о всей своей многотрудной жизни. Благословив мальчика на прощание, святитель поклонился ему до земли и поблагодарил за помощь в переписывании. Мальчик ушел, обливаясь слезами. Наутро святого Димитрия нашли в келии бездыханным. Он почил стоя на коленях в молитве 28 октября 1709 г. По завещанию, в гроб вместо стружек положили черновики рукописей покойного. Около месяца останки святого не предавали земле в ожидании митрополита Стефана. Друзья дали друг другу слово, что тот из них, кто переживет другого, погребет умершего первым.

5. Монастыри и монашество

Со времени Крещения Руси очагами духовной жизни русского народа стали монастыри. Православный народ верит, что молитвами спасающихся в них подвижников стоит Русская земля. Петр I, с его узкоутилитарным отношением к Церкви, с его жадным стремлением из всего извлекать государственную пользу, эту главную для России «пользу» монастырей просмотрел. Он настойчиво требовал от монастырей иных, более зримых «польз» и «прибылей» и этими своими требованиями расстраивал монастырскую жизнь. Современных ему монахов царь считал людьми «чуждые труды посядающими»; он стремился оттеснить монашество на задворки национальной жизни, сократить число обителей и их насельников.

Еще при предшественниках Петра предпринимались меры по изъятию в государственную казну части монастырских имений. Петр продолжил эту политику, но проводил ее более жестко и круто. Чтобы удобно было извлекать доходы из «туне гибельных», как он говорил, монастырских вотчин в казну, в 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ. «Сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать Монастырским приказом» велено было боярину Мусину-Пушкину. Этот приказ и ведал всеми патриаршими, архиерейскими, монастырскими и иными церковными вотчинами. Лишь малая часть доходов от церковных земель шла на содержание архиерейских домов, монастырей и приходов. Все остальное поступало в казну. Монастырский приказ назначал настоятелей, влиял на поставление архиереев, распоряжался патриаршей типографией, тем самым существенно ограничивая духовную власть местоблюстителя патриаршего престола.

Один за другим стали выходить указы, которыми предписывалось без

промедления составить опись монастырских владений и точно определить число монашествующих. В каждом монастыре дозволялось оставить столько монахов, сколько требовалось для совершения богослужения и управления имениями. Так впервые на Руси начали вводиться монастырские штаты. Насельников, не принявших пострига, выдворяли из обителей. Постриг новых монахов разрешался лишь на убылые места и не иначе как после трехлетнего искуса. В 1721 г. монастырям было запрещено вести летописание.

В 1722 г. было издано составленное архиепископом Феофаном и одобренное царем «Прибавление к Духовному регламенту», в котором запрещалось постригать мужчин, не достигших 30 лет, а для пострига женщин определен был возраст от 50 до 60 лет. Исключения допускались лишь с разрешения Святейшего Синода. Военнослужащим и чиновникам поступление в монастыри запрещалось вовсе. Не разрешалось принимать в обители и лиц, имевших несовершеннолетних детей или обремененных долгами. Крепостные могли поступать в монастыри только с разрешения своих помещиков. Неграмотные принимались в монастыри с ведома царя или Синода. «Прибавлением» возбуждалось основание новых обителей без дозволения Синода, а строительство скитов запрещалось окончательно. Маленькие пустыни подлежали либо упразднению, либо соединению с другими монастырями. Многие монастыри закрывались тогда и от недостатка средств. В 1723 г. вышел указ: все убылые места в монастырях замещать исключительно отставными военными, но из-за нелепости своей этот указ вскоре был отменен.

Мысли Петра о монашестве с особенной характерностью выражены в составленном им вместе с Феофаном «Объявлении, когда и какой ради вины начался чин монашеский и каковой образ жития монахов древних и како нынешних исправить, хотя по некоему древним подобию надлежит». Как и «Духовный регламент», этот документ, изданный в 1724 г., полон самых хлестких и развязных обвинений, передержек и прямой клеветы.

На монастыри «Объявлением» возлагалась повинность общественного благотворительства: «еже служити прямым нищим, престарелым и младенцам». При монастырях велено было открывать богадельни, лазареты, приюты для душевнобольных преступников, для искалеченных солдат, воспитательные дома для подкидышей.

Когда по обителям разослали инвалидов, часто вместе с их семьями, селившимися в монастырских слободах, в монастырях открылись свары, бесчинства, драки. Больных, увечных, сумасшедших часто нечем было кормить. Чтобы разместить их, многих монахов бесцеремонно изгоняли из

обителей. Монастырские вотчины поэтому оставались без надзора, так что Монастырский приказ скоро вынужден был из хозяйственных соображений вернуть изгнанных монахов обратно в монастыри.

Петр не оставил вниманием и внутренний строй монастырской жизни. «Прибавление» требовало во всех обителях вводить общежительный устав. Инокам запрещалось составлять завещания: все, что оставалось от почившего насельника монастыря, переходило во владение монастыря или Синода. Строго-настрога запрещен был переход из одной обители в другую. Настоятелям вменялось в неукоснительную обязанность вести учет братии. Беглых иноков по задержании заковывали в кандалы. Родственников и знакомых насельников не дозволялось впускать в келии. Сами монахи могли посещать своих родных только четыре раза в год; а монахини не имели и этой возможности – только в случае тяжелой болезни или смерти родных они могли выходить из обители, и непременно в сопровождении пожилых монахинь.

Чтобы лишить монахов возможности составлять подметные письма, жалобы и челобитные, им воспрещалось держать в келиях писчую бумагу, чернила и перья. В случае нужды они могли писать в покоях настоятеля под его присмотром. Настоятелей обязывали давать присягу не держать в монастырях «затворников и ханжей» и не «расплотать суеверий».

Но статус ученых монахов, закончивших семинарский или академический курс, – по большей части это были выходцы из Киевской академии – был иным. Ученым монахам полагалась иная, лучшая, чем простым братьям, еда и одежда. С немалой щедростью им выдавалось денежное содержание. Рассадником ученого монашества в Великороссии должен был, по замыслу Петра, стать основанный в 1712 г. в Петербурге Александро-Невский монастырь. Ученые монахи при Петре становились кандидатами на замещение высших церковных должностей, в том числе и архиерейских кафедр.

Но монахи, не учившиеся в латинских семинариях, были поставлены в крайне суровые условия, они подвергались жестким стеснениям, почти гонениям. Однако и в эту эпоху, охваченную горячкой преобразований, в эпоху бесцеремонного натиска на традиционные устои церковной жизни и развала монастырей, русские обители не оскудели иноками высокого молитвенного духа. Одни из них остались сокрытыми от мира, подвиги других были явлены людям и сохранились в церковной памяти.

В суровое петровское время подвизались первоначальник Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн и основатель Белобережского монастыря схимонах Симеон. А на далеком севере, в древней Соловецкой обители,

спасался муж святой жизни преподобный Иов. Он родился в 1635 г. и в миру носил имя Иоанн. Многие годы служил приходским священником в Москве. Молитвенностью, редким даром духовного рассуждения отец Иоанн привлекал в свой храм многих богомольцев. За советом и поучением к нему приходили люди со всей Москвы. Молва о его подвижнической жизни дошла до Петра, и царь определил его священником в одну из придворных церквей и вскоре назначил своим духовником.

Свое новое высокое и влиятельное положение отец Иоанн употребил на то, чтобы заступаться за нищих и сирот, за обиженных и неправедно осужденных. Особенно любил он посещать тюрьмы и богадельни. Содержавшихся в них узников и убогих утешал не только беседами, но и щедрой милостыней. Духовничество в царской семье не мешало ревностному пастырю принимать еще больше людей, чем он это делал прежде. В беседах с посетителями он проводил дни и ночи, а прощался со всеми со скорбью, в которой потом угадали предчувствие близкой беды.

Бедой разразилась над ним в 1701 г. Духовник царя был оговорен Григорием Талицким, осужденным за составление сочинений, в которых Петр именовался антихристом. Несмотря на очевидную невинность своего духовника, царь распорядился отослать его «с Москвы на Холмогоры для пострижения и неисходного пребывания в Соловецком монастыре».

Архиепископ Холмогорский Афанасий принял узника ласково и любовно, дал ему несколько дней отдохнуть в архиерейском доме, а потом отправил его на Соловецкий остров. Соловецкий архимандрит Фирс постриг отца Иоанна и нарек его Иовом. Ему назначили послушание в братской поварне. 70-летний старец рубил дрова, носил их на плечах по крутым лестницам и целые ночи проводил в молитве. Братию он изумлял смирением и покорностью всем, строгостью своего постничества: он не вкушал ничего, кроме воды и хлеба. За это его прозвали Иовом Постником. Узнав о его великих подвигах, настоятель снял с него все послушания и предоставил ему отдельную келию, где бы он мог заниматься рукоделием, читать Священное Писание и творить Иисусову молитву. До Петра I дошел слух о святой жизни его бывшего духовника. К тому времени Петр узнал о непричастности старца Иова к делу Талицкого и стал звать его обратно к себе. Но старец не захотел возвращаться в мир: ему предстоял новый подвиг – скитское житие.

Он переселился в скит на Анзерском острове, основанный преподобным Елеазаром. Братские келии стояли в этом скиту на версту

одна от другой. Отшельники собирались вместе по субботним дням в храме, а в воскресенье после литургии опять расходились по своим уединенным келиям. Старец Иов считал себя последним послушником в скиту, однако братия избрали его своим настоятелем. Но и в настоятельстве он целыми днями трудился, а ночами молился стоя на коленях. Подражая преподобным Феодосию Киево-Печерскому и Сергию Радонежскому, он обходил келии иноков, чтобы стуком напомнить о молитве тем, кто сходил для разговоров. Заботясь о больных скитниках, он перевязывал их раны, мазал освященным маслом и тем исцелял их. На службу старец всегда приходил первым, а в уме и сердце непрестанно держал Иисусову молитву.

В 1710 г. старец Иов принял великую схиму с именем Иисуса в память о пророке Иисусе Навине. Однажды иеросхимонах Иисус остался на ночь у подножия горы с остроконечной вершиной. В тонком сне подвижнику явилась Пресвятая Богородица с преподобным Елеазаром, который на этом месте начинал свои подвиги. Богородица сказала старцу: «Сия гора отныне нарицается второю Голгофою. На ней будет церковь во имя Распятия Сына Моего и Бога, устроится скит и наречется Распятским». Это видение отец Иисус поведал своему духовному брату Паисию, который описал его, вырезав письмена на деревянном кресте.

Иеросхимонах Иисус испросил у Холмогорского архиерея благословение построить скит с церковью на Голгофской горе. В скиту собралось около 20 насельников. Настоятель скита по-прежнему сам рубил дрова, сам носил воду на высокую гору, сам готовил тесто в пекарне. Своими подвигами старец стяжал благодатные дары. Одного из скитских отшельников волновали плотские страсти, и он просил помощи у настоятеля. Старец в ответ на эту просьбу прикоснулся к телу его жезлом, и страсти навсегда погасли в иноке. Господь открыл угоднику время его кончины. Простившись с братиями, великий праведник тихо отошел в иной мир. Это произошло 6 марта 1720 г. В минуту его преставления келию озарил необыкновенный свет. Тело подвижника погребли в храме на вершине Голгофы.

6. Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь

В петровскую эпоху начинается роковой для судеб государства религиозно-нравственный раскол между высшим слоем общества и простым народом, который традиционно хранил верность заветам своих предков. Народный быт и народная набожность, религиозно-нравственные идеалы народа остались почти не затронутыми петровской ломкой России, но стиль жизни, нравы и взгляды дворянской верхушки, поступившей, по

воле царя, в ученичество к иностранцам, стремительно менялись.

«Немецкий» костюм, «ассамблеи», браздобритие и курение табака явились только внешним выражением глубокого и опасного духовного сдвига. «Перемена обычаев» влекла за собой катастрофическое падение нравов, презрение к родной старине, к народному благочестию, которое стало восприниматься при «просвещенном» дворе как проявление невежества и дикости, а за всем этим следовала если и не прямая измена вере отцов, то равнодушие к ней.

В России впервые появились тогда вольнодумцы. В своих забавах вельможные «афеисты» порой не останавливались и перед кощунственными выходками. Князь Хованский в одном из поместий устроил пир, сам напился до бесчувствия, а гости ради потехи обрядили его как мертвеца, уложили в гроб, отнесли в церковь и совершили над мертвецки пьяным князем богохульное «отпевание». Наутро причетники обнаружили в храме пред алтарем гроб, в котором лежал непроставшийся после пьянки живой человек. Мало того, после грязной пирушки бражники дерзнули осквернить церковные сосуды. Бесследно для них это не прошло. Суд приговорил кощунников к смертной казни, но царь смягчил приговор, заменив казнь жестоким телесным наказанием, которое и было совершено в его присутствии.

Но столь строго власть поступала лишь в случаях возмутительных скандальных кощунств. Несоблюдение постов, небрежное посещение храма и даже совершенное пренебрежение к богослужению и церковным обрядам многим обходились вполне безнаказанно, несмотря на то что время от времени издавались суровые указы, требовавшие от православных неопустительно ходить в храмы в воскресные и праздничные дни, под угрозой записи в двойной оклад наравне с раскольниками.

Характерен для петровской эпохи составленный в грубой полицейской форме указ, требовавший от молившихся вести себя в храме чинно, за богослужением не разговаривать, не ходить по храму, не прикладываться к иконам и мощам, не подавать просьб властям; за нарушение благочиния устанавливался штраф, который велено было взимать прямо в храмах, для чего на видных местах в церквях помещались штрафные ящики.

Главный упор в петровских указах по Ведомству православного исповедания делался на борьбу с невежеством и суевериями. Петр считал, что «народ не знает ни веры, ни любви, а о надежде и не слыхивал, и всю надежду полагает на пение, пост, поклоны, свечи и ладан». По выражению «Духовного регламента», простой народ не в состоянии «рассуждать

между десным и шуиим». Большой отдел «Регламента» посвящен распоряжениям о повышении уровня церковного проповедничества и об издании для народа катехизических книг. По указу Святейшего Синода 1722 г., во всех храмах велено было вместо уставных поучений читать сочинение архиепископа Феофана под названием «Букварь, или Первое учение отроков», в котором обличались ханжество, суеверия и особое прилежание народа к соблюдению «церковной внешности» без понимания внутреннего смысла обрядов.

В ту пору одно за другим издавались распоряжения с петровско-феофановской «просветительской» направленностью, вроде указов о «всугежомых» церковных свечах или о «неупотреблении Святых Таин за лекарство аптекарское». Выходили и такие распоряжения, которые грубо оскорбляли народное благочестие: указы против сооружения часовен, против обычая носить иконы по домам, против богатых риз, дорогих колоколов, драгоценных сосудов. Большой соблазн в народе вызывала настоящая одержимость царя разоблачением народных суеверий, под которыми порой подразумевались старинные благочестивые обряды. За разглашение ложных слухов о чудесах, видениях и пророчествах он назначил тяжкую кару – вырезание ноздрей и ссылку на галеры. Хуже того, духовникам велено было доносить властям, если кто на исповеди сознается в разглашении ложных слухов о чудесах. И светские, и духовные власти обязаны были преследовать народных «пророков», юродивых, кликуш. Кликуш и бесноватых приказано было пытаться, пока не сознаются в притворстве. Колдунов подвергали смертной казни. «Просветительское направление» в указах Петра сочеталось с самым дремучим варварством.

«Просветительским» духом и неуважением к религиозным чувствам народа проникнуты и указы о богослужении. «Духовный регламент» возлагал на Синод обязанность рассмотреть службы, молебны, акафисты; «непристойные» запретить и принять меры, чтобы «пристойные» службы не вводились без нужды. Жития святых велено было пересмотреть на тот предмет, нет ли среди них ложных историй. Исправления проводились неразборчиво, бесцеремонно, на скорую руку. Из богослужебных чинопоследований при Петре были пересмотрены «Чин присоединения раскольников» (1720) и «Чин избрания и рукоположения архиерейского» (1725).

Вся обстановка петровской эпохи не благоприятствовала прославлению новых угодников Божиих. Синоду прямо предписывались в этом деле крайняя осторожность и недоверие; подозрение в ложности разглашаемых чудес равнялось подозрению в совершении тяжкого

уголовного преступления. При Петре не состоялось ни одной канонизации святого. Новый праздник, установленный 30 августа 1724 г., был связан не с канонизацией новоявленного святого, а с перенесением мощей издавна чтимого угодника святого благоверного князя Александра Невского из Владимира в Петербург. Церковным торжеством стало и празднование годовщины победы русского оружия в Полтавской битве. Архимандритом Феофилактом (Лопатинским) была написана служба на день памяти этого события, отмечаемого 9 июня.

7. Церковное искусство

Правительство не оставило без внимания и такую важную принадлежность богослужения, как святые иконы. Для надзора над иконописью в 1707 г. Петр учредил в Москве «полату изуграфств» и во главе ее поставил знаменитого зодчего Ивана Зарудного. В петровскую эпоху влияние европейской живописи на русское иконописание стало чрезвычайно интенсивным. Художникам-иностранцам поручали расписывать храмы в столицах, у них вынуждены были учиться и перенимать их опыт и их приемы русские мастера иконных дел. Заимствование чужого стиля влекло за собой разрыв византийско-русской иконописной традиции, но в провинции еще сохранялись местные школы иконного письма.

Подобно иконописи, церковное зодчество тоже переживало сложный процесс разрыва традиции, который отражал общую метаморфозу всей русской культуры. Уже в конце 17 в. в русском храмостроительстве, особенно в декоре церквей, широко применялись западноевропейские архитектурные формы.

Прекрасным художественным символом петровской эпохи явилась церковь Знамения Богородицы, воздвигнутая в Дубровицах под Москвой. Храм заложен в 1690 г., а освящение его состоялось в 1704 г. Имя зодчего точно не известно, хотя некоторые источники называют архитектора Тессинга. Основание храма представляет в плане крест с закругленными концами. Над основанием высится устремленный вверх восьмигранный столп, увенчанный короной с крестом. Храм снизу доверху покрыт тонкой белокаменной резьбой, с мотивами растительного орнамента. Эта великолепная резьба выполнена в традициях русского декоративного искусства, но в убранстве храма, как и в его архитектуре, есть черты западного барокко.

Западные влияния больше всего проявились в скульптурном оформлении церкви. Перед входом в храм поставлены статуи вселенских учителей святых Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Над сводом

западного выступа помещено скульптурное изображение святителя Василия Великого, снаружи, в углах цокольной части, – фигуры четырех евангелистов. В интерьере стены покрыты рельефными изображениями: Несение Креста, Распятие, Положение во гроб, Воскресение Христово.

Еще один шедевр храмостроительства петровской эпохи – церковь Архангела Гавриила в Москве, сооруженная в 1704–1707 гг. и названная в народе «Меншиковой башней». В начале храм был увенчан невиданным в России шпилем, который вскоре сгорел. Согласно народному преданию, этот шпиль своим происхождением обязан горделивому замыслу заказчика выстроить храм выше кремлевской колокольни Ивана Великого.

Церковь Архангела Гавриила построил великий зодчий Иван Зарудный. Ее план выдержан в старой национальной традиции, но башнеобразное построение объема выполнено в стиле европейского маньеризма. Поставленные друг на друга восьмигранники мало похожи на традиционные русские восьмерики. Ордерные элементы убранства храма характерны для западной архитектуры эпохи, начавшейся с ренессанса. Несмотря на свою необычную высоту, храм выглядит легким, изящным. Великолепны белокаменные резные рельефы декоративной отделки храма, выполненной по рисункам Зарудного.

Архитектурные особенности церкви Архангела Гавриила оказали влияние на постройку еще одного замечательного сооружения, воздвигнутого в Петербурге и ставшего символом новой столицы, – собора Святых Апостолов Петра и Павла. В 1703 г. на территории Санкт-Петербургской крепости заложен был деревянный храм во имя Первоверховных Апостолов. В 1712 г. на месте деревянной церкви началось воздвижение каменного собора по проекту Доменико Трезини. Строительство храма продолжалось 21 год. Собор строг и прост в своей архитектуре, что вполне соответствовало вкусам заказчика – Петра Великого. Над прямоугольным в плане храмом возвышается невысокий купол и стройная колокольня с устремленным ввысь золоченым шпилем, господствующим над Петербургом. Шпиль венчает флюгер в виде Ангела с крестом. Петропавловский шпиль возвышается над землей на высоте 122-х метров. Внутреннее убранство храма выполнено московскими мастерами по рисункам Ивана Зарудного. Со времен Петра I Петропавловский собор служил усыпальницей русских государей и лиц императорской фамилии.

Глава 2. Русская православная церковь в 18 в.

1. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1725–1741 гг.

После смерти Петра I на императорский престол вступила его вдова Екатерина I (1725–1727), мало подготовленная к управлению великой державой. По инициативе светлейшего князя А. Д. Меншикова указом Правительствующего Сената в 1726 г. был учрежден Верховный тайный совет, в руках которого и сосредоточивалась вся полнота правительственной власти. В результате этой административной реформы Синод оказался зависимым не прямо от миропомазанного монарха, как это было установлено при Петре, а от коллегии, лишенной всякой сакральности, к тому же не вполне православной по вероисповеданию своих членов, ибо в Тайный совет наряду с русскими вельможами входил лютеранин барон Остерман. Пониженный на лестнице высших государственных учреждений, Синод изменил и свое наименование – вместо Правительствующего стал называться Духовным.

Императорским манифестом 1726 г. Синод был разделен на два апартамента. Первому апартаменту повелевалось «состоять в 6 персонах архиереев». Все они были равны между собой: отменялись прежние звания вице-президентов, советников, ассессоров. На первый апартамент возлагалось «управление всякими духовными делами Всероссийской Церкви». Второй апартамент был составлен из шести светских чиновников и предназначался для управления церковными вотчинами. Так под вывеской «второго апартамента» по сути дела вновь восстанавливался упраздненный после учреждения Синода Монастырский приказ.

Новым царствованием в истории России открывалась эпоха временщиков, внезапного возвышения одних и стремительного падения других. Страшное падение выпало и на долю первого вице-президента Синода архиепископа Новгородского Феодосия. После смерти Петра он осмелился открыто заговорить об унижении Церкви светской властью, о бесправии архиереев, о тайном разорении монастырских вотчин и расстройстве монастырей. Покойного царя он по жестокости сравнивал с Иваном Грозным, с пренебрежением высказывался о новой императрице, а против всеильного временщика Меншикова позволял и оскорбительные выпады. Неосторожность переоценившего свои силы иерарха дала сильное оружие против него его главному сопернику архиепископу Феофану, обвинившему его в государственной измене.

В апреле 1725 г. архиепископ Феодосий был арестован и подвергнут розыску. В ходе расследования обнаружилось, что своих слуг он обязал присягой на верность себе, подобной государственной присяге. Суд приговорил его к лишению сана, и под именем чернеца Федоса некогда всесильный церковный сановник был заточен в тюрьму Корельского монастыря на далеком севере, где через пять месяцев страданий скончался.

Вместо него Новгородскую кафедру занял сам Феофан, ставший первым членом Синода. Но вторым членом Синода при этом стал давний обличитель Феофана архиепископ Феофилакт (Лопатинский), а третьим – ростовский митрополит Георгий (Дашков), выходец из старинной боярской семьи, сильный связями в родовитом дворянстве.

После смерти Екатерины I престол перешел к Петру II, сыну царевича Алексея. В царствование этого отрока государственная власть оставалась в руках временщиков-верховников, самым влиятельным из которых вначале был Меншиков, а после его падения и ссылки в Сибирь – князя Долгорукие и Голицыны. При их правлении стали открыто проявляться стремления к реставрации допетровских порядков. В связи с этим в Синоде усиливается позиция великорусской «партии». Митрополит Георгий (Дашков) настоял на вводе в Синод уволенного еще при Петре I престарелого опального архиерея митрополита Игнатия (Смолы) и архимандрита Льва (Юрлова), возведенного вслед за этим на Воронежскую кафедру. Архиепископ Феофилакт не примкнул к сторонникам митрополита Георгия, но, как и архиереи-великороссы, он был убежденным противником церковно-политической линии Феофана, который остался единственным в Синоде ревнителем петровских идей. В церковных кругах открыто стали вести разговоры о восстановлении патриаршества. Над головой Феофана, больше всех потрудившегося над упразднением патриаршества, к тому же причастного к трагедии отца императора – царевича Алексея, собиралась гроза.

Но в ночь на 19 января 1730 г. скончался 15-летний император, последний из русских царей, которого погребли в Москве, в Архангельском соборе Кремля. Верховный тайный совет призвал на престол старейшую в роде Романовых: племянницу Петра I Анну Иоанновну, вдову Курляндского герцога. С ее воцарением «верховники» связывали надежды на то, чтобы «впредь самодержавию не быть». К Анне Иоанновне в Митаву вместе с приглашением на престол были высланы и так называемые «пункты», подписав которые, она, в сущности, ограничивала самодержавную власть подобием аристократической конституции.

Приверженцы петровских реформ встревожились. Одновременно с официальным посольством от «верховников» в Митаву направились и негласные, тайные посланцы от графа Головкина и архиепископа Феофана. Феофан, рискуя головой, включился в авантюру по срыву «затейки» «верховников». В Митаве Анна подписала «пункты», но в Москве на собрании московского и провинциального дворянства, с подозрением относившегося к «затейке» «верховников», порвала бумагу с этими «пунктами». Архиепископ Феофан торжествовал победу. «Верховники» пали. Подорваны были и позиции опиравшихся на них сторонников восстановления патриаршества. Стала проводиться политика возвращения к заветам Петра. На деле часто в карикатурном виде восстанавливались худшие стороны петровской политики. В области церковного управления проводником этой линии стал Феофан.

Императрица Анна в домашнем быту была по-старинному благочестива. Но, по словам современников, обрядовое благочестие царицы не смягчило ее черствого сердца. А хуже всего было то, что, совершенно неспособная к государственным делам, самодержица передоверила управление Россией своему любимцу Бирону, который был хорошим знатоком лошадей, но России не понимал и к русскому народу относился с презрением, и Кабинету министров, заменившему прежний Верховный тайный совет. В кабинете большинство составляли немцы. Во главе его стоял «честный немец» Остерман, фанатичный приверженец петровских реформ, понятых им узколобо, в полицейско-абсолютистском смысле. «Честный» Остерман и бесчестный Бирон, гонитель и ненавистник православия, развязали в стране настоящий террор, который проводился под знаменем восстановления петровских начал правления. Всесильным орудием кабинета была Канцелярия тайных розыскных дел во главе с генералом Ушаковым, в которой допрашивали и пытали людей.

Тысячи невинных жертв были брошены в тюрьмы по подозрению в недовольстве правительством. Сборы недоимок с помещиков и крестьян, производившиеся военными командами, по описанию современников, были подобны «нашествиям иноплеменных». Это была эпоха лютого насилия над Россией, которая получила в истории название бироновщины. Жертвой бироновщины пали лучшие русские люди, десятки тысяч невинных людей были умерщвлены, заточены или сосланы в остроги Сибири. Умирая под топорами палачей, многие из них явили себя истинными христианами. Князь Иван Долгорукий, когда палач четвертовал его, отрубая одну за другой руки и ноги, в смертных муках проговорил: «Благодарю Тебя, Господи, яко сподобил мя еси познать Тебя,

Владыко».

К клике иностранцев, терзавших православный русский народ, примкнул и архиепископ Феофан, специальностью которого стало ведение «архиерейских процессов». Первым из иерархов был осужден архиепископ Воронежский Лев (Юрлов). Его обвинили в том, что на следующий день после получения известия об избрании на престол Анны, совпавший с празднованием Недели православия, он не отслужил торжественного молебна, а за богослужением велел возносить имя бабки умершего царя, великой княгини Евдокии, без упоминания ее монашеского имени Елены. Дело это рассматривалось в Синоде. Архиепископа Льва пытались защитить митрополиты Георгий и Игнатий. Но Феофан постарался придать всему делу характер государственной измены и, пользуясь поддержкой Кабинета, заставил Синод лишить обвиняемого священного и монашеского сана и предать его гражданскому суду. В постановлении Синода сказано: «А какого он, Лев – епископ, телесного наказания и истязания достоин, о том суду духовному определять не надлежит». Архиепископа Льва расстригли и под именем Лаврентия сослали в Крестный монастырь на Белом море. Вместе с ним по этапу был отправлен приказ: держать его там «за караулом, в келье неисходно, никого к нему не пускать, чернил и бумаги не давать и в церковь ходить под караулом».

Но Феофану было мало одной жертвы. Он готовил обвинительный материал против покровителей заключенного архиерея – митрополитов Игнатия и Георгия. Главной уликой против них была попытка замять дело архиепископа Льва. Митрополит Георгий в ходе расследования, не дожидаясь его конца, попросился на покой, но и этот шаг не спас его от расправы. 28 декабря 1730 г. он был лишен архиерейского сана и простым монахом отправлен в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Митрополита Игнатия после лишения священного сана сослали в Свяжский Богородицкий монастырь.

Архиерейские процессы шли своим чередом. Ссылаясь на неопределенность известий из столиц, молебен о воцарении Анны отказался служить киевский архиепископ Варлаам (Вонатович). Феофан назначил розыск. По заключению следственной комиссии Синод лишил преосвященного Варлаама сана и выслал его простым монахом в Кирилло-Белозерский монастырь.

Осужденным архиереям не давали покоя и в местах заточения. За ними денно и нощно велась слежка. Феофан считал всего безопасней для себя сжить их со света. В 1731 г. было заведено следствие о дружеском отношении митрополита Казанского Сильвестра к сосланному в

Свияжский монастырь митрополиту Игнатию. Были подслушаны слова, сказанные в сердцах преосвященным Игнатием митрополиту Сильвестру об императрице: «Вот-де лишили меня сана напрасно, а ей ли, бабе, архиерея судить». Взяли бумаги митрополита Сильвестра и среди них обнаружили его заметки о неправославии Феофана, критические суждения о петровских указах относительно монастырских имений. Тайная канцелярия приговорила перевести митрополита Игнатия в Никольско-Корельский монастырь в Архангельске, а митрополит Сильвестр, по постановлению Синода, был уволен на покой в Александро-Невский монастырь без права архиерейского служения, потом его лишили сана и заточили в Выборгскую крепость.

В Сибирь отправили и архимандрита Платона (Малиновского). И еще многие из архиереев были уволены со своих кафедр. Лишили кафедр архиереев: Досифея Курского, Илариона Черниговского, Варлаама Псковского.

Но главной заботой Феофана было устранение его давнего противника и обличителя архиепископа Феофилакта (Лопатинского).

Святитель Феофилакт был родом из Малороссии, образование получил в Киеве, в 1704 г. переехал в Москву; вскоре был назначен ректором Московской академии. В свое время вместе с префектом академии архимандритом Гедеоном (Вишневым) он обличал всесильного любимца Петра и ставленника на архиерейскую кафедру Феофана в неправославии.

В 1728 г., когда позиция Феофана пошатнулась, архиепископ Феофилакт решился опубликовать труд своего учителя митрополита Стефана (Яворского) «Камень веры», обличавший протестантские лжеучения, в склонности к которым подозревали всегда Феофана. Вокруг книги вспыхнула богословская полемика. В Лейпциге появилась резко критическая рецензия на нее, написанная на латинском языке и подписанная именем вскоре скончавшегося немецкого богослова Буддея, но, по мнению современников, составленная самим Феофаном. Архиепископ Феофилакт выступил с «Ответом» на эту критику в защиту труда своего учителя. Он пытался переиздать книгу. Но шел уже 1731 г. – в стране свирепствовала бироновщина, и попытка напечатать книгу, направленную против протестантизма – вероисповедания большей части правителей России, была затеей неосуществимой и крайне опасной. Феофан не преминул воспользоваться этим шагом своего прямодушного и бесстрашного противника. Он прямо обратился в Тайную канцелярию, доказывая там, что поступок архиепископа Феофилакта «вреден»

государству.

Начались исповеднические страдания святителя. Его вывели из Синода и удалили в Тверь. По требованию Бирона был запрещен «Камень веры», а Феофан тем временем анонимно пустил в обращение свой «Молоток на Камень веры», в котором развязно глумился над личностью стойкого борца за православие митрополита Стефана. Чтобы добиться ареста святителя Феофилакта, Феофан внушил правительству, что существует «злодейская фракция», к которой он причислял всех ревнителей православия, и что «фракцию» эту для блага государства надо непременно открыть и истребить. Начались новые аресты. Схватили иеромонаха Иосифа (Решилова), архимандрита Иосифа (Маевского), архимандрита Маркелла (Радышевского), грека Евфимия Колетти, которые хорошо знали архиепископа Феофилакта. Их обвинили в измене, пытали, добивались признания в преступных умыслах, а главное, требовали показаний против святителя Феофилакта. О том, как велись допросы в застенках, можно судить по такой записи, сделанной в Тайной канцелярии: «Маевский поднят на дыбу и вожен по спицам 3/4 часа. А с подъема на дыбу и с вожения по спицам говорил то же, как выше показано, и в том утвердился. И по прошествии 3/4 часа усмотрено по состоянию его, Маевского, что в себе слаб и более по спицам не вожен и с дыбы спущен».

В 1735 г. взяли архиепископа Феофилакта. Его отвезли в канцелярию Бирона, где предъявили обвинение в оскорблении Величества. Но обвиняемый твердо заявил, что ничего не замышлял против императрицы. Ему с угрозами велели присягнуть в этом. И он со словами: «Совесьть меня ни в чем не зазирает» – исполнил затребованное от него. После допроса у Бирона один из судей святителя Новоспасский архимандрит Иларион, возвращаясь домой, был внезапно разбит параличом и мертвым вывалился из коляски, причем даже слуги его не заметили этого, а хватились о нем только дома и, вернувшись, нашли его бездыханным на дороге. В канцелярии Бирона стали пытать исповедника. Его били батогами, поднимали на дыбы. Три года тянулось следствие. Доведя узника до полумертвого состояния, его объявили лишенным сана и монашества и заключили в Петропавловскую крепость. Освобожден он был уже после смерти императрицы Анны. Едва живого страдальца привезли в его дом в Петербурге. Возле его постели собрались члены Синода и объявили ему о возвращении сана. Блаженная кончина исповедника последовала 6 мая 1741 г.

Между тем в самый разгар его исповеднических страданий в 1736 г.

умер его главный мучитель архиепископ Феофан. В предсмертные минуты он, вероятно, сознавая глубину своего нравственного падения, вздыхал: «О главо, главо! Разуму упившись, куда ся преклонишь?».

В 1740 г., после смерти Анны, российский престол перешел к ее внучатому племяннику младенцу Иоанну Антоновичу. Правителем-регентом стал Бирон. В правящей клике начались раздоры. Генерал-фельдмаршал Миних арестовал Бирона. Регентшей стала мать императора Анна Леопольдовна. Мрачная эпоха оскорбительной для православного русского народа тирании иноземцев подходила к концу. Начались амнистии осужденных. Вскоре, в 1741 г., произошел новый переворот. Царственный младенец был объявлен утратившим престол и отправлен вместе со своими родителями в ссылку в Холмогоры. В 1756 г. Иоанн Антонович был взят под стражу и заключен в казематы Шлиссельбурга. Зачинщики заговора гвардейские офицеры возвели на престол дочь Петра Елизавету.

2. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1741–1762 гг.

Воцарение Елизаветы в русском народе было встречено с надеждами на перемены к лучшему. Православное духовенство переживало это событие как освобождение от кошмара бироновщины. Проповедники с церковных кафедр прославляли новую царицу как спасительницу России от иноземного ига, как новую Эсфирь и Иудифь. Ректор Московской академии архимандрит Кирилл (Флоринский), вспоминая о только что пережитом Россией ужасе, восклицал: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию яко эмиссары дьявольские».

А новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич) с кафедры провозглашал: «Преславная победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных. Такие-то все были враги наши, которые под видом будто верности Отечество наше разоряли, и смотри, какую дьявол дал им придумать хитрость! Во-первых, на благочестие и веру нашу православную наступали. Но таким образом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов расстригли и перемучили! Спросите, за что? Больше ответа не услышишь, кроме сего: суевер, ханжа, лицемер... под образом будто хранения чести и здоровья и интереса государства, о коль бесчисленное множество, коль многие тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных... в Тайную похищали, в смрадных

узилищах и темницах заключали, голодом морили, пытали, мучили, кровь невинную проливали».

Святитель Димитрий (Сеченов), впоследствии митрополит Новгородский, на Благовещение в 1742 г. в присутствии императрицы дал такую характеристику пережитой поре: «Противницы наши... как прибрали все Отечество наше в руки, коликий яд злобы на верных чад российских отрыгнули, коликое гонение на Церковь Христову и на благочестивую веру воздвигли! Их была година и область темная; что хотели, то и делали! Во-первых, пытались благочестие отнять, без которого бы мы были горше турок, жидов и арапов... А наипаче коликое гонение на самых благочестия защитителей, на самых священных Таин служителей! Чин духовный – архиереев, священников, монахов – мучили, казнили, расстригали... Монахов, священников, людей благочестивых в дальние сибирские города, в Охотск, Камчатку, в Оренбург отвозят. И тем так устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не смели о благочестии отворити...».

В характере новой императрицы многое внушало радужные надежды. Любовь к роскоши и удовольствиям не заглушала в ней искреннего и горячего благочестия. Набожность Елизаветы отчасти объясняется теми обстоятельствами, в которых протекала ее юность. При императрице Анне она была оттеснена от двора и вела полузатворническую жизнь. В молодости она часто приезжала в Александровскую слободу, где в женском монастыре спасалась ее тетка. Она любила ходить на богомолье по монастырям, особенно в Троице-Сергиеву лавру. Строго постилась. В отличие от своего отца, Елизавета окружала себя «божиими людьми» – странниками и юродивыми. При этом по характеру своему она была веселой, общительной и доброй. Лишенная всякого политического честолюбия, она вступила в негласный, но венчанный законный брак с простым певчим из казаков Алексеем Разумовским, который был воспитан в духовной среде и, став влиятельнейшим вельможей, к духовенству всегда относился с большим почтением.

В канун переворота Елизавета долго молилась перед образом Божией Матери и дала обет: если она воцарится, – никого не казнить смертью. Дала она и такой обет: по исходе каждого часа и днем и ночью молиться образу Спасителя, висевшему в изголовье ее кровати. И царица исполнила оба эти обета.

По характеру своему она была, как пишут современники, очень русской и, несмотря на господствовавшие при ее дворе французские моды, во многом похожей на боярынь допетровской эпохи. После 10-летнего

засилия немцев при дворе стали видны почти одни только русские люди. Став императрицей, Елизавета много жертвовала на монастыри, особенно на Троице-Сергиеву лавру. Для ее благочестия характерна такая черта: на доклад Сената о допущении евреев на ярмарки в Россию для подъема русской торговли она наложила резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

С воцарения Елизаветы сразу же началось возвращение из тюремных уз и ссылок несправедливо осужденных страдальцев. На волю вышел митрополит Игнатий (Смола), скончавшийся вскоре после освобождения. Святителю Льву (Юрлову) после освобождения было возвращено архиерейское достоинство, скончался он в 1755 г. на покое в Московском Знаменском монастыре. Из сибирской ссылки вернулся исповедник архимандрит Платон (Малиновский), который был рукоположен в епископский сан. Преставился он в 1754 г. в сане архиепископа Московского.

Для предотвращения незаконных расправ над священнослужителями в 1742 г. вышел указ, по которому первоначальный суд над духовными лицами, даже по политическим обвинениям, передавался Святейшему Синоду. С упразднением Кабинета министров возвышено было значение Святейшего Синода. Он переходил в непосредственное подчинение верховной власти и наряду с Сенатом вновь становился высшей административной инстанцией в государстве.

С началом перемен к лучшему в положении Церкви члены Синода архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) и митрополит Ростовский святой Арсений (Мацеевич) подали доклад, в котором писали, что если государыне не угодно будет восстановить патриаршество, то, по крайней мере, необходимо восстановить должность президента Синода; предлагалось также упразднить должность обер-прокурора и Коллегию экономии. Но Елизавета не согласилась пойти на эту реформу, ибо, несмотря на свою любовь к Церкви, она твердо придерживалась тех основ государственного строя, которые были заложены ее отцом: все законы Петра она объявила своими законами, а в предложенных мерах она узрела противоречие этим законам. Императрица согласилась лишь на подчинение Коллегии экономии Синоду— при Анне Иоанновне апартамент, переименованный в Коллегию экономии, был передан в ведение Сената.

Святитель Арсений вскоре после этого был выведен из состава Синода. Включенный в Синод по представлению архиепископа Амвросия, этот мужественный архиерей отказался присягать по установленной

форме, заявив, что текст присяги, составленный Феофаном, унизителен и кощунствен, что неприлично именовать крайним судьей монарха. В этом он находил «недостойное ласкательство во унижение или отвержение истинного Крайнего Судии – Самого Христа». Взамен этого святитель предлагал такую формулу: «Исповедую же с клятвою Крайнего Судию и Законоположителя духовного сего церковного правительства быти Самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномочного Главу Церкви и Великого Архиерея и Царя, надо всеми владычествующего и всем имущего посудити – живым и мертвым».

В конце царствования Елизаветы первоприсутствующим в Синоде был архиепископ Новгородский Димитрий (Сеченов). В Синод входили также архиепископы Санкт-Петербургский Вениамин (Григорович-Пуцек) и Крутицкий Амвросий (Зертис-Каменский), епископ Псковский Гедеон (Криновский), преосвященные Палладий Рязанский, Порфирий Коломенский и архимандрит Троице-Сергиевой лавры Лаврентий.

До 1753 г. обер-прокурором Синода служил князь Я. П. Шаховской, честный служака, ревнитель государственного интереса. Он оставил после себя «Записки», которые содержат много любопытных сведений о деятельности Синода. Князь Шаховской был человеком не чуждым Церкви, но, увлекаясь буквой закона, он постоянно вступал в распри с членами Синода, сталкиваясь с ними из-за мелких финансовых вопросов. Обер-прокурор, блюдя интересы государственной казны, протестовал то против увеличения жалования синодальным архиереям, то против перерасхода средств, поступавших от монастырских вотчин. Но позиции обер-прокурора в ту эпоху были еще весьма шаткими, и Синоду, опиравшемуся на личные контакты его членов с императрицей, на поддержку духовника Елизаветы протоиерея Феодора Дубянского и благоволившего к духовенству графа А. Разумовского, часто удавалось с успехом противодействовать административному рвению обер-прокурора.

В 1761 г. скончалась императрица Елизавета. Престол перешел ее племяннику – сыну Шлезвиг-Голштинского герцога Карлу Петру Ульриху, вызванному теткой из Германии, присоединенному к Православной Церкви и переименованному в Петра III Феодоровича. Но преобразовать наследника российского престола в русского человека не удалось. В душе он оставался немцем и лютеранином. Православие, русский народ он не только не понимал, но и не любил. К тому же, достигнув зрелых лет, он оставался ребячлив и странен. Царственная тетка часто с горечью говорила о нем «племянник мой урод», «проклятый племянник».

Воцарение этого «окраденного умом» любителя игр в оловянные

солдатики не сулило Православной Церкви ничего доброго. Сразу по воцарении Петр III заявил о своем намерении сократить число икон в православных церквях. Тогда же в беседе с новгородским архиепископом Димитрием (Сеченовым) он выразил желание, чтобы русские священники брили бороды и одевались в короткое платье, как одеваются немецкие пасторы. В своем дворце он собирался построить лютеранскую молельню под тем предлогом, что она нужна для дворцовой прислуги, исповедовавшей протестантизм. Но архиепископ Димитрий (Сеченов) заявил ему, что «русское духовенство скорее даст себя вовсе истребить, чем станет равнодушно и в молчании смотреть на такие нововведения». По свидетельству современников, за богослужением в придворной церкви Петр III обыкновенно, ко всеобщему соблазну, свободно разгуливал, вступал в беседы с иностранцами. О православии он часто высказывался с пренебрежением и даже презрительно.

По подсказке окружавших престол временщиков Воронцова и Шувалова в 1762 г. Петр III издал указ о полной секуляризации церковных недвижимостей с передачей, ведавшей ими Коллегии экономии Сенату. Духовенство было потрясено этой мерой. Митрополит Московский Тимофей (Щербацкий) писал своему другу митрополиту Ростовскому Арсению (Мацеевичу): «Всех нас печальная сия тронула перемена, которая жизнь нашу ведет к воздыханиям и болезням... До сего дожили мы по заслугам нашим». И священномученик митрополит Арсений подал протест против этого мероприятия, составленный в настолько сильных выражениях, что иеросхимонах Лука, доставивший бумагу во дворец, после прочтения ее императором «от страха лишился ума».

Через три месяца после издания указа о секуляризации церковных земель Петр III был свергнут с престола и вскоре «скоропостижно скончался». Российской самодержицей провозгласили зачинщицу заговора Екатерину II.

3. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1762–1801 гг.

В манифесте Екатерины II от 28 июля 1762 г., который был составлен архиепископом Димитрием (Сеченовым), устранение Петра III объяснялось прежде всего тем, что в его правление нависла угроза над Православной Церковью. «Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом, а именно: закон наш православный греческий переее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена

оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона».

Екатерина любила выставлять себя верной дочерью Церкви, защитницей православия. На деле, однако, императрица, по рождению лютеранка, с легкостью, но едва ли по внутреннему убеждению перешедшая в православие, была человеком нерелигиозным. Она придерживалась деистических воззрений, распространенных в Европе в век «Просвещения». Екатерина состояла в переписке с Вольтером, Дидро, Даламбером. Но крайних взглядов, до которых доходили эти философы, она, во всяком случае на словах, не разделяла. Атеисту Дидро она писала: «Радуюсь, что принадлежу к числу безумцев, которые верят в Бога».

И все же современник Екатерины историк князь М. М. Щербатов позволил себе усомниться в этом. Он писал: «Имеет ли она веру к Закону Божию? Ибо, если бы сие имела, то бы самый Закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ее на путь истины. Но нет! Упоена бессмысленным чтением новых писателей, Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает».

В основе ее воззрений на отношения между Церковью и государством лежала острая неприязнь к католической доктрине «двух мечей», ко всякому клерикализму, в котором она, совершенно напрасно, подозревала православное духовенство. Религиозный фанатизм, который она находила в любом проявлении религиозной ревности, пугал и отталкивал ее. Екатерина придерживалась принципов широкой веротерпимости, доходившей до полного индифферентизма. Как государственного деятеля ее хорошо характеризует одно замечание, сделанное ею до восшествия на престол: «Уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела».

Искусный и тонкий политик, она не сразу обнаружила своих намерений по отношению к Церкви. Через две недели по ее воцарении Сенат издал постановление о возвращении епархиальным домам, монастырям и церковным причтам принадлежавших им ранее земельных владений. Но радость духовенства по этому поводу оказалась преждевременной. Прошло еще три недели и вышел манифест, в котором объявлялось намерение правительства заново рассмотреть вопрос о церковных вотчинах: «Не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения, только имеем данную нам от Бога власть предписывать законы о лучшем оных употреблении на славу Божию и пользу Отечества. И для того под покровительством Божиим намерены мы в совершенство привести учреждение всего духовного штата, сходственно с узаконениями

церковными, которым следовал и вселюбезнейший дед наш государь император Петр Великий, учредя на то особливую из духовных и светских персон под собственным нашим ведением комиссию».

В комиссию вошли президент Синода преосвященный Димитрий (Сеченов), возведенный в сан митрополита, архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил (Кременецкий), епископ Переяславский Сильвестр, а также обер-прокурор князь А. С. Козловский, князь А. Б. Куракин, князь С. В. Гагарин, граф И. И. Воронцов и Г. Н. Теплов. Результатом работы этой комиссии явился знаменитый манифест о церковных владениях, изданный 26 февраля 1764 г., которым проводилась последняя черта под многовековым спором о монастырских вотчинах. Указ окончательно упразднял церковное землевладение в России.

В манифесте содержатся многочисленные ссылки на правительственные акты предшественников Екатерины Великой, начиная «с прадеда нашего, блаженныя и вечнодостоиня памяти, Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича», который «в 1649 г., учреждая правосудие в подданном народе, усмотрел количество имений духовных не по намерению подателей употребляемое, помышлять начал о распоряжении оных и обращении на действительные дела Церкви Христовой», – имеется в виду, очевидно, прямо не упомянутое учреждение в 1649 г. Монастырского приказа, в ведение которого передавалось управление церковными вотчинами с сохранением их, однако, в юридической собственности архиерейских домов и монастырей.

Особенно много ссылок в «Манифесте» на акты «Нашего вселюбезнейшего деда Императора Петра Великого» по делам, связанным с управлением церковными населенными землями и распоряжением доходами от них, но, казалось бы, странным образом перечень прецедентов заканчивается упоминанием последних распоряжений на сей счет «вселюбезнейшей Нашей тетки, в Бозе почивающей Императрицы Елисаветы Петровны», в манифесте нет упоминаний об указе Петра III, который по своему содержанию почти идентичен манифесту, изданному его вдовой, отменившей, однако, тот указ одним из первых своих актов.

Манифестом от 26 февраля 1764 г. все населенные церковные имения передавались Коллегии экономии и церковные учреждения совершенно устранялись от управления ими. «Понеже в Камер-Коллежской ведомости –говорилось в манифесте, –по последней ревизии оказалось всех архиерейских, монастырских и церковных (здесь имеются в виду прикрепленные к приходам. –В. Ц.) крестьян 910 866 душ, и управление столь великого числа деревень духовными, часто переменяющимися

властями происходило тем самым домам архиерейским и монастырским тягостное, а временем, или за расхищением служками, или и за незнанием прямого хозяйства деревенского, беспорядочное и самим крестьянам разорительное, сверх же того многие епархии, монастыри, соборы и белое священство так были неуравнены, что одни перед другими весьма малые доходы, а другие и никаких не имели: то Мы, учредя Коллегию экономии, повелеваем от сего времени принять ей все оные вотчины, со всеми казенными в них наличностями, под свое ведение и управление».

Коллегия экономии, подведомственная Сенату, восстанавливалась через полтора года после ее упразднения самой же Екатериной. Монастыри и архиерейские дома в результате реформы утратили 8,5 миллиона десятин земли и около миллиона душ, следовательно, примерно 2 миллиона крестьян обоюбого пола. Монастыри лишились почти 1,5 миллиона рублей годового дохода (в пересчете на современный курс примерно 5 миллиардов рублей). Передача земельных владений Церкви в государственную казну лишила монастыри главного материального источника существования.

Государство, правда, брало на себя обязательство содержать монастыри из части доходов, которые поступали от секуляризованной земли. После ряда сокращений 188 тысяч рублей в год – всего лишь 1/7 часть средств, поступавших от секуляризованных имений, – Коллегия экономии должна была выдавать на содержание епархиальных кафедр, монастырей и немногих приходских причтов. Остальное шло на государственные нужды.

Епархии и монастыри разделялись на три класса, и содержание их назначалось в зависимости от класса. При этом епархии первого и второго класса должны были управляться архиепископами, а третьего – епископами, первоклассные и второклассные монастыри – архимандритами, а третьеклассные – игуменами.

В связи с этим для монастырей вводились так называемые «штаты». В штаты вошло 272 монастырей (190 мужских и 82 женских) – менее четверти всех обителей, находившихся в великорусских епархиях, где проводилась секуляризация. Из монастырей, оставшихся за рамками штатов, 573 было упразднено, 195 обителей не закрывались, но должны были существовать на приношения верующего народа и за счет маленьких участков ненаселенной земли, которая обрабатывалась руками самих иноков или нанятых работников. На этот счет в дополнение к манифесту о секуляризации церковных земель 31 марта 1764 г. вышел «Высочайше утвержденный доклад учрежденной о церковных имениях Комиссии о

безвотчинном и на своем содержании состоящих монастырях и пустынях».

Указ о секуляризации церковных владений явился сильным ударом по монастырям и монашеству. Изъятие церковных имений в казну проводилось под предлогом лучшего устройства церковных дел и государственной пользы. На деле же эта реформа не только влекла за собой разорение церковной жизни, но и не принесла большой выгоды государственной казне, ибо значительная часть секуляризованных имений была роздана фаворитам императрицы.

Ревностные архиереи, монахи и клирики, благочестивые миряне с сердечной болью переживали страшное разорение монастырей. Но мало кто решился на открытое возражение. Резкий протест выразил митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич). Священномученик Арсений родился в 1697 г. на Волыни в семье священника шляхетского рода. Образование получил во Львове и в Киевской академии. Рукоположенный после пострига в сан иеромонаха, он был назначен экзаменатором ставленников при Московской синодальной конторе.

Единомышленник митрополита Стефана (Яворского) и архиепископа Феофилакта (Лопатинского), он защищал православную веру от опасности протестантских влияний, проводником которых тогда считали архиепископа Феофана (Прокоповича). Возражая на «Молоток» Феофана, он давал апологетическую биографию своего учителя митрополита Стефана. С горечью обращался он в «Возражении» к Феофану: «Ты, не наша веры и Церкви человек, сделался Церкви наша указчик или уставщик». Утешение он находил, однако, в том, что «хотя и Синод вместо патриарха у нас имеется, однако тебе, врагу и сопернику Церкви наша, выторжка не обретається, понеже по твоему хотению не сделалось, дабы, как ваш регент, так и пасторы ваши в Синоде присутствовали. Но как прежде патриарх Российский, так и ныне Синод в той же Церкви Божию милостию состоит, в которой четверопрестольные патриархи православно-восточные начальствуют».

В 1734 г. иеромонах Арсений отправился духовником с морской экспедицией на Камчатку. После этого он несколько лет служил экзаменатором ставленников в Петербурге. В 1741 г. совершенно неожиданно его хиротонисали в митрополита Тобольского. Присягая возведенному на престол младенцу Иоанну VI, святитель отказался давать присягу его матери-регентше. Новый переворот спас бесстрашного архиерея от расправы. Митрополит Арсений был переведен на древнюю Ростовскую кафедру, он участвовал в коронации Елизаветы и был введен в Синод, но в связи с отказом от присяги по установленной при Петре форме

его отослали из Петербурга на кафедру в Ростов.

Опекая семинарию, устроенную в Ростове при святителе Димитрии, святитель показал себя противником царившей в семинариях латинской схоластики. Он писал: «Школы при архиереях не иные нужны, только русские; понеже в церквах у нас не по-латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божия совершается по-русски».

Когда в начале царствования Екатерины II был поднят вопрос о церковных землях, митрополит Арсений встревожился о судьбе Церкви. В самый разгар работы комиссии по церковным владениям в 1763 г. в Неделю православия он велел в чине анафематизмов расширить клятву на отнимающих у Церкви «села и винограды». Один за другим стал он подавать протесты в Синод. «Горе нам, бедным архиереям, – писал он тогда, – яко не от поганых, но от своих мянущихся быти овец правоверных толикое мучительство претерпеваем».

Святитель страшился за судьбу монастырей, опасался их совершенного исчезновения в России. Если дела и далее пойдут в том же духе, то, предрекал он, «тако нашему государству приходить будет не токмо со всеми академиями, но и с чинами или на раскольничье, или на лютеранское, или кальвинское, или на атеистское государство».

Протесты встревоженного архипастыря были доведены до сведения императрицы. Екатерина вознегодовала и возненавидела «мятежного» архиерея, называла его «лицемером, пронырливым и властолюбивым бешеным вралем» и, наконец, велела его судить Синоду.

Суд над митрополитом Арсением состоялся 14 апреля 1763 г. в Москве. Синод приговорил его к лишению архиерейского сана. Главным судьей был давний недоброжелатель подсудимого новгородский митрополит Димитрий (Сеченов). После вынесения приговора в кремлевских патриарших Крестовых палатах при стечении большой толпы народа, заполонившей синодальный двор, состоялось снятие сана с осужденного. Народ пришел не из одного любопытства, но и от сострадания к гонимому святителю. Когда с осужденного срывали святительское облачение, он предсказал совершавшим над ним эту позорную церемонию плачевный конец. Митрополиту Димитрию он сказал, что тот задохнется собственным языком. Крутицкому архиепископу Амвросию (Зертис-Каменскому), своему прежнему другу, он предсказал смерть от руки мясника: «Тебя, яко вола, убьют», а епископу Псковскому Гедеону (Криновскому) предрек: «Ты не увидишь своей епархии».

Так все и исполнилось впоследствии. Митрополит Димитрий умер в 1767 г. от опухоли языка. Архиепископ Амвросий был убит в 1771 г. в Москве во время холерного бунта, а епископ Гедеон, вскоре после суда удаленный в свою епархию, умер по дороге, не доехав до Пскова. 4 июня в Кремле рухнула церковь Трех Святителей Московских, смежная с Крестовой палатой, в которой судили опального архиерея.

Между тем лишенный сана исповедник в одеянии простого монаха под караулом был отвезен на север, в Николо-Корельский монастырь, в тот самый, где в заточении скончался архиепископ Феодосий (Яновский), переименованный в Федоса.

Ненависть царицы к исповеднику не угасла даже после расправы над ним. В 1767 г., когда стало известно, что митрополит Арсений не переменил своих взглядов и считал себя незаконно осужденным, Екатерина II потребовала предать его новому суду. На этот раз страдальца лишили монашества и под именем «преступника Андрея Вряля» заточили в Ревельскую крепость в крохотную камеру. Коменданту крепости Тизенгаузену Екатерина писала: «У вас в крепкой клетке есть важная птичка. Береги, чтоб не улетела». Офицерам и солдатам было запрещено вступать в разговор с заключенным. По некоторым сведениям, узнику затыкали рот.

28 февраля 1772 г. муки узника закончились: великий страдалец за Церковь отошел на суд Нелицеприятного Судии. Священник, напутствовавший его перед смертью, в страхе вышел из каземата со словами: «Вы мне говорили, что надо исповедовать и приобщать преступника, а предо мной стоит на коленях архипастырь». На стене его тюрьмы остались слова, которые узник начертал углем: «Благо мне, яко смирил мя еси».

Несмотря на все старания правительства изгладить имя исповедника из народной памяти, православный народ тайно чтит страдальца за Церковь. Поместный Собор 1917–1918 гг. отменил несправедный приговор Синода о митрополите Арсении и посмертно возвратил ему архиерейское достоинство, а Архиерейский Собор 2000 г. прославил его как священномученика.

Страшная участь этого ревнителя произвела жуткое впечатление на иерархию и позволила правительству без всякого риска провести секуляризацию церковных земель в великорусских епархиях. В 1786 г. такая же реформа была проведена в малороссийских епархиях, а затем, два года спустя, также на Слободской Украине. В результате закрылось еще более 40 монастырей. Деятельным помощником правительства в

проведении секуляризации на юге России был киевский митрополит Самуил (Миславский).

После секуляризации церковных земель и расправы над митрополитом Арсением правительство стало относиться к Церкви с бесцеремонностью, которая заставляла вспомнить о временах бироновщины. Обер-прокурором в Синод был назначен И. И. Мелиссино, который не скрывал своих действительных воззрений. В 1767 г., когда подавались всякого рода законодательные проекты в Комиссию по составлению нового уложения, Мелиссино представил на рассмотрение Синода проект, в котором, помимо введения неограниченной веротерпимости, предлагал ослабить и сократить посты, отменить вечерни и всенощные, а вместо них ввести краткие молитвы с поучениями народу, прекратить содержание монахов, епископов и белого духовенства из казны, епископам позволить «с законными женами сожитие иметь», отменить «поминование усопших» и даже воспретить причастие младенцев в возрасте до 10 лет. Нелепость этого проекта потрясла членов Синода, и они попросту отказались принимать этот враждебный православию документ на рассмотрение. В 1768 г. Мелиссино был уволен с поста обер-прокурора.

Его заменил П. П. Чебышев, невежественный солдафон в чине бригадира, который, понаслышке узнав о «современных идеях», открыто щеголял атеизмом и в присутствии членов Синода не удерживался от употребления «гнилых слов». Чебышев всячески препятствовал изданию апологетических сочинений, направленных против деизма и неверия. По подозрению духовенства в «фанатизме» из подсудности Синоду при нем были изъяты все дела о нарушении благочиния, о богохульстве, о колдовстве и суевериях. Мнения членов Синода часто не принимались во внимание при решении важных для Церкви вопросов.

Большим авторитетом зато пользовался духовник Екатерины протоиерей Иоанн Памфилов. По существу, это был один из ее временщиков. Свое влияние он часто использовал для заступничества за белое духовенство против архиереев и монашествующих, которых сильно недолюбливал. Духовник царицы первым из протоиереев был награжден митрой, что было воспринято иерархией как унижение архиерейского сана.

Французская революция, начавшаяся в 1789 г. и приведшая к казни королевской четы, заставила императрицу заново продумать вопрос о влиянии просветительских, действительных и вольтеррианских идей, которыми она охотно кокетничала до тех пор, на общественную и политическую

жизнь. Напуганная грозными европейскими событиями, Екатерина приняла своевременное решение: «Закроем высокоумные наши книги и примемся за букварь». Последовал ряд действенных мер против бесконтрольного ввоза книг из Франции, против масонства, против всех вообще тайных обществ. Но одними запретами и ограничилась реакция правительства на противохристианский дух новейшей французской философии, который до революции почти насаждался в высшем обществе, а теперь был признан опасным и подрывным. Более глубоких перемен не последовало. В душе Екатерина по-прежнему оставалась далекой от православия.

В 1796 г. Екатерина Великая скончалась. Престол перешел к ее сыну Павлу, которого до тех пор тщательно устранили от всякого участия в государственных делах.

Отчуждение от двора внушило Павлу острую неприязнь ко всем начинаниям своей матери, к самому духу, царившему при дворе. В противоположность вольтеррианской атмосфере екатерининского двора, Павла отличали религиозные и почти клерикальные настроения.

За короткое время царствования он сделал много доброго для Церкви: освободил духовных лиц от телесного наказания, увеличил штатные оклады духовенству, принял меры по обеспечению вдов и сирот духовного звания, повысил ассигнования на духовные школы. Но, всячески жалую духовенство, Павел прибегал к странным и неуместным мерам: он стал награждать духовных лиц светскими орденами, лентами, аксельбантами. Сохранился портрет псковского епископа Иринея с аксельбантами. Митрополит Платон (Левшин), законоучитель царя в его отроческие годы, узнав о намерении Павла наградить его орденом, просил воздержаться от этой милости и дать ему умереть архиереем, а не кавалером.

Человек неуравновешенный, вспыльчивый, которого некоторые его современники считали душевнобольным, Павел изливал на духовных лиц не одни только милости, но часто и ничем не вызванный гнев, подвергал некоторых из них несправедливой опале. При нем пострадал митрополит Петербургский Гавриил (Петров), которого он невзлюбил за одно уже то, что к его уму и такту с уважением относилась Екатерина II.

Император России признавал себя вождем европейской реакции, воевавшей против революции. Поэтому он считал своим долгом всячески поддерживать папу, иезуитов, Мальтийский орден. В них он видел опору в борьбе с крамолой. «Романтическая» церковность Павла носила и некоторые черты, не свойственные православию.

Император Павел первым из русских самодержцев дерзнул

официально назвать себя главой Церкви. Соответствующее положение содержится в «Акте о наследовании Всероссийского Императорского Престола», составленном императором Павлом еще в бытность его наследником престола от собственного лица и от лица его супруги великой княгини Марии Феодоровны в 1788 г. и положенном для хранения в Успенском соборе Московского Кремля. Впоследствии, по восшествии на престол, император Павел утвердил его в день своей коронации, 5 апреля 1797 г. Этот «Акт» стал основным законом государства.

Целью его издания было внесение твердого и однозначно интерпретируемого наследственного порядка в преемство высшей государственной власти, который должен был заменить прежнюю, введенную Петром Великим систему, основанную на назначении наследника царствующим государем по его усмотрению, чреватую, ввиду неопределенности относительно лица наследника до самой кончины правящего государя, интригами вокруг престолонаследия и прямыми государственными переворотами, которые и имели место в 1741 и 1762 гг.

В самом «Акте» цель его издания формулируется следующим образом: «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

В основании закона о престолонаследии лежат три принципа: первородства, преимущества лиц мужского пола перед лицами женского пола и соответственно происхождения от родоначальника по мужской линии, а также степени родственной близости к последнему императору.

«Акт о престолонаследии» императора Павла исключает возможность наследования престола женой или мужем царствовавшей особы, что в свое время имело место при воцарении его матери Екатерины Великой. О статусе супругов царствующей особы в акте сказано: «Если наследовать будет женское лицо, и таковая особа будет замужем, или выйдет, тогда мужа не почитать Государем, а отдавать, однако ж почести наравне с супругами Государей, и пользоваться прочими преимуществами таковых, кроме титула».

В «Акте о престолонаследии» содержится также исключительно важное положение о невозможности восшествия на российский престол лица, не принадлежащего к Православной Церкви. Соответствующее место включает в себя и усвоение российскому государю статуса главы Церкви: «Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом престоле, тогда предоставлено наследующему

лицу избрать веру и престол и отречься вместе с наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с Законом, для того что Государи Российские суть главою Церкви, а если отрицания от веры не будет, то наследовать тому лицу, которое ближе по порядку». Это положение о невозможности занимать российский престол особе, не принадлежащей к Православной Церкви, повторяет соответствующее место из завещания императрицы Екатерины I, составленного в 1727 г.: «Никто никогда Российским престолом владеть не может, который не греческого закона».

Для православного канонического правосознания допустима лишь такая интерпретация положения о главенстве императора в Церкви, которая подразумевает возглавление и представление императором сословия мирян, но не епископата. В таком смысле и интерпретировалось соответствующее положение в канонической и юридической литературе 19 в. большинством авторов.

Во внутренней политике Павел проявлял подчеркнутый антиаристократизм, стремился стать «народным» царем, что ставило его в весьма натянутые отношения с придворными кругами. Неожиданная переориентация внешней политики на союз с наполеоновской Францией, угрожавшая британским интересам, стоила Павлу жизни. 12 марта 1801 г. совершился очередной государственный переворот, инспирированный английским посольством. Император Павел был убит заговорщиками.

4. Епархиальное управление

В синодальную эпоху порядок епархиального управления, права и обязанности епископов, устройство органов епархиальной власти подвергаются детальной регламентации.

В 1716 г., еще до издания «Духовного регламента», была составлена новая форма клятвенного обещания, произносившегося архиереями вместе с исповеданием веры перед хиротонией. Помимо известных и в греческой, и в древней русской практике обещаний соблюдать церковные предания, каноны, охранять церковный мир, управлять паствой в духе евангельской кротости показывать послушание высшей церковной власти, в синодальный период клятвенное обещание включало и такие клятвы, как: 1) никого не предавать анафеме и не отлучать от Церкви по личным побуждениям; 2) с отпадшими поступать миролюбиво, кротко и благоразумно; 3) монахов держать во всей строгости монашеских уставов; 4) не строить церквей без надобности и не ставить церковнослужителей сверх потребности; 5) ежегодно или по крайней мере один раз в два года обозревать свою епархию; 6) мертвых тел, формально не

освидетельствованных, не выдавать за святые мощи; 7) притворно беснующихся (кликуш) наказывать духовными мерами и предавать светской власти; 8) не допускать вымышленных чудес от икон и источников; 9) не вмешиваться в мирские дела. К клятвенному обещанию присоединялась общая государственная присяга на верноподданническое служение самодержцу и повиновение исходящим от него законам.

Детальная регламентация порядка епархиального управления содержится в «Духовном регламенте». Согласно «Регламенту», при поставлении архиерея кандидаты на епископство намечались Синодом и список избранных подлежал утверждению государем, который в большинстве случаев утверждал того, кого в списке ставили на первое место. Члены Синода в этом случае представляли собор епископов, предусматриваемый канонами при избрании епископа, а монарх выражал совокупный голос мирян, во всяком случае именно так интерпретировалось участие императора в поставлении епископов канонистами и богословами 19 в.

На епархиального архиерея, как на главного учителя веры, в синодальную эпоху возлагался надзор над всеми духовными школами епархии: академиями (там, где они были открыты), семинариями и духовными училищами, а также контроль за преподаванием Закона Божия в светских школах. Ему же были подчинены и церковно-приходские школы. Как первосвященник местной церкви, епархиальный архиерей имел все права, принадлежащие ему согласно канонам. О власти архиерея как главного правителя церковных дел епархии в «Духовном регламенте» сказано так: «Ведомо же всем буди, что всяк коего-либо чина человек подлежит в духовных делах суду того епископа, в епархии которого пребывает, доколе в ней пребывает». Но важнейшие церковные дела епархии – открытие новых приходов и упразднение старых, учреждение и закрытие монастырей, духовных школ – епископы не решали собственной властью, а предоставляли ходатайства по ним в Синод. Без предварительного разрешения Синода епархиальный архиерей не мог никого публично отлучить от Церкви.

Как высшие духовные сановники, архиереи имели и высокие государственные отличия. Митрополиты, архиепископы и епископы приравнивались к трем первым классам военных и гражданских начальников по табели о рангах. Со времен императора Павла архиереи награждались высшими орденами, за исключением тех, которые перешли к Российской короне от Речи Посполитой – Станислава и Белого орла. Знаки ордена архиереи могли носить на рясах вне храма, но не на

священных облачениях.

В синодальную эпоху получает широкое распространение институт викариев– главных помощников епархиального архиерея в епископском сане. В 1698 г. патриархом Адрианом и царем Петром было разрешено киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому) иметь своего викария. В 1708 г. в Новгородской епархии была учреждена кафедра викария с титулом епископа Корельского и Ладожского. При Екатерине II Синод дозволил своим членам ввиду их продолжительного пребывания в Петербурге, вне пределов своих епархий, иметь викариев. Викариатства стали открываться и в других епархиях, где в этом была необходимость, например, в епархиях, особо крупных территориально или по числу приходов. Викарии обыкновенно титуловались по одному из уездных городов епархии. Они имели право ставить церковнослужителей в своих уездах, а по поручению правящего архиерея также и священнослужителей. Кроме того, их ведению по усмотрению епархиального епископа могли вверяться отдельные отрасли церковного управления, например, надзор за духовными школами, женскими монастырями, свечными заводами.

В начале синодальной эпохи учреждения, помогавшие правящему архиерею в управлении епархией, именовались по-разному: по-старому – духовными приказами, по-новому– консисториями, декастериями, духовными правлениями.

В 1744 г. синодальным указом все коллегиальные учреждения по управлению епархиями получили одинаковое наименование духовных консисторий. Консистории состояли из 5–7 членов, избравшихся из числа архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев, священников и утверждавшихся по представлению архиерея Синодом. В таком же порядке члены консистории увольнялись.

Для производства дел при консистории состояла особая канцелярия. Ее возглавлял светский чиновник – секретарь, назначаемый и увольняемый Синодом по представлению обер-прокурора. При повсеместном введении консисторий обер-прокурор князь Шаховской тщетно домогался, чтобы секретари консисторий были совершенно изъяты из подчинения правящему архиерею, а подчинялись исключительно обер-прокурору. Для консисторских секретарей установлено было двойное подчинение – епархиальному епископу и обер-прокурору.

Вместе с архиереем консистория получала указы от Синода. Консистории составляли предварительные решения по всем церковным делам епархии и представляли свои протоколы на утверждение архиерея (при этом он не обязан был сам присутствовать в консистории). В случае

несогласия архиерея с мнением консистории в исполнение приводилась резолюция архиерея, но само дело, вызвавшее разногласие, непременно высылалось в Синод, который и принимал по нему окончательное решение.

В 1764 г. в связи с секуляризацией церковных земель все великорусские епархии, где тогда проводилась секуляризация, как и монастыри, были разделены на классы, при этом к первому классу были отнесены 3 епархии, ко второму – 8 и к третьему – 15 епархий. От класса зависел оклад, выдаваемый из казны на содержание архиерейского дома. В отдельные периоды с классом епархии был связан сан правящего архиерея, в другие периоды сан был личным отличием архипастыря, не обусловленным классом епархии, но правящие архиереи Новгородской и Санкт-Петербургской, Московской и Киевской епархий обыкновенно имели титул митрополитов. Что касается митрополитов Новгородских и Санкт-Петербургских, то соединение в одном титуле и под властью одного архипастыря этих двух епархий в 1782 г. не обозначало их слияния, но первенствующий член Синода получил привилегию управлять этими двумя епархиями, из которых по чести высшей считалась Новгородская.

В синодальную эпоху многократно увеличилось число епархий Русской Церкви. В начале 18 в. Русская Церковь насчитывала, помимо Патриаршей области, 21 епархию. К этому числу в 1721 г., когда был учрежден Святейший Синод, добавилась Иркутская епархия. В 1742 г. Синодальная область, бывшая Патриаршая, была разделена на две епархии: Московскую и Петербургскую. Два года спустя было учреждено 3 новых епархии: Переславль-Залесская, Владимирская, Костромская – и восстановлена ранее упраздненная Тамбовская. Ко времени секуляризации церковных земель, в 1764 г., насчитывалось уже 29 епархий в пределах России и одна, Могилевская, в Польше. После разделов Польши на возвращенных землях были открыты новые епархии, и общее число их в конце 18 в. равнялось 36.

Епархии различались и по пространству, занимаемому ими, и по числу приходов. Особенно обширными были епархии Сибири, в то же время они уступали епархиям европейского центра по численности населения и по числу приходов. Так, в первой половине 18 в. Тобольская епархия охватывала пространство от Урала до Лены и до границы с Китаем и при этом имела только 160 приходов, в то время как многократно меньшая по размерам Ростовская в 1744 г. имела 760 приходов.

При Екатерине II в 1788 г. границы епархий были приведены в

соответствие с государственным административным делением, главным образом с границами губерний, но полного совпадения границ всех епархий страницами губерний или областей не было ни тогда, ни в последующее время. Некоторые епархии включали в себя по несколько губерний или областей.

До 18 в. местный надзор над духовенством по отдельным округам, на которые делилась епархия, осуществляли наместники, заказчики, десятильники, протопопы и поповские старосты. В 1698 г. патриархом Адрианом был издан «Наказ поповским старостам», которым и устанавливался круг их полномочий. Духовный регламент предусматривал: «Протопопы или нарочно определенные к тому благочинные, как духовные фискалы, тое все (т. е. относящееся к обязанностям епископа) насматривали и ему бы епископу доносили, есть ли бы такое нечто, то есть противное данному епископом обещанию, где проявилось, под виною извержения кто бы утаить похотел».

Начиная со времени императрицы Елизаветы, заказчики, должность которых была учреждена в начале 18 в. и заключалась в том, что они были ответственны за сбор податей с духовенства десятильниками в подчиненных им более мелких округах – десятинах, стали повсеместно именоваться благочинными. При этом должность поповских старост была окончательно упразднена в 1764 г. С этих пор священники, управляющие округами, на которые разделены епархии, именуется исключительно благочинными.

Благочинные получали инструкцию от епископа. Первая из известных нам инструкций была составлена в 1745 г. в Воронежской епархии, в 1751 г. аналогичную инструкцию составил архиепископ Московский Платон (Малиновский). В 1775 г. архиепископ Московский Платон (Левшин), позже митрополит, составил «Инструкцию благочинным приходских церквей», которую Святейший Синод объявил обязательной для всех епархий. Основанием для нее послужил «Наказ поповским старостам» патриарха Адриана.

В соответствии с «Инструкцией», благочинный назначался по усмотрению епархиального архиерея из приходских настоятелей в сане протоиерея, реже священника. Благочиннический округ, находившийся в ведении благочинного, состоял из 10–30 приходов. Если приходов было более 15, архиереем назначался помощник благочинного.

Обязанности благочинного заключались, в соответствии с «Инструкцией», в следующем: 1) через благочинного епархиальное начальство осуществляло надзор над церквями и духовенством округа, для

чего он обязан был не реже двух раз в году посещать все приходы своего округа; 2) через благочинного приводились в исполнение распоряжения епархиального начальства; 3) благочинный мог разрешать священникам отлучаться из прихода на расстояние не далее 25 верст; 4) он разрешал недоразумения между священнослужителями, причетниками, мирянами и клириками, давал советы священнослужителям, разъяснял распоряжения епархиальных властей; 5) обладал правом суда по таким делам, спорам и жалобам, которые можно окончить примирением, по проступкам духовных лиц, которые не требовали по закону формального судопроизводства и которые можно завершить увещанием, внушением, выговором, при этом священникам он мог делать выговор, а диаконам и причетникам назначать в качестве меры прещения земные поклоны в церкви.

Согласно «Инструкции», благочинный наблюдал за тем, чтобы духовенство неукоснительно исполняло свои обязанности, касающиеся богослужения, распоряжения церковным имуществом и ведения метрических книг. О всех недостатках благочинный обязан был немедленно сообщать архиерею. При появлении в приходах лжеучителей, «ханжей», кликуш благочинный должен был, если его увещания не имели успеха, сообщать об этом органам прокурорского надзора. Каждый год благочинный представлял архиерею отчет – так называемые клировые ведомости. Для надзора за монастырями архиерей из числа монастырских настоятелей назначал одного, двух или более монастырских благочинных.

В синодальную эпоху значительное большинство епископов были из ученого монашества. В 1700 г. Петр своим указом вызвал и определил на высшие церковные должности, в том числе и на архиерейские кафедры, выходцев из Малороссии, главным образом выпускников Киево-Могиланской академии. С тех пор в епископате стали преобладать выходцы из Западной Руси: из 127 архиереев, занимавших кафедры с 1700 по 1762 г., было 70 украинцев и белорусов. При императрице Елизавете отпала нужда искать ставленников на высшие церковные должности исключительно среди выпускников Киевской академии. Набирали силу новые духовные школы, открытые в обеих столицах и в некоторых провинциальных городах, и в 1754 г. Елизавета подписала указ, чтобы Синод представлял на должности архиереев и архимандритов не одних малороссиян, но и из природных великороссиян. Вскоре среди иерархов добрую половину стали составлять уже великороссы. Они оказались более уживчивыми и покладистыми в отношениях с государственной властью, чем воспитанные в иной обстановке ученые киевские монахи, которые

проявляли больше твердости и упрямства, меньше гибкости в отстаивании прав и привилегий Церкви. Епископы из великороссов ближе к сердцу принимали государственные интересы России и потому не вызывали у власти особых опасений. В царствование Екатерины II окончательно рушится прежняя монополия малороссийского монашества на занятие архиерейских кафедр.

Характерная черта синодальной эпохи – частые перемещения епископов с кафедры на кафедру. За редчайшими исключениями, каждый епископ за время своего архипастырского служения многократно переводился Синодом из одной епархии в другую.

Среди архиереев 18 в. большинство составляли лица высоких достоинств. Несколько архипастырей этой эпохи причислены к лику общечтимых святых. Это святители Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, скончавшиеся в петровскую эпоху, но до учреждения Синода, а также Иннокентий и Софроний Иркутские, Арсений Ростовский, Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский. Незаурядным церковным администратором, проповедником, ученым, архипастырем высокой молитвенной жизни был митрополит Московский Платон (Левшин).

Одним из архиереев высокой святой жизни был епископ Белгородский Иоасаф (Горленко). Святитель Иоасаф родился на Рождество Богородицы в 1705 г. в Прилуках в дворянской семье. При крещении он получил имя Иоаким. В 1712 г., когда мальчику исполнилось 7 лет, его отдали в Киевскую академию. В 19-летнем возрасте, втайне от родителей, он поступил послушником в Межигорский монастырь и через год принял рясофор с именем Иларион. Эту весть родители приняли с грустью, ибо в сыне хотели видеть своего наследника, но, люди благочестивые, они простили его и послали сыну родительское благословение.

О первой поре своего монашеского подвижничества святитель писал во время предсмертной болезни своей сестре: «Сестрица, излишняя ревность в начале не дает мне ныне веку дожить». В 1717 г. инок Иларион был пострижен в мантию и получил новое имя – Иоасаф. Киевский архиепископ Варлаам (Вонатович) рукоположил его в иеродиакона, а его преемник Рафаил (Заборовский) назначил святого Иоасафа экзаменатором при архиерейском доме. В 1734 г. он был рукоположен в сан иеромонаха и через три года поставлен настоятелем Свято-Преображенского Межигорского монастыря.

Впоследствии святой Иоасаф был назначен наместником Троице-

Сергиевой лавры. Три года стоял он во главе братии этой древней обители. За время своего настоятельства он много трудов положил на восстановление монастырских строений, разрушенных от большого пожара.

В 1748 г. в Петропавловском соборе Петербурга состоялась хиротония святителя Иоасафа во епископа Белгородского. Вверенная его окормлению епархия была обширна: в ее состав входили современные Белгородская, Курская и Харьковская епархии, в ней числилось 1060 церквей. Значительная часть духовенства была малограмотна. И новопоставленный архиерей без устали трудился над тем, чтобы поднять уровень образования клириков. Объезжая епархию, он непременно экзаменовал священников: невежественных посылал доучиваться в Белгород, а вовсе безнадежных отрешал от служения.

Святитель строго наблюдал за тем, чтобы запасные Святые Дары хранились с надлежащим благоговением. Однажды он остановился в доме священника, который был в отъезде. Оставшись один, святитель почувствовал необычайный ужас. Он не мог уснуть. Рассматривая вещи, находившиеся в комнате, он нашел на полке бумагу, в которой были завернуты Святые Дары. Их присутствие в недолжном месте и смущало чуткую душу святого. Бережно положив Дары на стол, святой Иоасаф до утрени молился перед ними. Когда хозяин вернулся домой, святитель немедленно лишил его священного сана.

С подчиненным ему духовенством святитель Иоасаф был и требователен, и милостив. Он умел защитить клириков от произвола сильных мирских начальников. Был он щедрым благотворителем. Все доходы кафедры раздавал бедным. Нищие всегда имели к нему свободный доступ. Перед праздниками святитель через келейника посылал нуждавшимся деньги и платье. Келейник, сложив все у окна или на пороге, должен был постучать в стену, чтобы обратить внимание хозяина, и побыстрее уйти, оставаясь неузнанным. Когда келейник болел, святитель сам в одежде простолюдина ходил по городским улицам, разнося тайную милостыню.

Святой Иоасаф был человеком болезненным и предчувствовал, что умрет рано. Он непрестанно памятовал о смерти и денно и ночью готовился к ней. По исходе всякого часа святитель творил составленную им молитву, которая и поныне называется молитвой святого Иоасафа Белгородского: «Буди благословен день и час, в онь же Господь мой Иисус Христос мене ради родился, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба

Твоего в странствии суца, молитвами Пречистыя Твоея Матери и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь!».

В последний год жизни, в мае, святитель, отправляясь на родину, простился с паствой и сказал, что уже не вернется на кафедру. Он велел к осени устроить склеп для него в Троицком соборе. Возвращаясь из Прилук в Белгород, святой Иоасаф опасно заболел в пути и через два месяца, 10 декабря 1754 г., скончался в селе Грайвороне. Когда родные святого, извещенные о его кончине, пришли с печальной вестью к его престарелому отцу, тот прежде, чем они заговорили, сказал: «Знаю, что вы пришли ко мне с известием о смерти сына моего Иоасафа. Но я это узнал прежде вас. 10 декабря вечером мне был голос: сын твой, святитель, скончался».

Денег после святого осталось 70 копеек медью, и консистория запрашивала Синод о средствах на погребение архиерея. До половины февраля тело почившего оставалось непогребенным в ожидании переяславского епископа Иоанна (Козловича), задержанного разливом. И за этот срок оно не было тронуту тлением. Погребли святителя в построенной по его воле гробнице в Троицком соборе. Через два года после его кончины несколько причетников, уверенные в праведности усопшего, тайком открыли гроб. Несмотря на сырость склепа, мощи святого, его одежда и самый гроб обретенны были без всяких признаков тления. Слух об обретении мощей быстро распространился по России. К могиле святого стали собираться больные, и по молитвам к праведнику происходили многие исцеления.

5. Приходское управление и приходское духовенство

Открытие и упразднение приходов являлось после учреждения Святейшего Синода его прерогативой, только право установления границ между приходами оставлено было за епархиальным архиереем.

Полномочия приходского настоятеля по управлению приходом изложены в ставленнической грамоте. В синодальный период прочтение этой грамоты благочинным в собрании прихожан рассматривалось как акт введения новопоставленного священника в отправление его служения. Проповедовать священник должен был под цензурой местного благочинного или особо назначенного цензора. В случаях возникновения недоразумений священник для их разрешения обращался к архиерею (прежде всего в случаях присоединения к православию раскольников и инославных или иноверцев, а также заключения браков между православными и инославными, наложения епитимий). В отчете епископу приходской священник должен был представить сведения об исповедниках

и причастниках, особо указывая тех лиц, которые и после увещевания не исполняли своего долга исповеди и причастия в течение 2-х или 3-х лет.

Перемещение священников с прихода на приход допускалось лишь при весьма уважительных обстоятельствах, а без согласия самого священника – в исключительных случаях. Совершение треб в чужих приходах без ведома приходского настоятеля возможно было лишь в крайних случаях (например, крещение немощного младенца, которому угрожает смерть, или причастие тяжелобольного). Священник, совершивший требу в чужом приходе, делал запись об этом в своих метрических книгах и передавал сведения о требе пастырю того прихода, где она была отправлена. В чужом приходе священник мог совершать требу лишь по распоряжению епископа или по просьбе местного настоятеля (в случае его болезни или отсутствия).

Помощниками приходского священника являлись диакон и псаломщик, который в малороссийских епархиях в просторечии назывался дяком, но диаконы были не во всех приходах. В штатах больших приходов могло состоять по два или три пресвитера, иногда также по несколько диаконов и псаломщиков.

Приходской причт обязан был вести списки наличных прихожан. В приходах велись метрические книги, в которые вносились записи о рождении, бракосочетании и смерти прихожан. За исключением случаев крайней необходимости, каждый прихожанин обязан был обращаться за совершением треб к своему приходскому священнику.

В каждом приходе из числа прихожан избирался староста. Должность старосты была введена синодальным указом 1721 г. Старостой, по этому указу, следовало избирать человека особо благочестивых правил. Поначалу его единственной обязанностью была продажа свечей. Впоследствии в обязанности старосты вошло хранение церковных денег и всех вообще церковных средств. Старосте поручалось от лица прихожан следить за сохранностью приходского имущества, но он не имел права распоряжаться церковными денежными средствами, а, расходуя их, обязан был беспрекословно повиноваться архиерею. Во всех действиях староста находился под наблюдением и контролем причта. По государственным законам, церковные старосты имели ряд привилегий. Если старосты были лицами податных состояний, то они освобождались от податей. Избирались старосты сроком на три года.

В петровскую эпоху русское приходское духовенство стало постепенно замыкаться в особое сословие, которое в законодательных актах именовалось обыкновенно «духовным чином». Сословность

духовенства была порождена сословностью всего государственного и общественного строя России, сложившегося в эту эпоху, с характерными для него барьерами между отдельными состояниями: дворянством, городским гражданством, крестьянством.

Образование духовного сословия сопровождалось падением значения выборного начала при замещении церковных мест. В великорусских епархиях уже в начале 18 в. сложился такой порядок, что кандидатами при выборах значились, как правило, выходцы из духовного чина. Причем выборный обряд постепенно вылился в чистую формальность. Прихожане, плохо знавшие кандидатов, с равнодушием относились к исходу выборов. Указом Синода 1739 г. выборы сведены были к свидетельству прихожан о добропорядочности ставленника, судьба же ставленника вполне решалась волей архиерея. В конце 18 в. от былых выборов остался лишь обязательный отзыв «лучших прихожан» о кандидате. Отзыв этот подлежал усмотрению епископа и вполне мог им игнорироваться. Протесты на пренебрежение отзывами «лучших прихожан» поступали крайне редко и чаще всего не имели последствий.

Несколько иначе обстояло дело с приходскими выборами в южнорусских епархиях. В начале 18 в. церковные места там делились на патронатские, в которых выбор самого ставленника зависел от воли вотчинника, и вольные. На выборы священника в вольном приходе собирався большой съезд, в котором участвовали не одни прихожане, но и «люди околичные» – клирики и миряне из соседних приходов. Претендентами на место выступали не только поповичи, но и выходцы из крестьян, казаков, мещан, получившие образование в Киевской академии, Харьковском коллегиуме или Переяславской семинарии. Как кандидаты являлись на выборы и так называемые «дикие попы» – рукоположенные в Молдавии, Турции или бежавшие из Польши страдальцы за православную веру.

Открывал собрание священник, присланный архиереем. Он обращался к прихожанам с вопросом: «Кого велите, панове-громада?» Начинались шумные дебаты. Выборщики кричали и спорили, составляли «партии». Избранный громадой ставленник провозглашался «паном-отцом», делалась складчина для его снаряжения к архиерею, и пана-отца отправляли «промоваться на попа» к епископу.

Но в середине 18 в. и в Малороссии архиереи стали пренебрегать выборами при замещении церковных мест; к концу столетия значение выборов и там практически упразднилось.

Важным фактором в вытеснении приходских выборов из жизни

Церкви явился подъем школьного духовного образования, в связи с чем повысилось значение образовательного ценза для ставленников. В Московской епархии при Екатерине II утвердилась практика предоставлять священнические места «богословам» (выпускникам последнего, богословского класса семинарии), адиако́нские – «философам». Епархиальные консистории повсеместно стали сообщать списки приходских вакансий в семинарии. Между тем дети клириков составляли подавляющее большинство среди учащихся духовных школ в Великороссии. Семинарии приобретали здесь сословный характер, закрывались для выходцев из дворян и податных состояний. Киевская академия и малороссийские семинарии вплоть до екатерининской эпохи сохраняли всесословный характер, но в конце столетия и они замкнулись в школы для детей духовного чина.

Еще одним обстоятельством, содействовавшим превращению духовенства в особое сословие, явилась весьма распространенная, хотя и негласная, практика передачи церковных мест по наследству. Дом и усадьба священника, как правило, находились в его частной собственности. Поэтому сын, получив надлежащее образование, оказывался гораздо более приемлемым кандидатом на замещение отцовского места, чем чужой человек, которому, чтобы получить место, пришлось бы выкупать дом и усадьбу. Если же после смерти священника его сыновья были уже устроены, но оставались вдова или дочь на выданье, то они-то и становились наследницами отцовской недвижимости. И соискатель священнического места, женись на дочери и беря на себя обязательство содержать вдову-мать, становился вполне подходящим претендентом на место своего покойного тестя. Из наследственного права на дом и усадьбу выросла негласная наследственность самих священнических, диако́нских и причетнических мест. Причем чаще всего наследство закреплялось не за сыновьями, а за дочерьми-невестами. Такого рода наследственность поддерживалась епархиальными архиереями, которые почитали своей обязанностью заботиться об устройении материального благополучия семейств духовного чина.

Уродливым порождением негласного наследственного права на церковные места стала продажа этих мест. Когда в семье покойного священника, диакона не было ни наследника, ни невесты-наследницы, то семья продавала дом ставленнику, а вместе с домом продавалось и место, то есть за дом сильно переплачивали. Проданными часто объявлялись дома еще при жизни священнослужителей, если они были безродными, а по старости уже не могли служить и стремились устроиться «на покой».

Духовные власти пытались препятствовать такого рода «продажам», особенно когда покупатель оказывался человеком без достаточного образовательного ценза или лицом, по иным причинам мало способным для служения Церкви. Тем не менее вполне пресечь эту практику не удалось до конца 18 в. Резкое обличение продажи церковных мест содержится в указе Синода, изданном в 1763 г. В указе бичуется «вредное для ученых и бесчестное для церквей обыкновение, что под претекстом дворов и самые священно-, церковнослужительские места, в противоположность священным правилам, продаются. А вместо того, чтобы сие бесчинство отвратить, не посвящен бывает никто, пока требуемой за место суммы не заплатит... Обучающиеся же в академиях и семинариях, кои такого капитала у себя не имеют, хотя они по наукам и состоянию своему против означенных капиталистов гораздо достойнее, принуждены бывают или священства, или лучших мест в противность Духовного регламента и уставов вовсе лишаться, а... заступают они самые последние места, или же на покупку оных задолжаются неоплатными долгами». Указ, однако, «помышляя о сиротах и вдовах», не запрещал продажи дворов, требовал только, чтобы цена за двор была умеренной, и выплата рассрочивалась на 30-летний срок. Упразднение выборов при назначении на приход, сословный характер духовной школы и обязательность школьного аттестата для кандидатов священства, а также наследственность церковных мест окончательно замкнули духовенство в особое сословие.

Но замкнутый для вступления в него, духовный чин не мог удержать в себе всех, кто принадлежал к нему по рождению. В семьях священников и причетников рождалось слишком много сыновей, чтобы каждый из них мог надеяться получить церковное место. Поэтому на протяжении 18 в. правительство не раз проводило так называемые «разборы» духовного чина, в результате которых множество лиц переводились из духовного сословия в податное состояние или рекрутировались в армию.

Первые разборы были проведены еще при Петре I. Особой свирепостью отличались разборы в десятилетие бироновщины, они проходили в обстановке тяжких подозрений всего духовного сословия в государственной измене. В 1736 г., например, вышел указ, в котором губернаторам, воеводам и архиереям предписывалось «разобрать поповичей» и «взять в солдаты немедленно». Велено было набрать по духовному ведомству до 7000 рекрутов и для этого забрать всех сыновей клириков от 15 до 40 лет, не состоявших на действительной церковной службе.

Разбор 1743 г., начатый в связи с генеральной переписью населения, проводился мягче и человечней, чем это делалось в правление Анны. В инструкции для разбора, вместо огульного перевода всех избыточных поповичей и детей дьяков в податное состояние или солдатство, указывались разные выходы. «Кто куда пожелает, в посад и ремесленные люди, на фабрики и заводы, или на пашенные земли... А которые пожелают на военную службу... тех всех отсылать для определения в полки... А которые в военную службу не годны, из тех здоровых определять на казенные заводы, а престарелых и увечных – в богадельни, дабы никого из шатающихся не было». В среднерусских епархиях отчислявшимся из духовного чина дозволялся выход в однодворцы, а в Малороссии и казачьих землях при Елизавете разборов духовенства не проводилось вовсе.

При Екатерине II разборы коснулись не только членов семей клириков, но и самих священнослужителей. В 1778 г. были утверждены новые штаты церковных мест. Этими штатами на 150 дворов прихожан полагался один священник, на 250–300 дворов – два священника. Лишние священники удалялись за штат. В результате во многих епархиях образовалось скопление безместного духовенства. В одной только Москве насчитывалось более 250 безместных священников, многие из которых пошли в «крестцовые попы». Архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) сурово отзывался о поведении крестцового духовенства: «В Москве праздных священников и прочего церковного причта людей премногое число шатается. Они к крайнему соблазну, стоя на Спасском крестце для найма к служению по церквам, великие делают безобразия, производят между собою торг...». Московская консистория, прибегая к помощи полиции, силой выдворяла «крестцовых попов» из столицы. Несовершенно «вывести... «крестцовых попов»» в Москве удалось лишь митрополиту Платону.

Между тем, при избытке духовенства в центре России, в восточных епархиях, особенно в Астраханской, Тобольской и Иркутской, была большая нужда в священниках, диаконах и причетниках. Многие приходы десятками лет оставались незанятыми.

«Изъятие излишков» духовенства делалось не только через перевод в податные сословия или запись в солдаты. Для грамотных и способных был открыт выход на чиновничью службу и в ученые специалисты, в которых в 18 в. государство испытывало острую нужду. Лучших учеников забирали из семинарий в Академию наук, в Московский университет, в Сухаревскую математическую школу, в Медико-хирургическую

академию. Ни одно другое сословие не дало столько умов и талантов, столько созидателей отечественной науки и творцов русской культуры, сколько выделил их из себя духовный чин. И несмотря на это, русское духовенство не истощилось талантами.

Сословные права «духовного чина» были определены нечетко. В Древней Руси по своей подсудности одному только священноначалию духовенство было привилегированным сословием, но по обязанности нести всякого рода повинности оно не отделялось от податных сословий. При Петре I от подушного оклада были освобождены священнослужители, их дети и церковнослужители. Дети же церковнослужителей остались в окладе. Но на духовенство возлагались другие повинности – пожарная, постоянная, подводная, караульная.

В Комиссию по составлению нового уложения при Екатерине II был подан проект причислить духовенство к мещанству; и лишь благодаря вмешательству митрополита Гавриила духовенство было избавлено от этого унижения.

Духовенство не было гарантировано и от телесных наказаний. Лишь при Екатерине Великой, 7 июня 1767 г., вышел указ Святейшего Синода «О нечинении пристрастных допросов и телесных наказаний священникам и иеромонахам». В этом указе, в частности, говорилось: «Во многих епархиях и монастырях священнослужителям за происходящие от них поступки от духовных командиров, равно как бы и в светских командах подлому народу, телесные чинятся наказания и пристрастные расспросы, чрез что духовенство, а особливо священнослужители, теряют должное по характеру своему от общества почтение, пастве же их подается немалый соблазн и причина к презрению» (там же). В связи с этим Святейший Синод приказал, «дабы священникам и иеромонахам как пристрастных расспросов, так и никаких телесных наказаний чрез побои в духовных командах (имеются в виду архиерейские дома. –В. Ц.) отнюдь чинимо не было, а единственно исправляемы были, вместо телесного наказания, приличными духовенству трудами и отрешением от дохода и от прихода, по рассмотрению». Таким образом, данным указом отменялись телесные наказания как дисциплинарная мера, применяемая епархиальной властью по отношению к подведомственному духовенству.

Вслед за тем, 15 апреля 1769 г., был издан сенатский указ, которым защищалось достоинство священнослужителей и церковнослужителей от посягательств со стороны помещиков. «Некоторые помещики – говорилось в указе, – священно- и церковнослужителей не только побоями, но и наказанием на теле оскорбляют», в связи с чем Сенат повелел, «чтобы

духовным персонам во всех местах никому обид и притеснений отнюдь чинено не было... а ежели тем духовным персонам от кого светских будут чинены обиды, о том следовать и с винными чинить по указам без упущения». Указ, по существу дела, не создавал новой нормы, а только требовал строго следовать в подобных случаях ранее изданным указам, предусматривавшим наказания за причинение обид духовным лицам.

И все же до конца царствования Екатерины Великой духовенство не было, подобно дворянству, освобождено от телесных наказаний в уголовном порядке, по приговору суда. Лишь император Павел, который за короткое время своего царствования сделал много доброго для Церкви – увеличил штатные оклады духовенству, принял меры по обеспечению вдов и сирот духовного звания, повысил ассигнования на духовные школы, – распространил эту привилегию – освобождение от телесных наказаний по судебным приговорам – и на священнослужителей. Правда, низшие клирики – церковнослужители, или причетники – не освобождались от телесных наказаний по приговору суда вплоть до великих реформ 1860-х гг., когда телесные наказания были совершенно отменены в качестве уголовной кары.

Содержание приходских причтов в 18 в., как и в древности, в основном лежало на попечении приходов. При Петре I благосостояние духовенства резко ухудшилось: наполовину была сокращена царская руга ружным церквам, причтам запрещены были праздничные славения по приходам, кроме рождественского праздника, и хождение по домам с иконами. Увеличились старые поборы с духовенства и появились новые – на школы, на богадельни, на драгунских лошадей; с причетников взималось по 1 рублю в год за освобождение от военной службы. При Елизавете ружным церквам возвратили полную ругу, духовенство было освобождено от некоторых повинностей – постоянной, подводной, караульной.

В 1764 г. была проведена секуляризация населенных церковных земель и введены штаты. Но только кафедральные соборы и 105 приходских церквей на всю Россию были включены в штаты, что давало им право получать часть доходов от секуляризованных земель. Правда, приходы стали тогда наделяться незаселенной землей, по 33 десятины на причт, которая должна была обрабатываться руками самих клириков или сдаваться в аренду.

В 1765 г. под предлогом противодействия мнимому корыстолюбию духовенства императрица распорядилась ввести обязательные таксы за требы, причем крайне низкие: 3 копейки за крещение (примерно 150

рублей по современному курсу), 10 копеек за венчание и погребение. В целом, приходское духовенство в 18 в. жило трудно и бедно. Люди подневольные, поставленные в весьма суровые житейские условия, православные священнослужители тем не менее оставались единственными духовными наставниками народа, которому они несли свет истины, любви и веры.

6. Русская Православная Церковь в Речи Посполитой

В Белоруссии и на Правобережной Украине православный русский народ, оставшийся в пределах Речи Посполитой, терпел в 18 в. неслыханные страдания. Чрезвычайно влиятельное в Польше католическое духовенство, фанатично враждебное православной вере, подталкивало правительство на ужесточение притеснительных мер против Православной Церкви и православных подданных. В 1717 г. было запрещено строить новые православные храмы и чинить ветхие. В 1736 г. по требованию католических епископов был издан универсал, по которому для рукоположения православного священника требовалось соизволение короля.

Ксендзы подстрекали католическую шляхту и чернь на преследование православных. Православную веру поносили и оскорбляли, называли ее «собачьей», «холопской», клеймили как арианскую ересь. Для оскорбления религиозных чувств православных их храмы продавали арендаторам-евреям, которые взимали плату за то, чтобы открыть храм для богослужения. За недоимки арендаторы закрывали храмы, предавали священников суду, выгоняли их из домов. Украина и Белоруссия официально именовались в католических церковных инстанциях *partes infidelium* (страны неверных). Туда направляли миссионеров – иезуитов и базилиан.

Православных священников в Польше часто били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, травили собаками, отрубали им саблями пальцы, ломали руки и ноги. На монастыри нападали толпы бесновавшейся черни, они грабили и сжигали святые обители, монахов мучили и убивали.

Святитель Георгий (Конисский) так описывал жизнь православных в Польше: «Духовные и сильные мирскою властью гоняли православный народ, как овец, в костел или униатский храм. Во время самого чтения Евангелия входил в храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева... Детей били розгами пред глазами матерей, матерей – пред глазами детей... На моих глазах несколько раз секли девицу сперва розгами, потом шиповником, чтобы отреклась от веры, и – не отреклась.

Женщину с грудным младенцем полгода держали в тюрьме, младенца она лишилась там же, а муж бит и замучен особо; ей самой жгли пальцы, чтоб отреклась от нашей веры, и – не отреклась. Другая закована была в кузницу (железный ошейник) и удушена».

С 1707 по 1728 г. Могилевскую кафедру занимал епископ Сильвестр (князь Четвертинский), который много потерпел от врагов православия. Самая жизнь его постоянно находилась в опасности.

Великим страдальцем и борцом за православие был архиепископ Георгий (Конисский). Он был подданным России, родился в 1717 г. в Нежине в дворянской семье. Учился в Киевской академии и принял там монашеский постриг. В 1751 г. был назначен ректором академии, а через 4 года состоялась его хиротония во епископа Могилевского. Это была тогда уже единственная православная епархия на территории Речи Посполитой. Святитель Георгий страдал от изуверского фанатизма католиков еще больше своих предшественников – епископов Сильвестра, Арсения, Иосифа и Иеронима.

В 1759 г. в Орше банда вооруженных пистолетами и саблями головорезов напала на него во время богослужения в храме. Чтобы спасти жизнь архипастыря, его вывезли тайком из города в телеге, прикрытой навозом. В 1761 г. в Могилеве подстрекаемая доминиканским миссионером толпа студентов-иезуитов напала на архиерейский дом и семинарию, разломала ворота, побила и поломала все, что попало под руки. Разъяренные изуверы избили и покалечили монахов, семинаристов, служителей.

Архипастыря укрыли в сырых подвалах архиерейского дома. В своих гонениях на православие католики зашли слишком далеко, и Господь остановил их. Православные подданные Речи Посполитой видели в России свою естественную покровительницу и защитницу. В Петербург, ко двору и в Синод, сотнями шли из Польши жалобы и просьбы о заступничестве. В 1762 г. присутствовавший на коронации Екатерины II епископ Георгий в речи перед императрицей поведал о скорбях своей гонимой паствы и умолял Екатерину заступиться за православных. Правительство России наконец склонилось к мысли о необходимости защитить православное население Польши.

В 1765 г. на польский престол взошел король Станислав Август, который искал дружбы с Россией и пользовался покровительством Екатерины Великой. С речью перед королем выступил святитель Георгий. «Одна только вера – сказал он, – ставится нам в преступление... Наши храмы, где прославляется Христос, затворены, а жидовские синагоги

открыты... За то, что страшимся бесстыдно поступать против совести, присуждают нас в темницы, на раны, на меч, на огонь».

Речь архипастыря была переведена на все европейские языки и привлекла внимание Запада к страданиям православных, тем более что в Польше дискриминации подвергались и протестанты. Король обещал заступиться за православных и протестантов. Но из-за сопротивления ксендзов, магнатов и шляхты ничего не было сделано для улучшения их участи.

Последовали энергичные ноты от государств Российского, Английского, Прусского, Шведского и Датского. Сейм, на который король не смог оказать влияния, отверг требования держав. И Россия направила свои войска в Польшу. Только тогда сейм смирился.

В 1767 г. были отменены все законы, направленные против православных и протестантов. Но католичество оставалась в Польше государственной религией. Униатские клирики и даже архиереи вступили в переговоры со святителем Георгием о возвращении в православие. Некоторые приходы поголовно выходили из унии и возвращались в лоно Матери-Церкви. Православный архипастырь просил Екатерину II потребовать от Польши свободы и безопасности для желавших перейти из унии в православие. Но удерживаемая сложными политическими расчетами, императрица отказалась выполнить эту просьбу.

Между тем католическая шляхта, недовольная уступчивостью короля, открыла конфедерацию в городе Баре, которая подняла восстание против короля в защиту привилегий католического населения. Король обратился с просьбой о помощи к правительству России. Восставшие конфедераты развязали террор против православных на Украине. Убивали женщин, детей, стариков, мучили священников и монахов. Ответом на резню конфедератов явилось крестьянское восстание гайдамаков, которые сурово расправились в Умани со своими притеснителями. Екатерина II увидела в восстании гайдамаков не столько дружественное России православное национальное движение, сколько крестьянский бунт и распорядилась подавить восстание. Одновременно фельдмаршалу Румянцеву было приказано, действуя вместе с королевскими войсками, разгромить и конфедератов. Вожаки конфедератов Красницкий и Потоцкий обратились за помощью к Франции и Турции. Турция объявила войну России и потерпела поражение.

В этих обстоятельствах прусское правительство предложило разделить территорию Польши. В 1772 г. произошел первый раздел. Россия получила восточную часть Белоруссии с Могилевом и Витебском.

На отошедшей к России территории униаты массами возвращались сами в православие. В самой Польше в 1770–1780 гг. восемьсот униатских приходов вернулось в лоно Православной Церкви. На русской земле, оставшейся в пределах Речи Посполитой, была учреждена православная Переяславская епархия.

Но притеснения православных в Польше не прекращались. В 1789 г. епископ Переяславский Виктор, утвержденный королем, был схвачен, закован в кандалы и силой доставлен в Варшаву. Многие из священников были вынуждены бежать в Россию.

В начале 1790-х гг. в Польше начались новые междоусобные смуты. Образовалась антироссийская Торговицкая конфедерация. В ответ на это Екатерина II опять послала войска в Польшу, а с запада двинулась прусская армия. Гродненский сейм 3 июля 1793 г. принял требования России и Пруссии: состоялся второй раздел Речи Посполитой, по которому к России отошли исконно русские земли – Минская область, половина Волыни, Подолье. Тогда же на этой территории была учреждена отдельная Минская епархия.

Прошло полгода – и в Польше вспыхнул новый мятеж. Ночью в Великий четверг 1794 г. заговорщики напали на русский гарнизон в Варшаве. Под ножами тайных убийц пало более 2000 русских солдат. Восстание было подавлено войсками А. В. Суворова. Вслед за взятием Варшавы в 1795 г. последовал третий и последний раздел Польши. К России отошла Литва с городом Вильно, Гродненская область и Курляндия. Ни пяди исконно польских земель не досталось России – вместе с русской Галицией они были присоединены к Австрии и Пруссии.

Брестская уния, поставившая в положение париев едва ли не половину населения Речи Посполитой, обернулась для Польши потерей национального суверенитета. Цепляясь за остатки великодержавных претензий, польские шовинисты погубили свое государство.

На территориях, отошедших к России, продолжалось массовое возвращение униатов в православие. К 1795 г. 2300 униатских приходов с более чем миллионом прихожан воссоединились с Православной Церковью. Всего за годы правления Екатерины II примерно два миллиона униатов вернулись в православие. Возвращение униатов всегда и везде проходило добровольно и мирно. Святитель Георгий (Конисский) скончался в 1795 г. Господь судил ему увидеть благодатные плоды его архипастырских трудов и исповеднических подвигов.

Кровавые скорби православных в землях, возвращенных России, прекратились. Но еще миллион униатов оставался в нашей стране, а за ее

пределами, в отошедшей к Австрии Галиции, католическое польское меньшинство продолжало господствовать над удерживаемым в унии русским народом и над немногочисленным православным населением, сохранившим там, несмотря на вековые религиозные гонения, веру отцов.

7. Миссионерство

В послепетровскую эпоху продолжалось расширение пределов Российской империи. В состав государства входили новые земли на западе, востоке и юге. В христианском просвещении инородцев, принимавших русское подданство, правительство видело самый надежный путь закрепления их верности России, поэтому миссионерское дело, совершавшееся Церковью по заповеди Христа, встречало поддержку со стороны государства. Но в миссионерской политике правительства происходили колебания.

При Елизавете церковная миссия получала самое широкое содействие от властей. Помимо старых, петровских льгот, вводились новые: новокрещеным стали выдавать денежные и вещевые подарки, лежавшие на них подати и повинности, в том числе рекрутская, перекладывались на их некрещеных соплеменников. Государство прощало обращенным в христианство преступления, совершенные ими до крещения.

В этом направлении действовали и некоторые указы, изданные при Екатерине II. Так, 20 апреля 1770 г. вышла высочайшая резолюция на докладе Военной коллегии «О объявлении пленных турок и татар, восприявших греко-российскую веру, вольными людьми, оставляя им на произвол избрать род жизни». Помимо главной льготы, обозначенной в самом названии доклада Военной коллегии, в резолюции императрицы содержалось повеление «при крещении же давать каждому за крест из сиротской суммы по 3 рубля» (в пересчете на современный курс примерно 5 тысяч рублей. – В. Ц.). Сохранялась при Екатерине и введенная еще при Петре Великом трехлетняя льгота от податей и рекрутской повинности.

И все-таки в целом правительство Екатерины II, в сравнении с царствованием Елизаветы, ослабило поддержку православной миссии. 20 августа 1769 г. вышел именной указ, данный сибирскому губернатору Чичерину, «О воспрещении проповедникам ездить без дозволения к иноверцам и о строении мечетей...». Этим указом губернатору давалось право по усмотрению выдавать разрешения на строительство мечетей в пределах Сибирской губернии.

17 июня 1773 г. вышел указ Святейшего Синода, в котором содержался высочайший отзыв на доклад генерал-прокурора Правительствующего Сената князя А. А. Вяземского, провозглашавший

принципы широкой веротерпимости: «Как Всевышний Бог терпит на земле все веры, языки и исповедания, то и Ее величество из тех же правил, сходясь Его святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало». О конкретном содержании указа ясно говорит его наименование «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам».

При Екатерине мусульманским муллам и буддистским ламам назначали содержание из государственной казны, которое подчас превышало средства, выделяемые на содержание православного духовенства. Магометане получили свободу строить мечети и свои религиозные школы, и правительство помогало им в этом. В Оренбургском крае, где местные киргизы (ныне казахи) еще пребывали в полуязычестве, светская власть поддерживала миссионерские усилия мусульманского духовенства.

Веротерпимость Екатерины Великой до известной меры распространялась и на старообрядчество, юридически наименее защищенную конфессию из всех терпимых государством. Уже 14 декабря 1762 г., в самом начале царствования Екатерины II, вышел сенатский указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, означенных в прилагаемом у сего реестре». Этим указом расширялся перечень территорий, на которых разрешалось селиться возвращающимся из-за границы, главным образом из Польши, старообрядцам. Помимо окраин империи, им дозволялось теперь, согласно новому указу, поселяться и в некоторых центральных губерниях: Воронежской, Белгородской и Казанской. При этом, однако, для переселенцев, как и для тех старообрядцев, кто и ранее находился в российском подданстве, сохранялись прежние, восходящие к эпохе Петра Великого, легализовавшего старообрядчество, ограничения в правах, в том числе двойная подушная подать, запрет на поступление на государственную службу.

Как и в эпоху Петра, до самого конца 18 в. основные усилия миссии были направлены на христианскую проповедь среди народов Поволжья, живших в самом центре православной России, но по большей части еще остававшихся в исламе или язычестве. В 1731 г. для Казанской и Нижегородской епархий в Свияжске была учреждена Комиссия новокрещенских дел, во главе которой был поставлен архимандрит Алексей (Раифский), давно уже подвизавшийся в этом крае на

миссионерском поприще. В Свяжском Богородицком монастыре он открыл школу для новокрещенных детей из чувашей.

В 1738 г. на Казанскую кафедру был назначен архиепископ Лука (Коношевич), который проявил особую ревность в миссионерском служении. Архипастырь не останавливался и перед мерами, которые раздражали мусульман. Он насильно забирал детей инородцев в христианские школы, устраивал крестные ходы в татарских слободах Казани, в селе Болгары распорядился разрушить руины древних мечетей, которые почитались у магометан за святыни.

В 1740 г. Комиссия новокрещенских дел была преобразована в Новокрещенскую контору. Округ ее был расширен включением в него Астраханской и Воронежской епархий. Начальником Новокрещенской конторы назначили архимандрита Димитрия (Сеченова), впоследствии видного иерарха. Правительство оказывало миссионерской деятельности конторы широкую помощь – и денежными средствами, и введением льгот для новокрещенных. Миссионеры крестили иноверцев десятками тысяч. Причем, в отличие от методов архиепископа Луки, миссионеры Новокрещенской конторы избегали принудительных, насильственных мер, зато щедро одаривали принимавших православие. Они обучали их основам веры, изъясняли им церковные Таинства и обряды, открывали школы для подростков из новообращенных. Всего при Елизавете в Поволжье было крещено до 430 тысяч человек – чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов). Мордва крещена была почти вся. Но вот из татар-магометан в христианство обратилось лишь около 8 тысяч человек.

Миссионеры не всегда успевали обучить новокрещенных истинам христианской веры. Школ для них открывалось мало. Порой из-за неосторожных и неуклюжих действий властей, оказывавших полицейскую помощь миссионерам, среди язычников вспыхивали волнения. В 1745 г. взбунтовалась терюшевская мордва, возбужденная разорением языческого кладбища в селе Сарляях.

В царствование Екатерины II миссионерская деятельность в Поволжье резко пошла на убыль. В 1764 г. свияжская контора была упразднена, миссия приостановилась, и скоро значительная часть черемисов отпала от Церкви и возвратилась к идолопоклонству. Воспользовавшись екатерининской политикой широкой веротерпимости, татарские муллы и муфтии буквально засыпали правительство жалобами на мнимый фанатизм православного духовенства и добились успеха. В 1773 г. вышел указ, которым архиереи устранялись от всяких дел об инородцах. В 1789 г. к инородцам запрещено было отправлять проповедников без

предварительного сношения архиереев с губернаторами, а в 1799 г. в миссионерских епархиях была упразднена сама должность проповедника.

В Нижнем Поволжье русские миссионеры проповедовали Евангелие калмыкам. В 1725 г. к калмыкам-ламаистам была отправлена особая миссия во главе с иеромонахом Никодимом (Ленкевичем), которой за 10 лет удалось крестить до 1700 калмыков. По мысли отца Никодима, крещеным калмыкам были отведены земли к северу от Самары, и там основан город Ставрополь (ныне Тольятти). В Ставрополе поселилась вдова хана Тайшина Анна и вся ее орда. В 1740 г. в этом городе была устроена русско-калмыцкая школа, появились первые переводы Нового Завета и церковных молитв на калмыцкий язык.

В Tobольской епархии, где в начале века подвизались святители Иоанн (Максимович) и Филофей (Лещинский), новое оживление христианской проповеди среди инородцев совпало с царствованием Елизаветы. В 1749 г. на Tobольскую кафедру был назначен опытный миссионер Сильвестр (Гловацкий), возглавлявший прежде свияжскую Новокрещенскую контору. В течение 6 лет он управлял епархией. Успехи христианской миссии в годы его святительского служения вызвали раздражение у мусульманского духовенства Сибири, которое в конце концов добилось его удаления из Tobольска.

В 1758 г. на Tobольскую кафедру был назначен преосвященный Павел (Конюскевич). Он родился в 1705 г. в галицком городе Самборе, в семье православного мещанина. Образование получил в Киевской академии, где обратил на себя внимание смирением и кротостью нрава, которые соединялись у него с непреклонной твердостью характера и блестящими успехами в науках. По окончании курса его оставили в академии преподавателем пиитики. В 28-летнем возрасте молодой профессор принял монашеский постриг. Вскоре его вызвали в Москву и назначили проповедником в Славяно-греко-латинскую академию. Потом в течение 15 лет он был архимандритом Юрьевского монастыря в Новгороде.

Рукоположенный в сан митрополита Tobольского, преосвященный Павел немедленно выехал в Сибирь. Много внимания уделял он духовной школе своей епархии. До него в Tobольской семинарии не было последнего богословского класса. Чтобы открыть этот класс, митрополит вызвал из Киева трех ученых монахов. Он строил и освящал церкви в городах и селах своей огромной епархии, открыл несколько новых монастырей. С подчиненным ему духовенством архипастырь обходился строго и требовательно, к нерадивым клирикам относился круто, часто назначал провинившихся на черные работы при архиерейском доме, но к

нуждавшимся священникам и причетникам, к вдовам и сиротам духовного сословия был сострадателен и милостив.

В своей наполовину инородческой епархии, где к тому же среди русских людей было много старообрядцев, особую заботу проявлял он о миссионерстве. Святитель посылал миссионеров и в языческие селения, и к мусульманам, и к старообрядцам.

Весть о секуляризации церковных земель встревожила деятельного архипастыря. Он опасался, что эта мера приведет к закрытию монастырей, служивших очагами миссионерства в Сибири. Вслед за священномучеником Арсением (Мацеевичем) тобольский святитель подал в Синод записку, в которой откровенно и резко изложил свое мнение. Синод по повелению Екатерины II открыл дело. В 1767 г. митрополит Павел был вызван в Москву на заседание Святейшего Синода. Но он отказался оставить свою кафедру и выехал лишь после самых настоятельных требований из Петербурга.

Приехав в Москву, митрополит Павел подал в Синод прошение об увольнении его на покой в Киево-Печерскую лавру. Желая угодить императрице, Синод приговорил исповедника к лишению сана, но Екатерина II не утвердила этот приговор, ограничившись увольнением архипастыря на покой по прошению. В родной лавре святитель предался суровым аскетическим подвигам. 4 ноября 1770 г. опальный архипастырь отошел ко Господу и был погребен в склепе под Великой Лаврской церковью Успения Пресвятой Богородицы.

Прошло больше полувека. Киевский митрополит Евгений (Болховитинов) устраивал новый архиерейский склеп в лавре, и для этого гробы переносились во вновь устроенные могилы. Когда обнаружили гроб неизвестного архиерея, о нем доложили митрополиту и спросили его, прикажет ли он переносить и этот гроб. Митрополит ответил, что прежде нужно осмотреть гроб. А в следующую ночь преосвященному Евгению во сне привиделась буря. Дом его колебался – и он проснулся. И тут он услышал, что кто-то идет по архиерейским покоям твердым и мерным шагом. Двери спальни отворились, и в темноте вошел неизвестный муж в излучавшем сиянии архиерейском облачении. Приблизившись к митрополиту, он сурово проговорил: «Чи даси нам почивати, чи ні? Не даси нам почивати, не дам Тобі і я ніколи почивати». Утром митрополит велел открыть крышку неизвестного гроба. Пред ним в митре и облачении покоился нетронутый тлением архиерей, в котором он сразу узнал мужа, навестившего его ночью. Вскоре разыскали, что это останки митрополита Тобольского Павла.

В Восточной Сибири в 18 в. подвизались прославленные Церковью святители-миссионеры. В 1727 г. на Иркутскую кафедру назначили епископа Иннокентия. Родился он около 1680 г. на Черниговщине в дворянской семье Кульчицких, учился в Киевской академии. В возрасте 30 лет принял постриг и нес послушание в Московской академии, исполняя обязанности профессора и префекта, а потом в Александро-Невской лавре в должности наместника лавры и обер-иеромонаха флота. В 1721 г. святитель Иннокентий был хиротонисан во епископа Переславль-Залесского, него назначили главой Пекинской духовной миссии. Китайское правительство, придравшись к неудачному выражению в верительной грамоте, составленной в Сенате, отказалось выдать разрешение на въезд в Китай «великому господину». Несколько лет святитель провел в Селенгинском монастыре у китайской границы и, наконец, был назначен на кафедру в Иркутск.

По недосмотру Сената святитель до самой своей кончины не получал жалования, и тем не менее ему в этом полудиком крае удалось открыть две школы: русскую и миссионерскую – монгольскую. Для устройства церковной жизни в Восточной Сибири святитель Иннокентий строил церкви, часто проповедовал, рассылал по епархиям окружные послания, отправлял миссионеров к бурятам и якутам.

В трудах и молитвах святой архипастырь стяжал дар прозорливости. В 1728 г. в Прибайкалье свирепствовала засуха, угрожавшая голодом. По благословию святителя после каждой литургии в храмах епархии совершались молебны о прекращении засухи. Моления, сказал святитель, должны окончиться в Ильин день. И когда настал этот день, в Иркутске разразилась буря с проливным дождем. Люди были спасены от голода. Преставился святитель Иннокентий 27 ноября 1731 г.

Его преемником на Иркутской кафедре был епископ Иннокентий (Неронович) († 1741), при котором, кроме бурят, крещено было также много тунгусов (эвенков) и якутов.

В 1753 г., после нескольких лет вдовства, Иркутская кафедра обрела нового архипастыря – подвижника высокой духовной жизни святителя Софрония. Святой Софроний (в миру Стефан Кристалевский) родился в 1707 г. под Черниговом, образование получил в Киевской академии. Приняв монашеский постриг и удостоившись сана иеромонаха, святой Софроний проходил послушание в разных монастырях Киевской епархии, потом – в Александро-Невской лавре, с 1746 по 1753 г. был наместником лавры. Перед отъездом в Сибирь святитель испросил благословение на служение у киево-печерских чудотворцев. По приезде в Иркутск он

помолился на могиле святителя Иннокентия. Много трудов понадобилось святому Софронию для устройства монастырской жизни в епархии. В сан архимандрита Вознесенского монастыря он возвел своего давнего друга и сподвижника иеромонаха Синесия, который в течение 33 лет, до самой кончины, нес это послушание. Монастырь стал при нем очагом духовной жизни и миссионерства в Восточной Сибири.

Одной из главных забот святителя Софрония была проповедь Евангелия язычникам. Он посылал проповедников в инородческие селения, сам часто служил в храмах, где прихожанами были крещеные туземцы, заботился об устройстве быта инородцев, новокрещеным отводил для поселения монастырские земли, чтобы приучить их к оседлости.

Много внимания святитель Софроний уделял благоговейному совершению богослужений и сам служил всегда с молитвенным трепетом. О его аскетическом подвижничестве так писал его келейник: «Пищу употреблял самую простую и в малом количестве, служил весьма часто, ночи проводил в молитве, спал на полу, овечий ли мех, оленья или медвежья кожа и малая простая подушка – вот и вся его постель для непродолжительного сна». Последние дни своей земной жизни святитель Софроний провел в непрестанной молитве. Скончался он 30 марта 1771 г.

В 1743 г. Святейший Синод отправил Духовную миссию на Камчатку во главе с архимандритом Иоасафом (Хотунцевским). Миссия обнаружила на Камчатке три церкви с одним священником и около 6000 православных христиан, оставшихся после первых проповедников слова Божия на этой земле. Труды миссии были чрезвычайно успешны. В 1751 г. архимандрит Иоасаф сообщал Синоду, что на Камчатке крещены все и крестить более некого. Было построено несколько церквей и часовен, открыто 4 школы, в которых в 1748 г. обучалось до 200 учеников – по тем временам это удивительно много. Но в 1761 г. Камчатская миссия была закрыта, и в правление Екатерины миссионерство на Камчатке стало приходить в упадок. Многие из туземцев, крещенных, но не утвердившихся в вере, отпадали от Церкви и снова шли к шаманам и заклинателям.

Наряду с заботами о просвещении инородцев, Православная Церковь не оставляла усилий возратить в свое лоно отпавших от нее в старообрядческий раскол. Архиепископ Тверской Феофилакт (Лопатинский) составил «Увещание православным против лжеучителей», в котором содержались продуманные веские возражения на «Поморские ответы» беспоповцев братьев Денисовых. Текстом этого «Увещания» с успехом пользовались православные миссионеры в полемике со старообрядцами. В 1737 г. пространное обличение на старообрядцев

составил Василий Федоров, присоединившийся к Православной Церкви из раскола.

В 1766 г. с увещанием к старообрядцам, составленным в снисходительном и любящем тоне, обратился иеромонах Платон (Левшин), впоследствии митрополит. Это увещание возымело успех. В старообрядческих общинах углубилось сознание ненормальности их положения, усилилась тяга к соединению с Православной Церковью. И вот в 1778 г. появились первые единоверческие приходы на Ингуле в Нижнем Поволжье, в Стародубье и на юге России. В них поставленные православными епископами священники совершали службу по старым книгам дониконовской печати. В 1800 г. были утверждены составленные митрополитом Московским Платоном «Правила единоверия».

8. Духовное просвещение

18 в. называют веком «просвещенного абсолютизма». Преемники Петра Великого продолжали его политику развития просвещения. Не обойдена была вниманием правительства и духовная школа, которая до самого конца столетия оставалась стеновым хребтом народного образования в России.

Архиепископ Феофан (Прокопович), влияние которого в Синоде в правление Анны было почти неограниченным, не жалел усилий, чтобы как можно скорее осуществить программу перестройки духовного образования, намеченную в «Регламенте». В 1730-х гг. в духовных школах был введен более полный латинский курс по образцу Киевской академии. Школы, сумевшие внедрить такой курс, получали название семинарий, а оставшиеся с одним только славяно-русским обучением стали считаться низшими училищами.

К концу 30-х гг. в России насчитывалось 17 семинарий, в царствование Елизаветы число их выросло до 26, и обучались в них уже около 6000 учащихся. Но полный курс, кроме двух академий, был введен лишь в 8 семинариях: первой высший богословский класс открыла Харьковская семинария, которую называли еще и коллегией, вслед за ней – Невская в Петербурге, Троицкая в Сергиевой лавре, Казанская, Новгородская, Псковская, Тверская и Смоленская. В Тобольской, Рязанской и Нижегородской семинариях выпускники завершали обучение философским классом, в остальных – риторическим. Из неполных семинарий лучших учеников направляли доучиваться в академии и полные семинарии.

Главным недостатком семинарского образования оставался его схоластический, формальный характер, оторванность от приходской

жизни, от храма. Преподавание велось на латинском языке. Много сил ученики тратили на заучивание латинских вокабул и штудирование латинской грамматики, от которой было мало проку выпускнику, когда он выходил на поприще пастырского служения. И все же эти бесконечные зубрежки не пропадали даром, они развивали и память, и умственные способности учеников, изучение латинской словесности расширяло их кругозор, основательное знание латыни открывало доступ к европейской богословской и светской науке.

Школьная дисциплина была тогда чрезмерно суровой. За провинности семинаристов секли розгами. И даже наставники не были свободны от телесных наказаний. Средства семинариям отпускались скудно и нерегулярно. Ректору часто не на что было починить полуразвалившиеся классы, общежития были тесными и холодными, не хватало дров для их отопления. Иногда из-за недостатка средств школы закрывались на неопределенный срок. Учителям выдавались нищенские жалованья, а семинаристы, своекоштные и даже казеннокоштные, добывали себе пропитание уроками, перепиской бумаг, а то и подажаниями. В Киеве студенты зарабатывали гроши распеванием псалмов и кантов, произнесением «предиков» и декламацией виршей, разыгрыванием комедий.

В правление Екатерины II в школьном деле происходили важные перемены. В семинариях было поколеблено господство латинского языка: больше внимания стали уделять преподаванию греческого, древнееврейского и новых языков. Расширился круг общеобразовательных дисциплин, вышедший за пределы классических тривиума и квадривиума: в учебные планы стали включать географию, историю, физику. Во всех семинариях были открыты высшие философский и богословский классы.

До середины 18 в. богословие и философия преподавались в семинариях киевскими учителями и в традициях Киевской академии. Богословие изучали по конспектам митрополита Иоасафа (Краковского), в которых сказывалось влияние Фомы Аквинского и Беллармина. Философия преподавалась по польским учебникам, где все строилось на системе Аристотеля.

Во второй половине века в преподавании философии произошел поворот от Аристотеля к новейшим немецким мыслителям – Лейбницу и Вольфу. В богословских курсах католические влияния постепенно сменились засилием новой протестантствующей схоластики. Образцом для преподавателей стали служить киевские лекции Феофана (Прокоповича). В семинариях пользовались также компиляциями и

конспектами, составленными по системам Буддея, Гергарда и других протестантских теологов. Георгий (Конисский) и Гавриил (Петров), впоследствии видные архипастыри, читали богословие в строго православном духе, но их лекции не были напечатаны и на первых порах не оказали заметного влияния на семинарское преподавание.

Для подготовки широко образованных учителей архиереи посылали семинаристов слушать лекции в открывшемся в 1755 г. Московском университете. В 1788 г. митрополит Гавриил преобразовал Невскую семинарию в Главную семинарию, которая стала готовить преподавателей для других духовных школ. В Московской академии и Троицкой семинарии благодаря участию митрополита Платона уровень образования был поднят к концу столетия выше уровня Киевской академии.

С усилением влияния ученых монахов великорусского происхождения было связано смягчение нравов в семинариях: новые ректоры и наставники стали задумываться об отмене телесных наказаний. Во всяком случае применялись они реже прежнего. Улучшилось обеспечение семинарий. В 1784 г. были введены новые и постоянные оклады для семинарий, хотя они по-прежнему оставались недостаточными. Ректорский оклад составлял тогда 300 рублей в год, учительские – от 30 до 150 рублей, а на содержание студентов академии полагалось от 7 до 15 рублей.

Существенным недостатком духовного образования было отсутствие общей системы, единого руководства. Каждая семинария зависела исключительно от своего епархиального архиерея. Академии отличались от семинарий не столько учебными программами, сколько уровнем образования. Так же, как и семинарии, они включали все классы, начиная с низших.

Академии и семинарии были не только школами, в которых готовили пастырей, но и очагами богословской науки. Важнейшей богословской работой 18 в. явилось исправление и новое издание славянской Библии, которое было исполнено научными силами духовных школ. До середины столетия в употреблении было московское издание 1663 г., перепечатанное с Острожской Библии и ставшее большой редкостью. Мысль о переиздании новой исправленной славянской Библии принадлежала митрополиту Новгородскому Иову, который сам собирался приняться за этот великий труд.

В 1712 г. Петр I поручил исправление Библии ректору Московской академии архимандриту Феофилакту (Лопатинскому) и иеромонаху Софронию (Лихуду) вместе со справщиками Печатного двора. Общее

наблюдение за исправлением было возложено на митрополита Стефана. В основу работы справщики положили текст Семидесяти толковников, но они пользовались и другими греческими переводами, а также Вульгатой и масоретской редакцией. К 1720 г. работа была закончена, но печатание исправленного текста задержалось надолго.

В 1735 г. Синод постановил перенести печатание Библии из Москвы в Петербург под смотрение архиепископа Феофана. Одновременно велено было заново пересмотреть труд прежних справщиков. В Петербурге исправлением славянской Библии занимался архимандрит Стефан (Калиновский), но с рукоположением его в сан епископа Псковского редакторская работа опять застопорилась.

В 1741 г. Святейший Синод распорядился снова перенести печатание Библии в Москву. В Москве за исправление текста принялись префект академии архимандрит Кирилл (Флоринский) и архимандрит Фаддей (Кокуйлович). К 1743 г. их труд был завершен, и Синод приступил к рассмотрению исправленного текста, но и само рассмотрение оказалось весьма сложным и кропотливым делом. Была образована особая комиссия, в которую включили иеромонаха Иакова (Блонницкого) и вызванных из Киева учеников: великолепного знатока еврейского языка и священной филологии Симона (Тодорского), иеромонахов Варлаама (Лящевского) и Гедео́на (Слонимского). В рассмотрении текста Библии комиссия ближе всего сошлась с трудами первых справщиков во главе с архимандритом Феофилактом (Лопатинским). Книги Товит и Иудифь были заново переведены с греческого языка. Третью книгу Ездры исправили по Вульгате. Все исправления старого славянского текста были изложены в особой рукописной книге, а краткий обзор этих исправлений поместили в предисловии к Библии. В 1751 г. исправленная славянская Библия была напечатана. В 1756, 1757 и 1759 гг. последовали переиздания. В истории это издание получило название Елизаветинской Библии.

В 1720–1730 гг. богословская мысль в России была сосредоточена на полемике вокруг «Камня веры» митрополита Стефана. Почитателю и ревностному защитнику богословских взглядов местоблюстителю архиепископу Феофилакту (Лопатинскому) в этой полемике противостоял протестантствующий теолог архиепископ Феофан. Спор закончился для святителя Феофилакта тюремными узами. Его противник восторжествовал в борьбе за церковную власть, стал одним из всемогущих временщиков и подручным Бирона. Но в духовной школе, несмотря на эту его победу, вплоть до середины века преобладало направление оппонентов Феофана.

Перелом произошел во второй половине века, когда богословская

система Феофана стала вытеснять влияние последователей митрополита Стефана и архиепископа Феофилакта. К последователям Феофана принадлежали ректор Московской академии архимандрит Феофилакт (Горский), впоследствии епископ Коломенский, митрополит Киевский Самуил (Миславский). По Феофану составлен был вышедший в 1802 г. на латинском языке «Компендий богословия» ректора Киевской академии Ириней (Фальковского), который современники считали лучшим руководством по богословию.

В экзегетике незаурядным явлением стали толкования на отдельные библейские книги митрополита Гавриила (Петрова). По своему времени замечательным справочником была «Симфония» на Священное Писание, составленная иеродиаконами Германом и Модестом (1773). Классическим руководством по пастырскому богословию стала «Книга о должностях пресвитеров приходских», написанная епископом Смоленским Парфением и архиепископом Георгием (Конисским) и изданная впервые в 1776 г. По этой книге готовили себя к пастырскому служению воспитанники духовных школ не только 18, но и 19 в. Архиепископ Георгий (Конисский) был также известным ученым в области церковной истории. Он великолепно знал церковную и гражданскую историю родного ему западно-русского края. В конце века появились первые исторические труды Евгения (Болховитинова), ставшего впоследствии митрополитом Киевским.

Совершенно особое место в духовной литературе эпохи занимали творения святителя Тихона Задонского, который в век засилия инославных влияний, в век школьного богословия с характерной для него искусственной книжной схоластикой был верным выразителем святоотеческой традиции опытного и живого аскетического богословия.

Среди деятелей церковного просвещения одной из самых ярких личностей в екатерининскую пору был митрополит Московский Платон (Левшин). Родился он в 1737 г. в семье дьячка из подмосковного села. Блестяще окончив Московскую академию в 1758 г., он стал учителем риторики в Троицкой семинарии. После принятия пострига и рукоположения в сан иеромонаха был назначен ректором семинарии. О годах, проведенных в стенах древней лавры, митрополит Платон вспоминал как о лучшей поре своей жизни. Его здесь связывала тесная дружба со столь непохожим на него по складу ума и характера наместником лавры архимандритом Гавриилом (Петровым), впоследствии, как и он, удостоившимся сана митрополита. Отец Гавриил был молчалив, сдержан, задумчив, суров к себе и требователен к другим, а его друг

отличался живым, впечатлительным характером, общительностью и остроумием.

Редкий проповеднический дар молодого монаха сделал его имя известным всей Москве. Когда Троице-Сергиеву лавру посетила Екатерина II, с приветствием к ней обратился ректор семинарии. Его слово поразило императрицу высоким ораторским искусством. Екатерина спросила проповедника, зачем он пошел в монахи. «По особой любви к просвещению», – ответил Платон. «Но разве нельзя в мире пещись о просвещении своем?» – удивилась Екатерина. «Можно, но не столь удобно, имея жену, детей и окруженному суетою мирскою». Ответ понравился царице, и она пригласила отца Платона в Петербург, назначив его законоучителем наследника и придворным проповедником.

В 1766 г. архимандрит Платон был назначен наместником Троице-Сергиевой лавры, а еще через два года хиротонисан во епископа Тверского и включен в состав Синода. В 1775 г. преосвященный Платон был переведен с Тверской на Московскую кафедру, а в 1787 г. возведен в сан митрополита.

Произносимые им проповеди и речи производили одинаково сильное впечатление и на благочестивых простолудинов, и на светское общество, и на ученых. На благодарственном молебне в Петропавловском соборе по случаю победы под Чесмой архипастырь произнес слово, в конце которого сошел с солеи, подошел к гробнице Петра Великого и обратился к нему с патетическим призывом: «Встань теперь, великий монарх, Отечества нашего отец». Впечатление, произведенное этим словом и, особенно, эффектным ораторским приемом, было настолько живым и сильным, что насмешливый граф К. Г. Разумовский с юмором шепнул своему соседу: «Чого він його кличе? Як встане, то всіх нас дістане!» Это слово по приказанию Екатерины было переведено на иностранные языки и сделало имя преосвященного Платона известным в Европе.

Святителю нередко приходилось встречаться с приезжавшими в Петербург европейскими знаменитостями. И, беседуя с ними, он проявлял великолепную эрудицию и редкое остроумие. Знаменита его беседа с энциклопедистом Дидро. Известный атеист сказал собеседнику: «Знаете ли, отец святой, философ Дидро говорит, что нет Бога». – «Это еще и прежде него сказано», – спокойно заметил митрополит. «Когда и кем?» – «Давид сказал: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог». А вы то же говорите устами». Остроумный и мудрый ответ святителя привел в замешательство философа, и тот, как говорят, обнял архипастыря.

Жизнь вблизи двора не погасила искреннего и сердечного благочестия

митрополита Платона. Он свято хранил иноческие обеты и был покровителем монашества. Мудрый архипастырь много трудов положил на устройство православных монастырей в своей епархии. Им была основана пустынь при лаврском кладбище в Вифании, ставшая впоследствии скитом. Покровительствуя монашеству, святитель вынужден был часто сталкиваться с чрезвычайно влиятельным духовником Екатерины и недругом монахов протоиереем Иоанном Памфиловым, тем самым вызывая раздражение и недовольство императрицы.

Не трепетал он и перед скорым на гнев и опалу императором Павлом. При коронации Павла митрополит остановил царя, хотевшего войти в алтарь со шпагой на боку, словами: «Здесь приносится бескровная Жертва. Отыми, благочестивый государь, меч от бедра твоего». И царь послушался иерарха, который некогда был его законоучителем.

Последние годы жизни престарелый архипастырь провел в родной Вифанской обители. На его долю выпало пережить 1812 г., в конце которого, дождавшись изгнания французов из Москвы, он мирно скончался.

Митрополита Платона недаром называли «Петром (Могилой) Московской академии». Он учредил для лучших студентов академии стипендию, удостоенные которой присоединяли к своей фамилии еще и фамилию в память о нем – Платонов. Оттого так много среди известных русских богословов лиц с этой фамилией. При нем Спасская академия и Троицкая семинария переживали подлинный расцвет. Его трудами под Москвой были устроены еще несколько семинарий – Вифанская, Перервинская, Звенигородская, Дмитровская. Святитель много заботился о том, чтобы поднять культурный уровень духовенства. Он хотел, чтобы духовный чин в России стоял на вершине европейской культуры.

Митрополит Платон занял прочное место и в истории русской богословской науки. Среди многих его сочинений особенно значительны «Сокращенная христианская богословия», изданная в 1765 г., три катехизиса – для детей, для народа и для священнослужителей, а также «Краткая российская церковная история» (1805). В богословских воззрениях митрополита Платона историки обнаруживали характерный для его эпохи перевес нравственно-практического учения над догматикой – так называемый «моралистический уклон». Его катехизисы упрекали в расплывчатости догматических и, особенно, эkkлезиологических определений, связанных с влиянием лютеранского пиетизма. Упреки эти справедливы. Но сердечность богословской мысли митрополита Платона, его искреннее благочестие, его стремление сблизить богословие с жизнью,

наконец, естественный и выразительный язык его сочинений делают их замечательными памятниками отечественной духовной литературы.

9. Монастыри и монашество

В первое кратковременное царствование после Петра Великого в положении русских монастырей не произошло заметных перемен. При Петре II, когда в церковных кругах оживились надежды на реставрацию допетровских порядков, изданы были указы, которыми смягчались прежние крутые меры. В «малобратственных» монастырях, оскудевших до такой степени, что часто в них некому было служить, разрешалось увеличить число братии. Некоторые вконец разорившиеся и заброшенные при Петре I обители были открыты заново.

Но эпоха бироновщины подвергла монастыри небывало тяжким испытаниям. Указом 1734 г. за постриг монаха в обход закона – а по закону разрешалось постригать только вдовых священнослужителей – на епархиального архиерея налагался штраф в 500 рублей (по тем временам совершенно разорительная сумма – примерно 1,5 миллиона рублей по нынешнему курсу), настоятель монастыря, в котором состоялся недозволенный постриг, осуждался на пожизненную ссылку, а сам новопостриженный инок лишался монашеского звания и подвергался телесному наказанию.

На настоятелей возлагалась обязанность доносить в Синод о малейших проступках насельников. Виновных монахов либо отдавали в солдаты, либо ссылали в сибирские рудники. Игумены и игумении то и дело вызывались в Петербург и там подвергались допросам в Тайной канцелярии. Тайная канцелярия проводила разборы монахов. Иноки, подозревавшиеся в политической неблагонадежности, а заподозрить можно было тогда кого угодно и по какому угодно поводу, изгонялись из обителей и ссылались на каторжные работы.

В результате этих гонений число монашествующих сократилось почти вдвое: в 1724 г. в монастырях насчитывалось 25 207 монахов и монахинь вместе с послушниками и послушницами, а в конце бироновщины в них осталось лишь 14 282 насельника.

В 1740 г., после смерти царицы Анны, Синод докладывал регентше, что одни монастыри стоят совсем пустые, а в других остались только дряхлые старики и некому совершать богослужение, что множество настоятелей взято под стражу и управление монастырское в плачевном состоянии, что вся жизнь монастырей в крайнем расстройстве.

И только в царствование Елизаветы с монастырей снята была правительственная опала. Прекратились разборы монахов. Возобновились

постриги юных послушников. В 1749 г. вышел указ, по которому семинаристам постриг разрешался с 17 лет, а в 1761 г. было дозволено свободно постригать выходцев из всех сословий. Монастырям возвратили их вотчины. На средства казны восстановили две древние северные обители, пришедшие при Анне в полный упадок, – Валаамскую и Коневскую. Троице-Сергиев монастырь, который пользовался особым почитанием царицы, в 1744 г. был возведен на степень лавры. Елизавета делала лавре щедрые пожертвования. Денежная помощь из средств государственной казны оказывалась и другим монастырям.

Чрезвычайно важным рубежом в истории монастырей явилась секуляризация церковных вотчин, проведенная в 1764 г. Передача земельных владений Церкви в государственную казну лишила монастыри главного материального источника существования. Государство, правда, брало на себя обязательство содержать монастыри из части доходов, которые поступали от секуляризованной земли.

Для этого были составлены монастырские штаты, по которым все монастыри разделялись на три класса, и содержание каждому назначалось в зависимости от класса, к которому он причислялся. К первому классу были отнесены две лавры: Троице-Сергиева и Александро-Невская, 15 мужских и 4 женских монастыря, ко второму – 41 мужской и 18 женских обителей, к третьему – 100 мужских и 45 женских монастырей. Таким образом, в штаты вошло 225 монастырей – менее четверти всех обителей, находившихся в великорусских епархиях, где проводилась секуляризация. Из монастырей, оставшихся за рамками штатов, более 500 было упразднено, приблизительно 150 обителей не закрывались, но должны были впредь существовать на приношения верующего народа и за счет маленьких участков ненаселенной земли, которая обрабатывалась руками самих иноков.

В 1780 г. такая же реформа была проведена в юго-западных епархиях. Закрылось еще более 40 монастырей.

Численность монашествующих в результате указа о секуляризации населенных церковных земель сократилось с 12 до 5 тысяч. Закрылись древние и прославленные обители: Нило-Сорская пустынь и Спасо-Каменный монастырь – на севере, Киево-Братский, Межигорский, Дивногорский и Святогорский монастыри на юге. Закрытые монастыри обращались в казармы, госпитали и даже в дома сумасшедших. Дом сумасшедших был устроен в помещениях Максаковского монастыря на Черниговщине. В Московском Симоновом монастыре целый год располагались казармы.

Суммы, выдававшиеся штатным монастырям из казны, были крайне скудными. Их едва хватало на содержание братии. Монастырские храмы, братские келии, хозяйственные постройки из года в год ветшали и разрушались, а настоятели не решались доносить об этом Синоду из-за опасений, что монастырь в этом случае будет и вовсе упразднен.

При императоре Павле содержание штатных монастырей было удвоено, но и денежный курс к тому времени упал в два раза в сравнении с 1764 г., когда вводились монастырские штаты. Из государственной казны стали тогда выдавать содержание и заштатным монастырям – по 300 рублей в год. Монастырям было дозволено увеличить размеры принадлежавших им незаселенных земельных участков, отведенных под огороды, покосы и выгоны.

Секуляризация церковных имений и введение монастырских штатов, повлекшие за собой упразднение многих древних обителей, вызвало неоднозначную реакцию со стороны иерархии. Одни архиереи, вроде страдальца за Церковь священномученика Арсения или тобольского митрополита Павла, открыто протестовали против ограбления монастырей, другие возмущались втайне и только в доверительных беседах с единомышленниками давали волю своему негодованию. Некоторые же архиереи, особенно из числа великороссов, вместо тщетных сокрушений о понесенных Церковью утратах, обдумывали пути устройства монастырской жизни в новых условиях. В оскудении монастырей «селами и виноградными», в их обнищании они открывали новые возможности для возрождения в них подлинно аскетического духа.

Великим поборником аскетического возрождения монастырей был митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил (Петров). Он родился в Москве в 1730 г., в семье синодального иподиакона и получил образование в Московской академии, по окончании которой был назначен справщиком синодальной типографии. Это был молчаливый, задумчивый человек, внимавший своей внутренней жизни. Чуждый искательства и честолюбия, он тем не менее довольно быстро поднимался по служебной лестнице. В 1758 г. его перевели учителем в Троицкую семинарию, а там настоятель лавры архимандрит Гедеон (Криновский) убедил благочестивого и смиренного преподавателя принять иноческий постриг. После пострига и рукоположения в священный сан иеромонах Гавриил был назначен ректором семинарии, а еще через месяц он стал наместником лавры. Вскоре его перевели в Москву с назначением ректором родной ему академии.

В 1763 г. состоялась его хиротония в епископа Тверского, а через 7

лет он был переведен на столичную Петербургскую кафедру и назначен членом Святейшего Синода. В 1775 г. святитель Гавриил стал архиепископом Петербургским и Новгородским, и, поскольку с Новгородской кафедрой было тогда связано первенство в Синоде, он стал первоприсутствующим членом Синода. В 1783 г. святитель Гавриил был возведен в сан митрополита.

Главной заботой архипастыря было возрождение духовной жизни в монастырях, разоренных разборами и реформами. Сам человек аскетического настроения, он поддерживал духовное общение со многими подвижниками благочестия из иноческой братии. Ближайшим его помощником в управлении многочисленными обителями епархии был его келейник архимандрит Феофан Новоезерский, старец, опытный в духовной жизни.

Митрополит Гавриил находил бесполезным, что настоятелями монастырей обыкновенно назначали ученых монахов, не прошедших настоящей школы духовного делания и рассматривавших порой свое настоятельское служение как ступеньку к занятию архиерейской кафедры. Это были люди крепкой веры, талантливые проповедники, прекрасные администраторы, но не особенно удачные учителя духовной жизни. Святитель Гавриил, вопреки почти всеобщей практике и расходясь в этом со своим другом – митрополитом Платоном, старался назначать настоятелями сильных духом подвижников из обителей со строгим уставом, хотя бы и без семинарского образования. Таких духовно опытных старцев подбирал и представлял ему его келейник.

Особое внимание святитель уделял Валаамскому монастырю. По совету архимандрита Феофана для возрождения в нем аскетического подвижничества он вызвал из Саровской пустыни старца Назария. Саровский настоятель отец Пахомий, дорожа опытным подвижником, не желал отпускать его от себя. В письме митрополиту он отозвался о нем как о человеке малоумном. На это святитель ответил: «У меня много своих умников. Пришлите мне вашего глупца». Валаамский монастырь обязан старцу Назарию новым расцветом в нем духовной жизни.

В монастырях своей епархии митрополит Гавриил старался ввести общежительный устав. Общежительные уставы были введены при нем в Валаамском, Коневском, Иверском, Тихвинском, Новоезерском, Саввино-Вишерском монастырях и в других обителях Севера. Святитель сам составил текст общежительского устава, взяв за образец Афонский устав. Он содействовал введению и укоренению в монастырях старчества. Монастыри он щедро одаривал духовной литературой, особенно

аскетическими творениями святых отцов. Митрополит Гавриил состоял в переписке со старцем Паисием (Величковским) и много способствовал ему в печатании его перевода «Добротолубия».

Известен он и как духовный писатель, его перу принадлежит фундаментальный труд «О служении и чиноположении Православной Греко-Российской Церкви». Он составил «Последование о посещении болящих». Писал он и глубокомысленные толкования на Священное Писание.

Покровитель монашества, ревнитель аскетической жизни, святитель сам был суровым аскетом и молитвенником. Он целые ночи проводил в молитве, стоя на коленях и в слезах. Стол его был крайне скуден. Кусок белого хлеба, горшочек пшенной каши с черносливом и щи из капусты, которые варили ему сразу на несколько дней, составляли его обычную пищу. Почти все свое содержание он раздавал бедным, и его келейник отец Феофан должен был следить за тем, чтобы у архипастыря оставалось хоть что-нибудь для себя. Несмотря на крайнюю занятость в Синоде и по делам епархии, святитель ежедневно совершал богослужение. Близкие ему люди замечали в нем дар прозорливости. Однажды при посвящении ставленника он перед великим входом снял с его головы покров и не стал рукополагать его. А вскоре открылось, что этот человек был виновен в тяжком преступлении.

Первенствующий член Синода, митрополит Гавриил в силу своего служебного положения был близок к высшим правительственным сферам, и несмотря на то, что атмосфера, царившая при дворе, была ему совершенно чужда, он сумел избежать столкновений с правительством в царствование Екатерины. Но при своенравном и взбалмошном Павле он впал в немилость. В 1799 г. митрополита Гавриила пригласили в Гатчину на придворный спектакль, который давали по случаю свадеб великих княжон. Святитель счел для себя неприличным присутствовать на балете и уехал после торжеств до начала спектакля. Император рассердился – и вскоре вышел указ о разделении Новгородской и Петербургской епархии на две отдельные епархии. Митрополит Гавриил был назначен на Новгородскую кафедру, сохранив при этом первенство в Синоде.

В Новгород он выехал больным, разбитым. Поселился там в низких и тесных келиях близ храма Святителя Николая и стал готовиться к смерти. Чувствуя близость кончины, он усилил свои аскетические подвиги. Святитель мирно отошел ко Господу 26 января 1801 г. Погребли его в новгородском Софийском соборе, в приделе Иоанна Крестителя.

10. Подвижники иноческого благочестия

Православные обители и в 18 в., в эпоху разорения монастырской жизни, не оскудели подвижниками благочестия, которые молитвами, «пением, бдением и лощением» стяжали благодатные дары Духа Святого. Своим смиренным житием они опровергали хулу на монашество, столь часто раздававшуюся тогда в правительственных и придворных кругах.

Мужем святой жизни был преподобный Феодор (Ушаков), инок редкой духовной крепости и мудрости. Родился он в 1718 г. в семье помещика Ярославской губернии. В юности служил в Петербурге в гвардейском Преображенском полку. А там среди веселой и беспечной жизни на его глазах произошел знаменательный случай. В разгар дружеской пирушки один из его товарищей упал замертво. Печальное происшествие открыло глаза юному гвардейцу на непрочность земного счастья, мир утратил для него свое обаяние, и юноша духовно прозрел и переродился. В 22-летнем возрасте он в нищенской одежде тайно ушел из столицы и поселился в заброшенной келии на Северной Двине. Начальство, преследуя селившихся в северных лесах старообрядцев, притесняло заодно и православных иноков, спасавшихся там в уединенных скитах.

Юный отшельник был вынужден покинуть свою хижину и отправиться на юг. Он пришел в Площанскую пустынь, расположенную в Орловской епархии. Настоятель пустыни поселил его в лесной келии. Вскоре его как человека беспаспортного схватила сыскная команда, очищавшая леса от подозрительных людей. Пустынножитель открыл на допросе свое имя и происхождение и был отправлен в Петербург.

С ним захотела побеседовать царица Елизавета. «Зачем ты тайно ушел из моего полка?» – спросила она. «Для спасения души», – смиренно ответил беглец. Императрица простила его и пожаловала его званием сержанта, но инок попросил дать ему умереть монахом. Елизавета велела ему поступить в Александро-Невскую лавру.

В 1747 г. Иван Ушаков принял постриг с именем Феодора. В лавре он вел строгую, постническую жизнь. Слава о его подвигах и смиренномудрии разнеслась по столице; к нему стали приходить люди всякого звания за советом и наставлением. Обращались к нему и его бывшие сослуживцы – гвардейцы. У монахов лавры стечение народа к их молодому собрату вызывало зависть. Скорбя об ожесточении братии, смиренный инок просил перевести его в Саровскую пустынь.

Вместе с ним из Петербурга уехали многие его духовные ученики и ученицы. На пути в Саров, в городе Арзамасе, отец Феодор устроил своих учениц в Алексеевском женском монастыре. Два года он пребывал в

Саровской обители, а затем перешел в соседнюю Санаксарскую пустынь. Эта пустынь находилась в упадке и разорении. Келии разваливались. Отец Феодор возобновил и починил их. В 1762 г. он, несмотря на его возражения, по настоянию епископа был рукоположен в сан иеромонаха и назначен настоятелем пустыни.

Настоятелем он был твердым и строгим, «в наставлениях нарочитое имел искусство, в рассуждениях был остр и пространен». Много трудов он положил на введение в обители уставного богослужения. На службы в обители отводилось в будние дни до 9 часов, а в воскресные и полиелейные – до 10 и 12. Настоятель строго требовал внятного чтения во время богослужения. Он говорил: «Если, по слову апостола, в воинских полках труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению. Так и мы скоротечием будем только воздух церковный наполнять, а силы внутреннего смысла читаемого не поймем. Души наши останутся голодными духовно, без назидания. Не чтение Слова Божия, а внутренняя сила и дух оно, понимаемые нами, служат нам ко спасению».

Иеромонах Феодор ввел в пустыни старчество, предполагавшее полное откровение помыслов иноками настоятелю. Всякий монах, когда его смущали и тревожили помыслы, мог прийти к нему в любое время дня и ночи; старец выслушивал инока, часами беседовал с ним, и, когда отпускал его от себя, тот чувствовал на душе свободу и тишину.

Жизнь в обители была крайне суровой. Вкушать пищу дозволялось только за трапезой. В келию можно было брать только квас. Пирогов и белого хлеба не давали и на Пасху. На монастырские послушания – на покос, на рыбную ловлю – выходила вся братия во главе с настоятелем. Келейник митрополита Гавриила Феофан Новоезерский, в юности подвизавшийся в Санаксаре, так описывал жизнь в этой пустыни: «Обитель забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было, с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили: балахоны! Ноги обертывали онучами из самой грубой пеньки... Огня в келье никогда не было».

В 1764 г., с введением монастырских штатов, Санаксарская пустынь подлежала упразднению, но по просьбе настоятеля обитель была сохранена. В конце жизненного пути на долю старца выпали невинные страдания и гонения. Однажды он в присутственном месте укорил темниковского воеводу Неелова, который сам пожелал раньше поступить под его духовное руководство, а потом стал пренебрегать советами своего духовника, жестоко притесняя граждан. Неелов подал жалобу на своего

духовного отца. И Синод перевел старца в Соловецкий монастырь.

Северный климат оказался тяжелым для него, он постоянно болел. Девять лет провел старец на Соловках и возвращен был оттуда в Санаксар по ходатайству архимандрита Феофана Новоезерского. Но и в Санаксаре его притесняли. Только за неделю до кончины преподобному Феодору дозволили самому посетить арзамасскую Алексеевскую общину, в которой спасались его духовные дочери, приехавшие с ним из Петербурга. Преставился многострадальный старец 19 февраля 1791 г.

Расцвет аскетического подвижничества в русских монастырях в конце 18 в. связан с возрождением старчества. В этом благодатном делании особенно потрудился возобновитель традиций древнего иночества великий старец преподобный Паисий (в миру Петр Величковский).

Родился он в 1722 г. в семье полтавского протоиерея. Его отец скончался в молодые годы, оставив детей сиротами. В 13-летнем возрасте мальчика отдали в киевскую братскую школу. Мать хотела, чтобы сын стал приходским священником, но у мальчика рано пробудилось стремление к иноческому житию. Чтение аскетических книг укрепило его в намерении принять постриг.

Однажды ночью Петр тайком убежал из Киева и остановился в Любечском монастыре, куда ему советовал поступить его духовник киево-печерский иеросхимонах Пахомий. Несколько месяцев провел он послушником в Любече, а потом перешел за границу России и поселился в молдавском монастыре святителя Николая на реке Тясмине, где в 19 лет был пострижен в рясофор с именем Платон.

Но и из этой обители ему пришлось уйти, когда начались гонения со стороны униатов. Монастырские церкви были закрыты, а монахи изгнаны. Инок Платон вернулся в Киев и поступил в лавру под руководство своего прежнего духовника иеросхимонаха Пахомия. Он нес послушание в лаврской типографии, занимался гравированием икон на меди. Но его не оставляла давняя мечта о пустынножительстве.

И вот однажды вместе с двумя другими монахами инок Платон отправился на юг, в надежде дойти до Святой Горы. Путь на Афон лежал через Молдавию, где отшельники задержались в скиту Святителя Николая вблизи Трейслина, и только через три года Платон, по благословению настоятеля, отправился дальше – на Святую Гору. На Афоне он получил уединенную келию вблизи лавры Преподобного Афанасия. В ней он совершал подвиг безмолвия и непрестанного творения Иисусовой молитвы.

Когда из Молдавии на Афон прибыл его бывший старец иеромонах

Василий, он по настоятельной просьбе своего ученика постриг его в мантию с именем Паисий и дал ему совет – переселиться в общежительный монастырь, ибо пустынножительство хорошо для опытных монахов, искушенных в духовной брани.

В 1758 г. преподобный Паисий был рукоположен в сан иеромонаха. Вокруг него стали собираться ученики – в основном это были молодые иноки из Молдавии, Валахии и славянских стран. От протата Святой Горы отец Паисий получил для собравшейся вокруг него братии полуразрушенный Ильинский скит вблизи монастыря Пантократор. Но из-за зависти монахов-греков и притеснения турецких властей старец вместе со своими учениками вынужден был уйти с Афона.

Он поселился в приютившей его Молдавии, в Драгомирнском монастыре; в Драгомирне он ввел афонский устав. Но совершенно новым установлением в жизни монастыря было чтение в трапезной святоотеческих аскетических творений. В своей обители иеромонах Паисий ввел за правило откровение иноками своих помыслов настоятелю. Так в Драгомирнском монастыре умножился старческий дар подвижника.

В 1774 г., когда часть Молдавии с Драгомирной отошла к Австрии, старец Паисий решил вместе с братией перебраться в Секульский монастырь, а через 4 года, по воле господаря, его ученикам был отведен также и Нямецкий монастырь близ Секуля. Ученики старца разделились на две монастырские общины, но обе оставались под его духовным руководством.

Слава о мудрости настоятеля разнеслась по всей Молдавии и достигла России. К опытному старцу отовсюду стекались монахи, искавшие подвижнического жития под старческим руководством. Перед кончиной старца в Секульском монастыре подвизалось более ста монахов, а в Нямецком – около 400.

Кроме управления монастырями, старец Паисий в течение последних 20 лет жизни деятельно занимался литературными трудами, которые обессмертили его имя. В долгие осенние и зимние ночи он, обложившись книгами, переводил с греческого языка на славянский творения святых отцов. Старец перевел творения преподобных Исаака Сирина, Максима Исповедника, Феодора Студита, аввы Варсонофия и, наконец, составил аскетический сборник «Добротолубие», основой для которого послужила греческая «Филокалия» его современника святого Никодима Святогорца. «Добротолубие» преподобного Паисия было напечатано в 1793 г. благодаря содействию митрополита Гавриила (Петрова). До появления русского текста «Добротолубия» в переводе святителя Феофана

Затворника в течение целого века славянское «Добротолубие» Паисия (Величковского) было самой читаемой книгой у православных монахов, искавших духовного совершенства.

В 1790 г. русские войска вошли в Молдавию и взяли Яссы. Тогда архиепископ Екатеринославский Амвросий возвел старца Паисия в сан схиархимандрита. Скончался великий старец через 4 года после этого, в 1794 г., в возрасте 72 лет.

После него остались ученики, которые, возвращаясь в Россию, разносили весть о «благочестивом и чудном отце Паисии» и по его заветам возвращали в русских монастырях старчество. К числу особенно усердно потрудившихся на поприще старческого руководства учеников великого молдавского подвижника принадлежат архимандрит Феодосий (Маслов) (1720–1802), возрастивший старчество в Молчанской Софрониевой пустыни, старец Клеопа Валаамский († 1817), архимандрит Феофан Новоезерский, схимонах Афанасий (Захаров) († 1825).

К сонму избранников Божиих, стяжавших благодатные дары иноческими подвигами, принадлежали и некоторые из монахов, удостоившихся архиерейского сана. Великим иноком-аскетом был святитель Тихон Задонский (в миру Тимофей Соколов). Родился он в 1724 г. в Новгородской епархии в семье бедного сельского дьячка. Его отец умер рано, и на долю мальчика выпало сиротство. Ради куска черного хлеба он нанимался в поденщики к богатым крестьянам-огородникам. Однажды мать едва не отдала его на воспитание соседу-ямщику, и только старший брат-причетник отговорил ее от этого шага. Когда Тимофею исполнилось 13 лет, он определил его на свои последние гроши в Новгородское духовное училище.

В училище и затем в семинарии Тимофей был одним из самых нищих студентов. Ему и там приходилось наниматься к огородникам копать грядки и часто лишать себя полпорции казенного хлеба, чтобы, продав ее, купить на вырученные копейки свечку для занятий. Бурсаки смеялись над его истоптанными лаптями, и, словно прообразуя своими шутками будущее прославление смиренного однокашника, они, бывало, размахивали этими лаптями перед его лицом и, потешаясь над ним, припевали: «Величаем тя!».

По окончании семинарии в 1754 г. Тимофей Соколов был оставлен преподавателем, а через 4 года принял постриг с именем Тихон и в том же году был назначен префектом семинарии. Потом его возвели в сан архимандрита и назначили ректором Тверской семинарии. Святой Тихон никогда не забывал своей нищей молодости и оставался человеком

простым, доступным, сострадательным к бедным простолюдинам, благотворителем нищих, голодных, бездомных.

В 1761 г. архимандрит Тихон был хиротонисан во епископа Кексгольмского, викария Новгородской епархии. Его избрание совершено было через видимое проявление Промысла Божия. В Петербурге его имя только для формы внесено было в список кандидатов в новгородские викарии. Но при избрании, совершенном на Пасху по жребию, трижды вынималось имя святителя Тихона. И в тот же день тверской архиерей Афанасий, словно по ошибке, помянул имя Тихона на Херувимской песни как епископа.

После двух лет служения в Новгороде святитель был переведен на Воронежскую кафедру. В Воронеже его первой заботой было заведение училищ для детей из бедных духовных семей. Местную славяно-латинскую школу он преобразовал в семинарию и сам подготовил для нее учебные программы. Много потрудился святитель над тем, чтобы поднять духовно-нравственный и образовательный уровень подчиненного ему духовенства. Он требовал от клириков ежедневно читать Новый Завет. Святитель Тихон был совершенно чужд вельможного духа, которого изрядно набрались многие из архиереев в его время. Со всеми он был прост и любовен. При нем в епархии совершенно прекратились прежние суровые и унижительные наказания над провинившимися духовными лицами.

Духовному окормлению святителя достался обширный край с буйным казацким населением. Епископу приходилось защищать духовенство от произвола самоуправных казачьих старшин, от притеснения своевольных и невежественных чиновников. В народе сохранялись языческие обряды, ежегодно устраивались праздники в честь Ярилы, но святитель Тихон своими проповедями, взывавшими к христианской совести полуверной паствы, сумел искоренить и эти суеверия.

Неутомимые труды по управлению епархией расстроили здоровье святителя, и в 1767 г. он вынужден был уйти на покой – сначала в Толшевский монастырь, а через два года перешел в Задонский Богородицкий монастырь. В обители святой Тихон уединился для сугубых монашеских подвигов. Спал он на соломе, покрытой овчинным тулупом, всю свою архиерейскую пенсию раздавал нищим. Несмотря на слабость и болезни, он помногу занимался тяжелыми черными работами. Вкушая самую скудную пищу, святитель с сокрушением попрекал себя ленью, тем, что даром ест хлеб. Почти ежедневно он молился в храме, сам пел и читал на клиросе, но со временем, по смирению, совсем оставил участие в

совершении служб и только молился в алтаре.

Многие из монахов, в изумлении от простоты его жизни, насмехались над ним. Об этих насмешках святой говорил со смирением: «Я достоин того за грехи мои». Однажды юродивый барин Каменев ударил святителя по щеке, сказав ему с укором: «Не высокоумь», – и святитель, упав в ноги обидчику, просил у него прощения. В келии инок-святитель непрестанно предавался молитве и чтению Священного Писания, творений святых отцов и житийных книг. Псалтирь он знал наизусть.

Много времени он отводил литературным трудам и благодаря им стал великим учителем христианской жизни. Самые замечательные его творения – «Сокровище духовное, от мира собираемое» и «Об истинном христианстве». Название последнего труда и отчасти тематика заимствованы у протестантского немецкого богослова И. Арндта, автора одноименной книги, переведенной на русский язык. В своих творениях святитель Тихон, в отличие от многих современных ему духовных писателей, чуждается диалектической игры богословскими понятиями. Для него самое важное – выяснить ту или иную богословскую мысль по рассуждению Православной Церкви, опираясь на духовный опыт святых, изложить эту мысль так просто и ясно, чтобы она стала руководством для христианской жизни. Заботясь о религиозном образовании народа, святитель едва ли не первым в 18 в. пришел к мысли о переводе Библии на общепонятный русский язык.

В последние годы земного жития святитель Тихон усилил аскетические и молитвенные подвиги. Не раз его видели в духовном восхищении, с просветленным лицом. За три года до кончины он каждый день в молитве просил Господа: «Скажи мне кончину мою». И однажды на заре он услышал: «В день недельный». Вскоре после этого ему было сонное видение. Он видел чудный луч и на луче сияющие палаты. Он хотел войти в эти палаты, но ему сказали: «Через три года можешь войти, но теперь потрудись». После видения святой заперся в келии и принимал только самых близких.

К смерти он приготовил гроб и часто приходил ко гробу с сокрушением плакать о грехах. Незадолго до преставления святитель в тонком сне увидел, как священник выносит из алтаря в Царские врата Младенца под покрывалом. Он поцеловал Младенца в правую щеку, а Тот ударил его в левую. Наутро святой почувствовал онемение левой ноги и трясение левой руки. Скончался святитель Тихон в день недельный, в воскресенье, 13 августа 1783 г.

11. Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь

Петровские реформы повлекли за собой культурный и бытовой раскол нации на высшее общество и народ. В народе – а в культурно-бытовом смысле слова к нему принадлежали тогда не только крестьяне, но и городские сословия и даже часть провинциального и сельского дворянства – хранились старые, допетровские обычаи и нравы.

Крепкую приверженность старине простой народ засвидетельствовал и своим отвращением к курению табака, насаждавшемуся Петром, и тем, что он не захотел, подражая высшему классу, перерядиться в «немецкое» платье, и даже тем, что не принял введенного Петром как повинность для дворян, чиновников и солдат бранобрития. Простые люди строго соблюдали посты, в воскресные и праздничные дни спешили в храмы на богослужение, благоговели перед святынями, чтити монахов, с уважением относились к странникам и юродивым, к бездомным и нищим.

В привязанности к православной старине, которую обличители народа позднейшей эпохи заклеили как обрядоверие, проявилось не одно только обрядовое благочестие народа, но и его верность христианским религиозно-нравственным идеалам, его послушание Церкви.

Свое христианское воспитание простой народ получал исключительно в храме, и единственными его наставниками были пастыри. До середины 18 в. в России вовсе не было школ для крестьянских детей, а первые попытки ввести начальное образование для простолюдинов, предпринятые при Екатерине II, остались только любительской затеей, из которой не вышло толка. Школьная выучка, которая при Петре стала повинностью для детей из дворян и духовного чина, носила утилитарный характер. Она состояла в узкопрактической подготовке к тому или иному роду службы: в духовных школах давалось духовное образование «в надежду священства», а в навигационных, артиллерийских школах, где готовили офицеров и моряков, преподавались математика, физика, баллистика, в них обходились вовсе без Закона Божия, который считался «поповской наукой».

Правда, в 1743 г. вышло распоряжение о том, чтобы родители из дворян и чиновников под угрозой штрафа обучали детей катехизису, и чтобы при определении на службу молодые люди проходили испытание по катехизису. Но сами не учившиеся Закону Божию родители редко бывали в состоянии дать своим детям религиозное образование.

При Екатерине II правительством была осознана необходимость не только профессиональной выучки, но и широкого общего образования. В связи с этим среди прочих предметов в светских школах стали вводить и

Закон Божий, но в обществе уже укоренилось отношение к нему как к «поповской науке», будто бы ненужной будущему чиновнику или офицеру. К тому же в уставах новых светских школ, которые составлялись в духе модных просвещенческих, антиклерикальных идей, законоучителям не рекомендовалось много распространяться о чудесах, о Страшном суде, о вечных муках, а вместо этого внушать школьникам верноподданнические чувства, правила «естественной морали» и «естественной религии» и воспитывать их в духе веротерпимости.

Неудивительно, что при столь грубом небрежении к религиозному образованию высшее общество, подвергшееся после петровских реформ интенсивному воздействию инославного Запада, не сумело сохранить сердечной преданности вере отцов. Европейская культура на первых порах усваивалась крайне поверхностно. Заимствовались западные костюмы и моды, перенимались, часто в карикатурном виде, манеры и правила этикета – до серьезного усвоения европейской науки и философии дело дошло не скоро.

Поэтому в первой половине 18 в. вольнодумство не представляло собой целостной системы взглядов, а выразилось в основном в нравственной распущенности. Пастырям Церкви нелегко было тогда воздействовать на выбившихся из колеи придворных дам и господ. Доморощенные «вольнодумцы», подверженные нравственной и духовной порче, пастырским обличениям противопоставляли свою приверженность реформам, проводившимся правительством, а свой заурядный разврат оправдывали «служением духу просвещенного века». В эпоху бироновщины на особенно смелые обличения пастырей придворные и чиновные «вольнодумцы» отвечали застенками Тайной канцелярии.

Во второй половине столетия верхушка дворянства стала ближе знакомиться с европейской, особенно французской, культурой. При дворе все стали говорить по-французски. Состоятельные помещики отдавали детей на воспитание гувернерам-иностранцам, которые внушали своим подопечным презрение к родному языку, к простому народу, к православной вере, над которой глумились как над достоянием невежественной черни. Для завершения «образования» юноши из самых знатных фамилий ехали за границу, и непременно в Париж, где получали возможность на месте познакомиться с плодами, а часто и с самими деятелями боготворившегося ими заочно «просвещения».

Среди «властителей дум» в ту пору всеевропейской славой пользовался рационалист и скептик Вольтер, перед которым его почитатели, словно новоявленные идолопоклонники, преклонялись как

перед кумиром. Знакомство с Вольтером знатные русские путешественники почитали за высокую честь для себя. Сочинения этого писателя, по свидетельству иностранцев, образованные русские «носили в карманах, словно молитвенники или катехизис».

Увлечение Вольтером и энциклопедистами прививало полуобразованному русскому дворянству скептическое пренебрежение к религии. Кощунственные выходки в этом кругу считались проявлением образованности, а набожность и верность христианскому долгу хулилась как ханжество и суеверие.

С углублением теоретического вольнодумства ниже падала общественная нравственность. Большинство светских людей не доросло до серьезного и систематического усвоения европейской литературы, науки, философии, которая не сводилась к одному только деизму, скептицизму и атеизму. Они быстро и легко заимствовали крайности отрицательного направления, а еще быстрее и охотнее усваивали циничные практические выводы из этих крайностей: «яждь, пей и веселись».

Целые состояния проматывались на безумную роскошь, в семьях царил жестокий эгоизм: сын не считал своим долгом уважать отца, ибо, говорили наши доморожденные «естественные моралисты», «все животные не имеют такого правила, и щенок не уважает того пса, который некогда был его отцом». Супружеская верность бывала предметом самых грубых насмешек, над ней потешались как над нелепым проявлением отсталости и невежества. Участились случаи разводов.

А пастырские обличения против затопившего общество разврата по-прежнему встречались светским обществом в штыки. Обличителю, правда, при Екатерине уже не грозил застенки Тайной канцелярии, но и слушать его никто не хотел. Проповедников христианской нравственности клеймили как суеверов и мракобесов. Вольтерианские настроения, захватившие придворный круг, встречали полное сочувствие и одобрение со стороны правительства. В печати запрещалась всякая полемика против вольнодумства. Знаменитому писателю и апологету Фонвизину не удалось напечатать перевода книги Клерка о бытии Божиим, потому что этому изданию воспротивился обер-прокурор Синода Чебышев, который послужил потом драматургу прототипом для его «бригадира».

Но все-таки и среди европейски образованных дворян встречались люди, у которых «естественная мораль» «просвещенного» века вызывала тошноту. В последние десятилетия 18 столетия общество стало ощущать религиозный голод. Но люди, воспитанные иноземными гувернерами, получившие образование из французских книг, настолько безнадежно

оторвались от родного народа и от отеческой веры, что в поисках истины обращались не к святым отцам, а к западным богословским и религиозно-философским книгам в надежде обрести ее либо в доктрине Католической Церкви, либо в эзотерических системах, которые развивались в недрах расплодившихся в России в конце 1770-х гг. масонских лож.

Первые русские ложи, вроде Елагинской, состояли из деистов и вольнодумцев, проповедовавших «естественную мораль», но вскоре московская ложа Розенкрейцеров стала очагом мистических увлечений и оккультной практики. Видными масонами в Москве были профессор химии Шварц, журналист и издатель Н. И. Новиков, в Петербурге – И. В. Лопухин, Херасков. Масоны вели идейную борьбу на два фронта: против «лжемудрознаний вольтеровской шайки» и против ревнителей «внешней Церкви», по существу это была борьба против догматических основ церковности, хотя борьба с православием велась тонко и скрыто и, несомненно, многими из «малопосвященных» членов лож и не сознавалась как борьба.

Внешнего благочестия масоны старались не нарушать. Многие из них охотно «исполняли» церковные обряды и «должности», иные даже настаивали на неприкосновенности чинов и обрядов церковных, «наипаче религии греческой». Православное богослужение они ценили за его символическое богатство, но из литургических символов особенно дорожили теми, которые напоминали им о дохристианской древности.

В своих доктринах масонство возрождало оккультные учения неоплатоников и иудействующего гностицизма. «Церкви внешней» и всему «историческому христианству» в ложах противопоставляли «внутреннюю церковь», которая отождествлялась ими с их «орденом». А в этом «ордене» были свои обряды и тайны, была своя лестница «священных» степеней и ритуал посвящения в них, была своя железная дисциплина, которой могла бы позавидовать любая политическая организация. Поэтому масонские ложи оказались удобным орудием в руках тайных политических сил, враждебных христианской государственности, причем при самой искренней благонамеренности многих из тех, кого вовлекли в ложи соблазном эзотерической духовности.

Грозные события во Франции встревожили двор Екатерины Великой. Императрица испугалась, что поощрение безрелигиозного вольнодумства может обернуться для нее эшафотом. Срочно стали приниматься крутые меры против распространения либеральных идей, а заодно и против масонских лож. Правительство усилило цензуру, запретило бесконтрольный ввоз в страну французских книг, распорядилось закрыть

вольные типографии. В 1791 г. запрещены были масонские ложи, «мистические» книги велено было сжечь. «Типографическая компания», выросшая из масонского «Дружеского ученого общества», была закрыта. В 1792 г. книгоиздателя Новикова заключили в Шлиссельбургскую крепость.

Но после смерти Екатерины масонство, пользуясь расположением императора Павла, быстро подняло голову, ибо запреты лож не уничтожили их, а только заставили «вольных каменщиков» притихнуть и на время уйти в подполье, что не представляло никакого труда для тайной организации с широкими заграничными связями. Павел приблизил ко двору видного масона Лопухина. В «вольные каменщики» записалось тогда множество лиц, занимавших высокое положение в правительстве, в армии, при дворе.

Духовное возвращение в Церковь для образованного русского дворянина 18 в., заблудившегося на путях наивного ученичества у Запада, было едва достижимым делом. И счастливых примеров оказалось не так уж много. Но и в эту эпоху в дворянском обществе еще оставались люди, сумевшие не заразиться духовной порчей. Среди них были и настоящие праведники и праведницы. Имя одного из них хорошо известно в России и за ее пределами. Это выдающийся флотоводец адмирал Феодор Ушаков (1743–1817), которого Церковь прославила в наши дни в лике святых. В Санаксарском монастыре Саранской епархии покоятся его святые мощи. Племянник преподобного старца Феодора (Ушакова), он от юности до последних дней своего жития хранил верность Христу, являя ее образом своей жизни – жертвенным служением Богу и Отечеству, любовью к ближним, подлинно христианским великодушием в обращении с пленными, бесребреничеством. В последние годы своего земного жития, поселившись возле Санаксарской обители, он предавался особенно усердным молитвенным и аскетическим подвигам. Святой праведный Феодор в новую эпоху явил в себе зримые черты средневекового христианского воина и полководца, уподобившись древнерусским святым защитникам православной Руси великим князьям Александру Невскому и Димитрию Донскому.

В 18 в. подвизалась и одна из самых почитаемых в России подвижниц– святая блаженная Ксения Петербургская. Ксения Григорьевна Петрова была женой полковника и придворного певчего. В 26 лет она погребла скоропостижно скончавшегося мужа. Потрясенная утратой нежно любимого человека, она ясно осознала тщету земного счастья и приняла на себя подвиг юродства во Христе.

Все имение она раздала нищим. Сама же оделась в платье покойного

мужа и назвала себя его именем – Андреем Федоровичем. Когда это одеяние изнашивалось и истлело, блаженная Ксения стала носить только рубашку, кофту и платок, а на ногах – разорванные башмаки без чулок, и никакого теплого платья, даже в самые лютые зимние холода. Жила она на Петербургской стороне, где ютился бедный люд; да и там не имела постоянного пристанища, а ходила из дома в дом. По вечерам блаженная Ксения уходила за город в поле и молилась там до рассвета. Когда на Смоленском кладбище строилась церковь, блаженная Ксения целыми ночами трудилась на стройке, таская кирпичи.

Народ любил и почитал блаженную Ксению как святую. В бедных семьях ее посещения становились праздниками. Матери радовались, когда она качала люльку младенца или целовала его, видя в этом хороший знак для ребенка. Своими молитвами и аскетическими подвигами, своей преданностью Богу и сострадательной любовью к людям блаженная стяжала дар прозорливости. В канун смерти царицы Елизаветы блаженная Ксения ходила по улицам столицы и говорила народу: «Пеките блины, пеките блины, пеките блины, завтра вся Россия будет печь блины». За несколько дней до убийства царственного узника Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости юродивая горько плакала и повторяла: «Кровь... кровь... кровь!».

Господь послал блаженной Ксении долгую жизнь. Она скончалась уже в начале 19 в. Над могилой святой угодницы Божией на Смоленском кладбище воздвигнута часовня. И эта часовня стала святыней для православных петербуржцев и всего верующего народа.

Великим праведником был еще один русский подвижник 18 в. – святой Иоанн Русский. Он родился в конце 17 в. на Полтавщине. В молодости был призван в армию и стал солдатом. Во время злополучного Прутского похода, в 1711 г., вместе с другими воинами он был пленен крымскими татарами, которые продали его в рабство турецкому вельможе.

Владелец увез пленника в Малую Азию, в селение Уркион (по-гречески – Прокопий). Хозяин годами истязал своего раба-христианина, чтобы заставить его принять ислам. Пытался он склонить его к измене отеческой вере и обещаниями всяческих благ, но святой исповедник твердо хранил верность Христу. Он говорил: «Ни угрозами, ни обещаниями богатств и наслаждений ты не сможешь отклонить меня от святой моей веры. Я родился христианином, христианином и умру».

И жестокий гонитель отступил. Он перестал мучить пленника и поставил его ухаживать за скотом. В скотном стойле устроил праведный Иоанн и свою постель. Своему господину он был верным слугой: – и в

летнюю жару, и в зимние холода, полунагой и босой, он трудился целыми днями, не зная отдыха. Хозяин со временем полюбил добросердечного, кроткого и исполнительного раба. Он решил отпустить его на волю, но праведный Иоанн остался в стойле, где он мог каждую ночь беспрепятственно молиться Богу. По праздникам святой Иоанн приходил в греческий храм великомученика Георгия и причащался Святых Христовых Таин. Все, что зарабатывал у господина, он раздавал нищим.

27 мая 1730 г. праведный Иоанн Русский отошел ко Господу, причастившись перед кончиной Святыми Дарами, которые священник, побоявшись войти в дом к вельможному турку, прислал праведнику в яблоке. Хозяин отдал тело исповедника священнику для христианского погребения. Все греки, жившие в Прокопии, собрались на погребение единове́рца из России. А через три года были обретены нетленные мощи святого. Угодник Божий прославился многими чудесами и знаменами, явленными у его цельбоносных мощей.

Когда в 1920 г. греки были изгнаны из Турции, жители Прокопия перенесли мощи угодника как драгоценную святыню в новое селение на греческом острове Эвбее, которое они назвали именем своей утраченной родины– Прокопием. Ныне мощи святого Иоанна почивают в Прокопии, в храме, названном в его честь, и к этим цельбоносным мощам стекаются православные люди из Греции, России и со всего мира, получая у них чудотворную помощь от Бога по молитвам к Его угоднику.

В первой половине 18 в., когда правительство жестко контролировало церковную жизнь, когда рассказывать о благодатных проявлениях милости Божией было небезопасно, ибо, не оказавшись у свидетеля чуда веских доказательств в подтверждение истины его слов, он рисковал попасть под действие петровского указа о вырывании ноздрей и ссылке на галеры за разглашение ложных слухов о чудесах, когда процедура канонизации была обставлена паутиной тормозивших дело формальностей, – в эту эпоху для церковного прославления новоявленных святых обстановка была неблагоприятной.

Но в царствование Елизаветы, которая была искренней дочерью Церкви, приверженной вековым традициям православного благочестия, совершена была первая после учреждения Синода канонизация. 21 сентября 1752 г. при починке опустившегося пола в Ростовском соборном храме в честь Зачатия Пресвятой Богородицы обнаружили нетленное тело погребенного здесь митрополита Димитрия. Место это было сырое, и дубовый гроб, в котором покоился святитель, сопреп, но тело его, омофор, саккос, митра и шелковые четки остались нетронутыми тлением. Над

мощами святого совершались многие исцеления. О чудесах доложили в Святейший Синод. В Ростов для освидетельствования мощей прибыли митрополит Суздальский Сильвестр и настоятель Симонова монастыря архимандрит Гавриил. 29 апреля 1757 г. Святейший Синод издал указ о причислении митрополита Димитрия к лику святых угодников. Служба святому составлена священномучеником митрополитом Арсением.

В царствование Екатерины II, в 1764 г., были обретены мощи епископа Иркутского Иннокентия, которые прославились многими чудесами. Но Екатерина не расположена была мирволить народному благочестию, и канонизация святителя Иннокентия смогла состояться лишь через 40 лет после обретения его мощей – в 1804 г.

2 сентября 1796 г. совершилось открытие цельбоносных мощей преподобного Феодосия Тотемского, завершившего земное житие в 1658 г. Через два года после этого Святейший Синод установил празднование его памяти. Службу преподобному написал князь Г. П. Гагарин.

Церковные праздники устанавливались и в память о благодеяниях Божиих, явленных через чудотворные иконы. В 1730 г. от Смоленской иконы Божией Матери, находящейся в Троице-Сергиевой лавре, получил исцеление псаломщик, у которого руки были скрючены и пригнуты к спине. Память об этом событии празднуется 28 июля.

В 1760 г. установлено празднование иконе Божией Матери «Утоли моя печали», хранившейся в московском храме Святителя Николая в Пыжах, в память об исцелении больной женщины после молебна перед этим святым образом. Многие исцеления от икон Пресвятой Богородицы совершались во время страшной чумы 1771 г. Особенно прославились исцелениями чтимые списки с Боголюбской иконы: Боголюбская-Московская, Боголюбская-Зимаровская, Боголюбская-Юрьевская.

В воспоминание об избавлении от моровой язвы 1771 г. установлено также празднование Калужской иконе Божией Матери. Явление этой иконы произошло еще в 1748 г. в селе Тинькове под Калугой, в доме помещика Хитрова. Одна из служанок, перебирая старые вещи на чердаке, обнаружила в холстинном свертке изображение женщины в темном одеянии с книгой в руках и приняла его за портрет игумении. Другая служанка, Евдокия, отличавшаяся вспыльчивым нравом, в это время бранилась, и подруга, укоряя ее, пригрозила ей гневом «игумении». Евдокия, придя в исступление, плюнула на лик и тотчас упала без чувств. В следующую ночь родителям Евдокии явилась Богородица и открыла им, что это Ее лик был поруган их дочерью. Царица Небесная повелела им совершить молебен перед обретенной иконой. После молебна больная

выздоровела.

Эта икона еще много раз проявляла чудесное покровительство православным людям: и в чуму 1771 г., и в Отечественную войну 1812 г., когда многие из русских и французских солдат видели этот образ «на воздушных», и после таких видений всегда побеждало русское оружие.

Новоявленным святым и прославленным иконам составлялись службы и акафисты. Новые службы составлялись и тем святым, имена которых давно уже вошли в церковный календарь. Митрополит Платон написал акафист преподобному Сергию Радонежскому. Священник Иоанн Алексеев составил акафист и службу святителю Стефану Пермскому, а протоиерей Иоанн Красовский – службу Феодоровской иконе Божией Матери.

В течение всего столетия просматривались и исправлялись богослужебные чины и последования. Особенно важным был труд по исправлению Постной и Цветной Триоди, предпринятый игуменом Софронием (Младеновичем). Исправлены были также чин принятия иноверцев и еретиков, чин на умовение ног, чин мироварения. Митрополит Гавриил внес исправления в последование Недели торжества православия и в чин исповеди.

Во избежание неисправностей и опечаток Библия, богослужебные книги и Кормчая книга могли издаваться тогда не иначе как по благословию Святейшего Синода и только в синодальных типографиях в Москве и Петербурге, а также в типографии Киево-Печерской лавры.

12. Церковное искусство

При императрице Елизавете Святейшим Синодом был издан указ об искусном написании и приличном содержании икон в частных домах. Небрежно написанные иконы велено было отбирать. Иконопись 18 в., подверженная западным влияниям, постепенно приобретала черты европейской религиозной живописи. Но при написании икон соблюдался православный иконографический канон. В провинции долго еще сохранялись иконописные приемы допетровской старины.

Строй духовной жизни России 18 в. особенно полно выражало церковное зодчество. Колоннады и портики православных храмов, их ордерный декор, увенчивающие их итальянские купола или скандинавские шпили символически отражали влияние инославного Запада на Россию. Средоточием этих влияний стала новая столица на Неве, затмившая внешним блеском первопрестольную Москву. Петербург не рос веками, как Москва, а возводился в считанные десятилетия, словно по единому плану и с самого начала как столица великого европейского государства.

В 1748 г. на окраине города, на месте старого смоляного двора, знаменитый зодчий Ф. Б. Растрелли начал сооружать монастырь, получивший название Смольного. Монастырь строился в стиле барокко, но архитектор с незаурядным искусством сумел придать ему и некоторые национально-русские черты. Подобно древним обителям Руси, Смольный монастырь получил замкнутую форму. Здания келий расположены крестообразно вокруг собора, по углам ансамбля возведены четыре однокупольные церкви, которые напоминают башни на стенах старинных монастырей. Но в отличие от древнерусских обителей с их асимметричным, свободным расположением построек, в Смольном соблюдена строгая симметрия. С русской стариной Смольный монастырь роднит пластичность его отделки, обилие украшений, но создается эта пластичность совсем иными средствами, чем в древности, характерными для барокко пучками декоративных колонн и пилястр, сочетанием выпуклых и вогнутых плоскостей. Монастырский собор увенчан традиционным для русских храмов пятиглавием. При жизни Растрелли отделка Смольного монастыря не была завершена. Заканчивал постройку уже в 30-х гг. 19 в. архитектор В. П. Стасов, бережно сохранивший замысел и стиль автора проекта.

В 1753–1762 гг. по проекту архитектора С. И. Чевакинского у пересечения Екатерининского и Крюкова каналов соорудился Никольский Морской собор. Этот храм тоже выполнен в барочном стиле. Для его облика характерна та же, что и в постройках Растрелли, удивительная изощренность украшений. Собранные в пучки колонны, лепные наличники в виде головок Ангелов, сложные гирлянды вокруг верхних овальных окон придают храму живописный, праздничный облик. Перед храмом Чевакинский поставил трехъярусную колокольню со стройным, высоким, тонким силуэтом.

В конце века, в 1790 г., закончилось сооружение Троицкого собора в Александро-Невской лавре. В эту пору на смену барокко в зодчество пришел новый стиль – классицизм. И. Е. Старов, зодчий Троицкого собора, был одним из самых талантливых архитекторов-классицистов. Облик Троицкого собора строг, выразителен. Над центром собора возвышается купол, а над западной стороной храма – две колокольни, включенные в единый объем сооружения. И. Е. Старов возвел также надвратную церковь лавры, которая композиционно связывает монастырь с Невским проспектом.

В Москве в эту эпоху тоже строились храмы в барочном и классическом стиле, придающие древнему городу новые, европейские

черты. Один из самых прекрасных храмов новой Москвы— церковь святителя Климента, епископа Римского, на Пятницкой улице, воздвигнутая в 1762–1770 гг. зодчим, имя которого осталось неизвестным. Огромный двухэтажный собор с могучим пятиглавием, возвышающийся над панорамой Замоскворечья, не кажется массивным и тяжелым. Порттики из полуколонн коринфского ордера, украшающие верхний этаж, небольшие главки с перехватом, декоративная лепнина из растительного орнамента зрительно растворяют огромные объемы храма, создают впечатление легкости.

Одна из вершин русской архитектуры 18 в. – колокольня Троице-Сергиевой лавры, возведенная в 1740–1770 гг. по проекту И. Ф. Мичурина и его ученика Д. В. Ухтомского. Пятиярусная колокольня, превышающая по высоте звонницу Новодевичьего монастыря и кремлевскую колокольню Ивана Великого, ставшая архитектурным центром древней лавры, не подавляет других лаврских строений, не нарушает архитектурной целостности монастыря, не кажется в нем инородным телом. Ее стройная и легкая, прорезанная арками башня органически сливается с архитектурным пейзажем обители, служит его центром. Четыре одинаково оформленных фасада подчеркивают центральное положение колокольни в ансамбле монастыря. Со всех сторон одинаково хорошо видна вертикаль колокольни, поддержанная могучим пятиглавием древнего Успенского собора. Сооружение колокольни логически завершило создание прекрасного архитектурного ансамбля древней святыни, продолжавшееся веками.

Церковное пение в 18 в., подобно храмостроительству и иконописи, подверглось влияниям инославного Запада. До середины столетия в церковной музыке городских соборов и церквей преобладало польско-киевское партесное пение, заведенное в Москве еще при царе Алексее Михайловиче и сохранившее в себе некоторые древние напевы. Но с середины века во главе петербургской Придворной капеллы оказались итальянские и немецкие музыканты, которые навязали свои вкусы и русским регентам. Церковное пение в городских соборах приняло концертный характер, только в монастырях и сельских храмах хранились еще традиции древнего церковного пения.

Среди русских церковных композиторов 18 в. особенно замечательными мастерами были М. С. Березовский († 1777), который составил музыку полной литургии, написал много причастнов и концертов, и А. Л. Ведель († 1808), написавший великопостное песнопение «Покаяния отверзи ми двери», сохранившееся в церковном

обиходе и поньне.

Глава 3. Русская православная церковь в 19 в.

1. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1801–1825 гг.

В 1801 г., после убийства императора Павла, на российский престол взошел его сын Александр I. В начале царствования император мало интересовался церковными делами. Ближайшее его окружение составляли католик князь Чарторьжский и малорелигиозные люди – Новосильцев, граф Кочубей, граф Строганов.

Из его сотрудников один М. М. Сперанский, происходивший из духовного сословия, выпускник Петербургской семинарии, хорошо знал церковные дела. Александр I поручил ему составить план преобразования всех правительственных и судебных учреждений империи. Сперанский первым в окружении царя поднял вопрос о состоянии Церкви, о духовном образовании и положении духовенства. Для проведения реформ по Ведомству православного исповедания решено было назначить в Синод нового способного и энергичного обер-прокурора.

В 1803 г. обер-прокурором стал друг юности царя князь А. Н. Голицын. С именем этого деятеля связано непомерное усиление обер-прокурорской власти в сравнении с полномочиями обер-прокуроров 18 в. Голицын не получил никакого религиозного образования и в молодости к Церкви относился хуже, чем равнодушно. Но, поставленный для надзора над Синодом, он основательно разобрался входе церковных дел и занялся чтением религиозных книг. С годами он проникся религиозными настроениями. Но как это обыкновенно случалось со светскими людьми, оторванными от родной православной традиции, князь Голицын в поисках истины обратился к западным богословским и мистическим книгам и поначалу увлекся католицизмом, а потом – бездогматным мистицизмом. Мечтательная религиозность, мистическое любопытство сочетались в нем с властным, деспотическим характером и незаурядным административным талантом.

В 1807 г. по утвержденному царем докладу Голицына был образован особый комитет из духовных и светских лиц. В него вошли митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископ Феофилакт (Русанов), протопресвитер С. Краснопевков и обер-священник И. Державин, а также сам Голицын и Сперанский. Комитету поручено было составить план реформы духовного образования и изыскать способы лучшего обеспечения духовенства. Через год комитет с успехом решил свою задачу. В 1808 г.

началось проведение важнейшей в истории богословского образования реформы.

В ту пору во главе церковного управления стоял петербургский митрополит Амвросий, который умел наладить хорошие отношения с собратями-иерархами и светской властью, во многих случаях ему удавалось дипломатично, но твердо защитить Церковь от властного произвола обер-прокурора.

В 1812 г. на Россию обрушились бедствия наполеоновского нашествия. Вражеские полчища опустошили и разорили те уезды, по которым они прошли, двигаясь на Москву. Разорению и сожжению подверглась первопрестольная столица: 12 церквей сгорели дотла в московском пожаре, 115 были сильно повреждены, все остальные разграблены. В храмах завоеватели, наследники великой революции, проникнутой антихристианским пафосом, устраивали казармы, конюшни и бойни. Успенский собор в Кремле, превращенный революционными вандалами в конюшню, был разграблен и ободран, на месте серебряного паникадила висели весы для взвешивания награбленных драгоценностей. Гробницы со святыми мощами московских святителей были обнажены от металла, мощи священномученика Филиппа повержены на пол, а мощи святителя Алексия после ухода иноземцев были найдены в мусорной куче на паперти. Французы глумились над святыми иконами, в священные одежды одевали лошадей и блудниц.

Перед выходом из Москвы Наполеон велел взорвать Кремль. От пяти мощных взрывов потряслись стены Кремля. В воздух взлетели камни и бревна. Колокольня Ивана Великого дала трещину. Повреждена была Никольская башня. Но чудотворный образ святителя Николая на полуразрушенной башне остался невредимым. Хрупкое стекло киота погнулось, но не лопнуло. Не оборвалась и веревка, на которой висел фонарь со свечой.

В самом начале войны Святейший Синод в особом послании благословил православный народ России на отпор врагу и защиту Отечества. В храмах служились молебны о победе русского оружия. Архиепископом Августинем (Виноградским) была составлена «Молитва об изгнании врагов из Отечества», в тексте которой говорилось: «Боже отец наших... всех нас укрепи верою в Тя, утверди надеждою, одушеви истинною друг ко другу любовью, вооружи единомудшием на праведное защищение одержания, еже дал еси нам и отцем нашим, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных...».

Накануне Бородинского сражения главнокомандующий князь М. И.

Кутузов-Смоленский вместе с русскими воинами усердно молился перед Смоленской иконой Божией Матери. Очевидец этого молебна вспоминает: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по велению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле»; а во французском лагере раздавалась веселая музыка – там заранее праздновали «победу».

Митрополит Платон, желая пострадать вместе со своей паствой, в день Бородинского сражения выехал из Троице-Сергиевой лавры в Москву. Господь судил ему, однако, дожить до вести об изгнании французов из столицы. Он скончался 11 ноября 1812 г., оставив кафедру викарию архиепископу Августину. В канун сдачи столицы, 1 сентября, в Успенском соборе Кремля архиепископ Августин отслужил последнюю литургию среди общего плача. Он едва успел вывезти из Москвы антиминосбора и вековые святыни –Владимирскую, Смоленскую и Иверскую иконы.

Оставшиеся в Москве священники напутствовали Святыми Тайнами не успевших выехать больных и умирающих. От неприятельских солдат они выносили поругания и оскорбления, многие из них мученически пострадали за веру от захватчиков. Полковые священники на полях битв проявляли бесстрашие. Духовные лица находились и в партизанских отрядах.

Но во время войны произошел эпизод и иного характера. В Могилеве, где разместился корпус маршала Даву, оккупационные власти потребовали от местного архиерея архиепископа Варлаама (Шишацкого) вместе с подведомственным ему духовенством принести присягу Наполеону, и архиепископ Варлаам подчинился, присягнул сам и велел сделать то же самое епархиальному духовенству. Большинство клириков присягнули. 1 мая 1813 г. Святейший Синод лишил архиепископа Могилевского Варлаама за учиненную им государственную измену сана, и он был простым монахом водворен в Преображенский монастырь Новгорода-Северского.

Синод пожертвовал на военные нужды 1,5 миллиона рублей. На спасение родины жертвовали свои сбережения архиереи и монастыри, священнослужители и миряне. После войны всюду, где побывали французы, надо было восстанавливать монастыри и храмы, оказывать помощь разоренному духовенству. На эти цели Синод выделил еще 3,5 миллиона рублей.

Страшные бедствия, перенесенные Россией в Отечественную войну,

вызвали глубокие перемены в настроениях общества. Прежние галломанские увлечения обнаружили свой противонациональный характер. В благодарственном молебне о спасении Отечества от врагов Церковь выразила горькое сознание: «О ихже ревновахом наставлениях, сих имеяхом врагов буиих и зверонравных». В обществе усилились патриотические и религиозные чувства.

Душевный перелом пережил и Александр I. Он говорил: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал. Тогда я познал Бога, как Его описывает Священное Писание». Это признание характеризует настроения не только самого государя, но и значительной части высшего общества, переживавшего тогда реакцию на прежние вольнодумные увлечения екатерининского века. Но в этом состоянии люди, отставшие от основных начал русской жизни, забывшие о родной вере, нередко обращались не к святым отцам, а к книгам западных богословов, мистиков, религиозных философов.

Сам император, находясь с армией за границей, встречался со всякого рода мистиками сектантского толка. В Силезии он беседовал с моравскими братьями, которые умилили его своей кротостью и любовью. В Лондоне Александр I встречался с квакерами, беседовал с ними о внутренней духовной молитве, сам молился вместе с ними и приглашал их в Россию для устройства ланкастерских школ, тюрем и филантропических учреждений. В Бадене он виделся со знаменитым мистическим писателем Юнгом-Штиллингом, и они оба пришли к выводу, что во всех христианских исповеданиях есть доля истины, но не одно из них не содержит всю полноту ее.

Мистические настроения захватили и обер-прокурора Голицына. Пользуясь столь влиятельным покровительством, проповедники нецерковного мистицизма с большим размахом развернули прозелитическую пропаганду. Мистицизм, заимствованный на Западе, причудливо сливался с доморощенным мистическим хлыстовством. На собраниях у великосветской сектантки Татариновой устраивались хлыстовские и скопческие «радения».

В обстановке этой мистической одержимости возрождались и усиливались масонские ложи. К масонству с благожелательным интересом относился сам Александр I. В масонской ложе состоял его брат великий князь Константин. Среди «вольных каменщиков» числились такие влиятельные лица, как князь Репнин, граф Виельгорский, Уваров, А. И. Тургенев. В высшем обществе сложилась тогда поговорка: да кто же ныне

не масон. Ложи «Коронованный Александр», «Умиравший Сфинкс», «Соединенные друзья Палестины» приобрели значительное влияние на все сферы государственной жизни.

Видный масон А. Лабзин возобновил масонское книгоиздательство, запрещенное при Екатерине Великой. Лабзин издавал журнал «Сионский вестник», на страницах которого под видом вселенского, универсального христианства и внутренней церкви проповедовался адогматический религиозный синкретизм. Переводились и печатались книги западных «мистиков» Эккартсхаузена, Сен-Мартена, Гюйона, Юнга-Штиллинга.

Мощным орудием строителей «внутренней церкви» стало основанное в 1813 г. Петербургское Библейское общество, переименованное через год в Российское. Оно действовало как секция Английского Библейского общества, и главными заправилами в ней были пасторы Паттерсон и Пинкертон. Первое собрание общества состоялось в доме князя Голицына. Он же стал и его президентом. Своей целью общество объявляло распространение Библии среди иностранцев и инославных, но уже в 1814 г. оно получило от государя право издавать Священное Писание и на славянском языке. В 1816 г. было решено приступить к изданию Библии на русском языке.

Дела общества шли блестяще. Его отделения появились в самых глухих уголках страны. Имущество этого учреждения во много раз превышало казну Синода. Его покровителем состоял сам император. В общество входили министры, сенаторы, губернаторы. В состав Библейского общества ввели нескольких архиереев и других духовных лиц. Из общества частного, каким оно представлено было в уставе, оно по своему реальному статусу превратилось в официальное, правительственное учреждение.

Рост влияния общества, ставившего своей целью распространение слова Божия, не вызывал радости у ревнителей православия. Библейское общество придерживалось правила печатать священные книги «без всяких на оныя примечаний и пояснений», чтобы устранить из своих изданий всякие вероисповедные особенности. Курс на размывание конфессиональных границ и, значит, на принижение православия в прикровенном виде выражен в отчете общества за 1818 г.: «Небесный союз веры и любви, учрежденный посредством Библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю... и то время, когда будет един Пастырь и едино стадо». Чтобы приблизить эту «зарю», пастору Пинкертону дана была власть объезжать епархиальные города России и требовать отчета у архиереев в распространении слова Божия,

делать им внушения и замечания, давать указания и советы. По свидетельству А. Стурдзы, присутствовавшего на заседаниях Общества, его «коноводы» «шумели, уверяли, что в идее Библейского общества новое излияние Святого Духа на всяку плоть, что с помощью одной книги можно будет христианству расторгнуть обветшалые пелены, обойтись без Церкви и достигнуть соединения в духе и истине».

В 1817 г. ревнители «внутренней церкви» усилились еще более в результате важной административной реформы. В состав Министерства народного просвещения была включена канцелярия синодального обер-прокурора и Департамент по делам иностранных исповеданий, подчинявшийся ранее министру внутренних дел. Новое ведомство получило наименование Министерства духовных дел и народного просвещения. Во главе этого «двойного министерства» был поставлен князь Голицын. Все дела, касавшиеся религий, соединялись в Департаменте духовных дел, директором которого был назначен масон А. И. Тургенев. Одним из четырех отделений этого департамента стало отделение по делам греко-российского исповедания. Новым обер-прокурором, теперь уже представлявшим не лицо государя, а лицо министра, стал князь П. С. Мещерский. Реформа означала крайнее унижение Синода, поставленного теперь под надзор второстепенного чиновника и наравне с такими учреждениями, как Евангелическая консистория или Духовное управление евреев.

А главная опасность заключалась в том, что «двойное министерство» откровенно действовало как орган Библейского общества и как орудие масонских лож. Всякая полемика против «мистических» писателей пресекалась цензурой. Дело доходило до таких курьезов, как, например, строгий выговор министра издателю «Духа журналов» за то, что в одной статье журнала автор посмел иронизировать над пророчеством Юнга-Штиллинга о наступлении конца света в 1836 г.

Первоприсутствующий в Синоде митрополит Амвросий долгое время снисходительно относился к заблуждениям Голицына. Благодаря свойственной ему осторожности и дипломатическому такту он умел поддерживать с ним хорошие отношения, но, наконец, и его терпение истошилось. Умножение сект, засилие враждебного Церкви синкретического мистицизма, шедшего по следам древних гностических ересей, заставили его решительно высказаться против Библейского общества. За этим последовало разделение Петербургской и Новгородской епархии на две отдельные епархии и удаление митрополита в Новгород. 26 марта 1818 г. он выехал из Петербурга, а через два месяца, 21 мая,

скончался в Новгороде.

На его место был переведен из Чернигова архиепископ Михаил (Десницкий). В прошлом он многие годы служил священником при московском храме святого мученика Иоанна Воина и славился своими сердечными проповедями. В 1796 г. он принял постриг и через 5 лет был хиротонисан во епископа. Это был добрый, кроткий, мягкосердечный архипастырь. Богословская схоластика отталкивала его, человека теплого, сердечного благочестия. Его собственные богословские воззрения были проникнуты мистическим духом, но не мистицизмом Сведенборга или Сен-Мартена, а мистицизмом учителей духовной жизни святых преподобных Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова. Голицын, однако, надеялся на сочувствие нового митрополита своим религиозным идеям, а также рассчитывал на его мягкость и уступчивость. И ошибся в своих расчетах.

Митрополит Михаил оказался твердым архипастырем, стоявшим на страже православия. Под его покровительством составила «дружина» ревнителей, которые стали открыто выражать свою тревогу и несогласие с опасным направлением министра. Ректор Петербургской академии архимандрит Иннокентий (Смирнов) отказался от звания члена Библейского общества и написал письмо А. Н. Голицыну, в котором потребовал закрыть «Сионский вестник» Лабзина. Он прямо писал министру: «Вы нанесли рану Церкви, Вы ее и уврачуйте».

Вскоре произошло новое столкновение. В конце 1818 г. в качестве цензора архимандрит Иннокентий разрешил к печати книгу Е. Станевича «Разговор о бессмертии души над гробом младенца», в котором осуждались идеи, проповедовавшиеся «Сионским вестником». Выход этого сочинения произвел бурю в окружении Голицына. Министр добился от императора запрещения книги Станевича. Он писал царю, что книга наполнена «защитением наружной Церкви против внутренней» и «совершенно противна началам, руководствующим христианское наше правительство». Архимандрит Иннокентий был удален из Петербурга, при этом его хиротонисали во епископа и назначили в Пензу, где святитель скончался осенью того же года в возрасте 35 лет.

После устранения святого Иннокентия митрополит остался в одиночестве. Тем не менее он не уступил Голицыну, и в 1821 г., за две недели до своей кончины, писал императору, умоляя его спасти Церковь «от слепотствующего министра». Письмо произвело сильное впечатление на государя.

Преемником митрополита Михаила, по совету графа Аракчеева,

соперничавшего с Голицыным за влияние на царя, был назначен митрополит Серафим (Глаголевский), переведенный из Москвы. В кругу иерархов он был известен как противник мистического направления. Он сразу после перевода в Петербург высказался против Библейского общества и вступил с ним в борьбу.

Передовым бойцом в этой борьбе был выставлен настоятель Новгородского Юрьевского монастыря архимандрит Фотий (Спасский). Он учился в Петербургской академии у архимандритов Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Смирнова). В 1817 г. принял постриг и был определен законоучителем в кадетский корпус. Архимандрит Фотий благоговел перед своим учителем святым Иннокентием, человеком высокой подвижнической жизни. В монашестве он строго постился, носил вериги. О молодом монахе-постнике заговорили в свете. Его почитательницей и духовной дочерью стала графиня Орлова-Чесменская, богатейшая в России помещица.

Ревностный законоучитель стал на уроках в кадетском корпусе открыто обличать Библейское общество. Но в своих обличениях он сам впадал в тон, который царил в мистических кружках. Обрушиваясь на «мистиков», он аргументировал не от святых отцов, а от собственных видений, прозрений, вещей снов. Как и его оппоненты, он был преисполнен апокалиптической тревоги. «Теперь дрова уже подкладены, и огонь подкладывается», – говорил он.

О своей деятельности архимандрит Фотий вспоминал впоследствии: «Действовал с опасностью для жизни против «Сионского вестника» Лабзина, лож масонских и ересей, старался ход расколов их остановить». Его шумное поведение привело к удалению его из Петербурга и назначению игуменом новгородского Деревяницкого монастыря. А там он обрел нового покровителя – владельца села Грузино графа Аракчеева, и был назначен настоятелем древнего Юрьевского монастыря. Вскоре, в 1821 г., его снова вызвали в Петербург. И там он ринулся на борьбу с Голицыным.

Поводом для решительных действий явился русский перевод книги Госнера «О Евангелии от Матфея» – одного из многих издававшихся тогда в России мистически пиетических сочинений. Архимандрит Фотий написал императору письмо, в котором сообщил, что в Вербное воскресенье к нему был послан Ангел Божий, предстал ему во сне с книгой в руке, а на книге было начертано: «Сия книга составлена для революции и теперь намерение ее – революция». Письмо архимандрита заинтересовало царя своим апокалиптическим тоном. Он захотел

встретиться с новоявленным «пророком».

После аудиенции у Александра I архимандрит Фотий открыто напал на Голицына в доме Орловой. Он встретил министра перед иконами за аналоем, на котором были возложены Крест, Евангелие и Святые Дары. Князь Голицын попросил благословения у архимандрита, однако тот благословения не дал и сказал: «В книге «Таинство креста» под твоим надзором напечатано: духовенство есть зверь, – а я, Фотий, из числа духовенства есмь иерей Божий, то благословить тебя не хочу, да тебе и не нужно оно». Голицын ушел из дома в крайнем гневе. А архимандрит Фотий вслед ему кричал: «Анафема! Да будешь проклят». От Голицына и Фотия последовали доношения о случившемся на имя государя.

Вскоре после этого, по совету Аракчеева и еще одного противника Голицына, адмирала Шишкова, к императору поехал митрополит Серафим и на аудиенции, сняв с себя белый клобук и положив его к ногам царя, с твердостью заявил, что не примет его, пока не услышит царского слова о смене министра и истреблении вредных книг.

15 мая 1824 г. князь Голицын подал в отставку. Министром просвещения назначили А. С. Шишкова. Ведомство Православного исповедания было изъято из подчинения этого министерства. Президентом Библейского общества стал митрополит Серафим, который сразу же начал добиваться его упразднения. 19 ноября 1825 г. император Александр I скончался в Таганроге, и вскоре после его кончины Библейское общество было закрыто.

2. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1825–1855 гг.

Царствование Николая I началось подавлением декабрьского восстания на Сенатской площади. В 1848 г. русские войска помогли разгромить революцию в Европе. Во внутренней политике в этот период по всем линиям усиливался охранительный курс. Всякая оппозиция правительству искоренялась в зародыше. Политика эта распространялась и на Церковь. При Николае I в церковной политике правительства углублялись тенденции, наметившиеся в последний год царствования Александра, когда с удалением Голицына усилилось влияние Аракчеева и Шишкова.

Реакция на недавнее засилие масонских кругов носила нетворческий, казенно-охранительный характер. Митрополит Филарет (Дроздов), который, при всем своем критическом отношении ко многим инициативам Голицына, тем не менее сохранил уважение к нему и после его отставки, назвал этот поворот «обратным ходом ко временам схоластическим».

Новый курс правительства поддерживали митрополиты Петербургский Серафим и Киевский Евгений (Болховитинов), а у московского архипастыря святителя Филарета «обратный ход» вызывал горестные чувства, тревожил его, хотя в своих попытках противодействовать ему он проявлял предельную осторожность.

После закрытия Библейского общества ревнители «обратного хода» добились прекращения работы над переводом Библии на русский язык. Усилия митрополита Филарета отстоять это дело не увенчались успехом. Некоторое время воспитанникам военно-учебных заведений запрещалось читать Библию «в предотвращение помешательства», под тем предлогом, что два кадета уже помешались.

Для борьбы с инославными влияниями, с ересями и сектами устрожалась духовная цензура, и эти цензурные строгости были направлены против всякого проявления живой богословской мысли. Напуганные разгулом «оккультного» мистицизма, ревнители «обратного хода» с опасливым недоверием стали относиться и к аскетическому мистицизму, к творениям святых отцов Макария Великого и Исаака Сирина, и, по словам святителя Филарета, «умная сердечная молитва» оказалась «уничтожена и осмеяна как зараза и пагуба». Цензура не пропускала в печать богословских сочинений А. С. Хомякова. Под подозрением оказалось даже православие митрополита Филарета, который метко охарактеризовал возобладавший тогда дух пугливого недоверия к богословию словами: «Дым ест глаза, а они говорят – так едок солнечный свет».

При Николае I усилился обер-прокурорский надзор за ходом церковных дел. Обер-прокурор получил министерские полномочия. Несмотря на подозрительное отношение николаевского двора к деятелям александровского царствования, связанным с масонскими кругами, в 1833 г. обер-прокурором вместо князя П. С. Мещерского был назначен тайный масон С. Д. Нечаев. К духовенству он относился недружелюбно и сразу повел настоящую войну против синодальных иерархов, причем в этой борьбе не брезговал и интриганскими методами. Он инспирировал ложные доносы на архиереев, в которых те обвинялись в политической неблагонадежности, а, чтобы придать доносам видимость правдоподобия, подталкивал членов Синода выражать недовольство жандармским давлением на Церковь. Нечаев добился того, что под негласный надзор поставлен был митрополит Московский Филарет.

Недовольство Нечаевым в Синоде стало столь велико, что иерархи решились просить государя о замене его другим лицом. И ходатайство это,

поддержанное влиятельным синодальным чиновником А. Н. Муравьевым, возымело успех. После отставки Нечаев поселился в Москве, посвящая досуг занятиям астрологией в узком кругу интимных друзей.

Преемником Нечаева стал граф Н. А. Протасов. Это был один из самых энергичных и умных сановников николаевской эпохи. Он получил воспитание у гувернера-иезуита, и, вероятно, поэтому, несмотря на его искреннюю преданность Православной Церкви, в его богословских воззрениях всегда был заметен сильный налет католицизма, хотя к Ватикану Протасов относился настороженно и в церковно-политических взглядах был далек от клерикальных латинских тенденций.

Протасов хотел сделать государство моноконфессиональным и не одобрял политику широкой веротерпимости, проводившуюся при Екатерине II и Александре I. Но на Церковь он смотрел прежде всего с точки зрения государственного интереса, государственной пользы, видел в ней одну из опор правительства и в этом был верным продолжателем линии Петра I и архиепископа Феофана (Прокоповича).

От своего покровителя Николая I Протасов усвоил убеждение во всемогущих возможностях канцелярского способа управления и во всемогуществе приказа свыше. Исполненный энергии, свою деятельность в кресле обер-прокурора он начал с преобразования канцелярской части: увеличил численность чиновников, повысил их ранги, разделил канцелярию на департаменты с директорами и обер-секретарями, «усовершенствовал» бумажное делопроизводство до такой степени, что чиновники, сидевшие за соседними столами, вели переписку между собой через экспедицию. Протасов скоро подчинил себе учреждения, находившиеся прежде в ведении Синода – Духовно-учебное управление, преобразованное из Комиссии духовных училищ, подведомственной Синоду, счетную часть Синода, которую он преобразовал в Хозяйственный комитет.

С членами Синода граф Протасов обращался заносчиво, грубо, позволяя себе кричать на них, и даже пытался по-военному командовать ими. При этом он, однако, заботился о престиже Святейшего Синода и не позволял главам смежных министерств вмешиваться в церковные дела. Считая Русскую Православную Церковь своим ведомством, Протасов брал на себя инициативу в решении чисто церковных дел и даже вопросов богословского характера.

В конце 1830-х гг. он поднял вопрос об исправлении «Катехизиса» святителя Филарета, в котором усмотрел протестантский оттенок, заключавшийся будто бы в отсутствии 9 церковных заповедей,

заимствованных митрополитом Петром (Могилой) в «Православное исповедание» из католических катехизисов. «Православное исповедание» Протасов ставил так высоко, что ввел обязательное изучение его во всех семинариях и настаивал на том, чтобы оно было объявлено «символической книгой».

Обер-прокурор решительно возражал против перевода Библии на русский язык и предлагал Синоду объявить славянский перевод каноническим, подобно тому как Вульгата является канонической книгой для Католической Церкви. Этому намерению воспротивился московский митрополит Филарет. Предложение Протасова было отвергнуто Синодом, но вскоре после этой неудачи, в 1842 г., Протасов добился удаления из Синода в свои епархии митрополитов Московского Филарета (Дроздова) и Киевского Филарета (Амфитеатрова).

Московский святитель и после удаления из Петербурга, никуда не выезжая из своей епархии, продолжал оставаться средоточием церковной жизни. Русские иерархи смотрели на него как на своего вождя и, приезжая в Москву, шли к нему за советом и руководством.

В 1843 г. скончался митрополит Петербургский Серафим, который умел поддерживать хорошие отношения с самовластным обер-прокурором, потому что вполне сочувствовал протасовской церковной политике. Его преемником стал переведенный из Варшавы митрополит Антоний (Рафальский), который привлек внимание жителей столицы торжественностью и красотой совершавшихся им богослужений. После его смерти в 1848 г. его преемником стал митрополит Никанор (Клементьевский).

Конец царствования Николая I совпал с неудачной для России Крымской войной, когда на стороне мусульманской Турции против России, выступившей в защиту поработенных Портой христиан, воевали христианские государства Европы— Великобритания, Франция, Сардинское королевство. Православное духовенство во время войны самоотверженно служило родине. Военное духовенство воодушевляло воинов в местах боевых действий, заботилось о раненых, утешало их, напутствовало умирающих. Корсунский женский монастырь под Севастополем был обращен в лазарет, и инокини служили в нем сестрами милосердия. Женские обители по всей России готовили корпию и бинты для раненых. Соловецкий монастырь мужественно выдержал двухдневную бомбардировку английской эскадры.

Многие из воспитанников духовных школ записались в ополчение и отправились в действующую армию. Немало семинаристов сложило

головы в боях с неприятелем. Епархиальные архиереи, монастыри, духовные школы, церковные причты собирали средства на военные нужды, на помощь раненым, инвалидам, вдовам и сиротам убитых воинов. Некоторые из архиереев пожертвовали свое жалованье за все время войны.

В разгар Крымской кампании, 18 февраля 1855 г., скончался император Николай I. Обер-прокурор Святейшего Синода граф Н. А. Протасов умер на месяц раньше монарха, которого он глубоко почитал.

3. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1855–1881 гг.

Поражение в Крымской войне убедило нового императора Александра II в необходимости реформ, призванных оздоровить государственный строй и экономику России. Важнейшим преобразованием явилась отмена крепостного права, объявленная манифестом от 19 февраля 1861 г. За этим актом последовал ряд других реформ – земская, военная, судебная.

В самом начале царствования был поставлен вопрос и о церковных преобразованиях. Сложившийся при Николае I и Протасове строй церковного управления вызывал критику с разных сторон. В конце 50-х гг. за границей вышли книги бывшего профессора богословия Д. И. Ростиславова и калязинского священника И. С. Беллюстина с желчными, ядовитыми обличениями существовавших церковных порядков. Обе книги направлены главным образом против иерархии и монашества и оттого носят грубо протестантствующий характер.

Но и людьми более церковных взглядов высказывались требования перемен. Известный славянофил К. С. Аксаков в 1855 г. выступил за широкую гласность и свободу церковной печати: «Деятельность мысли, духовная свобода есть призвание человека... Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространять вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде...».

Удивительно по своей прямоте и смелости высказывание киевского митрополита Арсения (Москвина): «Мы живем в век жестоких гонений на веру и Церковь под видом коварного об них попечения».

С обоснованной критикой формализма и бюрократизма в синодальном и консисторском управлении выступил известный церковный деятель А. Н. Муравьев, в прошлом служивший при обер-прокуроре Синода. Он писал: «Число светских чиновников по особым поручениям и за обер-прокурорским столом, и в разных управлениях и канцеляриях умножилось до чрезвычайности». Крайнее усиление обер-прокурорской власти он находил в том, что «два таинственных слова

«читал и исполнил» (которыми обер-прокурор пропускал синодальные определения к исполнению) решают дела церковные, самые важные, как и самые обыкновенные. Какой патриарх пользовался столь неограниченной властью?»).

А. Н. Муравьев не помышлял ни об упразднении должности обер-прокурора, ни тем более об отмене самой синодальной системы управления. Он предлагал лишь ввести полномочия обер-прокурора в те рамки, в которых они держались до Голицына и Протасова, и стремился к возвышению первенствующего члена Синода. Муравьев выразил пожелание, чтобы первенствующий член, «стоящий во главе Святейшего Синода, который поставлен во главе всей Российской Церкви, пользовался особым уважением всех архиереев, с некоторыми отеческими правами в отношении их. Если заметит он какие-либо беспорядки по епархиям, то пишет прямо от себя к архиереям, и каждый из них должен обращаться к нему за советом в затруднительных случаях... Первенствующий член сносится также и с патриархами Восточными от лица Святейшего Синода. Таким образом, в лице его сосредоточится единство всей Российской Церкви и восстановится древний порядок, приличествующий Церкви Христовой». Таким образом, не ставя вопрос о восстановлении патриаршества, Муравьев стремился к тому, чтобы и в рамках синодального управления соблюдалось 34-е апостольское правило о первом епископе в каждом народе.

С Муравьевым вполне согласны были митрополит Петербургский Григорий (Постников) и епископ Камчатский святитель Иннокентий (Вениаминов). Митрополит Московский Филарет сочувствовал критике Муравьева, но находил его замечания слишком торопливыми и не продуманными до конца. Мудрый святитель опасался проведения новой реформы сверху, руками светской власти. Ведь свои предначертания А. Н. Муравьев направил обер-прокурору графу А. П. Толстому и при этом писал, что «один лишь обер-прокурор может вывести Церковь из того положения, в какое она поставлена, явив себя графом Протасовым в обратном смысле».

Святитель Филарет, обращаясь к Муравьеву, писал: «Я возражаю не против сущности ваших замечаний на стеснительное положение синодального действия, но против неточности изложения, от которой могут произойти два неблагоприятных последствия – первое, что могут сделать возражения против сей неточности, и все ваше замечание окажется опровергнутым, второе, что неверно означенная неправильность может получить такое исправление, которое вновь будет неправильно и

неудовлетворительно».

По поводу сетований на уничтожение патриаршества Петром святитель замечал: «Хорошо было бы не уничтожать патриарха и не колебать тем иерархию, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно, едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною, почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод».

В 1856 г., воспользовавшись приездом архиереев в Москву на коронацию Александра II, митрополит Филарет провел совещание российского епископата, которое в печати получило наименование «Московского Собора». По предложению святителя Филарета, на совещании решено было возобновить труды по переводу Библии на русский язык. Суждение «Московского Собора» о целесообразности значительного увеличения числа епархий осталось неисполненным.

Митрополит Филарет высказывался в эти годы и по вопросу об участии представителей иерархии в деятельности Государственного совета. Он находил неудобным для духовных лиц заседать в этом учреждении; как правило, епископов мало посвящали в дела, которые обсуждались в Совете, но соединенное с членством в нем безмолвное подписывание документов могло бы уронить их в общем мнении. Вместо этого он считал целесообразным проводить в отдельных случаях совместные заседания Святейшего Синода и Государственного совета для обсуждения вопросов, одинаково важных и для государства, и для Церкви.

Осторожная и трезвая линия святителя Филарета в отношениях с правительством исходила из его стремления оградить самостоятельность Церкви и достоинство епископата. Но он был убежден в том, что силы Русской Православной Церкви, подорванные петровской реформой, недостаточны для решительного отпора светской власти.

После блаженной кончины митрополита Филарета в 1867 г. Московскую кафедру занял известный миссионер святой Иннокентий, переведенный в столицу из далекой Камчатской епархии.

Первенствующим членом Синода с 1856 г., после кончины митрополита Никанора, простудившегося во время коронационного богослужения в Успенском соборе Кремля, был митрополит Новгородский и Петербургский Григорий (Постников), почитатель и друг митрополита Московского Филарета, в прошлом ректор Петербургской духовной академии, основатель вышедшего с 1821 г. богословского журнала «Христианское чтение». В 1822 г. он был хиротонисан во епископа Ревельского. Перед переводом в Петербург митрополит Григорий занимал

Казанскую кафедру. Это был покровитель духовного просвещения (в свое время его очень любили студенты академии) и замечательный проповедник. В проповедях он, в отличие от святителя Филарета, избегал догматических тем. Обращенные к простому народу, его проповеди исполнены искреннего религиозного одушевления и большой нравственной силы. Язык их чужд риторике и прикрас, прост, ясен, доступен не книжному человеку. В 1855 г. митрополит Григорий написал книгу «Истинно-древняя и истинно-Православная Церковь», в которой спокойно и благожелательно полемизировал против старообрядческого раскола. Как и митрополит Филарет, он был настойчивым приверженцем перевода Священного Писания на русский язык.

Всего 4 года святитель занимал столичную кафедру, но паства успела за это время полюбить твердого в вере, предельно искреннего и прямого, благородного архипастыря. Внешне он бывал порой резок и даже грубоват, но в душе необычайно добр, мягок, отзывчив. После его кончины, последовавшей 17 июня 1860 г., его преемником по Петербургской кафедре и в Синоде стал многоопытный пастырь митрополит Исидор (Никольский).

Обер-прокурорское кресло в первое десятилетие царствования Александра II занимали заурядные чиновники А. И. Карасевский и А. П. Ахматов. В период между ними, с 1856 по 1862 г., обер-прокурором был граф А. П. Толстой. Человек искреннего благочестия, любивший бывать в Оптиной пустыни, А. П. Толстой возражал против перевода Библии на русский язык и после «Московского Собора» 1856 г., решившего возобновить перевод, сумел заручиться поддержкой митрополита Киевского Филарета, чтобы затормозить это начинание, так что прошло еще два года, прежде чем, благодаря новым настойчивым усилиям митрополитов Московского Филарета и Петербургского Григория, работа над переводом была действительно возобновлена.

В 1865 г. обер-прокурора Ахматова сменил граф Д. А. Толстой, приобретший настолько сильное влияние на ход церковных дел, что архипастыри вспомнили тогда о временах Голицына и Протасова. Возобновляя опыт «двойного министерства», Д. А. Толстой совмещал обер-прокурорскую службу с должностью министра народного просвещения. Во внутренней политике, в постановке школьного дела он был убежденным консерватором, «главным ретроградом», как его тогда называли, ограждавшим сословный характер образования, добившимся запрета принимать в гимназии «кухаркиных детей».

Но в отношении к Церкви он был, подобно ненавистным ему

нигилистам, вольнодумец, попросту говоря, едва ли верующий и совсем нецерковный человек. Д. А. Толстой не скрывал своего пренебрежения к епископату и духовенству. При нем опять значительно усилилось давление на иерархию. Обер-прокурор старался подорвать влияние духовенства на народную и государственную жизнь. Он стремился отстранить духовенство от участия в организации начального образования для крестьянских детей. Своей реформой гимназического образования, когда главными дисциплинами в школе стали классические языки, Д. А. Толстой низвел Закон Божий на место второстепенного предмета. За годы его обер-прокурорства в России было закрыто более 200 приходов.

В области церковного управления он стремился деятельности всех церковных инстанций придать как можно более бюрократически упорядоченный, казенный, канцелярский характер; казалось, что делалось это для того, чтобы отнять у Церкви всякую самостоятельность, чтобы обездушить ее, лишить ее ореола неотмирности. Для укрепления обер-прокурорской власти в 1865 г. была учреждена должность товарища обер-прокурора с правами товарищей министров. В 1867 г. при Синоде было создано контрольное отделение, поставленное в зависимость от обер-прокурора. Для упорядочения законодательной и судебной деятельности Синода в 1868 г. было начато издание «Полного собрания постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи».

В конце 60-х гг. Д. А. Толстым был поднят вопрос о реформе церковного суда. О неканоническом подходе обер-прокурора к задуманной реформе говорит сама формулировка вопроса: не надлежит ли и церковные суды перестроить «сообразно тем началам, на которых преобразована судебная часть по гражданскому, военному и морскому ведомству», будто у Церкви нет своих основополагающих канонических норм, независимых от государственного права.

Была образована комиссия во главе с архиепископом Тверским Филофеем (Успенским), впоследствии митрополитом Киевским. Работа этой комиссии оказалась бесплодной, но в 1870 г. был учрежден особый Комитет о преобразовании судебной части под председательством архиепископа Литовского Макария (Булгакова). В этот Комитет граф Толстой, с неприязнью относившийся к монашествующим, постарался включить лишь светских специалистов по церковным делам и лиц из белого духовенства – ни одного епископа и монаха, кроме председателя. В 1873 г. Комитет выработал проект реформы церковного суда, которым предполагалось перестроить его на тех же основаниях, на которых

проведена была реформа светского судопроизводства. Проект исходил из той предпосылки, что не существует независимой от государства духовной юрисдикции, а судебные права принадлежат церковным учреждениям по полномочию от государственной власти.

Проект вызвал единодушно резкую критику со стороны епископата, а архиепископ Волынский Агафангел ответил на него отзывом о незаконности и вреде обер-прокурорского надзора. В 60–70-х гг. на усиление обер-прокурорского давления епископат реагировал более остро и смело, чем в николаевскую эпоху. Инициатору судебной реформы пришлось отказаться от своего замысла.

В 60–70-х гг. Русская Церковь упрочила свои вековые связи с православным Востоком, в особенности с Константинопольским Патриархатом. Святейший Синод через Российское правительство постоянно прилагал усилия для защиты православных подданных Турции от произвола султанской власти.

В 1877 г. Россия вступила в войну с Турцией ради защиты единоверных братьев на Балканах от массового истребления. Война закончилась победой России и освобождением Болгарии от исламского ига. Православная Церковь благословила российское воинство на брань с вековым врагом христианства. В эти дни ректор Петербургской академии протоиерей Иоанн Янышев говорил: «Мы, русские, прежде всего и больше всех должны помочь страдающим христианам на Востоке. Русская Церковь, некогда дочь, а ныне сестра Восточных Церквей, не забыла о во веки неразрывной духовной связи со страдающими восточными членами того же самого единого вселенского Тела Христова».

Архипастырские и пастырские воззвания всколыхнули страну. В образовавшийся тогда Славянский комитет стекались громадные пожертвования отовсюду. Синод пожертвовал на военные и санитарные нужды 100 000 рублей (примерно 30 миллионов по современному курсу). Члены Синода пожертвовали все свое жалованье за время войны. Свои пожертвования несли епархиальные архиереи, монастыри, духовные школы, церковные братства, приходское духовенство. Московские монастыри и духовенство во главе со святителем Иннокентием за две недели собрали и отослали в Черногорию более 30 тысяч рублей. В народе война вызвала религиозный и патриотический подъем. В церквях производился кружечный сбор. Прихожане – не только состоятельные люди, но и простые крестьяне – с радостью жертвовали деньги и даже хлеб на нужды армии и на единоверных братьев.

При монастырях устраивались лазареты для раненых воинов. Около

200 монахов и до 700 инокинь посвятили себя уходу за ранеными и больными солдатами. Монастыри оказывали приют осиротевшим детям убитых воинов. Полковые священники, служившие в действующей армии, утешали раненых, напутствовали умиравших, под обстрелом противника служили молебны и панихиды.

4. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1881–1894 гг.

Александр III взошел на престол в 1881 г. после убийства его отца народниками 1 марта. Началась эпоха реакции на либеральные реформы 60-х гг., эпоха подавления радикального вольнодумства и борьбы правительства с революционным подпольем. Но революционный террор не прекратился. В то же время это были годы быстрого экономического роста России и усиления ее позиций на мировой арене. Россия вновь, как и после Отечественной войны 1812 г., стала одной из самых могучих держав в мире.

После либерального и радикального брожения 60-х гг. в 80-е гг. значительную часть интеллигенции захватили консервативные настроения. В сознании прежних вольнодумцев, как и в конце 18 в., вновь пробуждались религиозно-мистические стремления, в обществе происходил новый возврат к вере, робкий, половинчатый, часто болезненный, но всеми осязаемый. Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович) писал об атмосфере тех лет: «Это что-то новое, новое веяние, какое-то возрождение русского духа, религиозного духа. Надолго ли, не знаю... Чувствовалось, что это новое веяние – нового царствования, что во всем этом... веет дух К. П. Победоносцева».

К. П. Победоносцев (1827–1907), назначенный в 1880 г. обер-прокурором Святейшего Синода, действительно был главным идеологом и вдохновителем новой охранительной политики правительства. Не только в церковных, но и в государственных делах он был главным советником царя, архитектором политического курса правительства.

Юрист по специальности, профессор Московского университета по кафедре гражданского права, он имел блестящие и разносторонние знания, отличался острым, наблюдательным умом, по любому вопросу мог сформулировать продуманное, веское суждение. Известен он и как талантливый публицист, автор книг и статей на церковные, юридические, политические и даже литературные темы. Победоносцев близко к сердцу принимал церковные дела и, в отличие от своего предшественника, был религиозным человеком. Это не мешало ему, однако, в духе синодальной эпохи, в духе Петра I смотреть на Церковь преимущественно с точки

зрения государственных интересов, как на одну из опор незыблемости государственного строя.

Но по контрасту с петровской идеологией европеизации России, которой Российское правительство придерживалось в течение почти двух столетий, К. П. Победоносцев к современной ему западной цивилизации относился с нескрываемым отвращением. В европейском либерализме он видел последнюю ступень перед тотальной катастрофой; и в своей реакционной политике вдохновлялся надеждой удержать Россию от повторения пагубных тупиков западного пути. «Россию надо подморозить – говорил он, – чтобы она не протухла».

Его собственные политические воззрения историки характеризуют как своеобразное реакционное народничество. Победоносцев верил в прочность патриархального народного быта, в стихийную мудрость простого народа. «Народ чувствует душой», – любил говорить он. И в своих религиозных воззрениях он, человек книжной культуры, воспитанный на западных книгах, пытался отождествиться с простым народом. По его словам, он любил «исчезать со своим «я» в этой массе молящегося народа... Народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш» ... но это не важно, ибо истина постигается не разумом, но верою, и самые драгоценные понятия... находятся в самой глубине воли и в полумраке».

Церковь для него – это, прежде всего, «живое всенародное учреждение». В православии он дорожил не святостью и подвижничеством, и даже не истиной, а его обычными, привычными формами, его традиционализмом. Победоносцев терпеть не мог всякого рода отвлеченных умозаключений, всякой расплывчатой философии. Человек на редкость пронизательного ума, он испытывал скептическое недоверие к теоретическому разуму и даже к разуму церковному. Догматического богословия он не любил и считал его чуждым вере русского народа, русскому православию, ибо «простой народ у нас спасается без всякого богословия», говорил он. Его пугали и яркие проявления аскетического подвижничества. Победоносцева повергали в смущение духоносные избранники Божии – святитель Феофан Затворник и святой Иоанн Кронштадтский. В начале 20 в. он выступил против прославления преподобного Серафима.

Не доверял он и иерархии. Победоносцев опасался ее самостоятельности, ее инициативы, слишком большого влияния ее на народ и потому стоял за самую жесткую правительственную опеку епископата. Он высказывался против созыва Поместного Собора, потому

что и в церковном соборе усматривал оттенок ненавистной ему демократии. Оберегая прочность государственных устоев, он склонен был противиться всяким новшествам. Любимым его словечком было «не надо».

Известный славянофил И. С. Аксаков писал ему в 1882 г.: «Если бы в те времена спросили тебя: созывать ли Вселенские Соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись... Твоя душа слишком болезненно чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому ты стал отрицательно относиться ко всему живому, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничего живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которое пребудет лишь в свободе».

Но несомненной заслугой К. П. Победоносцева является его забота о строительстве сельских храмов, об издании религиозно-назидательных книг и молитвенников для народа, о материальной помощи духовенству.

В 1883 г., при Победоносцеве, произошли важные перемены в управлении военным духовенством. Оно сосредоточено было в лице одного главного священника гвардии, гренадер, армии и флота вместо прежних трех главных священников, а в 1890 г. вышло новое положение о военном духовенстве. По нему, главный священник был переименован в протопресвитера военного и морского духовенства и при нем учреждалось правление из трех штатных и двух сверхштатных членов.

Новым явлением церковной жизни явились окружные соборы архиереев. К. П. Победоносцев в самом начале своего обер-прокурорства заявил, что правительство стремится к «применению на практике древнего канонического права святителей Православной Церкви соборно обсуждать важнейшие вопросы веры и церковной жизни». В церковных кругах пробудилась надежда, что начинается эпоха возрождения подлинной соборности. Но Победоносцев был исполнен глубокого недоверия к способности российского епископата самостоятельно, без государственной опеки решать церковные дела. Он писал: «Опыт (правда, невеселый) и наблюдение удостоверяют меня в том, что наша церковная иерархия нуждается в миряnine и ищет себе опоры вне круга церковного управления... Вообще, у нас в России невозможно ни в какой сфере деятельности успокоиться на том, что все и сорганизуется, и пойдет само собою; всюду надо хозяина». И в качестве властного «мирянина» и «хозяина» Победоносцев счел полезным созвать несколько окружных соборов, но отнюдь не Всероссийский Поместный Собор.

В 1884 г. в Киеве под председательством престарелого киевского

митрополита Платона (Городецкого) состоялся Собор архиереев южных и западных епархий. Собор обсуждал много важных вопросов церковной жизни: о положении духовенства, о свечных заводах, о соблюдении устава и церковном пении, о народном образовании, о мерах против влияния католичества и еврейства на православный народ. Но самой главной темой соборного обсуждения была борьба с усилившейся в южных епархиях штундой – насажденной немцами-колонистами сектой крайне протестантского толка, впоследствии слившейся с баптизмом. Собор обратился к пастве с посланием, предостерегавшим верных от уклонения в лжеучения и особенно в штунду.

В том же 1884 г. в связи с 50-летием святительского служения митрополита Исидора (Никольского) в Петербург съехались несколько архиереев. Эта встреча архиереев тоже получила название «собора». В Петербурге обсуждали постановку образования в церковно-приходских школах, содержание церковных причтов. В 1885 г. под руководством синодального чиновника В. К. Саблера в Казани был проведен окружной Собор епископов Поволжья, на котором преимущественно обсуждались меры по противодействию старообрядческому расколу. В том же году в Иркутске состоялся Сибирский Собор архиереев, который тоже сосредоточил внимание на противостарообрядческой миссии. В 1888 г. в Киеве, в связи с торжественным празднованием 900-летия Крещения Руси, состоялся весьма представительный съезд архиереев, который получил в истории название «собора».

Во главе российской иерархии в 80-х гг. стоял первоприсутствующий в Синоде митрополит Исидор (Никольский). Он родился в 1799 г. в семье сельского диакона Тульской епархии. Рано осиротев, он испытал в детстве горечь нужды. После окончания в 1825 г. Петербургской духовной академии со степенью магистра, он принял постриг и был рукоположен в сан иеромонаха. До архиерейской хиротонии исполнял административно-педагогическое послушание. 58 лет продолжалось его святительское служение. До назначения на Петербургскую кафедру в 1860 г. преосвященный Исидор был епископом Полоцким, экзархом в Грузии, киевским митрополитом. Он был удостоен высших государственных и церковных наград, в том числе первосвятительского отличия – права совершать службу с преднесением Креста.

Это был человек большого ума, трудолюбия, такта, неизменного спокойствия и ровности духа, умения ладить с людьми – и с собратьями-архиереями, и с подчиненными клириками, и с правительственными чиновниками. Его правилом было: ничего не ищи и ни от чего не

отказываясь. Мудрый, осторожный, многоопытный церковный деятель, он был также замечательным духовным писателем, знатоком Священного Писания, автором нескольких экзегетических сочинений. После блаженной кончины святителя Филарета Московского преосвященный Исидор взял на себя главную заботу о переводе Библии на русский язык. Широкий размах имела и его благотворительная деятельность. Он был главным попечителем Императорского человеколюбивого общества. Скончался митрополит Исидор в глубокой старости, в 1892 г.

Царствование императора Александра III закончилось его ранней кончиной 20 октября 1894 г.

5. Епархиальное управление

В царствование императора Николая I по инициативе обер-прокурора графа Н. А. Протасова был разработан Устав духовных консисторий, утвержденный 27 марта 1841 г. Устав вышел в новой редакции с изменениями, не носившими принципиального характера, в 1883 г. По этому уставу, епархиальные консистории являлись совещательными и исполнительными органами при епархиальных архиереях. Консистория именуется в уставе присутственным местом, через которое архиерей управляет епархией и вершит в ней духовный суд. Вместе с архиереем консистория получала указы от Синода. Консистории состояли из 5–7 (а иногда и более) членов, избравшихся из числа архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев, священников и утверждавшихся по представлению архиерея Синодом. В таком же порядке члены консисторий увольнялись. Члены консисторий назначались из числа наиболее заслуженных священников епархии.

При консистории существовала канцелярия из светских чиновников во главе с секретарем, которого назначал и увольнял Синод по согласованному представлению правящего архиерея и обер-прокурора. Любое решение епархиального архиерея могло быть опротестовано секретарем, и в этом случае его исполнение приостанавливалось. В сущности, эти секретари были своеобразными местными «обер-прокурорами», практически независимыми от архиереев и имевшими огромное влияние на ход епархиальных дел. В 1869 г. повышены были консисторские оклады, что способствовало изживанию закоренелого зла подкупов и поборов.

В 1867 г. в области епархиального управления было произведено важное преобразование— отменялось разделение епархий на три класса и титулы архиереев были обращены в их личное преимущество: без всякого отношения к достоинству епархии. При этом, однако, сохранилась

традиция удостаивать сана митрополита трех архиереев – Новгородского и Санкт-Петербургского, Московского, а также Киевского. Что касается митрополитов Новгородских и Санкт-Петербургских, то соединение в одном титуле и под властью одного архипастыря этих двух епархий – столичной и одной из древнейших в Русской Церкви – не обозначало их слияния. Но первенствующий член Синода имел привилегию управлять двумя епархиями, из которых по чести высшей считалась Новгородская, пока их не разделили в 1892 г., с тех пор Новгородская епархия стала одной из рядовых, а за первенствующим епископом осталась только Петербургская епархия.

В течение 19 столетия было значительно увеличено число епархий Русской Церкви. Грузинский экзархат при вхождении его в состав Русской Церкви в 1811 г. включал 11 епархий, число которых было сокращено к 1825 г. до четырех. В царствование Александра I была открыта Кишиневская епархия в связи с присоединением Бессарабии к России.

При обер-прокуроре Протасове границы епархий были приведены в более строгое соответствие с административным делением страны на губернии. В связи с этим был открыт ряд новых епархий – Олонецкая, Саратовская, Новочеркасская, Симбирская, Томская, Херсонская, Варшавская, Камчатская, Кавказская, Рижская, Самарская, Полоцкая и Литовская. Всего при императоре Николае I было образовано 13 новых епархий, и в 1855 г. Русская Церковь имела уже 55 епархий. Открытие новых епархий было обусловлено главным образом ростом численности населения империи и соответствующим ему увеличением числа приходов. При Александре II открылись епархии: Таврическая, Уфимская, Туркестанская, Енисейская, Якутская, в том числе одна епархия за пределами империи – Алеутская и Аляскинская (в 1870 г.), впоследствии Алеутская и Североамериканская.

На «Московском Соборе» 1856 г. ставился вопрос о значительном увеличении числа епархий. Проблема эта была достаточно острой. Епархии в ту пору были очень велики по числу приходов – их могло быть более тысячи. В окормлении столь огромной периферии архиерей сталкивался с великими трудностями. Многие приходы десятки лет не посещались епископами.

В 1865 г. было принято половинчатое решение. Синод признал целесообразным открытие в каждой епархии викариатств, если содержание их могло быть обеспечено на епархиальные средства. Но права и обязанности викарных епископов не были определены достаточно четко. В некоторых епархиях викарные архиереи управляли частью приходов и

имели местопребывание в тех городах, по названиям которых титуловались. В других епархиях в ведении викариев находились свечные заводы, женские монастыри, епархиальный суд, назначение псаломщиков. Особое положение было у епископов – ректоров духовных академий, вся деятельность которых сосредоточивалась на управлении вверенными им попечению школами. При митрополитах Петербургском, Московском и Киевском в конце столетия состояло по несколько викариев.

Но увеличение епископата натолкнулось на серьезную кадровую проблему. Число ученых монахов, способных к архиерейскому служению, было весьма ограничено. И вот граф Толстой, известный своей неприязнью к «черному» духовенству, которое самым своим существованием символизировало неотмирную природу Церкви, пытался подготовить почву, чтобы поставить перед Синодом вопрос о введении «белого» епископата. Но это его противоканоническое намерение встретило решительный отпор. Первоприсутствующий в Синоде митрополит Исидор твердо заявил, что с «белыми архиереями» он общения иметь не станет.

Чтобы решить задачу, связанную с подбором подходящих кандидатов на занятие архиерейских кафедр, в 70-х гг. стали чаще, чем прежде, хиротонисать принявших постриг вдовых священников. Как правило, такие архиереи, лучше знавшие приходскую жизнь, проявляли больше заботы о нуждах приходского духовенства. Из белого духовенства вышли святитель Иннокентий Московский, епископ Астраханский Герасим (Добросердов), архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев), епископ Могилевский Виталий (Гречулевич).

В 80-е гг. были открыты две новые епархии – Екатеринбургская и Владикавказская. Таким образом, в составе Русской Церкви к 1890 г. числилось уже 62 епархии. В 1897 г. российский епископат насчитывал ровно 100 архиереев. Из них 78 имели академическое, 8 – семинарское, 1 – университетское, 1 – военное и 12 гимназическое образование. Большинство архиереев были выходцами из духовного сословия. Во второй половине 19 столетия перестали быть редчайшими исключениями поставления в епископы выходцев из дворян.

Среди архиереев синодального периода большинство составляли лица высоких достоинств. Несколько архипастырей этой эпохи причислены к лику общечтимых русских святых. Среди них Филарет и Иннокентий Московские, Мелетий Харьковский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, архиепископ Воронежский Антоний (Смирницкий). Многие из российских архиереев синодального периода были выдающимися богословами, церковными историками, канонистами. Особенно велик

вклад в церковную науку таких архипастырей, как митрополиты Московские святой Филарет, святой Иннокентий и Макарий (Булгаков), святой Феофан Затворник, митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович), архиепископ Владимирский Сергий (Спасский), архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), епископ Смоленский Иоанн (Соколов), епископ Порфирий (Успенский).

Московскую кафедру с 1882 по 1891 г. занимал митрополит Иоанникий (Руднев) (1826–1900). Как и митрополит Исидор, он был сыном диакона из Тульской епархии. Получив образование в Киевской духовной академии, он принял постриг от руки известного киево-печерского подвижника иеросхимонаха Парфения и до самой кончины оставался иноком высокой жизни, молитвенником и строгим постником.

В 1861 г. его хиротонисали во епископа Выборгского. Перед переводом в Москву он исполнял должность экзарха Грузии. Митрополит Иоанникий особенно прославился своей широкой благотворительной деятельностью. Сам изведавший в юности нужду и лишения, он был для бедных щедрым «милостивцем». Известен он также и как замечательный церковный администратор, энергичный, деятельный, инициативный. Пребывая на кафедре в Саратове, он основал там противораскольничье братство Святого Креста. В Нижнем Новгороде святитель основал такое же братство, открыл детский приют и ремесленную школу. В Грузии он учредил воскресные публичные собеседования о вере, открыл женское епархиальное училище. Все свое жалованье за четыре с половиной года служения экзархом он пожертвовал на нужды духовного образования.

Введенный в состав Синода, митрополит Иоанникий был твердым и непреклонным защитником независимости Церкви от давления светской власти. Когда в 1888 г. в Синоде обсуждался вопрос о поминовении усопших инославных и первоприсутствующий митрополит Исидор готов был поддержать мнение Победоносцева, клонившееся к снисхождению в этом вопросе, митрополит Иоанникий самым решительным образом высказался против отпевания инославных. Мнение московского митрополита поддержало большинство членов и присутствующих в Синоде. Рассмотрение вопроса о поминовении инославных было отложено на неопределенный срок.

Характерно высказывание митрополита Иоанникия в Синоде по поводу появления в печати кощунственного стихотворения: «Не нужно нам гражданских казней. Государство не может или не хочет, – это его дело; но мы должны сделать свое... Как его, автора-то? Если он не

православный, то и Бог с ним; если же православный, то чрез епархиального архиерея потребовать бы от него, чтобы отрекся от своего богохульства, и отрекся публично, что должен и заявить. Если же не захочет, то предать его отлучению, что ли. Я знаю, что нас ругать за это станут. Но Бог с ними; пускай ругают». И Синод действительно стал рассуждать об анафеме. Но Победоносцев не поддержал эту идею: «Теперь так без шума дело и заглохнет, – утверждал он, – а поднимите вы шум, эта пакость разойдется в сотнях тысяч экземпляров».

В 1891 г., после кончины митрополита Киевского Платона, митрополит Иоанникий был переведен на его место из Москвы, что, конечно, было следствием нерасположения к нему правящих сфер. Оставаясь киевским святителем, он за два года до кончины, в 1898 г., был назначен первоприсутствующим членом Синода.

В 80-х гг. в состав российского епископата входило много других замечательных архиереев: архиепископы Херсонский Никанор (Бровкович), Харьковский Амвросий (Ключарев), Тверской Савва (Тихомиров), Варшавский Леонтий (Лебединский), который после перевода митрополита Иоанникия в Киев был поставлен на Московскую митрополию и занимал ее в течение двух лет до своей кончины в 1893 г. Тем не менее епископату в 80-х гг. не доставало такого всеми признанного церковного вождя, каким в течение почти полувека был московский святитель Филарет.

С конца 1860-х гг. в жизнь Церкви вошло такое явление, как регулярно проводившиеся епархиальные депутатские съезды, на которые собирались представители духовенства. На съездах обсуждалась, главным образом, постановка дел в семинариях, духовных и женских епархиальных училищах. Особое внимание съезды уделяли контролю над расходом средств, отпускавшихся на учебные заведения. Перед епархиальными съездами отчитывались и свечные заводы.

Епархии, в соответствии с Уставом духовных консисторий 1841 г., были разделены на благочиннические округа. При этом упразднили промежуточные звенья между епархиальной властью и благочиниями – уездные духовные правления, которые по-старинному именовались протопопиями, потому что во главе их некогда стояли протопопы.

Благочинный назначался по усмотрению епархиального архиерея из приходских настоятелей в сане протоиерея, реже священника. Благочинный был обязан дважды в год объезжать свой округ и докладывать архиерею о состоянии вверенных его надзору приходов. Каждый год благочинный представлял архиерею отчет – так называемые

клировые ведомости.

В эпоху реформ 1860-х гг. в отдельных епархиях были образованы благочиннические советы. В эти же годы кандидатов на должность благочинных стало избирать само духовенство округа путем баллотировки с последующим утверждением избранного правящим архиереем. Но выборность благочинных была отменена указом Святейшего Синода от 1881 г.

В 1865 г. архиепископ Минский Михаил (Голубович) впервые созвал собрание благочинных своей епархии. Его примеру последовали правящие архиереи других епархий. В повестку дня таких собраний ставились, помимо церковно-административных вопросов, также учебные дела, в частности выбор делегатов на окружные и епархиальные училищные съезды, изыскание средств для духовных школ. В 1880-х гг., при обер-прокуроре К. П. Победоносцеве, такие собрания были либо прекращены, либо ограничивались уже обсуждением только административных, а не учебных дел.

По императорскому именному указу 1797 г., изъясненному в указе Синода 1799 г., для надзора над монастырями епархий была введена должность благочинных из числа монастырских настоятелей. Их назначал епархиальный архиерей по представлению духовной консистории. В епархии с большим числом монастырей могло быть по несколько монастырских благочинных. Надзор за женскими монастырями поручался благочинному мужских монастырей, а в отдельных случаях – смотрительницам благочиния из числа игумений или старших сестер-монахинь, если в епархии был только один женский монастырь. Благочинным ставропигиальных монастырей назначался тот из настоятелей таковых монастырей, кто одновременно являлся членом Московской синодальной канцелярии.

В 1828 г. Святейшим Синодом была составлена особая инструкция для монастырских благочинных. В соответствии с ней, на благочинного возлагалась ответственность, главным образом, за монастырское богослужение, за благочестие и нравственное состояние братии, а также за монастырское хозяйство.

6. Приходское управление и приходское духовенство

В 19 в. устройство приходов было урегулировано Уставом духовных консисторий, изданным в 1841 г., а также такими документами, как Инструкция благочинным церквей, в редакции митрополита Платона, исправленная Синодом в 1857 г.; Инструкция церковным старостам 1888 г., переизданная в 1890 г.; Инструкция настоятелям церквей, утвержденная

Синодом в 1901 г., и рядом отдельных указов Святейшего Синода.

Согласно этим актам, открытие и упразднение приходов входило в полномочия Синода, но право установления границ между приходами оставалось за епархиальным архиереем.

Помощниками приходского священника являлись диакон и низшие клирики. По штатам 1885 г., во всех епархиях, кроме западных и закавказских, в приходах с менее чем 700 душами мужского пола состояли священник и псаломщик. Если в приходской церкви служили два или три пресвитера, то в причт входили столько же диаконов и псаломщиков.

Кроме приходского храма, в приходе могли быть также молитвенные дома (в отдаленных местах, откуда трудно добраться до приходского храма) и часовни. Домовые церкви разрешалось устраивать в домах особо почтенных лиц, например, отставных министров, генерал-губернаторов, находящихся в преклонных летах или болезненном состоянии. После кончины лица, которому дозволялось иметь домовую церковь, она закрывалась, и церковная утварь не переходила в собственность наследников, а поступала в приход. При открытии новых приходов прихожане брали на себя обязательство устроить церковный дом для причта.

Попечение об увеличении церковного имущества, о правильном вознаграждении клира, о содержании приходских благотворительных учреждений возлагалось на приходские попечительства. Члены попечительства избирались прихожанами на определенный срок. Непременными членами попечительства состояли священник и церковный староста. Председатель попечительства избирался из самых почтенных прихожан. Действия попечительства контролировались епархиальной властью.

Начало 19 в. застало русское духовенство замкнувшимся в отдельное сословие с особыми сословными правами, с передачей церковных мест по наследству. Вступление в это сословие для выходцев из дворян и податных состояний было затруднено. Но поскольку в духовном чине постоянно образовывался избыток безместных взрослых детей, выход из него был не только открыт, но для многих и прямо принудителен.

В 1803 г. всем праздным лицам духовного звания было дозволено свободно избирать себе род жизни, но уже через три года начался очередной разбор безместных детей духовенства, не получивших образования: годных для военной службы отправляли в полки, а непригодных определяли в сторожа консисторий.

Последний разбор был проведен в 1830–1831 гг. На военную службу

забрали праздных лиц духовного сословия в возрасте от 15 до 40 лет. Исключение было сделано для не успевших определиться на место выпускников богословского и философского классов. Кроме того, разрешалось оставить по одному сыну при отцах для прокормления в старости.

Большие перемены в положении духовенства наступили в конце 60-х гг. Для обсуждения вопросов о положении духовенства составилось Особое присутствие из членов Синода, обер-прокурора, нескольких министров и других высокопоставленных чиновников под председательством митрополита Исидора. В 1867 г. присутствие выработало положение, которым отменялись наследственные права на церковные места, а через два года после этого вышел указ, вносящий радикальные перемены в положение духовенства.

Из духовного ведомства были исключены певчие, звонари, церковные сторожа, сверхштатные псаломщики, а самое главное – все взрослые дети, а также вдовы клириков. Причем им присваивались весьма высокие сословные права. Вдовы священнослужителей и церковнослужителей, принадлежавшие к потомственному дворянству по праву рождения или ввиду дарования этих прав мужу, сохраняли и во вдовстве принадлежность этому высшему сословию. В ином случае вдовы священнослужителей приобретали права личного дворянства, а вдовы церковнослужителей – права личного почетного гражданства. Отчислявшиеся из духовного сословия дети священнослужителей – потомственных дворян получали, естественно, права потомственного дворянства, а в иных случаях дети священников и диаконов получали права личного дворянства, потомственного или личного почетного гражданства в зависимости от сана и наград отца. Им предоставлялось право поступать на военную или гражданскую службу, а также по желанию и при наличии капитала вступать в купеческие гильдии. Дети церковнослужителей и причетников, певчих, звонарей, церковных сторожей причислялись к податным сословиям, хотя и с пожизненным личным освобождением от податей.

В результате этой реформы в духовном ведомстве остались лишь лица, состоявшие на действительной церковной службе, их жены и несовершеннолетние дети, а также учащиеся духовных школ.

В 1863 г. выпускникам семинарий был открыт доступ в университеты, и вскоре выходцы из духовенства составили почти половину студенчества. По успеваемости это были обычно лучшие студенты, но в силу ряда причин они часто разделяли радикальные и даже нигилистические взгляды. Детям духовных лиц разрешали также поступать в светские

средние школы, но, в отличие от семинарий, в гимназиях и реальных училищах образование было платным, поэтому даже те сыновья клириков, которые не собирались посвящать свою жизнь Церкви, предпочитали завершать среднее образование в семинарии, а потом идти в университет или на гражданскую службу. В то же время с конца 50-х гг. шире открывался доступ к церковному служению для лиц из других сословий.

Материальное обеспечение духовенства в начале 19 в. оставалось весьма недостаточным. При Александре I вдвое были повышены установленные Екатериной II таксы за требы, зато прекратилось начатое при Павле наделение церковных причтов земельными участками. Это сделано было под тем предлогом, что комитет 1808 г. должен был изыскать средства для лучшего обеспечения духовенства. Комитет составил смету более чем на 7 миллионов рублей. На деле, однако, собрать такой суммы не удалось, и из задуманной кардинальной реформы осталось лишь положение о денежных окладах для священнослужителей с учеными степенями, о выдаче временных пособий духовенству, пострадавшему от неурожаев, пожаров и других бедствий, а также о финансировании попечительств о бедных духовного звания. Такие попечительства были учреждены в 1823 г. при епархиальных консисториях. В их пользу шли особые кружечные сборы, отчисления из доходов кладбищенских церквей и остатки штатных сумм из монастырей.

Для обеспечения вдов духовного звания Синод по почину архиепископа Феофилакта (Русанова) узаконил так называемые приходы со взятием. Это значило, что приходская вакансия преимущественно предоставлялась кандидату, соглашавшемуся жениться на дочери покойного священнослужителя и взять на себя обязательство содержать тещу пожизненно, а сестер жены – до выхода замуж. Кроме того, вакансии просфорниц предоставлялись в первую очередь вдовам духовного чина, одиноким или имевшим малолетних детей, либо взрослых дочерей, «не подающих надежды на замужество».

При императоре Николае I и обер-прокуроре Протасове материальному обеспечению духовенства уделялось больше внимания, чем прежде. Церковные причты щедро наделялись землей. Для священнослужителей и причетников строились церковные дома на казенный счет. В 1842 г. в западных епархиях, где только что совершилось воссоединение униатов с Православной Церковью, были установлены оклады для духовенства. В следующем году казенное жалованье стало постепенно вводиться и в других епархиях. Священнику выдавался оклад от 100 до 180 рублей в год, диакону – 80, дьячку – 40, пономарю – 32 и

просфорнице – 14 рублей (1 рубль тех лет равен по покупательной способности примерно 500 рублям). К концу царствования Николая I почти половина причтов (числом 13 214) пользовалась казенными окладами.

В 60–70-х гг. материальное обеспечение духовенства рассматривалось присутствием во главе с митрополитом Исидором. Положение, выработанное им в 1869 г., предусматривало введение новых сокращенных штатов приходского духовенства: бедные приходы соединялись с другими, более обеспеченными. По новым штатам нормальный причт состоял из священника и псаломщика. Второй священник и второй псаломщик допускались в исключительных случаях, а диаконы вообще исключались из приходских причтов и могли служить лишь на вакансии псаломщика или без казенного оклада на попечении прихожан.

Тогда было закрыто около 2 тысяч приходов. За штат увольняли престарелых и малоподготовленных священников, а вот из числа диаконов уволено было больше трети. По штатам 1869 г. в Русской Церкви состояло 38 075 священников, 11144 диакона и 68 461 причетник. Сокращение штатов позволило в два раза повысить казенное жалование духовенству, но, поскольку цены с 40-х гг. к тому времени возросли тоже вдвое, наделе в обеспечении духовенства никакого улучшения в сравнении с 40-ми гг. не произошло.

В 1866 г. были составлены новые правила пенсионного обеспечения клириков. Священникам, прослужившим не менее 35 лет, назначались пенсии по 90 рублей в год, а их семьям – по 55–65 рублей, в 1878 г. пенсионный оклад был повышен до 130 рублей для священников и протодиаконов, а с 1860 г. пенсии также стали назначаться диаконам и их осиротевшим семьям.

Что касается сословных прав духовенства, то в начале 19 в. священнослужители по свободе от телесных наказаний по суду приравнивались к дворянам. Впоследствии эту привилегию получили их жены, а при Николае I также и дети. Но церковнослужители, наравне с лицами податных сословий, в случае совершения уголовных преступлений могли быть подвергнуты телесному наказанию. В 1863 г. телесные наказания как карательные меры, назначавшиеся судом, были исключены из уголовного законодательства России.

Отмена крепостного права постепенно отучила помещиков от привычки своевольно и высокомерно держаться со священнослужителями церквей, расположенных в их владениях. Возвышение духовенства на сословной лестнице сблизило значительную его часть, особенно городских

протоиереев, имевших академическое образование, с дворянской интеллигенцией. Сельское духовенство, ближе стоявшее к простому народу по житейским условиям, по взглядам на жизнь, по обычаям и нравам, крепче связано было со своей благочестивой, хотя и мало сведущей в церковном учении паствой.

В подавляющем большинстве приходские священники и в 19 в. оставались людьми искренней и теплой веры. Среди них мало было красноречивых проповедников, мало ученых богословов, но это были благоговейные совершители Таин Божиих, пастыри, нелицемерно преданные Церкви, царю и Отечеству.

Из пастырей, чьи ревностные труды увенчались особенно благодатными успехами, всероссийскую известность получил петербургский священник А. В. Гумилевский, который в своем приходе открыл братство и воскресную школу, многие годы он духовно окормлял больных в Обуховской больнице и умер, заразившись тифом. Другой петербургский протоиерей И. Н. Полисадов особенно знаменит своими проповедями, обращенными к рабочему люду столицы. Протоиерей А. В. Рождественский известен деятельным участием в организации обществ трезвости. Его называли «народным печальником». Он издавал религиозно-назидательные журналы для народа «Отдых христианина», «Трудовая жизнь», «Воскресный благовест». В Москве во второй половине 19 в. подвизался любвеобильный пастырь, прозорливый духовник и молитвенник протоиерей Валентин Амфитеатров.

Один из пастырей, принадлежавших белому духовенству, известен всему миру как духоносный муж святой жизни. Имя его – протоиерей Иоанн Ильич Сергиев. Святой Иоанн Кронштадтский родился в 1829 г. в семье сельского причетника в Архангельской епархии. Свое образование он завершил в Петербургской духовной академии. В 1855 г. его рукоположили в сан пресвитера и назначили священником Свято-Андреевского собора в Кронштадте, где он служил непрерывно более полувека, до своей кончины. С 1882 г. отец Иоанн развернул необычайно широкую благотворительную деятельность. Он устроил рабочий дом, детский приют, школу для бедных детей. С небывалым успехом ему удавалось вести борьбу с пьянством, распространенным среди портовых рабочих и моряков Кронштадта. Отец Иоанн был женат, но и в браке сохранил совершенное целомудрие. Он ежедневно совершал Божественную литургию. Его богослужения в Андреевском соборе были явлением исключительным в церковной жизни. Дерзновенная вера святого, чуждая и тени сомнений, подобная вере первых христиан,

захватывала молящихся и многих перерождала духовно. За такими богослужениями открывались необычайные проявления милости Божией. Русский народ чтит его еще при жизни как чудотворца.

Великий молитвенник, замечательный проповедник, в устах которого глаголы вечной жизни звучали с такой покоряющей силой, что они преображали сердца людей, пастырь-благодетель, святой праведный Иоанн Кронштадтский был еще и глубоким богословом. Его книги «Моя жизнь во Христе» и «Христианская философия» принадлежат к самому великому и подлинному в русском богословском наследии 19 в.

В своих творениях он не рассуждает о догматах, а свидетельствует их истину, опираясь на святоотеческий и на собственный духовный опыт. Его дневник под названием «Моя жизнь во Христе» содержит не размышления о Боге и не мечтания о Нем, а свидетельство о подлинной встрече с Ним и свидетельство о тайне Церкви как едином Телом, которое живет в святой Евхаристии. Евхаристия, по учению святого Иоанна Кронштадтского – средоточие христианского бытия. Духовная жизнь и Таинства – вот единственный надежный путь к встрече со Христом. Для него христианство было не отвлеченным учением, не системой нравственности, а новой жизнью, не похожей на жизнь ветхого человека, поработанного грехом.

«У истинного христианина, – писал он, – должно быть все иное в духе, в теле и в жизни: иные помыслы – духовные, святые; иные вождения – небесные, духовные; иная воля – правая, святая, кроткая, благая; иное воображение – чистое, святое; иная память, иной взор – чистый, простой, святой, нелукавый; иное слово – целомудренное, чистое, степенное, кроткое, – словом, христианин должен быть иной человек, небесный, новый, святой, божественно живущий, мыслящий, чувствующий, говорящий и действующий Духом Божиим. Таковы были святые угодники».

Таким был и сам духоносный кронштадтский праведник. Блаженная кончина его последовала 20 декабря 1908 г. на 80-м году земной жизни. Он был оплакан всей православной Россией, которая уже при его земной жизни видела в нем своего молитвенника и заступника перед Богом. Согласно завещанию самого отца Иоанна, он был погребен в соборном храме Иоанновского женского монастыря в Петербурге, основанного им в 1900 г. и посвященного его небесному покровителю – преподобному Иоанну Рыльскому.

7. Православие на Кавказе и на западе России

В 1795 г. Грузия подверглась губительному нашествию персидских

полчищ. Города и села, монастыри и храмы были разорены и сожжены. Иконы и мощи святых поруганы и уничтожены. Тифлисского архиепископа Досифея схватили на молитве в Сионском соборе и утопили в реке Куре. Мирные жители избивались и тысячами уводились в плен. После этого страшного погрома царь Георгий XIII с согласия князей и народа обратился к российскому государю с просьбой принять Грузию в вечное подданство. В 1801 г. Грузия, находившаяся раньше под российским протекторатом в соответствии с Георгиевским трактатом 1783 г., была присоединена к России.

Еще до государственного присоединения, в 1783 г., грузинский католикос был введен в состав Святейшего Синода. В 1811 г. последний католикос царевич Антоний ушел на покой и поселился в России. После этого грузинские епархии были включены в состав Российской Православной Церкви. Синод поставил во главе их экзарха Варлаама (Эристави), грузина по происхождению, но долгие годы жившего в Петербурге. При экзархе была учреждена Грузино-Имеретинская синодальная контора. После нескольких лет управления экзархатом архиепископа Варлаама отозвали в Петербург, назначив постоянным членом Синода, а на его место в Тифлис послали архиепископа Досифея (Пицхелаури), который, однако, оказался приверженцем старых грузинских церковных порядков и из-за этого в 1817 г. был отправлен на покой в Московский Высоко-Петровский монастырь.

Экзархом Грузии впервые поставили тогда русского по национальности архиерея – архиепископа Феофилакта (Русанова). Под председательством экзарха была открыта Грузино-Имеретинская синодальная контора, которая состояла из четырех членов: трех архимандритов и одного протоиерея. Она имела широкие полномочия, являясь своего рода синодальным отделением по управлению грузинскими епархиями. Синодальная контора во главе с экзархом избирала кандидатов на вакантные грузинские кафедры и представляла их для утверждения Синоду. Епископы Грузии, управляя епархиями, в своей деятельности находились в зависимости от экзарха и синодальной конторы.

Упразднение грузинской автокефалии не было актом безупречным с канонической точки зрения, что впоследствии вызывало раздражение у местного духовенства и народа. Но соединение Грузинской и Русской Церквей следует рассматривать в свете государственного единения двух единоверных народов, спасшего от исчезновения и грузинскую национальность, и православие в Грузии. Русская Церковь оказала неоценимую помощь грузинам в устроении их церковной жизни.

Своеобразие церковного строя в Грузии заключалось в дробности епархий (по 10–75 приходов в каждой), избыточествовавших епископами, происходившими из семей владетельных князей и феодальной знати; в отсутствие каких бы то ни было епархиальных канцелярий и вытекавшей отсюда безответственности приходского духовенства перед архиереями, управлявшими епархиями через устные распоряжения, в самоуправном вмешательстве в церковные дела местных князей и азнауров.

Грузинское духовенство страдало от крайней бедности: на одного священника часто приходилось по 10–20 крестьянских дворов; тарелочный сбор не практиковался, а плата за требы заменялась обильными угощениями. Образование духовенства стояло на крайне низком уровне. В Грузии было много монастырей, но монастырская жизнь находилась в расстроенном состоянии. В народе были распространены языческие обряды и даже языческие верования, уживавшиеся с христианством, в особенности у горцев – сванов, хевсуров.

Архиепископ Феофилакт начал с укрупнения епархий по российскому образцу. Из 11 епархий осталось только 5: Карталинская и Кахетинская (во главе с экзархом), Имеретинская, Гурийская, Мингрельская. Сокращено было и число приходов – и материальное положение духовенства заметно улучшилось. Через месяц после прибытия в Тифлис преосвященный Феофилакт открыл в своей резиденции духовную семинарию, а в провинции несколько духовно-светских училищ. Благодаря трудам экзарха в Грузии было построено более 30 храмов. Архиепископ Феофилакт потребовал строгой отчетности от архиереев и клириков. Возведенный в сан митрополита в 1819 г., он скончался во время объезда своей епархии 19 июля 1821 г. в период неутомимых трудов по устройению церковной жизни экзархата.

После него экзархами в Грузии обыкновенно назначались самые заслуженные и талантливые иерархи, и среди них Иона (Василевский), Моисей (Богданов-Платонов), Исидор (Никольский), Иоанникий (Руднев), Палладий (Раев), священномученик Владимир (Богоявленский). Ранг экзарха был весьма высоким: он занимал по чести четвертое место после петербургского, московского и киевского митрополитов.

Включение Грузинской Церкви в состав Российской Православной Церкви открыло благоприятные возможности для миссионерской деятельности по восстановлению православной веры среди кавказских горцев, утративших ее из-за непомерного давления ислама. В 1814 г. Синод восстановил Осетинскую миссию, устроенную еще в 18 в., наименовав ее Осетинской духовной комиссией. Уже при митрополите

Феофилакте вновь был крещен почти весь осетинский народ. Митрополит переводил на осетинский язык богослужебные тексты и катехизис. В 1824 г. вышло Евангелие на осетинском языке. В 1860 г. комиссия была преобразована в Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

В течение 19 в. крещено было большинство абхазов. В осетинских и абхазских селениях строились церкви и открывались школы. Гораздо скромнее были успехи миссии среди народов Кавказа, принявших ислам за несколько веков до ее открытия, – чеченцев, кабардинцев, адыгейцев.

Вначале 19 в. на западе России среди униатов усилилось тяготение к возвращению в праотеческое православие. При Александре I правительство весьма благожелательно относилось к Католической Церкви и не склонно было поощрять эти стремления. В западных губерниях иезуитский орден открывал школы, через которые вел католическую пропаганду среди русских.

Лишь в царствование Николая I, когда незыблемыми основами Российского государства были провозглашены, в соответствии со знаменитой формулой Уварова, «православие, самодержавие и народность», и особенно после усмирения польского восстания 1830–1831 гг., охватившего значительную часть Белоруссии и Украины, – воссоединение униатов стало, наконец, одной из целей государственной политики.

Инициатором и главным деятелем воссоединения стал митрополит Иосиф (Семашко). Он родился в 1798 г. под Киевом, в семье сельского униатского священника. В детстве он, подобно крестьянским детям, сам пас скотину, был близок к православной среде, любил приходить в местный православный храм, пел и читал на клиросе. Образование Иосиф получил в Немировской гимназии и в Главной семинарии при Виленском университете.

В 1820 г. он был назначен проповедником в луцкий кафедральный собор, профессором богословия в епархиальной семинарии и членом луцкой греко-униатской консистории. Через год был рукоположен в сан пресвитера целибатом. В 1822 г. его ввели в униатский департамент Римско-католической коллегии, и там он защищал униатов от посягательств со стороны католических прелатов.

В 1829 г. Иосиф (Семашко) был рукоположен в сан епископа Мстиславского. По убеждениям он в ту пору уже стал православным человеком и тяготился своим униатством. В 1827 г. он подал государю докладную записку с описанием бедственного положения униатской

церкви, поработанной польским католицизмом, и с проектом воссоединения. Николай I благожелательно отнесся к этому плану.

По предложению Иосифа (Семашко) униатский департамент был выделен из Римско-католической коллегии и преобразован в самостоятельную Греко-униатскую коллегию. Попечением коллегии в Жировицах открылась новая семинария, устав и учебные программы которой совпадали с православными семинариями. Униатам было запрещено поступать в католическую Виленскую семинарию. После польского восстания базилианские монастыри, большей частью поддержавшие восставших, были подчинены епархиальным властям и очищены от римо-католиков. Часть монастырей закрыли, часть передали православным. В 1831 г. Православной Церкви была передана древняя Успенская Почаевская лавра, ставшая с тех пор очагом православия на Вольни и на всем западе России.

Принимались решительные меры для отделения униатов от католиков: униатским священникам запретили служить в католических храмах, а униатским монахам – проживать в католических монастырях; кандидаты священства не могли жениться на католичках, униатам не разрешалось крестить детей у ксендзов. В 1834 г. из церковного употребления стали изыматься униатские служебники и заменяться служебниками московской печати. Униатские церкви снабжались православными иконостасами, крестами, дароносицами, а униатское богослужение тщательно очищалось от всех заимствований из латинского обряда.

В 1835 г. для подготовки соединения в Петербурге был учрежден Секретный комитет по униатским делам в составе московского митрополита Филарета, епископа Иосифа (Семашко), обер-прокурора Нечаева и министра внутренних дел Блудова. Дела униатской церкви были переданы из ведения Министерства внутренних дел обер-прокурору Синода, а униатские семинарии, подобно православным, подчинены Комиссии духовных училищ.

Тем временем в униатских приходах умножилось число переходивших в православие. За четыре года, с 1833 по 1837 г., в отеческую веру вернулось до 150 тысяч белорусов и украинцев. Православный полоцкий епископ Смарагд (Крыжановский) начал проводить воссоединение целых приходов, но епископ Иосиф считал более целесообразным не воссоединять отдельные приходы, а исподволь готовить полное воссоединение всей униатской церкви.

Среди униатских епископов у преосвященного Иосифа были

искренние сторонники: его план поддерживал оршанский епископ Василий (Лужинский) и викарий епископа Иосифа ректор Жировицкой семинарии Антоний (Зубко). Однако подготовке воссоединения противодействовал униатский митрополит Иосафат (Булгак), занимавший Полоцкую кафедру, а также епископ Иосафат (Жарский). В 1838 г. оба противника воссоединения скончались.

В этом же году униатской коллегией были затребованы от подведомственного духовенства собственноручные заявления о желании присоединиться к Греко-Российской Церкви. Епископ Иосиф разъезжал по униатским приходам, проводил беседы с клириками, разъяснял, увещевал. Большинство священнослужителей высказались за воссоединение.

И вот, 12 февраля 1839 г., в Неделю православия, в Полоцке состоялся Собор униатского духовенства во главе с тремя архиереями и с участием православного полоцкого епископа, преемника Смарагда, – Исидора (Никольского). Собор составил торжественный акт о присоединении: «Мы положили твердо и неизменно признать вновь единство нашей Церкви с Православно-Кафолической Восточной Церковью и посему пребывать отныне, купно со вверенными нам паствами, в единомыслии со Святейшими Восточными Патриархами и в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода». 25 марта Синод утвердил акт о воссоединении. Число воссоединенных превышало 1 миллион 600 тысяч христиан Белоруссии и Волыни. В память об этом событии выбита медаль с надписью: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». После воссоединения произошло слияние православных епархий с бывшими униатскими.

Вдохновитель воссоединения епископ Иосиф (Семашко) был возведен в сан архиепископа. Скончался он членом Синода и митрополитом, удостоенным высшего российского ордена Святого Андрея Первозванного, в 1868 г. Его погребли в соборе Виленского Свято-Духовского монастыря, рядом с пещерой святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

Движение униатов к воссоединению с православием проникло и в Польшу, часть которой под именем Царства Польского в 1815 г. вошла в состав Российского государства. В Царстве Польском особенно много униатов было в исконно русской Холмщине. Ксендзы, базилианские монахи, польские магнаты и шляхта оказывали отчаянное противодействие стремлениям холмских униатов к церковному и национальному единению с русским народом.

После подавления польского восстания 1863 г. в Польше усилилось

русское влияние. Правительство обратило тогда внимание на судьбу униатских приходов. В 1870 г. администратором Холмской епархии был назначен протоиерей Маркелл Онуфриевич Поппель, ревностный сторонник соединения. Поппель занялся очищением униатских обрядов от латинских заимствований. Многие приходы стали подавать заявления о желании присоединиться к Греко-Российской Церкви.

В январе 1875 г. в Седлецкой губернии с Православной Церковью воссоединилось 50 тысяч униатов, а 18 февраля того же года в Холме открылся собор духовенства во главе с протоиереем Маркеллом Поппелем, на котором был составлен акт о воссоединении всей Холмской епархии с Православной Церковью. Само торжество воссоединения состоялось 11 мая, в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В том же 1875 г. протоиерей Маркелл был рукоположен в сан епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. Скончался он в 1903 г. в сане архиепископа и членом Синода.

После воссоединения холмских униатов уния оставалась лишь в Галиции и Прикарпатской Руси, входивших в состав Австро-Венгерской империи.

В 1830-х гг. тяготение к православию пробудилось среди поработанных немецкими баронами эстонцев и латышей, принадлежавших к лютеранскому вероисповеданию. В своих скорбях крестьяне Прибалтийского (Остзейского) края издавна искали утешения вне лютеранства, которое слишком грубо проявляло себя как религия господствующего немецкого элемента. Многие латыши и эстонцы издавна ходили на богомолье в православный Псково-Печерский монастырь.

В 1836 г. в Риге было учреждено викариатство Псковской епархии. Викарием назначили преосвященного Иринарха (Попова). При нем, а особенно при его преемнике епископе Филарете (Гумилевском), в Ригу к архиерею приезжали тысячи крестьян с заявлениями о желании присоединиться к Православной Церкви. В 40-х гг. более 100 тысяч латышей и эстонцев обратились в православие. В Риге было устроено православное духовное училище, которое сразу же переполнилось местными уроженцами. Латыши и эстонцы, оставшиеся в лютеранстве, любили молиться в православных храмах, многие из них крестили детей у православных священников. Епископ Филарет открывал новые приходы, устраивал школы с преподаванием на местных языках, защищал новообращенных эстонцев и латышей от их помещиков-лютеран.

Бароны были крайне встревожены, опасаясь, что укрепление православия в этом крае подорвет их господство. Опираясь на поддержку

высших правительственных чиновников Бенкендорфа, Остен-Сакена, Дубельта, они оказывали противодействие усилиям епископа Филарета и движению самих эстонцев и латышей к православию. Немецкая партия при императорском дворе, сломив сопротивление графа Протасова, добилась от Синода распоряжения о том, чтобы при принятии лютеран в православие соблюдалась «сугубая осторожность и постепенность».

В результате стали происходить события, казалось бы, невозможные в православном государстве: немецкая полиция в Риге оружием разгоняла людей от архиерейского дома, за одну попытку приблизиться к этому дому их избивали плетьюми и бросали в тюрьмы. В 1845 г. остзейские бароны исходатайствовали распоряжение об обязательном шестимесячном сроке между подачей заявления о переходе в православие и самим присоединением. И в течение этого срока пожелавшие присоединиться подвергались жестоким издевательствам от своих озлобленных помещиков.

В 1848 г. остзейские немцы добились удаления епископа Филарета из Риги. Его преемник преосвященный Платон (Городецкий), при котором в 1850 г. викариатство было преобразовано в самостоятельную епархию, действовал более осторожно и дипломатично и все-таки добивался неуклонного упрочения позиций православия и в Прибалтике.

Новая волна массовых присоединений среди эстонцев и латышей поднялась в 80-х гг., когда при Александре III правительство твердой рукой проводило национально ориентированную политику. Укреплению православия в Прибалтийском крае способствовало и вытеснение из присутственных мест и школ немецкого языка и замена его русским.

Влияние немецкой клики при дворе потеряло прежнюю силу; противодействие остзейских баронов стремлению эстонцев и латышей к православию было бесплодным. И немцы тогда стали жаловаться на гонение протестантства. В 1886 г. обер-прокурору Синода из Швейцарии было прислано письмо от Евангелического союза с клеветническим обвинением в гонениях на лютеран и с требованием прекратить их. На это письмо последовал ответ, в котором справедливо утверждалось, что жалобы остзейских лютеран происходят из вполне мирских стремлений удержать господство над местным населением Прибалтики.

8. Миссионерство

В 19 в. российское правительство поощряло христианскую проповедь среди язычников и даже мусульман, в христианизации оно видело надежный путь закрепления верности инородцев России, их сближения с русским народом.

В 1802 г. вышел указ о переводе на инородческие языки кратких катехизисов и молитв. В 1828 г. Святейший Синод постановил: «В тех частях государства, где жительствоют народы, не познавшие христианства или по обращении не довольно в оном утвержденные и наставленные, учреждать особых миссионеров». В селения новокрещенных назначались священники, знавшие местные языки.

В 1865 г. в Петербурге было учреждено Православное миссионерское общество, переведенное впоследствии в Москву. По уставу общества, его деятельность распространялась на все русские миссии, внутренние и заграничные, за исключением Кавказа, где действовало Общество восстановления православного христианства. Миссионерское общество занималось подготовкой миссионеров, оказывало помощь миссиям книгами, церковной утварью, деньгами на содержание церквей, школ, больниц. К обществу был приписан московский Покровский монастырь. Во главе миссионерского общества стоял митрополит Московский, а на местах епархиальные комитеты общества действовали под председательством правивших или викарных архиереев.

Как и в предшествующее столетие, в 19 в. особенно много забот уделялось христианизации народов Поволжья. Состояние миссии в этом крае в начале века в результате екатерининской политики неограниченной веротерпимости, вплоть до прямого покровительства исламскому духовенству, было печальным. Умножились случаи отпадения крещеных татар. Поэтому главные усилия пришлось направить не на приобретение новых чад Церкви, а на удержание уже крещеных. При Николае I власти шли даже на принудительные меры ради удержания в православии желавших отпасть от него: применялись ссылки, насильственное расторжение браков крещеных с некрещеными, принудительное крещение детей в отпадавших семьях. Но от всех этих мер, противных христианскому духу, было мало проку.

Для христианского просвещения крещеных татар был найден другой, более дальновидный и надежный путь. В 1854 г. при Казанской духовной академии открылось особое миссионерское отделение. Это отделение выработало новый подход к православной миссии среди татар. Профессор Н. И. Ильминский начал переводить христианские книги не на классический татарский язык, непонятный простому народу язык Золотой Орды, а на живой, разговорный язык, для которого вместо арабской графики использовалась кириллица. Н. И. Ильминский открыл первую крещено-татарскую школу с преподаванием на современном татарском языке. Татары с доверием отнеслись к этой школе и охотно отдавали в нее

детей. Такие же школы открывались и в других городах Поволжья.

В 1867 г. в Казани было учреждено Просветительское братство святого Гурия. При его участии стали распространяться христианские книги не только на татарском, но и на других языках Поволжья. В 1869 г. в Казани впервые было совершено православное богослужение на татарском языке. Оно произвело значительное религиозное одушевление в крещено-татарской среде. Благодаря этим мерам отпадения крещеных татар в конце 19 в. стали уже явлениями исключительными. Более того, имели место случаи крещения мусульман.

Но существенно потеснить ислам в продолжение всего столетия не удалось. По-прежнему он оставался религией большинства татарского народа. Среди башкир и киргизов (казахов) мусульманское духовенство не без успеха совершало свою пропаганду. Чуваши и мордва были полностью христианизированы, а у черемисов (марийцев) лишь немногие селения оставались языческими.

В Западной Сибири к началу 19 в. миссионерское дело пребывало в глубоком застое. Архиепископ Евгений (Казанцев) после назначения на Тобольскую кафедру в 1825 г. писал: «Многие из крещеных инородцев о вере Христовой понятия не имеют, в церквах бывают очень редко и дома даже молятся идолам, многие не знают самого имени Иисуса Христа и не умеют изобразить на себе креста; кроме того, оставалось еще громадное число неверующих, для обращения которых ничего не предпринято». Он обратился в Синод с ходатайством об учреждении двух миссий в Сибири. Синод утвердил его ходатайство. Одна из миссий была устроена на севере – в Обдорске в 1832 г., другая – на Алтае в 1830 г.

Во главе Алтайской миссии был поставлен архимандрит Макарий (Глухарев). Преподобный Макарий родился в Вязьме в 1792 г. в семье священника Смоленской епархии. Образование получил в местной семинарии и Петербургской академии, где на него обратил внимание ректор архимандрит Филарет (Дроздов), посоветовавший талантливому и аскетически настроенному студенту читать Добротолюбие, творения преподобных Макария Великого, Иоанна Лествичника. По окончании академии со степенью магистра Глухарев принял постриг и исполнял административно-педагогическое послушание. Из-за ухудшившегося здоровья в 1825 г. он был уволен с поста ректора Костромской семинарии и отправился на покой в Киево-Печерскую лавру, а оттуда перешел в Глинскую пустынь под руководство духовно опытного старца Филарета.

Из этой пустыни он и выехал в Сибирь и вскоре обосновался в горах Алтая в селении Улале. Архимандрит Макарий со своими помощниками

без устали разъезжал по селениям язычников, устраивал в них миссионерские станы, освящал церкви. При обращении туземцев миссионеры поступали с крайней тщательностью: они не гнались за числом обращенных, крестили не иначе как после долгого научения вере; проповедники Евангелия воспитывали новокрещеных в христианском духе, обучали их русскому языку, заботились об устройении их быта, приучали кочевников к оседлой жизни, лечили больных и для этого завели больницу, устраивали школы.

Содержание Миссии было скудным, и преподобный Макарий отдавал ей все свое магистерское жалованье. У себя на квартире он приютил и содержал сирот-мальчиков, а во время голода на Алтае ездил в Москву за помощью для голодавших. За 13 лет пребывания на Алтае ему и его помощникам удалось крестить 675 человек, – казалось бы, немного, но все обращенные действительно внутренне преобразились, стали убежденными христианами.

Другой известный миссионер святитель Макарий (Невский), подвизавшийся в Алтайской миссии во второй половине 19 в., писал о первоначальнике Миссии: «Архимандрит Макарий был муж высокопросвещенный не одной наукой, но и Божественной благодатью, которая проявлялась в нем иногда даром прозорливости. В нем явственно почил дух премудрости, дух разума, страха Божия и ревности о славе Божией».

В 1844 г. из-за крайне расстроенного здоровья преподобный Макарий удалился в Волховский монастырь Орловской епархии. Апостол Алтая скончался в 1848 г. Последние слова его были: «Свет Христов просвещает всех».

Преподобный Макарий был замечательным писателем. Он переводил Священное Писание на русский язык; составил словарь алтайского наречия, перевел молитвы на это наречие. Он написал ценное пособие для миссионеров «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами, евреями и язычниками в Российской державе». Архимандрит Макарий обладал незаурядным поэтическим талантом. Посмертно его духовные гимны были собраны в книгу с названием «Первая лепта». Эта книга вышла в Томске в 1901 г. Апостол Алтая оставил также замечательные путевые заметки и записки. Сохранились и его письма.

Преемником архимандрита Макария на Алтае стал протоиерей Стефан Васильевич Ландышев, а после него во главе миссии стоял архимандрит Владимир (Петров), впоследствии епископ Бийский, викарий

открытой в 1834 г. Томской епархии, к которой отошла Алтайская миссия.

Во второй половине 19 в. в Миссии подвизался святитель Макарий (Невский). Он родился в 1835 г. и 19-летним юношей, по окончании Тобольской семинарии, приехал на Алтай. Свои апостольские труды он начал с изучения алтайского наречия. В 1861 г. Михаил Андреевич Невский был пострижен и в память об основателе Миссии принял имя Макария. В сане иеромонаха он основал монастырь в глухой долине. Отец Макарий без усталости путешествовал, проповедуя алтайцам слово Божие. Молодой миссионер с ревностью совершал свое апостольское служение.

Свидетель его подвигов вспоминал о нем: «Дым от разведенного костра, точно фимиам, подымался к небу, и слова проникновенные, полные любви на алтайском языке лились убедительно, властно, чарующе и правдиво... Какие это были слова? Молодая душа, горевшая любовью, влагалась в них, они звучали невыразимым убеждением, они трепетали бесконечной верой и звали за собой к Тому, о Ком вещали... Старик-алтаец бросил трубку, которая давно потухла, его молодые сыновья и подросток-дочь слушали, не спуская глаз, а другие, сидевшие поодаль, тихо придвинулись ближе, а по лицу толмача Чевалкова катились слезы, которых он не замечал».

После многих лет миссионерского послушания на низших должностях святой Макарий был назначен начальником миссии, а через год, в 1884 г., в связи с переводом епископа Владимира (Петрова) на Томскую кафедру, был хиротонисан во епископа Бийского. Впоследствии он занимал Томскую, а с 1912 по 1917 г., уже на склоне лет, Московскую митрополичью кафедру.

Еще будучи рядовым миссионером, он составил первый алтайский букварь и проделал большую работу по переводу на алтайский язык Четвероевангелия. С его участием переводились и другие священные и богослужебные книги. В Бийске святитель Макарий устроил типографию, в которой печатались книги на алтайском языке.

Скончался великий старец-иерарх в 1926 г. в Подмосковье, в 90-летнем возрасте, удостоенный незадолго до смерти титула митрополита Алтайского. В 50-х гг. его гробница была перенесена в храм во имя Всех святых в земле Российской Просиявших под Успенским собором Троице-Сергиевой лавры.

К концу столетия Алтайская миссия имела до 70 церквей и молитвенных домов, 3 монастыря, 48 школ. В 1880 г. из Алтайской миссии выделена была Киргизская миссия с центром в Семипалатинске. В Енисейской епархии с успехом проповедовала христианскую веру

язычникам-хакасам Минусинская миссия. На севере Сибири в Тобольской епархии подвизались миссионеры из Обдорской, Кондинской, Сургутской и Туру ханской миссий, в Туркестане была устроена Семиреченская миссия в городе Верном (ныне Алма-Ата).

В Восточной Сибири иркутский архиерей Михаил (Бурдуков) в 1814 г. открыл Забайкальскую миссию для бурят. В этой Миссии трудились знаток бурятского языка священник Александр Бобровников и крещеный бурят Михаил Сперанский. Деятельным проповедником и просветителем язычников был архиепископ Иркутский Нил (Исакович), занимавший кафедру в 1838–1853 гг. Он много путешествовал по бурятским селениям и считается в науке первым русским исследователем буддизма. Его сподвижником по переводу Священного Писания на бурятский язык стал Николай Нилов-Доржеев, по происхождению монгол и до крещения ламаист. Он уверовал во Христа в Даурии после видения Креста на небе. Став миссионером, Николай Нилов-Доржеев принял священный сан, до конца жизни он переводил священные и богослужебные книги на бурятский язык.

Еще в конце 18 столетия апостольская проповедь русских миссионеров достигла Нового Света – Америки. По ходатайству основателя Американской компании Шелехова на Алеутские острова было послано 8 валаамских иноков во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым). Миссия обосновалась на острове Кадьяк. Монахи построили храм и начали проповедовать Евангелие алеутам и крестить их. Архимандрит Иоасаф в одном из писем писал: «1794 г., сентября с 24 живу на острове Кадьяк. Слава Богу, более 700 американцев перекрестил да более 2000 браков обвенчал, построили церковь, а время позволит – сделаем другую, да походные две, а то и пятую нужно сделать». Один из миссионеров, иеромонах Макарий, после того как все жители Кадьяка были крещены, отправился на остров Уналашку, а иеромонах Ювеналий перебрался на Аляску и проповедовал там, пока не принял мученическую кончину от рук язычников.

В 1799 г. по ходатайству русского предпринимателя Шелехова была учреждена Кадьякская викарная кафедра при Иркутской епархии, на которую был назначен хиротонисанный во епископа Иоасаф (Болотов), но, возвращаясь на остров, он со своими спутниками погиб, застигнутый штормом. Новая епископия была закрыта.

В помощь оставшимся миссионерам в 1804 г. прислали иеромонаха Александро-Невской лавры Гедеона, который, пробыв на островах три года, навсегда покинул их, оставив вместо себя монаха Германа.

Преподобный Герман Аляскинский родился в 1757 г. в подмосковном городе Серпухове в купеческой семье. В 16-летнем возрасте он поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь на берегу Финского залива. Оттуда он переселился на Валаам в Преображенский монастырь и поступил под руководство мудрого игумена Назария, присланного на Валаам из Саровской пустыни.

Старец Назарий благословил инока на пустынножительство в лесу. На Валааме преподобный принял постриг с именем Герман. При учреждении Кадьякской миссии преподобного Германа призвали к апостольскому служению. В первое время он нес послушание в пекарне и занимался хозяйственными делами. Когда он был поставлен во главе Миссии, его хотели рукоположить в иеромонаха, однако он по смирению отказался от этого возвышения и остался навсегда простым монахом. Он поселился на острове Еловом, который назвал Новым Валаамом. Святой Герман не только проповедовал Христа жителям острова, он учил детей грамоте, всячески опекал и защищал алеутов от жадных пришельцев-промышленников. В заботе о людях, не искушенных цивилизацией, он видел свой христианский долг. Преподобный говорил о себе: «Я нижайший слуга здешних народов и нянька».

Жил святой Герман в крайней скудости и бедности. Одежда его была убогой и ветхой. Его келейные молитвы были никому неизвестны, но дары благодати, которые он стяжал в трудах и молитве, светились в облике преподобного. Поучения старца производили на его собеседников неизгладимое впечатление. Правитель Российско-Американской компании С. И. Яновский, встречавшийся с иноком, вспоминал о нем: «Постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истинный, и я сделался настоящим христианином».

Директор Российско-Американской компании К. Т. Хлебников писал об отце Германе: «Будучи одарен быстрым умом и твердой памятью, мысли его, так сказать, беспрестанно разгуливают в Библии, священной истории... и, хотя он уже более 10 лет как от слабого зрения не пишет и совсем не читает, но в упомянутых Писаниях память его находит богатый источник для рассуждения и разговора, который как бы у него никогда не истощается и разливается быстрою речью, при всей его старости. Он нрава веселого, любит смешному посмеяться, принимает участие во всех мирских событиях, особенно исторических. Однако же о сих предметах разговаривает недолго и, наконец, перейдет непременно к своему предмету – к религии. Он обрел на Еловом острове уединение и безмятежную жизнь, за которой гнался во всю свою жизнь... Он не искал

почестей, ибо отказывался от многих предложений, которые с радостью были бы приняты человеком, ищущим возвышения в обществе; он не хотел быть архимандритом, очень понимая, что с каждым возвышением он более и более был бы связан и более, и более бы удалялся от любимой цели: отшельником мирославить Бога своего!».

Преподобный Герман предсказал день своей кончины. 13 декабря 1837 г. он просил зажечь свечи и почитать ему Книгу Деяний. Слушая чтение, святой отошел ко Господу. Над могилой старца сооружена деревянная церковь во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских. В марте 1969 г. Собор епископов Русской Православной Церкви в Америке совершил прославление преподобного Германа Аляскинского в лике святых.

В 1821 г. российское правительство вменило в обязанность Американской компании иметь достаточное число храмов и священнослужителей на своей территории. С этой целью на Аляску и Алеутские острова Синод направил священников Фрументия Мордовского и Иакова Нецветова. В 1823 г. на остров Уналашку прибыл отец Иоанн Вениаминов, впоследствии митрополит Иннокентий, великий миссионер, апостол Америки и Камчатки, причисленный к лику святых.

Он родился в 1797 г. в семье пономаря села Агинского Иркутской епархии Евгения Попова. С семи лет мальчик читал Апостол в храме. В 1806 г. он поступил в Иркутскую семинарию, где ему, как лучшему ученику, была усвоена фамилия Вениаминов в память о почившем иркутском архиепископе Вениамине.

По окончании семинарии, в 1821 г., он был рукоположен в сан пресвитера, а через два года Господь призвал его к апостольским трудам. Миссионерское служение отца Иоанна началось с острова Уналашки, откуда он перебрался на остров Ситку. Свой подвиг он совершал на суровом севере, посреди океана, с постоянной опасностью для жизни. Однажды бесстрашный миссионер на бриге «Охотск» был застигнут штормом. Жизнь команды и пассажиров была под угрозой. Тогда он обратился с горячей молитвой к преподобному Герману: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер» – и через четверть часа ветер переменился и стал попутным. Прибыв в гавань на остров Еловый, отец Иоанн сразу же отслужил панихиду на могиле преподобного.

В своих путешествиях по островам великий миссионер изучал языки, быт, обычаи народов, которым он проповедовал. Плодом этого изучения явились его труды по географии, этнографии и лингвистике, принесшие ему мировую известность как ученому. Он составил алфавит и грамматику

алеутско-лысьевского языка и перевел на него Евангелие, катехизис и молитвы.

Его лучшее творение «Указание пути в Царство Небесное», написанное в 1833 г. и неоднократно издававшееся, было переведено на многие языки Севера и содействовало великому делу христианской миссии. В этом сочинении в предельно кратком виде, простым языком изложено учение о спасении. Наставления святителя Иннокентия при всей своей простоте исполнены духовной мудрости. О молитве он пишет: «Дух Святой научает истинной молитве. Никто, пока не получит Духа Святого, не может молиться такой молитвой, которая истинно приятна Богу... Всякий грех удаляет от нас Духа Святого, но особенно Ему противны телесная нечистота и духовная гордость... Молиться Богу можно всегда и везде, на всяком месте, и даже тогда, когда грех одолевает нас... Кто чувствует свою внутреннюю бедность, тот не перестанет молиться и среди своих занятий. Кто усердно желает войти в Царство Небесное, тот найдет случай и время молиться и внутренне и наружно... Не находит времени молиться только тот, кто не хочет молиться».

Совершая богослужения, святитель Иннокентий неизменно поучал свою новообращенную паству. Благовествуя язычникам путь в Царство Небесное, крестил он десятки тысяч людей, строил храмы, открывал школы, в которых сам обучал детей основам христианской жизни. В миссионерских трудах ему много помогало знание самых разных ремесел, его поистине золотые руки. Человек удивительно разносторонний, он был искусным часовым мастером. И он обучал ремеслам туземцев Аляски и Алеутских островов.

Когда святой овдовел, он был пострижен митрополитом Московским Филаретом с именем Иннокентий. В 1850 г. его хиротонисали во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского с местопребыванием в Новоархангельске на острове Ситке. Епархия его была огромна, и святитель, объезжая ее, в иные годы проделывал путь до 8000 верст: верхом на лошади, на собаках, на утлых суденьшках по океану. В пределах его епархии находился обширный Якутский край, Приамурье и Уссурийская область. В Якутии святитель учредил богослужение на местном языке и тем доставил большую радость якутам. В 1850 г. святой Иннокентий открыл Миссии на Чукотке для обращения чукчей и юкагиров и на Амуре для проповеди Христа орочам, гилякам, гольдам и маньчжурам. В Амурской миссии подвизался его сын священник Гавриил Вениаминов.

В 1857 г. кафедра святителя была переведена на Амур в Благовещенск.

А в Новоархангельске в 1858 г. открылось викариатство. Через 10 лет в связи с продажей русских владений в Америке Соединенным Штатам Новоархангельская кафедра была упразднена, но в 1870 г., по почину святителя Иннокентия, в Америке была учреждена самостоятельная Алеутская и Аляскинская епархия с центром, однако, не на островах, а в Сан-Франциско. Это была самая обширная епархия в мире, в ее состав входила вся Северная и Южная Америка.

В ту пору Промыслом Божиим святитель был уже переведен на Московскую кафедру, став с 1868 г. преемником митрополита Филарета. Во время своего пребывания в Москве святой Иннокентий много потрудился над учреждением Миссионерского общества. Его трудами открыта Японская духовная миссия во главе с равноапостольным Николаем. По благословению святителя Иннокентия основана церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Московской духовной академии.

Святитель Иннокентий почил 31 марта 1879 г. в Великую субботу и погребен в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры.

За пределами России в 19 в. продолжала действовать Православная духовная миссия в Пекине. В основном Миссия занималась окормлением русских поселенцев в Китае. Кроме того, она являлась связующим звеном в отношениях между двумя великими государствами. В начале 19 столетия Миссию возглавлял выдающийся ученый-синолог, имя которого вошло в мировую науку, архимандрит Иакинф (Бичурин). Он 13 лет провел в Китае, собрав там обширный материал по языкам, истории, этнографии, религиоведению и географии Китая, Монголии и Тибета. В России опубликованы его многочисленные труды, доставившие ему звание академика. Он умер в 1853 г.

По трактату 1858 г. китайское правительство предоставило Миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства. Это позволило русским миссионерам проповедовать среди китайцев с большим, чем прежде, успехом. В начале 60-х гг. для Пекинской миссии была составлена новая инструкция и утверждены новые штаты. По этим штатам Миссия состояла из начальника в сане архимандрита, трех иеромонахов, священника, катехизатора и трех учителей. Члены Миссии отправлялись в Китай на бессрочное служение. Им запрещалось участвовать в политической жизни Китая и прибегать к интригам, хитрости и насилию по отношению к местному населению. В конце столетия Миссия располагала двумя училищами, в которых занималось более 50 учащихся. Много внимания Миссия уделяла переводческим трудам и изданию богослужебных и

духовных книг не только на китайском, но и на японском, корейском и маньчжурском языках.

9. Духовное образование

Вначале 19 столетия вслед за реформой системы светского образования встал вопрос о преобразовании духовной школы. Епископу Евгению (Болховитинову) было поручено составить «предначертание» реформы. Разработанный им план поступил на рассмотрение Временного комитета, в который вошли митрополит Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ Калужский Феофилакт (Русанов), протопресвитер С. Краснопевков, обер-священник Н. Державин, обер-прокурор А. Н. Голицын и статс-секретарь М. М. Сперанский. В 1808 г. комитет завершил труды над составлением плана кардинальной перестройки духовной школы.

Главная мысль проекта заключалась в отделении высшего богословского образования от среднего и низшего. До тех пор и в академии, и в семинарии курс начинался с обучения латинской грамматике, а заканчивался богословским классом. В академии предполагалось впредь принимать выпускников семинарий. «Духовные академии – говорилось в проекте, – не препонаясь в поприще, им предназначенном, первоначальным и, так сказать, стихийным обучением наук, грамматических и исторических, займут в науках философских и богословских пространство, им приличное, и станут на чреде просвещения, высшему духовному образованию свойственной».

Академический курс был рассчитан на 4 года и разделен на два двухлетних отделения: общеобразовательное, на котором преподавались высшая математика, физика, философская грамматика, древние и новые языки, эстетика, всеобщая и церковная история, и специальное богословское с изучением догматики, нравственного и полемического богословия, герменевтики, гомилетики, канонического права. Выпускники академии по окончании курса удостоивались ученых степеней кандидата и магистра.

На академии возлагалось также научно-методическое и административное руководство семинариями. В связи с этим образованы были Петербургский, Московский, Киевский и Казанский учебные округа. Казанскую академию на новых началах устроить не удалось, и поэтому она временно была преобразована в семинарию, а ее учебный округ соединен с Московским.

Средними духовными школами, по плану, должны были стать семинарии – по одной на епархию, с 6-летним обучением, разделенным на

три двухлетних отделения, которые по-старинному именовались риторическим, философским и богословским. В семинариях преподавали словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, а из богословских дисциплин – Священное Писание, герменевтику, догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковную историю с археологией, древние и новые языки.

В семинарии принимались выпускники уездных духовных училищ (с 6-летним курсом), в которых изучали грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространный катехизис, церковный устав и классические языки. Уездные училища были подчинены епархиальным семинариям. Кроме того, планом комитета предусматривалось открытие в благочиннических округах приходских училищ с обучением чтению, чистописанию, грамматике, пению, арифметике и краткому катехизису.

Для управления духовными школами из членов Временного комитета в 1808 г. была составлена Комиссия духовных училищ. По семинариям рассылались вновь составленные конспекты по богословским и философским наукам. К 1814 г. трудами главным образом архиепископа Феофилакта (Русанова) и М. М. Сперанского были разработаны уставы новых академий, семинарий и училищ. Новый академический устав, в противоположность старой школе, главное внимание уделял не механическому запоминанию учебного материала, а его свободному, творческому усвоению: «Добрая метода учения заключается в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума воспитанников». Устав особое значение придавал письменным упражнениям учащихся на всех ступенях обучения. Всячески поощрялось чтение литературы за рамками учебных программ. В принципе, в уставе осуждалось засилие латыни: «Введение в училищах латинской словесности хотя в некотором отношении принесло им великую пользу, но исключительное в ней упражнение было причиною того, что во многих из них учение письмен словенских и еллинских, столько для Церкви нашей необходимых, мало-помалу ослабевало». Тем не менее латынь осталась языком преподавания.

Преобразование духовных школ проводилось постепенно, начиная с Петербургской академии. В ней уже в 1809 г. начались занятия по новым программам, и первый выпуск преобразованной академии, состоявшийся в 1814 г., убедил комиссию в целесообразности реформы. На очереди стояла Московская академия, преобразованная в 1814 г. одновременно с переводом в Троице-Сергиеву лавру, в связи с чем Троицкую семинарию переместили в подмосковный Перервинский монастырь. С 1819 г.

началось преобразование Киевской академии, а для Казанской академии вначале не удалось подобрать профессоров, способных читать лекции по новым программам, и открытие ее было отложено до 1842 г.

После реформы началось оживленное строительство новых школьных помещений и общежитий. Заметно улучшилось содержание учителей и воспитанников, но средств по-прежнему не хватало, училищное начальство вынуждено было принимать на казенный кошт бедных учеников сверх предусмотренных штатов.

Не все из задуманного удалось осуществить. Число духовных школ, открытых к концу царствования Александра I, было значительно меньше предусмотренного проектом, но все-таки оно заметно выросло. В 1808 г. в России насчитывалось 150 духовных школ, а в 1824 г. их было уже 344. Уровень образования в семинариях заметно вырос, а академии, освобожденные от семинарского курса, становились ведущими центрами богословской науки.

После реформы в академическом и семинарском образовании происходил постепенный переход на русский язык. Митрополит Филарет (Дроздов) писал об этой перемене так: «От сего... знание латинского языка сделалось слабее, но зато школьная терминология начала уступать место более чистому и ясному изложению истины; распространение существенных познаний усилилось, и сообщение оных народу в «поучениях» облегчилось... Богословские понятия, преподаваемые на латинском языке, не свободно действовали в умах во время учения и после учения с трудом переносимы были на русский язык для сообщения народу».

Но в 20-х гг. против перехода в обучении на русский язык выступил архиепископ Рязанский Филарет (Амфитеатров). Он настаивал на сохранении латинского языка и для поддержания высокой учености, и, главным образом, из опасений, как бы через русские книги и лекции не получили широкой огласки заблуждения, опровергаемые в догматике. Однако и он считал, что нравственное богословие надо преподавать по-русски.

В Петербургской академии вслед за святым Филаретом (Дроздовым) на русском языке стал читать лекции отец Григорий (Постников), впоследствии митрополит, в Москве – отец Кирилл (Богословский-Платонов), в Киеве – ректор архимандрит Моисей, а за ним святой Мелетий (Леонтович). Постепенно и в семинариях латынь стала выходить из употребления, оставаясь лишь одним из учебных предметов. В 40-х гг. уже во всех школах богословие преподавалось на русском языке.

При обер-прокуроре Протасове в связи с общим изменением церковно-политического курса поставлен был вопрос о пересмотре уставов 1814 г. Но Комиссия духовных училищ не захотела поддержать замысел обер-прокурора. Тогда Протасов пошел на роспуск комиссии, вместо которой в 1839 г. было учреждено Духовно-учебное управление, действовавшее не как авторитетная коллегия, а как служебное подразделение, подчиненное обер-прокурору. Замысел Протасова клонился к тому, чтобы понизить образовательно-культурный уровень духовных школ, который казался ему не соответствующим потребностям церковной жизни.

Протасов крепко бранил «мертвящую ученость», особенно доставалось от него «нечестивой и безбожной науке» философии. В семинариях, считал он, курс наук необходимо приспособить к условиям сельской жизни. «Из семинарий поступают в священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезными крестьянину даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердит хорошенько катехизисы, церковный устав, нотное пение. И довольно. Высокие науки пусть останутся в академиях», – так передавал наставления Протасова ректор Вятской семинарии архимандрит Никодим (Казанцев). Всему духовному образованию Протасов предлагал придать направление, «сообразное с нуждами сельских прихожан».

Проведению протасовской реформы решительно воспротивился митрополит Московский Филарет. И поэтому свой план крайнего «опрощения» среднего духовного образования Протасову не удалось осуществить вполне. Тем не менее правила, введенные в 1840 г., значительно сокращали число общеобразовательных предметов в семинариях. Были оставлены только логика и психология (вместо философии), российская словесность, история, физика, геометрия и классические языки. Вместо упраздненных общеобразовательных дисциплин вводились основы медицины, сельское хозяйство, в отдельных семинариях иконописание и инородческие языки. В учебные планы по богословию были включены библейская история и историческое учение об отцах Церкви; усиливалось изучение русской церковной истории. Вводились катехизические беседы с воспитанниками, которые должны были служить образцом для бесед священника с прихожанами. В академическом образовании больше внимания стали уделять истории

Русской Церкви; вводились новые курсы – патристика, логика с психологией и педагогика. Новыми правилами приходские училища соединялись с уездными. Курс обучения в них разделялся на три двухлетних отделения.

В конце 40-х гг. из-за быстрого роста численности учащихся недостаточность средств довела духовные школы до нестерпимой бедности. Как и в 18 в., казеннокоштные бурсаки голодали, здания школ годами стояли без ремонта. Переполнение духовных школ воспитанниками заставило Святейший Синод в 1850 г. отменить обязательное обучение детей клириков в духовных училищах.

В царствование Александра II, когда глубоким преобразованиям подверглись все стороны национальной жизни, в церковной печати открыто стал обсуждаться вопрос о новой реформе духовной школы. От архиереев, от ректоров академий и семинарий Синод затребовал их мнения и предложения, а в 1860 г. под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова) был составлен особый комитет, который за четыре года разработал план новых преобразований.

Архиепископ Димитрий предложил радикальные меры. Он хотел перестроить существовавшие семинарии в общеобразовательные школы для детей духовенства, а богословские классы семинарий преобразовать в закрытые пастырские школы с полумонастырским уставом и принимать в них сложившихся, зрелых людей, искренне стремившихся послужить Церкви на пастырском поприще, причем не только из духовного чина, но из всех сословий. Комитет, однако, не пошел на столь решительную ломку существовавшей системы. Часть его членов считала более целесообразным попросту вернуться к уставам 1814 г. В итоге решили в общих чертах сохранить сложившиеся типы духовных школ, с той только переменной, чтобы в семинариях богословские предметы были выделены в особый курс и сосредоточены в последних классах.

Разработанный прежде проект был передан на рассмотрение епархиальных архиереев, ректоров и академических конференций, и в 1866 г. составился новый комитет во главе с митрополитом Киевским Арсением (Москвиным). Через год были утверждены разработанные этим комитетом новые уставы семинарий и духовных училищ, в 1869 г. – устав духовных академий.

Эти уставы предусматривали новое устройство управления духовными школами. Оно сосредоточивалось в Учебном комитете при Святейшем Синоде, вместо прежнего Духовно-учебного управления, подчиненного непосредственно обер-прокурору. Упразднились

академические учебные округа, и академии в связи с этим освобождались от управления семинариями. Из ведения академий изымалась возложенная на них старым уставом духовная цензура.

Внутренняя администрация духовных школ строилась на началах широкой коллегиальности и самоуправления. Вводились академические советы, а также семинарские и училищные правления из преподавателей и выборных представителей местного духовенства. Педагогическим корпорациям предоставлялось право выбора ректоров и инспекторов, ректоры академий по-прежнему назначались Синодом.

Новый устав ставил перед академией двойную задачу: быть не только высшей богословской школой, но и своего рода педагогическим институтом духовного ведомства. В связи с этим учебные планы подвергались существенным изменениям. Круг наук сокращался, из учебных планов полностью устранялись физико-математические дисциплины, что позволяло сосредоточиться на богословских предметах и преподаванию их придать более научный характер. Общеобязательных дисциплин оставалось немного. Остальные предметы распределялись по трем отделениям, своего рода факультетам: богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому; два двухгодичных курса заменялись четырьмя одногодичными. Лишь лучшие студенты оставались на 4-м курсе для работы над кандидатской диссертацией, остальные выпускались после 3-го курса со званием «действительного студента». Магистерские диссертации, как и в университетах, впредь должны были подаваться в печатном виде и подлежать публичной защите.

Главным достоинством академического устава было требование научного характера высшей богословской школы. Но «жертвой» научности порой становилась церковность академического богословия. Стремясь придать своим академическим лекциям, диссертациям и монографиям научный характер, ученые богословы силились во что бы то ни стало догнать западно-европейскую науку и часто совсем не критично заимствовали ее выводы, в эту эпоху уже опасные не столько своим инославием, сколько рационалистическим направлением.

В духовных семинариях вместо прежних трех двухгодичных классов – риторики, философии и богословия – вводилось два курса: общеобразовательный (1–4 классы) и богословский (5–6 классы). Из прежней многопредметной программы исключались сельское хозяйство, основы медицины, катехизаторское обучение, библейская история, патрология, полемическое богословие, учение о богослужебных книгах, церковная археология – в общем, предметы, введенные при Протасове.

Вместо них вводились основное богословие и педагогика, усилено было изучение Священного Писания, философии, математики, классических языков. Один из новых языков был признан обязательным предметом.

В уездных духовных училищах 6-летний курс заменялся четырехгодичным с приготовительным классом. Из училищ одни выпускники шли в семинарии, другие – псаломщиками на приходское послушание.

Во все духовные школы, которые до тех пор сохраняли сословный характер, был открыт доступ выходцам из всякого чина, а выпускники семинарий получали право поступать в светские высшие школы. Значительно повышено было материальное обеспечение духовных школ, содержание учащихся, оклады преподавателей. Немалые суммы стали отпускаться на ремонт и строительство учебных корпусов и общежитий.

В 70-х гг. происходил быстрый рост числа духовно-учебных заведений. К 1881 г. в России насчитывалось уже 4 академии, 53 семинарии и 183 духовных училища, а к концу века в дополнение к ним было открыто еще 5 новых семинарий и 2 училища.

Однако ревизии, проведенные в 70-х гг., обнаружили серьезные недостатки в постановке учебно-воспитательной работы, снижение церковности учащихся и падение дисциплины. Уход выпускников семинарий на светскую службу и в университеты был непомерно велик.

В 1882 г. при Святейшем Синоде была образована комиссия для пересмотра учебных уставов во главе с архиепископом Сергием (Ляпидевским), впоследствии митрополитом Московским. Новые уставы были разработаны в 1884 г. На характер нововведений большое влияние оказали мнения обер-прокурора К. П. Победоносцева. Во всех духовных школах была усилена власть епархиальных архиереев и ректоров. В академиях отменялась специализация студентов по отделениям. Все богословские и философские дисциплины стали общеобразовательными, и лишь второстепенные исторические и филологические предметы подразделялись на два отдела и предлагались студентам на выбор. Отменялась публичность академических диспутов при защите диссертаций. Докторская степень стала присваиваться без защиты, по отзыву рецензентов. Вводилось также различие докторской степени: богословия, церковной истории и канонического права. Магистерские диссертации защищались на расширенном академическом совете.

В управлении семинариями совершенно отменялось выборное начало. Богословские предметы распределялись по всем классам. Увеличилось число отводившихся для них учебных часов. Восстановлено было

преподавание библейской истории, сравнительного богословия. Вводился новый предмет под названием «история и обличение раскола». Церковное пение из факультативного сделано было обязательным. Сокращались программы по математике, философии, педагогике. Новые языки стали факультативными, а программы по классическим языкам, занимавшие прежде более трети всего учебного времени, были значительно сокращены. Для улучшения религиозно-нравственного воспитания учащихся вводилась должность духовника семинарии.

В уездных духовных училищах усилено было изучение русского и церковнославянского языков, а также церковного пения.

В 1889 г. были изданы особые «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». Правила требовали, «чтобы сочинения заключали в себе такую полноту и определенность изложения... при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения, а также такую точность выражений, которая устраняла бы всякий повод к ложным вопросам...». «Не могут быть признаны соответствующими требованию ученого богословского сочинения такие труды, в которых отрицается, хотя бы и с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям».

Церковно-охранительный характер этих правил, составленных по указанию Победоносцева, очевиден. Но запретительная политика Победоносцева оказалась не особенно плодотворной. Она не смогла искоренить в академической сфере либеральных настроений, которые в конце столетия приобрели тревожный характер.

В 19 в. появился новый тип школ, принадлежавших Духовному ведомству. В 1843 г. в Царском Селе под покровительством императрицы Александры Федоровны было открыто первое училище для девиц духовного звания. Вскоре появились такие же школы в Ярославле, Казани, Иркутске, Вильне, Пензе, Киеве. Целью этих школ было приготовление достойных жен для священнослужителей. В них преподавали Закон Божий, церковное право, русскую грамматику, арифметику, чистописание, рукоделие и домашнее хозяйство.

В 1860 г. на средства духовенства открылись епархиальные женские училища. По уставу 1868 г., учебные программы училищ рассчитаны на 6 лет. Кроме дочерей духовных лиц, в них за особую плату принимались и девицы других сословий. В конце 19 в. в России было уже более 50 женских духовных училищ.

10. История духовных академий

Высшая богословская школа в Москве при Богоявленском монастыре была открыта в 1685 г. по благословению патриарха Иоакима при содействии ученых мужей из Греции братьев иеромонахов Иоанникия и Софрония (Лихудов). Она получила наименование Славяно-эллинских школ, впоследствии Славяно-греко-латинской академии. Сами Лихуды преподавали в ней все науки на греческом языке. Академия должна была стать очагом православной учености для России и всего христианского Востока. После удаления братьев Лихудов из академии их место заняли иеромонах Карион (Истомин), Николай Семенов и Феодор Поликарпов.

При местоблюстителе патриаршего престола митрополите Стефане (Яворском) ректором академии был назначен архимандрит Палладий (Роговский), получивший образование на Западе. Учебные планы, методика преподавания, разделение на классы, весь строй академической жизни при нем перестраивались по киевскому образцу. Обучение стало вестись на латинском языке. Система преподавания приобрела латино-польский схоластический характер.

Из ректоров академии петровской эпохи особенно знаменит архимандрит Феофилакт (Лопатинский), близкий по духу и взглядам местоблюстителю. Он возглавлял академию с 1706 по 1722 г. Профессора и студенты академии внесли решающий вклад в осуществление нового исправленного издания текста славянской Библии.

В 18 в. из стен академии вышли выдающиеся церковные деятели, и среди них митрополиты Гавриил (Петров) и Платон (Левшин). Академия была первой высшей школой в Москве, и пока на ее базе не был основан университет, она сама заменяла для русской науки университет. Многие из ее учеников впоследствии посвятили себя светским наукам. Из числа воспитанников академии известно немало выдающихся деятелей русской культуры: дипломат и поэт князь А. Д. Кантемир, выдающийся ученый М. В. Ломоносов, архитектор В. И. Баженов.

Во второй половине 18 в., особенно при митрополите Платоне и ректоре архимандрите Дамаскине (Семенове-Рудневе), в академии происходили важные перемены. Расширился круг преподаваемых наук, вводились церковная и гражданская история, церковное право, пасхалия, физика, медицина, новые языки. Составлялись конспекты по богословским предметам, авторы которых пытались выйти из плена схоластического формализма. В преподавании философии происходил поворот от Аристотеля к новейшим немецким мыслителям Вольфу и Лейбницу. Смягчались нравы, гуманнее становились отношения между ректором,

преподавателями и студентами. В эти годы Московская академия опередила Киевскую своим научно-образовательным уровнем и становилась главным рассадником российского епископата.

После реформы духовного образования в 1814 г. академия была преобразована в четырехгодичную высшую школу и переведена в стены древней обители Живоначальной Троицы. Пребывание в лавре, у гробницы с мощами преподобного Сергия, оказало благодатное воздействие на жизнь духовной школы. Лаврские святые напоминали профессорам и студентам о неразрывном единстве православного богословия с живым духовным опытом, отвращали их от богословского рационализма и схоластики.

В первые два года после реформы ректором академии был архимандрит Симеон (Крылов-Платонов), а с 1816 по 1819 г. – знаменитый впоследствии киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), монах святой жизни. Сам он преподавал догматику и читал ее по-старинному на латинском языке. Слушатели его лекций говорили о необычайной сжатости, лаконизме и «математической точности» его изложения догматов. В то же время его лекции были исполнены живой проповеднической теплоты.

Большое влияние на жизнь академии в течение полувека оказывал митрополит Московский Филарет (Дроздов). С 1819 по 1824 г. академию возглавлял архимандрит Кирилл (Богословский-Платонов). Он первым в академии стал преподавать богословие по-русски. В своих лекциях он старался опираться на живой аскетический опыт Церкви. Архимандрит Кирилл был близок к ученикам старца Паисия (Величковского). Он говорил: «Свойство Евангельского учения состоит в утешении сердец, поражаемых скорбью и ужасом правосудия небесного, при воззрении в глубину духовного своего состояния. Но как может тот постигнуть и другим изъяснить силу и утешение Евангельского учения, кто не испытал в себе крестной любви, чье сердце не проникнуто печалью по Боге, ведущей к спасению!».

Одним из самых замечательных профессоров и ректоров Московской духовной академии был архимандрит Филарет (Гумилевский), скончавшийся в сане архиепископа Черниговского. Он возглавлял академию с 1835 по 1841 г. Историк Московской академии писал о нем: «Он выступил на поприще учения с новыми приемами, с критикою источников, с филологическими соображениями, с историею догматов, с резким опровержением мнений, порожденных рационализмом в протестантском Западе, что было занимательною новостью для его

слушателей». Строгая верность православному Преданию, освобождение из плена инославных догматических схем сочетались в его лекциях с научной критикой источников, с тонким анализом текстов.

Архимандрит Филарет (Гумилевский) был инициатором предпринятого при Московской академии издания творений святых отцов в русском переводе. На этом издании сосредоточены были главные научно-богословские силы академической профессуры. Специально созданный печатный орган академии, выходявший с 1843 г., назывался «Прибавления к творениям святых отцов». В академии были переведены и изданы творения святых Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Макария Египетского, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника. Этой переводческой и издательской деятельностью академия, по существу, обессмертила свое имя в истории Русской Церкви. Профессора Московской академии участвовали также в переводе Библии на русский язык.

Целую эпоху в истории академии составили 60–70-е гг., когда ее ректором был протоиерей Александр Васильевич Горский (1812–1875), ученик и друг архиепископа Филарета (Гумилевского). Горский поступил в академию в 16 лет из философского класса Костромской семинарии. В студенческие годы его необычайная любознательность и даровитость сочетались с благочестием и аскетической направленностью души. Лишь родительский запрет удержал его от принятия иночества. После окончания академии он преподавал в Московской семинарии, а затем в академии, где вскоре занял церковно-историческую кафедру. В лекциях он стремился показать не столько внешнюю последовательность исторических фактов, сколько их внутреннюю связь.

Профессор протоиерей А. В. Горский составил замечательные жизнеописания святых Афанасия Великого, Василия Великого, Епифания Кипрского и блаженного Феодорита. Это не просто биографии, а солидные патрологические монографии. Но главным предметом его научных интересов была история Русской Церкви и русская духовная литература. Вместе с К. И. Невоструевым он составил 6-томное «Описание славянских рукописей Московской патриаршей (синодальной) библиотеки», ценнейшее историческое, текстологическое и палеографическое исследование.

Вклад протоиерея А. В. Горского в науку не исчерпывается его собственными трудами. Он помогал своему другу архиепископу Филарету (Гумилевскому) в его изысканиях; он давал глубоко продуманные

церковно-исторические и канонические консультации митрополиту Московскому Филарету, он помог епископу Владимирскому Сергию (Спасскому) в составлении фундаментального агиологического труда «Полный месяцеслов Востока».

Протоиерей А. В. Горский был несравненным ректором и учителем. Он учил воспитанников и лекциями, и беседами, и примером своей жизни. Его научный подвиг и энтузиазм благотворно воздействовали на студентов. В Московской духовной академии он сумел создать школу историков, из которой вышли академик Е. Е. Голубинский, профессор Н. Ф. Каптерев.

После издания устава 1884 г. ректорами академии назначались архимандриты и еще чаще архиереи. С 1890 по 1895 г. во главе академии стоял архимандрит Антоний (Храповицкий), многих воспитанников академии он убедил выбрать иноческий путь служения Церкви. На рубеже веков ректором академии стал епископ Арсений (Стадницкий), а его преемником – епископ Евдоким (Мещерский), с 1910 г. академию возглавлял епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский).

В начале 20 столетия в академии преподавали выдающиеся ученые: историки В. О. Ключевский, Е. Е. Голубинский, Н. Ф. Каптерев, богословы архимандрит Иларион (Троицкий), И. В. Попов, М. Д. Муретов, М. М. Тареев, религиозный философ священник П. А. Флоренский.

Одним из лучших церковных периодических изданий начала 20 столетия был выходивший при Московской духовной академии «Богословский вестник», преемственно заменивший «Прибавления к творениям святых отцов».

Из стен Московской академии на пастырское служение вышло множество замечательных деятелей, и среди них Святейший Патриарх Алексий I.

У истоков Петербургской академии стоит Славянская школа, устроенная в 1721 г. при Александро-Невском монастыре. Через 4 года она была переименована в Славяно-греко-латинскую семинарию. Расположенная в столице семинария стала образцовой духовной школой. К концу века уровень преподавания в ней сравнялся с Киевской и Московской академиями, и в 1788 г. по проекту митрополита Петербургского Гавриила она была преобразована в Главную семинарию. В нее присылали лучших учеников из провинциальных семинарий и здесь из них готовили семинарских учителей.

В 1797 г. Петербургскую семинарию переименовали в академию, но, поскольку в ту эпоху между учебными планами семинарий и академий

существенной разницы не было, переименование не повлекло за собой почти никаких перемен ни в составе изучавшихся дисциплин, ни в методике преподавания.

Важной вехой в истории академии стал 1809 г., когда она была открыта как первая в России высшая богословская школа нового типа. Ректором преобразованной академии стал архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов). Его преемником был архимандрит Филарет (Дроздов), которого пригласили в Петербург из подмосковной Троицкой семинарии как одного из самых талантливых молодых богословов и педагогов. Это был блестящий, вдохновенный профессор. Его ученик архимандрит Фотий, относившийся к нему далеко не благожелательно, писал о нем: «Говорил остро, высоко, премудро, но все более куму, менее же к сердцу. Свободно делал изъяснения Священного Писания, как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что, когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления в уме от учений своих».

В 1814 г. состоялся первый выпуск реформированной академии. Ректор ее был тогда впервые в России удостоен ученой степени доктора богословия. После архиерейской хиротонии архимандрита Филарета ректором назначили апологета православия и бесстрашного борца с влиятельным Библейским обществом святого архимандрита Иннокентия (Смирнова).

В 20-х гг. Петербургскую академию возглавлял ученик и друг святителя Филарета, выпускник ее первого курса архимандрит Григорий (Постников). Вслед за своим учителем он преподавал богословие на русском языке. Даже Священное Писание он разбирал на лекциях и цитировал в русском переводе. Особой заслугой будущего митрополита явилось основание при академии богословского журнала «Христианское чтение», который начал выходить в 1821 г. На страницах журнала публиковались богословские, канонические, церковно-исторические статьи. Редакция журнала с самого начала стала помещать в нем переводы избранных творений святых отцов.

С 1848 г. трудами преподавателей и студентов Петербургской академии начали в непрерывном порядке издаваться сочинения отцов Церкви. На русский язык были переведены творения святых Дионисия Ареопагита, Софрония Иерусалимского, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Симеона Солунского, а также церковно-исторические труды Евсевия, Сократа, Созомена, блаженного Феодорита и сочинения

византийских историков.

Совершенно исключительное значение имело участие Петербургской академии в переводе Библии на русский язык, который был выполнен в 60–70-х гг. В сущности, Петербургская академия была в это время средоточием всего дела библейского перевода.

При обер-прокуроре Протасове в 1842 г. во главе академии был поставлен архимандрит Афанасий (Дроздов), впоследствии архиепископ Астраханский, ученый редкой эрудиции и любознательности. Вместе с тем он проявлял крайнее недоверие к богословской науке, к богословской мысли. По свидетельству епископа Филарета (Гумилевского), он говорил: «Для меня «Исповедание» Могилы и «Кормчая» – все, и более – ничего». Митрополит Московский Филарет, относившийся с тревогой к тому направлению, которое, по подсказке Протасова, старался придать академической науке новый ректор, считал, что тот «веровал в церковные книги более, нежели в слово Божие».

С 1851 по 1857 г. академию возглавлял епископ Винницкий Макарий (Булгаков), незаурядный церковный историк и догматист, впоследствии митрополит Московский. Его преемником стал знаменитый впоследствии вышенский затворник архимандрит Феофан (Говоров).

Новый период в истории академии начался с введения академического устава 1869 г., когда существенно расширилось коллегиальное начало в управлении духовной школой и был введен конкурсный порядок замещения вакантных преподавательских мест. В 70-х гг. ректором академии состоял протоиерей И. Л. Яньшев, позже протопресвитер, читавший весьма популярные в то время лекции по нравственному богословию.

По уставу 1884 г. в академиях была усилена власть ректора. Во главе Петербургской академии с этих пор, как правило, ставили архиереев. В 80-х гг. академию возглавлял епископ Антоний (Вадковский), впоследствии митрополит Петербургский. Он пользовался необычайной любовью у преподавателей и студентов. В начале 20 в. ректором академии был епископ Ямбургский Сергий (Страгородский), будущий патриарх.

Среди преподавателей академии много было незаурядных богословов, канонистов, историков: иеромонах Никанор (Бровкович), позже архиепископ; профессора А. Л. Катанский, В. В. Болотов, Н. Н. Глубоковский, И. М. Певницкий, С. И. Красноцветов. Из стен академии вышли святитель Мелетий Харьковский и святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский, святой праведный Иоанн Кронштадтский, преподобный Макарий (Глухарев). В Петербургской

академии получили образование выдающиеся церковные деятели 20 в.: патриархи Тихон и Сергей, митрополиты Антоний (Храповицкий), Николай (Ярушевич), Григорий (Чуков).

История Киевской академии восходит к 1615 г., когда в Киеве открылась братская школа, устроенная по образцу греческих училищ и ставшая одним из очагов православия в Речи Посполитой. В 1633 г., при святителе Петре (Могиле), братская школа была преобразована в училище латинского типа и получила название коллегии. Это была скорее общеобразовательная, чем специально богословская школа, ибо в Польше в православных школах не дозволялось открывать высшие богословские классы. Языком обучения в Могилянской коллегии служила латынь. Распорядок школьной жизни, методы преподавания, учебники были такими же, как и в западных коллегиях и академиях. Как и в иезуитских коллегиях, классы именовались фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика, философия. Богословский класс открылся уже во второй половине 17 в., после воссоединения Левобережной Украины с Россией.

Среди первых ректоров коллегии были известные церковные деятели и духовные писатели Западной Руси: Иннокентий (Гизель), Лазарь (Баранович), впоследствии черниговский архиепископ, Иоанникий (Галятовский). В смутные 50-е гг. коллегия пришла в запустение. Восстановлена она была в 70-х гг. при ректорстве архимандрита Варлаама (Ясинского), позже киевского митрополита.

В 1701 г. Киевская коллегия получила права академии. По ее образцу стали устраиваться семинарии в малороссийских и великорусских кафедральных городах. Киевская академия стояла тогда на самом высоком научном и образовательном уровне среди духовных школ России. Поэтому из числа ее выпускников восполнялся российский епископат, ученые киевские монахи назначались архимандритами самых крупных монастырей, ректорами семинарий. В Киеве получили образование святители Феодосий Черниговский, Димитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, Иннокентий и Софроний Иркутские, Иоасаф Белгородский, священномученик Арсений (Мацеевич); митрополиты Стефан (Яворский) и Павел (Конюсевич), архиепископы Феофилакт (Лопатинский) и Феофан (Прокопович). Выпускником Киевской академии был видный государственный деятель канцлер А. А. Безбородко, удостоенный за заслуги титула светлейшего князя.

Даже еще в середине столетия Киевская академия значительно опережала другие духовные школы и по уровню научной подготовки, и по

числу студентов: в Московской академии тогда обучалось около 500 воспитанников, а в Киевской – 1200. Ситуация изменилась только в конце 18 в., когда при митрополите Платоне значительно вырос уровень Московской академии.

В связи с реформой духовного образования в 1817 г. Киевскую академию временно переименовали в семинарию, но через два года, в сентябре 1819 г., состоялось торжественное открытие новой академии, устроенной в соответствии с уставом 1814 г. как четырехгодичная высшая школа. Первым ректором преобразованной академии стал архимандрит Моисей (Богданов-Платонов), позже экзарх Грузии.

В 20–30-х гг. большое влияние на учебный процесс в академии оказывал митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), крупный ученый, историк и археограф. Он содействовал развитию в академии церковно-исторической науки. Под его руководством были написаны серьезные труды по истории Русской Церкви. В 30–40-х гг. особое покровительство академии оказывал преемник митрополита Евгения митрополит Филарет (Амфитеатров), богослов глубокой учености и монах высокого христианского благочестия.

В 20-х гг. во главе академии стоял святой Мелетий (Леонтович), впоследствии архиепископ Харьковский. Среди ректоров академии были замечательные духовные писатели, ставшие впоследствии известными иерархами: святитель Иннокентий (Борисов), архиепископы Антоний (Амфитеатров), Димитрий (Муретов). В 80–90-х гг. академию возглавлял известный ученый догматист епископ Сильвестр (Малеванский).

В 1837 г., в пору ректорства архимандрита Иннокентия (Борисова), при академии стал выходить журнал «Воскресное чтение», а в 1860 г. началось издание «Трудов Киевской духовной академии», на страницах которых публиковались богословские, церковно-исторические и канонические исследования. В этом издании помещались выполненные силами академии переводы творений мужей апостольских, святого Иринея Лионского и западных отцов: Тертуллиана, святого Ипполита, святого Киприана Карфагенского, блаженного Августина, блаженного Иеронима. В 19 в. академия взрастила епископа-аскета святого Феофана Затворника, митрополитов Леонтия (Лебединского), Иоанникия (Руднева), священномученика Владимира (Богоявленского).

Киевская академия всегда особое внимание уделяла церковному пению. Ее студенческий хор пользовался большим уважением любителей духовного пения. Академия располагала на редкость богатой церковно-археологической и художественной коллекцией, которая принадлежала к

числу лучших музейных собраний России.

Предшественницей Казанской духовной академии была семинария, открытая в 1723 г. В 1797 г. вместе с Петербургской семинарией ее переименовали в академию, но после издания нового академического устава, в 1818 г., Казанская академия вновь стала называться семинарией, и только в 1842 г. состоялось открытие преобразованной академии.

Важнейшую особенность Казанской академии, которая находилась в центре области с инородческим населением, составляли ее миссионерские отделения – татарское и монгольское, – открытые в 1854 г. Здесь преподавались арабский, турецкий, татарский, монгольский и калмыцкий языки, этнография, история и обличение ислама и ламаизма, история распространения христианства среди народов Востока, миссионерская педагогика. Выдающимся тружеником миссионерских отделений был профессор Н. И. Ильминский.

С середины 50-х гг. профессора и студенты Казанской академии проявляли особый интерес к церковно-исторической науке. Этому способствовала передача рукописного собрания Соловецкого Преображенского монастыря в Казанскую академию. Студенты описывали рукописные книги, а также архивные акты. Соприкосновение с редкими археологическими и архивными материалами возбуждало у них живой интерес к историческим исследованиям. Особое внимание в академии уделялось истории раскола.

Среди профессоров академии было немало крупных деятелей церковной науки, и среди них архимандрит Иоанн (Соколов) (1818–1860), впоследствии епископ Смоленский, который в 50-х гг. возглавлял академию. Это был незаурядный канонист, автор «Опыта курса церковного законоведения», в котором впервые на русском языке были изложены святыя каноны с обстоятельными историческими комментариями. Человек необычайно сильного и смелого ума, он был блестящим, остроумным лектором и вдохновенным проповедником, затрагивавшим в своих проповедях актуальные вопросы церковной и общественной жизни.

С 1868 по 1871 г. ректором Казанской академии состоял архимандрит Никанор (Бровкович), впоследствии архиепископ Херсонский, крупный и оригинальный богослов-апологет и религиозный философ, автор замечательных «Воспоминаний».

Большой вклад в церковно-историческую науку внесли казанские профессора А. П. Шапов, И. М. Добротворский, П. В. Знаменский, Ф. А. Курганов. Профессор академии В. И. Несмелое написал фундаментальную

монографию по христианской антропологии «Наука о человеке».

Ученая и литературная деятельность Казанской академии сосредоточивалась на страницах «Православного собеседника», выходявшего с 1855 г. Кроме оригинальных трудов, в нем печатались переводы святых отцов: святого Игнатия Богоносца, блаженного Феофилакта Болгарского, сочинения Оригена, Деяния семи Вселенских и десяти Поместных Соборов. В «Православном собеседнике» впервые опубликован «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, творения преподобного Максима Грека, «Стоглав». Преподаватели и студенты Казанской духовной академии переводили на языки восточных народов священные книги, молитвы, катехизис.

Из стен академии вышло много выдающихся церковных деятелей, и среди них митрополиты Петербургские Палладий (Раев) и Антоний (Вадковский).

11. Перевод Библии на русский язык и святитель Филарет

Мысль о переводе Библии на живой русский язык высказывалась уже в 18 в. святителем Тихоном Задонским. Он сам переводил псалмы и отрывки из Нового Завета. Архиепископ Московский Амвросий (Зертис-Каменский) перевел на русский язык Псалтирь, но перевод этот был опубликован только в конце 19 столетия. В 1794 г. вышел русский перевод Послания к Римлянам, выполненный архиепископом Мефодием (Смирновым).

В 1815 г. Александр I выразил желание, чтобы «и россиянам был доставлен способ читать слово Божие на природном своем российском языке». Синод поручил Комиссии духовных училищ подобрать способных переводчиков, а печатание перевода взяло на себя Библейское общество. Русская Библия предназначалась для домашнего чтения, а не для богослужения. Руководство трудами по переводу возложили на ректора Петербургской академии архимандрита Филарета (Дроздова), который переводил Евангелие от Иоанна. Другие новозаветные книги переводили преподаватели академии архимандриты Моисей (Близнецов-Платонов) и Поликарп (Гайтанников), протоиерей Герасим Павский. Перевод всего Нового Завета был закончен в 1818 г. и через три года напечатан.

В 1822 г. вышел перевод Псалтири, выполненный главным образом протоиереем Герасимом Павским. К переводу Ветхого Завета привлекли также преподавателей Московской и Киевской академий, и к концу 1825 г. вышел первый том русской Библии, включавший Пятикнижие, Книгу Иисуса Навина, Судей и Руфь. Перевод выполнялся с еврейского масоретского текста, а для объяснения расхождений со славянской

Библией архиепископ Филарет составил особое предисловие.

Опасный для Церкви характер деятельности Библейского общества в глазах чрезмерно подозрительных ревнителей православия бросал тень и на само дело перевода Священного Писания на русский язык. И когда после падения «сугубого министерства» Библейское общество было закрыто, прекратились и труды по переводу Библии. Новый министр просвещения адмирал Шишков при поддержке митрополита Петербургского Серафима добился сожжения русского текста Пятикнижия на кирпичном заводе Александро-Невской лавры. Новый Завет на русском языке с этих пор дозволялось распространять только в тюрьмах.

Но мысль о возобновлении перевода не покидала митрополита Филарета. Его убеждение в том, что перевод нужен для утоления «глада слышания слова Божия», разделял преосвященный Григорий (Постников), занимавший в последние годы жизни Петербургскую кафедру.

В Петербургской академии особенно прочно держалась мысль о необходимости перевода Священного Писания на русский язык. Профессор протоиерей Герасим Павский для классных занятий еврейским языком перевел учительные и пророческие книги. Студенты литографировали этот перевод. Его распространение встревожило не только принципиальных противников перевода Библии. Иеромонах Агафангел (Соловьев), преподаватель Московской академии, впоследствии архиепископ Волынский, в 1841 г. направил членам Синода письмо, в котором выразил беспокойство в связи с языковыми и богословскими неточностями перевода Герасима Павского, едва ли не намеренными. Эти неточности в передаче мессианских мест, по оценке критика, граничили с прямым кощунством, и иеромонах Агафангел дал самую резкую характеристику опыту Павского: «Произведение сего нового Маркиона... не глаголы Бога живого и истинного, но злоречие древнего змия». Критик, однако, считал, что лучшим средством против распространения негодных опытов будет полноценный перевод текста Библии. Такой была точка зрения и митрополита Филарета.

Но в Синоде решили иначе: литографированные и рукописные тексты перевода протоиерея Герасима Павского были не только изъяты и уничтожены, но и сама мысль о русском переводе Библии была осуждена и отвергнута. Епитимией наказали за опыт перевода священных книг (пророков Иова и Исаии) алтайского миссионера преподобного Макария (Глухарева). Епитимию ему назначали при тобольском архиерейском доме, и заключалась она в ежедневном служении литургии в течение 6 недель, что сам наказанный принял за проявление к нему особой милости

Божией.

После смерти императора Николая I в результате настойчивых ходатайств митрополита Филарета Святейший Синод в 1857 г. принял окончательное решение о переводе Библии. Этот труд был поручен четырем академиям под общей редакцией профессора греческого языка Петербургской академии Е. И. Ловягина. Рассмотрение текстов производили митрополит Филарет и Святейший Синод. Новый Завет вышел в 1863 г. С 1860 г. в церковной печати начали помещать частные опыты перевода ветхозаветных книг. Эти переводы принадлежали архимандриту Макарию (Глухареву), М. Никольскому, профессорам Киевской академии И. П. Максимовичу и М. С. Гуляеву. В «Христианском чтении» в 1861–1871 гг. были напечатаны переводы петербургских профессоров М. А. Голубева и Д. А. Хвольсона, при участии П. И. Савваитова и Е. И. Ловягина. Большую часть ветхозаветных книг перевел профессор Д. А. Хвольсон.

Святейший Синод поручил духовным академиям пересмотреть изданные «Христианским чтением» переводы. После этого отредактированные тексты просматривались самим Синодом. Особенно много потрудились над редакцией перевода члены Синода – митрополит Петербургский Исидор и протопресвитер Василий Бажанов. С 1868 г. началось печатание Ветхого Завета отдельными частями. Четвертая и последняя его часть вышла в 1875 г., а в 1877 г. русская Библия была напечатана в полном составе. Митрополит Филарет не дождался этого события.

Святитель Филарет (в миру Василий Дроздов) родился в 1782 г. в Коломне в семье диакона, впоследствии протоиерея. Он учился в Коломенской, а затем в Троицкой семинарии, где его оставили преподавателем. В Троицкой семинарии близость святыни смягчала атмосферу школьной схоластики. Ивее же к старой дореформенной школе святитель Филарет относился критически. «Что там завидного?» – говорил он. Но из семинарии он вынес блестящее знание древних языков, а свою обширную богословскую, церковно-историческую и философскую эрудицию приобрел уже самостоятельным трудом. Митрополит Платон, заметив его исключительные способности и редкий проповеднический дар, назначил его лаврским проповедником и убедил принять постриг.

Через год после пострига, в 1809 г., когда началось преобразование духовных школ, иеромонаха Филарета вызвали в Училищный комитет для усмотрения. Его сильный и ясный ум, замечательная эрудиция обратили на себя внимание митрополита Амвросия и обер-прокурора князя

Голицына. Они стали его покровителями. Молодого иеромонаха назначили инспектором Петербургской академии, и уже в 1812 г. он стал ректором Петербургской академии и архимандритом Новгородского Юрьева монастыря. В 1814 г. ему, первому в России, была присвоена степень доктора богословия.

В эти годы учено-педагогическая деятельность святителя Филарета была до крайности напряженной, превышала обыкновенные человеческие силы. С 1810 по 1817 г. он разработал почти полный курс богословских и церковно-исторических наук, читавшихся в академии. Он вспоминал впоследствии: «Мне должно было преподавать, что не было мне преподано». В связи с академическими лекциями архимандрит Филарет написал свои первые книги «Начертание церковно-библейской истории» и «Записки на Книгу Бытия».

В Петербурге он произвел сильное впечатление глубокомыслием и красноречием своих проповедей. В его проповедях чувствовалось сильное влияние святых отцов, особенно святителя Григория Богослова. Темы для проповедей он выбирал современные, волновавшие людей в эпоху мистических увлечений – о дарах и явлениях Святого Духа, о тайне Креста, о «глазе вопиющего в пустыне».

Архимандрит Филарет знал увлечения и заблуждения современников. Как и все образованное общество, он много читал тогда «мистических» писателей – Юнга-Штиллинга, Эккартсхаузена, Фенелона. Его интересовали все явления духовной жизни, но при этом он оставался трезвым церковным мыслителем, чуждым мистического энтузиазма.

В 1817 г. архимандрит Филарет был хиротонисан в викарного епископа Ревельского, через два года получил самостоятельную Тверскую кафедру, в 1820 г. был переведен в Ярославль, через год – в Москву, в 1826 г. возведен в сан митрополита.

Святитель Филарет стал любимым архипастырем москвичей, в нем они видели самую главную знаменитость столицы. В 1842 г., после резкой размолвки с обер-прокурором Протасовым, митрополит Филарет перестал выезжать в Петербург на заседание Синода, но и оставаясь безвыездно в Москве, он сохранил свой исключительный, небывалый авторитет. За наставлениями к нему приезжали архиереи со всей России. К его мудрости обращалось и светское правительство, ища совета не только в церковных, но и в государственных делах.

Уже в 20-х гг. император Александр I настолько доверял ему, что сделал его вместе с Голицыным и Аракчеевым хранителем государственной тайны об отречении от престолонаследия Константина и

поручил ему составить об этом манифест, который до кончины Александра I хранился в московском Успенском соборе. К его мнениям прислушивалось правительство при проведении реформ 60-х гг. Это он составил текст императорского манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Имя митрополита Филарета было хорошо известно и чтимо на православном Востоке. Восточные патриархи со вниманием знакомились с его суждениями.

Крайняя занятость церковно-административными трудами оставляла ему мало времени для богословских занятий. Много писал он только в ранние годы. Тогда появились его «Разговор уверенного с испытующим» и первая редакция «Катехизиса». В поздние годы митрополит богословствовал только с церковного амвона. Но его проповеди содержат в себе целостную богословскую систему. В них он прежде всего выступает как толкователь Священного Писания. Писание он называл «единым и достаточным источником учения веры», но Библию митрополит Филарет никогда не рассматривал отвлеченно и обособлено от Церкви. Писание, учил он, это запись Священного Предания.

С особым вниманием святитель останавливался в своих проповедях на размышлениях о Кресте. В Евангелии главное для него – это Крест: «Судьба мира висит на Кресте Его, жизнь мира лежит во гробе Его. Сей Крест озаряет светом плачевную страну жизни, из гроба Его взйдет солнце блаженного бессмертия». В проповеди на Великую пятницу он говорил о тайне Креста как о таинстве Божественной любви: «Что там!.. Ничего, кроме святой и блаженной любви Отца и Сына, и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому. Любовь Отца – распинающая, любовь Сына – распинаемая, любовь Духа – торжествующая силою крестною». «Смерть Иисуса есть средоточие сотворенного бытия», – говорил святитель.

«Богословие рассуждает», – любил повторять митрополит Филарет. В его богословском рассуждении, всегда взвешенном и отточенном, целомудренно строгом, чувствуется трепет верующего сердца.

В 1867 г. состоялось празднование 50-летнего юбилея архиерейского служения святителя. Торжественные литургии совершались во всех храмах Вселенской Православной Церкви. После празднества митрополит отъехал в Троице-Сергиеву лавру. 17 сентября он увидел во сне отца, который сказал ему: «Береги 19 число». Святитель приобщался Святых Христовых Таин 19 сентября и 19 октября. После литургии 19 ноября на Троицком подворье в Москве митрополит Филарет не вышел к обеду. Так последовала блаженная кончина московского архипастыря. Великого

иерарха погребли в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры.

Россия и Православная Церковь после кончины святителя почувствовали невосполнимую утрату.

12. Святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан (Говоров), затворник Вышенский

Великими духовными писателями и учителями христианской жизни, верными выразителями святоотеческих традиций в русском богословии 19 в. были святители Игнатий и Феофан Затворник.

Святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 г. в селе Покровском Вологодской губернии. Брянчаниновы – старинный дворянский род, восходящий к оружейнику святого князя Димитрия Донского – Михаилу Бренко. Уже в отроческие годы Дмитрий мечтал о монашестве, но отец требовал от сына, чтобы тот выбрал карьеру, подобающую дворянину. «Детство мое, – писал впоследствии епископ Игнатий, – было преисполнено скорби».

По настоянию отца он поступил в Петербургское военно-инженерное училище. Благодаря своим способностям и прилежанию он обратил на себя внимание великого князя Николая Павловича, будущего императора, который опекал это училище. Но учебные успехи не давали внутреннего удовлетворения. «Родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, – писал он позже, – явился голод, явилась тоска невыносимая по Богу. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни. И точно – это было томление души, удалившейся от истины в жизни своей, Бога». В училище вокруг Дмитрия сложился кружок религиозно настроенных юнкеров, которые вечерами собирались для усердной молитвы и обсуждения богословских вопросов. К этому кружку принадлежали Михаил Чихачев (впоследствии архимандрит) и, несколько позже, Н. Ф. Фермор.

По окончании училища Брянчанинов был направлен на службу в Динабург. «В строгих думах снял я мундир юнкера, – писал он потом, – и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать, сколько душе угодно». Офицерская служба его продолжалась недолго. Осенью 1827 г. он заболел и подал прошение об отставке.

Уволенный со службы юный ревнитель благочестия отправился в

Александрo-Свирский монастырь и поступил в послушание к подвизавшемуся там опытному старцу преподобному Леониду. Свой послушнический искуc он продолжил в Кирилловом Новоезерском монастыре под руководством старца Феофана, в Пощанской и Оптиной пустынях, и, наконец, в Глушицкой обители под Вологдой, где в 1831 г. был пострижен в монашество с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца.

Когда император Николай вспомнил о своем любимце военном инженере Брянчанинове и узнал, что тот принял постриг и управляет древней Пельшемской обителью, он вызвал его к себе в Петербург и велел назначить строителем Троице-Сергиевой пустыни, расположенной возле столицы и находившейся тогда в упадке. 24 года святой Игнатий управлял этой обителью. Его взгляды на монашество складывались под влиянием святоотеческих аскетических творений и бесед со старцами Леонидом и Феофаном Новоезерским. Труды настоятеля в Сергиевой пустыни был введен общежительный устав – в обители возобновилась аскетическая жизнь. В 1838 г. архимандрит Игнатий был назначен благочинным монастырей Петербургской епархии. Он много сделал тогда для возрождения древнего Валаамского монастыря, поставив его настоятелем духовно опытного подвижника игумена Дамаскина.

В 1857 г. архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. После хиротонии он прибыл в свой кафедральный город Ставрополь. Святитель Игнатий содействовал улучшению положения местного духовенства. Благодаря его заботам в Ставрополе был создан хороший церковный хор, построен архиерейский дом, благоустроена духовная семинария.

Болезнь вынудила его летом 1861 г. уйти на покой и поселиться в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. Здесь он подвизался до самой кончины, последовавшей 30 апреля 1867 г. в Неделю жемчужниц. В монастыре он вел обширную переписку с людьми, искавшими у него совета и наставления, и писал богословские сочинения.

Самые значительные труды епископа Игнатия – «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь», «О молитве Иисусовой», «Приношение современному монашеству», «Беседа старца с учеником», «О терпении скорбей», «Слово о смерти».

В «Аскетических опытах» начертан идеал духовного трезвения, собранности и смирения. Но аскетическое делание не заслоняло для святого Игнатия конечной цели подвижничества – стяжания благодатного мира и встречи со Христом. «Ты приходишь! – писал он. – Я не вижу

образа пришествия Твоего, вижу Твое пришествие».

Мистические увлечения александровской эпохи встревожили его, и святитель не устал в своих творениях предостерегать против мистической мечтательности, против нетрезвой прелестной «духовности», отравленной гордыней и превозношением. Не одобрял он и чтения инославных мистических книг. В западных святых Терезе или Лойоле святитель Игнатий видел самообольщенных и духовно поврежденных людей и даже называл их сумасшедшими. Предостерегал он и против чтения знаменитого «Подражания» Фомы Кемпийского, которое пользовалось тогда необычайным успехом не только в кругу религиозно настроенных светских лиц, но и среди некоторых монахов. Жесткими и резкими словами характеризовал святитель и светскую культуру. «Ученость, – говорил он, – светильник ветхого человека».

Состояние современной ему церковной жизни вызывало у него тревогу и скорбь. Еще будучи настоятелем Сергиевой пустыни, он в беседе с английским богословом В. Пальмером говорил с удивительной откровенностью: «Наше духовенство чрезвычайно лихо поддается новым и странным мнениям, читает книги неправославных и даже неверующих сочинителей... Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и Символ первобытной Церкви, но все это мертвое тело, в нем мало жизни. Белое духовенство насильно сдерживается в лицемерном православии только боязнью народа». Святителя Игнатия тревожило и состояние современного ему монашества, над которым, считал он, нависла опасность постепенного обмирщения. Монахам он советовал держаться подальше от мира.

Младшим современником святителя Игнатия был другой знаменитый аскетический писатель святой Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров). Он родился в семье священника Орловской епархии в 1815 г. В 8-летнем возрасте Георгий поступил в Ливенское духовное училище, по окончании которого был переведен в Орловскую семинарию. Свое образование он завершил в Киевской духовной академии. Благодатное влияние на него оказала Киево-Печерская лавра.

В последний год своего студенчества он принял иноческий постриг в Киево-Братском монастыре с именем Феофан. После пострижения он вместе с монахом Макарием (Булгаковым), впоследствии знаменитым митрополитом Московским, посетил духовника лавры старца Парфения, который, благословив их, сказал: «Вот вы, ученые монахи, набрав себе правил, помните, что одно нужнее всего – молиться, и молиться»

непрестанно умом в сердце Богу, – вот чего добивайтесь».

Окончив академию со степенью магистра в 1841 г., иеромонах Феофан проходил обычное для ученого монаха административно-педагогическое послушание: был ректором Киево-Софийского духовного училища, инспектором Новгородской духовной семинарии, с 1844 г. читал в Петербургской духовной академии лекции по нравственному и пастырскому богословию. Эти лекции он показал архимандриту Игнатию (Брянчанинову), который отнесся к ним одобрительно. Курс нравственного богословия, прочитанный в академии, святой Феофан построил на святоотеческой аскетике. Отредактированные им впоследствии, эти лекции составили книгу «Путь ко спасению».

В 1847 г. иеромонах Феофан получил назначение в Иерусалим в Русскую духовную миссию и провел там под началом архимандрита Порфирия (Успенского) 7 лет. На Востоке он довел до совершенства знание греческого языка, изучал еврейский и арабский языки, сам много читал святых отцов и занимался переводами с древних рукописей.

Возведенный в сан архимандрита, святой Феофан после возвращения в Россию снова преподавал в Петербургской академии, был ректором Олонецкой духовной семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе, а с 1857 г. – ректором Петербургской духовной академии.

В 1859 г. совершилась его хиротония во епископа Тамбовского. Во время одной из архиерейских поездок по Тамбовской епархии святитель посетил Вышенскую пустынь, которая понравилась ему и красотой местоположения, и, особенно, строгостью своего устава. Назначая настоятелем обители игумена Аркадия, преосвященный на прощание сказал ему: «Поезжайте, отец игумен, а там, Бог даст, и я к вам приеду». В 1861 г. епископ Феофан принял участие в торжествах открытия мощей святителя Тихона Задонского. Это событие оказало благодатное воздействие на его собственную духовную жизнь. Переведенный в 1863 г. на Владимирскую кафедру, он уже через три года подал, по примеру новоявленного угодника святителя Тихона, прошение об увольнении его на покой в Вышенскую пустынь. Ходатайство его было удовлетворено.

В Вышенской пустыни святитель провел 28 лет. Образ его жизни в обители был крайне строгим. Он ежедневно ходил ко всем службам и за богослужением, ради собранности ума и сердца в молитве, закрывал глаза. По воспоминаниям современников, случалось, что после литургии подносящий ему антидор стоял перед ним минуты две, пока он не открывал глаза и не брал антидор. В алтаре он никогда не произносил

праздного слова. Поучений не говорил, но само его служение было живой проповедью для молящихся.

После пасхальных дней 1872 г. святитель Феофан уединился в затвор в монастырском флигеле, где принимал лишь настоятеля, духовника и келейника. В келии он устроил и освятил церковь в честь Богоявления Господня и последние 11 лет жизни ежедневно служил в ней Божественную литургию. Службу совершал один и молча по служебнику, иногда пел. Келейное правило он порой заменял молитвой Иисусовой. Кроме молитвенного правила, святитель в затворе читал Священное Писание и творения святых отцов, занимался иконописанием и литературно-богословскими трудами. Сам он со смирением говорил о своем затворничестве: «Из моего запора сделали затвор. Ничего тут затворнического нет. Я заперся, чтобы не мешали, но не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества... так выходит, что я книжник, и больше ничего».

Святитель Феофан не преувеличивал значения затвора для духовного преуспеяния: «Когда молитва твоя до того укрепитя, что все будет держать самого тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор... Этого затвора ищи, – советовал он, – а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься или целый мир напустить в свою комнату». Затворнический подвиг открыл святителю глубины человеческой души; став знатоком души, он делился плодами своей богомудрой опытности с другими.

В уединенной келии святитель Феофан не прервал письменного общения с миром. Ему писали иноки, религиозно настроенные интеллигенты, люди из простого народа. Для многих христиан, жаждавших спасения, он стал заочным духовником. Каждый день святитель получал по 20–40 писем. И ему удавалось по одному письму понять душу писавшего и в ответе сказать самое главное и нужное. Свои письма он впоследствии соединял в сборники и издавал. Из писем к княгине П. С. Лукомской была составлена одна из его главных книг – «Письма о христианской жизни».

В затворе святитель Феофан написал свои сочинения, за которые его в 1890 г. удостоили степени доктора богословия. В 1876 г. в его переводе вышел первый том «Добротолубия» на русском языке. «Добротолубие» святителя Феофана Затворника не совпадает по составу ни со славянским сборником преподобного Паисия Нямецкого, ни с греческой «Филокалией» преподобного Никодима Святогорца. Оно значительно полнее греческого подлинника. Кроме «Добротолубия», Вышенский

Затворник перевел «Слова» преподобного Симеона Нового Богослова и «Невидимую Брань» святого Никодима Святогорца. Среди его оригинальных творений особое значение имеют толкования на послания апостола Павла. В них он опирается всегда на святоотеческую экзегезу, в основном на творения святителя Иоанна Златоуста и блаженного Феодорита. Но он пользовался и новейшими западными комментариями.

Огромную ценность представляют труды епископа Феофана по аскетике. Главная тема их – душа, предстоящая Богу в сокрушении, покаянии и молитве. «Вся надежда тогда – Спаситель, – писал он, – а отсюда непрестанное «Господи помилуй»»; христианин, живя в Боге, «в изумлении погружается в Его непостижимой Беспредельности и пребывает в Божественном порядке». Молитву святитель Феофан Затворник называл «умным предстоянием Богу в сердце... Своя из сердца молитва делает ненужной молитву питательную». Обращаясь к ревнителю иноческого жития, он пишет: «Настоящего вам хочется? Но где же вы его найдете? Оно скрыто и невидимо, видимы только всякие послабления. Иной раз приходит на мысль, что лучше не видеть монахов, а, уединившись, жить строго по примеру древних иноков». «Один Бог да душа – вот монах, – учил он. – Келия его – окно на небо... Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь, все равно».

Святитель Феофан с тревогой смотрел на духовное состояние современного ему общества. «Того и гляди, что вера испарится, – писал он, – почти всюду спят... Через поколение, много через два иссякнет наше православие». «Следовало бы завести целое общество апологетов, – мечтал он, – и писать, и писать. Но только писать мало, народ нуждается в настоящей апостольской проповеди, исполненной Духа и силы. Поджигатели должны сами гореть. Горя, ходить повсюду – и в устной беседе зажигать сердце».

Святители Игнатий и Феофан имели разные мнения о природе человеческой души и духов. Святитель Игнатий полагал, что вполне невещественным и нематериальным является только Бог, а всякое тварное существо непременно ограничено пространством и временем, и в силу этого некоторым образом вещественны даже Ангелы и человеческие души. Он писал: «Душа – эфирное, весьма тонкое летучее тело, имеющее весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица, словом, полное сходство с ним». Демоны, по словам святителя Игнатия, входят и выходят из человека, как воздух при дыхании.

Иной взгляд выражал епископ Феофан. Он писал о простоте души. Для объяснения связи души и тела, считал он, нет нужды представлять

душу вещественной, эту связь можно представить, как динамическое средство между ними. Труды святителя Феофана проникнуты живым святоотеческим духом, они являются чистейшим выражением Предания. Его творения рано узнали и оценили на Западе. Они переведены на многие иностранные языки.

Жизнь святителя-подвижника постепенно угасала. Готовясь к кончине, он писал: «Умирать – это не особенность какая, и ждать надо, как бодрствующий ждет ночи, чтобы уснуть, так и живущим надо впереди видеть конец, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господе, чтобы с Господом быть всегда». 6 января 1894 г., в день престольного праздника своего келейного храма Богоявления, богомудрый вышенский затворник тихо почил. При его кончине никто не присутствовал. Всю жизнь он любил уединение и скончался наедине с Богом.

13. Богословская наука

Во второй половине 19 в. отечественная богословская мысль достигла своего расцвета. После столетия ученичества у Запада и инославных влияний, которое было одновременно эпохой собирания сил, эпохой культурного роста, русское богословие в возврате к святоотеческому наследию обрело для себя твердую почву. У истоков богословского подъема стоит имя святителя Московского Филарета.

В области библейской экзегезы крупным ученым был Михаил (Лузин), профессор Московской, а потом ректор Киевской духовной академии, в конце жизни – епископ Курский. Его толкования на Евангелия и Книгу Деяний апостольских легли в основу преподавания экзегетики в духовной школе. Написанная им книга «О Евангелиях и евангельской истории» явилась тонким, умным и строго православным ответом на отрицательную критику тюбингенской школы, Штрауса и, в особенности, Ренана.

В 50–60-х гг. выходили привлекавшие интерес читателей исагогические и экзегетические труды профессора Казанской духовной академии архимандрита Феодора (Бухарева) «О подлинности и ценности некоторых священных книг (Великих пророков, посланий апостола Павла и Третьей книги Ездры)», «Изъяснение на первую главу Книги Бытия». Его книга «Исследование Апокалипсиса» была запрещена цензурой. Плохо зная историю, не имея исторического чутья, автор попытался в ней истолковать исторический процесс и судьбы мира, опираясь на произвольные и надуманные толкования отдельных мест Откровения. В «Исследовании Апокалипсиса» отразились настроения утопической мечтательности, унаследованные богословом от александровской эпохи.

Ответом Бухарева на цензурный запрет было сложение иноческих обетов, отречение от священства и вступление в брак. За этим последовали неудачные попытки печататься, общественный ostracism, нищета и ранняя смерть.

В конце столетия появилась незаурядная работа епископа Таврического Михаила (Грибановского) (1856–1898) «Над Евангелием». Книга носит не столько экзегетический, сколько апологетический характер. Магистерское сочинение епископа Михаила названо «Опыт изъяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью». В печати вышла лишь первая часть диссертации под названием «Истина бытия Божия».

В 1884 г. вышел обстоятельный курс основного богословия профессора Н. П. Рождественского «Христианская апологетика». Этот труд отличается особенной полнотой в изложении материала.

В области богословской апологетики и христианской философии глубиной и оригинальностью мысли отличается трехтомное сочинение архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича) «Положительная философия и сверхъестественное откровение». В нем ведется аргументированный спор с позитивизмом и материализмом ради оправдания веры разумом. Архиепископу Никанору принадлежит также «Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви». Архиепископ Никанор был замечательным проповедником. В проповедях о Завете Божиим, произнесенных в 70-х гг., он развивает мысль о том, что до сотворения мира, в вечности, уже «совершилась сущность творческого, искупительного, спасительного Завета», и Пресвятая Дева «прежде века стала посредницей между миром, человеком, воплощенным Сыном Божиим и Божеством». В своем гомилетическом наследии архиепископ Никанор близок со святителем Филаретом Московским.

Ему принадлежит также мемуарный труд «Воспоминания», в которых живо и интересно повествуется о важных событиях церковной жизни, свидетелем которых был автор. В «Воспоминаниях» дан ряд талантливо очерченных портретов церковных и государственных деятелей, которых знал мемуарист: митрополитов Макария (Булгакова), Платона (Городецкого), Исидора (Никольского), архиепископов Смарагда (Крыжановского) и Афанасия (Дроздова), обер-прокуроров К. П. Победоносцева, В. К. Саблера.

Первым опытом полного изложения догматики в 19 в. стал вышедший в 1848 г. труд ректора Киевской духовной академии архимандрита Антония (Амфитеатрова), впоследствии архиепископа Казанского,

«Догматическое богословие».

В 1852 г. вышла пятитомная «Полная система догматического богословия» пресвященного Макария (Булгакова). Митрополит Макарий родился в 1816 г. в Тамбовской епархии. Образование получил в Киевской академии, с 1842 г. преподавал в Петербургской академии. В 1851 г. состоялась его архиерейская хиротония. С титулом епископа Винницкого он несколько лет состоял ректором СПбДА. Впоследствии занимал Тамбовскую, Харьковскую и Литовскую кафедры. Скончался в 1882 г. в сане митрополита Московского. Это был один из самых разносторонних и плодовитых русских богословов и известный церковный историк, его труды составили целую эпоху в церковной науке.

«Догматика» митрополита Макария многократно переиздавалась, была переведена на французский язык. В книге собран большой, почти исчерпывающий библейский и патристический материал. Архиепископ Никанор (Бровкович) находил в «Догматике» митрополита Макария «необыкновенную мерность и верность богословского взгляда, необыкновенный дар найти и указать границу между положением богословским и небогословским, между догматической богооткровенной истиной веры и положением человеческого, хотя и богословского мнения». А историк П. Знаменский писал, что этот «труд совершеннейший из всех, какие до него являлись». В действительности, по полноте материала макариевская «Догматика» не знает себе равных в русской богословской литературе. Она и поныне остается прекрасным справочником.

В 1897 г. вышел «Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов» архимандрита Сильвестра (Малеванского), позже епископа и ректора Киевской духовной академии. В отличие от «Догматики» митрополита Макария, этот труд пронизан историзмом.

Историческая сторона догмата находилась в центре внимания и профессора Петербургской духовной академии А. Л. Катанского (1836–1919). В статьях и лекциях он писал о важности исторического и даже историко-филологического анализа отеческих текстов. А. Л. Катанский тщательно отделял «библейское» богословие от церковного, или «патристического», а «патристическое» распределял по эпохам и отдельным отцам.

По нравственному богословию одной из самых распространенных книг была «Православно-христианское учение о нравственности» (1887) ректора Петербургской духовной академии протоиерея И. Л. Янышева,

впоследствии протопресвитера. Критики этой чрезвычайно популярной работы отмечают стремление автора к компромиссу с расхожей «естественной» нравственностью, в которой они находят «моралистический уклон» от святоотеческой аскетической антропологии.

В 19 в. вышел ряд руководств по пастырскому богословию – архиепископов Смарагда (Крыжановского) и Афанасия (Дроздова), архимандритов Антония (Амфитеатрова), Кирилла (Наумова), Бориса (Плотникова), профессора В. Ф. Певницкого. Одним из наиболее глубокомысленных сочинений в этой области является труд протоиерея С. А. Соллертинского «Пастырство Христа Спасителя» (1887).

Кроме пасторологических сочинений научного характера, в 19 в. выходили также практические руководства для пастырей. В первой половине столетия лучшей книгой в этом роде были «Письма о должностях священного сана» А. С. Стурдзы (1841), а во второй – «Практическое руководство для священнослужителей» П. И. Нечаева (1884) и «Святое, высокое служение иерея Божия – добровольное мученичество» игумена Тихона, в котором излагаются аскетические воззрения на пастырское служение, близкие к мыслям святителя Феофана Затворника.

В 1803 г. вышел классический труд по истолковательной литургии «Новая скрижаль» епископа Вениамина (Краснопевкова-Румовского), который многократно переиздавался и долгое время служил семинарским учебником.

Во второй половине столетия в литургической науке возобладал исторический метод. С ним связаны труды по литургии, принадлежащие архиепископу Филарету (Гумилевскому) и профессору А. Л. Катанскому. Крупнейшим русским литургистом был И. Д. Мансветов. В своих исследованиях он обратился к древним рукописям, содержащим богослужбные последования. За каждым чинопоследованием он видел тысячелетнюю историю его становления.

Заметным толчком к развитию каноники в России послужило издание в 1839 г. полного свода канонов – «Книги правил». Автором первого русского учебника по церковному праву «Записки по церковному Законоведению» (1848) является протоиерей Иоанн Скворцов, который читал каноническое право в Киевском университете святого Владимира. Первая серьезная попытка не компилятивного, а научного изложения системы церковного права принадлежит епископу Иоанну (Соколову). Его труд, вышедший в 1853 г., озаглавлен «Опыт курса церковного законоведения», написанный в виде толкований на правила. Курс

епископа Иоанна отличается ясностью изложения, богословской глубиной интерпретации канонов, проницательным историзмом в оценке источников.

Самый полный из учебников церковного права принадлежит профессору Казанской академии и Казанского университета И. С. Бердникову. Он вышел в 1888 г. и озаглавлен странным образом – «Краткий курс церковного права». Широкой известностью пользуется «Курс церковного права» профессора Ярославского юридического лица Н. С. Суворова, впервые изданный в 1889–1890 гг., впоследствии переработанный в «Учебник церковного права», многократно переиздававшийся. Н. С. Суворов – квалифицированный юрист, превосходно знавший источники канонического права и историю церковных институтов, как восточных, так и западных. Вместе с тем его работа страдает существенными теоретическими изъянами. Убежденный апологет синодальной системы, Н. С. Суворов строит свой курс не столько на канонах, сколько на законах и распоряжениях российского правительства по Ведомству православного исповедания. Наиболее удачным русским руководством по канонике является «Курс церковного права» А. С. Павлова, посмертно изданный по студенческим записям его лекций на юридическом факультете в Московском университете в 1902 г. Он написан хорошим, живым языком, не особенно свойственным юридической литературе, и отличается продуманной системой изложения, а главное, строго православной позицией автора, которая сочетается с основательной юридической компетенцией.

Из отдельных отраслей церковного права в русской науке особенно много удачных исследований относится к источниковедению. Первый серьезный труд в этой области принадлежит митрополиту Евгению (Болховитинову), который составил «Историческое обозрение российского законоположения» (1825). В 1839 г. посмертно вышло второе издание исследования петербургского юриста Г. А. Розенкампа «О Кормчей книге». Розенкамп тщательно исследовал и разделил на разряды и фамилии все доступные ему списки «Кормчей». Известный археограф и источниковед Н. В. Качалов в 1850 г. выпустил работу «О значении Кормчей в системе древнего русского права». Изучение «Кормчей» он включил в общий контекст церковного права допетровской Руси. Во второй половине 19 в. вышел ряд источниковедческих трудов А. С. Павлова: «Первоначальный славяно-русский номоканон», «Книги законные», «Номоканон при Большом требнике». Текстологическое исследование древних пергаментных списков «Кормчей» связано с именем

крупного палеографа и филолога И. И. Срезневского, опубликовавшего ряд статей о сербских и русских редакциях «Кормчей» в 1870–1890 гг.

Крупными канонистами 19 в. были также архиепископ Литовский Алексий (Лавров-Платонов), профессора Т. В. Барсов и Н. А. Заозерский.

Совершенно особое место в русской духовной литературе занимает «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (1856) иеромонаха Парфения, написанное простодушно и бесхитростно. «Сказание» продолжает традицию древнерусских «хожений» по Святой Земле, начатую игуменом Даниилом (13 в.). Книга инок Парфения имела успех среди читателей разных сословий: и грамотных простолюдинов, и людей высшей культуры. Известна высокая оценка этой книги Ф. М. Достоевским.

Не менее своеобразно и еще одно знаменитое творение отечественной духовной литературы– «Откровенные рассказы странника». Это книга о молитве Иисусовой, написанная от лица богомольца-подвижника из мирян-простолюдинов. «Откровенные рассказы» переведены на многие иностранные языки.

Из числа проповедников 19 в. особенно знаменит святитель Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1855), которого называли русским Златоустом. Он выпускник, профессор и ректор Киевской духовной академии. Его гомилетическое наследие составляет около 500 проповедей. Они посвящены в основном изложению догматического и нравственного учения Церкви, но содержат в себе также и резкие обличения пороков паствы.

Архиепископ Иннокентий умел увлечь слушателей неожиданно острой постановкой вопросов. Он старался говорить, обращаясь не только к уму, но и к сердцу, воображению пасомых. По словам историка, «слушатели архиепископа Иннокентия видели у него богословскую истину, строгую и важную, в таком блестящем одеянии, какого они никогда себе не представляли». Живое чувство проповедника, образность и красочность его языка, необычайное искусство произношения и одушевление производили на слушателей сильное впечатление. Эти проповеди, изданные и много раз переизданные, читались во всех уголках России.

Святителю Иннокентию принадлежит книга «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» (1847), написанная с замечательным литературным талантом. Митрополит Макарий (Булгаков) говорил, что преосвященный Иннокентий «не был богословом-ученым, искусство человеческого слова – вот в чем его призвание».

Замечательным проповедником был еще один херсонский архипастырь архиепископ Димитрий (Муретов) († 1883). Его проповеди отличаются внешней безыскусственностью, но всегда глубоки по смыслу и проникнуты теплотой веры и искренним благочестием.

Проповеди протоиерея Иродиона Путятин († 1869), служившего в Рыбинске, отличаются лаконизмом, силой слова, особой задушевностью тона. Они обращены к простым, некнижным людям. Отцу Иродиону удавалось, как никому другому, излагать высокие истины христианства на языке, хорошо понятном народу. Его проповеди выдержали более 20 изданий, они и ныне служат прекрасным образцом для приходских пастырей.

14. Церковно-историческая наука

Рубеж 18 и 19 вв. был эпохой пробуждения национального самосознания и углубления интереса к отечественной истории. Уже в конце 18 столетия в духовных школах больше внимания стало уделяться исторической науке. Наиболее просвещенные иерархи по личной инициативе открывали в епархиальных семинариях курсы церковной и гражданской истории. Благодаря настойчивости митрополита Платона в 1798 г. вышел указ о преподавании церковной истории в богословском классе академий и семинарий.

В середине 19 в. церковно-исторические кафедры академий разделили на 4 отдельных кафедры: библейской истории, общецерковной истории, истории Русской Церкви и новой истории западных Церквей. В 1869 г. история Церкви была включена в учебные планы историко-филологических факультетов светских учебных заведений. Уже в первой четверти века церковно-историческая наука обрела под собой твердую почву благодаря тому, что в основу исторических исследований авторы стали полагать самостоятельный анализ рукописных исследований.

Крупнейший историк начала столетия митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) родился в 1767 г. в Воронеже, получил образование в Московской духовной академии. Хиротонисанный во епископа Старорусского в 1804 г., он занимал впоследствии Вологодскую, Калужскую, Псковскую, а с 1822 г. – Киевскую кафедру. Скончался в 1837 г.

Митрополит Евгений был преданным науке ученым, история и археология были любимыми предметами его занятий. Во всех городах, где ему пришлось служить, он тщательно изучал местные архивы и библиотеки, собирал и издавал археографические памятники. Результатом его тщательных текстологических, археологических изысканий стали

«История княжества Псковского с историей псковской иерархии», «Описание Воронежской губернии», «Исторические сведения о Вологодской иерархии и о пермских, вологодских и устюжских архиереях», «Описание монастырей Вологодского края», «Описание Киево-Софийского собора с историей киевской иерархии», «Жизнеописание епископа Тихона Воронежского» и еще целый ряд исторических исследований по различным темам.

Чрезвычайно ценными справочными пособиями, не утратившими значения в настоящее время, являются два его библиографических словаря: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви» (1818) и «Словарь светских писателей», изданный посмертно в 1840 г.

Самый значительный труд митрополита Евгения «История российской иерархии» в шести частях вышел под именем архимандрита Амвросия (Орнатского), позже епископа Пензенского. Отец Амвросий был только помощником митрополита Евгения в составлении этого труда.

Широкую известность приобрели в свое время церковно-исторические сочинения А. Н. Муравьева. Его «История Русской Церкви» (1838) служила учебным руководством для духовных школ. Переведенная на иностранные языки, она долгое время являлась главным источником для ознакомления иностранцев с русской церковной историей. Муравьеву принадлежат и такие труды, как «Жития святых Русской Церкви, также иверских и славянских», «Краткое изложение избранных житий святых по руководству Четых Миней», «Сношение России с Востоком по делам церковным».

Крупнейшим церковным историком был архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) (1805–1866), питомец Московской духовной академии, ее профессор и ректор. В 1848 г. он издал пятитомную «Историю Русской Церкви». Это было исследование серьезного ученого, с широкими и продуманными обобщениями. У него впервые вся русская церковная история представлена как живое целое, от Крещения Руси до царствования Николая I. И история эта рассказана вдумчиво, с глубокой заинтересованностью. Суждения автора отличаются резкостью, остротой. История синодальной эпохи написана у него по тем временам необычайно откровенно и смело.

Известно, сколь велико было влияние архиепископа Филарета на становление русской церковно-исторической школы, на углубление историзма в отечественных трудах по патрологии и догматическому богословию, на формирование научно-богословского мировоззрения

протоиерея Александра Горского, который в лекциях по церковной истории так изложил свое научное кредо: «История как наука подлжит общим законам исторической истины. Предмет церковной истории – истина абсолютная, истина вечная. История Церкви не есть набор фактов мертвых и сухих, не есть механическая регистрация событий и явлений, но наука, обобщающая факты, устанавливающая между ними внутреннюю связь, изучающая идейную сторону фактов, не простое собиание фактов и объединение по принципу однородности. История Церкви должна знакомить не с фактами церковно-историческими, а с жизнью церковно-исторической».

Соработником и в своем роде соперником архиепископа Филарета (Гумилевского) в области не только богословской, но и церковно-исторической науки был его современник митрополит Макарий (Булгаков). Ему принадлежит «История Русской Церкви» (1857–1883), прерванная кончиной автора на двенадцатом томе, повествующем о Соборе 1666–1667 гг. По богатству и полноте материала этот капитальный труд до сих пор не знает себе равных в историографии Русской Церкви. Он сопоставим разве что с гражданской «Историей России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Митрополит Макарий ввел в научный оборот ряд новых документов – неизвестных ранее летописных текстов, рукописных житий святых. Благодаря ему достоянием науки стало много неизвестных прежде исторических фактов. При этом встречавшиеся в источниках противоречия митрополит Макарий разрешал тонко и осторожно.

Русская Церковь, по верному представлению историка, является только частью Вселенской Православной Церкви, и она всегда сохраняла полное внутреннее единение с другими поместными Церквами, содержала одинаковую с ними веру, один и тот же устав, свято блюла древние каноны. Автор разделяет историю Русской Церкви на три периода: полной зависимости от Константинопольской Церкви – до 1240 г., постепенного перехода к самостоятельности – до 1589 г. и период ее автокефального бытия – с 1589 г.

Повествования митрополита Макария, в отличие от «Истории» архиепископа Филарета, ведется в беспристрастном и спокойном тоне. Этот монументальный труд является бессмертным памятником изумительного трудолюбия, любознательности и эрудиции ее автора.

Митрополиту Макарию принадлежат и другие исторические труды – «История русского раскола», «История Киевской духовной академии».

В 1871 г. вышло «Руководство к русской церковной истории»

профессора Казанской академии П. В. Знаменского, многократно переизданное и ставшее на многие годы лучшим семинарским учебником по истории Русской Церкви. «Руководство» Знаменского – не научное исследование, а учебное пособие, но эта работа, отличающаяся необычайной емкостью, умелым отбором наиболее важных исторических фактов, взвешенностью и продуманностью оценок, к тому же написанная живым, выразительным языком, является превосходной книгой для тех, кто впервые приступает к систематическому изучению истории Русской Церкви. П. В. Знаменскому принадлежат также церковно-исторические монографии: «Чтения из русской церковной истории за время царствования Екатерины», «Черты из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I», «Духовные школы в России до реформы 1808 г.», «История Казанской духовной академии».

Появление в 1880 г. «Истории Русской Церкви», написанной Е. Е. Голубинским (1834–1912), стало событием в исторической науке. Вышедший из школы протоиерея Александра Горского, Голубинский унаследовал от него стремление к документальности, к тщательному критическому анализу памятников. От Горского идет и сравнительный метод Голубинского. Но в отношении Голубинского и к историческим документам, и к традиционным, устоявшимся оценкам, и даже к самим верованиям и благочестивым преданиям народа есть роднящий его с нигилистической публицистикой гиперкритицизм, мнительная недоверчивость и подозрительность. У него слишком заметен неуместный в историческом исследовании обличительный, почти разоблачительный пафос.

По историческому мировоззрению Е. Е. Голубинский был западником, апологетом Петра I, склонным к весьма мрачной оценке всей допетровской старины. Положительную черту в исторических воззрениях ученого составляет его особый интерес к религиозно-нравственной жизни народа. Голубинский предлагает свою периодизацию русской церковной истории: киевский, московский, петербургский, или синодальный, периоды.

Голубинским написаны также такие солидные труды, как «История канонизации святых в Русской Церкви», «История Троице-Сергиевой лавры», «Краткий очерк истории Православных Церквей Болгарской, Сербской и Румынской» и другие исследования.

В 19 в. вышел ряд научных трудов по истории западно-русской Церкви. Профессор Петербургской духовной академии М. О. Коялович написал «Историю русского самосознания», посвященную Брест-

Литовской церковной унии. В 1883 г. в Варшаве была опубликована монография В. З. Завитневича «Палинодия Захария Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики 16–18 вв.» Большую ценность для церковно-исторической науки представляют работы Мальшева «Западная Русь в борьбе за веру и народность» и С. Т. Голубева «Петр (Могила) и его сподвижники».

В области общецерковной истории русская наука 19 в. открывается «Начертанием церковной истории» (в 2-х частях, 1817), принадлежащим святителю Иннокентию (Смирнову).

Крупнейшим знатоком церковной жизни христианского Востока был епископ Чигиринский Порфирий (Успенский). Родился он в семье псаломщика в Костроме в 1804 г. После окончания Петербургской духовной академии служил законоучителем в Петербурге и Одессе, был настоятелем Одесского Успенского монастыря, ректором Херсонской духовной семинарии. В 1848 г. Синод поставил архимандрита Порфирия во главе новоучрежденной Палестинской духовной миссии. Вынужденный покинуть Палестину в 1854 г. в связи с началом Крымской войны, архимандрит Порфирий вновь отправился на Восток в 1858 г., на этот раз преимущественно с научной целью – для разыскания и описания памятников церковной архитектуры, древних икон, архивов, библиотек и богослужебной утвари. Вернувшись в Россию, он привез с собой богатую коллекцию археологических и археографических памятников, собранных на Афоне, в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте и Эфиопии. После посвящения в епископа Чигиринского преосвященный Порфирий продолжил работу по изучению древних памятников.

Результатом его неутомимых трудов явились фундаментальные исследования по церковной истории, патристике, археологии, и среди них – «Вероучение египетских христиан», «Христианский Восток», «Богослужение абиссинцев», «История Афона», «Дионисий Ареопагит и его творения». Часть сочинений епископа Порфирия осталась неопубликованной, это «Богослужение Константинопольской Церкви», «Путешествия» по Италии, по Фессалонике. Ценнейший материал содержится в его многотомных мемуарах «Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки». Труды епископа Порфирия заложили твердую основу для разработки истории Византийской Церкви и нехалкидонских Церквей Востока. Великий подвижник церковной науки скончался в 1885 г. на покое, в Московском Новоспасском монастыре.

В области византологии крупным ученым был профессор Петербургской академии И. Е. Троицкий (1832–1902). Его исследования

отличает широкий богословский и исторический кругозор. В центре научных интересов И. Е. Троицкого стояли взаимоотношения между Церковью и государством в Византии. Его лучшая монография «Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты» посвящена одному из острых моментов в истории Византии.

Профессор А. П. Лебедев, читавший лекции в московских духовной академии и университете, был выдающимся византологом и великолепным знатоком истории Древней Церкви. Лучшая его книга – «История первых Вселенских Соборов» (1879). Им написан также целый цикл работ по истории Византийской Церкви.

В области истории Древней Церкви самым большим русским ученым был профессор Петербургской духовной академии В. В. Болотов (1853–1900). Он соединял в себе дар историка-аналитика и патрулога с широким богословским кругозором. В его первой книге, посвященной Оригену, дан исчерпывающий анализ учения этого мыслителя о Святой Троице, включенного в историю святоотеческой мысли, соотнесенного со Священным Преданием. В монографии вскрыты сложные взаимоотношения между оригенизмом и арианством.

Главный труд В. В. Болотова – академический курс «Истории Древней Церкви» издан после кончины профессора по студенческим записям. Для «Истории» Болотова характерны высокая достоверность и надежность излагаемых фактов, умелое их соединение. На фоне живо написанной общей картины церковной жизни дан глубокий анализ отдельных исторических и богословских вопросов. Особенно велики достоинства 4-го тома, где содержится чрезвычайно емкий очерк истории богословской мысли эпохи Вселенских Соборов. По глубине и тонкости анализа, по доказательности аргументов, по убедительности выводов этот том принадлежит к лучшему из всего, что написано отечественными церковными историками и патрулогами. Ранняя кончина прервала труд выдающегося ученого.

15. Монастыри и монашество

В 19 в. у российского правительства складывалось иное, в сравнении с 18 столетием, отношение к монастырям. В народном благочестии, в православии, в монашестве власти научились видеть одну из самых твердых духовных опор государства. Император Александр I часто посещал православные обители и беседовал с духовно опытными подвижниками и старцами. В 1812 г. монах Александро-Невской лавры Авель предсказал ему взятие Парижа. В 1816 г. в Киеве царь исповедовался у иеросхимонаха Вассиана, в 1823 г. в Ростовском Спасо-Яковлевском

монастыре Александр I посетил иеромонаха Амфилохия, в 1825 г. в Александро-Невской лавре он беседовал со схимником Алексием. Он посещал также Валаамский монастырь, где беседовал с известным подвижником старцем схимонахом Николаем. К монастырям благосклонно относились Николай I и Александр III.

На протяжении всего 19 в. открывались новые и восстанавливались ранее упраздненные обители. В 1828 г. был возобновлен Дивногорский Успенский монастырь в Воронежской, в 1844 г. – Святогорская Успенская пустынь в Харьковской епархиях, в 1850 г. восстановили Нило-Сорскую пустынь, а в 1886 г. – Межигорский монастырь под Киевом.

В 1881 г. право возобновлять и открывать новые монастыри передано было правительством Синоду. Монастырские штаты 1764 г. включали 225 монастырей с 5105 монашествующими, кроме того, удалось сохранить еще 161 заштатную обитель. Но уже в 1810 г. число монастырей в России увеличилось до 452, в 1836 г. их было 461, в 1855 г. – 544, в 1881 г. – 560, в 1889 г. – 631 и в 1907 г. насчитывалось уже 970 монастырей (522 мужских с 24 144 насельниками и 448 женских с 65 989 насельницами). Таким образом, за столетие число монастырей выросло более чем в два раза, а численность монашествующих с 1764 по 1907 г. увеличилось почти в 18 раз.

Из первоклассных монастырей четыре самых знаменитых именовались лаврами – Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская (с 1797 г.) и Почаевская Успенская (с 1833 г.). Настоятелями лавр состояли местные архиереи, а управлялись они наместниками и духовными соборами. Семь монастырей считались ставропигиальными и находились в ведении Святейшего Синода, который управлял ими через Московскую синодальную контору; это были: Новоспасский, Симонов, Донской и Заиконоспасский монастыри в Москве, Воскресенский в Новом Иерусалиме, Соловецкий на Белом море и Спасо-Яковлевский в Ростове Великом.

Гораздо благополучнее, чем в первые годы после секуляризации церковных земель, складывалось материальное положение монастырей. Уже по указу 1805 г. монастыри получили право приобретать ненаселенные участки земли в дар и по завещанию, но на покупку земли по-прежнему каждый раз требовалось особое разрешение высочайшей власти, но указ 1835 г. предоставлял епархиальным кафедрам и монастырям право покупать участки размером до 300 десятин без санкции правительства. Из казны монастырям выдавались денежные пособия и строительные материалы. Особым преимуществом пользовались

монастыри в западных областях России, пострадавшие от католической и униатской экспансии. Некоторым обителям предоставлялись особые льготы: Валаамский монастырь получил право беспошлинного провоза товаров через границу.

Материальное положение монастырей улучшалось и благодаря пожертвованиям от благотворителей из разных сословий, особенно от купцов. Купцы дарили и завещали монастырям на помин души не только деньги, но и иконы с золотыми и серебряными окладами, с драгоценными камнями, парчовое облачение, колокола, строили за свой счет монастырские церкви, корпуса келий. Пожертвования поступали от богатых помещиков, а еще чаще помещиц. Графиня Орлова-Чесменская в 1848 г. завещала 340 обителям более 1,5 миллиона рублей (около 1 миллиарда рублей по нынешнему курсу) – по 5 тысяч на каждый монастырь. Немалую часть монастырских доходов составляли добротные приношения благочестивых простолюдинов – крестьян, мещан, мастеровых.

В 19 в. монастыри с большим размахом развернули строительные работы: возводились новые просторные храмы, кирпичные корпуса келий и хозяйственных помещений, гостиницы для богомольцев. О былой нищете и разорении, которое пережили российские обители в 18 столетии, к середине 19 в. остались лишь смутные воспоминания.

Содействуя внешнему благоустройству монастырей, духовная власть и правительство издавали постановления, направленные на упорядочение их внутренней жизни. Этими постановлениями предусматривалась осмотрительность в принятии послушников и постригах, пресекалось пьянство, регламентировалось правило отпуска монашествующих, поддерживался общежительный устав, запрещалось производить сборы пожертвований в увеселительных заведениях.

Рост благосостояния монастырей позволил им проводить широкую благотворительную деятельность. Они строили школы для крестьянских детей, открывали детские и странноприимные дома, больницы, богадельни. Троице-Сергиева лавра, кроме обычных благотворительных учреждений, содержала школы: иконописную, певческую и ремесленную. Успех монастырей в благотворительном делании оказался тем прочнее, что это служение монашества миру было не исполнением повинности, которая возлагалась на иноческую братию указами Петра I и его преемников, а добровольным делом.

Особенной ревностью в благотворительном подвиге отличались женские обители, число которых в 19 в. значительно выросло. В первой

половине столетия религиозное одушевление захватило немалую часть дворянского общества, что привело к умножению постригов среди девушек и вдов дворян. После реформ 60-х гг. перед одинокими крестьянками, освобожденными от крепостной зависимости, открылись почти беспрепятственные возможности для поступления в монастыри. В монастыре крестьянская девушка или вдова находила обстановку, близкую ее сердцу: монастырские послушания были похожи на ее домашние хозяйственные работы.

Женские обители, как правило, были беднее мужских. Даже штатные монастыри получали скудную помощь из государственной казны, а большинство женских монастырей числилось за штатом. Почти все новые женские обители создавались по личному почину их первоначальниц. Многие из них выросли из сестрических общин. Эти общины начинались с собраний верующих девушек за каким-нибудь рукоделием, которое начиналось и заканчивалось молитвой. Грамотные читали вслух жития святых и другие душеполезные писания. Со временем из этих благочестивых «посиделок» складывалась община с совместным проживанием сестер, а общая молитва разрасталась в уставное богослужение, на которое приглашались священники из близлежащих приходов. Наконец, сестры-чернички, как их называли в народе, обращались к архиерею с прошением о преобразовании общины в монастырь. Начинались долгие хлопоты: весьма часто у духовной власти возникали подозрения, не заражена ли община сектантскими настроениями. Когда эти подозрения рассеивались и хлопоты увенчивались успехом, то одних сестер постригали в мантию или рясофор, а другие оставались послушницами. Первоначальными средствами для новоучрежденного монастыря служили пожертвования богатых дарительниц или самих основательниц.

Так в 1823 г. в деревне Аносине под Москвой возник Борисоглебский монастырь. Его основательницей была княгиня Евдокия Мещерская, которая, овдовев через два месяца после замужества, собрала вокруг себя благочестивых крестьянок для общих трудов и молитв. В рукодельном труде княгиня не отставала от своих крепостных. После многолетних хлопот она достигла преобразования общины в монастырь, игуменьей которой московский святитель Филарет назначил саму княгиню, несмотря на ее отказ, дав ей при постриге имя Евгении. Мать Евгения скончалась в 1837 г. в возрасте 63 лет. Под ее началом Аносин Борисоглебский монастырь прославился высокой аскетической жизнью сестер и широким размахом благотворительности.

Подобным образом возник и Спасо-Бородинский монастырь, основанный М. М. Тучковой, вдовой знаменитого генерала, прославившегося в Отечественную войну 1812 г.

В 1813 г. в лесу, в окрестностях Задонска, была построена часовня, возле которой в маленьких избышках поселилось несколько крестьянок из близлежащих деревень. Здесь они проводили время в молитве и труде. В 1860 г., по почину крестьянки Е. П. Богатыревой, это поселение получило устройство сестрической общины, а еще через семь лет община была преобразована в общежительный монастырь.

Некоторые из общин были основаны под влиянием старцев. В сибирском городке Туринске под окормлением старца Зосимы сложилась одна такая община, но, несмотря на хлопоты в Петербурге, старцу не удалось получить разрешения на открытие обители. В 1826 г. сестры вместе со старцем приехали в Москву и поселились в доме приютившей их вдовы Бахметьевой. Часть своего подмосковного имения вдова пожертвовала на основание монастыря – так появилась Троицкая, или Зосимова, пустынь. Уже после кончины старца, наступившей в 1833 г., Зосимова община была преобразована в монастырь с общежительным уставом.

Основателем Дмитриевского женского монастыря в селе Троекурове Тамбовской епархии был пустынножитель старец Иларион (Фокин). Под окормлением преподобного Серафима Саровского пребывала Казанская Дивеевская община, устроенная еще в 1780 г., а также основанная самим святым «Мельничная» девичья община. Преподобный Амвросий Оптинский был основателем и духовником сестрической общины в Шамордине.

В последней четверти 19 в. из женских монастырей был особенно знаменит Свято-Богородский Леснинский, расположенный около современного польского города Бяла. В 1881 г. униатский храм в Лесне перешел к православным. Через 3 года после этого вокруг него сложилась сестрическая община во главе с матерью Екатериной, урожденной графиней Ефимовской († 1925 в Сербии). Сестры открыли школу для крестьянских детей, в которую принимали не только православных, но и католиков. В 1889 г. община была преобразована в монастырь, игуменьей которого стала мать Екатерина. К 1914 г. в обители было 20 монахинь и 300 рясофорных сестер и послушниц. Инокини содержали больницу, приют для престарелых женщин, бесплатную амбулаторию, аптеку и даже медицинское училище. Они открыли среднюю школу для крестьян с обучением ремеслам, учительскую семинарию, сельскохозяйственное

училище, держали обувную и переплетную мастерские, иконописную мастерскую, развели фруктовый сад и огород, устроили ферму и пасеку. Вокруг Леснинского монастыря сложилось еще четыре общины, тоже посвятивших себя главным образом служению ближним.

О размахе благотворительной деятельности всех вообще русских монастырей говорят такие статистические сведения: в 1887 г. монастыри содержали 94 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из этих учреждений приходилось на женские обители. И все-таки благотворительность не составляла и не могла составлять главного содержания иноческого подвижничества.

В 19 в. монашество переживало подлинное духовное возрождение. После ряда катастроф, выпавших на долю монастырей при Петре I, Анне и Екатерине II, они вновь восставали из разрухи как очаги духовной жизни, как живые свидетели неотмирности и святости Церкви. Под духовным руководством учеников «чудного старца» Паисия аскетическое подвижничество возродилось в древней Валаамской обители, Саровской и Оптиной, в Глинской и Санаксарской пустынях, в Новоезерском и Николо-Бабаевском монастырях. Во многих монастырях укоренилось старчество, и влияние старцев выходило далеко за монастырские стены, оказывая благодатное воздействие на жизнь всех слоев русского общества. Возрождению аскетического подвижничества в монастырях способствовали многие иерархи тех лет.

Особенной любовью к монашеству отличался киевский митрополит Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров). Он родился в 1779 г. в семье священника Орловской епархии. Образование получил в Севской духовной семинарии. Приняв постриг, служил ректором сначала в Севской, потом в Уфимской и, наконец, Тобольской семинариях. В 1813 г. его назначили архимандритом древнего монастыря преподобного Иосифа Волоцкого. Сохраняя настоятельство в монастыре, он в 1814 г. стал инспектором Петербургской, где был удостоен степени доктора богословия, а затем Московской академии. В 1816 г. стал ректором преобразованной Московской духовной академии, а в 1819 г. был хиротонисан во епископа Калужского. После шести лет пребывания на этой кафедре Синод перевел его в Рязань. Преосвященный Филарет управлял потом Казанской и Ярославской епархиями. В 1837 г. он стал преемником почившего киевского митрополита Евгения.

Занимая высокое иерархическое положение, он оставался смиренным и кротким монахом, для которого главным делом жизни был молитвенный подвиг. Истинное смирение, совершенное незлобие и любовное

отношение ко всякому человеку ему удавалось сочетать с высоким достоинством архипастыря, с разумной требовательностью к подчиненным клирикам. Митрополит Филарет был ревнителем аскетического возрождения. Он, может быть, первым из русских архиереев понял благодатный смысл старческого служения миру и, вопреки предрассудкам многих из своих собратий, видевших в старчестве посягательство на иерархический строй Церкви, всячески поощрял старцев. Еще в бытность калужским архиереем, он много сделал для укоренения старчества в находившейся в его ведении Оптиной пустыни. В Киеве митрополит Филарет поддерживал тесное духовное общение с известным печерским подвижником иеросхимонахом Парфением.

К синодальной системе митрополит Филарет относился критически и порой это отношение проявлял открыто. После 1842 г. он, подобно святителю Филарету Московскому, перестал выезжать в Петербург на заседания Синода, но из-за высокого авторитета обоих иерархов обер-прокурор Протасов молча терпел эту их обструкцию.

В отличие от митрополита московского, киевский митрополит не был поборником перевода Библии на русский язык. Не одобрял он и преподавания догматического богословия на русском языке и сам в свое время читал догматику по-латыни, но эта его позиция объяснялась вовсе не западничеством, скорее наоборот, он опасался, что преподавание богословия на общедоступном языке дает слишком широкую огласку еретическим учениям, что послужит соблазном для духовно незрелых людей.

Митрополит Филарет писал не много, но оставшиеся его «Беседы» на 5–11 главы Евангелия от Матфея и на Евангелие от Иоанна являются весомым вкладом в отечественную экзегетику. Проповеди святителя отличались сердечностью и искренностью, теплотой веры и глубоким благочестием. Замечательны оставшиеся после него письма.

В народе обоим Филаретам, которые при Николае I были всеми признанными столпами Русской Церкви, усвоили характерные имена: московского иерарха называли Филаретом Мудрым, а киевского – Благочестивым. Несмотря на разногласия по ряду вопросов церковной жизни, митрополит Филарет (Амфитеатров) относился с великим почтением к уму и опытности своего собрата и соименника, к глубине его богословских познаний, к безукоризненной строгости и точности его богомыслия. Он говорил, что каждую неделю перечитывает «Пространный катехизис», чтобы проверить свою мысль, сколь строго держится она в границах православного вероучения.

Еще в 1841 г., ревнуя о иноческом подвиге и спасении души, киевский святитель принял тайно великую схиму с именем Феодосия. Иерарх-молитвенник, иерарх-инок скончался в 1857 г., оплаканный паствой и всеми благочестивыми русскими людьми, которые любили и чтили его за высоту христианского духа, за чистоту и святость его жизни.

16. Подвижники иноческого благочестия

Среди подвижников благочестия в 19 в. немало было монахов в архиерейском сане. Один из них – святитель Мелетий Харьковский (в миру Михаил Иванович Леонтович). Он родился в 1784 г. По окончании Полтавского приходского училища мать-вдова определила сына в Екатеринославское духовное училище, потом – в семинарию в том же городе. В духовных школах Михаил воспитывался в холоде, голоде и нищете. Среди товарищей он выделялся благочестивым настроением, кротостью и способностями к наукам. Свое образование юноша завершил в Петербургской духовной академии, которую закончил в 1814 г. со степенью магистра, и был оставлен преподавателем греческого языка.

Из Петербурга его перевели в Киев инспектором семинарии, а потом академии. 11 февраля 1820 г. митрополит Евгений постриг Михаила Леонтовича в мантию с наречением имени Мелетий. После пострига святого Мелетия переводили из одной духовной школы в другую, пока, наконец, он не стал ректором Киевской духовной академии. В 1826 г. состоялась его хиротония во епископа Чигиринского, а через два года епископа Мелетия назначили на самостоятельную Пермскую кафедру. В Перми он совершал богослужения с таким пламенным молитвенным усердием, что народ почитал его за святого. После трех лет служения в Перми святителя перевели на Иркутскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В Иркутске он стремился усилить евангельскую проповедь среди инородцев. Он ввел в епархии общерусский обычай стоять всем молящимся в храме с зажженными свечами при чтении страстных Евангелий.

Неутомимые труды и суровый сибирский климат расстроили здоровье святителя, и в 1835 г. состоялся его перевод на Харьковскую кафедру. До него в Харькове редко совершали архиерейские богослужения, а святитель Мелетий служил постоянно во все воскресные и праздничные дни. Свою душу архипастырь питал келейным молитвенным правилом и молитвой Иисусовой. Непрестанное творение Иисусовой молитвы и постнический подвиг очистили его душу, уготовили ее для принятия благодатных даров.

В июне 1838 г. в Харькове произошла сильная гроза с бурей, которая привела жителей в ужас. Но когда святитель преклонил колена пред

иконами и помолился Богу, гроза и буря утихли. Поучая паству, святой сказал: «Этот настоящий страх быстротечен, а будущий вечен». После этого случая святитель занемог и болел уже почти непрерывно до самой кончины.

Однажды ректор Харьковской семинарии архимандрит Иоанн обратился в Синод с доносом на своего архипастыря, обвиняя его в медлительности при решении епархиальных дел. Синод сделал внушение архиерею. После этого святитель Мелетий пригласил к себе ректора и спросил, какие дела тот имел в виду, ибо все дела он, несмотря на свои недуги, рассматривал срочно. Во время беседы он велел келейнику снять с себя рубаху, чтобы показать свои раны. Зрелище было поразительным: на правом плече кожи не было и виднелась голая сухая кость, такие же раны были на ребрах и на обоих бедрах. Архимандрит Иоанн в раскаянии, со слезами пал к ногам архиерея и услышал от него: «Бог тебя да простит, и я прощаю, иди с миром да молчи».

С узелком и палкой в руках, в простой монашеской ряске, святой навещал больных, лечившихся в университетской клинике. Около тяжелобольных садился и тихо беседовал с ними, уча их переносить страдания с христианским терпением, молиться умной молитвой и предавать себя воле Божией. Он раздавал больным духовные книги, а бедным полагал деньги под подушки.

6 декабря 1839 г. святитель в последний раз совершил литургию. С этих пор он уже не вставал, но продолжал еще заниматься епархиальными делами. За три дня до его кончины келейник, спавший на полу у ног святителя, в тонком сне увидел Мужа в багряной рясе с ликом, источавшим сияние, а с Ним двух Ангелов в облике юношей дивной красоты и старца в схиме, в котором он узнал святого Митрофана Воронежского. «Откройте!» – велел Муж в багряной рясе юношам, и те вскрыли грудь архипастыря до самого сердца, из которого высоко поднялось светлое пламя. «Довольно, – сказал Он, – пора успокоить». – «Повели, Владыко!» – отвечали юноши. Святитель Митрофан своей схимой покрыл разверстую грудь. На этом келейник со страхом проснулся, а святитель, успокаивая его, сказал: «Чего ты испугался? Не бойся, через три дня будет кончина».

Ранним утром 29 февраля 1840 г. святитель Мелетий в последний раз причастился, произнес благодарственные молитвы, простился с окружающими и со словами «Простите меня» предал дух Богу. Шесть дней стояли его мощи в ожидании погребения, и на них не появилось признаков тления. Тело святого погребли в усыпальнице, под колокольной

Харьковского Покровского монастыря.

В 1875 г. в усыпальнице случился пожар. Вокруг гробницы все обгорело, распаялся металлический гроб, но заключенный в нем деревянный гроб остался невредимым. Народное почитание святителя Мелетия началось сразу после его кончины. Особым заступничеством были ознаменованы его молитвы в годы Великой Отечественной войны. Мощи святителя ныне почивают в Благовещенском кафедральном соборе.

Подвижником высокой жизни был и пензенский епископ Амвросий (Орнатский), известный в церковной науке как соавтор «Истории российской иерархии», написанной им вместе с митрополитом Евгением (Болховитиновым). Он родился в 1778 г. По окончании Петербургской духовной академии преподавал в духовных школах. Затем управлял последовательно тремя обителями, в том числе Московским Новоспасским монастырем, где при нем происходил подъем аскетического подвижничества.

В 1816 г. архимандрита Амвросия хиротонисали в викарного епископа Новгородской епархии, а через три года перевели на самостоятельную Пензенскую кафедру. Архиереем он был требовательным и властным, с твердой волей, подчиненные клирики прозвали его за строгость Грозным. Объезжая епархии, он всматривался во все и за всякое нарушение неминуемо взыскивал с провинившегося.

Но всего суровей и безжалостней он был к самому себе. Постничество его простиралось до того, что он не ел ничего, кроме хлеба, редьки и огурцов, а в Великий пост одна или две просфоры составляли его пропитание. Все свои деньги и почти все вещи, вплоть до полотенец, он раздавал нуждавшимся.

В 1825 г. епископ Амвросий обратился в Синод с прошением уволить его на покой. Он поселился в Кирилло-Белозерском монастыре и подвизался там два последних года жизни, безысходно пребывая в келии и лишь изредка принимая монахов. Письма, которые приходили к нему, оставались лежать нераспечатанными у порога его келии, но его ответы на них, по свидетельству келейника, были удивительно меткими и мудрыми и вполне удовлетворяли писавших ему. По ночам инок-архиерей выходил из келии и до рассвета простаивал на паперти перед церковными воротами, безмолвно молясь с воздетыми горе руками. Подвижник скончался 26 декабря 1827 г.

В православном народе сохранилась благоговейная память о еще одном архиерее-аскете – воронежском святителе Антонии (в миру Авраамий Гаврилович Смирницкий). Он родился в 1773 г. в Полтавской

епархии в семье священника. С детства выделялся среди сверстников усердием к храму, любовью к Богу и тихостью нрава. Образование он получил в Киевской духовной академии, после окончания которой поступил в Печерскую лавру и принял постриг с именем Антоний.

В лавре он строго хранил келейное правило, на тело надевал власяницу, ночи проводил в молитве, лишь краткое время отдыхая на жестком ложе.

Митрополит Платон, посетив Киевскую лавру, упрекнул святого Антония за то, что тот не пошел в учителя, сказав ему, что он ищет себе покоя. Смиранный монах ответил на это: «Точно, того покоя, о котором Спаситель наш говорил: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы»».

В 1815 г. отец Антоний был назначен наместником лавры и вскоре возведен в сан архимандрита. Наместником он был учительным и мудрым. Назидая иноческую братию, архимандрит Антоний не оставлял без внимания и богомольцев, поучал их в вере и добрых нравах.

В 1826 г. святого Антония хиротонисали во епископа Воронежского. Перед отъездом в епархию он говорил: «Не надеюсь на себя, там есть два святителя – Митрофан и Тихон. Их молитвы подкрепят меня». В годы своего архиерейства он часто служил, после литургии любил приглашать клириков и мирян к себе в келию и там назидал их своей беседой. К нему шли и ехали как к родному, он вникал в жизнь пасомых, помогал им молитвой, советом, деньгами. Зная о его высоком благочестии, многие с робостью приступали к нему, но после беседы с ним ощущали необыкновенную радость. Он любил угощать богомольцев трапезой, говоря: «Нельзя не принять приезжих, они гости святителя Митрофана, а я его служка». Во время объезда епархии архипастырь заходил в крестьянские избы, благословлял трапезы, которые устраивались для целого прихода, – порой на них собиралось до 5 тысяч народу.

Молитвами и трудами архиепископа Антония в 1832 г. состоялось прославление в лике святых угодника Божия святителя Митрофана. Он верил в святость и другого великого подвижника – епископа Тихона Задонского, мощи которого почивали в пределах его епархии. Однажды при проведении строительных работ в Задонском монастыре святитель велел негласно освидетельствовать их, а сам в это время стал в келии на молитву. Когда мощи святого были открыты, он подошел к могиле и, приняв их, благодарил Бога за Его милость.

Шел 1846 г., последний год земного жития архиепископа Антония. Исполненный непритворного смирения, он со скорбью говорил о себе:

«Много лет я прожил, а нет добрых дел». Скончался он 20 декабря, в пятницу. Его погребли в Благовещенском соборе, возле усыпальницы святителя Митрофана.

В бытность архиепископа Антония настоятелем Киевской лавры в ней принял постриг инок святой жизни иеросхимонах Парфений. Он родился в 1790 г. в Тульской епархии в семье причетника Иоанна Краснопевцева. При крещении был наречен Петром. Когда отрок учился в Тульском духовном училище, в его душе зародилась жажда иной, лучшей жизни, чуждой земной суеты. Он полюбил молитвенное уединение. Однажды, уже студентом семинарии, он ушел в лес для молитвы, и там ему было видение: явился благообразный старец и сказал слова, глубоко запавшие в душу юноши: «Странен монах и земен мертвец». Это видение утвердило его в намерении отречься от мира, и в 1815 г., уволившись из семинарии, он пешком отправился в Киевскую лавру.

Там святой Антоний ласково принял его и назначил на послушание в просфорню. Вскоре он был поставлен начальником просфорни. Не предаваясь чрезмерным постническим подвигам, во всем умеренный, тихий, мирный, незлобивый, Петр без искушений проходил свой послушнический искус. Плотских страстей и нечистых помыслов он вовсе не знал.

В 1824 г. послушник принял постриг с именем Пафнутий. В ночное время, кроме молитв, отец Пафнутий занимался переписыванием святоотеческих книг. Его по-прежнему посещали видения, особенно часто являлась ему Пресвятая Богородица. После иерейского рукоположения он был назначен духовником лавры. Познание грехов человеческих погружало его в сокрушение и скорбь. «Бедные люди – говорил он, – если б они знали, какие блага они меняют на смрад греховный».

В 1838 г. митрополит Киевский Филарет облек его в схиму с наречением имени Парфений. С еще большей силой предался он молитве, которая срослась с его умом и сердцем и действовала даже во сне. Схимника смущала мысль, что он не испытал в своей жизни гонений. На это митрополит Филарет, успокаивая его, говорил: «На что тебе гонение? Ты сам себя гонишь. Кто пожелает жить твоей жизнью?» Самой большой его радостью было служение литургии в домово́й церкви митрополита, с которым он был особенно близок духовно. Весну и лето он проводил с ним в Голосевской пустыни. Его пустынная келия стояла в чаще леса. В эту келию к старцу стекались посетители, и он вразумлял и утешал их.

Последние годы своего жития схимник провел в темной келии у Ближних пещер. С радостью ожидал он смерти и, сидя у гроба,

приготовленного им для себя, говорил о будущей жизни, где праведники просияют, как солнце. Скончался старец Парфений в праздник Благовещения в 1885 г., который совпал с Великой пятницей. Митрополит Филарет на своих руках выносил его гроб и совершил чин погребения в Голосевской пустыни.

Иеросхимонах Парфений обладал даром церковного песнотворчества. Одна из составленных им молитв помещена в современном издании молитвослова. Она начинается словами: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, не попусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей...» После него остались также замечательные по духовной глубине изречения: «Кто сам не достиг в меру совершенства и начинает учить других – погубляет и то, что имел», «У человека нечистого и страстного и вещи все заражены страстями, не прикасайся к ним, не употребляй их», «Без молитвы нельзя снести уединения, без уединения нельзя стяжать молитвы», «Потеря благодати страшнее всех потерь», «Чем ближе приближаешься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя».

Удивительна, подобна житию древних отшельников жизнь троекуровского старца Илариона (Фокина). Он родился в 1774 г. в крестьянской семье в Рязанской губернии. Иларион был молчаливым и робким мальчиком. Когда его обижали, он молился Богу за обидчика. Склонный к уединению, он чуждался не только сверстников, но и родителей. С детства любил он храм Божий, колокольный благовест наполнял его сердце несказанной радостью. Самым близким человеком мальчику был его богобоязненный дедушка, с которым он вместе ходил в церковь. Совершали они и дальние богомолья: к киево-печерским угодникам, в Троице-Сергиеву лавру. Молитва у нетленных мощей воспламеняла сердце мальчика духовной радостью. А родителям их странное дитя внушало тревогу: они опасались, что из него не выйдет настоящего хозяйственного крестьянина.

По смерти дедушки родители стали понуждать сына жениться. После долгих уговоров он согласился на это, но с тем условием, что по совершении брака отправится на богомолье. Согласно уговору, сразу после венчания Иларион скрылся из дому и втайне от родителей и жены ушел в Киев. Вернувшись домой, он томился семейной жизнью и на двадцатом году ушел из родной деревни в странствие по монастырям. Между тем жена подала на него жалобу в консисторию. Тогда Иларион оставил монастырь, в котором жил в ту пору, и скрылся в лесу, недалеко от родного села. Но мысль о монашестве не покидала его, и ему удалось

упросить настоятеля раненбургской Петропавловской пустыни постричь его в рясофор.

Молодой инок выделялся среди братии строгим хранением устава и суровым постом, и это возбуждало к нему зависть. А его жена не оставляла попыток вернуть мужа домой. Тогда настоятель решил удалить инока Илариона из пустыни. Он поселился в овраге в выкопанных им пещерах, на литургию ходил в церковь в ближайшее село, а вечерню, утреню и келейное правило совершал в пещерах. В летний зной он полагал по 3 тысячи поклонов на открытой поляне под палящими лучами солнца. Питался он одной редькой, а постель себе изготовил из сучьев дуба. Когда однажды его нашли в обмороке от истощения, на его теле обнаружили вериги и сорочку из железной проволоки. К иноку начали приходить за советом и молитвами верующие люди. Он всех принимал, беседовал, утешал, от богатых брал дары и раздавал бедным. Но многолюдство тяготило его.

И он опять отправился в странствие: ходил в Киев, в Задонск, а чаще всего в Елец. В Ельце народ знал его, и когда он появлялся в городе, его окружала толпа людей, просила у него молитв и советов. Городское духовенство из ревности подавало на него жалобы, после чего городничий велел посадить его в тюрьму. После этого распоряжения городничий опасно занемог и, раскаявшись, приказал выпустить инока на волю.

Старец Иларион вернулся в свои пещеры. Однажды во время засухи соседний помещик князь Долгоруков в письме просил его помолиться о спасении урожая. И по молитве подвижника над полями князя прошел обильный дождь. Помещик пригласил старца в свою усадьбу и построил для него келию. После смерти князя дворовые люди стали обижать подвижника, стараясь выгнать его из усадьбы. Блаженный Иларион переселился к помещику Суханову, а от него в село Троекурово к Раевскому, где провел последние 29 лет своей жизни в отведенной для него келии.

Он жил в ней полузатворником, выходил только в церковь и принимал посетителей. К нему отовсюду стекались приношения, которые он раздавал нищим или жертвовал на постройку храмов. В великие праздники посылал в тюрьмы деньги, хлеб, сыр, яйца, рыбу.

И в глубокой старости облик его поражал духовной красотой. В одном из воспоминаний о нем сказано: «Ему было уже почти 80 лет, а казался он как в первой юности и редкой красоты, невольно приходило на мысль: «Дивен Бог во святых Своих!»» За 6 лет до кончины старец Иларион ослеп, но перед смертью чудесно прозрел. Преставился он 5 ноября 1853 г. Его

погребли в гробе, который он сколотил своими руками, в выкопанной им самим пещере.

Подвижником высокого благочестия был и блаженный Георгий Машурин, которого знали до конца жизни как простого послушника, хотя он тайно принял монашеский постриг с именем Стратоника. Он был дворянин и офицер, но в 29-летнем возрасте ушел в отставку и поступил в Задонский монастырь. Через год послушник затворился в маленькой келии, которая отапливалась лишь зимой. Под землей он вырыл пещерку и в ней коленапреклоненно молился целыми днями, а ночи проводил за чтением Священного Писания и святоотеческих творений. Пищу он вкушал не каждый день. Народ относился к нему с великим почитанием, но он крайне редко допускал к себе посетителей, однако со многими вел переписку, давал мудрые духовные советы. Скончался монах Стратоник, известный больше под именем Задонского затворника Георгия Матурина, в 1836 г. на 47-м году от рождения.

В 19 в. особой строгостью жизни и аскетическими подвигами своих насельников славился Валаамский Преображенский монастырь и его скиты, восстановленные трудами отца Назария. Несколько лет на Валааме подвизался преподобный старец Леонид (Наголкин). В середине столетия суровостью подвигов прославился Валаамский схимонах Феоктист, который последние 10 лет жизни спасался в уединенной лесной хижине. Скончался он в 1863 г. В эту пору на Валаам стекались тысячи богомольцев ежегодно.

Настоятелем Валаамской обители с 1839 по 1881 г. был игумен Дамаскин (Кононов), по происхождению крестьянин Тверской губернии. Он родился в 1795 г. и при крещении был наречен Дамианом. В 24-летнем возрасте вступил в число валаамской братии и после 20 лет усердных трудов был поставлен игуменом. При его настоятельстве на Валааме строили каменные церкви, корпуса келий, гостиницы для богомольцев и хозяйственные строения: мельницы, мастерские, электростанцию. Отец Дамаскин отличался не одной предприимчивостью и деловитостью. Это был духовно опытный богомудрый наставник братии, который умел поддерживать в обители высокий аскетический строй жизни. Скончался он в 1881 г.

Замечательно составленное им завещание: «Прежде всего, припадая, прошу простить меня, если кто из вас какое-либо имеет на меня поречение, я всю жизнь любил Валаам – это святое место, место нашего обитания, любил каждого из вас и по мере моих сил и разумения, от всей души старался о процветании обители и о спасении и малого и большого

ее сына, двери келии моей и мое сердце были всегда отверсты для нужд ваших, но я был человек грубый, простой, необразованный – естественно, что бескрайняя, глубокая любовь моя к вам иногда и не находила себе приличных внешних выражений, молю, будьте ко мне снисходительны, – простите!.. От глубины души благодарю вас за обилие вашей любви и уважения ко мне, недостойному. Поминайте, молю, меня в ваших святых молитвах. Прощайте! Мир вам! Аминь».

17. Саровская пустынь и преподобный Серафим

Одним из очагов аскетического подвижничества была Саровская пустынь, расположенная в Темниковском уезде Тамбовской епархии. Эта обитель основана в 1692 г. иеромонахом Исаакием, который в 1731 г. передал настоятельство в ней игумену Дорофею, а сам принял великую схиму с именем Иоанн. Через год после этого отца Иоанна арестовали, отправили под конвоем в Петербург и заточили в застенки Тайной канцелярии, где после долгих истязаний он скончался в 1737 г. Его обвинили в том, что он держал у себя сочинения, направленные против архиепископа Феофана (Прокоповича).

Введенный первоначальником пустыни строгий общежительный устав, составленный по образцу афонского, хранился и при его преемниках отцах Дорофее, Филарете, Ефреме, Пахомии, Исаии I, Исаии II, Нифонте, которые все были духовно опытными и учительными наставниками братии. Среди монахов Саровской пустыни немало было подвижников высокой духовности. Иеромонах Иоаким (1732–1802) провел в обители около 50 лет, нес в ней послушание псаломщика и библиотекаря, много времени посвящал переписыванию аскетических творений преподобных Макария Великого, Ефрема Сирина и других святых отцов. За советом и наставлением к нему обращались не только иноки, но и богомольцы, для которых Саров стал святым местом. До перевода на Валаам в пустыни подвизался старец Назарий (1735–1809), здесь же он провел и свои последние годы. Большой славой в народе пользовался и Саровский инок Марк Пустынник († 1817).

Но самым ярким светочем Саровской пустыни стал преподобный Серафим (в миру Прохор Исидорович Мошнин). Он родился 19 июля 1759 г. в семье курского купца, который рано умер, оставив трехлетнего сына на попечение матери. Исидор Мошнин был богобоязнен и нищелюбив. Он занимался каменными подрядами по строительству домов и храмов. После его кончины вдова продолжала вести начатое мужем строительство нового храма в Курске во имя преподобного Сергия.

Однажды Агафия взяла с собой семилетнего мальчика на стройку.

Они поднялись на недостроенную колокольню, и Прохор упал с нее. Сбежав в ужасе вниз, мать нашла сына живым и невредимым. В спасении мальчика она увидела особое смирение Божие о нем. Через несколько лет после этого происшествия Прохор тяжело заболел, и когда был уже при смерти, в сонном видении ему явилась Пресвятая Богородица и обещала посетить и исцелить его. Вскоре по городу пронесли крестным ходом Курскую-Коренную икону Божией Матери Знамение, мать вынесла больного сына на руках к иконе. Он приложился к ней и после этого быстро поправился.

Прохор с детства любил церковные службы и храм. Выучившись грамоте, он вслух читал сверстникам Священное Писание и жития святых. В отрочестве он сблизился с чтимым в Курске юродивым, и под его влиянием у него окрепло намерение оставить мир. В 16 лет он отпросился у матери уйти в монастырь. Агафия благословила его медным распятием, которое он свято хранил всю жизнь и носил его на груди. Вначале юноша вместе с богомольцами отправился в Киев на поклонение печерским угодникам. Живший в Китаевской пустыни возле лавры прозорливый затворник схимонах Досифей благословил его идти в Саров. Вернувшись в Курск и простившись с матерью и родными, юноша отправился в Саровскую пустынь и пришел туда 20 ноября 1778 г. при настоятеле старце Пахомии.

Отец Пахомий ласково принял Прохора и отдал его в научение казначею обители иеромонаху Иосифу. Под его руководством Прохор проходил послушание в хлебне, просфорне, столярне, нес обязанности пономаря и все исполнял с усердием и послушанием. По примеру других иноков в свободное время он уходил в лес и в полном уединении творил молитву Иисусову.

В 1780 г. послушник заболел водянкой – тело его распухло, больной испытывал тяжкие страдания в течение трех лет. Собратия хотели вызвать к нему врача, но Прохор попросил не делать этого, сказав: «Я предал себя Истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери». Старец Иосиф отслужил о его здравии всенощную и литургию. Прохор исповедался и приобщился Святых Христовых Таин. После причастия ему было видение: в несказанном свете явилась Божия Мать с апостолами Петром и Иоанном и, указав на больного, сказала: «Сей от рода нашего». Богородица возложила руку на его голову, и вскоре после этого он выздоровел. На месте явления была построена больничная церковь с приделом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Престол исцеленный соорудил своими руками из

кипарисового дерева и причащался в этом приделе Святых Таин.

После восьми лет послушничества, в 1786 г., Прохор был пострижен в мантию с наречением имени Серафим. Через год его рукоположили во иеродиакона, и шесть лет он оставался в этом сане. Служил почти каждый день. Ночи под воскресные и праздничные дни проводил без сна, в молитве. Господь удостоил его благодатных видений во время церковных служб: не раз он видел Ангелов, сослуживших иереям.

Однажды за литургией в Великий четверг преподобный лицезрел Спасителя в окружении небесных сил, идущего от западных дверей храма к алтарю. Дойдя по воздуху до амвона, Господь благословил служащих и молящихся и вступил в местный образ справа от Царских врат. Охваченный духовным восторгом, преподобный Серафим не мог сказать ни слова. Его под руки увели в алтарь, где он простоял неподвижно три часа. После видения он усилил подвиги и ночи проводил в молитве в лесной келии за стенами монастыря.

2 сентября 1793 г. в Тамбове святой Серафим был рукоположен в сан иеромонаха и с этого дня стал служить ежедневно. После кончины настоятеля отца Пахомия преподобный Серафим по его предсмертному благословию несогласия нового настоятеля удалился в пустынную келию в дремучем лесу. Одежда его была самой убогой, на голове – поношенная скуфья, на плечах – балахон из белого полотна, на ногах – кожаные бахилы и лапти, а на груди – медный материнский крест. А за плечами в сумке он неразлучно носил Евангелие. В течение недели святой прочитывал Новый Завет, читал святоотеческие и богослужебные книги, выучил наизусть много песнопений и воспевал их, работая на огороде или в лесу. Питался он один раз в день, а в среду и пятницу совершенно воздерживался от пищи. В первую неделю Великого поста преподобный не принимал пищи до субботы.

В монастырь он приходил по субботам и в праздники на всенощную и литургию. Навещавшие его пустынножитель схимонах Марк и иеродиакон Александр заставляли его часто неподвижным, ничего не слышащим и не видящим, погруженным в умную молитву. В летнюю жару преподобный Серафим собирал мох для удобрения огорода на болоте, где его нещадно кусали комары. Около трех лет он питался только травой снытью, которая росла вокруг келии. Кроме братии, к преподобному начали приходиться и миряне за советом и утешением. Это нарушало его уединение, и святой старался избегать посещений. Встретив кого-нибудь в лесу, он кланялся и отходил, ибо, как он говорил впоследствии, «от молчания никто никогда не раскаивался». По его молитве дорогу в келию преградили сучья вековых

сосен. С этих пор его келию, кроме монахов, посещали только птицы и дикие звери. Преподобный инок из рук кормил приходившего к нему за хлебом медведя, которого не раз видели издали возле старца.

Враг спасения ополчился на инока искушениями. Пустыннику представлялось, что его келия рушится на четыре стороны и к нему рвутся звери с диким ревом. Но эти искушения он побеждал силой крестного знамения. Три года, больше тысячи ночей, он простоял в молитве на гранитном камне, который лежал на полпути от келии в пустынь, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному», – а днем молился у себя в келии, и тоже на камне, который принес из леса. Когда мысленная брань утихла, столпник сошел с камня, но с тех пор не оставляла его болезнь в ногах.

12 сентября 1804 г., когда старец рубил в лесу дрова, на него напали разбойники, потребовавшие у него денег. Святой ответил: «Я ни от кого ничего не беру». В руках у него был топор, но он опустил его, сложил руки на груди и сказал: «Делайте, что вам надобно». Разбойники стали избивать преподобного, обухом проломил ему голову, сломали ребра, топтали ногами. Связав его веревками, они бросились к нему в келию искать деньги и драгоценности, но, кроме иконы, нашли лишь несколько картофелин и в страхе убежали. Придя в сознание, преподобный дополз в келию и пролежал в ней всю ночь, а наутро встал и с великими муками добрался до монастыря. Врачи, вызванные к нему, удивились, что он не умер от столь тяжких ран. Исцеление он опять получил от Царицы Небесной, как любил называть Божию Матерь святой старец, явившуюся ему в видении с апостолами Петром и Иоанном. Разбойников вскоре схватили, но преподобный Серафим просил начальство простить их. Он сказал, что если их накажут, то навсегда уйдет из Сарова. В скором времени пожар уничтожил дома злодеев, которые были из местных крестьян. Они раскаялись и впоследствии приходили к старцу за благословением и советом.

После этого злоключения преподобный почти полгода провел в монастыре, но, поправившись, опять ушел в лесную келию. Оставшись навсегда согбенным после этих истязаний, он ходил, опираясь на посох или топорик. После кончины игумена Исаии, братия просили его взять на себя настоятельство, но святой со смирением отказался от этой чести.

Он приступил тогда к подвигу безмолвия: если ему в лесу встречался человек, он падал ниц и не вставал, пока тот не уходил. Старец перестал посещать обитель даже в воскресные дни. Раз в неделю монах приносил ему пищу, ставил ее в сенях на землю и уходил, не встречаясь со святым.

После трех лет молчаливства в пустыни, в 1810 г., преподобный

Серафим вернулся в обитель. Во время вечерни в память святителя Николая он тихо прошел в свою келию, а на следующий день за литургией причастился Святых Христовых Таин.

Не оставляя безмолвия, он перешел к новому подвигу – затворничеству. В монастырской келии у него была лишь икона с лампадой и обрубок пня вместо стула. Печь он никогда не топил. Для умерщвления плоти святой носил под рубахой тяжелый железный крест весом в 20 фунтов. Вериг и власяницы он не носил. «Кто нас оскорбит, словом или делом – говорил он, – и, если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница». В праздники к нему приносили Святые Дары для причащения. Чтобы всегда помнить о смерти, преподобный просил сделать ему гроб и поставил его в своих сенях. Совершая в затворе подвиг безмолвия, молитвы и богомыслия, преподобный Серафим стяжал душевную чистоту и удостоился благодатных даров – прозорливости и чудотворений.

Тогда Господь поставил его на служение людям. После 10 лет затворничества он начал принимать посетителей у себя в келии, а 25 ноября 1825 г. в сонном видении ему явилась Божия Матерь вместе со святыми дня, повелела выйти из затвора и принимать всех ищущих наставления и помощи. Для преподобного началась пора старческого служения миру. Приходившие к «убоному Серафиму» видели его великую любовь к ним – он обращался ко всем с ласковым приветствием «радость моя», «сокровище мое». После беседы старец произносил отпустительную молитву, давал благословение и, целуя, говорил посетителю: «Христос воскрес, радость моя».

Преподобный любил ходить в свою лесную келию и к Богословскому роднику, возле которого ему выстроили маленькую келейку. Выйдя из нее, он всегда нес за плечами котомку с камнями. На вопрос, зачем он это делает, святой отвечал: «Томлю томящего меня».

Богомольцы шли к нему непрестанно. Случалось, что за один день в келии бывало до двух тысяч человек. Больных и увечных старец исцелял от недугов. Обладая даром прозорливости, великий старец предупреждал о приближающейся холере за несколько лет до вспышки эпидемии, а когда она началась, предвозвестил, что мор обойдет стороной Саров и Дивеево. Один крестьянин, заболев холерой, приполз к преподобному, старец приложил его к своему келейному образу, напоил святой водой, дал просфоры и велел обойти вокруг обители и помолиться, – и крестьянин выздоровел.

Во время польского бунта в 1831 г. армейская рота, направлявшаяся

на войну, завернула в Саров. Старец благословил солдат и предсказал, что никто из них не погибнет. Эта рота прошла всю польскую кампанию, участвовала в штурме Варшавы, и все солдаты остались невредимы.

Великим даром для паломников была беседа старца. Его речи были смиренны, просты, но они согревали сердца, озаряли ум духовной мудростью. Одному из посетителей монахов он сказал: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». О Евхаристии преподобный говорил: «Если бы мы и весь океан наполнили слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас жизнь и питает нас Пречистою Своею Кровию и Телом, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Но приступай без сомнения и не смущайся, а верь только».

Слово его действовало на людей всегда со властью, ибо он сам исполнял то, чему научал. «Учить других – говорил он, – так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора». После исполненных духом и силой бесед со старцем многие из тех, кто сомневался в истинах Христовой веры или вовсе утрачивал ее, приходили в себя и духовно возвращались в ограду Церкви.

С особенной любовью относился старец к исцеленному им Николаю Александровичу Мотовилову. В ноябре 1831 г. Мотовилов на лесной поляне удостоился получить от старца поучение о стяжании Святого Духа. «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, – поучал его святой старец, – сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни христианской есть стяжание Духа Святого Божия... Когда при всемогущей силе веры и молитвы Господь Бог Дух Святой посетит нас и прейдет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молитве находится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа, и в целомудренной чистоте плоти».

Эта беседа старца, записанная Мотовиловым и изданная в начале 20 в., явилась одним из самых драгоценных вкладов в сокровищницу русского святоотеческого богомыслия. Н. А. Мотовилов во время беседы сподобился лицезреть лицо святого, преображенное и осиянное Божественной благодатью.

В последние годы своего жития старец особенно много заботился об инокинях Дивеевской обители. Еще в сане иеродиакона он сопровождал отца Пахомия в его поездке в Дивеево, и старец Пахомий благословил ему тогда заботиться о «дивеевских сиротах». Преподобный Серафим духовно окормлял сестер, помогал им в житейских затруднениях.

Своими подвигами, исполненными великой любовью к Богу и людям, он удостоился взойти на такую духовную высоту, что даже в его внешнем облике появились черты, передававшие отблеск сияния горнего мира. Один богомолец, исцеленный им, видел его стоявшим на воздухе во время молитвы.

За год и девять месяцев до преставления преподобный еще раз удостоился видения Царицы Небесной в сопровождении сонма святых. Пресвятая Дева долго беседовала с преподобным Серафимом, поручая ему дивеевских сестер. А в конце беседы Она сказала: «Скоро, любимче Мой, будешь снами». В последний год земной жизни преподобного часто видели стоявшим на коленях у своего гроба.

1 января 1833 г., в воскресенье, он в последний раз причастился Святых Христовых Таин за литургией, после чего благословил братию и сказал на прощание: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся». В келии он пел пасхальные песнопения, а на следующий день, в шестом часу утра, его келейник, проходя мимо келии Преподобного, почувствовал запах гари. В келии у святого подвижника всегда горели свечи, и он говорил: «Пока я жив, пожара не будет, а когда умру, кончина моя откроется пожаром». Открыли дверь: книги и другие вещи тлели, а сам старец стоял на коленях перед иконой Божией Матери Умиление в молитвенном положении, но уже бездыханным.

После его блаженной кончины православные люди с благоговением приходили в Саров поклониться святому и помолиться на его могиле. По молитвам к нему совершались многие проявления милости Божией.

Духовный образ преподобного Серафима, с его евангельским смирением и дерзновением, являет самые сокровенные черты русской святости. «Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, – поучал святой старец, – вот престол, на котором Он любит восседать и являться в полноте Своей пренебесной Славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое – говорит Он, – а все прочее Я Сам приложу тебе», – ибо в сердце человеческом Царство Божие вмещаться может». Таким уготованным престолом было сердце светильника Русской земли преподобного Серафима.

18. Оптина пустынь

Ученики «молдавского старца» преподобного Паисия, расходясь по обителям России, несли с собой опыт старческого служения. Особенно прочно старчество укоренилось во Введенской Оптиной пустыни.

Пустынь расположена около города Козельска на берегу Жиздры, на лесной опушке. Для доступа к монастырю из города был устроен паром. Монастырь обнесен стеной с башнями по углам. Внутри стен стоит несколько церквей, самая большая из них освящена в честь Введения Богородицы. Рядом с монастырем, но уже в лесу, расположен Предтеченский скит, в котором спасались иноки, искавшие уединения. Там подвизались и знаменитые Оптиные старцы.

Монастырь жил по общежительному уставу. Богослужения продолжались до 8 часов в сутки. Но для иноков не обязательно было приходить на все службы – каждый мог свободно руководствоваться в этом своей монашеской совестью, однако дух устава так глубоко проникал в сознание насельников и даже богомольцев, что храмы обители всегда были переполнены молящимися. Пение в Оптиной обычно было столповым – в ней сохранялось древнее пение на «подобны», в 19 в. почти везде уже забытое. Для поминовения усопших обитель имела 4 больших синодика, древнейший из которых вел начало с 1670 г., в нем значилось более 50 тысяч имен. Если синодик не успевали прочитывать за литургией, то делали закладку и завершали чтение на следующей литургии. Монастырь почти никогда не нанимал работников. Все основные работы – полевые, лесные, на поварне и в мастерских – выполнялись самими монахами и послушниками. Такой строй монастырской жизни сложился уже в 19 в., а начало Оптиной уходит в глубокую древность – в 15 в.

По преданию, ее основателем был отшельник Опта. Но в 18 столетии это была малобратственная обитель, пришедшая в запустение. В екатерининскую эпоху великого разорения монастырей в Оптиной осталось всего три насельника. Митрополит Московский и Калужский Платон (Левшин), остановившись здесь проездом, был поражен красотой места и велел привести пустынь в порядок.

Назначенный в Оптину настоятелем иеромонах Авраамий занялся благоустройством обители. Вместе с ним в пустынь перешло несколько иноков из подмосковного Песношского монастыря. Со временем к ним присоединились монахи из других обителей. Общими усилиями они возродили Оптину. В монастыре была воздвигнута колокольня и начато строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери. Митрополит Платон с этих пор стал называть Оптину «второй лаврой своей епархии».

В начале 1825 г. настоятелем Оптиной был поставлен монах Моисей (в миру Тимофей Путилов). Он родился в 1782 г. в Борисоглебске Ярославской епархии. Монашеское призвание почувствовал уже в юности. В Москве, куда Тимофея вместе с братом Ионой послали для обучения коммерческому делу, встретились с затворницей матерью Досифеей, а она познакомила их с Новоспасскими старцами Александром и Филаретом, которые состояли в переписке со схиархимандритом Паисием (Величковским).

В 1804 г. оба брата, оставив дела, отправились в Саров и были приняты там послушниками. Иона, постриженный с именем Исаия, впоследствии стал Саровским настоятелем, а Тимофей, оставив Саров, поселился отшельником в рославльских дремучих лесах в сообществе нескольких старцев, которые пришли из Молдавии от преподобного Паисия. Здесь он принял монашеский постриг, сюда к нему прибыл и его младший брат Александр, постриженный с именем Антоний.

Однажды преподобный Моисей, проездом из Москвы, посетил Оптину, где его представили архиепископу Калужскому Филарету (Амфитеатрову), который поручил ему устроить скит при Оптиной. В 1821 г. отец Моисей вместе с братом Антонием переселился в Оптину и приступил к устройству скита. Новоприбывшие пустынники очистили место от растущего здесь леса, из выкорчеванных деревьев выстроили церковь, освященную во имя Пророка и Предтечи Иоанна, и келии, которые стали наполняться монахами.

В 1825 г. преподобный Моисей был поставлен во главе Оптиной пустыни. 37 лет продолжались его непрерывные настоятельские труды. За время его настоятельства число братии увеличилось во много раз и к началу 1860 г. приблизилось к 150. В обители развели фруктовые сады, построили трапезную, гостиницу, семь корпусов келий, мельницу, воздвигли две новые церкви, устроили библиотеку.

И все постройки начинались без средств. «Есть ли у вас, батюшка, деньги?» – спрашивали иногда отца архимандрита при начале стройки. «Есть, есть», – говорил он и показывал 15–20 рублей. «Да ведь это ничего». – «А про Бога забыли? У меня нет, так у Него есть». И никогда его вера не была посрамлена.

Нищелюбие архимандрита Моисея не знало пределов. Чтобы помочь нуждавшимся, он иногда покупал у них за высокую цену гнилые припасы и сам употреблял их в пищу, держал на жалованье сирот, назначал их отпугивать ворон или ловить кротов. Богомольцы, приезжавшие в Оптину, неизменно встречали самый заботливый прием. В оптинской гостинице не

было установлено платы. Один купец спросил настоятеля, не боится ли он, что все будут жить даром, а в ответ услышал: «Не заплатят девяносто девять, Бог пошлет сотого, который за всех заплатит».

Свое отношение к богомольцам настоятель никогда не соизмерял с их приношениями. Одна семья, много жертвовавшая обители, пришла к нему жаловаться на гостинника и при этом упомянула о своих благодеяниях. «Мы думали, – ответил преподобный, – что вы благодворили ради Бога и от Него ждете награды, а мы, убогие и неисправные, чем воздадим?».

В 80 лет отец Моисей заболел водянкой, но еще продолжал управлять монастырем. Уже на смертном одре он принял схиму, сохранив свое прежнее монашеское имя. Перед кончиной он часто повторял: «Теперь дознал я, что, действительно, я хуже всех». За два дня до смерти он велел вынести из своей келии все вещи, кроме иконы новопрославленного святителя Тихона Задонского. Отец Моисей преставился 16 июня 1862 г., когда ему читали евангельские слова «Прийти бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего, со Ангелы Своими, и тогда воздаст комуждо по деянием его» (Мф. 16:27).

Первого из великих оптинских старцев звали Леонидом (в миру Лев Даниилович Наголкин, 1768–1841). Он вырос в мещанской семье в городе Карачеве. В молодости служил приказчиком и по торговым делам объездил всю Россию, приобретя в разъездах превосходное знание людей и житейскую опытность.

В 29-летнем возрасте он оставил мир и поступил послушником в Оптину, оттуда перешел в Белобережскую пустынь под духовное руководство друга старца Паисия – отца Василия (Кишкина). Постригли его с именем Леонид. Когда старец Василий оставил настоятельство, чтобы подвизаться в уединении, братия избрала настоятелем иеромонаха Леонида. Но через два года после этого, сложив с себя настоятельство, отец Леонид вместе со старцем Феодором, другим учеником схиархимандрита Паисия, ушел в лес. Они построили келию в двух верстах от монастыря. Слава старцев привлекала к ним множество народа, и отшельники, ища уединения, ушли с Орловщины на север и поселились в маленьком скиту на Валааме. И туда за советом к ним приходили монахи. Келия трех старцев стала духовным средоточием Валаамского монастыря. Настоятеля смущало старчество иноков, и ради сохранения мира в обители старцы перешли в Александро-Свирский монастырь. После кончины отца Феодора старец Леонид в 1829 г. вернулся в Оптину, где много лет назад начался его монашеский путь.

Он поселился в Предтеченском скиту, куда к нему потянулись люди

не только из окрестных мест, но и со всей России. Всем, кто находился возле него, передавалось его необычайное спокойствие, душевный мир, внутренняя радость. Старца никогда не видели угрюмым, раздраженным, нетерпеливым. Его редкая прямота не терпела ни надуманного пафоса, ни елейности. Он говорил выразительным народным языком, пересыпанным шутками. Любимым его словечком было «химера». В свои поговорки и шутки он вкладывал глубокий смысл – в нем много было от того «юродства во Христе», которое столь сродно русскому народному благочестию. Своеобразен был и его внешний вид. Несмотря на болезненную полноту, он был прямой, высокий, ходил легкой и твердой походкой.

На долю преподобного Леонида и в Оптиной пустыни выпали многие скорби. Некоторые монахи считали откровение помыслов прелестью. На старца писали доносы архиерею и в Синод. С него велено было снять схиму под тем предлогом, что его постригли в нее келейно, без консисторского указа. Но когда в 1837 г. Оптину посетил бывший калужский архиепископ Филарет, назначенный на Киевскую кафедру, он спросил старца: «Почему вы не в схиме?» Старец не отвечал. «Ты схимник, и должен носить схиму». С этого дня преподобный Леонид носил схиму до самой кончины.

Время от времени ему запрещали принимать посетителей, и настоятель отец Моисей вынужден был считаться с этим запретом. Однажды, увидев около келии старца огромную толпу, он напомнил ему о запрещении архиерея, а старец Леонид, указав на лежавшего у его дверей неподвижного калеку, сказал: «Посмотрите на него – он живой в аду, но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил... Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, – я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу». Старец Леонид исцелял больных и бесноватых, помазывая их маслом от Владимирской иконы Божией Матери. Часто он отсылал недужных к мощам святителя Митрофана Воронежского, которого глубоко чтит.

В 1841 г. старец стал говорить о своей кончине. В сентябре он тяжело занемог и уже не мог принимать пищи. Он причащался каждый день и просил братию молиться о сокращении его мучений. Утром 11 октября он сказал: «Слава Богу! Сегодня посетит меня благодать Господня». Несмотря на страдания, лицо его постепенно светлело. Началась праздничная вечерня в канун памяти святых отцов Седьмого Вселенского Собора. Умиравший не дослушал конца службы. Один послушник сказал

ему: «Батюшка, прочее вы, верно, будете править там, в Соборе святых отец!». Старец в последний раз взглянул на икону Божией Матери, закрыл глаза и предал дух Богу. Погребли старца Леонида (в схиме Льва) у восточной стены соборного Введенского храма.

Продолжателем его старческого служения стал его друг и ученик преподобный Макарий (в миру Михаил Николаевич Иванов). Он родился в 1788 г. в благочестивой дворянской семье в имении под Калугой. Его детство прошло в деревне поблизости от монастыря, колокольный звон которого разносился до усадьбы. Это был кроткий, задумчивый мальчик; он избегал шумных игр, любил заниматься клейкой домиков и вырезанием фигур. Восьми лет Михаил потерял мать, и отец переселился с детьми в родовую орловскую вотчину. В 14 лет мальчик поступил на службу по финансовой части, но после смерти отца вышел в отставку и жил в своем имении. Однако его душа не лежала к хозяйственным попечениям – она искала уединения, внутренней тишины, Бога.

В 1810 г. Михаил отправился на богомолье в Площанскую пустынь, откуда написал братьям, что остается в монастыре, а от имения отказался в их пользу. В обители послушника постригли вначале в рясофор с именем Мелхиседек, а в 1815 г. – в мантию и нарекли Макарием. Вскоре он был рукоположен в иеромонаха. Его духовным наставником стал старец Афанасий (Захаров), ученик преподобного Паисия Нямецкого. От своего наставника преподобный Макарий усвоил склонность углубляться в изучение аскетических творений. Он больше других оптинских старцев опирался в монашеском делании на творения святых отцов.

По кончине старца Афанасия иеромонах Макарий нашел нового духовного отца в лице старца Леонида, который провел в Площанской пустыни полгода, а после окончательного переселения в Оптину состоял в переписке со своим учеником. Отца Макария назначили духовником Севского девичьего монастыря, потом монастырским благочинным. Целый год он провел в Петербурге в должности казначея и эконома своего епархиального архиерея. Но хозяйственные заботы и городская суэта тяготили монаха. Он стал хлопотать о переводе в Оптину.

В 1834 г. его просьба увенчалась успехом. В Оптиной он поселился в скиту и помогал старцу Леониду вести переписку. В 1836 г. иеромонах Макарий был назначен духовником монастыря, а еще через три года – скитона начальником, но по смирению оставался в послушании у старца Леонида, ничего не дерзая предпринимать без его благословения. Преподобный Леонид, испытывая терпение ученика, однажды при народе гневно укорил его; скитона начальник, опустив голову, повторял: «Виноват,

простите Бога ради, батюшка», – а когда старец умолк, он поклонился ему в ноги. После кончины старца Леонида он оплакал его так же горько, как и первого учителя отца Афанасия.

Отец Макарий прилагал особые старания об украшении храма и скита. Он сумел превратить скит в сад, устроил в нем библиотеку духовных книг, в которой монахи могли изучать святоотеческие творения. Маленький, тщедушный, всегда болезненный, он с детства страдал тяжелой бессонницей. Из-за своей болезненности иеромонах Макарий не совершал богослужений, но он никогда не оставался без дел. Он вставал в 2 часа ночи, несколько часов молился, потом, выпив чаю, садился за рабочий стол, читал, писал письма. После смерти его письма были изданы и составили 5 томов.

Эта работа часто прерывалась посетителями, которые искали беседы с ним. В отличие от старца Леонида, беседовал он без шуток, его поучения были наполнены святоотеческими изречениями. Он с одинаковой естественностью мог поговорить и с простецом, необразованным интеллигентом, неученым богословом. И часто взгляды посетителя полностью переосмысливались после одного разговора со старцем. Многие дивились тому, с какой легкостью и простотой он разрешал самые трудные богословские вопросы.

Имя старца Макария связано с великим делом издания аскетических творений святых отцов. С помощью ученых монахов пустыни отцов Амвросия (Гренкова) и Климента (Зедергольма), а также профессора Московской духовной академии протоиерея Феодора Голубинского и философа-славянофила И. В. Киреевского иеромонах Макарий осуществил перевод и издание творений преподобных Иоанна Лествичника, Марка Подвижника, Варсонофия Великого и Иоанна, аввы Дорофея, аввы Фалассия, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Анастасия Синаита. В Оптиной были подготовлены к изданию творения преподобного Паисия (Величковского) и «Предание ученикам» преподобного Нила Сорского. Книги, изданные в Оптиной, рассылались в дар библиотекам академий и семинарий, епархиальным архиереям, а главное, по многочисленным монастырям России.

За два года до кончины старец Макарий келейно был пострижен в великую схиму. Он почил 7 сентября 1860 г., в предпразднество Рождества Пресвятой Богородицы, через час после причащения. Его тело после кончины не издавало запаха тления. Перенесение останков из скита в монастырь при стечении богомольцев было подобно светлому празднику.

Преподобный Макарий погребен рядом с могилой своего учителя старца Леонида.

После кончины преподобного Моисея в 1862 г. новым настоятелем Оптиной был назначен архимандрит Исаакий, который управлял обителью более 30 лет, до своей смерти в 1894 г.

В эти годы совершал свое старческое служение самый знаменитый из оптинских подвижников преподобный Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков). Он родился в 1812 г. в Тамбовской епархии, в семье сельского дьячка. В детстве отличался чрезвычайной живостью нрава и сообразительностью. Учась в приходской школе, никогда не готовил уроков, но всегда был первым учеником. Образование Александр Гренков завершил в Тамбовской духовной семинарии, по окончании которой служил учителем вначале в помещицкой семье, а потом в приходской школе родного села Большие Липовицы. Веселый и остроумный юноша был всеобщим любимцем, но в поведении его внезапно наступил перелом. Он стал искать уединения. Потом заметили, что по ночам он уходил в сад или забирался на чердак для молитвы. В его воображении уже рисовалась монашеская келия.

Среди таких мыслей он тяжело заболел и во время болезни дал обет уйти в монастырь, если поправится. Выздоровев, он медлил с исполнением обета – и опять заболел. Поправившись во второй раз, он отправился за советом к троекуровскому старцу Илариону, который сказал ему: «Ступай в Оптину, и будешь опытным».

В Оптиной пустыни его приняли в скит и дали послушание на кухне. Затем старец Леонид взял его к себе в чтецы. Своего нового ученика старец называл «химерой». Умирая, он передал его «из полы в полу» иеромонаху Макарию, который назначил его своим келейником.

Приняв постриг в 1842 г., Александр Гренков был наречен Амвросием. Вскоре после пострига его рукоположили в сан иеромонаха. Но недолго прослужил он пред алтарем. Простудившись, отец Амвросий тяжело заболел и на всю жизнь остался инвалидом, с больными ногами. Из-за крайней слабости он не мог совершать богослужений. В декабре 1847 г. он был вынужден по болезни уйти за штат, но, как говорил сам старец, «Господь тогда начинает являть Свою помощь, когда увидит, что все человеческие средства к подаянию помощи истощены». Болезнь принудила его к самоуглублению, приучила к молитвенному труду. Впоследствии старец говорил, что монаху полезно болеть и в болезни «не надо лечиться, а только подлечиваться».

Как человек образованный, знавший греческий язык и латынь,

преподобный Амвросий помогал старцу Макарию в переводе и подготовке к изданию святоотеческих творений. Под его руководством он проходил послушание духовничества. После кончины старца Макария вся его паства перешла к отцу Амвросию.

Его живой и проницательный ум, обогащенный духовной мудростью, почерпнутой из чтения аскетических книг и молитвы, интересовался всем, что волновало людей, – и потаенной жизнью человеческого сердца, и их семейными и хозяйственными заботами. Под действием непрестанной молитвы его естественная проницательность перешла в прозорливость. Он читал в душе человека, как в книге – говорили о нем. Посетитель мог молчать, держаться в стороне, за спинами других, но старец тем не менее, видя состояние его души, его тревоги и мысли, знал, зачем тот пришел в Оптину.

Одна богомольная дама тщательно скрывала от него свою страсть к карточной игре. Однажды она попросила у старца Амвросия его карточку. Старец улыбнулся и сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Устыдившись, женщина покаялась в своей страсти. Одна девушка из Москвы в разговоре о старце Амвросии с неприязнью называла его старым лицемером, но из любопытства однажды приехала в Оптину и стала позади других ожидавших старца посетителей. Выйдя в приемную, преподобный посмотрел на собравшихся и вдруг обратился к этой девушке со словами: «А вот и Вера пришла посмотреть на старого лицемера». После беседы со старцем Вера решительно переменилась и впоследствии постриглась в Шамординском монастыре, основанном старцем Амвросием.

Для преподобного не было мелочей, недостойных внимания. Пришла однажды к нему крестьянка со своим горем – помещица наняла ее пасти индюшек, а индюшки дохли одна за другой. «Хоть ты помоги мне. Сил моих нет. Сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу, а колют они. Согнать меня барыня хочет. Помоги, родимый!». Присутствовавшие при этом разговоре рассмеялись над глупостью бабы – к чему с такими пустяками идти к старцу. А отец Амвросий терпеливо поговорил с бедной женщиной, дал ей несколько советов и благословил ее, а тем, которые смеялись над ней, сказал: «Ведь в этих индюшках вся ее жизнь». После беседы со старцем индюшки у крестьянки перестали сдыхать.

Принимая новых посетителей, старец всегда обращался к самым несчастным из них, выбирая тех, кому нужнее всего были утешение, совет, помощь. Никогда и никому он не сказал: ничего не могу сделать.

Молитвами и заботами старца Амвросия основана была женская

община вблизи Оптиной, в Шамордине. В этой обители подвизалось до 800 насельниц. Под руководством старца в Шамордине сложилась крепкая духовная семья, сплоченная молитвой и трудом. Преподобный Амвросий любил приезжать в Шамордино и останавливался там порой на несколько дней.

Его переписка была огромна. Каждый день он получал по 30–40 писем. Их раскладывали перед ним на полу; а он палкой указывал на те письма, на которые следовало ответить немедленно. Часто содержание писем бывало ему известно прежде, чем вскрывали конверт. К старцу шли богомольцы-простецы, верующие интеллигенты, богоискатели, которых немало было в образованном обществе в конце 19 в., шли и люди, далекие от христианства и даже враждебные ему, и часто беседа с ним внутренне преображала их. Один господин пришел в Оптину, только чтобы «посмотреть» на старца. «Что ж – сказал отец Амвросий, – смотрите», – и, встав со своей кровати, выпрямился во весь рост и вгляделся в посетителя своим ясным взором. Пораженный чистотой и ясностью этого взгляда, посетитель поселился близ старца и ежедневно вел с ним беседы. Через несколько месяцев он поведал ему: «Я уверовал». Но когда к нему приходили люди равнодушные, преподобный Амвросий старался уклониться от них коротким вежливым разговором. Такие люди обыкновенно отзывались о нем потом: «Очень умный монах».

В Оптиной у старца Амвросия побывали выдающиеся деятели русской культуры: Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, и беседы с ним оставили благотворный след в их творчестве. Л. Н. Толстой имел несколько бесед со старцем Амвросием, которые крепко запомнились ему. Непомерная гордость Толстого привела к тому, что он отпал от Церкви и был отлучен от нее Святейшим Синодом. Одиноким, больной, он за несколько дней до смерти в порыве тоски отправился к сестре-монахине в Шамордино, чтобы только взглянуть на Оптину, побродить около ее скита, но так и умер без покаяния.

Приехав летом 1890 г. в Шамордино, старец Амвросий заболел и должен был зимовать здесь. Последний год своей жизни он провел в Шамординской обители, где и скончался 10 октября 1891 г. после чтения канона на исход души. Лицо его было светло, на губах осталась улыбка тихой радости. За несколько лет до кончины старец заказал икону Богоматери, благословляющей жатву, и назвал ее Божия Матерь «Спорительница хлебов». Он установил ей празднование 15 октября. В этот именно день преподобный иеросхимонах Амвросий был погребен возле могилы его учителей старцев Леонида и Макария. На его надгробии

начертаны слова апостола Павла: «Бых немощным яко немощен, да немощныя приобретаю. Всем бых вся, да всяко некия спасу».

Почитатели старца Амвросия никогда не сомневались в том, что он имеет великое дерзновение перед Богом. По замечанию продолжателя его великих трудов преподобного Иосифа, «осень, когда скончался батюшка отец Амвросий, была суха и грозила на будущий год неурожаем, но со дня перенесения тела из общины (Шамординской) в Оптинский монастырь, как испрошенная им у Господа милость, пошли дожди».

Одновременно с преподобным иеросхимонахом Иосифом (Литовкиным, † 1911) в пустыни старчествовал схиархимандрит Варсонофий (Плиханков, † 1913). Последние Оптиные старцы преподобные Анатолий и Нектарий дожили до 20-х гг. 20 в. Иеромонах Анатолий (Потапов) преставился в 1922 г., а иеромонах Нектарий – в 1928 г. Старец Нектарий отличался особой сердечностью, теплотой, милосердием. В пустынь он пришел отроком и провел в ней почти всю жизнь. Лишь после кончины старца Иосифа он ради послушания взял на себя подвиг старчества.

Оптина пустынь в течение почти всего 19 столетия была рассадником духовно опытных устроителей монастырского подвижничества. В 30-х гг. строителем Калужской Тихоновой пустыни был назначен оптинский иеромонах Геронтий. Настоятелем Малоярославецкого Свято-Николаевского монастыря стал родной брат архимандрита Моисея (Путилова) игумен Антоний. На духовных традициях Оптиной воспитан великий учитель монашества святитель Игнатий (Брянчанинов).

Оптиные иноки совершали свое служение Церкви и за пределами нашей родины. Оптиная пустынь вырастила иеромонаха Ювеналия (Половцева) (впоследствии архиепископ), который в конце 50-х гг. был направлен в Иерусалим в Русскую духовную миссию. Из Оптиной пустыни вышел и архимандрит Леонид (Кавелин), знаменитый не только в истории иерусалимской миссии, но и в отечественной церковной науке. В конце жизни он был настоятелем Троице-Сергиевой лавры, где и погребен († 1891).

Ученики последних оптинских старцев передали духовные заветы Оптиной новым поколениям православных христиан. Одним из таких подвижников – продолжателей оптинского старчества был преподобный схиархимандрит Севастиан (Фомин), подвизавшийся уже в нашу эпоху и скончавшийся в 1966 г.

19. Религиозно-нравственное состояние общества и религиозно-философская мысль

В 19 столетии простой верующий народ еще хранил исконное благочестие, свой унаследованный от предков и церковно освященный бытовой уклад. До реформ 60-х гг. в религиозно-нравственном типе богомольного русского крестьянина, в складе его души не многое изменилось по сравнению с допетровской стариной.

Но реформы– крестьянская, земская, военная и судебная– поколебали устойчивый крестьянский быт. Всеобщая воинская повинность, введенная военной реформой, свобода передвижений, затрудненная прежде для крепостных, пролетаризация деревенской бедноты, усилившаяся после отмены крепостного права, переселение разорившихся крестьян в города и фабричные поселки вырывали людей из устоявшегося в веках жизненного уклада, вносили в крестьянскую среду разобщенность. Новые житейские обстоятельства становились для многих соблазном, вели к религиозной теплохладности, а в исключительных случаях и к утрате веры. Во второй половине 19 в. в народе умножились случаи отпадения в сектантство.

Серьезную тревогу у пастырей вызывало распространение пьянства, вначале среди городской бедноты, а потом и в деревне, представлявшее собой грозную опасность для нравственного и физического здоровья нации. В конце 50-х гг. по почину приходского духовенства и под его руководством стали учреждаться общества трезвости. Церковь в этом служении народу вдохновлялась апостольским предостережением о том, что пьяницы «Царства Божия не наследуют» (1Кор.6:10). Во главе обществ стояли энергичные, самоотверженные пастыри, которым приходилось действовать в весьма трудных обстоятельствах. На спаивании людей наживались винные откупщики, часто не христианского вероисповедания, связанные с ними взаимным интересом акцизные чиновники уверяли правительство, что продажа водки – это великолепное средство пополнения государственной казны. А в кругах радикально настроенной интеллигенции на общества трезвости смотрели как на бесплодную филантропическую затею.

Между тем десятки тысяч спившихся людей, вступая в общества и давая обет полного воздержания от алкоголя, действительно становились трезвенниками и тем спасали не только жизнь, но и душу. Численность членов этих обществ в начале 19 в. приблизилась к 500 тысячам.

В 60-х гг. в России стали открываться земские начальные школы для крестьянских детей. Но учителями в них не всегда были люди православных убеждений. Учебные планы земских школ отводили мало времени занятиям Законом Божиим, и оттого народ не особенно сочувствовал этим школам. А церковно-приходских школ, впервые

введенных при Александре I, было еще крайне мало. К тому же уровень общего образования в них отставал от земских школ. Такое положение в области народного образования вызывало озабоченность у духовенства и высшей церковной власти. Святейший Синод считал, что народные школы должны иметь тесную связь с Церковью, чтобы знание грамоты открывало народу доступ к церковным книгам, чтобы грамотные крестьянские дети могли участвовать в богослужении и читать дома родителям душевспасительные книги. Но обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой был противником церковных школ для крестьянских детей.

Иной точки зрения придерживался по этому вопросу сменивший его в обер-прокурорском кресле К. П. Победоносцев. Он стремился расширить влияние духовенства на народное образование. По его инициативе в 1882 г. была учреждена особая синодальная комиссия под председательством холмско-варшавского архиепископа Леонтия (Лебединского), позже митрополита Московского. Эта комиссия разработала утвержденные в 1884 г. Правила церковно-приходских школ. В программы школ включались Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, церковное пение. Кроме приходских школ, открывались также одногодичные школы грамотности. Преподавать в церковных школах могли не только клирики, но и выпускники семинарий в светском звании и даже выпускницы женских епархиальных училищ – так называемые «епархиалки». При семинариях открывались образцовые начальные школы, где разрабатывались педагогические и дидактические приемы. Для обеспечения приходских школ книгами устраивались епархиальные, благочиннические и приходские книжные склады, открывались приходские библиотеки.

В развитие системы церковного образования для народа большой вклад внес замечательный педагог С. А. Рачинский. Число приходских школ в 80-х гг. быстро росло: в 1882 г. всех церковных школ в России насчитывалось 4590, а к 1889 г. открылось уже 8498 приходских школ и 9217 школ грамотности.

19 в. был эпохой расцвета русской светской культуры, которая, овладев достижениями западно-европейской культуры, преодолела былую ученическую зависимость от Запада. В мировоззренческом отношении в эту эпоху интеллигентный слой общества был далеко не однороден: у разных течений общественной мысли по-разному складывались и отношения с Православной Церковью.

В александровскую эпоху значительная часть образованного дворянства соприкоснулась с масонством. Масонские ложи были закрыты

при Николае I, но в 20-х гг. в Москве появились студенческие философские кружки, в которых читались и обсуждались старые философские книги и новейшие немецкие теории Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Первым из таких кружков было «Общество Любомудрия», в него входили В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов. Любомудры с таким пылким увлечением погружались в изучение философских систем, что философия становилась для них «новой религией». А. И. Кошелев вспоминал впоследствии: «Христианское учение казалось нам пригодным для народных масс, а не для нас, любомудров... Мы высоко ценили Спинозу и его творения считали много выше Евангелия и других священных книг».

К середине 30-х гг. в философских кружках углубился интерес к религиозно-нравственной теме. Одновременно в центр идейных интересов выдвигалась историко-философская тема. Причины этому были разные: и увлечение Гегелем со свойственным его философии историзмом, и появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которая открыла глаза читателям на величие допетровского прошлого России, и пережитый народом 1812 г.

Думающих людей волновал вопрос о месте России в общем потоке всемирной истории, вопрос о России и Западе. И с самого начала наиболее чуткими мыслителями было угадано, что главный водораздел между Россией и Западной Европой носит религиозный характер, что своеобразие нашей исторической судьбы связано с православием. В зависимости от того, какая оценка давалась этой связи, в общественной мысли обозначилось два противоположных направления – западники и славянофилы.

С изумительной четкостью вопрос о месте России во всемирной истории поставлен в «Философском письме» П. Я. Чаадаева. И он дал на него самый мрачный ответ: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семей человеческого рода... мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества», а коренная причина неисторичности России, утверждал он, кроется в ее оторванности от христианского Запада, от Рима. Впоследствии Чаадаев переменял свои мнения. В «Апологии сумасшедшего», продолжая настаивать на мнимой неисторичности русского народа, он увидел в ней залог блестящего будущего России.

Чаадаев был первым религиозным западником. Его идейные последователи, не отличавшиеся изощренной тонкостью чаадаевской мысли, люди более прямолинейные, князь И. С. Гагарин, В. С. Печерин в

своей духовной измене Отечеству дошли до религиозного отступничества и перехода в католичество. А безрелигиозными продолжателями Чаадаева явились идеологи русского либерализма: Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин. С западничеством связано и увлечение незрелой студенческой молодежи 60-х гг. нигилизмом.

В противоположность западникам, славянофилы в своеобразии русского исторического пути, органически связанного с православной верой русского народа, видели не слабость, а силу России. Пагубным и тупиковым они находили не русский, а как раз западно-европейский исторический путь. Отправной точкой в духовном блуждании Запада славянофилы считали великую схизму 1054 г. – отпадение Рима от Вселенской Православной Церкви.

В петровских реформах они видели роковую ошибку. Смыкаясь с западниками в критическом отношении к современности, они расходились с ними в объяснении причин негативных явлений. Либералы-западники утверждали, что России не хватает политических свобод и что ее несвобода – это продолжение исконного русского деспотизма, унаследованного Московским государством у Византии и Золотой Орды; а славянофилы убеждены были в том, что бюрократическая казенщина николаевской эпохи порождена петровскими реформами, которые исказили русскую православную и народную государственность, привив византийско-московскому самодержавию чуждые ему черты западно-европейского абсолютизма. Допетровская старина, которую одни славянофилы, вроде К. С. Аксакова, видели в радужном свете, другие же расценивали гораздо более трезво, без особой идеализации, – для всех них была мерилom в оценке исторического процесса понесенных после Петра утрат.

Одним из наиболее глубокомысленных авторов-славянофилов был А. С. Хомяков (1804–1860), мыслитель, необычайно разносторонний богослов, философ, историк, поэт. Он удачно был назван «рыцарем Православной Церкви». По словам Н. А. Бердяева, «Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твердым». Сыновняя преданность Церкви этого на редкость талантливом и остроумном человека, непревзойденного полемиста и диалектика, опиралась на его молитвенный опыт. Его почитатель и друг Ю. Ф. Самарин вспоминал о том, как однажды, оставшись в гостях в имении Хомякова, он проснулся за полночь от какого-то говора в соседней комнате: «Я начал всматриваться и вслушиваться: он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До

слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра...».

В средоточии богословской мысли Хомякова стояла Церковь, и его главное богословское сочинение озаглавлено «Опыт катехизического изложение учения о Церкви». Он писал: «Ты понимаешь Писание, во сколько хранишь Предание и во сколько творишь дела, угодные мудрости, и в тебе живущей. Но мудрость, живущая в тебе, дана тебе как члену Церкви и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь, – дана же Церкви в полноте истины и без примеси лжи. Посему не суди Церкви, но повинуйся ей, чтобы не отнялась от тебя мудрость».

Особенно дорога была Хомякову мысль о соборности Церкви. Под соборностью он понимал вовсе не «всемирность» Церкви. Соборность, в его понимании, не человеческое, а Божественное свойство Церкви. «Не лица и не множество лиц в Церкви – говорил он, – хранят Предание и истину, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной». Хомяков не уставал повторять свой главный тезис: «Церковь одна». Поэтому о западных исповеданиях он писал всегда как об обществах, отделившихся от Единой Церкви. Коренной причиной западной схизмы Хомяков считал «недостаток любви».

При жизни Хомякова академическое богословие с подозрением относилось к его эклезиологическим воззрениям. Но на рубеже столетий его авторитет и его влияние на богословскую науку были чрезвычайно велики. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с богословскими трудами митрополита Антония (Храповицкого) и священномученика Илариона (Троицкого), в меньшей степени это влияние сказалось в эклезиологических построениях патриарха Сергия (Страгородского).

Глубоким мыслителем был и другой славянофил – И. В. Киреевский (1806–1856), хотя его литературное наследие невелико по объему. В отличие от Хомякова, в своем духовном становлении он проделал не прямой путь. Воспитанный в семье, связанной с масонскими кругами, в молодости он увлекался Кантом и, особенно, Шеллингом. В ту пору он, по собственному признанию, был «совершенно чужд христианского мировоззрения».

Но его жена оказалась благочестивой христианкой, духовной дочерью старца Новоспасского монастыря Филарета; и она познакомила мужа со своим духовником, под влиянием которого Киреевский убедился в истине Евангелия и учения святых отцов. Опираясь на пережитый им самим опыт мировоззренческих исканий, он писал: «Вырвавшийся из-под гнета рассудочных систем европейского любомудрия, русский образованный

человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого, цельного умозрения святых отцов Церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания».

В последние годы главным делом жизни И. В. Киреевского стало участие в переводе и издании аскетических творений, предпринятом в Оптиной пустыни под руководством преподобного Макария. Свои собственные богословские и философские суждения, а тем более сочинения, он вполне подчинял суду духовника – старца Макария. В Оптиной пустыни И. В. Киреевский и погребен.

В сочинениях поздних славянофилов религиозная и богословская проблематики отступают на второй план, в сравнении с вопросами историософского и национально-политического характера. Это относится и к идеям Н. Я. Данилевского о разнородных типах культуры православного Востока и Запада, изложенным в книге «Россия и Запад», и к его политической публицистике, главной темой которой было освобождение славян от турецкого ига. За освобождение славян ратовал и И. С. Аксаков: и в статьях, и в общественной деятельности.

Славянский вопрос с редкой глубиной и проницательностью обсуждается и в знаменитом «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского, составляя, однако, лишь одну из многих тем этой книги. Достоевский сам называл себя «почвенником» и «старым славянофилом», хотя его воззрения и его творчество слишком сложны и трагичны, чтобы уложиться в рамки славянофильской идеологии. В своих сочинениях он раскрыл религиозный характер глубокого кризиса русской жизни. По словам протоиерея Г. Флоровского, «история открывалась ему как непрерывный Апокалипсис, и в ней решался вопрос о Христе. В истории вновь строится Вавилонская башня. Достоевский видел, как вновь Христос встречается с антихристом, истина о Богочеловеке с мечтой о человекобоге». Сам Достоевский писал: «Бог с дьяволом борется, а поле битвы – в сердцах людей».

Своеобразным мыслителем был К. Н. Леонтьев (1831–1891), писатель, публицист, дипломат. Он резко обвинял Ф. М. Достоевского в проповеди «розового» христианства. «Сочиненному», как он утверждал, христианству Достоевского Леонтьев противопоставлял монастырский быт, Афон. Но считать Леонтьева выразителем подлинного аскетического предания Православной Церкви было бы неверным. В его апологии аскетизма есть совсем не святоотеческий и едва ли христианский оттенок своеобразного эстетизма. Странно звучат его слова: «И христианская

проповедь, и прогресс европейский совокупленными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, то есть самую жизнь. Что же делать? Христианству мы должны помогать даже и в ущерб любимой нами эстетики, из трансцендентального эгоизма, из страха загробного суда!» В христианстве он искал не столько истины, сколько спасения от ада. Последние годы жизни он провел в Оптиной пустыни, и незадолго до кончины принял монашеский постриг с именем Климента.

Необычную философско-утопическую систему разрабатывал Н. Ф. Федоров (1828–1903). При жизни этот бессребреник не печатался вовсе. Опубликованы его сочинения уже посмертно. В них он развивал фантастический проект воскрешения мертвых, воскрешения «предков» творческой силой самих людей – «сыновей», воскрешения, осуществляемого научно-техническими средствами. В связи с этим проектом перед Федоровым встала проблема расселения миллиардов воскресших. Решение этой проблемы он находил в освоении космоса и заселении планет. Почитателем Федорова был знаменитый ученый К. Э. Циолковский.

Сам Федоров полагал, что его проект согласуется с ортодоксальным учением Церкви. На деле же он, несомненно, разногласит с откровением. В нем нетрудно обнаружить странную смесь доведенного до крайности оптимистического пелагианства с социальным утопизмом и сциентистским магизмом. Фантастические идеи Федорова, мало кому ведомые из его современников, оказали заметное влияние на духовные искания религиозно настроенной интеллигенции начала 20 в.

20. Церковная жизнь

В 20 в., как и в предшествующее столетие, Святейший Синод проявлял чрезмерную осмотрительность при канонизации святых. Прославление новоявленных угодников бывали исключительно редкими событиями.

Лишь через 40 лет после обретения мощей иркутского святителя Иннокентия, в 1804 г., Синод установил празднование в его честь, назначив его на 26 ноября, днем раньше кончины святого, ибо в самый день его преставления совершается празднование иконы Божией Матери Знамение.

Память воронежского святителя Митрофана благоговейно чтится в его епархии со времени кончины святого. С 1820 г. увеличился поток почитателей подвижника, стекавшихся в Воронеж к его мощам; умножились и случаи благодатных знамений. Воронежский архиепископ Антоний многократно сообщал в Синод о чудесах и ходатайствовал о

причислении епископа Митрофана к лику святых. В 1831 г. Синод назначил комиссию для освидетельствования его мощей и чудесных знамений, совершавшихся по молитвам к нему. По заключению комиссии, 7 августа 1832 г. состоялось прославление угодника. Память его определено праздновать 7 августа и 23 ноября – день преставления святого.

В день, предшествовавший открытию мощей святителя, архиепископ Антоний, собираясь идти в храм возложить на мощи новое архиерейское облачение, почувствовал внезапное расслабление и услышал тихий голос: «Не нарушай моего завещания». Размышляя об услышанном, он открыл ризницу и обнаружил там схиму, принесенную незадолго перед тем неизвестной монахиней, сказавшей, что скоро эта схима понадобится. Тогда архипастырь понял, что воля святителя Митрофана в том, чтобы не полагать на его мощи архиерейского облачения, а оставить их в схиме.

13 августа 1861 г., в день преставления другого воронежского святителя Тихона Задонского, состоялась его канонизация.

Церковные праздники устанавливались и в честь икон, прославившихся чудесными знаменами. В 1843 г. древняя и ветхая икона Богородицы «Споручница грешных», хранившаяся в старой часовне Николаевского Одрина монастыря Орловской епархии, была торжественно принесена в церковь. К образу Богородицы стали стекаться верующие, чтобы помолиться перед ним о врачевании своих болезней и скорбей. По молитвам матери перед иконой получил исцеление расслабленный мальчик. Во время холеры многие из больных исцелялись предстательством «Споручницы грешных». В 1848 г. усердием москвича Димитрия Бонческула был сделан список с этой иконы, который прославился цельбоносным мироточением. Этот список перенесли в храм Святителя Николая в Хамовниках. Празднество в честь «Споручницы грешных» совершается 7 марта и 29 мая.

В 19 в. благодатными проявлениями милости Божией прославились и другие Богородичные иконы – два списка (Рыбинский и Угличский) иконы «Недремлющее Око», названной так в связи с надписью над образом «Аз сплю, а сердце Мое бдит» (Песн. 5:2); празднование в честь иконы приходится на 29 мая. В тот же день с 1859 г. совершается празднование Цесарской-Боровской иконы. 29 июня и 1 октября чествуется одесская святыня – Касперовский образ Божией Матери, названный так по имени помещицы Юлиании Ивановны Касперовой, в доме которой хранилась эта святыня до ее прославления. Касперовская икона защитила свой город от вторжения неприятеля в Крымскую войну.

В 19 в. было установлено празднование Звенигородской и Барской иконам Божией Матери и иконе, именуемой Тучная Гора, местное почитание которой началось еще в 18 столетии, с тех пор как в Твери одна молодая женщина, доведенная до отчаяния притеснениями в семье мужа, собиралась покончить самоубийством в пустой бане, но на пути ей явился инок и сказал: «Куда ты, несчастная, идешь? Воротись назад; иди помолись Божией Матери Тучной Горе – и будешь жить хорошо и спокойно». Монаха искали и не нашли, а икона была найдена в доме чудесно вразумленной женщины на чердаке.

Новоявленным угодникам и прославленным иконам составлялись службы и акафисты. Писались новые акафисты и службы святым, память которых давно уже чтилась Церковью. В 1802 г. иеромонах Ювеналий (Медведский) написал акафист святителю Алексию. Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) составил акафисты Покрову Богородицы и Страждущему Спасителю, службу Собору Вологодских святых. В 1814 г. святой Филарет (Дроздов), еще в сане архимандрита, составил молебствие в память об избавлении России от нашествия галлов. В 1856 г., уже будучи митрополитом Московским, святитель Филарет пересмотрел и исправил Чин архиерейского исповедания и обещания перед рукоположением и Чин присоединения иноверцев.

21. Церковное искусство

Святейший Синод неизменно уделял внимание иконографии, требовал не допускать отступлений от иконописного канона при печатании образов. В 19 в. русская иконопись сохраняла зависимость от художественных приемов западной религиозной живописи. Смена стилей – классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, эклектика, – которая наблюдалась в светской живописи, отражалась и на священных изображениях, создававшихся часто теми же художниками, которые писали и светские картины. Из художников, посвятивших свой талант преимущественно иконописному искусству, своим высоким мастерством выделялись А. В. Прахов и Самохин. Но помимо того, иконы писали и другие крупные живописцы, известные главным образом своими полотнами со светской тематикой: В. Л. Боровиковский, О. А. Кипренский, В. А. Тропинин, А. Г. Венецианов, В. Г. Перов, И. Е. Репин.

Наряду с художниками-иконописцами, прошедшими академическую школу, в провинции иконы писались и ремесленниками. Эти иконы предназначались для сельских храмов и для частных, главным образом, крестьянских и мещанских домов. В этом ремесленном иконописании «богомазов» сохранялись отзвуки древней иконописи. Особенным

совершенством отличались иконы, которые писались в знаменитом Палехе, где навыки иконописного мастерства передавались из поколения в поколение.

Во второй половине 19 в. стало отчетливо сознаваться духовное несоответствие между языком религиозной живописи и иконописным преданием Православной Церкви. Древняя икона стала привлекать к себе пристальное внимание и церковных археологов и художников, но о древнерусской иконописи судили тогда по ее позднейшим образцам – по иконам строгановского письма, по школе Оружейной палаты, по Симону Ушакову.

Храмостроительство синодальной эпохи в художественном отношении, безусловно, превосходило современную ему религиозную живопись. Заказы на сооружение церквей в Москве и Петербурге давались самым талантливым русским и иностранным архитекторам.

С 1801 по 1811 г. по проекту А. Н. Воронихина в Петербурге на Невском проспекте был воздвигнут Казанский собор. В плане храм имеет форму креста. Огромный купол собора представляет собой шедевр архитектурного инженерного искусства. Украшением Невского проспекта является легкая и стройная колоннада Казанского собора, образующая могучие полукруглые крылья. При проектировании этого собора архитектор, несомненно, вдохновлялся знаменитым храмом Святого Апостола Петра в Риме, который послужил образцом для многих церквей в Европе, а потом и во всем мире. Казанский собор украшен замечательной скульптурой: в нишах за колоннами стоят изображения Иоанна Предтечи, апостола Андрея Первозванного, святых князей Владимира и Александра Невского, выполненные С. С. Пименовым, И. П. Прокофьевым, И. П. Мартосом.

Сорок лет, с 1818 по 1858 г., по проекту О. Р. Монферрана перестраивался в Петербурге кафедральный Исаакиевский собор. Это самый грандиозный по размерам храм северной столицы – он может вместить 12 тысяч молящихся. Со всех сторон собор окружают колонные портики. Над основным объемом храма возвышается барабан, завершенный центральным куполом. Его высота составляет 101,5 метра. По углам воздвигнуты четыре купола меньших размеров. Собор в изобилии украшен скульптурой, рельефами и колоннами, мрамором и позолотой. Настенные росписи выполнены замечательными художниками К. П. Брюлловым, Ф. А. Бруни, скульптурные изображения – П. К. Клодтом, И. П. Витали.

Одна из лучших в архитектурном отношении московских церквей

первой половины 19 в. – Преображенский храм на Ордынке. По хранящейся здесь чтимой иконе Всех скорбящих Радость этот храм называют Скорбященским. Церковь на этом месте была построена еще в 17 в., но в 1780 г. она была перестроена В. И. Баженовым. Новую перестройку храма в 1828–1836 гг. осуществил О. И. Бове. В плане Скорбященская церковь представляет ротонду. Интерьер храма, сего гармоничным расчленением пространства, с мраморным иконостасом в виде классической триумфальной арки, создает у молящихся чувство покоя и умиротворенности.

С 1835 по 1845 г. в Елохове на окраине Москвы по проекту Е. Д. Тюриня строился большой пятиглавый храм в честь Богоявления Господня, ставший столетие спустя патриаршим кафедральным собором. Он построен в стиле позднего классицизма, но при решении внутреннего пространства собора архитектор вдохновлялся интерьером Киевской и Константинопольской Софии. Ныне это один из самых больших храмов Москвы.

В середине 19 в. в храмостроительстве происходили серьезные перемены. Классицизм изживал себя. Поэтому русские зодчие предпринимали попытки воскресить в храмостроительстве византийские или древнерусские архитектурные традиции. Но попытки эти были половинчатыми и не часто приводили к творческим удачам. И все-таки в середине и особенно во второй половине 19 в. в России построено несколько замечательных соборов в «византийском» стиле: в Риге, Ревеле (Таллине), Варшаве, Херсонесе под Севастополем, Новочеркасске.

Одна из самых грандиозных построек такого стиля – храм Христа Спасителя, воздвигнутый в Москве на народные пожертвования в память о спасении в Отечественную войну. Уже в 1812 г. император Александр I издал указ «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя в ознаменование благодарности к Промыслу Божию за спасение России от врагов». В тексте этого указа выражена была главная идея замысла: «В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в Первопрестольном граде нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа».

Мысль о воздвижении храма-памятника, традиционного для русского храмостроительства, принята была в русском обществе с большим воодушевлением. По всей стране был начат сбор средств на сооружение

храма, значительные средства отпустила казна. Был объявлен конкурс на лучший архитектурный проект храма, в котором участвовали практически все видные зодчие эпохи: А. Н. Воронихин, В. П. Стасов, О. И. Бове, Д. И. Жилярди. Победителем конкурса стал молодой архитектор А. Л. Витберг. Его проект и был утвержден императором.

Первоначально местом сооружения храма был выбран Кремль, средоточие святынь и символ державности России. Но впоследствии решено было строить храм на Воробьевых горах, в ту пору не входивших в черту города. Торжественная закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах состоялась в пятую годовщину освобождения Москвы от французов – 12 октября 1817 г. Проект Витберга предполагал грандиозные размеры сооружения и был насыщен религиозно-философскими символами: все строение должно было состоять из трех храмов, расположенных один над другим. Помимо Божественной Троицы, эта тройственность символизировала еще тройственную природу человека, состоящую, согласно трихотомической концепции, из тела, души и духа. Нижний, подземный храм символически соответствовал человеческому телу. Имея в плане параллелепипед, напоминающий гроб, он должен был вызывать у молящихся воспоминание о погибших воинах и побуждать их к поминальной молитве о них. В этом храме предполагалось совершение панихид по погибшим воинам. Наземный храм имел по проекту крестообразную форму. Под его сводами должен был царить полумрак, символизирующий борьбу добра и зла в человеческой душе. В храме предполагалось разместить множество статуй и скульптурных групп. Верхний храм имел в плане форму круга и, символизируя человеческий дух, должен был быть особенно светлым, для этого планировалось множество окон в стене. Престолы храма предполагалось освятить в честь важнейших событий из земной жизни Спасителя: Рождества, Преображения и Воскресения. Проект свидетельствовал о гениальной творческой одаренности создателя, но в инженерном отношении он не был рассчитан достаточно надежно, многим такой проект казался и вовсе неосуществимым при той строительной технике, которая существовала в начале 19 в.

Во всяком случае, начатые работы продвигались медленно, песчаный грунт Воробьевых гор не выдерживал тяжести постройки. А вскоре возникло уголовное дело, связанное с растратами подрядчиков, подозрение пало и на архитектора. Витберг был отстранен от строительства, обвинен, причем несправедливо, в причастности к казнокрадству и отправлен в ссылку в Вятку. При новом императоре

Николае I, в 1827 г., строительные работы на Воробьевых горах были прекращены. Помимо технических и финансовых проблем, одной из причин прекращения реализации проекта Витберга было и то, что в его проекте многие критики видели воплощение масонских идей, которые при Александре были чрезвычайно популярны в высшем обществе, а при его преемнике рассматривались как опасные для государства.

В 1832 г. император Николай I утвердил новый проект храма Христа Спасителя. Этот проект был разработан Константином Андреевичем Тоном. Для его реализации выбрано было иное место – в центре города, вблизи Кремля, на Пречистенской набережной, где стоял Алексеевский женский монастырь, постройки которого были для нового грандиозного строительства разобраны, а насельницы переведены в Красное село. Закладка храма на новом месте состоялась 11 сентября 1839 г. Воздвижение храма находилось под самым пристальным наблюдением великого московского святителя Филарета.

Проект К. А. Тона сочетал в себе черты классицизма с входившим тогда в моду российско-византийским стилем. Крестообразный в плане, храм имел пять куполов. По своим размерам он превосходил все другие храмы России. По высоте (103,5 метра) он был выше всех строений Москвы. Вместимость храма – до 10 тысяч молящихся. Воздвижение храма Христа Спасителя продолжалось десятилетия. Создатель храма К. А. Тон не дожид до завершения строительных и отделочных работ, проект интерьера храма разрабатывали после кончины К. А. Тона новый главный архитектор храма И. Резанов, а также Л. В. Даль, сын знаменитого лексикографа.

Наружные леса с храма сняли в 1858 г., когда завершены были строительные работы, но отделка интерьера, роспись стен и купола, создание его скульптурных украшений продолжались еще четверть века, так что освящение воздвигнутого храма состоялось уже при императоре Александре III, 26 мая 1883 г. При этом главный алтарь был освящен в честь Рождества Христова, с которым в Русской Церкви связано было воспоминание «Об избавлении Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати язык» в 1812 г. Центральное помещение храма окружено галереей, на стенах которой установлены мраморные плиты с именами погибших в Отечественную войну 1812 г. генералов, офицеров и солдат, с датами важнейших сражений. На хорах храма были освящены приделы в честь святителя Николая Чудотворца и святого князя Александра Невского.

Скульптурные группы в стенах храма с наружной стороны

принадлежат А. В. Логановскому и П. К. Клодту, входные двери, покрытые бронзовыми фигурами, выполнены по эскизам графа Ф. П. Толстого. В росписи храма участвовали лучшие живописцы России, и среди них Ф. А. Бруни, И. Н. Крамской, К. Е. Маковский, Г. И. Семирадский, Н. И. Ге, И. Суриков, В. Д. Поленов. В 1912 г. около храма Христа Спасителя был по проекту А. М. Опекушина сооружен памятник императору Александру III, при котором завершилось строительство храма.

Храм Христа Спасителя стал кафедральным собором московских митрополитов. В нем совершали богослужения святые архипастыри: священномученик Владимир (Богоявленский), святитель Макарий (Невский), святой патриарх Тихон.

В Киеве в 1896 г. завершилось строительство собора Святого Равноапостольного Князя Владимира, сооруженного в память 900-летия Крещения Руси, тоже в византийском стиле. Храм расписан под руководством А. В. Прахова лучшими художниками конца 19 столетия: В. М. Васнецовым, М. С. Нестеровым, М. А. Врубелем.

Уже с конца 40-х гг. при строительстве каменных храмов Святейший Синод требовал по возможности соблюдать византийский стиль. В качестве руководства рекомендовались чертежи К. А. Тона. В 1858 г. был утвержден специальный атлас проектов на постройку сельских деревянных храмов.

Святейший Синод много внимания уделял церковному пению. Для приготовления искусных регентов в петербургскую Придворную капеллу вызывались лучшие певчие из архиерейских хоров. После окончания курса при капелле им выдавались аттестаты на право обучения регентству и хоровому пению.

В 1886 г. при московском Синодальном хоре, который наряду с Придворной капеллой был крупнейшим очагом церковно-певческой культуры, открылось училище церковного пения, в котором готовили учителей пения и регентов церковных хоров. По семинарскому уставу 1884 г., церковное пение стало обязательным предметом.

Самыми известными композиторами, писавшими церковную музыку в первой половине 19 в., были директор Придворной капеллы Д. С. Бортнянский (1751–1825) и протоиерей П. И. Турчанинов (1779–1856). Они не только писали музыкальные сочинения для клироса, но и гармонизировали древние церковные распевы. При этом гармонизации протоиерея Петра Турчанинова строже и ближе по духу древним напевам, чем опыты Бортнянского.

Новый директор Придворной капеллы А. Ф. Львов (1798–1870)

гармонизовал осмогласные напевы и издал «Полный круг простого нотного пения (Обиход) на четыре голоса». Выход нового Обихода стал большим событием в церковной жизни, ибо до него осмогласные песнопения исполнялись церковными хорами без нот, на память, и разучивались на слух.

Старинные напевы, сохранившиеся еще в монастырских хорах, особенно в древних обителях, вдохновляли известных русских композиторов 19 в. – М. И. Глинку, М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского – на написание музыкальных сочинений для богослужения.

22. Русская Церковь и православный Восток

С давних времен благочестивые русские люди совершали паломничества в Святую Землю. Учитывая все возрастающее число паломников, желавших поклониться святыням, связанным с земной жизнью Спасителя, Синод принял решение об учреждении Русской духовной миссии в Иерусалиме. Открытие миссии состоялось в 1847 г., ее начальником был назначен известный богослов и исследователь древностей христианского Востока архимандрит Порфирий (Успенский). В состав Духовной миссии вошли бакалавр Петербургской академии иеромонах Феофан (Говоров), впоследствии знаменитый вышенский затворник, и студенты академии. Миссия расположилась в Архангельском монастыре, который был ей предоставлен патриархом Иерусалимским.

В скором времени Миссия смогла открыть свою типографию, где печатались богослужебные книги на греческом и, главным образом, арабском языках, который был родным языком большей части паствы Иерусалимского Патриархата. Наряду с разносторонней помощью Иерусалимской Церкви, Миссия много сделала для улучшения условий, в которых находились русские паломники в Палестине.

Архимандрит Порфирий и его помощники занимались также и научной деятельностью. Они совершали путешествия по Палестине, Сирии, Синаю, Египту, изучали жизнь и историю древних обителей Востока, исследовали уникальные книжные сокровища монастырских библиотек. Своими изысканиями они внесли большой вклад в отечественную богословскую церковно-историческую науку. Иеромонах Феофан долгое время жил в лавре Преподобного Саввы Освященного. В библиотеке этого монастыря он собирал и изучал хранившиеся там творения святых отцов.

В связи с началом Крымской войны 1853–1856 гг. Духовная миссия вынуждена была покинуть Святую Землю. Но вскоре после войны, в 1857

г., был образован новый состав Миссии во главе с архимандритом Кириллом (Наумовым), который перед отправлением в Иерусалим был хиротонисан во епископа Мелитопольского. Епископ Кирилл по прибытии в Иерусалим ознакомился с состоянием дел духовной миссии. Благодаря хорошим отношениям, которые он сумел завязать и с турецкой администрацией, и с греческой иерархией, и с местным христианским и мусульманским населением, епископ Кирилл в короткий срок существенно облегчил положение русских паломников.

В Петербурге в это время образовался Палестинский комитет, который изыскивал средства для улучшения жизни паломников в Палестине. Благодаря организации денежных сборов для Святой Земли по всем храмам России, к середине 60-х гг. образовался солидный фонд, который позволил приобрести в Иерусалиме и других местах Палестины земельные участки, построить на них храмы, богадельни, странноприимные дома, гостиницы.

За шесть лет пребывания в Иерусалиме епископ Кирилл установил тесные связи с Иерусалимской Патриархией. Кроме того, русские миссионеры содействовали возвращению в лоно Православной Церкви арабов-униатов, отторгнутых от православия латинской пропагандой. Еще со времени архимандрита Порфирия (Успенского) Русская миссия предпринимала шаги к сближению с Коптской и Эфиопской Церквами.

С 1865 по 1894 г., в течение почти 30 лет, Духовной миссией в Иерусалиме управлял архимандрит Антонин (Капустин), оптинский монах, магистр богословия, энергичный и одаренный пастырь. В Иерусалим он прибыл с большим опытом церковно-представительской работы: ранее служил настоятелем посольских церквей в Афинах и Константинополе. Его деятельность носила разносторонний и масштабный характер. Он был, подобно епископу Порфирию (Успенскому), замечательным ученым, историком и археологом, знатоком библейских и христианских древностей Востока. Архимандрит Антонин детально изучил Палестину, ее историю и географию, организовал раскопки библейских мест. Одновременно он приобретал участки земли и благоустраивал их; в этом деле ему приходилось преодолевать многочисленные препятствия, чинимые со стороны турецких властей. Благодаря его предприимчивости Русская Церковь стала хранительницей многих священных мест Палестины. Одним из первых и самых памятных приобретений архимандрита Антонина была покупка участка близ Хеврона с Мамврийским дубом.

Еще в середине 60-х гг. в здании Миссии была освящена крестовая

церковь во имя святой мученицы царицы Александры. В 1872 г. патриарх Иерусалимский Кирилл освятил соборный храм Миссии во имя Святой Троицы.

В 1871 г. на русском участке в Горнем неподалеку от Иерусалима архимандрит Антонин основал женскую обитель. Устав этого монастыря был утвержден Синодом в 1886 г. Через два года после этого в Горненской обители был освящен храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Благодаря трудолюбию настоятельницы монастыря матери Валентины обитель процветала. В ней были открыты иконописная и золотошвейная мастерские. Слава об искусных швеях Горненской обители распространилась далеко за пределы Палестины. К 1914 г. в Горненском монастыре подвизалось около 200 сестер.

При архимандрите Антонине Миссия открыла свои подворья в Иерихоне, в Тивериаде на берегу Галилейского моря. Тщательно изучая приобретенные и намеченные к приобретению места, отец Антонин проводил в них раскопки, которые дали богатейший материал библейской и церковно-исторической науке. Раскопки на Елеонской горе позволили обнаружить декоративные эпиграфические фрагменты, относящиеся к 6–9 вв. Были обнаружены следы базилики времен святого равноапостольного Константина Великого. Найденные благодаря раскопкам древности послужили основой для открытого в Русской миссии историко-археологического музея.

После блаженной кончины архимандрита Антонина, последовавшей в 1894 г., деятельность Духовной миссии с успехом продолжалась до Первой мировой войны, с началом которой Миссия вынуждена была оставить Иерусалим. Начальник Миссии архимандрит Леонид (Сенцов), возглавлявший ее с 1903 г., благодаря покровительству александрийского патриарха Фотия, обосновался со своими сотрудниками в Египте. К началу Первой мировой войны Русская духовная миссия в Иерусалиме располагала 37 участками земли, 8 храмами, 2 женскими обителями, несколькими молитвенными домами, а также подворьями, гостиницами, богадельнями, школами.

Святая Гора Афон является очагом аскетического подвижничества Вселенской Православной Церкви. Братия Святой Горы многонациональна. Первые русские иноки появились на Афоне в 11 в.

В эпоху турецкого ига русское правительство неизменно оказывало покровительство афонским монастырям. Во время греческого восстания 1821 г. турецкие власти жестоко мстили афонским монахам за их поддержку повстанцам. Святогорские монахи были избиты и изранены,

монастыри разграблены, разорены, некоторые монахи приняли мученическую кончину. Султан Махмуд собирался уничтожить афонские монастыри до основания; но вмешательство российского императора Александра I предотвратило этот варварский акт.

В 19 в. русские обители Святой Горы переживали духовное возрождение, связанное прежде всего с именами иноков Виссариона и Варсонофия, которые прибыли на Афон из России в 1830-х гг. и подвизались сначала в Иверской обители, затем в скитах Афона, где оба они приняли сан иеромонахов, а впоследствии – великую схиму. В 1841 г. отцы Виссарион и Варсонофий приобрели себе келию, в которой в скором времени собралось около 20 монахов.

Большую помощь русским монастырям на Афоне оказал известный церковный деятель Андрей Николаевич Муравьев. Благодаря его содействию келия иеросхимонахов Виссариона и Варсонофия была возведена в степень скита; за свои благодеяния этой обители А. Н. Муравьев получил звание ктитора. Торжественное открытие скита состоялось в 1849 г. по благословению митрополита Григория, который возвел отца Виссариона в сан игумена и благословил иноков иконой Пресвятой Богородицы «В скорбях и печалях Утешение». Новооснованный скит был посвящен святому апостолу Андрею Первозванному. Этот скит имел более 10 церквей, главная из которых, собор Апостола Андрея Первозванного, построенный из белого и серого мрамора, один из самых величественных на Святой Горе. Андреевский скит имел подворья в Константинополе, Петербурге, Одессе и Ростове-на-Дону. В начале 20 в. в нем спасалось около 500 иноков.

Самой большой русской обителью на Афоне является Пантелеймонов монастырь. Он расположен на юго-западной стороне Святой Горы. С 1830 г. игуменом этой обители стал архимандрит Герасим. Здесь подвизались старцы архимандрит Макарий и иеросхимонах Иероним. Благодаря трудам и хлопотам настоятелей и братии Пантелеймонова монастыря многие пришедшие в упадок келии, принадлежавшие прежде грекам, перешли в ведение русской обители. В начале 20 в. в монастыре было 20 храмов. В главном из них, соборе Святого Пантелеймона, хранится честная глава великомученика. Монастырь располагал своей типографией, в которой издавались святоотеческие творения и другие богословские, аскетические и религиозно-назидательные сочинения. Пантелеймонов монастырь имел подворья в Константинополе, Москве, Петербурге, Одессе. Иноки этой обители помогли устроить Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе.

Глава 4. Русская Православная Церковь в царствование святого императора Николая II

1. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1894–1917 гг.

В 1894 г., после кончины императора Александра III, началось последнее царствование перед революционной катастрофой – святого императора Николая II. Новый царь отличался особенно искренним благочестием. В церковной политике правительства под влиянием царя обнаруживаются новые черты, которые придавали церковной жизни совершенно особый духовный тон. В царствование Николая II было причислено к лику святых больше подвижников, чем за предыдущие два века. В отличие от своих предшественников, император Николай II благосклонно отнесся к идее созыва Поместного Собора и восстановления патриаршества.

На протяжении двух веков синодальной эпохи церковное сознание православной иерархии, духовенства и паствы не мирилось с навязанной Церкви государственной опекой, с неканонической формой высшей церковной власти, лишенной первосвятительского возглавления. В начале 20 в. громче стал раздаваться голос тех, кто выступал за возрождение соборности и восстановление патриаршества. Мысль о созыве Поместного Собора разделяли виднейшие иерархи, лучшие пастыри, ученые богословы и церковно-общественные деятели из мирян.

Священнодействие помазания на царство императора Николая II совершил первоприсутствующий в Синоде митрополит Палладий (Раев), занимавший Петербургскую кафедру с 1892 г. до своей кончины в 1898 г. Его преемником на столичной кафедре стал митрополит Антоний, но в течение двух лет, от 1898 до 1900 г., обязанности первоприсутствующего исполнял митрополит Киевский Иоанникий (Руднев), и только после его кончины они перешли по традиции к архиерею столичной кафедры – митрополиту Антонию, который стоял во главе российского епископата до 1912 г.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский) родился в 1846 г. в семье сельского священника Тамбовской епархии. Дома получил строго церковное воспитание. В детстве дружил со своим ровесником и земляком Василием Богоявленским (священномучеником Владимиром Киевским), отличаясь от замкнутого и застенчивого друга живостью характера и веселым

нравом. Учился в Тамбовском духовном училище и Тамбовской семинарии. В 1866 г. поступил в Казанскую академию и закончил ее в 1870 г. со степенью кандидата богословия. В академии отличался сердечным благочестием, а также ревностью к наукам и блестящими учебными успехами. Был оставлен при академии доцентом по кафедре церковного проповедничества и его истории. В 1871 г. утвержден в степени магистра богословия. Помимо преподавания, занимался изучением и описанием рукописных и старопечатных книг библиотеки Соловецкого монастыря, переданных Казанской духовной академии, печатал статьи в «Православном собеседнике», с 1874 г. стал его редактором. В 1872 г. вступил в брак, но в 1879 г. овдовел, а через три года после этого умерли от дифтерита двое его детей.

В 1882 г. архиепископ Казанский Палладий (Раев), впоследствии митрополит Санкт-Петербургский, постриг Александра Васильевича с именем Антония и рукоположил его во иеромонаха, в том же году Антоний был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря. При этом он продолжал преподавательскую и научную деятельность в академии. В 1884 г. был назначен инспектором академии и в том же году переведен на ту же должность из Казани в Петербург.

В 1887 г. архимандрит Антоний был назначен ректором столичной академии, в связи с чем в Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялась его хиротония во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. Как ректор, он пользовался большой любовью со стороны преподавателей и студентов академии, которую заслужил подлинно христианским отношением к подчиненным: заботой об их научных и учебных успехах, об их материальном благополучии, снисходительностью к оступившимся и, главное, искренней любовью к ним. Уважение вызывали его сострадательность, бесребреничество, доброжелательность, кротость. В то же время он обладал незаурядными административными способностями, редким трудолюбием и неизменным интересом ко всему, что делалось в богословской и церковно-исторической науке. Ректор академии стремился к тому, чтобы теоретические занятия студентов не отрывались от деятельного участия в церковном служении, в особенности на миссионерском и духовно-просветительском поприще. Под его покровительством сложился кружок студентов, посвятивших себя религиозно-просветительским беседам в приходах во внебогослужебное время, в тюрьмах, ночлежках.

Погруженный в заботы административно-педагогической

деятельности, он не прерывал научных занятий, регулярно публикуя статьи в церковной периодике, а также издал в 1892 г. книгу «К истории христианской проповеди». По совокупности трудов Казанская духовная академия удостоила его степени доктора церковной истории, в которой он был утвержден в 1895 г. Святейшим Синодом.

В 1892 г. он был назначен на новооткрытую епархиальную кафедру Финляндскую и Выборгскую с возведением в сан архиепископа. Православная церковная жизнь в Финляндии находилась тогда в запущенном состоянии, и малочисленные православные общины карелов испытывали давление со стороны лютеранского большинства, тем более что лютеранство в Великом княжестве Финляндском было, наряду с православием, государственным исповеданием. Архиепископ Антоний в заботах о духовном благополучии паствы неустанно разъезжал по обширному краю, посещая отдаленные заброшенные приходы, неизменно проповедуя и поучая народ. Он позаботился об учреждении православных религиозно-просветительских союзов, о строительстве церквей. И за время его управления епархией появилась сплошная сеть приходов на территории Карельского перешейка со значительным русским и карельским православным населением.

В 1893 г. архиепископ Антоний возглавил синодальную комиссию по старокатолическому вопросу, образованную в связи со стремлением старокатоликов к соединению с Православной Церковью. Деятельность комиссии характеризовалась открытостью к богословскому диалогу, стремлением к достижению вероисповедного единства и в то же время безусловной приверженностью к сохранению православного вероучения во всем, в частности и в экклезиологии, по которой обнаружили самые серьезные расхождения со старокатоликами, придерживавшимися несостоятельной «теории ветвей».

В 1897 г. архиепископ Антоний представлял Русскую Церковь в Великобритании на торжествах по случаю юбилея королевы Виктории. Оксфордский и Кембриджский университеты удостоили его во время визита степени доктора богословия.

После перемещения на столичную кафедру митрополит Антоний обнаружил себя, как и прежде, деятельным архипастырем, проявлявшим особую заботу о духовном просвещении, о делах социальной благотворительности, снисходительным к немощам подчиненных. По воспоминаниям современников, хорошо знавших его, он никогда не раздражался, не повышал голоса в разговоре с подчиненными. Несмотря на высокое положение, отличался исключительной простотой и

доступностью в общении с зависимыми от него. В воскресные и праздничные дни часто имел общую трапезу с насельниками лавры, охотно беседовал с ними, заботился о бытовых условиях, в которых жили лаврские послушники. В праздники Пасхи и Рождества, следуя древней традиции, посещал тюрьмы, щедро подавая милостыню заключенным, находя для них уместные слова утешения и духовной поддержки. Это был человек редкой доброты и настоящий бесребреник. Он раздавал нуждавшимся все свое архиерейское содержание. После кончины митрополита в 1912 г. оказалось, что он, получавший самое высокое жалованье среди русских архипастырей, не оставил никаких средств, так что погребать его пришлось за счет Александро-Невской лавры.

Служение митрополита Антония в столице пришлось на время революционной смуты 1905–1907 гг. В кругу крайне правых он приобрел тогда репутацию либерала и подвергался травле в печатных органах «Союза русского народа», в особенности со стороны председателя союза Дубровина, который несправедливо обвинил его в сочувствии революционерам – врагам трона и России. Поводом для обвинений послужило среди прочего то, что митрополит Антоний по своему великодушию иногда брал под защиту тех лиц из духовенства, кому грозили неприятности ввиду их либеральных политических взглядов или за их действия, в которых обнаруживалась нелояльность к правительству или Синоду (епископа Антонина (Грановского), священника Григория Петрова), а также студентов духовных школ, замешанных в революционном движении. Из-за этого впоследствии обновленцы без оснований ссылались на него как на архипастыря, который будто бы сочувствовал обновленчеству. В разгар этой травли митрополита Антония поддержали почти все епископы, даже и те, кто принадлежали к правым союзам, в частности архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). В 1906 г. митрополит Антоний был избран членом Государственного совета.

Митрополит Антоний возглавил церковное движение, направленное на возрождение соборности. Правительственные сферы вынуждены были тогда обратить внимание на нужды Церкви в связи с законодательством о свободе вероисповедания, подготовка которого началась в канун революции и завершилась апрельским манифестом 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». При подготовке манифеста выяснилось, что с его изданием Православная Церковь, находившаяся в течение 200 лет под жестким правительственным контролем, окажется в некотором отношении в худшем положении, чем привыкшие к большей независимости старообрядческие, инославные и даже иноверные общины.

Об этом тогда заговорили с амвонов и на страницах церковной печати.

Ректор Петербургской академии епископ Сергий (Страгородский), позже патриарх, выступая тогда на религиозно-философских собраниях, прямо заявил, что объявить полную свободу совести «значило бы всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными». 17 февраля 1905 г. на молебне в память об основании Петербургской академии он сказал по поводу предстоявшего манифеста: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... В дальнейшем потребуют от нас уже не красных фраз и не заученных силлогизмов, не... показной учености, от нас потребуют духа и жизни, потребуют веры... потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернильниц, а кровью из нашей собственной груди».

Премьер-министр С. Ю. Витте в марте 1905 г. подал составленную неизвестным автором пространную записку «О современном положении Православной Церкви», в которой резкой критике подвергались бюрократизация синодального правления и обер-прокурорский произвол. В записке была выдвинута мысль о созыве Собора и восстановлении патриаршества.

Правительством по инициативе С. Ю. Витте было образовано Особое совещание, в которое был включен и первенствующий член Синода митрополит Антоний. Он заявил в совещании: «Если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства». Эта опека связывает самостоятельность духовенства и «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни». Митрополит подал меморандум, в котором потребовал устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, который лишает Церковь самостоятельности и инициативы.

Болезненно задетый запиской С. Ю. Витте обер-прокурор К. П. Победоносцев выступил с «Соображениями по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в которых категорически отвергал целесообразность восстановления патриаршества, утверждая, что патриаршество противоречит «соборному началу в Церкви», а обер-прокурорский надзор является надежным гарантом коллегиальности и соборности. По ходатайству Победоносцева вопрос о проведении церковных реформ был изъят из ведения Особого совещания и переведен в Синод.

После трех заседаний Святейшего Синода, посвященных теме церковных преобразований, императору Николаю II был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод патриархом» и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта государь наложил на доклад резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, но, по настоянию К. П. Победоносцева, царь объявил неудобным созыв Собора «в настоящее тревожное время». Николай II дал разрешение на открытие Предсоборного совещания.

Указом Синода от 27 июля 1905 г. епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательных церковных преобразованиях. Отзывы архиереев поступили к концу года и сразу же были напечатаны. В них дана разумная и смелая оценка существовавшего положения. Резче всех о неканоничности синодального строя отозвался архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). Решительное большинство архиереев высказалось за созыв Поместного Собора. Разногласия вызвал вопрос о составе Собора: одни преосвященные настаивали на исключительно епископском его составе, другие предлагали призвать на Собор представителей клириков и мирян.

В обсуждении ожидавшихся церковных преобразований приняло участие и белое духовенство. На имя митрополита Антония была подана записка от лица петербургских священников, так называемой «группы 32-х», составленная в духе расплывчатого церковного либерализма, с развязной критикой прошлого и настоящего положения Русской Церкви, с демагогическим лозунгом всестороннего обновления, с призывом к духовенству сосредоточить внимание на проблемах земной жизни, с требованием ввести в Церковь выборное начало на всех уровнях, «группа 32-х» высказалась против единоличной власти патриарха. Для первоиерарха Русской Церкви авторы записки предусматривали титул архиепископа столичного города или даже патриарха, но не хотели наделить его никакими административными правами по отношению к другим епископам, предоставляя лишь первенство чести. Патриарх, считали они, не должен быть чем-то большим, чем председателем Поместного Собора.

Эта группа требовала также широкого представительства клириков и мирян на Соборе, и чтобы они (клирики и миряне) получили равные права с епископами в решении всех вопросов церковной жизни. В данной тенденции откровенно проявились сословные интересы этой группы, стремление закрепить побольше прав и привилегий за белым

духовенством за счет епископата и монашества; монашествующих не епископов представители «группы 32-х» вообще считали нецелесообразным и неканоничным призывать на Собор. «Не считая правильной мысль, что первый Собор, по встречающимся для совершенной организации его затруднениям, может состоять из одних только епископов, мы полагаем, что он-то, прежде всего, и должен обладать характером всецерковного представительства... 200-летнее отсутствие Соборов и современное положение высшей иерархии, не избираемой, как встарь, самими церквами, то есть клиром и народом самих вдовствующих церквей, обязательно требует участия на соборах низшей иерархии и мирян».

Поддерживавший эту группу Н. П. Аксаков в своей статье пугал оппонентов церковным расколом, который произойдет, если требование о равноправном участии клириков и мирян в Соборе не будет принято: «Епископы выработают и утвердят на Соборе проект устройства; но решение не получит силы только от того, что оно будет единогласным желанием всех епископов. Церковь скажет или, по крайней мере, может сказать, что не одобряет такого устройства дел, не желает его и признает не соответствующим ни действительным ее потребностям, ни хранимому ею Преданию. Права или неправа будет эта, невольно отрешенная от епископов Церковь, но раскол произойдет».

Совершенно противоположных убеждений о характере предстоявших преобразований высшей церковной власти придерживался епископ Антоний (Храповицкий). «Епископы, – писал он тогда, – имеют над собой не только патриарха, но и имеют готовность подчиниться митрополитам. Власть патриарха получит ведь только один, а остальные сделаются его послушниками: семеро (имеются в виду митрополиты, стоящие во главе митрополичьих округов) непосредственными, а прочие 92 – послушниками митрополита. Это столько же похвально со стороны епископов, сколько полезно для Церкви, ибо при ослаблении общей церковной дисциплины необходима твердая власть и над всеми нами». Епископ Антоний выступал за исключительно епископский состав ожидаемого Собора.

С глубоким разбором вопроса о составе Поместного Собора выступил в печати архиепископ Финляндский Сергей (будущий патриарх). Он писал: «Можно ли, стоя на строго канонической точке зрения, утверждать, что клирики и миряне имеют право, наравне с епископами, участвовать с решающим голосом в областных соборах... Ответ может быть только отрицательный. Что клир и миряне обязательно присутствовали на

соборах и что некоторые из них принимали в рассуждениях Собора самое замечательное участие, это правда... Но сказать, чтобы таков был закон церковный, обязательный для всех, чтобы этого требовали правила святых апостолов и святых Вселенских и Поместных Соборов... невозможно. «Книга правил» не содержит никаких узаконений для участия клира и мирян в областных соборах и, напротив – всюду, где говорит о Соборах – говорит только об епископах и никогда о пресвитерах, клириках и мирянах».

Однако ради единства и мира церковного, архиепископ Сергей считал допустимым призвать для участия в Соборе клириков и мирян. «Но, – отмечал он, – нужно поставить это участие так, чтобы оно не разрушало... основного принципа канонического строя». Для этого архиепископ Сергей предлагал ввести в положение о Соборе такое условие: «Всякое постановление общего Собора, достигнуто ли оно путем голосования или без него, получает силу закона, но может быть опротестовано, с указанием мотивов, и передано на рассмотрение Собора одних епископов. Если постановление имеет характер догматико-канонический, для протеста достаточно одного голоса, кому бы он ни принадлежал. Во всех остальных случаях необходимо, чтобы протест был заявлен или поддержан не менее как одной четвертью всех присутствующих». Епископат в целом стоял на позициях, выраженных в выступлениях архиепископов Антония и Сергея. В том же духе был составлен доклад Святейшего Синода, представленный государю в 1905 г.

17 декабря 1905 г. Николай II дал аудиенцию трем высшим иерархам: митрополитам Петербургскому Антонию, Московскому Владимиру (Богоявленскому), Киевскому Флавиану (Городецкому)– и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. Через 10 дней состоялась вторая встреча. Царь заверил митрополитов в том, что он считает неотложно необходимым проведение преобразований в структуре Церкви. 16 января 1906 г. государь утвердил состав Предсоборного присутствия во главе с митрополитом Антонием. В него было включено 10 архиереев, 7 священников, 21 профессор богословия.

Предсоборное присутствие заседало в Александро-Невской лавре с марта по декабрь 1906 г. Участники заседаний единодушно высказались за восстановление патриаршества. В присутствии прозвучали решительные требования освободить Церковь от мелочной обер-прокурорской опеки. Большинство выступавших поддержало предложение о многократном увеличении числа епархий. Обсуждались также вопросы о благоустройстве приходской жизни, о состоянии духовных школ. В основу

работы присутствия легли «Отзывы» архиереев. Главной темой совещаний была подготовка Поместного Собора.

Предсоборное присутствие подготовило материалы для предстоящего Поместного Собора, следуя в них в основном идеям, высказанным архиепископом Сергием. После этого Предсоборное присутствие было распущено указом императора Николая II. Работу присутствия продолжил Святейший Синод, который представил царю доклад о программе занятий предстоящего Поместного Собора. 25 апреля 1907 г. Царь наложил на доклад резолюцию, в которой повелел отложить созыв Собора «ввиду переживаемого ныне тревожного времени».

Между тем через два дня после издания октябрьского манифеста 1905 г. о гражданских свободах и созыве законодательной палаты – Государственной думы К. П. Победоносцев, не одобрявший этого шага, вышел в отставку с поста обер-прокурора. Его преемником стал князь А. Д. Оболенский, благожелательно относившийся к мысли о Соборе, но через полгода Оболенского сменил князь А. А. Ширинский-Шихматов, продержавшийся в обер-прокурорском кресле всего 2 месяца. С июля 1906 по 1909 г. обер-прокурором был П. П. Извольский, чиновник с либеральными воззрениями, относившийся к православному духовенству неблагосклонно, но, оказавшись на закате жизни в эмиграции, он сам принял священство и скончался в 1928 г. в Брюсселе приходским настоятелем. С 1909 по 1911 г. обер-прокурором Синода был С. М. Лукьянов, который пытался поддерживать хорошие отношения с Думой, откуда раздавалась крикливая и неосновательная критика в адрес Синода.

В 1911 г. государь назначил обер-прокурором многоопытного синодального чиновника В. К. Саблера (1847–1929), который еще с 1881 г. служил в канцелярии обер-прокурора. Многие годы он был ближайшим помощником К. П. Победоносцева, с изрядным административным талантом проводил его церковно-политический курс. С архиереями Саблер умел ладить и, несмотря на свое немецкое происхождение, в церковных кругах считался строго православным человеком. В 1905 г. у него вышло разногласие с Победоносцевым по вопросу о созыве Собора. В. К. Саблер выступил тогда в поддержку иерархии, стремившейся к возрождению соборности. Поэтому назначение В. К. Саблера обер-прокурором в церковных кругах принято было с удовлетворением.

По инициативе нового обер-прокурора возобновилась подготовка Собора. Для этой цели 28 февраля 1912 г. указом императора Николая II было созвано Предсоборное совещание под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Видными

деятелями совещания были архиепископы Вольнский Антоний (Храповицкий) и Холмский Евлогий (Георгиевский). На совещании пересматривались материалы присутствия 1906 г. Из них тщательно удалялись идеи, носившие оттенок церковного либерализма. Работы совещания были прерваны начавшейся в июле 1914 г. мировой войной.

Первые месяцы войны сопровождались патриотическим подъемом, когда, казалось, возродилось всенародное единение, спасавшее Отечество впору грозных испытаний. Святейший Синод благословил российское воинство на брань с врагом. Во главе военного духовенства стоял протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский. Сотни священников служили в действующей армии, совершали молебны и панихиды на полях сражений, духовно окормляли раненых и напутствовали умирающих в военных лазаретах. Тысячи монахинь и послушниц, рискуя жизнью, служили в лазаретах сестрами милосердия.

Затянувшаяся война оказалась неимоверно тяжелой. Народные силы были перенапряжены. Углубились кризисные явления: в обществе росло взаимное несогласие и вражда. Со стороны либеральных кругов, и не только в печати, но и в Думе, раздались голословные обвинения высочайшей власти в измене, в тайном сговоре с Германией.

Излюбленным поводом для выпадов против царской семьи и придворных кругов служила одиозная личность Григория Распутина, малограмотного авантюриста из сибирских крестьян, хлыста и знахаря, который в 1910 г. пришел в Петербург и вскоре получил доступ в аристократические круги: экзальтированные светские дамы принимали его за целителя и пророка. Его ввели во дворец, познакомили с членами императорского дома. Влияние Распутина на императрицу Александру объяснялось главным образом неизлечимой болезнью наследника. Царица верила, что Распутин в силах помочь больному гемофилией царевичу Алексею. Распутин стал орудием беспринципных и корыстных интриганов. Через него им удавалось оказывать влияние на назначение министров и генералов. Влияние Распутина ощущалось и в церковно-административной сфере: в канцелярии обер-прокурора, в самом Синоде.

Значительное большинство епископов со скорбными чувствами смотрели на проделки Распутина, бросавшего в глазах общества тень на императорский дом и дававшего повод врагам царя клеветать на него не только в сплетнях, но и в печати. Наиболее решительные из архипастырей пытались противодействовать Распутину. Саратовский епископ священномученик Гермоген (Долганов), который по своей доверчивости некогда приблизил к себе этого проходимца, обманувшись его мнимыми

духовными дарованиями, яснее разглядев нечистый источник этих дарований, потребовал от него прекратить скандальные похождения и удалиться из дворца. Когда же тот отверг требование архипастыря, преосвященный анафематствовал его. Этот шаг архиерея вызвал неудовольствие при дворе. Епископ Гермоген был уволен из Синода, а потом и со своей кафедры.

Самую серьезную попытку оказать противодействие Распутину и убедить царя удалить от себя личность, которая компрометировала его в общественном мнении, предпринял митрополит Петербургский священномученик Владимир, преемник митрополита Антония.

Митрополит Владимир (в миру Василий Богоявленский) родился в 1848 г. в семье сельского священника Тамбовской епархии. После окончания Киевской академии преподавал в родной Тамбовской семинарии, потом священствовал на приходе: служил настоятелем Покровского собора в городе Козлове, привлекая прихожан глубиной и назидательностью проповедей, дышавших твердой верой, искренностью, задушевностью, пастырской любовью. После смерти жены и ребенка он в 1886 г. принял постриг и вскоре был назначен архимандритом Новгородского Антониева монастыря.

В 1888 г. состоялась его хиротония во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. Богослужения в храмах епархии он совершал всегда с особым молитвенным благоговением. В 1891 г. епископ Владимир был назначен на Саратовскую кафедру, где он с великим воодушевлением занимался религиозно-просветительской и благотворительной деятельностью. Во время холерной эпидемии святитель снискал всенародную любовь самоотвержением и бесстрашием, с которыми он кормил больных смертельно опасным заразным недугом, утешал и успокаивал перепуганных и растерянных жителей. В 1892 г. преосвященный Владимир был назначен экзархом Грузии и членом Синода. В Грузии ему удалось построить больше 100 храмов, открыть более 300 приходских школ.

С 1898 по 1912 г. он управлял Московской митрополией. В эти годы он решительно подавал голос за прославление угодников Божиих – преподобного Серафима и благоверной княгини Анны Кашинской, ходатайствовал о канонизации священномученика патриарха Ермогена. Во время его святительства в Москве был построен епархиальный дом. В этом доме читались лекции, проводились беседы. В 1911 г. под председательством митрополита Владимира был проведен Российский противоалкогольный съезд. Святитель был одним из самых деятельных

иерархов, боровшихся с распространением пьянства в народе.

Переведенный после кончины митрополита Антония в Петербург и назначенный первенствующим членом Синода митрополит Владимир столкнулся с интригами распутинской клики. И он считал долгом внушить государю решимость удалить от себя Распутина. Попытка эта оказалась тщетной. После его беседы с царем последовало перемещение митрополита на Киевскую кафедру, но с сохранением за ним звания первоприсутствующего в Синоде. В 1915 г. на Петербургскую кафедру был назначен переведенный из Тифлиса Питирим (Окнов), которому Распутин благоволил.

Попытка противодействовать Распутину стоила обер-прокурорского кресла А. Д. Самарину, известному своей широкой церковно-общественной деятельностью в славянофильском направлении. А. Д. Самарин, сменивший В. К. Саблера, всего 3 месяца пробыл обер-прокурором. Его преемники А. Н. Волжин (1915–1916) и особенно последний обер-прокурор царского правительства Н. П. Раев старались не ссориться с распутинской кликой.

В феврале 1917 г. в Петербурге произошли беспорядки, в которых участвовал и столичный гарнизон. Государственная дума поддержала бунтовщиков. Большинство генералов действующей армии и даже члены императорской фамилии высказались тогда за уступки революции, настаивали на отречении государя.

2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила, который, однако, не принял наследия. Власть перешла к Временному правительству, образованному Временным комитетом Государственной думы с согласия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви доживала последние дни. В прошлое уходила и просуществовавшая более полутора тысячелетий в православном мире симфония Церкви и государства.

2. Миссионерство

На рубеже столетий не только Святейший Синод, но и церковная общественность проявляли постоянную заботу о христианской миссии. В 1897 и 1898 гг. были проведены миссионерские съезды в Казани и Одессе. В 1910 г. состоялся миссионерский съезд в Иркутске под председательством архиепископа Томского святого Макария (Невского), в прошлом алтайского миссионера. Съезд постановил, что «проповедь, обучение, богослужение – одним словом, все виды миссионерского делания должны совершаться на языке, понятном для инородцев, причем

миссия, как таковая, не должна задаваться посторонними целями, но должна стремиться к достижению своей собственной единой и высокой цели – приобрести язычников для Церкви Христовой». С 1896 г. в Киеве издавался журнал «Миссионерское обозрение», редакция которого впоследствии была переведена в Петербург.

Особенно яркую страницу в истории миссионерства начала 20 века вписала деятельность Камчатской миссии. В конце 19 в. она располагала 17 миссионерскими станами (на самом полуострове, Чукотке и Колыме), где проживали обрусевшие камчадалы, а также коряки, чукчи, алеуты, среди которых многие были крещены, но из-за беззаботности окормлявшего их духовенства не имели почти никаких представлений о вере: не все из них знали даже свои христианские имена, а в быту они оставались совершенными язычниками, слушали своих шаманов, приносили в жертву духам оленей и ездовых собак.

В 1907 г. настоятелем Корякской походной миссии был назначен иеромонах Нестор (Анисимов), впоследствии митрополит (1885–1962). На Камчатку он отправился, испросив прежде благословение на благовестнические труды у святого Иоанна Кронштадтского. Свои миссионерские труды юный иеромонах начал с богослужений в Иосафатской церкви в Гижиге, на берегу Тихого океана.

По его воспоминаниям, однажды во время службы язычница-корячка, стоя перед Распятием, вдруг закричала, обращаясь к Богородице, Которую она приняла за виновницу страданий Христа: «Зачем Ты повесила Его там, на древе? Зачем Ты делаешь Ему больно? Сними Его с древа. Ты видишь, у Него кровь!». Подойдя к сострадательной женщине, иеромонах заговорил с ней на корякском языке о Христе, и полудикая корячка «озарилась светом евангельской истины». Она стала просить священника скорее «дать ей веру». После обучения основам вероучения она была на Пасху крещена вместе со всей семьей.

Для большего успеха христианской проповеди иеромонах Нестор переводил на корякский язык молитвы и отрывки из Евангелия, обучал туземцев русскому языку. Он чем мог помогал голодавшим, лечил больных, обучал коряков правилам гигиены, раздавал мыло и лекарства. Он отучал туземцев от курения, а курили и жевали табак, который в изобилии привозили на Камчатку американские промышленники, все коряки поголовно, не только мужчины, но и женщины, дети, даже грудные младенцы. По словам миссионера, одним из главных препятствий для проповеди Евангелия на Камчатке было «нехристианское поведение местного русского населения Камчатки и иностранцев: чиновников,

промышленников, купцов». Язычники спрашивали миссионера: «А где же светлый Бог вон у тех, которые день и ночь шаманят за картами и вином, грабят нас и дают грабить другим», американцам и японцам.

Миссии катастрофически не хватало средств. Тогда по благословению архиепископа Владивостокского Евсевия иеромонах Нестор отправился в Петербург хлопотать об учреждении Камчатского братства. План ревностного миссионера принял близко к сердцу митрополит Петербургский Антоний (Вадковский), и благодаря его поддержке в 1910 г. Синод утвердил устав новоучрежденного Камчатского братства во главе с почетным председателем архиепископом Евсеем и иеромонахом Нестором. В братство записались император Николай II, высокопоставленные и состоятельные лица. Появились средства для продолжения миссионерской деятельности. Эти средства шли на устройство церквей, школ, приютов, лечебниц, миссионерских станций. В разборном виде из Петербурга на Камчатку присылали не только школьные здания, но и церкви.

По примеру самоотверженного благовестника многие люди отправились на далекую Камчатку помогать Миссии. С их помощью отец Нестор устроил колонию для больных проказой, открывал приюты и школы. В 1914 г. в селе Иоасафовском был проведен Камчатский миссионерский съезд, заседания на котором велись на русском и местном корякском языках. К 1917 г. на территории Миссии было уже 37 церквей, 38 часовен и 42 школы.

В 1916 г. по постановлению Синода было открыто Камчатское викариатство с кафедрой в Петропавловске. Епископом был назначен начальник Камчатской духовной миссии архимандрит Нестор. Его хиротония состоялась во Владивостоке. В слове при наречении во епископа ставленник сказал: «Совершая дело евангельской проповеди и пастырского миссионерского служения... в обширной суровой Камчатской области, среди язычников-шаманистов, поклонников злой темной силы, приходилось неоднократно подвергаться смертельной опасности: мерзнуть под снегом, будучи заметенным снежным бураном, изнуряться голодом, погибать в волнах морской пучины, претерпевать напасти от хищного зверя, изнемогать в тяжелых болезнях, и Господь всегда оберегал меня, немощного, на всех путях миссионерского служения». С благоговением напомнил он в этом слове о своих предшественниках – камчатских миссионерах: о мученически скончавшемся архимандрите Мартиниане, о монахе Игнатии (Козыревском), об архимандрите (а позже епископе) Иоасафе (Хотунцевском), об архимандрите Пахомии, о

святителе Иннокентии (Вениаминове).

За пределами России на рубеже веков с особенным успехом действовала Японская духовная миссия. Ее основателем был святой равноапостольный Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин). Он родился 1 августа 1836 г. в семье диакона в Березовском погосте Смоленской епархии. В пятилетнем возрасте мальчик потерял мать. По окончании Смоленской духовной семинарии в 1857 г. Иван Касаткин поступил в Петербургскую духовную академию.

В 1860 г. Синод решил направить в Японию священником консульской церкви иеромонаха-миссионера. К студентам Петербургской академии обратились с предложением поехать в далекую, тогда почти неизвестную в России страну, где и власти и народ были заражены многовековой неприязнью к христианству. Отправиться в Японию вызвался Иван Касаткин. 24 июля состоялся его постриг с наречением имени Николай, через 6 дней инока хиротонисали в иеромонаха.

Он был назначен настоятелем консульской церкви в городе Хакодате. Сначала проповедь Евангелия в Японии представилась ему совершенно немыслимой. Он писал: «Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство – как на злодейскую церковь, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи». 8 лет ушло на изучение японского языка, истории и культуры страны, нравов, обычаев и психологии японцев.

Со временем консульскую церковь стали посещать местные жители: одни из любопытства, другие от неудовлетворенности национальным синтоизмом и буддизмом. Хакодатский жрец Савабе до того возненавидел православного русского священника, что собирался убить его, но после нескольких бесед с мудрым миссионером серьезно и глубоко заинтересовался христианством. Наконец, он уверовал во Христа, был крещен и при крещении получил имя апостола Павла. Павел Савабе стал первым православным японцем – за ним последовали новые обращенные. К 1868 г. японская паства святителя Николая насчитывала уже 20 человек.

В конце 1869 г. иеромонах Николай докладывал в Петербург Синоду о первых результатах своей проповеднической деятельности и ходатайствовал об учреждении Миссии. Синод принял решение «образовать для проповеди между японскими язычниками слова Божия особую Российскую духовную миссию». Начальником ее назначили возведенного в сан архимандрита отца Николая.

Вернувшись в Японию, святитель Николай передал хакодатскую паству иеромонаху Анатолию, а сам перебрался в Токио, чтобы устроить

там центр Миссии. В 1871–1873 гг. по Японии прокатилась волна гонений на христиан. Японские христиане, и среди них ревностный миссионер Павел Савабе, подверглись преследованиям. Но после того как гонения стихли, просветитель Японии приступил к строительству церкви и православной школы в Токио. Ему удалось также открыть в японской столице духовное училище, которое впоследствии было преобразовано в семинарию.

В 1874 г. в Токио прибыл епископ Камчатский Павел, чтобы рукоположить в диаконы и пресвитеры нескольких православных японцев, рекомендованных ему архимандритом Николаем. Среди них был и Павел Савабе.

В 1880 г. отец Николай был вызван в Петербург, где состоялась его хиротония во епископа. Снова вернувшись в Японию, он с еще большим усердием и размахом продолжал свои апостольские труды: завершил строительство Воскресенского собора в Токио, составил на японском языке православный богословский словарь, переводил на японский богослужебные книги.

В 1889 г. в Японии была объявлена полная веротерпимость. В связи с этим Миссия смогла шире развернуть свою деятельность. Крещение принимали тысячи японцев, и к концу столетия в стране насчитывалось уже около 25 тысяч православных, объединенных в 226 общин с 28 священниками. Общины были необычайно самодеятельны. При них открывались общества содействия религиозно-нравственному воспитанию. На собраниях обществ читались Священное Писание и жития святых, общества занимались благотворительными делами. В стране подвизалось 149 катехизаторов.

Нравственным испытанием для новорожденной Японской Церкви стала Русско-японская война 1904–1905 гг. Мудрый архипастырь, оставаясь русским патриотом, келейно молился за победу своего Отечества, а в общественных богослужениях, на которых возносились молитвы о победе Японии, не участвовал, но православным японцам он благословил оставаться верноподданными своего правительства, чтобы не дать повода для обвинения их в измене родине. Благодаря этому православные приходы не подвергались преследованиям, а сам святитель снискал глубокое уважение со стороны японцев. Ему разрешили посещать лагеря русских военнопленных. Духовным окормлением пленников занимались и православные пастыри японской национальности. За свои подвижнические труды в годы войны святитель был удостоен сана архиепископа.

Святой равноапостольный Николай скончался 3 февраля 1912 г. Созданная им Японская Церковь насчитывала тогда более 33 тысяч человек. Японская паства чтит почившего святителя как праведника, молитвенника и святого. Велико было уважение к его памяти и со стороны японцев, не принадлежавших к Православной Церкви. Его могила на токийском городском кладбище даже язычниками и поныне почитается как национальная святыня.

Преемником просветителя Японии стал епископ Сергий (Тихомиров, † 1945), впоследствии удостоенный сана митрополита. Вступая на кафедру, епископ Сергий сказал: «Все, что есть в Японской Церкви доброго, до последнего христианина в церквах, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в богослужебных переводах, есть дело просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли почившего святителя, счастливо сочетавшихся с непоколебимой верою его в святость своего дела и с благочестивым его жизненным подвигом».

В 1897 г. была основана Русская духовная миссия в Корее. Цель Миссии состояла в окормлении русских православных людей, проживавших в этой стране и, по возможности, в проповеди христианской веры местному населению. В состав Миссии вошли архимандрит Амвросий, иеродиакон Николай и псаломщик Красин.

Вскоре состав Миссии был обновлен. В Сеул направили архимандрита Хрисанфа, назначенного вместо отца Амвросия. Первым шагом архимандрита Хрисанфа в его миссионерском служении было обращение с проповедью Евангелия к русским подданным корейской национальности, проживавшим в Сеуле. Многие из них были переводчиками. Впоследствии с их помощью удалось осуществить перевод церковных книг на корейский язык. Благодаря трудам архимандрита Хрисанфа в октябре 1900 г. открылась первая школа Миссии, в которой воспитывались дети корейцев.

Со временем христианская проповедь из столицы была перенесена в провинцию, где устраивались миссионерские станы, ставшие своего рода форпостами православия в Корее. Положение Духовной миссии осложнилось во время Русско-японской войны. По обстоятельствам времени деятельность ее была временно прекращена и возобновилась лишь по окончании войны, в 1906 г.

Тогда же был назначен новый состав Миссии из трех штатных и четырех нештатных членов. Во главе Миссии поставили архимандрита Павла (Ивановского). Архимандрит Павел много потрудился над христианским просвещением корейцев. Он завел такой порядок, что перед

крещением оглашаемые сдавали экзамены по краткому катехизису и священной истории, и к купели допускались те, кто успешно сдавал экзамены. Архимандрит Павел продолжал труды своих предшественников по переводу богослужебных книг на корейский язык. При нем продолжалось расширение миссионерских станов и школ в корейской провинции. В 1912 г. отца Павла в Корею сменил архимандрит Иринарх. В 1925 г. при архимандрите Феодосии (Перевалове) Русская духовная миссия в Корею отмечала 25-летие со дня освящения первой церкви Миссии. В это время среди корейцев насчитывалось около 350 православных христиан.

3. Духовная школа и церковная наука

В «Отзывах» архиереев на предложение Святейшего Синода высказаться о состоянии церковной жизни, поступивших в конце 1905 г., с пристальным вниманием обсуждалось состояние духовных школ. Веских оснований для тревог епископата скопилось немало. Чрезвычайно велик был «отсев» духовных школ – уход выпускников семинарий в университеты, а кандидатов богословия на светскую службу. С 1900 по 1910 г. духовные академии окончили более 1600 человек, но в 1911 г. во всей России на приходах и в бесприходных церквях служило менее 700 священников с академическим образованием, из которых добрая половина прошла академический курс еще в 19 в.

Нецерковные настроения, захватившие значительную часть семинаристов, выливались порой в волнения и беспорядки, особенно в революцию 1905–1907 гг. В 18 семинариях произошли тогда забастовки, доходившие до покушений на ректоров, инспекторов и преподавателей.

Некоторые архиереи в своих «Отзывах» давали самую мрачную характеристику всей системе духовного образования. Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) писал: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело духовной школы до крайнего безобразия». В своем «Отзыве» он передает слова неназванного им маститого архиерея: «Должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми».

Но большинство архиереев, давая более умеренные оценки, склонялись к проекту, выдвинутому в свое время архиепископом Димитрием (Муретовым): разделить существующие семинарии на школы двух типов – общеобразовательные гимназии для детей духовенства и всесословные пастырские школы, куда бы принимались лица, уже

получившие среднее образование. Ведь нецерковные, а часто и прямо нигилистические настроения вносили в семинарии те выходцы из духовных семей, кто учился в них не потому, что хотел посвятить себя пастырскому служению, а потому, что в семинариях, в отличие от гимназий, образование для них было льготным.

Особо обсуждался в «Отзывах» вопрос о высшей школе. Архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский) высказался за широкую автономию академий, но при этом он считал обязательным епископский сан для ректора, через которого академия канонически подчинялась бы священноначалию. Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) приложил к своему «Отзыву» записку профессора Н. Н. Глубоковского, предлагавшего открыть при университетах богословские факультеты «для свободного развития богословской науки», а академии сохранить в качестве «научно-апологетических институтов Православной Церкви».

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) предлагал сократить в академических программах преподавание богословских систем и расширить изучение Священного Писания и святоотеческих творений. «Система православного богословия есть еще нечто искомое, – писал он, – и потому должно тщательно изучать его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет».

В 1908 г. Синод назначил ревизию духовных академий. Петербургскую и Московскую академии инспектировал архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий), Казанскую – епископ Псковский Арсений (Стадницкий), Киевскую – архиепископ Волынский Антоний. Ревизоры обнаружили в академиях слишком много «светского духа» и церковного либерализма, упадок дисциплины.

В результате этой ревизии частичная автономия, предоставленная академиям в 1906 г., была отменена. В 1910 г. вышел новый Устав духовных академий, некоторые дополнения были внесены в него в 1912 г. Устав предусматривал расширение преподавательского персонала, введение практических занятий для студентов, увеличение числа кафедр: вновь открывались кафедры византийской истории и истории славянских Церквей. Особое внимание уделялось религиозному и нравственному воспитанию студентов и укреплению дисциплины. Посещение богослужений стало обязательным и для студентов, и для преподавателей. Устав отмечал важность соблюдения постов студентами. Для повышения авторитета администрации для ректора академии устав предусматривал епископский сан, а для инспектора – сан архимандрита. От

преподавателей академий устав требовал читать лекции в строго православном духе. Предпочтение отдавалось профессорам и преподавателям в священном сане. То обстоятельство, что в профессорских корпорациях преобладали миряне, вызывало особую озабоченность Святейшего Синода: в Московской академии из 27 преподавателей лишь 9 состояли в священном сане, а в Петербургской даже через 7 лет после издания нового устава из 33 преподавателей 27 оставались мирянами. Устав предоставлял более широкие административные права ректору академии и усиливал власть епархиальных архиереев над высшими духовными школами.

Научный уровень академического богословия в эту эпоху был весьма высок. На рубеже столетий богословская мысль переживала расцвет, который, однако, таил в себе серьезную опасность отрыва от церковного Предания.

Крупным ученым-библеистом был профессор Московской академии М. Д. Муретов, автор текстологического исследования о Четвероевангелии и работ о ветхозаветном храме, о Филоне Александрийском. Он написал блестящую апологетическую книгу против Ренана, которая из-за неразумного цензурного запрета (чтобы опровергать Ренана, автору пришлось изложить его доводы) опоздала на 15 лет. Профессор М. Д. Муретов занимался также переводами творений святых отцов на русский язык.

Одним из самых выдающихся русских богословов был профессор Н. Н. Глубоковский (1863–1937). Выпускник Московской академии, он читал лекции в Петербургской академии. Еще на студенческой скамье Н. Н. Глубоковский написал двухтомное магистерское сочинение «Блаженный Феодорит, епископ Кирский», напечатанное в 1890 г. Этот труд принес молодому ученому мировую известность. Крупнейший труд Н. Н. Глубоковского по новозаветной экзегетике и исагогике озаглавлен «Благовестие апостола Павла по происхождению и существу» (1905–1912). Это исследование является примером блестящего применения историко-филологического метода для анализа новозаветного текста. Книга поражает энциклопедической эрудицией автора, глубиной и тонкостью его аналитической мысли.

Событием в богословской науке стало издание в 1895 г. магистерской диссертации иеромонаха Сергия (Страгородского), будущего патриарха, «Православное учение о спасении».

Одним из самых талантливых духовных писателей рубежа веков был преосвященный Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит

(1863–1936). Его статьи и лекции по пастырскому богословию отличались свежестью взгляда и вдохновением. Пастырство для преосвященного Антония – это, прежде всего, дар деятельной, сострадательной любви, дар духовного единения пастыря с пасомыми.

Учение преосвященного Антония о пастырстве органически связано с его пониманием догмата искупления. Основным в искупительном подвиге Христа он считал гефсиманское бремя, оставляя в тени и Голгофу, и Воскресение. Он писал: «Вопреки школьным богословским системам, Божественное искупление заключается главным образом именно в восстановлении сего новоблагодатного единения любви и послушания людей с Богом, со Спасителем и между собой». В этом смещении акцентов проявилась главная слабость его догматической и пасторологической системы: чрезмерный морализм и психологизм. Для епископа Антония пастырство заслоняло священство. Сакраментальный момент в жизни Церкви в его статьях остается нераскрытым. Справедливо упрекая схоластическое богословие в безжизненности и отвлеченности, епископ Антоний стал искать выхода в нравственном раскрытии догмата. Объясняя смысл Голгофы, он писал: «Телесные муки и телесная смерть Христова нужна прежде всего для того, чтоб верующие оценили силу Его душевных страданий, как несравненно сильнейших, нежели телесные муки Его». Не на таком языке говорили о тайне крестной смерти святые отцы.

В своей антропологии епископ Антоний недалек от вполне пелагианской интерпретации значения первородного греха. «Адам, – писал он, – был не столько виновником нашей греховности, сколько первым по времени грешником, и если бы мы не были его сынами, то все равно согрешили бы». Отрыв моралистического богословия епископа Антония от антропологии и сотериологии святых отцов очевиден.

Широкая популярность епископа Антония в церковных кругах объяснялась в значительной мере его особой чуткостью к современным общественным проблемам. У него было острое чувство независимости Церкви от мира. Будучи монархистом, он тем не менее, подобно славянофилам, был непримиримым противником синодальной системы и обличал ее с редким бесстрашием, которое ставило его в постоянно натянутые отношения с обер-прокурорами Синода. Громче всех своих современников он высказывался за восстановление патриаршества.

Стремясь усилить воздействие Церкви на мир, епископ Антоний особые надежды возлагал на ученое монашество, и в бытность ректором академий он многих студентов убедил принять постриг.

Но в монашестве он, вопреки церковной традиции, видел не столько

поприще аскетического подвижничества, собирания души, сколько своеобразный церковный авангард, призванный оказывать действенное влияние на церковную и политическую жизнь страны.

Крайним представителем «морализма» в русском богословии был профессор М. М. Тареев (1867–1934). Он занимал в Московской академии кафедру нравственного богословия. Главный труд Тареева назван «Основы христианства». В этой книге содержится открытая критика «исторического христианства». Тареев убежден в том, что мир внешний, исторический, в котором действуют свои естественные законы, и мир личной человеческой жизни по Евангелию совершенно разомкнуты. Церковь из этого мира приобретает своих чад, но христианству нечего делать в истории и в мире. Для Тареева «Церковь» есть «второстепенная» или «производная реальность в христианстве». «Внутреннее христианство всецело Божественно – писал он, – Церковь же имеет земной вид, носит черты человеческой условности, исторически развивается».

В своей последней книге «Христианская философия» (1917) Тареев ставит под сомнение святоотеческое учение, подозревает его в искажении первоначального христианства. Учение святых отцов он обвиняет в гностицизме, сводит патристику к национально-греческому, византийскому типу мирозерцания, который он считает чуждым духовному складу русского народа. Весьма скептически относится Тареев и к догматике, противопоставляя ей христианскую этику. «Догматист, – писал он со странной под пером православного богослова иронией, – учит о том, что было, когда ничего не было, что происходит на небе и что будет за гробом, а о том, что происходит в христианской душе, здесь на земле, теперь, у него и терминов нет, слов нет». В своей «Христианской философии» М. М. Тареев повторял те возражения против церковного учения и святоотеческого Предания, которые за несколько веков до него уже были выдвинуты зачинщиками Реформации.

Моралистическому уклону в богословии начала века противостояла онтологическая школа религиозно-философской и богословской мысли. К этому направлению принадлежали профессора С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Н. Булгаков (впоследствии протоиерей), священник П. А. Флоренский (1882–1937) – философ, богослов, математик, искусствовед, автор «Столпа и утверждения истины» (1914). Это – очень личная книга, в ней отразился опыт личного восприятия святоотеческого Предания, в котором автор особенно дорожил «александрийским направлением», связанным с платоновским онтологизмом. «Столп и утверждение истины» – труд не столько богослова-догматиста, сколько религиозного философа, который

стремился подчинить свою мысль суду церковного разума.

В последние годы синодальной эпохи появились замечательные работы талантливого богослова священномученика Илариона (Троицкого) (1886–1929), профессора Московской академии. В своих экклезиологических построениях он, подобно митрополиту Антонию (Храповицкому), принадлежал к тому направлению в богословии, которое находилось под сильным влиянием А. С. Хомякова. Архимандрит Иларион не уставал повторять мысль о том, что единство Церкви строится не только на единстве веры, но и на единстве благодатной жизни, что Церковь подобна живому и деятельному организму. Поэтому общества, отделившиеся от Единой Церкви, он, независимо от меры их догматических отступлений, считал совершенно безблагодатными. Впадая в ригористическую крайность, в нетерпимость, он был прав в главном: превыше всего он ставил сохранение единства Церкви.

Среди крупных деятелей церковной науки начала 20 в. следует также назвать имена несравненного знатока и исследователя патристического наследия профессора И. В. Попова, замечательных канонистов С. В. Троицкого и В. Н. Бенешевича, пасторолога В. Ф. Певницкого, церковного историка Н. Ф. Каптерева (1847–1917).

Ученик протоиерея А. В. Горского, профессор Н. Ф. Каптерев выбирал для исследования узкие темы, но ему удавалось включить их в широкую перспективу исторического процесса. Ему принадлежит фундаментальная монография «Патриарх Никон и царь Алексей», посвященная одному из самых переломных моментов в истории Русской Церкви и Русского государства.

Церковно-исторические работы писал и В. О. Ключевский (1841–1911), великий русский историк, который занимал в Московской академии кафедру гражданской истории. Для его исследований характерен тщательный анализ источников, материалов, фактов, но в анализе документов ему удавалось избежать гиперкритицизма Е. Е. Голубинского. В. О. Ключевский был мастером исторического синтеза. В своих работах, в том числе и церковно-исторических – «Древнерусские жития святых как исторический источник», «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» – он обнаруживал незаурядный литературный дар: со страниц его книг и статей встают мастерски написанные живые картины минувших эпох.

В духовной литературе рубежа столетий совершенно особое место занимают книги Е. Поселянина, посвященные житиям неканонизированных праведников и подвижников: «Жизнеописание

подвижников благочестия 18–19 веков». Без этих книг наше представление о синодальной эпохе было бы ущербным и односторонним. Труды Е. Поселянина убеждают в том, что и в этот кризисный период истории, когда потускнел образ Святой Руси, Русская Церковь, взрастившая сонм святых подвижников и праведников, оставалась Святой Церковью.

4. Религиозно-нравственное состояние общества и церковная жизнь

В начале 20 в. Россия была втянута в водоворот бурных исторических событий. Политические потрясения оказывали влияние на религиозно-нравственное состояние народа. В народе умножились случаи отпадения в секты, особенно опасным был стремительный рост баптистской общины. В среде городской бедности вполне обычным явлением стало отчуждение от Церкви.

Интеллигенция в эти переломные годы русской истории переживала неоднозначные духовные процессы. С одной стороны, большая ее часть, отличавшаяся политической активностью, разделяла антирелигиозные настроения, так что противопоставление духовенства «обществу» стало одной из главных тем церковной и светской печати; с другой – уже в конце 19 столетия в обществе снова, как и в александровскую эпоху, пробуждалась потребность в духовной жизни. И хотя в интеллигентском «богоискательстве» было много легкомысленного и суетного, православное духовенство с пастырской заботой отнеслось к мировоззренческим исканиям интеллигенции, стремившейся к духовному возвращению в Церковь.

С 1901 по 1903 г. в Петербурге проводились религиозно-философские собрания, на которых интеллигенция, разочарованная в позитивизме и материализме, вела диалог с православными пастырями и профессорами богословия. Председательствовал на собраниях ректор Петербургской академии епископ Сергий (Страгородский). Во вступительном слове при открытии собраний он говорил: «Самое искреннее мое желание быть здесь не по рясе, а на самом деле служителем Церкви, верным выразителем ее исповедания. Я бы счел себя поступившим против совести, если бы хотя немного уклонился от этого из-за какого-нибудь угодничества или из ложно рассчитанного стремления к миру... Настоящего, серьезного, действительно прочного единства мы достигнем только в том случае, если выскажемся друг перед другом, чтобы каждый видел, с кем он имеет дело, что он может принять и чего не может».

О влиянии председателя на атмосферу, которая установилась на собраниях, говорят слова, прочитанные на заключительном заседании от имени членов-учредителей: «Дух пастыря почил на пастве и определил

счастливым и совершенно неожиданным успех собраний. На них собирались с сомнением и не знали: возможно ли и нужно ли будет собираться после двух-трех встреч духовенства и общества. Ничего не ждалось, кроме недоумений, раздражения, непонимания... Но добрый дух пастыря все сотворил... Епископ духом своим показал, как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов».

Среди участников собраний были В. А. Тернавцев, Д. С. Мережковский, князь С. М. Волконский. Академическое богословие, кроме епископа Сергия, представляли профессор протоиерей С. А. Соллертинский, профессора П. И. Лепорский и А. И. Бриллиантов.

Настроения некоторых участников религиозно-философских собраний хорошо характеризуют слова Д. С. Мережковского: «Для нас христианство в высшей степени неожиданно, празднично. Вот мы именно эти не призванные, не приглашенные на пир – прохожие с большой дороги... а мертвая академическая догматика – это старая, верная прислуга Хозяина, которая не пускает нас. Мы пришли радоваться празднику, а богословы слишком привыкли к христианству. Оно для них серо как будни». В этом высказывании сильно прозвучал новый, эстетический уклон религиозной мысли, который шел на смену моралистической традиции. Интеллигенция возвращалась в Церковь без должного смирения, не столько для того, чтобы спастись в ней и учиться у нее, сколько чтобы учить Церковь, чтобы попытаться реформировать ее на свой вкус. С обеих сторон на собраниях высказана была мысль о неотложной необходимости церковного Собора.

В 1903 г. собрания были закрыты по настоянию К. П. Победоносцева, который находил их опасными. Он боялся, что влияние нецерковных участников собраний возобладает над миссионерским направлением, которое стремился придать собраниям их председатель.

В 1907 г. в Москве было учреждено Религиозно-философское общество имени В. С. Соловьева, в которое вошли ректор Петербургской академии В. Свенцицкий, С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский, принявшие впоследствии священный сан, а также Н. А. Бердяев, В. Ф. Эрн. Члены общества в разной мере испытывали на себе влияние В. С. Соловьева (1853–1900), философа и религиозного мыслителя, который пытался синтезировать христианство с неоплатонизмом и искал единения христианского мира под духовной властью папы и светской властью русского царя, но, разочаровавшись в своих теократических, унитарных и экуменических надеждах, в «Повести об антихристе» проповедовал скорое

наступление апокалиптической катастрофы. От В. С. Соловьева идет волновавшая богословскую мысль 20 в. софиологическая тема.

На рубеже веков начал меняться устоявшийся за два столетия синодальной эпохи нравственно-психологический и бытовой тип русского духовенства. Росла его общественная активность. Многие из священнослужителей избирались в Государственную думу и проявляли немалую активность в ее работе. Постепенно духовенство переставало быть тем «запуганным сословием», в которое превратили его свирепые разборы 18 в. и отчуждение от Церкви дворянства и интеллигенции.

В конце 19 столетия начинали ломаться сословные границы духовного чина: чаще, чем прежде, священства искали выходцы из других сословий. Об этом косвенным образом можно судить по сословному происхождению архиереев первой половины 20 в. Большинство из них по-прежнему уже по рождению принадлежали духовному чину. Но такие архиереи, как митрополит Серафим (Мещеряков), архиепископ Павлин (Крошечкин), вышли из крестьян. Выходцами из купеческого сословия были священномученики Герман и Варлаам (Ряшенцевы). Из дворян были патриарх Алексей (Симанский), митрополиты Антоний (Храповицкий), Серафим (Чичагов), Серафим (Александров), Трифон (князь Туркестанов), епископ Андрей (князь Ухтомский) и другие архиереи, в то время как из епископов 19 в. лишь святитель Игнатий (Брянчанинов) и Ювеналий (Половцев) принадлежали по рождению дворянству.

Как и во все века русской истории, очагами духовной жизни и в эту эпоху оставались монастыри. Аскетическое подвижничество на рубеже столетий процветало в Оптиной и Глинской пустынях, на Валааме и в Сарове, в Дивеевской и Шамординской женских обителях. Возрождение духовной жизни происходило и в Троице-Сергиевой лавре – в ее скитах, и особенно в Гефсимании. В Гефсиманском скиту спасались старцы Филипп, Исидор, Александр, Герман.

Особенно знаменит гефсиманский старец преподобный Варнава (в миру Василий Меркулов). Он родился в 1831 г. в крестьянской семье. В 20 лет пришел в лавру и поступил в нее послушником. Послушнический искус проходил под руководством старцев Григория и Даниила. В 1865 г. он принял постриг и вскоре был рукоположен в иеромонаха. Уже тогда, несмотря на его молодость, у него искали совета и помощи богомольцы. Преподобный Варнава поселился в Гефсиманском скиту, и в этот скит к нему приходило много верующих за наставлением и духовной помощью. Более 30 лет продолжалось служение инока. Скончался старец Варнава 17 февраля 1906 г.

Одним из самых отрадных явлений эпохи было умножение числа канонизаций. В царствование Николая II к лику святых было причислено больше подвижников, чем за два предшествующих века. Первым был прославлен черниговский святитель Феодосий, почивший в 1696 г. Через 200 лет после его блаженной кончины – 9 сентября 1896 г. состоялось перенесение святых мощей угодника. 4 сентября 1911 г. к лику святых был причислен епископ Иоасаф Белгородский, мощи которого сохранились совершенно нетленными. 300 лет спустя после мученической кончины страдальца за православие и русский народ патриарха Московского Ермогена, 12 мая 1913 г., состоялось прославление его памяти. На праздничные торжества прибыл патриарх Антиохийский Григорий IV, который совершил Божественную литургию в Успенском соборе Кремля. 28 июля 1914 г. к сонму святых угодников был причислен святитель Питирим, епископ Тамбовский, преставившийся в 1698 г. Память святителя Иоанна, митрополита Тобольского, чтилась в Сибири издавна. Ввиду его местного почитания и множества чудес, явленных у его могилы, в 1916 г. Святейший Синод установил всероссийское празднование его памяти, назначив его на день кончины святого – 10 июня.

В 1909 г. было восстановлено почитание святой Анны Кашинской, вдовы замученного в Орде святого князя Михаила Тверского, которая издревле благоговейно чтилась в Кашине и во всей Тверской земле. Собор 1649 г. постановил открыть мощи благоверной княгини и причислить ее к лику святых. Но в 1677 г. в связи со старообрядческим расколом, использовавшим имя святой Анны в своих целях, Московский Собор отменил ее почитание. 12 июня 1909 г., по постановлению Синода, совершилось повторное прославление памяти святой княгини. Перенесение ее мощей привело в Кашин десятки тысяч богомольцев.

Великим торжеством Православной Церкви и благочестивого русского народа стало прославление преподобного Серафима Саровского. Еще при его земной жизни тысячи верующих, получавших от него духовную помощь, почитали его за святого. Чудеса на его могиле совершались непрестанно. В 1903 г. Святейший Синод постановил причислить преподобного Серафима к лику святых. 19 июля, в день рождения чудотворца, в Сарове состоялось открытие его мощей и перенесение их в уготованную гробницу. На эти торжества в глухую лесную обитель съезжались и сходились люди всех состояний и званий, от самых высокопоставленных в России – императора Николая II и его семьи – до бездомных странников и нищих. Все дороги, ведущие в пустынь, на многие версты, были заполнены толпами богомольцев. Много исцелений

совершилось в день прославления в Сарове по молитвам к новоявленному чудотворцу и светильнику Русской земли.

5. Церковное искусство

В области церковного искусства знаменательным событием начала 19 в. явилось так называемое «открытие иконы». В 1905 г. в связи с разрешением старообрядцам строить новые храмы усилился интерес к древней иконописи, традиции которой старообрядцы хранили особенно бережно. Коллекционеры-старообрядцы Рябушинский, Мамонтов, Морозов свозили в Москву не только незаписанные «строгановские иконы», но и потемневшие и записанные иконы более древнего происхождения. Реставраторы очищали их от копоти, потемневшей олифы и, наконец, научились освобождать образы от позднейших записей. Расчищенные новгородские иконы 15 в. поразили ценителей иконописи своим высоким искусством. Подлинным открытием явилась расчистка рублевской «Троицы» из иконостаса Троицкого собора Сергиевой лавры. От позднейших записей освобождены были лики Богомладенца и Богоматери на чудотворной Владимирской иконе.

В 1913 г. в Москве открылась большая выставка древнерусского искусства, на которой показаны были и расчищенные древние иконы. У посетителей выставки словно пелена упала с глаз. Они увидели творения высокого искусства, которые приоткрывали завесу над духовной реальностью горнего мира.

«Открытие» древней иконы оказало влияние на работу художников-иконописцев. Самыми знаменитыми среди них были В. М. Васнецов и М. В. Нестеров. Они высоко ценили древнюю икону и в своем творчестве вдохновлялись ею, хотя их собственный живописный язык был совершенно иным и в целом принадлежал к стилистике модерна. Более смелые попытки усвоить изобразительные приемы древней иконописи предпринимал Н. К. Рерих.

Для храмостроительства начала 20 в. характерны поиски новых архитектурных форм. Лучшие зодчие с несравненно большим искусством, чем прежде, в 1860–80 гг., воспроизводили древние типы русских храмов. В 1910–1913 гг. в московских Сокольниках по проекту архитектора П. А. Толстых была воздвигнута церковь Воскресения Христова, одна из наиболее удачных свободных стилизаций под древнерусскую шатровую архитектуру. В ее основу положен древний тип четырехстолпного и трехапсидного храма.

Большим мастерством в воспроизведении архитектурных форм древнерусского храмового зодчества отличался А. В. Щусев, построивший

собор Покрова Богородицы Марфо-Мариинской обители в Москве, храм Преподобного Сергия на Куликовом поле, Троицкую церковь в Почаевской лавре, мозаики для которой выполнил Н. К. Рерих.

На рубеже столетий постоянно рос интерес к древним церковным распевам. Особенно удачны опыты гармонизации древнего пения, предпринятые А. Д. Кастальским (1856–1926). Выдающимися церковными композиторами 20 в. были П. Г. Чесноков, В. С. Калинин, А. Т. Гречанинов. Древнее осмогласное пение вдохновило великого композитора С. В. Рахманинова на написание его знаменитой «Всенощной».

Часть вторая. Новейший период

Глава 1. Поместный собор русской православной церкви 1917–1918 гг. и восстановление патриаршества

1. Русская Церковь при Временном правительстве

После отречения императора Николая II и образования Временного правительства 9 марта 1917 г. Святейший Синод обратился к всероссийской пастве с посланием: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Чудесное явление иконы Божией Матери «Державная» в селе Коломенском под Москвой 2 марта, в день отречения императора, стало великим и знаменательным событием, свершившимся в эти трудные дни. Это явление любви Богородицы к русскому народу, вступающему на путь крестных испытаний, было и материнским утешением, и увещанием, и призывом к молитвенному покаянию, к духовной собранности, к исповеднической верности Христу.

Между тем в России начинался развал государства, фронт подступал к столице, на окраинах страны сепаратисты, не дожидаясь Учредительного собрания, в явочном порядке провозглашали автономии, парализовав деятельность правительственных служб и местных учреждений власти. Повсюду происходили самочинные экспроприации.

Разлагающие веяния проникли и в церковную среду. Сразу же после Февраля возобновила свою деятельность образованная в 1905 г. «группа 32-х» священников, переименованная затем в «Союз церковного обновления»; по инициативе священников И. Егорова, Д. Попова, А. Введенского в Петрограде под председательством протоиерея Димитрия Попова был учрежден «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян». Действуя под покровительством Временного правительства, этот союз настаивал на скорейших преобразованиях церковного строя, которые должны были принять самый радикальный характер. Опасность раскола угрожала и с другой стороны: на окраинах бывшей империи – в Грузии и даже на Украине – вслед за политическими автономиями готовилась почва для провозглашения автокефалии.

Уже в марте Святейший Синод по настоянию обер-прокурора В. Н. Львова, назначенного Временным правительством, уволил на покой петроградского митрополита Питирима (Окнова), престарелого московского святителя Макария (Невского) и архиепископа Тобольского Варнаву (Накропина), обвинив их в тесных отношениях с Распутиным.

Вслед за этим по всей стране начались увольнения архиереев, либо под предлогом их, чаще всего надуманных, связей с Распутиным, либо даже по юридически несостоятельному и не имеющему никакого канонического значения обвинению в поддержке старого режима. На покой были уволены архиепископы Черниговский Василий (Богоявленский), Воронежский Тихон (Никаноров), Харьковский Антоний (Храповицкий). Архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий) был даже арестован и некоторое время содержался в заключении. Низвержение архипастырей и самоуправство в епархиях радовали обер-прокурора: «Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую; я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует».

Провозгласив всевозможные политические и гражданские свободы, правительство ужесточило давление на Церковь. 20 марта вышел закон об отмене ограничений в правах, связанных с религиозной и национальной принадлежностью. Тем самым Православная Церковь теряла свой привилегированный статус. Разрабатывался декрет о факультативном, вместо обязательного, преподавании Закона Божия. Многовековой союз Церкви и государства рушился, но Временное правительство пыталось сохранить за собой право контроля над внутренней жизнью Церкви. В глазах православных зависимость Церкви от Временного правительства, лишенного всякой сакральности, приобретала противоестественный характер.

Между тем, огульно обвиняя епископат в реакционности и опираясь на поддержку либеральных общественных кругов, а также обновленчески настроенной группы петроградского духовенства, обер-прокурор уже в апреле 1917 г. начал настоящую войну с иерархией. Без согласия Синода он распорядился передать «Церковный вестник» из ведения Синода совету Петербургской духовной академии, а редактором журнала назначил известного своим либерализмом профессора Б. В. Титлинова. С этих пор «Вестник» стал рупором обновленческого движения; в нем печатались статьи с клеветой на прошлое Церкви, с грубыми нападками на ее иерархический строй, с развязными обвинениями архиереев в монархизме.

Когда после Пасхи члены Синода вернулись в Петроград, у них сложилось единое мнение о незаконности передачи газеты Петроградской академии. Но обер-прокурор считал, что все совершилось на законных основаниях и журнал при новой редакции будет соответствовать, как он заявил, «современному церковно-общественному течению мысли».

15 апреля в зал заседаний Синода вошли В. Н. Львов с группой чиновников и военных. Революционный обер-прокурор, служивший

прежде в кавалергардском полку, громко скомандовал: «Прошу встать! Объявляю указ Временного правительства», – и зачитал распоряжение о прекращении зимней сессии Синода и об увольнении в свои епархии его членов: митрополита Киевского священномученика Владимира (Богоявленского), архиепископов Литовского святого Тихона, Новгородского Арсения (Стадницкого), Гродненского Михаила (Ермакова), Нижегородского Иоакима (Левицкого), Черниговского Василия (Богоявленского), протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского – всех, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), и о вызове новых членов и присутствующих на летнюю сессию. Митрополит Владимир, архиепископы Тихон, Арсений, Михаил и Иоаким составили акт, в котором подтвердили свое несогласие с незаконной передачей «Вестника» совету Петроградской академии, и сделали заявление о том, что «новый состав Святейшего Синода должен быть образован способом каноническим, т. е. архиереи должны быть избраны архиереями, а члены от белого духовенства – голосом последнего». К этому заявлению впоследствии присоединились архиепископ Сергей и протопресвитеры А. Дернов и Г. Шавельский.

На летнюю сессию были вызваны экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), протопресвитер Николай Любимов, настоятель Успенского собора Московского Кремля, профессора протоиереи Александр Смирнов и Александр Рождественский, протоиерей Федор Филоненко.

29 апреля Синод обратился с Посланием к российской пастве, в котором призывал провести «выборное начало на всех уровнях церковного управления», в том числе и при замещении архиерейских кафедр. Большинство епархиальных съездов выразило доверие правящим архиереям и просило Святейший Синод об оставлении их в епархиях. Свои кафедры сохранили преосвященные Новгородский Арсений (Стадницкий), Волынский Евлогий (Георгиевский), священномученики Тамбовский Кирилл (Смирнов), Пермский Андроник (Никольский), Астраханский Митрофан (Краснопольский). Но во многих епархиях выборы проходили в нецерковной обстановке. Обновленческие настроения захватили часть мирян и клириков, особенно низших – псаломщиков, пономарей. В церковной печати раздавались призывы ввести белый епископат и даже упразднить монашество. При таком помрачении церковного сознания многие из достойных иерархов оказались забаллотированными. Под

предлогом самых вздорных обвинений в Тверской епархии голосами псаломщиков был уволен с кафедры священномученик архиепископ Серафим (Чичагов). Им недовольны были за строгие требования, которые он предъявлял к кандидатам священства.

Но среди иерархов, избранных в это беспокойное время, были и архиереи выдающихся церковно-административных способностей, преданные Церкви, любимые в православном народе. На Петроградскую кафедру голосами питерской бедноты был избран священномученик Вениамин (Казанский), на Московскую – святитель Тихон (Беллавин).

Между тем антицерковный курс Временного правительства становился все более очевидным. 20 июня вышло постановление о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Закон о свободе совести, опубликованный 14 июля, провозглашал свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина по достижении четырнадцатилетнего возраста, когда дети еще учатся в школе. Министерство просвещения торопилось использовать это положение для того, чтобы низвести преподавание Закона Божия на уровень факультативного предмета или вовсе устранить его из программы обучения.

Именно в этот год сказаны были горькие слова о «раскрещивании России, получившей Крещение тысячу лет назад». Русская Церковь постепенно осознала, что симфонии с государством нет и не будет, а под давлением неправославной власти надо противостоять разлагающему влиянию либерализма в среде духовенства, но любые попытки дать отпор безначалию и самоуправству воспринимались многими на гребне революционных событий как рецидивы старорежимного, бюрократического ведения дел, скомпрометированного в глазах церковной общественности. Борьба за свободу Церкви, за возрождение соборности отождествлялась некоторыми с политическими принципами парламентаризма.

В июне в Москве открылся Всероссийский съезд духовенства и мирян, на котором единственным участником из архиереев был епископ Уфимский Андрей. Съезд отразил переломный момент в смене настроений церковной общественности: на нем было много сказано о необходимости радикальных перемен в Церкви, которые бы соответствовали духу времени, о демократизации церковного управления, о нововведениях в богослужении. Делегаты поддержали либеральное направление новой редакции «Всероссийского церковно-общественного вестника», а депутаты от юго-западных епархий внесли на рассмотрение

съезда декларацию с требованием автокефалии Украинской Церкви. В то же время в речах выступавших звучала и тревога о положении Церкви при новой власти. Несмотря на свой либерализм, московский съезд решительно высказался против замысла Временного правительства отнять у Православной Церкви приходские школы. Но главной темой съезда был Всероссийский Церковный Собор, скорейшего созыва которого ждала вся Церковь, ждала уже более двухсот лет, и исполниться этим чаяниям Господь судил в лихолетье смуты.

29 апреля 1917 г. Святейший Синод принял решение о подготовке к Поместному Собору; при Синоде был образован Предсоборный совет, в который вошли 62 члена – архиереи, священники, ученые богословы из мирян, известные церковно-общественные деятели. Входил в Совет и обер-прокурор Львов. Первое заседание Совета состоялось 13 июня в Петрограде.

При обсуждении программы предстоящего Собора в совете использовались материалы Предсоборного присутствия 1905–1906 гг. и Предсоборного совещания 1912–1914 гг. Острые споры вспыхнули по вопросу о высшем церковном управлении. Профессора Петроградской духовной академии, особенно влиятельные в Предсоборном совете, настояли на том, чтобы предложение о восстановлении патриаршества было отвергнуто. Горячо обсуждался вопрос об участии мирян введении церковных дел. Профессор Петроградской академии А. А. Папков отстаивал самые широкие права прихода, ему возражал Н. И. Лазаревский: «Бесконтрольное хозяйничанье мирян может привести к самым неожиданным постановлениям, а если они постановят продать Казанский собор на увеселительные заведения, тогда что делать?».

5 июля Синод принял постановление об открытии Поместного Собора в Москве в праздник Успения Божией Матери и утвердил Положение о созыве Собора. Каждый приход должен был избирать делегатов на благочиннические собрания, те, в свою очередь, посылали представителей на епархиальный съезд, а епархиальные съезды избирали уже членов Собора. Часть членов Собора избиралась от сословных куриий и корпораций. 24 июля Святейший Синод в посланиях к Предстоятелям поместных Церквей приглашал их прибыть на Всероссийский Поместный Собор. Другое синодальное послание (от 22 июля) о событиях, происходящих в стране, обращено к православным русским людям: «Хищения, грабежи, разбои, насилие и обострившаяся партийная и политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю

братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате, с одной стороны, приостановка блестяще начатого наступления на врага, с другой, вместо братства – охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений. Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратятся смятения, и попрания, и замешательства... от Господа Бога (Ис. 22:5)».

В самый канун Собора произошли очередные перемены в составе Временного правительства. 25 июля обер-прокурором Синода вместо Львова был назначен А. В. Карташев, в прошлом доцент Петроградской духовной академии. 5 августа Временное правительство упразднило должность обер-прокурора и учредило Министерство исповеданий, назначив министром Карташева. В компетенцию нового министерства входили отношения Православной Церкви с другими религиозными общинами России и государственной властью – какое-либо вмешательство во внутрицерковные дела при этом не предусматривалось. Эта перемена послужила освобождению Церкви от давления со стороны правительственных чиновников, но серьезного значения появление нового министерства не имело для Церкви: Временное правительство уже теряло власть в стране.

За два дня до открытия Собора Святейший Синод возвел столичных архипастырей – Тихона Московского и Вениамина Петроградского, а также экзарха Грузии архиепископа Платона в сан митрополитов. Синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви доживала последние дни.

2. Состав и начало деяний Поместного Собора

В состав Собора по должности вошли все присутствующие в Синоде и правящие епархиальные архиереи, члены Предсоборного совета, а также наместники лавр и настоятели прославленных обителей – Валаамской, Соловецкой, Саровской и Оптиной, протопресвитеры Успенского собора Николай Любимов и армии и флота Георгий Шавельский. Остальные члены Собора вошли в его состав по избранию: от монашествующих – 12 соборян, от военного и морского духовенства – 10 священников, от действующей армии – 15 мирян, от единоверцев – 11 человек, от духовных академий – 11 профессоров, от Академии наук и университетов – 13 членов, по 3 представителя от Государственной думы и Государственного совета. Но большинство Собора составляли избранники от 66 епархий. Каждая епархия посылала на Собор, помимо правящего архиерея, двух клириков и трех мирян. Епархиальные архиереи, которые не смогли

прибыть на Собор, направили вместо себя викарных епископов или протоиереев – всего 12 заместителей.

Среди 564 членов Собора было 80 архиереев, 129 пресвитеров, 10 диаконов, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян. В деяниях Собора участвовали представители единоверных Православных Церквей: епископ Никодим (от Румынской) и архимандрит Михаил (от Сербской).

Широкое представительство на Соборе пресвитеров и мирян было связано с тем обстоятельством, что он явился исполнением двухвековых чаяний православного русского народа, его устремлений к возрождению соборности. Но устав Собора предусматривал особую ответственность епископата за судьбу Церкви. Вопросы догматического и канонического характера после их рассмотрения полнотой Собора подлежали утверждению на совещании епископов.

Поместный Собор открылся в Успенском соборе Кремля в день его храмового праздника – 15 (28) августа. Торжественную литургию совершил митрополит Киевский священномученик Владимир в сослужении митрополитов Петроградского святого Вениамина и Тифлисского Платона.

После пения Символа веры члены Собора поклонились мощам московских святителей и в преднесении кремлевских святынь вышли на Красную площадь, куда уже крестными ходами стекалась вся православная Москва. На площади было совершено молебное пение.

Первое заседание Собора состоялось 16 (29) августа в храме Христа Спасителя после литургии, совершенной здесь митрополитом Московским святым Тихоном. Целый день оглашались приветствия Собору. Деловые заседания начались в третий день деяний Собора в московском епархиальном доме. Открывая первое рабочее заседание Собора, митрополит Владимир произнес напутственное слово: «Мы все желаем успеха Собору, и для этого успеха есть основания. Здесь, на Соборе, представлены духовное благочестие, христианская добродетель и высокая ученость. Но есть нечто, возбуждающее опасения. Это – недостаток в нас единомыслия... Поэтому я напомним апостольский призыв к единомыслию. Слова апостола «будьте единомысленны между собою» имеют великое значение и относятся ко всем народам, ко всем временам. В настоящее время разномыслие сказывается у нас особенно сильно, оно стало основополагающим принципом жизни... Разномыслие расшатывает устои семейной жизни, школы, под его влиянием многие отошли от Церкви... Православная Церковь молится о единении и призывает

«единем усты и едином сердцем» исповедать Господа. Наша Православная Церковь устроена «на основании апостол и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу». Это скала, о которую разобьются всякие волны».

Своим почетным председателем Собор утвердил святого митрополита Киевского Владимира. Председателем Собора был избран святой митрополит Тихон. Был составлен Соборный совет, в который вошли председатель Собора него заместители архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий), протопресвитеры Н. А. Любимов и Г. И. Шавельский, князь Е. Н. Трубецкой и председатель Государственного совета М. В. Родзянко, которого, ввиду того что он на Собор не явился, в феврале 1918 г. сменил А. Д. Самарин. Секретарем Собора был утвержден В. П. Шеин (впоследствии архимандрит Сергей). Членами Соборного совета избраны были также митрополит Тифлиссский Платон, протоиерей А. П. Рождественский и профессор П. П. Кудрявцев.

После избрания Соборного совета началось образование рабочих отделов и комиссий. В отделы члены Собора записывались по желанию. Важнейшие отделы возглавили: епископ Астраханский священномученик Митрофан – отдел высшего церковного управления, епископ Минский Георгий – отдел епархиального управления, архиепископ Новгородский Арсений – правового положения Церкви в государстве, архиепископ Владимирский Сергей – церковного суда, архиепископ Вольнский Евлогий – богослужения, проповедничества и храмов, митрополит Киевский священномученик Владимир – церковной дисциплины, митрополит Тифлиссский Платон – внешней и внутренней миссии, архиепископ Харьковский Антоний – единоверия и старообрядчества, архиепископ Кишиневский Анастасий – церковного имущества и хозяйства. Всего образовано было 22 отдела и 3 совещания при Соборном совете: религиозно-просветительное во главе с архиепископом Кишиневским Анастасием, хозяйственно-распорядительное во главе с епископом Екатеринославским Агапитом и юридическое во главе с архимандритом Владимиром.

После избрания и поставления патриарха на большинстве соборных заседаний председательствовал преосвященный Новгородский Арсений, возведенный в сан митрополита. В трудном деле руководства соборными деяниями, которые часто приобретали беспокойный характер, он обнаружил и твердую властность, и мудрую гибкость.

Собор открылся в дни, когда Временное правительство

агонизировало, теряя контроль не только над страной, но и над разваливающейся армией. Солдаты толпами бежали с фронта, убивая офицеров, учиня беспорядки и грабежи, наводя страх на мирных жителей, в то время как кайзеровские войска стремительно двигались вглубь России. 24 августа (6 сентября) по предложению протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского Собор обратился к бойцам с призывом образумиться и продолжать исполнять свой воинский долг. «С болью душевной, с тяжкой скорбью – говорилось в воззвании, – Собор взирает на самое страшное, что в последнее время выросло во всей народной жизни и особенно в армии, что принесло и грозит еще принести Отечеству и Церкви неисчислимыя беды. В сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов, начал гаснуть огонь веры православной, начало слабеть стремление к подвигу во имя Христа... Непроглядная тьма окутала Русскую землю, и стала гибнуть великая, могучая Святая Русь... Обманутые врагами и предателями, изменой долгу и присяге, убийствами своих же братьев, грабежами и насилиями запятнавшие свое высокое священное звание воина, молим вас – опомнитесь! Загляните в глубину своей души, и ваша... совесть, совесть русского человека, христианина, гражданина, может быть, скажет вам, как далеко вы ушли по ужасному, преступнейшему пути, какие зияющие, неисцелимые раны наносите вы Родине-матери своей».

27 сентября обсуждался внеочередной вопрос о составлении послания по поводу приближающихся выборов в Учредительное собрание. Одни ораторы, опасаясь, что самоустранение Церкви от политики даст свободу крайним политическим агитаторам, призывали к прямому участию Церкви в предвыборной борьбе. Другие высказались против участия Церкви в выборах. Князь Е. Н. Трубецкой предложил найти «средний царский путь»: «Обратиться с воззванием к народу, не опираясь ни на какую политическую партию, и определенно сказать, что следует избирать людей, преданных Церкви и Родине». На этом решении и остановились. 4 октября Поместный Собор обратился к всероссийской пастве с посланием: «Уже не в первый раз в нашей истории рушится храмина... государственного бытия, а Родину постигает гибельная смута... Непримиримостью партий и сословным раздором не создается мощь государства... Пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой. Соберутся кости сухие и облекутся плотию и оживут по велению Духа... В Родине видится оку земля святая... И поистине, не мила нам и Родина без святой веры нашей. Пусть же

носители веры призваны будут уврачевать ее болезни».

Тяжелые вести с фронта, из Петрограда и провинции отвлекали внимание Собора от обсуждения неотложных церковных дел. Первый доклад от отдела личного состава зачитал на пленарном заседании профессор П. А. Прокошев. Острым моментом стало обсуждение правомочности мандата депутата А. В. Поповича, выбранного от мирян Туркестанской епархии. В молодости он был священником, а потом сложил с себя сан. И хотя у расстриги, горько каявшегося на Соборе, нашлись защитники, Собор, выражая дух и букву канонов, лишил его мандата. В связи с этим Собор обратился к служителям алтаря, предостерегая их от предательств и малодушия в тот момент, когда уже начались злые гонения, когда искушение сложить с себя сан, чтобы сохранить свободу и жизнь, предстояло испытать чуть ли не каждому из них.

Следующим обсуждался вопрос о преподавании Закона Божия. Министерство народного просвещения распорядилось прекратить его изучение в школе на основании постановления Временного правительства согласно закону о свободе совести. Собор принял постановление по докладу архиепископа Тамбовского святого Кирилла о немедленной отмене решения Министерства народного просвещения. Во внеочередном порядке был заслушан доклад протоиерея П. И. Соколова о церковно-приходских школах. На основании закона от 20 июня власти отнимали у Церкви приходские школы и передавали их в ведение Министерства просвещения. После обсуждения в соборном постановлении записали: «Просить Временное правительство закон 20 июня 1917 г... отменить в тех его частях, которые касаются передачи церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения... Все церковно-приходские школы и школы грамоты передать в ведение православных приходов». Для переговоров с правительством направили в Петроград делегацию во главе с архиепископом Тамбовским Кириллом.

11 октября состоялась встреча делегации с министром А. В. Карташевым, который сказал, что правительство не отважится изменить свою позицию, потому что церковно-приходская школа – детище старого режима и не может служить новому государственному строю. Уважая гражданские свободы, власть не станет запрещать открытие церковных школ на средства приходов, но это будут единичные случаи. Министр выразил надежду, что соборное деяние даст ему основание отстаивать в правительстве неприкосновенность преподавания Закона Божия. В этот же

день состоялась беседа с А. Ф. Керенским. Министр-председатель объяснил, что у Церкви отбираются лишь те школьные помещения, на постройку которых затрачены казенные средства, остальные государство берет в аренду на два года. Новый государственный строй, заявил он, должен быть внеконфессиональным, и поэтому закон от 20 июня отмене не подлежит. Отчитываясь перед Собором о поездке в Петроград, член делегации Н. Д. Кузнецов сказал, что беседа оставила у него тяжелое впечатление: «Нить, связующая государство с Церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась. Мне до боли стало жаль народа, который будет воспитываться теперь в государственных школах вне необходимой для него связи с христианским началом жизни».

3. Восстановление патриаршества

11 октября 1917 г. председатель Отдела высшего церковного управления епископ Астраханский Митрофан выступил на пленарном заседании с докладом, который открывал главное событие в деяниях Собора – восстановление патриаршества. Предсоборный совет в своем проекте устройства высшего церковного управления не предусматривал первосвятительского сана. При открытии Собора лишь немногие из его членов, главным образом монашествующие, были убежденными поборниками восстановления патриаршества. Тем не менее, когда вопрос о первом епископе был поставлен в отделе высшего церковного управления, он встретил широкую поддержку. Мысль о восстановлении патриаршества с каждым заседанием отдела приобретала все больше приверженцев. На седьмом заседании отдел решает не медлить с этим важным вопросом и предложить Собору восстановить первосвятительский престол.

Обосновывая это предложение, священномученик Митрофан напомнил в своем докладе, что патриаршество стало известно на Руси со времени ее Крещения, ибо в первые столетия своей истории Русская Церковь пребывала в юрисдикции Константинопольского патриарха. Упразднение патриаршества Петром I явилось нарушением святых канонов. Русская Церковь лишилась своего главы. Но мысль о патриаршестве не переставала теплиться в сознании русских людей как «золотая мечта». «Во все опасные моменты русской жизни – сказал епископ Митрофан, – когда кормило церковное начинало крениться, мысль о патриархе воскресала с особой силой... Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни Церкви живую личность, которая собрала бы живые народные силы». 34-е

апостольское правило и 9-е правило Антиохийского Собора повелительно требуют, чтобы в каждом народе был первый епископ.

Вопрос о восстановлении патриаршества на пленарных заседаниях Собора обсуждался с необычайной остротой.

Главным аргументом сторонников сохранения синодальной системы было опасение, что учреждение патриаршества может сковать соборное начало в жизни Церкви. Повторяя софизмы архиепископа Феофана (Прокоповича), князь А. Г. Чаадаев говорил о преимуществах «коллегии», которая может соединять в себе различные дарования и таланты в отличие от единоличной власти. «Соборность не уживается с единовластием, единовластие несовместимо с соборностью», – настаивал профессор Б. В. Титлинов вопреки бесспорному историческому факту: с упразднением патриаршества перестали созываться и Поместные Соборы. Протоиерей Н. В. Цветков выставил против патриаршества мнимо догматический довод: оно, мол, образует средостение между верующим народом и Христом. В. Г. Рубцов выступил против патриаршества, потому что оно нелиберально: «Нам нужно уравниваться с народами Европы... Не будем возвращать деспотизм, не повторим 17 века, а 20 век говорит о полноте соборности, чтобы народ не уступил своих прав какой-то главе». Здесь налицо подмена церковно-канонической логики поверхностной политической схемой. Голоса противников патриаршества, вначале напористые и упрямые, в конце дискуссии звучали уже диссонансом, нарушая почти полное единомыслие Собора.

В выступлениях сторонников восстановления патриаршества, кроме канонических принципов, в качестве одного из наиболее весомых доводов приводилась сама история Церкви. В речи И. Н. Сперанского была показана глубокая внутренняя связь между существованием первосвятительского престола и духовным ликом допетровской Руси: «Пока у нас на Святой Руси был верховный пастырь... наша Православная Церковь была совестью государства... Забывались заветы Христовы, и Церковь в лице патриарха дерзновенно поднимала свой голос, кто бы ни были нарушители... В Москве идет расправа со стрельцами. Патриарх Адриан – последний русский патриарх, слабенький, старенький... берет на себя дерзновение... «печаловаться», ходатайствовать за осужденных».

Многие ораторы говорили об упразднении патриаршества как о бедствии для Церкви, но с особенным вдохновением сказал об этом архимандрит Иларион (Троицкий): «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В

Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвященника Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова московского патриарха на его законное неотъемлемое место».

Ревнители патриаршества напомнили о государственной разрухе, переживаемой страной при Временном правительстве, о печальном состоянии народного религиозного сознания. По словам архимандрита Матфея, «последние события свидетельствуют об удалении от Бога не только интеллигенции, но и низших слоев... и нет влиятельной силы, которая остановила бы это явление, нет страха, совести, нет первого епископа во главе русского народа... Посему немедленно мы должны избрать духоносного стража нашей совести, нашего духовного вождя – святейшего патриарха, за которым и пойдем ко Христу».

В ходе соборного обсуждения мысль о восстановлении сана первоиерарха была освещена со всех сторон и предстала перед членами Собора как повелительное требование канонов, как исполнение вековых народных чаяний, как живая потребность времени.

28 октября (10 ноября) прения были прекращены. Поместный Собор большинством голосов вынес историческое постановление:

«В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется патриархом.

Патриарх является первым между равными ему епископами.

Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору».

Опираясь на исторические прецеденты, Соборный совет предложил процедуру избрания патриарха: при первом туре голосования соборяне подают записки с именем предлагаемого ими кандидата в патриархи. Если один из кандидатов получит абсолютное большинство голосов, он считается избранным. Если же ни один из кандидатов не получит больше половины голосов, проводится повторное голосование, при котором подаются записки с именами трех предлагаемых лиц. Получивший

большинство голосов считается избранным в кандидаты. Туры голосования повторяются, пока три кандидата не получают большинства голосов. Потом жребием из них будет избран патриарх.

30 октября (12 ноября) 1917 г. было проведено голосование. Архиепископ Харьковский Антоний получил 101 голос, архиепископ Тамбовский Кирилл – 27, митрополит Московский Тихон – 23, митрополит Тифлисский Платон – 22, архиепископ Новгородский Арсений – 14, митрополит Киевский Владимир, архиепископ Кишиневский Анастасий и протопресвитер Г. И. Шавельский – по 13 голосов, архиепископ Владимирский Сергий (Страгородский) – 5, архиепископ Казанский Иаков, архимандрит Иларион (Троицкий) и бывший обер-прокурор Синода А. Д. Самарин – по 3 голоса. Еще несколько лиц было предложено в патриархи одним или двумя соборянами.

После четырех туров голосования Собор избрал кандидатами на первосвятительский престол архиепископа Харьковского Антония, архиепископа Новгородского Арсения и митрополита Московского Тихона, – как говорили о них в народе, «самого умного, самого строгого и самого доброго из иерархов Русской Церкви».

Архиепископ Антоний, блестяще образованный и талантливый церковный писатель, был видным церковным деятелем двух последних десятилетий синодальной эпохи. Давний поборник патриаршества, он был поддержан многими на Соборе как бесстрашный и опытный церковный вождь. Другой кандидат, архиепископ Арсений, умный и властный иерарх, обладавший многолетним церковно-административным и государственным опытом (в прошлом член Государственного совета), по свидетельству митрополита Евлогия, «возможности стать патриархом ужасался и только и молил Бога, чтобы «чаша сия» миновала его». А святитель Тихон во всем полагался на волю Божию. Не стремясь к патриаршеству, он готов был принять на себя этот крестный подвиг, если Господь призовет его.

Избрание состоялось 5 (18) ноября в храме Христа Спасителя. По окончании Божественной литургии и молебного пения священномученик Владимир Киевский вынес ковчежец с жребиями на амвон, благословил им народ и снял печати. Из алтаря вышел старец иеросхимонах Зосимовой пустыни преподобный Алексей. Помолившись, он вынул из ковчежца жребий и передал его митрополиту. Святитель прочитал громко: «Тихон, митрополит Московский – аксиос!».

Ликующее тысячеустое «аксиос!» сотрясло огромный переполненный

храм. В глазах молящихся стояли слезы радости. По отпуске знаменитый на всю Россию своим могучим басом протодиакон Успенского собора Константин Розов возгласил многолетие «Господину нашему высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону, избранному и нареченному в патриархи богоспасаемого града Москвы и всея России».

В этот день святитель Тихон совершал литургию на Троицком подворье. Весть об избрании его патриархом принесло ему посольство Собора во главе с митрополитами Владимиром, Вениамином и Платоном. После пения многолетия митрополит Тихон произнес слово: «...Сейчас я изрек по чиноположению слова: «Благодарю и приемлю и нимало вопреки глаголю». ...Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе», и такой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжкую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею, и мне придется говорить ко Господу: «Для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Числ. 11:11–14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепльших мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня, и даже помимо человеков, по жребию Божию».

Интронизация патриарха состоялась 21 ноября (4 декабря) в праздник Введения в Успенском соборе Кремля. Для торжества на столования из Оружейной палаты были взяты жезл святителя Петра, ряса священномученика патриарха Ермогена, а также мантия, митра и клобук патриарха Никона.

29 ноября на Соборе была оглашена выписка из определения Священного Синода о возведении в сан митрополита архиепископов Харьковского Антония, Новгородского Арсения, Ярославского Агафангела, Владимирского Сергия и Казанского Иакова.

4. Биография святителя Тихона

Святейший патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин)

родился 19 января 1865 г. в деревне Клин Торопецкого уезда Псковской епархии в семье священника, который вскоре после рождения сына был переведен в уездный город. С ранних лет душа мальчика, которого отец постоянно брал с собой на службу, горела тихой любовью к храму. Образование он получил в духовном училище родного города, в Псковской семинарии и Петербургской академии.

Скромный, благодушный юноша, всегда готовый помочь друзьям, он снискал привязанность товарищей по учению. Семинаристы называли его в шутку архиереем, а в академии, словно предвидя его будущее служение, студенты прозвали его за серьезность и степенность нрава патриархом. В 1888 г. Василий Беллавин закончил академию и был направлен в Псковскую семинарию преподавать догматику, нравственное богословие и французский язык.

В 1891 г. молодой учитель принял постриг с именем святителя Тихона Задонского. Рукоположенный в сан иеромонаха, он через год был назначен инспектором Холмской семинарии. В том же 1892 г. он был утвержден ректором семинарии с возведением в сан архимандрита. В Холме обстановка для ректора православной семинарии была непростой. Это был наполовину польский и католический город; часть местного русского населения оставалась в унии; большим влиянием в городе пользовались еврейские общины. Будучи главным помощником местного архиерея, архимандрит Тихон высоко держал знамя православия в этой исконно русской, но сильно ополяченной земле, при этом он умел не задевать религиозного и национально-щепетильного самолюбия польского народа. Будущий патриарх показал себя человеком большого такта, чувства меры, мудрости и одновременно настойчивым и упорным ревнителем православного дела. Холмские священники полюбили его и часто приглашали служить в свои храмы. По воспоминаниям митрополита Евлогия, «милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко... Он сумел завязать живые и прочные отношения с народом».

Из Холма святого Тихона перевели ректором семинарии в Казань, а 19 октября 1897 г. в Александро-Невской лавре состоялась его хиротония во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. За короткое время пребывания на кафедре в Люблине, где его хорошо помнили и любили, новый епископ углубил свою связь с православным народом.

В сентябре 1898 г. епископ Тихон был назначен на зарубежную Алеутско-Американскую кафедру, которая находилась в Сан-Франциско.

На новом поприще он неустанно трудился над распространением православия в Америке. При нем было сооружено много новых храмов и на Аляске, и в Канаде, и в Соединенных Штатах. В 1901 г. епископ Тихон совершил закладку кафедрального храма в Нью-Йорке во имя святителя Николая. Через полтора года владыка освятил этот храм. На торжестве освящения он обратился к пастве со словами: «Не забывайте, что вы – род избранный, люди, взятые в удел, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет православия». Вовремя его архипастырского служения в Америке участились случаи присоединения к Православной Церкви новообращенных из протестантов. Епископ Тихон принял деятельное участие в переводе богослужебных книг на английский язык. В Канаде по его ходатайству была открыта викарная кафедра.

В 1905 г. святитель Тихон был возведен в сан архиепископа, а через два года после этого переведен на одну из самых почетных в России кафедр – Ярославскую, преемницу древней Ростовской. И в Ярославле он оставался все тем же мудрым, распорядительным, благожелательным архиереем, часто объезжал епархию, совершая службы в приходских и монастырских храмах. Замечания клирикам всегда делал мягко и тактично, часто в шуточной форме, никогда не кричал на подчиненных. Необычной была простота его домашнего обихода. Архиереи в ту пору передвигались исключительно в каретах, а святитель Тихон любил ходить по городу пешком. Ярославцы так полюбили своего архипастыря, что избрали его почетным гражданином города.

В 1913 г. архиепископ Тихон был переведен в Литовскую епархию – в Вильно. Обстановка в Литве была подобна той, которую он хорошо знал по Холмщине: влиятельная Католическая Церковь, смешанное русско-литовско-польско-еврейское население. В Вильне святителя застала Первая мировая война. По распоряжению Святейшего Синода архиепископ Тихон переехал в Москву, привезя с собой мощи виленских чудотворцев. Но вскоре он перебрался из Москвы в город, находившийся почти на линии фронта, – поближе к своей пастве.

Он посещал госпитали, служил в них молебны, исповедовал и причащал раненых, напутствовал умирающих.

В войну его не раз вызывали в Петербург для участия в работе Синода. В эти годы, когда на церковной, политической и общественной жизни сказывалось тлетворное влияние Распутина, архиепископ Тихон олицетворял совесть Русской Православной Церкви, он был одним из блюстителей ее святости и внутренней свободы.

После Февральской революции вместе с другими архипастырями

Тихон был незаконно уволен из Синода обер-прокурором В. Н. Львовым. 23 июня (6 июля) 1917 г. волеизъявлением церковного народа архиепископ Тихон был избран на Московскую епархиальную кафедру, после чего Синод удостоил его сана митрополита. Поместный Собор избрал митрополита Тихона своим председателем.

Вскоре после этого Божественным Промыслом он был возведен на восстановленный патриарший престол.

5. Соборные деяния после восстановления патриаршества

Восстановлением патриаршества дело преобразования всей системы церковного управления не было завершено. Краткое определение от 4 ноября 1917 г. было восполнено другими развернутыми определениями: «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха», «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления». Патриарху Собор предоставил права, соответствующие каноническим нормам: нести попечение о благополучии Русской Церкви и представлять ее перед государственной властью, сноситься с автокефальными Церквами, обращаться ко всероссийской пастве с учительными посланиями, заботиться о своевременном замещении архиерейских кафедр. Патриарх, по определениям Собора, является епархиальным архиереем Патриаршей области, которую составляют Московская епархия и ставропигиальные монастыри.

Поместный Собор образовал два органа коллегиального управления Церкви в промежутках между Соборами: Священный Синод и Высший Церковный Совет. К компетенции Синода были отнесены дела иерархическо-пастырского, вероучительного, канонического и литургического характера, а в ведение Высшего Церковного Совета – дела церковно-общественного порядка: административно-хозяйственные и школьно-просветительские. И наконец, особо важные вопросы – о защите прав Церкви, о подготовке к предстоящему Собору, об открытии новых епархий – подлежали совместному решению Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

В состав Синода входили, по определению Собора, помимо его председателя – патриарха, двенадцать членов: митрополит Киевский по кафедре, шесть архиереев по избранию Собора на три года и пять епископов, вызываемых по очереди на один год. Из пятнадцать членов Высшего Церковного Совета, возглавляемого, как и Синод, патриархом, три архиерея делегировались Синодом, а один монах, пять клириков из белого духовенства и шесть мирян избирались Собором. Выборы членов

высших органов церковного управления состоялись на последних заседаниях первой сессии Собора перед его роспуском на рождественские каникулы.

Поместный Собор избрал в Синод митрополитов Новгородского Арсения, Харьковского Антония, Владимирского Сергия, Тифлисского Платона, архиепископов Кишиневского Анастасия и Волынского Евлогия. В Высший Церковный Совет Собор избрал архимандрита Виссариона, протопресвитеров Георгия Шавельского и Николая Любимова, протоиереев А. В. Санковского и А. М. Станиславского, псаломщика А. Г. Кулешова и мирян князя Е. Н. Трубецкого, профессоров С. Н. Булгакова, И. М. Громогласова, П. Д. Лапина, а также бывшего министра исповеданий Временного правительства А. В. Карташева и С. М. Раевского. Синод делегировал в Высший Церковный Совет митрополитов Арсения, Агафангела и архиепископа Анастасия. Собор избрал также заместителей членов Синода и Высшего Церковного Совета.

13 (26) ноября Собор приступил к обсуждению доклада о правовом положении Церкви в государстве. По поручению Собора профессор С. Н. Булгаков составил декларацию об отношениях Церкви и государства, которая предваряла «Определение о правовом положении Церкви в государстве». В ней требование о полном отделении Церкви от государства сравнивается с пожеланием, «чтобы солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь, по внутреннему закону своего бытия, не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами». Мысль о высоком призвании Церкви в государственных делах лежала в основе правового сознания Византии. Древняя Русь унаследовала от Византии идею симфонии Церкви и государства. На этом фундаменте строились Киевская и Московская державы. При этом Церковь не связывала себя с определенной формой правления, но исходила всегда из того, что власть должна быть христианской. «И ныне, – сказано в документе, – когда волею Провидения рушится в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, Православная Церковь не имеет определения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением». Меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверцев, признаны были несовместимыми с достоинством Церкви.

Острый спор возник вокруг вопроса о предполагавшемся в проекте определения «обязательном православии главы государства и министра

исповеданий». Член Собора профессор Н. Д. Кузнецов заметил: «В России провозглашена полная свобода совести и объявлено, что положение каждого гражданина в государстве... не зависит от принадлежности к тому или иному вероисповеданию и даже к религии вообще... Рассчитывать в этом деле на успех невозможно». Но его суждение не было принято большинством Собора. Член Собора П. А. Россиев предлагал уточнить формулировку, введя определение «православные по рождению». Но мнение это, вполне понятное по обстоятельствам предреволюционной поры, когда православие принималось порой не в результате религиозного обращения, все-таки не вошло в положение по догматическим соображениям. Согласно православному вероучению, крещение взрослого столь же полно и совершенно, как и крещение младенца.

В окончательном виде определение Собора гласило:

«1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство...

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти...

3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православной Церковью... равно и акты церковного управления и суда, признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы...

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе как по соглашению с церковной властью...

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными...

8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь...

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию...».

Деяния Собора совершались и в революционное время. 25 октября (7 ноября) пало Временное правительство, в стране была установлена советская власть. 28 октября в Москве разразились кровавые бои между занимавшими Кремль юнкерами и повстанцами, в руках которых был

город. Над Москвой стоял грохот пушек и треск пулеметов. Стреляли во дворах, с чердаков, из окон; на улицах лежали убитые и раненые.

В эти дни многие члены Собора ходили по городу, подбирая и перевязывая раненых. Среди них были архиепископ Таврический Димитрий (князь Абашидзе) и епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Собор, стремясь остановить кровопролитие, направил делегацию для переговоров с Военно-революционным комитетом и комендатурой Кремля. Делегацию возглавил митрополит Платон. В штабе Военно-революционного комитета митрополит Платон просил прекратить осаду Кремля. На это получил ответ: «Поздно, поздно. Не мы испортили перемирие. Скажите юнкерам, чтобы они сдавались». Но в Кремль делегация проникнуть не смогла.

«В эти кровавые дни, – писал впоследствии митрополит Евлогий, – в Соборе произошла большая перемена. Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность изгладилась... Собор, поначалу напоминавший парламент, начал преобразоваться в подлинный «Церковный Собор», в органическое церковное целое, объединенное одним волеустремлением – ко благу Церкви. Дух Божий повеял над собранием, всех утешая, всех примиряя. Собор обратился к враждующим с призывом к примирению, с мольбою о милосердии к побежденным: «Во имя Божие... Собор призывает сражающихся между собою дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей опасной кровопролитной брани... Собор... умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу»».

В воззвании, изданном Собором 17 (30) ноября, содержится призыв к всеобщему покаянию: «Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточение, ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки, бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума... Русские пушки, поражая святыни кремлевские, ранили сердца народные, горящие верою православною. На наших глазах совершается суд Божий над народом, утратившим святыню... К нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. И не явится ее на Русской земле, пока со скорбною

молитвою и слезным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого все трудятся зиждущие град».

Тон этого послания не мог, конечно, способствовать смягчению сложившихся тогда напряженных отношений между Церковью и новым советским правительством. И все-таки в целом Поместный Собор воздержался от поверхностных оценок и выступлений узкополитического характера, сознавая относительную значимость политических явлений в сравнении с религиозными и нравственными ценностями.

По воспоминаниям митрополита Евлогия, высшей точкой, которую духовно достиг Собор, явилось первое после интронизации появление на Соборе патриарха: «С каким благоговейным трепетом все его встречали! Все – не исключая «левых» профессоров... Когда... патриарх вошел, все опустили на колени... В эти минуты уже не было прежних несогласных между собой и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеянные Духом Святым, готовые исполнять Его веления... И некоторые из нас в этот день поняли, что в реальности значат слова: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...»».

Заседания Собора приостановились на рождественские каникулы 9 (22) декабря 1917 г., а 20 января 1918 г. открылась вторая сессия, деяния которой продолжались по 7 (20) апреля. Они проходили в здании Московской духовной семинарии. Начавшаяся Гражданская война затруднила передвижение по стране; и 20 января на соборное заседание смогли прибыть только 110 членов Собора, что не обеспечивало кворума. Поэтому Собор вынужден был принять особое постановление: проводить заседания при любом количестве присутствующих членов Собора.

Главной темой второй сессии было устройство епархиального управления. Обсуждение ее началось еще до рождественских каникул с доклада профессора А. И. Покровского. Серьезные споры разгорелись вокруг положения о том, что епископ «управляет епархией при соборном содействии клириков и мирян». Предлагались поправки. Целью одних было резче подчеркнуть власть архиереев – преемников апостолов. Так, архиепископ Тамбовский Кирилл предлагал включить в определение слова о единоличном управлении епископа, осуществляемом лишь при помощи епархиальных органов управления и суда, а архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) говорил даже о недопустимости привлечения мирян к управлению епархией. Предлагались, однако, и такие поправки, которые преследовали противоположные цели: наделить клириков и мирян более широкими правами в решении епархиальных дел.

На пленарном заседании принята была поправка профессора И. М.

Громогласова: заменить формулу «при соборном содействии клириков и мирян» на слова «в единении с клиром и мирянами». Но епископское совещание, охраняя канонические основания церковного строя, отвергло эту поправку, восстановив в окончательной редакции формулу, предложенную в докладе: «Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых апостолов, есть предстоятель местной церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян».

Собор установил тридцатипятилетний возрастной ценз для кандидатов в архиереи. По «Определению о епархиальном управлении», епископы должны избираться «из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мирян, причем для тех и других обязательно облачение в рясофор, если они не принимают пострижения в монашество».

Согласно определению, органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание, избираемое из клириков и мирян на трехлетний срок. Епархиальные собрания в свою очередь образуют свои постоянные исполнительные органы: епархиальный совет и епархиальный суд. Принимая это определение, Собор руководствовался стремлением привлечь клир и мирян к широкому участию в церковном управлении. Но каноническая власть епархиального архиерея оставалась неприкосновенной. В статье 23 определения было предусмотрено: «Без согласия архиерея ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь». Один из участников Собора епископ Феодор (Поздеевский), принципиальный противник участия клириков и мирян в епархиальном и высшем церковном управлении, не согласился с вынесенным определением и подписи своей под соборными актами не поставил.

2 (15) апреля 1918 г. Собор вынес «Определение о викарных епископах». Его принципиальная новизна заключалась в том, что к ведению викарных епископов предполагалось отнести не только круг дел, касающихся епархиального управления, как это имело место и в синодальный период, но и управление отдельными частями епархии. Викарные епископы должны были управлять своими частями епархии «под общим руководством епархиального архиерея на правах самостоятельных епископов» и иметь пребывание в городах, по которым титулуются. Издание данного определения было продиктовано насущной потребностью в увеличении числа епархий и мыслилось как первый шаг в этом направлении.

Самое обширное из постановлений Собора – это «Определение о

православном приходе», по-другому названное «Приходским уставом». Во введении к уставу дан краткий очерк истории прихода в Древней Церкви и в России. В основе приходской жизни должен лежать принцип служения: «Под руководством преемственно богопоставленных пастырей все прихожане, составляя единую духовную семью во Христе, принимают живое участие во всей жизни прихода, кто как может своими силами и дарованием». В уставе дано определение прихода: «Приходом... называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного священника-настоятеля».

Священной обязанностью прихода Собор провозгласил заботу о благоустройении его святыни – храма. В уставе определен состав номинального прихода причта: священник, диакон и псаломщик. Увеличение и сокращение его до двух лиц предоставлялось на усмотрение епархиального архиерея, который, по уставу, рукополагал и назначал клириков.

Устав предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагались заботы о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества. Для решения дел, связанных с содержанием храма, обеспечением клириков и избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в году приходское собрание, постоянным исполнительным органом которого должен был стать приходской совет, состоящий из клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян – по избранию приходского собрания. Председательство на приходском собрании и в приходском совете предоставлялось настоятелю храма.

Крайне напряженный характер приняла дискуссия о единоверии – давнем и сложном вопросе, отягощенном застарелыми недоразумениями и взаимными подозрениями. В отделе единоверия и старообрядчества не удалось выработать согласованный проект. Поэтому на пленарном заседании было представлено два диаметрально противоположных доклада. Камнем преткновения явился вопрос о единоверческом епископате. Один докладчик, епископ Челябинский Серафим (Александров), выступил против рукоположения епископов-единоверцев, усматривая в этом противоречие основанному на канонах территориальному принципу административного деления Церкви и угрозу отделения единоверцев от Православной Церкви. Другой докладчик,

единоверческий протоиерей Симеон Шлеев, предложил учредить самостоятельные единоверческие епархии. После резкой полемики Собор пришел к компромиссному решению об учреждении пяти единоверческих викарных кафедр, подчиненных епархиальным архиереям.

Вторая сессия Собора совершала свои деяния, когда страна была охвачена Гражданской войной. Среди русских людей, сложивших свои головы в этой войне, были и священники. 25 января (7 февраля) 1918 г. в Киеве бандитами был убит митрополит Владимир. Получив это печальное известие, Собор вынес постановление, в котором говорится:

«1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках...

2. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером)... исповедников и мучеников».

На закрытом заседании 24 января 1918 г. Собор вынес экстренное постановление о том, чтобы «на случай болезни, смерти и других печальных для патриарха возможностей предложить ему избрать несколько блюстителей патриаршего престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть патриарха и преемствовать ему». На втором специальном закрытом заседании Собора патриарх доложил, что постановление это им выполнено. После кончины патриарха Тихона оно послужило спасительным средством для сохранения канонического преемства первосвятительского служения.

5 апреля 1918 г., незадолго до роспуска на пасхальные каникулы, Собор архипастырей Русской Православной Церкви принял постановление о прославлении в лике святых священномученика Иосифа Астраханского и святителя Софрония Иркутского.

Последняя, третья, сессия Собора продолжалась с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября 1918 г. На ней продолжалась работа над составлением определений о деятельности высших органов церковного управления. В «Определении о порядке избрания Святейшего Патриарха» устанавливался порядок, в основном похожий на тот, в соответствии с которым был избран патриарх на Соборе. Предусматривалось, однако, более широкое представительство на избирательном Соборе клириков и мирян Московской епархии, для которой патриарх является епархиальным архиереем. В случае освобождения патриаршего престола «Определением о местоблюстителе патриаршего престола» предусматривалось незамедлительное избрание местоблюстителя из числа членов Синода

соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Одно из важнейших постановлений третьей сессии Собора – «Определение о монастырях и монашествующих», разработанное в соответствующем отделе под председательством архиепископа Тверского Серафима. В нем устанавливается возрастной ценз постригаемого – не меньше двадцати пяти лет; для пострига послушника в более юном возрасте требовалось благословение епархиального архиерея. Определение восстанавливало древний обычай избрания настоятелей и наместников братией с тем, чтобы епархиальный архиерей, в случае одобрения избранного, представлял его на утверждение в Священный Синод. Поместный Собор подчеркнул преимущество общежительства перед особножительством и рекомендовал всем монастырям по возможности вводить у себя общежительный устав. Важнейшей заботой монастырского начальства и братии должно быть строго уставное богослужение, «без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания». Собор высказался о желательности иметь в каждой обители для духовного окормления насельников старца или старицу. Всем монастырским насельникам предписывалось нести трудовое послушание. Духовно-просветительское служение монастырей миру должно выражаться в уставном богослужении, духовничестве, старчестве и проповедничестве.

На третьей сессии Собором было вынесено «Определение о церковных округах». Ссылаясь на то, что Соборы 1666 г. и 1681–1682 гг. признали целесообразность образования митрополичьих округов, Собор 1917–1918 гг. постановил «учредить в Российской Церкви церковные округа, а установление числа их и распределение по ним епархий» было поручено высшим органам церковного управления.

Собор вынес два определения, призванных оградить достоинство священного сана. Опираясь на апостольские наставления о высоте священного служения и на каноны, Собор подтвердил недопустимость второбрачия для вдовых и разведенных священнослужителей. Второе постановление подтверждало невозможность восстановления в сане лиц, лишенных его приговорами духовных судов, правильными по существу и по форме. Неукоснительное соблюдение этих определений православным духовенством, хранящим канонические основания церковного строя, в 20–30-е гг. уберегло его от дискредитации, которой подверглись группировки обновленцев, поправших и православный закон, и святые каноны.

13 (26) августа 1918 г. Поместный Собор Русской Православной

Церкви восстановил празднование памяти Всех Святых, в земле Российской просиявших, приуроченное ко Второй неделе по Пятидесятнице.

На заключительном заседании Собора 7 (20) сентября было принято определение по проекту «Положения о Временном высшем управлении Православной Церковью на Украине», утверждавшее автономный статус Украинской Церкви, но при этом постановления всероссийских церковных Соборов и Святейшего Патриарха должны были иметь обязательную силу для Украинской Церкви. На заключительном заседании Собор постановил созвать очередной Поместный Собор весной 1921 г. Заседания третьей сессии были прерваны конфискацией помещений, в которых они проходили.

Не все отделы Собора успели ко времени вынужденного прекращения соборных деяний выработать и вынести на пленарные заседания согласованные доклады и проекты определений по своей тематике. Заседая более года, Собор не исчерпал своей программы. Ряд определений Собора не удалось осуществить из-за общественно-политической обстановки, которая сложилась в стране. В решении вопросов церковного строительства, устройении всей жизни Русской Церкви в небывалых исторических условиях на основе строгой верности догматическому и нравственному учению Спасителя Собор стоял на почве канонической правды. Политические структуры Российской империи рухнули, эфемерным образованием оказалось Временное правительство, а Церковь Христова, руководимая благодатью Святого Духа, сохранила в эту переломную историческую эпоху свой Богозданный строй. На Соборе, ставшем актом ее самоопределения в новых исторических условиях, Церковь сумела очиститься от всего наносного, исправить деформации, которые она претерпела в синодальную эпоху, и тем обнаружила свою неотмирную природу.

Поместный Собор явился событием эпохального значения. Упразднив канонически ущербную и окончательно изжившую себя синодальную систему церковного управления и восстановив патриаршество, он провел рубеж между двумя периодами русской церковной истории. Определения Собора послужили Русской Церкви на ее многотрудном пути твердой опорой и безошибочным духовным ориентиром в решении крайне сложных проблем, которые в изобилии ставила перед нею жизнь.

Глава 2. Русская Православная Церковь в советскую эпоху

1. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1917–1925 гг.

Революционные события в России затронули все стороны национальной жизни; они повлекли за собой коренной переворот в отношениях между Церковью и государством. Уже Временное правительство отменило обязательное преподавание Закона Божия в школах и передало церковно-приходские школы в ведение Министерства народного просвещения, сделав тем самым первый шаг к внеконфессиональному государству. После октябрьского переворота сразу началась подготовка законодательства об отделении Церкви от государства. Решительная ломка векового тесного союза Православной Церкви и государства страшила духовенство. Тревога усиливалась еще и оттого, что уже в последние месяцы 1917 г. повсюду происходили эксцессы, жертвами которых становились православные храмы, монастыри, духовные лица. В Петербурге закрываются дворцовые церкви и конфискуется Синодальная типография.

Тревожная атмосфера вокруг готовящегося декрета об отделении Церкви от государства нагнеталась лекциями, которые в январе 1918 г. читал И. А. Шпицберг, привлекавшийся обер-прокурором В. Н. Львовым для работы в синодальной комиссии по пересмотру законов о разводе. В своих выступлениях Шпицберг утверждал, что причащение будет запрещено как «колдовской акт», священные сосуды изъяты из храмов, а все духовенство объявлено контрреволюционным: «Попы – это вши на народном теле, это пособники мародеров и помещиков». Самым ударным местом в речах лектора был подстрекательский намек: «Патриарх еще жив».

10 января митрополит Петроградский священномученик Вениамин, обеспокоенный развитием событий и волнением своей паствы, обратился с письмом в Совнарком: «Я... уверен, что всякая власть в России печется только о благе русского народа и не желает ничего делать такого, что бы вело к горю и бедам громадную часть его. Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта об отобрании церковного достояния».

Святой патриарх Тихон в первом обращении к всероссийской пастве

характеризовал переживаемую страной эпоху как «годину гнева Божия»: «В дни многоскорбных и многотрудных вступили мы на древнее место патриаршее. Испытания изнурительной войны и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и от нашествия иноплеменных, и междоусобные брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затмились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного; ослабла и сама вера, неистовствует безбожный дух мира сего».

Еще более резок обличительный тон послания патриарха от 19 января (1 февраля) 1918 г.: «Тяжкое время переживает наша святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины... Святые храмы подвергаются или разрушению... или ограблению и кощунственному оскорблению... чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властелинами тьмы века сего... Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых? Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: встаньте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой Матери нашей... противостаньте им силою вашею, вашего властного всенародного вопля... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою».

Несмотря на резкие выражения, к которым прибегал патриарх в этом послании, в нем нет суждений узко-политического характера, нет оценок нового государственного строя с точки зрения его политической целесообразности; в нем выражены лишь архипастырская озабоченность положением Церкви. В этом послании первосвятитель предает анафеме участников расправ над невинными людьми: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и, хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной».

Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» был опубликован 23 января (5 февраля) 1918 г. В декрете последовательно проводится принцип секуляризации государства. Православная Церковь, по декрету, теряла свой прежний привилегированный статус. «В пределах республики – говорилось в этом акте, – запрещается издавать какие-либо

местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой... Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей...».

В основном эти нормы соответствовали конституционным основам некоторых европейских государств, более всего республиканской Франции, но принципиальная новизна заключалась в последних параграфах декрета: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной властью в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ». Эти положения явились юридическим прикрытием для конфискации церковного имущества и гонения на Церковь. Декретом запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы. «Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом – говорилось в декрете. – Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...».

Издание декрета вызвало в церковных кругах обоснованные опасения, что его осуществление сделает невозможной нормальную жизнь приходов, монастырей и духовных школ. По городам и селам России прокатилась волна крестных ходов, на которых возносились молитвы о спасении Церкви. В ряде городов – в Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Владимире, Воронеже, Туле, Вятке – крестные ходы были обстреляны, в результате пролилась кровь, десятки участников крестных ходов погибли, сотни людей были ранены.

Крайне сложно складывались церковные дела на национальных окраинах страны. Еще в марте 1917 г. без благословения экзарха Грузии Платона (Рождественского) в Мцхете состоялся Собор местных епископов, клириков и мирян, который провозгласил восстановление автокефалии Грузинской Церкви. Временное правительство признало грузинскую автокефалию. 8 сентября 1917 г. католикосом-патриархом был избран

епископ Кирион (Садзаглишвили).

29 декабря патриарх Тихон обратился к грузинским архиереям Кириону, Леониду, Георгию и Пирру с отеческим увещанием, в котором, не отвергая принципиальную возможность провозглашения автокефалии, он указывал, однако, на канонический путь решения этой проблемы: «Предлагаем вам... подчиниться требованиям Церкви Православной и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийский Священный Собор и, признав свои заблуждения, предать свои вождения об автокефальном устройении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского Собора... Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви... Станем на путь мира и взаимной любви и совместно обсудим создавшееся положение».

Чрезвычайно запутанной впервые послереволюционные годы была картина церковных настроений на Украине. Уже летом 1917 г. обосновавшаяся в Киеве Центральная рада стала поощрять церковный сепаратизм. Министром исповеданий Рада назначила Миколу Бессонова, бывшего епископа Никона, который сразу после Февральской революции сложил с себя сан и обвенчался со своей наложницей. На просьбу архиепископа Волынского Евлогия пожалеть Церковь и сместить министра-рenegата глава Рады Голубович ответил отказом, сославшись на хорошую осведомленность Бессонова в церковных делах. Под покровительством Центральной рады сепаратистами сколачивается самочинная Украинская церковная рада, куда кроме пресвитеров и мирян вошел и находившийся на покое в Киеве архиепископ Алексий (Дородницын).

Встревоженный опасным развитием событий, патриарх Тихон благословил митрополита Киевского Владимира на поездку в Киев для умирения церковной смуты в его епархии. Священномученик Владимир приехал в Киев и остановился в своих покоях в Киево-Печерской лавре. Архиепископ Алексий самовольно водворился в лавре по соседству с митрополитом и подстрекал монахов против своего архипастыря и священноархимандрита. Но митрополит Владимир непоколебимо отстаивал единство Русской Церкви.

По благословению патриарха Тихона началась подготовка к созыву всеукраинского церковного Собора. Для проведения Собора он командировал в Киев митрополитов Платона и Антония, архиепископа Евлогия. На предсоборных совещаниях священники-сепаратисты, бритые и стриженные, в шинелях, а то и с винтовками за плечами, митинговали и агитировали за отделение Украинской Церкви.

Открылся Киевский Собор 7 января 1918 г., и среди его членов сразу выявились три группы: поборники единства Русской Церкви – в основном из приходских советов Киева, автокефалисты из Церковной рады во главе с архиепископом Алексием и священником Марычевым и сторонники компромисса, среди которых были и профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев и Ф. И. Мищенко. Выступая за широкую автономию Украинской Церкви, они считали, что единство с Русской Церковью должно быть сохранено через участие представителей Украины во всероссийских Соборах. Обстановка на заседаниях была далеко не мирной, политические пристрастия определяли позиции его участников. В это время на Киев стремительно наступали красные. Когда начался обстрел города, настроения на Соборе сразу переменились, сепаратисты-украинцы присмирели. 18 января Собор решено было временно закрыть. Предводитель раскольников священник Марычев предложил проголосовать за автокефалию, но 150 голосами против 60 это предложение было отвергнуто. Никаких постановлений Собор так и не принял.

Когда красные войска взяли Киев, в лавре расположился военный отряд. Во время богослужения вооруженные люди в шапках, с папиросами в зубах врываются в храмы, устраивали обыски, издевались над монахами. Растерявшиеся монахи, соблазненные интригами архиепископа Алексия, стали жаловаться красноармейцам на то, что митрополит не разрешает им устраивать комитеты и советы, а они хотят, чтобы в монастыре все было, как у красных. 25 января красноармейцы учинили обыск в покоях митрополита, а вечером в покои вломились пятеро пьяных бандитов. Они втолкнули владыку в спальню и начали пытаться, душили цепочкой от креста, сорвали с груди крест и ладанку, нательную иконку. Из спальни святителя вывели в рясе, в белом клобуке, с панагией. Бандиты втолкнули святителя в автомобиль, отвезли на полверсты от лаврских ворот и расстреляли. Тело убитого священномученика обнаружили наутро, владыка лежал на спине в луже крови, без панагии и в клобуке без клобучного креста. Святые мощи мученика перенесли в лавру. Погребли священномученика Владимира в Дальних пещерах, рядом со святыми мощами киево-печерских угодников.

Вскоре после этого красные оставили Киев, отдав его немцам. В оккупированном немцами Киеве власть перешла от Центральной рады к гетману Скоропадскому. В канун Пасхи архиепископ Евлогий получил от патриарха Тихона указ о проведении выборов митрополита на вдовствующую Киевскую кафедру. Выборы взволновали население города.

Большинство киевских приходов стояло за митрополита Антония (Храповицкого). Сторонники автокефалии и самостийники поддерживали кандидатуру епископа Димитрия (Вербицкого). В конце концов большинством голосов митрополитом Киевским и Галицким был избран преосвященный Антоний (Храповицкий), который и возглавил борьбу за сохранение единства Украинской Церкви с Русской. Его в этом энергично поддерживал архиепископ Евлогий.

22 июля (4 августа) 1918 г. возобновились заседания Собора. Киевский Собор большинством голосов принял «Положение о Временном высшем церковном управлении Православной Церкви на Украине», утвержденное затем Всероссийским Собором. По этому «Положению», украинские епархии составили автономную церковную область во главе с киевским митрополитом.

После захвата Киева петлюровцами в декабре 1918 г. были арестованы митрополит Киевский Антоний и архиепископ Вольнский Евлогий. Петлюровцы передали узников в руки польских оккупантов. И только при посредничестве стран Антанты эти архиереи были освобождены и переправлены на юг России, занятый Белой армией.

Петлюровская Директория объявила об отмене постановления Всероссийского Церковного Собора об автономии Украинской Церкви и о провозглашении Украинской Церкви автокефальной. Из числа сепаратистов был составлен самочинный Священный Синод во главе с архиепископом Екатеринославским Агапитом (Вишневым). Этот Синод запретил поминовение за богослужением патриарха Тихона и митрополита Антония. После прихода в Киев Красной армии украинский Синод распался; архиепископ Агапит, оказавшийся вскоре на территории, занятой Добровольческой армией, и лишенный там сана за учинение раскола, принес покаяние. Таким образом, автокефалисты на Украине остались без архиерея.

Между тем в стране шла Гражданская война. В то же время на фронте уже в феврале 1918 г. возобновилось немецкое наступление. 2 (15) марта 1918 г. патриарх Тихон обращается к пастве с посланием, в котором призывает русских людей дать отпор кайзеровской Германии, захватившей западные земли России: «К ужасам жизни, полной бедствий, когда голод, холод и страх за свою жизнь сковали помыслы всех одной заботой о нуждах земных, когда в междоусобной кровавой борьбе земля наша, по слову псалмопевца, «упоена кровью неповинных сынов и дочерей наших» (Пс. 105:38), прибавилось ныне еще новое, тягчайшее для любящего Родину сердца русского горе: тот сильнейший враг, с которым

уже более трех лет вел русский народ кровавую брань, в борьбе с которым погибли целые миллионы лучших сынов Русской земли, ныне устремляется с новой силой в глубину нашей Родины... с неслыханной дерзостью шлет нам свои требования и предписывает принять самые позорные условия мира».

На следующий день, 3 (16) марта, в Брест-Литовске был подписан мирный договор. По этому договору от России отторгались Польша, Финляндия, Прибалтика, Украина, часть Белоруссии, Крым, Закавказье. 5 (18) марта святитель Тихон обратился к пастве с новым посланием, в котором осудил подписание Брест-Литовского договора: «Благословен мир между народами, ибо все братия, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимыя блага... И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждет мира, но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?.. Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и славный город Киев, мать городов, колыбель нашего Крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской... Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения... Этот мир, подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожителству народов... В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества».

Подписание капитулянтского Брестского договора явилось главным толчком к началу полномасштабной Гражданской войны, в которой белые армии сражались «за единую и неделимую Россию». Гражданская война осложнилась вмешательством иностранных государств. Антанта поддерживала белые армии, которые были готовы в случае свержения советской власти продолжать вести войну против Германии и ее союзников. Некоторые из белых генералов в борьбе с советской властью сделали ставку на немецкие оккупационные войска. Русскую землю разделили на севере и юге, западе и востоке линии фронтов. По всей стране вспыхивали восстания и мятежи, помимо основных противостоящих друг другу сил – Красной и Белой армий, возникли национальные сепаратистские движения, всюду во множестве появлялись анархические бандитские формирования; русские города и села по несколько раз переходили из одних рук в другие.

Православные люди жили на территориях, контролируемых и красными, и белыми, и зелеными. К Православной Церкви принадлежали

воины, сражавшиеся друг против друга в братоубийственной войне. Патриарх Тихон, верховный пастырь Русской Церкви, считаясь с этим обстоятельством, старался избегать всякой политической вовлеченности в происходящие события. Весной 1918 г. перед отъездом на юг к генералу А. И. Деникину патриарха посетил известный церковный деятель князь Г. Н. Трубецкой. Впоследствии он вспоминал: «Я не просил разрешения патриарха передать его благословение войскам Добровольческой армии, и святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным».

Авторитет Святейшего Патриарха Тихона у верующего народа весной 1918 г. стал исключительно велик. Его поездка в Петроград, состоявшаяся в мае 1918 г., явилась большим праздником для православного народа. На Московском вокзале народ встречал патриарха на коленях, многие со слезами радости на глазах. Сопровождавшие его народные толпы во главе с духовенством крестным ходом двинулись от вокзала к лавре, под звон колоколов всех петроградских храмов. Патриарх Тихон совершил Божественные литургии в Троицком соборе лавры, в Исаакиевском и Казанском соборах, и каждый раз при стечении несметных людских толп.

Между тем в России полыхала Гражданская война, в огне которой погибали не только военные люди, но и мирные жители. Жертвами кровавых расправ со стороны красных стали и многие священнослужители. 13 (26) апреля 1918 г. патриарх Тихон в храме Московской духовной семинарии молился об упокоении рабов Божиих, за веруй Церковь Православную убиенных. Он помянул имена митрополита Киевского Владимира, протоиереев Иоанна Кочурова, Петра Скипетрова, Иосифа Смирнова, Павла Дернова, игумена Гервасия, иеромонаха Герасима, священников Михаила Чафранова, Павла Кушников, Петра Покрывало, диакона Иоанна Касторского и других служителей алтаря Господня.

В 1918–1919 гг. погибли архиепископы Пермский Андроник, Воронежский Тихон, Черниговский Василий, Астраханский Митрофан, епископы Тобольский Гермоген, Орловский Макарий (Гневушев), Енотаевский Леонтий (Вимпфен), Ревельский Платон (Кульбуш). Епископ Амвросий (Гудко) был убит в августе 1918 г. по особому указанию Троцкого, нагрянувшего в Свияжск со своим штабом. В канун своей кончины на собрании братства православных приходов епископ Амвросий говорил: «Мы должны радоваться, что Господь привел нас жить в такое

время, когда можем за Него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь, а краткие страдания и венец мученичества искупают грехи всякие».

23 августа (9 сентября) в Москве расстреляли селенгинского епископа священномученика Ефрема (Кузнецова), а вместе с ним всероссийски известного церковного и общественного деятеля миссионера протоиерея Иоанна Восторгова и бывших министров внутренних дел Н. А. Маклакова и А. Н. Хвостова, председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова, сенатора С. П. Белецкого, а также ксендза Лютостанского с братом. Перед расстрелом приговоренным разрешили помолиться и проститься друг с другом. После молитвы священномученики епископ Ефрем и протоиерей Иоанн Восторгов благословляли мирян.

В этот же день в Петербурге расстреляли настоятеля Казанского собора священномученика протоиерея Философа Орнатского и двух его сыновей, служивших в гвардии. Это был талантливый проповедник и благотворитель, основатель детских приютов в столице. Вместе с отцом Философом были убиты еще 31 человек. Расстрелянных бросили в море. Тело пастыря было выброшено на берег у Ораниенбаума, его подобрали, опознали и тайком погребли.

Вскоре после панихиды по священномученику Философу православные питерцы оплакивали другого маститого столичного пастыря – протоиерея Алексия Ставровского, почти девяностолетнего старца. После убийства Урицкого он был арестован как заложник. Из Петербурга его вместе с другими перевели в Кронштадт, а там арестованных вывели на плац, выстроили и объявили: «Каждый десятый будет расстрелян в возмездие за Урицкого, а остальных отпустят!». Рядом со старцем стоял совсем юный священник, на которого выпал страшный жребий. Тогда отец Алексей сказал ему: «Я уже стар, мне недолго осталось жить, в жизни я получил все, что было можно. Жена моя старуха, дети мои все на ногах. Иди себе с Богом, а я стану на твое место!» Он был расстрелян, а останки его брошены в воды Финского залива. Спасенного священника скоро снова задержали и убили.

Многие священнослужители, монахи и монахини были зверски замучены бандитами: их распинали на Царских вратах, варили в котлах с кипящей смолой, скальпировали, душили епитрахильями, «причащали» расплавленным свинцом, топили в прорубях.

4 (17) июля в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома большевики убили святого императора Николая II вместе со всей семьей: святыми мучениками императрицей Александрой, наследником престола Алексием и дочерьми – Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией.

Одновременно расстреляли лейб-медика Е. С. Боткина, горничную царицы А. С. Демидову, повара И. М. Харитонову, камердинера А. Е. Труппа. В екатеринбургской тюрьме расстреляли царских слуг: гофмаршала князя В. А. Долгорукова, генерал-адъютанта И. Л. Татищева. Вместе с ними казнили уведенных в день царевубийства в тюрьму дядьку цесаревича матроса К. Г. Нагорного, камердинеров И. Д. Седнева и В. Ф. Чельшева. Фрейлину царицы графиню А. В. Гендрикову и гоф-лектрису Е. А. Шнейдер вывезли в Пермь и там расстреляли.

В Перми 25 июля (7 августа) были убиты брат царя великий князь Михаил Александрович и его секретарь Н. Н. Джонсон, а также камердинер П. Ф. Ремиз. 5 (18) июля в двенадцати верстах от Алапаевска казнили великую княгиню Елизавету Феодоровну вместе с монахиней сестрой Варварой, великим князем Сергеем Михайловичем, князьями Игорем Константиновичем, Константином Константиновичем младшим, Иоанном Константиновичем, графом Владимиром Павловичем Палеем. Великого князя Сергея Михайловича застрелили, а остальных заживо сбросили в шахту и забросали хламом и камнями. Расследование, произведенное при адмирале Колчаке, показало, что преподобномученица Елизавета Феодоровна долго оставалась живой в могиле. Раненая, она сделала перевязку князю Иоанну. Из глубины шахты доносилось церковное пение. Узнав о казни царя, патриарх Тихон произнес после Божественной литургии в московском Казанском соборе краткое слово: «На днях совершилось ужасное дело – расстрелян бывший государь Николай Александрович, и высшее наше правительство, Исполнительный комитет, одобрил это и признал законным... Но наша христианская совесть, руководясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению слова Божия, осудить это дело. Иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блажени слышавший слово Божие и хранящий е!» (Лк. 11:28)».

25 октября (7 ноября) 1918 г. патриарх Тихон обратился с посланием к Совету народных комиссаров, в котором выразил свою скорбь о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, о страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников. Послание заканчивается призывом: «Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к

устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:50,51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52)». Предостережение патриарха оказалось пророческим.

Гражданская война, разделившая страну на противостоящие друг другу лагеря, затрудняла связь между Патриархией и епархиальными архиереями, находившимися в городах, занятых белыми армиями. Епархии Сибири и Юга России переходят на самоуправление, организуя местные временные высшие церковные управления.

В ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание. В нем участвовали 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, занятой войсками адмирала А. В. Колчака. Почетным председателем совещания был избран митрополит Казанский Иаков, а председателем – архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский). На совещании образовано было Высшее временное церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским). В Высшее временное церковное управление вошли архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), священник Я. Галахов и Владимир Садовский, профессора П. А. Прокошев и А. Писарев. Совещание постановило, что после прекращения своей деятельности Высшее временное церковное управление обязано во всем дать отчет Святейшему Патриарху.

После разгрома войск адмирала А. В. Колчака одни священнослужители эмигрировали, другие, и среди них архиепископ Симбирский Вениамин, епископы Уфимский Андрей, Златоустовский Николай и Тобольский Иринарх, остались на родине.

В мае 1919 г. в Ставрополе состоялся Юго-Восточный русский церковный Собор. В Соборе участвовали епархиальные и викарные епископы, клирики и миряне по выборам от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумско-Черноморской епархий, а также члены Всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на юге страны, занятом войсками генерала А. И. Деникина. Своим председателем Собор избрал архиепископа Донского Митрофана (Симашкевича). На Соборе было образовано Высшее временное церковное управление. Его председателем стал архиепископ Митрофан, членами – архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), епископ Таганрогский Арсений

(Смоленец), протопресвитер Г. И. Шавельский, профессор протоиерей А. П. Рождественский, граф В. В. Мусин-Пушкин и профессор П. Верховский. Впоследствии почетным председателем Юго-Восточного Высшего временного церковного управления был избран митрополит Киевский Антоний (Храповицкий).

После поражения генерала Деникина Россию покинули митрополит Антоний, архиепископы Вольнский Евлогий, Кишиневский Анастасий, Минский Георгий, епископы Курский Феофан, Лубенский Серафим (Соболев) и другие архиереи, застигнутые Гражданской войной на юге страны. Архиепископ Таврический Димитрий, архиепископ Полтавский Феофан, епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) находились тогда в Крыму на последнем клочке земли, оставшемся в 1920 г. у белых. Председатель Высшего временного церковного управления архиепископ Новочеркасский и Донской Митрофан не покинул родной земли, затворившись в монастыре в Старочеркасске. На родине остались также престарелый ставропольский архиепископ Агафодор, епископ Арсений (Смоленец) и еще несколько архиереев. После поражения генерала П. Н. Врангеля архиепископ Таврический Димитрий остался в России, а архиепископ Феофан и епископ Вениамин (Федченков), возглавлявший войсковое духовенство, эмигрировали.

Главнокомандующие белых армий в своих приказах провозглашали, что их войска сражаются за поруганную веру и оскорбление церковных святынь. Но вера христианская бывала поругаема и белыми офицерами. Среди них были, конечно, благочестивые люди, но большинство офицерского корпуса было равнодушно к Церкви. По воспоминаниям современников, после одного из сражений летом 1920 г. протоиерей Андроник Федоров отпевал убитых, тела которых лежали перед ним на голой земле. А в это время, заглушая панихиду, из вагона казачьего генерала Бабичева неслись пьяные голоса бражников, ревущих похабные частушки, разудалые звуки оркестра и топот пляски.

Другой белый генерал Ф. Ф. Абрамов в разговоре с одним гражданским чиновником глумливо отозвался о том же священнике протоиерее Андронике Федорове: «Помилуйте, отец Андроник хочет всех нас уверить в непорочном зачатии Иисуса Христа... Ну, можно ли говорить такие вещи в штабной церкви, где присутствует столько образованных людей. Я наблюдал за офицерами, и они почти все улыбались во время разглагольствования батюшки на эту пикантную тему».

На исходе Гражданской войны в крайне затруднительном положении

оказались священнослужители, находившиеся на территориях, занятых белыми армиями, и после поражения белых не сумевшие или не пожелавшие эмигрировать. Многие из них были осуждены за совершение молебных пений о победе белого оружия. В 1920 г. в заключении скончался омский архиепископ священномученик Сильвестр (Ольшанский), возглавлявший при адмирале Колчаке Сибирское Временное высшее церковное управление.

Сознавая всю тяжесть ситуации, стремясь уберечь пастырей Русской Церкви от печальных последствий их вовлеченности в политическую борьбу, Святейший Патриарх еще в 1919 г. в день памяти преподобного Сергия Радонежского 25 сентября (8 октября) обратился к архипастырям с посланием, в котором призывал их отказаться от всяких политических выступлений: «Доныне... брань не прекращается, и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли, взаимная вражда между борющимися сторонами все чаще и чаще проявляется в жестоких кровавых расправах не только над теми, кто принимал непосредственное и деятельное участие в этой борьбе, но и над теми, кто только подозревается в таковом участии, иногда и без достаточных к тому оснований... Не минуют эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков сделали жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы; установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение... Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройением торжественных богослужений и разных церковных праздников. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны помнить канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций. Помните, отцы

и братия, и канонические правила, и завет святого апостола: «Блюдите себя от творящих распри и раздоры» (Рим. 16:17), уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь «всякому человеческому начальству» в делах мирских (1Пет. 2:13)».

Серьезным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей святых угодников Божиих. 14 февраля 1919 г. Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Вскрытие проводили специальные комиссии в присутствии священнослужителей, составлялись протоколы. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи сохранились не в целости, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман и подделку. И некоторые из православных людей, превратно представляющие церковное учение о святых мощах, верили этому.

17 февраля патриарх Тихон разослал епархиальным архиереям указ об устранении поводов к соблазну верующих. «Благочестивое усердие верующих – говорилось в указе, – окружая их останки благоговейным усердием, соорудило и для таковых честных мощей (речь идет о мощах, сохранившихся лишь частично в нетленном виде. – В. Ц.) драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей... Считая необходимым по обстоятельствам времени устранить всякий повод к глумлению и соблазну (в том, что доселе не вызывало соблазна и было лишь благочестивым народным обычаем), поручено Вашему Высокопреосвященству... с архипастырской заботливостью и рассуждением устранить всякие поводы к соблазну в отношении святых мощей во всех случаях, когда и где это признано будет Вами необходимым и возможным».

Но исполнение этого указа для многих архиереев оказалось затруднительным и даже рискованным делом. Попытки освидетельствовать мощи перед их публичным вскрытием служили часто основанием для судебного разбирательства.

1 ноября 1920 г. в Новгороде перед ревтрибуналом предстал епископ Хутынский Алексей (Симанский) вместе с архимандритами Никодимом и Анастасием, игуменами Гавриилом и Митрофаном, протоиереем Стояновым, иеродиаконом Иоанникием. Подсудимые обвинялись в тайном освидетельствовании мощей, почивавших в Софийском соборе, перед их официальным вскрытием. Епископ Алексей виновным себя не признал, заявив: «Освидетельствование мощей считаю делом исключительно

церковным и отчет в этом могу дать только своим собратям-епископам». Трибунал приговорил его к пяти годам заключения, других обвиняемых – к двум и трем годам, но ввиду близкой победы в Гражданской войне все осужденные были амнистированы.

В том же 1920 г. Московский трибунал судил видных пастырей и церковно-общественных деятелей: игумена Иону (Сторожева), протоиерея Николая Цветкова, председателя Совета объединенных приходов А. Д. Самарина, бывшего обер-прокурора Синода, членов Совета Г. А. Рачинского, Н. Д. Кузнецова. Они обвинялись в распространении клеветнических слухов об оскорбительном для верующих поведении участников вскрытия мощей преподобного Саввы Сторожевского, в частности в том, что Н. Д. Кузнецов подал в Совнарком жалобу: «Грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей дошли до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы, останки коего составляют святыню русского народа». А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов были приговорены к расстрелу, но, как сказано в приговоре, «ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами суд заменил смертную казнь заключением в концентрационный лагерь впредь до победы мирового пролетариата над мировым империализмом». Другие обвиняемые получили разные сроки тюремного заключения. В 1919–1920 гг. вскрыты были мощи святого Митрофана Воронежского, преподобного Макария Калязинского, преподобного Евфимия Суздальского, святителя Питирима Тамбовского, преподобного Нила Столобенского, святителя Иоасафа Белгородского. Всего до осени 1920 г. было учинено 63 публичных вскрытия.

Мощи преподобного Сергия Радонежского были вскрыты 11 апреля 1919 г. В канун вскрытия, совершенного в ночное время, перед воротами лавры собралась толпа богомольцев, молебны преподобному пелись всю ночь. Наутро народ впустили в лавру. Перед ракой с мощами святого сияло пламя свечей. В течение трех дней тысячи богомольцев подходили вереницей к раке и прикладывались к обнаженным мощам преподобного.

17 декабря 1920 г. состоялось вскрытие мощей преподобного Серафима Саровского. До недавних пор мощи преподобного находились в безвестности, в 1991 г. они были заново обретенны.

На Поместном Соборе в 1918 г. было вынесено постановление о созыве очередного Собора в 1921 г. Но обстоятельства не позволили выполнить это постановление. Затруднены в своей деятельности были тогда и постоянные органы высшего церковного управления. Большая часть членов Синода оказалась в эмиграции. В начале 1921 г. в заседаниях

Священного Синода могли участвовать, помимо Святейшего Патриарха Тихона, только митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский) и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), назначенный экзархом Украины. Распался за убылью своих членов и прекратил деятельность и Высший Церковный Совет. В сущности, в 1921 г. высшая церковная власть осуществлялась единолично патриархом, опиравшимся на своих немногочисленных помощников и ближайших советников. Затруднена была и связь между церковным центром и епархиальными кафедрами. Поэтому в ноябре 1920 г. Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет, состоявший тогда из председателя и трех членов: протопресвитера Николая Любимова, протоиерея А. Станиславского и Александра Кулешова, принимают постановление о самоуправлении епархии при невозможности для нее поддерживать связь с каноническим центром, а также и в случае прекращения деятельности высшего церковного управления.

В годы Гражданской войны в среде духовенства активизировались модернистские группировки, подхватившие идейное наследие «группы 32-х» священников, а также образованного в Петрограде при Временном правительстве «Всероссийского союза демократического духовенства и мирян», который возглавили священники А. И. Введенский, А. И. Боярский, И. Егоров. Свои филиалы союз открыл в Москве, Киеве, Одессе, Новгороде, Харькове и других городах. Союз издавал газету «Голос Христа» и журнал «Соборный разум». В них печатались статьи с нападками на традиционные формы обрядового благочестия, на канонический строй церковного управления. Главным очагом обновленческой пропаганды стала церковь Святых Захарии и Елизаветы, где настоятелем служил священник А. Введенский. Позиции союза особенно укрепились после того, как редактором «Церковно-общественного вестника» стал профессор Петроградской академии Б. В. Титлинов, превративший этот журнал в рупор модернистских идей. На Соборе 1917–1918 гг. Титлинов и его единомышленники выступили против восстановления патриаршества. 1 (14) января 1918 г. в газете «Знамя Христа» священник А. Введенский писал, что после избрания патриарха в Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить патриаршество изнутри.

После прекращения деятельности «Союза демократического духовенства и мирян» в 1919 г. священник Иоанн Егоров создает в Петербурге новую модернистскую группировку под названием «Религия в

сочетании с жизнью». В своей приходской церкви он затекает самочинные нововведения: выносит престол из алтаря на середину храма, принимается за исправление богослужебных последований, пытается перевести богослужение на современный русский язык. Священник А. Боярский в Колпине под Петербургом организует еще одну обновленческую группировку – «Друзья церковной реформации». В 1921 г. священник Александр Введенский сколотил «Петербургскую группу прогрессивного духовенства».

В среде епископата обновленцы нашли себе опору в лице заштатного епископа Антонина (Грановского), который совершал богослужения в московских храмах с соблазнительными новшествами, произвольно изменял чинопоследования, переделывал тексты молитв. В Пензе низложенный за распутство бывший архиепископ Владимир (Путята) объединил вокруг себя откровенно раскольническое собрание под названием «Народная церковь».

Давая отпор антиканоническим модернистским посягательствам, патриарх Тихон 4 ноября 1921г. обратился к пастве с особым посланием, в котором подчеркивал недопустимость богослужебных нововведений: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее ее достояние...».

Крайним выражением болезненных процессов, происходивших в среде духовенства, явились случаи открытого ренегатства. Так, в журнале «Революция и Церковь» было напечатано заявление бывшего диакона: «Я снимаю с себя дарованный Николаем Романовым сан диакона и желаю быть честным гражданином РСФСР. Церковные законы и молитвы составлены под диктовку царей и капитала. Долой милитаризм, царей, капитал и попов! Да здравствует диктатура пролетариата!» Правда, надо отметить, что подобные декларации были явлением исключительно редким.

Особенно болезненное развитие получило брожение среди духовенства на Украине. Воспользовавшись новой оккупацией Киева польской армией в апреле 1920 г., клирики и миряне нескольких приходов объявили о создании новой Всеукраинской церковной рады, которая, открыто попирая святыя каноны, отвергла всех епископов, как

ставленников Москвы, и вновь провозгласила автокефалию.

Чтобы пресечь печальное развитие церковных событий на Украине, патриарх Тихон в 1921 г. упразднил автономию Украинской Церкви и установил для нее статус экзархата, назначив экзархом архиепископа Гродненского Михаила (Ермакова), впоследствии митрополита Киевского.

Автокефалисты, однако, не прекратили своих раскольнических деяний. В октябре 1921 г. Церковная рада, теперь уже при поддержке, контролировавшей Киев советской власти, по инициативе бывшего петлюровского министра В. М. Чеховского, без согласия священноначалия, созвала самочинный «Всеукраинский собор», в деяниях которого не участвовал ни один епископ. Собор провозгласил автокефалию.

23 октября в Софийском соборе взбунтовавшиеся пресвитеры совершили лжехиротонию запрещенного женатого протоиерея Василия Липковского в сан митрополита. На другой день самочинный «митрополит» хиротонисал во епископа своего сотоварища Нестора Шараповского. Вдвоем они «рукоположили» Теодоровича, Ярещенко, Орлика; и так в течение недели народилась лжеиерархия, которая в народе получила название «липковщины» и «самосвятства». Самосвяты увлекли за собой часть украинской паствы, захватив до полутора тысяч приходов.

Летом 1921 г., после ужасов Гражданской войны, русский народ постигло еще одно бедствие – голод. Жестокая засуха дотла выжгла посевы в Поволжье и Предуралье, на юге Украины и на Кавказе. В конце года голодало двадцать миллионов человек. Жители голодающих, вымирающих деревень, обезумев от страданий и отчаяния, разбредались куда глаза глядят, пытаясь выбраться из голодного края, и устилали дороги непогребенными человеческими и конскими трупами. В судах голодающих губерний разбирались дела о трупоедстве и людоедстве.

Сострадая великому народному горю, святитель Тихон обратился к российской пастве, к Восточным патриархам, к папе и архиепископу Кентерберийскому с посланиями, в которых, во имя христианской любви, призывал провести сборы продовольствия и денег для вымирающего Поволжья. Под председательством патриарха Тихона был образован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол), в который вошли известные общественные деятели, большей частью бывшие кадеты – Прокопович, Кишкин, Кускова. В храмах собирались средства для голодающих. Помгол распределял и помощь, поступающую из-за рубежа.

Но 27 августа 1921 г. ВЦИК распустил Помгол. Вместо него была

образована «Центральная комиссия помощи голодающим» при ВЦИКе. В декабре 1921 г. эта комиссия обратилась к патриарху с настоятельным призывом к пожертвованиям. 19 февраля 1922 г. патриарх Тихон издал воззвание, в котором призвал приходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если только они не имеют богослужебного употребления. В печати, однако, начали появляться статьи с обвинением церковной власти в глухоте к народному бедствию, а 23 февраля ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих.

Патриарх отреагировал на декрет новым посланием к пастве, в котором он заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне отлучением от нее, священнослужители – извержением из сана» (73-е правило святых апостолов, 10-е правило Двукратного Собора). Это послание было разослано епархиальным архиереям. Приходские советы вынесли решение о недопустимости изъятия из храмов богослужебных предметов.

Когда декрет ВЦИК стал приводиться в исполнение, вокруг храмов собирались толпы народа; произошли столкновения, отряды милиции или красноармейцев открывали огонь по людям – пролилась кровь, были убитые и раненые. В связи с этим в разных городах страны были возбуждены уголовные дела. В Шуе, когда началось изъятие святынь из собора, к паперти сбежались люди, милиция пыталась разогнать их, тогда в толпе появились колья, которыми люди собирались защитить себя. Но тут на помощь милиционерам подоспели красноармейцы с пулеметами, и раздался залп. Толпа в ужасе разбежалась, на площади остались десятки раненых и пять человек убитых. Комиссия, как ни в чем не бывало, приступила к разорению храма.

19 марта 1922 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин составил секретное письмо по поводу событий в Шуе, которые он назвал лишь одним из проявлений общего плана сопротивления декрету советской власти со стороны «влиятельнейшей группы черносотенного духовенства».

«Я думаю, – писал он, – что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя исключительно благоприятный и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах

валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы... После Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом... Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

...В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев... Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

30 марта заседало политбюро, на котором по рекомендациям Ленина был принят план разгрома церковной организации, начиная с «ареста Синода и патриарха. Печать должна взять бешеный тон... Приступить к

изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей».

По указанию Ленина начались судебные процессы по обвинениям в сопротивлении исполнению декрета об изъятии церковных ценностей. В Москве судили группу духовных лиц, обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам. В качестве свидетеля на суд вызвали святого патриарха Тихона. После допроса патриарха 9 мая 1922 г. «Правда» писала: «В Политехнический музей на процесс «благочинных» и на допрос патриарха набилась тьма народа. Патриарх смотрит на беспримерный вызов и на допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединимся к грубому святотатству московского трибунала и вдобавок к судебным вопросам бухнем еще один, еще более не деликатный вопрос: откуда такое достоинство у патриарха Тихона?».

Трибунал приговорил одиннадцать обвиняемых к расстрелу. После вынесения приговора патриарх Тихон обратился с письмом к председателю ВЦИК Калинину «о помиловании осужденных, тем более что инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались». ВЦИК помиловал шестерых лиц, а пятеро мучеников – протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христофор Надеждин, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров – были казнены в камерах Лубянки. Трибунал вынес также постановление о привлечении патриарха Тихона и архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменова) к суду в качестве обвиняемых. Постановления о привлечении к ответственности патриарха выносили и провинциальные трибуналы, через которые проходили дела о беспорядках, учиненных в разных городах и селах страны в связи с проведением в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей.

Масло в огонь подливали некоторые эмигрантские публикации. В «Русской мысли» в этой исключительно трудной для Церкви ситуации были напечатаны поистине безумные глаголы: «Недалеко то время, когда Святейший Патриарх возьмет в свои руки бразды народного правления, чтобы затем передать их в руки исторически сложившейся власти; он укажет и будущего носителя этой власти». Патриарха стали вызывать на допросы; потом он был подвергнут домашнему аресту, лишившему его возможности участвовать в общественных богослужениях.

В такой обстановке и была осуществлена обновленцами раскольническая авантюра. Никем не уполномоченная группа

петроградских священников: А. Введенский, А. Боярский, Е. Белков с псаломщиком С. Стаднюком – выехала в Москву.

Если верить словам А. Введенского, они стали хлопотать о помиловании осужденных трибуналом: «Мы были во всевозможных инстанциях, где можно и где, может быть, и нельзя, мы подавали всюду бумаги с просьбой простить этих осужденных. Нам заявили: да, лично вас мы... знаем, знаем также, что ваша церковная деятельность ничего общего с политикой не имеет... но все-таки засвидетельствуйте на бумаге, что вы осуждаете всякую политику, идущую вне действительно церковных задач... Мы охотно письменно засвидетельствовали это, подали заявление... Нам представители власти сказали: «Церковь как Церковь будет существовать, Церковь как политическая организация существовать больше не будет. Если угодно, переговорите об этом с патриархом»».

12 мая петроградские священники явились в Троицкое подворье и потребовали от святейшего оставить патриарший престол, лживо утверждая, что ими уже исходатайствовано разрешение на созыв Поместного Собора для устроения пришедших в расстройство церковных дел. «Я никогда не хотел быть патриархом, – ответил святейший, – патриаршество меня тяготит, как крест, – это вы хорошо знаете. Я с радостью приму, если грядущий Собор снимет с меня вообще патриаршество, а сейчас я передаю власть одному из старейших иерархов и отойду от управления Церковью». Во главе церковного управления патриарх Тихон поставил митрополита Ярославского Агафангела, назначив его своим заместителем. Митрополит Агафангел, получив письмо от патриарха, решил подчиниться его выбору, но не смог выехать в столицу.

18 мая петроградские священники А. Введенский, Е. Белков и приставший к ним московский священник С. В. Калиновский вновь являются в Троицкое подворье. Они вновь уговаривают первосвященителя, который уже понимал, с кем имеет дело, передать им патриаршую канцелярию до прибытия в Москву митрополита Агафангела. В конце концов патриарх уступил просителям, наложив на заготовленное ими прошение резолюцию: «Поручается наименованным ниже лицам принять и передать высокопреосвященнейшему митрополиту Агафангелу, по приезде в Москву, синодские дела...».

Резолюцию патриарха о передаче канцелярии церковные авантюристы объявили актом передачи им церковной власти и, сговорившись с епископом Верненским Леонидом, случайно оказавшимся в Москве, а также с известным своими назойливыми модернистскими

выходками заштатным епископом Антонином (Грановским), заявили об образовании Высшего церковного управления.

На другой день после аудиенции в Троицком подворье, 19 мая, патриарх был переведен в Донской монастырь, а его покои в подворье заняло самочинное Высшее церковное управление.

Первый председатель ВЦУ епископ Антонин (1865–1927) был выпускником Киевской духовной академии. Среди студентов он выделялся блестящими учебными успехами и непомерным честолюбием, которое и подтолкнуло его к принятию пострига. По воспоминаниям современников, это был человек удивительно нелюдимый, угрюмый, внутренне надломленный. Уже после пострига был случай, когда он тайком ушел из академии, швырнув в комнату через форточку рясу, клобук и четки, и пропадал целую ночь невесть где. После окончания академии в 1891 г. Антонин преподавал в духовных школах, ошеломляя учеников и коллег своими чудачествами. В Москве, например, где он служил смотрителем духовного училища, завел медведя и никогда не разлучался с ним. В Туле, где состоял инспектором семинарии, врывался ночью в спальни воспитанников, делал обыски, рылся в личных вещах семинаристов.

В начале века будущий расколоучитель перебрался в Петербург. Здесь он служил в цензурном комитете, написал исследование о Книге пророка Варуха, высоко оцененное библиеистами, посещал религиозно-философские собрания, где сблизился с В. В. Розановым, прозвавшим его Левиафаном. Любопытную характеристику дал Антонину познакомившийся с ним на религиозно-философских собраниях сторонний наблюдатель, человек из художественной среды и по вероисповеданию католик: «На меня особенно сильное впечатление произвел архимандрит Антонин из Александро-Невской лавры... Поражал его громадный рост, поражало прямо демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная как смоль, не очень густая борода. Но не менее меня поразило и то, что стал изрекать этот иерей с непонятной откровенностью и прямо-таки цинизмом. Главной темой его беседы было общение полов... и вот Антонин не только не вдался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежности такого общения и всяких форм его».

В 1903 г. архимандрит Антонин был хиротонисан во епископа Нарвского. В революцию 1905 г. он прекратил за богослужением возносить имя государя, а в статье, опубликованной в светском журнале, рассуждал о сочетании законодательной, исполнительной и судебной власти как о земном подобии Божественной Троицы, за что и был уволен

на покой, но в 1913 г. его назначили на Владикавказскую кафедру; вскоре, однако, по болезни снова был уволен на покой и поселился в Богоявленском монастыре. Во время Поместного Собора он ходил по Москве в рваном подряснике, иногда оставался на ночь на улице, спал на скамейке, жалуясь на то, что его забыли и бросили. После Собора он привлек к себе внимание в церковной среде самочинными богослужебными новшествами, повлекшими за собой запрещение в священнослужении.

В мае 1922 г. группа обновленцев созвала учредительное собрание своих сторонников и провозгласила образование «Живой церкви». На собрании живоцерковников был избран Центральный комитет из десяти человек во главе с протоиереем В. Красницким. В газете «Живая церковь», которую стал издавать этот ЦК, печатались статьи против самого института монашества. Одна из них, посвященная монастырям, называется «Гнезда бездельников». В другой статье протоиерей В. Красницкий откровенно провозгласил свою цель: «Духовенство должно быть освобождено от мертвящего гнета монашества, оно должно получить в свои руки органы церковного управления. И непременно получить доступ к епископскому сану».

Для захвата церковного управления на местах ВЦУ направило по епархиям пятьдесят шесть уполномоченных, вменив им в обязанность «изгнание монахов, то есть архиереев из архиерейских домов» и захват православных храмов. Обвиняя архиереев в контрреволюционности, уполномоченные подыгрывали властям, и те высылали их из епархий. От управления своими епархиями были устранены видные архипастыри, и среди них митрополиты Новгородский Арсений (Стадницкий), Казанский священномученик Кирилл (Смирнов), Ярославский святитель Агафангел, архиепископы Крутицкий Никандр, Харьковский Нафанаил.

Трагические события произошли в Петрограде. Вернувшись из Москвы в Петроград, протоиерей А. Введенский пытался вовлечь в обновленческую авантюру приблизившего его прежде к себе митрополита Вениамина. 25 мая он предъявил митрополиту «удостоверение» с подписью епископа Верненского Леонида в том, что, согласно резолюции патриарха Тихона, он является членом Высшего церковного управления и командирован в Петроград по делам церковного управления. Митрополит обратил внимание на отсутствие на этой бумаге подписи патриарха и отказался признать «удостоверение». А через день, за воскресной литургией в петроградских церквях зачитано было послание митрополита Вениамина к пастве, в котором священники Введенский и Белков, без воли

своего епископа отправившиеся в Москву и принявшие там на себя высшее управление Церковью, отлучались от церковного общения впредь до принесения покаяния.

В понедельник в покои митрополита явились представители власти вместе с Введенским: один для ареста архиерея, другой для принятия канцелярии. Введенский подошел к святителю под благословение, но святитель благословения не дал, сказав: «Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду». В обязанности управляющего Петроградской епархией вступил первый викарий митрополита епископ Ямбургский Алексей (Симанский).

10 июня в Петрограде открылся процесс по делу о церковных ценностях. На скамью подсудимых посадили восемьдесят шесть обвиняемых, и среди них митрополита Вениамина, епископа Венедикта (Плотникова), настоятеля Казанского собора протоиерея Н. К. Чукова (впоследствии митрополит Григорий), настоятеля Исаакиевского собора протоиерея Л. К. Богоявленского, архимандрита Сергия (Шейна), председателя правления Совета петроградских приходов профессора Ю. П. Новицкого, членов правления и юрисконсульта Александро-Невской лавры И. М. Ковшарова, профессора В. Н. Бенешевича. Подсудимые обвинялись в причастности к волнениям, которые были учинены при изъятии ценностей из петроградских церквей. Главным свидетелем обвинения выступил протоиерей В. Красницкий.

Когда трибунал предоставил последнее слово обвиняемым, священномученик Вениамин сказал: «Второй раз в своей жизни мне приходится предстать перед народным судом. В первый раз я был на суде народном пять лет тому назад, когда в 1917 г. происходили выборы митрополита Петроградского. Тогдашнее Временное правительство и высшее петроградское духовенство меня выбирать не хотели – их кандидатом был преосвященнейший Андрей (Ухтомский). Но приходские собрания и рабочие на заводах называли мое имя. Я был, вопреки своему собственному желанию, избран подавляющим большинством голосов в митрополита Петроградского. Почему это произошло? Конечно, не потому, что я имел какие-либо большие достоинства... а только потому, что меня хорошо знал простой петроградский народ, так как я в течение двадцати трех лет перед этим учил и проповедовал в церкви на окраине Петрограда. И вот пять лет я в сане митрополита работал для народа и на глазах народа, и служил ему, нес в народные массы только успокоение и мир, а не ссору и вражду. Я был всегда лоялен по отношению к гражданской власти и никогда не занимался никакой политикой... Так

продолжалось дело до 28 мая, когда вдруг неожиданно я оказался в глазах власти врагом народа и опасным контрреволюционером. Я, конечно, отвергаю все предъявленные мне обвинения и еще раз торжественно заявляю (ведь, быть может, я говорю в последний раз в своей жизни), что политика мне совершенно чужда, я старался по мере сил быть только пастырем душ человеческих. И теперь, стоя перед судом, я спокойно дожидаясь его приговора, каков бы он ни был, хорошо помня слова апостола: «Берегитесь, чтобы вам не пострадать, как злодеям, а если кто из вас пострадает, как христианин, то благодарите за это Бога» (1Пет. 4:15–16)».

Потом святитель заговорил об обстоятельствах дела, посвятив большую часть слова защите некоторых обвиняемых. Когда он закончил последнее слово, председатель сказал: «Вы все говорите о других, трибуналу желательно узнать, что вы скажете о самом себе?» Митрополит вновь встал. «О себе? Что же я могу вам о себе еще сказать? Разве лишь одно... Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре – жизнь или смерть, – но, что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение, – святитель широко перекрестился – скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все!»».

5 июля был оглашен приговор трибунала: «...Виновность Казанского (Вениамина), Новицкого, Ковшарова, Богоявленского, Чукова, Елачича, Чельцова, Огнева, Шеина (архимандрита Сергия), Плотникова (епископа Венедикта), Бычкова, Петровского установлена в том, что первый, являясь представителем Православной Русской Церкви Петроградской епархии, а последние – членами правления приходов в период проведения советской властью декрета об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г... вошли в соглашение с патриархом Тихоном для проведения одинаковой линии в вопросе изъятия церковных ценностей, в духе того нелегального воззвания патриарха Тихона, распространенного им в феврале месяце сего года, призывавшего население республики к возмущениям, с каковой целью... придали организации характер деятельности, поставившей себе целью борьбу с советской властью...».

Митрополит Вениамин, епископ Венедикт, архимандрит Сергий, протоиереи Н. Чуков, Л. Богоявленский, М. Чельцов, а также Ю. Л. Новицкий, И. М. Ковшаров, Д. Ф. Огневи, Н. А. Елачич были приговорены трибуналом к расстрелу, а большинство обвиняемых: Л. Н. Парийский, С. И. Бычков, А. В. Петровский, священник А. М. Толстопятов, С. Е. Соколов и другие – к разным срокам лишения свободы со строгой изоляцией.

Двадцать два человека, среди них профессор В. Н. Бенешевич, ученый с мировым именем, Павел Чельцов, И. А. Карабинов и еще некоторые, были оправданы.

Сразу после вынесения приговора петроградским трибуналом обновленческое Высшее церковное управление огласило свой «приговор» по тому же делу – документ изумительной низости и бесстыдства: «Бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избличенного в измене своему архипастырскому долгу... лишить священного сана и монашества. Председателя и членов правления приходов Петроградской епархии Новицкого, Ковшарова, Елачича и Огнева... отлучить от Православной Церкви. Членов того же правления священнослужителей епископа Венедикта (Плотникова), протоиереев Богоявленского, Чукова, Чельцова, архимандрита Сергия (Шейна) уволить от должности и лишить священного сана...». Других осужденных священнослужителей ВЦУ «запретило» в священнослужении, мирян, проходивших по делу, «отлучило» от причастия на сроки, соответствовавшие срокам лишения их свободы по приговору трибунала.

10 августа «Известия» напечатали сообщение о помиловании шести приговоренных по этому делу к смертной казни. В ночь с 12 на 13 августа приговор трибунала о смертной казни четырех других осужденных – священномучеников митрополита Вениамина, архимандрита Сергия и мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова – был приведен в исполнение.

Священномученик Вениамин (в миру Василий Казанский) родился в 1872 г. в Олонецкой епархии. В 1895 г. студентом Петроградской духовной академии принял монашеский постриг, через год был рукоположен в иеромонаха. После академии проходил административно-педагогическое послушание. В 1905 г. в сане архимандрита назначен ректором Петербургской семинарии, а 24 января 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, четвертого vicария Петербургской епархии. Епископ Вениамин любил совершать богослужения в окраинных церквях столицы, где молились рабочие люди. На Рождество и Пасху он совершал богослужения на Путиловском и Обуховском заводах.

После Февральской революции епископ Вениамин стал предстоятелем Петроградской церкви. После Октября он, вероятно, самый далекий от политики русский иерарх, менее других архиереев подозревался в контрреволюционных настроениях.

За несколько дней до расстрела митрополит Вениамин отправил письмо одному из питерских благочинных. «В детстве и отрочестве, –

писал он, – я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Времена переменялись, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот Рубикон и всецело предаваться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий... Я радостен и покоен, как всегда. Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место благодати Божией... Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем...

Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявлять подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века!...».

В разгар петроградского процесса в печати появился так называемый «Меморандум трех». Мстительные иерархи – митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), архиепископы Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) – признали обновленческое Высшее церковное управление «единственной канонической церковной властью». Примеру видных архиереев последовала примерно половина русского епископата. Одни – будучи в состоянии растерянности, другие – подогреваемые честолюбием, третьи – надеясь ввести обновленческое движение в русло церковной законности и возглавить Высшее церковное управление. По словам митрополита Мануила, многие архиереи и клирики рассуждали тогда так: «Если уже мудрый Сергий признал возможным подчиниться Высшему церковному управлению, то ясно, что и мы должны последовать его примеру».

18 июня 1922 г. с посланием «К архипастырям, пастырям и всем чадам Русской Православной Церкви» обратился заместитель патриарха митрополит Агафангел. В этом послании он объявлял ВЦУ «незаконным» учреждением и призвал епархиальных архиереев не подчиняться ему и временно перейти на самоуправление, все дела решать самостоятельно, «по совести и архиерейской присяге». Половина епископов и клириков, большая часть мирян не дрогнули перед натиском церковных авантюристов. Благочестивый народ в массе своей не пошел за раскольниками. Храмы, захваченные ими, стояли пустыми, а в православных приходах, сохранивших верность патриарху, за

богослужением продолжали возносить имена изгнанных архиереев.

В обновленческих же церквах творилось беззаконие. Уже в мае епископы Антонин и Леонид рукоположили во епископа Подольского протоиерея И. И. Альбинского без принятия им монашества. А вскоре церковный народ стал свидетелем откровенного глумления раскольников над церковными канонами: во епископов стали «хиротонисать» женатых священников без разлучения с женами, рукополагать во все три священные степени второбрачных.

После отказа епископа Алексия (Симанского) от подчинения Высшему церковному управлению и одновременно от управления Петроградской епархией обновленцы рукоположили во епископа Петроградского женатого протоиерея Н. Соболева, о чем В. Красницкий победоносно объявил в июньском выпуске «Живой церкви»: «Революционные священники не постеснялись одни, без монаха-епископа, войти в митрополичью крестовую церковь... а потом – сесть за стол в митрополичьей гостиной и открыть действия своего революционного епархиального управления. Мало того, среди петроградского духовенства нашелся достойный член, почтенный протоиерей, который пожертвовал собою, чтобы принять крест управления столь взволнованной и смущенной епархией... Революционная стихия победила в Петрограде и на церковном фронте».

6 июня ВЦУ вынесло постановление, в котором просило государственную власть произвести следствие по делу о контрреволюционной деятельности в храме Христа Спасителя. Просьба была уважена, и вскоре в кафедральном храме Москвы водворились обновленцы.

6 августа живоцерковники создали в Москве «Всероссийский съезд белого духовенства». Съезд был созван для подготовки обновленческого собора. Постановление съезда ходатайствовать перед предстоящим собором о введении белого епископата и о разрешении второбрачия клирикам вызвало раскол в расколе. Епископ Антонин, протестовавший против столь радикального даже по его мнению проекта, был с площадной бранью выгнан со съезда.

Порвав с В. Красницким, епископ Антонин образовал новую группировку «Церковное возрождение». К «возрожденцам» примкнули столпы петроградского обновленчества: Введенский, Боярский, Белков. Первый редактор газеты «Живая церковь» московский священник С. В. Калиновский объявил о выходе из Высшего церковного управления в связи с утратой веры в Бога, после чего стал заниматься атеистической

пропагандой. В результате нового, очередного разделения из «Церковного возрождения» выделился «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ) во главе с Введенским и Боярским. Протоиерей Белков основал «Союз религиозных трудовых коммун». В Саратове возникла «Пуританская партия революционного духовенства и мирян», в Пензе – «Свободная трудовая церковь».

Отношения между раскольниками носили базарный характер. 10 сентября в храме Страстного монастыря состоялось площадное действо, разыгранное живоцерковниками во главе с В. Красницким. После кощунственного рукоположения во епископа некоего Константина епископ Антонин сказал слово, в котором клеймил живоцерковников как отступников от веры. В ответ прозвучали бранные слова епископа Николая (Федотова). Народу больше понравилась не лишенная остроумия речь Антонина с насмешками в адрес живоцерковников. Раздались угрозы. Новопоставленный упал в обморок, а Федотов и Красницкий спрятались в алтаре и, не шелохнувшись, просидели там до тех пор, пока народ не разошелся по домам.

За мнимо идейными разногласиями у обновленцев стоял вполне материальный интерес. О нравственной нечистоплотности обновленческой среды не без остроумия говорил их бывший предводитель епископ Антонин: «Ко времени собора 1923 г. не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой... Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков».

В свою очередь хлесткую характеристику дал Антонину, находившийся в эмиграции митрополит Антоний (Храповицкий), которую перепечатала «Живая церковь»: «Я вполне допускаю вероятность того, что среди сорока тысяч русского духовенства нашлось несколько негодяев, восставших против святейшего патриарха, имея во главе известного всем развратника, пьяницу и нигилиста, побывавшего клиентом дома умалишенных еще двадцать лет назад».

Но общая цель – борьба с тихоновской Церковью – все-таки заставила обновленцев, разделившихся по сектам и охваченных взаимной грызней, искать союза. В конце 1922 г. было образовано новое Высшее церковное управление, в которое епископ Антонин, протоиереи Красницкий и Введенский вошли как главы отдельных фракций. Кроме них, членами ВЦУ стали «беспартийные» – архиепископ Нижегородский Евдоким и митрополит Владимирский Сергей, который реального участия в

деятельности этого сборища не принимал.

Обновленческий раскол распространился и на Украину. Там обновленцы домогались автокефалии. В феврале 1923 г., после удаления из Харькова патриаршего экзарха митрополита Михаила (Ермакова), в Киеве был созван съезд епископов, клириков и мирян, который образовал Временное всеукраинское высшее церковное управление. Ключевой фигурой в этом учреждении становится протоиерей Иосиф Кречетович. Из архиереев Временное всеукраинское ВЦУ поддерживали архиепископ Пимен (Пегов), епископ Лоллий (Юрьевский).

Крайние реформаторы на Украине уже прежде отделились от Православной Церкви в самосвятский раскол, и потому обновленчество проявило там большую умеренность в посягательствах на церковные законы. Обновленцы не вводили на Украине белого епископата, не допускали и второбрачия клириков. Украинские раскольники поддерживали общение с обновленческим ВЦУ в Москве, надеясь (и не напрасно!) добиться от него автокефалии, в которой им отказывали патриарх Тихон и законная церковная власть.

2 мая 1923 г. в захваченном у Православной Церкви храме Христа Спасителя открылось обновленческое сборище, притязательно названное Вторым поместным собором. Деловые заседания «собора» проходили в «3 Московском доме советов». В лжесоборе участвовало 476 делегатов, которые разбились на партии: 200 живоцерковников, 116 депутатов от Союза общин древлеапостольской церкви, 10– из «Церковного возрождения», 3 беспартийных обновленца и 66 депутатов, названных «умеренными тихоновцами» – православные по убеждениям епископы, клирики и миряне, которых не увлекали обновленческие идеи, но которые по разным причинам подчинились обновленческому ВЦУ. Почетным председателем лжесобора избрали епископа Антонина, незаконно возведенного в сан митрополита, председателем – самочинного митрополита Сибирского Петра Блинова.

Лжесобор узаконил противоканонические реформы прежнего Высшего церковного управления: закрытие монастырей, белый епископат, допустимость второбрачия для духовенства, но из-за сопротивления «умеренных тихоновцев» были отвергнуты догматические и литургические реформы, предложенные в докладах Введенского и Красницкого. Оба предводителя обновленчества награждены были за учиненный ими раскол: Введенский – титулом архиепископа Крутицкого, Красницкий – саном протопресвитера.

Важнейшей акцией разбойничьего сборища стал заочный суд над

патриархом Тихоном. Собор обновленческих епископов вынес приговор: «Патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности и каре – лишению сана и звания патриарха – за то, что он направил всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского общественного строя нашей жизни». Под этим позорным документом стоят 54 подписи. Возглавляет список имя лжемитрополита Антонина (Грановского). Под приговором нет подписей авторов «Меморандума трех», которые не участвовали в судебном заседании. Приговор «архиерейского собора» был представлен полноте разбойничьего сборища. И общим составом лжесобор вынес резолюцию, в которой говорилось: «Собор на основании канонов Церкви сим объявляет патриарха Тихона лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Беллавин. Осуждая бывшего патриарха Тихона... собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным... Поэтому Собор отменяет восстановление патриаршества». Святой Тихон, ознакомившись с приговором обновленческого Собора, отверг его, объявив его «неправильным и по форме и по существу».

В советской и обновленческой церковной печати раскольники требуют суровой кары для патриарха. Лжемитрополит Антонин домогается его смертной казни. В результате разрушительных действий раскольников церковное управление оказалось обезглавленным, архиереи изгнаны с кафедр, большинство храмов захвачено обновленцами, духовенство и церковный народ повержены в смятение.

В такой обстановке 16 июня 1923 г. патриарх Тихон обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором просил освободить его из-под стражи. «Я окончательно отмежевываюсь, – писал он, – как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции». 25 июня патриарх Тихон смог вернуться к отправлению своих первосвятительских обязанностей.

Весть об освобождении патриарха вызвала у православного народа великую радость. Получив возможность свободно передвигаться по городу, патриарх тотчас отправился на Лазаревское кладбище, где тогда погребали популярного в Москве пастыря святого Алексия Мечева. Когда люди увидели возле могилы священника патриарха, они с любовью и преданностью подходили под его первосвятительское благословение. Патриарх смог убедиться, что православный народ не ушел от него.

28 июня первосвятитель обратился к Церкви с посланием, в котором

объяснил свою политическую позицию: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы... но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют... Со временем многое у нас стало изменяться, и теперь, например, приходится просить советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гроднинщине, где поляки закрывают православные церкви... Я решительно осуждаю всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно ни исходило».

1 июля 1923 г. после литургии в Донском монастыре патриарх произнес проповедь, в которой сказал, что дело Церкви «сеять учение Христа о мире всего мира, о братстве, о всепобеждающей любви. Взбаламученное страстями человеческое море особенно теперь в этом нуждается».

В тот же день он обратился к пастве с новым посланием, заявив, что «Российская Православная Церковь аполитична и не желает... быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены». В этом послании патриарх осудил обновленчество: «Обновленцы... толкают Церковь к сектантству, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов». Суровые слова нашел он и для характеристики тех эмигрантов, которые толкали Церковь на путь «политической борьбы совместно с проживающими в России и за границей злоумышленными противниками советской власти». Патриарх призвал их смириться и покаяться, угрожая в противном случае церковным судом.

15 июля святитель Тихон обратился к пастве с новым посланием и в нем дезавуировал все действия обновленческого ВЦУ: «Торжественно и во всеуслышание... свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления о соглашении с нами и о передаче нами прав и обязанностей патриарха... Высшему церковному управлению, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман и что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно... И как воспользовались они захваченной церковной властью? Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола, чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу... чтобы преследовать благоговейных священников... Всем этим они отделили себя от единства Вселенской Церкви и лишились благодати Божией. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной

власти, правившей Церковью в наше отсутствие, недействительны и ничтожны».

15 апреля 1924 г. патриарх Тихон издал указ о запрещении в священнослужении и предании церковному суду обновленческих лжемитрополитов Евдокима (Мещерского) и Антонина (Грановского).

После возвращения патриарха Тихона к отправлению своих первосвятительских обязанностей его ближайшими помощниками в управлении церковным кораблем, контактах с представителями государственной власти и в очищении Церкви от обновленческой скверны становятся архиепископы Тверской Серафим (Александров), Уральский Тихон (Оболенский) и архиепископ Верецкий священномученик Иларион (Троицкий), которых патриарх включает в образованный им Временный Синод.

В августе 1923 г. эти архиереи вместе с патриархом обращаются с воззванием к Русской Церкви, в котором заявляют о решительном отмежевании от всякой контрреволюции: «Возврат к прежнему строю невозможен, Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили – дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею воспользоваться для своих личных целей. Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога».

Это воззвание вырывало из рук обновленцев главное их оружие – обвинение православного духовенства в нелояльности к советской власти.

Часть православных эмигрантов смущена была переменой в отношении патриарха Тихона к государственной власти. Но митрополит Антоний (Храповицкий) тогда достаточно правильно понимал ситуацию, в которой находилась Русская Церковь и ее глава, и предостерегал паству от неверных оценок. В статье «Не надо смущаться» он писал: «Настоящее заявление патриарха имеет для Церкви уже несомненно благотворное значение; оно избавило ее от духовного безначалия, от опасности превратиться в беспоповскую секту. Православная Церковь снова приобретает... если не правовое, то терпимое положение и получает возможность постепенно освобождаться от той шайки лжеепископов и лжепопов, не верующих в Бога, не стыдящихся людей и совершенно незаконно назвавших себя «Живой церковью», вместо принадлежащего им по праву названия «церковь лукавнующих»».

Изменение в политической позиции патриарха Тихона и большей части православного епископата обусловлено было не только тактическим расчетом, но и соображениями принципиального характера: Гражданская

война закончилась, государственная власть перестала быть предметом кровавой междоусобной брани, в стране существовало одно правительство – советское. И Церковь должна была предпринять шаги к тому, чтобы на предстоящие десятилетия устроить с советским режимом сносные условия сосуществования. Заявление патриарха в Верховный суд и последовавшие за ним другие официальные заявления от лица Церкви и обозначали, в сущности, акт признания советской власти не только de facto, что имело место и ранее, но и de jure.

В январе 1924 г. патриарх издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением: «О стране Российской и властях ея», а 21 марта 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление о прекращении дела патриарха Тихона и его сподвижников архиепископа Никандра, митрополита Арсения и П. В. Гурьева.

После возвращения патриарха к управлению церковным кораблем началось массовое возвращение в Церковь священников, примкнувших к раскольникам не по убеждениям, а «страха ради иудейска». Вместе с ними возвращаются в Церковь и храмы, которые, пока настоятели их пребывали в расколе, стояли полупустыми. Оскверненные храмы окроплялись святой водой, что вызывало особое раздражение у обновленцев.

Под омофор патриарха возвращались и иерархи, среди них митрополит Сергий (Страгородский), архиепископ Серафим (Мещеряков), епископы Филипп (Ставицкий), Севастиан (Вести), Софроний (Арефьев), Никон (Пурлевский). Возвращаются в Церковь и лжеархиереи обновленческого поставления Антоний (Панкеев), Петр (Савельев).

11 сентября 1924 г. в храме Иоанна Предтечи в Москве Серафим (Мещеряков), обновленческий лжемитрополит всея Белоруссии, принес перед патриархом и народом покаяние: «В настоящий торжественный священный момент я, бывший архиепископ Серафим, всенародно каюсь в своих церковно-дисциплинарных преступлениях... Святой Отец наш! Прости меня, блудного твоего сына, за мое пребывание на стороне обновленческого раскола и прими в молитвенно-каноническое общение... Прости меня, окаянного, за признание незаконного Высшего церковного управления, собора 23-го года и обновленческого синода. Прости меня, многогрешного, за мои недостойные выступления против твоей Святыни... Простите меня... ивы, архипастыри и пастыри, и своей всепрощающей любовью согрейте и озарите закат моей жизни... Простите меня... и вы, братья и сестры, вы – непоколебимые представители истинного русского благочестия, примите от меня земной поклон за то, что своей стойкой преданностью и верностью Православной Церкви

сохранили нам драгоценную жизнь ее законного главы патриарха, и помолитесь обо мне Господу Богу...» – «Бог простит, Бог простит», – отвечал ему народ.

Оказавшись у разбитого корыта, обновленцы лихорадочно ищут способ избежать полного провала своей авантюры. В Высшем церковном совете, в который было реорганизовано на лжесоборе прежнее ВЦУ, возобновляются грызня и распри, стихшие на короткое время перед созывом лжесобора. Протопресвитер В. Красницкий выходит из ВЦС. Вслед за этим ВЦС увольняет на покой своего председателя Антонина, который в знак протеста снимает с себя подаренный ему раскольниками сан митрополита и впредь именуется скромнее – епископом.

В начале августа 1923 г. в Москве состоялось совещание обновленческих лжеепископов и уполномоченных Высшего церковного совета, на котором ВЦС был упразднен, а вместо него образован синод, составленный для придания ему видимости законности в основном из епископов старого поставления. Председателем синода был избран лжемитрополит Евдоким (Мещерский), но подлинным вожаком раскола стал Александр Введенский, успевший обзавестись архиепископским саном, несмотря на то что был женат.

Часть обновленцев, не желая приносить покаяния в содеянном, стремилась, однако, к воссоединению с Православной Церковью. Отражая настроения этих кругов, евдокимовский синод издал в конце августа послание, целью которого было подготовить почву для переговоров с патриархом. «Общественное мнение и религиозная совесть верующих на бывшего патриарха Тихона возложили две вины – говорится в нем, – одну – в непризнании им нового государственного строя и советской власти, вторую – в приведении в полное расстройство всех церковных дел. В первой своей вине бывший патриарх Тихон открыто, перед всем миром, покаялся... но вторая вина еще по-прежнему лежит на бывшем патриархе».

Несмотря на оскорбительный тон послания, патриарх ради спасения заблудших, ради церковного мира был готов к переговорам с обновленцами. В этом его поддерживал Временный Патриарший Синод. Архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский), Иларион (Троицкий) открыли переговоры с лжемитрополитом Евдокимом об условиях восстановления церковного единства.

Решительным противником таких переговоров был бывший ректор Московской духовной академии архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря. Строгий монах, знаток

Типикона и канонов, человек бескомпромиссной твердости, он объединил вокруг себя тех архипастырей и церковных деятелей, которые предостерегали патриарха от малейших уступок раскольникам. Частыми посетителями настоятельских покоев Данилова монастыря были митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Гурий (Степанов), архиепископ Серафим (Самойлович), епископ Пахомий (Кедров). Патриарх в шутку называл Даниловский монастырь «конспиративным Синодом».

В конце сентября 1923 г. в Донском монастыре состоялось совещание 27 православных архиереев для обсуждения результатов переговоров с лжемитрополитом Евдокимом о преодолении раскола. Архиепископ Феодор не явился на совещание, но в нем участвовало много его сторонников и единомышленников. Архиепископ Тверской Серафим (Александров) доложил собратиям о ходе переговоров. «Все наше разделение – сказал он, – основано на недовольстве некоторых иерархов и православных мирян личностью патриарха Тихона». Архиепископ Серафим довел до сведения епископов предложение Евдокима открыть общий Собор из тихоновцев и обновленцев под председательством патриарха Тихона, на котором патриарх должен сам отказаться от возглавления Русской Церкви, после чего Собор отменит постановление о лишении его сана и уволит на покой в сущем сане.

Когда святейшему впервые доложили об этом проекте, он сказал: «Надоел я вам, братцы, возьмите мешалку и гоните меня». На совещании в Донском монастыре архиепископ Уральский Тихон высказался за принятие предложенных условий. Против компромиссной линии возражали митрополит Казанский Кирилл, архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Закрытым голосованием проект соглашения с евдокимовским синодом был отвергнут.

Весной 1924 г. с патриархом Тихоном вел переговоры о воссоединении коновод «Живой церкви», отделившийся от обновленческого Синода лжепротопресвитер В. Красницкий. Благодаря твердой позиции, занятой тогда митрополитами Кириллом, Петром (Полянским), временно управляющим Петроградской епархией епископом Венедиктом, переговоры эти были прерваны и окончились ничем.

Ареной самой ожесточенной борьбы обновленчества с Православной Церковью стал очаг раскола – Петроград. В 1923 г. из 123-х петроградских храмов 113 были захвачены раскольниками. Самой большой из православных церквей, которую удалось отстоять, был Спасо-Преображенский собор на Литейном, где настоятелем служил протоиерей

Сергий Тихомиров. Храмы, отнятые обновленцами, стояли полупустыми, а православным негде было собираться для молитвы, некому было совершать для них требы. В городе осталась горсть священников и ни одного православного архиерея.

23 сентября 1923 г. в Москве по просьбе делегации православной петроградской паствы состоялась хиротония во епископа Лужского Мануила (Лемешевского). При наречении святитель Тихон сказал ставленнику: «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоём, но мужайся и верни мне епархию». По приезде в Петроград епископ Мануил совершил богослужение в маленькой церквушке Святых Бессребреников Космы и Дамиана и зачитал обращение патриарха к петроградской пастве. Сердца смятенных, запуганных людей – пастырей и мирян – воспрянули. Деморализованные священники, подчинившиеся обновленческому ВЦУ, стали приносить покаяние и возвращаться под первосвятительский омофор. В октябре 1923 г. в отступничестве пред епископом Мануилом покаялась братия Александро-Невской лавры. Церкви, в которых служил епископ Мануил, всегда были переполнены молящимися. Люди стояли в притворе, на паперти, на улице за оградой. Богослужения продолжались по три-четыре часа, а потом еще часами архипастырь благословлял народ. Проповеди его были немногословны, безыскусны. Говорил он, по воспоминаниям современников, кратко, отрывисто, часто повторял одно и то же. Неустанно призывал паству к терпению, молитвенному бдению, к верности Христу. «Дайте пост уму, – призывал он, – бросьте хоть на время увеселения, кинематографы, театры, пока наша Мать-Церковь так страдает». Благодаря его пастырской и исповеднической ревности к декабрю 1923 г. из 113 обновленческих храмов 85 вернулись в православие.

Обновленцы перед угрозой полного краха вновь прибегли к интригам против православных, обвиняя их в политической нелояльности. В конце концов они добились своего. 3 февраля 1924 г., в день иконы Божией Матери «Отрада и Утешение», епископ Мануил был арестован и в октябре приговорен к трехлетней ссылке в Соловецкий лагерь.

Несколько ранее, в конце 1923 г., был арестован и ближайший помощник патриарха архиепископ Верецкий Иларион (Троицкий), которого заменил в Патриаршем Синоде архиепископ Крутицкий Петр (Полянский). В 1923 г. были арестованы архиепископ Тамбовский Зиновий (Дроздов), епископы Амвросий (Полянский), Амфилохий (Скворцов), Анатолий (Грисюк), Вассиан (Пятницкий), Гавриил (Абалымов), Евсевий

(Рождественский), Филипп (Гумилевский), Лука (Войно-Ясенецкий) и вернувшиеся из обновленчества Артемий (Ильинский), Киприан (Комаровский), Софроний (Старков), а вместе с ними тысячи священников, диаконов, церковнослужителей и благочестивых мирян. Большинство архиереев сослали в Соловецкий лагерь особого назначения, а самым страшным местом на Соловках была штрафная командировка, расположенная в основанном преподобным Иовом Голгофо-Распятском скиту на Анзерском острове.

В конце 1924 г. здоровье Святейшего Патриарха Тихона, потрясенное выпавшими на его долю многими тяжкими испытаниями, резко пошатнулось. Святитель Тихон страдал хроническим воспалением почек, общим склерозом и грудной жабой. 13 января он согласился переехать из Донского монастыря в частную клинику Бакуниной на Остоженке, где в его лечении участвовал знаменитый врач профессор Плетнев. В клинике его здоровье заметно поправилось. Но 2 апреля после зубоорачебной операции состояние патриарха Тихона внезапно резко ухудшилось.

Тем временем Синод вел переговоры с представителем государственной власти Тучковым об издании нового обращения к пастве от лица патриарха. В праздник Благовещения состоялось экстренное заседание Синода, на котором обсуждался текст этого документа.

После заседания около 10 часов вечера изнемогший патриарх попросил келейника помочь ему умыться. При этом он сказал: «Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная, темная». У больного начался бред, он впал в забытие. Потом, без четверти 12, открыв глаза и узнав, который час, он начал креститься. «Ну, слава Богу, слава Тебе Боже», – повторил он трижды, осенив себя крестным знамением. Руки бессильно упали. Святейший патриарх Тихон отошел ко Господу в Благовещение 1925 г. в 23 часа 45 минут.

Погребение почившего состоялось в Донском монастыре. Сорока скорбными ударами колокола православная Москва была извещена о великой потере. В монастырь отовсюду двинулись верные чада Церкви проститься со своим предстоятелем. Чтобы войти в собор, люди по девять-десять часов выстаивали в очереди, которая тянулась на три версты. Торжественные панихиды совершались во всех российских церквях; заупокойные панихиды по почившему отслужили Восточные патриархи.

Глубокую и верную характеристику почившему предстоятелю Русской Церкви дал митрополит Сергий (Страгородский), впоследствии патриарх, в слове, произнесенном за литией в дни траура: «Его святительская деятельность и до избрания в патриархи не сопровождалась

внешним блеском. Его личность не была заметна. Казалось, что он не имел никаких особенных дарований, которыми мог бы блистать. Как будто даже ничего не делал. Не делал, но при нем какой-то маленький приход превратился в Американскую Православную Церковь. То же было и в Литве, и в Ярославле... То же повторилось и здесь. Казалось, что он ничего не делал, но тот факт, что вы собрались здесь... есть дело рук святейшего. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы... По своему характеру святитель отличался величайшей незлобивостью и добротой. Он всегда одинаково был верен себе: и на школьной скамье, и на пастырской и архипастырской ниве, вплоть до занятия патриаршего престола. Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить. А мы очень часто его не понимали, часто огорчали своим непониманием, непослушанием, отступничеством. Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви. За что любил его православный русский народ? Любил православный народ своего патриарха потому, что он взрастил эти богатые добродетели на почве церковной при благодатной помощи Божией. «Свет Христов просвещает всех», – говорит слово Божие, и этот свет Христов был тем светочем, который путеводил почившего во время его земной жизни. Будем надеяться, что за высокие качества милосердия, снисходительности и ласки к людям Господь будет милостив к нему, предстоящему перед Престолом Божиим».

Погребение святителя состоялось 12 апреля в Вербное воскресенье. В ограде Донского монастыря об упокоении души святейшего молились не меньше трехсот тысяч человек. Отпевание совершили пятьдесят шесть архиереев и около пятисот пресвитеров. Мощи святого нашли упокоение в Малом Донском соборе, возле гроба с телом убитого незадолго до его кончины верного келейника патриарха Якова Полозова.

Через неделю после преставления патриарха Тихона, 15 марта, в «Известиях» был напечатан текст воззвания, подписанный им в день кончины. Он получил наименование «Завещание патриарха».

В нем говорилось: «В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой ничего в мире не совершается, во главе Русского государства стала советская власть, принявшая на себя тяжкую обязанность– устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода... Представители советской власти еще в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу, и в

том числе и нашей Православной Церкви, права и возможности жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры... Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устроятся», и принять все происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами советской власти и явную или тайную агитацию против нее.

...Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы... не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что советская власть – действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая... Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого православия – сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей... Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где из 350 находившихся там церквей и монастырей осталось лишь 50. Остальные были или закрыты, или обращены в костелы... С глубокой скорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри... занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны и, во всяком случае, вредной для нашей Церкви... Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам. Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам... действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем...

Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы...».

В связи с этим документом, названным «Завещанием патриарха»,

высказывались сомнения в его подлинности, авторами называли Тучкова с помощниками. До сих пор некоторые церковные публицисты и историки отвергают принадлежность его патриарху Тихону. В настоящее время, в связи с тем, что подлинник документа стал доступен для исследования, сомнения в том, что он был действительно подписан патриархом, утратили серьезные основания. Речь при этом, разумеется, не идет о его литературном авторстве. Текст документа, который предполагалось опубликовать как обращение патриарха к пастве, составлялся в ходе согласований между членом Временного Патриаршего Синода митрополитом Крутицким Петром и Тучковым. В «Завещании» могут быть вставки Тучкова, которые с болью в сердце приняты были патриархом, и все-таки он считал необходимым этот документ подписать, потому что его издание представлялось ему тогда необходимым для улучшения условий существования Церкви в Советском государстве. Святейший патриарх Тихон не захотел и не смог уклониться от неблагодарных трудов по выработке такой линии Церкви в отношениях с враждебной ей государственной властью, которая помогла ей выжить.

2. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1925 г.

В самый день погребения патриарха Тихона, 12 апреля 1925 г., в Донском монастыре состоялось совещание архиереев, участвовавших в отпевании почившего. На совещании было вскрыто и оглашено завещание, составленное патриархом на Рождество 1925 г.: «В случае нашей кончины наши патриаршие права и обязанности до законного выбора патриарха предоставляем временно высокопреосвященному митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к высокопреосвященному митрополиту Агафангелу. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши патриаршие права и обязанности переходят к высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому...».

Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел, находясь в ссылке, не могли возглавить церковное управление, сонм архипастырей постановил, что «митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего патриарха должен вступить в обязанности патриаршего местоблюстителя», о чем и составлен был акт, удостоверенный 58 архиереями; на первом месте под актом стоит подпись митрополита Нижегородского Сергия. Сюда же включили и волеизъявление митрополита Петра о согласии «вступить со дня

оглашения завещания почившего первосвятителя в отправление обязанности патриаршего местоблюстителя». 76-е апостольское правило воспрещает епископам назначать себе преемников. Этот запрет распространяется и на первосвятительскую кафедру поместной Церкви, впрочем, почивший первосвятитель назначил все-таки не преемника в собственном смысле слова – патриарха, а только местоблюстителя. К тому же ввиду исключительных условий, в которых жила тогда Русская Церковь, созыв Поместного Собора был невозможен, поэтому лучшего способа сохранить преемство первосвятительского возглавления, чем по завещанию патриарха, не было. Предвидя возможные осложнения, Поместный Собор 1917–1918 гг. поручил патриарху Тихону назначить себе преемников-местоблюстителей без оглашения их имен на пленарном заседании Собора, и святитель исполнил это поручение. Подписи 58 архиереев под актом о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру придают ему до известной степени характер соборного избрания предстоятеля Церкви.

Мирское имя патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра – Петр Федорович Полянский. Он родился в 1862 г. в Воронежской епархии в семье священника. Образование получил в Воронежской семинарии и Московской академии, по окончании которой был оставлен помощником инспектора. Защитив магистерскую диссертацию, посвященную пастырским посланиям апостола Павла, он в светском звании проходил административно-педагогическое послушание: служил смотрителем Жировицкого духовного училища, делопроизводителем, а потом членом Учебного комитета при Святейшем Синоде. В Учебном комитете исполнял обязанности ревизора. Несколько лет проработал под руководством председателя Учебного комитета архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Будущий глава Русской Церкви принимал участие в деяниях Поместного Собора, состоя в его секретариате.

После учреждения патриаршества он стал одним из ближайших помощников святейшего. В 1920 г. принял постриг. В том же году был рукоположен во епископа и поставлен на Подольскую викарную кафедру Московской епархии. Отбыв после этого трехлетнюю ссылку, вернулся в Москву и в 1923 г. был включен в Патриарший Синод, став ближайшим помощником первосвятителя.

В общении с людьми митрополит Петр отличался мягкостью и предупредительностью, но это не мешало ему проявлять настойчивость и твердость в проведении канонически строгой церковной политики.

Непреклонную линию занял он в отношениях с обновленцами, расходясь в этом с другими, более уступчивыми членами Патриаршего Синода.

Вскоре после того как митрополит Петр возглавил Русскую Церковь, он дал интервью газете «Известия». Слова корреспондента о том, что среди населения циркулируют слухи о неподлинности «Завещания» патриарха Тихона, митрополит Петр прокомментировал так: «Слухи эти никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то две-три кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности «Завещания» не сомневаются». На вопрос: «Когда намерены вы осуществить чистку контрреволюционного духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями?» – митрополит ответил: «Для меня, как местоблюстителя патриаршего престола, воля патриарха Тихона священна, но я один не правомочен провести в жизнь эти пункты «Завещания». Такой ответ обозначал, что если правительство заинтересовано в жестком пресечении со стороны церковной власти политической активности некоторых клириков, то оно должно для этого прежде дать разрешение на созыв Собора.

С кончиной патриарха Тихона обновленцы связывали надежду на крах патриаршей Церкви. Часть раскольников главный упор в борьбе с Православной Церковью сделала на испытанный уже метод политических обвинений и клеветы. «Как принципиальные и ярые гонители человеческой мысли, – писала обновленческая газета, – «тихоновцы» ... вредны вообще в культурном отношении, равнодушно смотреть на всю работу «тихоновцев» значит допускать эксплуатацию человека в самой недопустимой форме».

Но менее ретивые обновленцы взяли курс на «объединение с тихоновской Церковью». 11 апреля обновленческий Синод, возглавляемый уже не митрополитом Евдокимом, ушедшим на покой, а лжемитрополитом Вениамином (Муратовским) (из епископов старого поставления), выступил с призывом к объединению, которое предполагалось осуществить на «3 соборе».

Некоторые из православных архипастырей и пастырей – митрополит Уральский Тихон, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), влиятельный протоиерей Николай Чуков – склонялись к тому, чтобы прислушаться к призывам умеренных обновленцев объединиться. Резкую отповедь лицемерным проискам раскольников дали митрополит Казанский Кирилл и епископ Яранский Нектарий (Трезвинский). Митрополит Петр, не пренебрегая контактами с обновленцами, занял, однако, твердую позицию: речь должна идти не о соединении, а лишь о присоединении к

Православной Церкви отпавших от нее в случае их покаяния.

28 июля 1925 г. патриарший местоблюститель обратился к пастве с посланием: «Истинная Церковь едина, и едина пребывающая в ней благодать Святаго Духа. Не может быть двух Церквей и двух благодатей. Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести истинное раскаяние в своих заблуждениях». В обращении к благочинным, причтам и приходским советам Московской епархии он писал, что «обновленцы протягивали православным руку примирения только затем, чтобы стащить их в бездну».

Между тем все лето 1925 г. обновленцы готовили новое соборище, которое наименовали 3 поместным собором. Лжесобор открылся 1 октября. В нем участвовало 106 лиц, именовавших себя архиереями, более 100 «клириков» и столько же мирян. На лжесобор прибыл и представитель Константинопольского патриарха архимандрит Василий (Димопуло). «Собор» избрал синод из 35 «епископов», «пресвитеров» и мирян. Внутри синода был образован президиум в составе председателя лжемитрополита Вениамина (Муратовского) и четырех членов, среди которых ключевой фигурой стал всевластный А. Введенский, украсивший себя титулом «митрополита». Старчески обессиленный Вениамин служил вывеской обновленческому синоду, будучи покорной марионеткой в руках истинного верховода раскола Введенского. Главным деянием лжесобора явилась искусно разыгранная провокация, задуманная задолго до открытия разбойничьего соборища.

Незадолго до первого обновленческого «собора» обновленческим синодом в Уругвай был направлен некий Соловейчик с титулом епископа Южной Америки. Через два месяца после выезда Соловейчик выступил с заявлением, которое можно было расценить как свидетельство о раскаянии в грехе раскола. Но прошел год, и Соловейчик прислал на имя лжесобора письмо, которое и было оглашено на нем: «Мое преступление перед Священным Синодом заключается в следующем: 12 мая 1924 г., за четыре дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа, 2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола – великий князь Кирилл».

Грубая клевета на покойного патриарха и патриаршего местоблюстителя дала Введенскому повод для недостойной остроты:

«Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главные капитаны: за рубежом или на Крутицах». «Мира с тихоновцами не будет, – объявил он, пресекая примирительные попытки умеренных обновленцев, – чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция». Под его диктовку была составлена резолюция: «Собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую Церкви грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины».

Домогаясь устранения местоблюстителя митрополита Петра, обновленческие авторы публикуют в «Известиях» такую характеристику первоиерарха: «Заматерелый бюрократ саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью».

Предвидя серьезные осложнения, митрополит Петр 5 и 6 декабря 1925 г. издал два акта. В первом из них – завещании – он писал: «В случае нашей кончины наши права и обязанности как патриаршего местоблюстителя до законного выбора нового патриарха представляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агафангелу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам тому и другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые передать высокопреосвященному митрополиту Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности патриаршего местоблюстителя переходят к высокопреосвященному митрополиту Нижегородскому Сергию».

В распоряжении, составленном днем позже, говорилось: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности патриаршего местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей высокопреосвященному Сергию (Страгородскому), митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя вступит высокопреосвященный Михаил (Ермаков), экзарх Украины, или высокопреосвященный Иосиф (Петровых), архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил (Ермаков) лишен будет возможности выполнять это мое распоряжение. Возношение за богослужением моего имени, как

патриаршего местоблюстителя, остается обязательным...».

10 декабря митрополит Петр был арестован. Его участь разделили еще несколько архиереев, проживавших в Москве: архиепископы Владимирский Николай и Черниговский Пахомий, епископы Херсонский Прокопий, Иркутский Гурий, Ананьевский Парфений, Глуховский Дамаскин, Гомельский Тихон, Каргопольский Варсонофий и другие. Распоряжение патриаршего местоблюстителя вступило в силу.

3. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1926–1936 гг.

14 декабря митрополит Сергей сообщил из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своем вступлении в исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя. Под документом стояла подпись: «За патриаршего местоблюстителя – Сергей, митрополит Нижегородский». Позже митрополит Сергей именовал себя заместителем патриаршего местоблюстителя. Свои обязанности он исполнял, оставаясь в Нижнем Новгороде. 30 декабря он возглавил там хиротонию во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии, Димитрия (Любимова), из вдовых протоиереев.

Между тем 22 декабря в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) состоялось совещание десяти епископов, по разным причинам оказавшихся в Москве. Они знали о назначении митрополита Сергея временным заместителем местоблюстителя, но считали, что после ареста митрополита Петра Церковь осталась без возглавления. Инициатором совещания был епископ Можайский Борис, который до ареста священномученика Петра обращался к нему, Петру, с призывом во что бы то ни стало оправдаться в глазах властей. Причем действовал он при этом после предварительного контакта с Тучковым.

Участники совещания обратились к всероссийской пастве со своим посланием: «Патриарх Тихон был человек и, как человек, не мог не ошибаться среди бурного течения революции. Естественно было искать исправления ошибок. Но исправление оказалось хуже самих ошибок. За исправление взялись люди с нечистыми руками и нечистым сердцем и повели Церковь по строптивым, нечистым путям, чем оттолкнули от себя и от своего дела верующий народ и вынудили патриарха Тихона взять в свои руки кормило церковного правления... Чувствуя приближение кончины и предвидя невозможность канонического избрания себе преемника, патриарх Тихон назначил местоблюстителями патриаршей

кафедры митрополитов: Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела и Крутицкого Петра. Собрание православных епископов, участвовавших в погребении почившего первосвятителя, за отсутствием двух первых вручило права патриаршего местоблюстителя митрополиту Крутицкому Петру. Но не угодно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились... Она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею».

Высказавшись критически о единоличном управлении Церковью митрополитом Петром, который будто бы не хотел созывать Собор, участники совещания образовали Временный высший церковный совет под председательством архиепископа Григория. В него вошли еще шесть архиереев, и среди них епископы Можайский Борис и Могилевский Константин (Булычев). Временный высший церковный совет был немедленно легализован органами государственной власти. Так образовался новый, параллельный местоблюстителю и его заместителю церковный центр. Правда, в отличие от обновленцев, григорьевцы – так их называли по имени председателя ВВЦС – не посягали ни на православное вероучение, ни на овеянные веками богослужебные обряды, они заявляли о своей верности заветам патриарха Тихона. Тем не менее налицо была опасность нового раскола.

Митрополит Сергей, узнав о самочинном образовании Временного высшего церковного совета, 14 января 1926 г. в письме председателю ВВЦС заявил протест против его самоуправства. В ответном послании архиепископ Григорий пригласил митрополита Сергия войти в состав Временного высшего церковного совета и даже возглавить его. Митрополит Сергей, однако, настаивал на роспуске самочинного учреждения и в конце концов запретил в священнослужении архиепископа Григория и его сторонников. Тогда архиепископ Григорий решил обратиться к митрополиту Петру с просьбой утвердить ВВЦС и аннулировать полномочия, переданные им митрополиту Сергию, ввиду невозможности для последнего управлять Церковью (подразумевался запрет на выезд из Нижнего Новгорода).

19 января 1926 г. членам ВВЦС во главе с архиепископом Григорием разрешили встретиться в тюремной камере с митрополитом Петром. Тучков и его помощники надеялись стать свидетелями новой церковной смуты, и «григорьевцы» вольно или, скорее, невольно подыграли им. Архиепископ Григорий уверял местоблюстителя, что только Временному

высшему церковному совету удастся нормализовать отношения с государственной властью. При этом он ввел в заблуждение митрополита Петра, скрыв от него то обстоятельство, что ВВЦС был образован, когда участники совещания в Донском монастыре уже знали о назначении заместителя местоблюстителя. От митрополита Петра они добились резолюции о временной передаче высшей церковной власти «коллегии из трех архиереев»: архиепископов Владимирского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбургского Григория. Григорьевцы скрыли от митрополита Петра, что архиепископы Николай и Димитрий не имели возможности выехать в Москву. Резолюцию, обманом вырванную у местоблюстителя, члены ВВЦС истолковали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Ознакомившись с резолюцией, митрополит Сергей вступил в переписку с митрополитом Петром, чтобы изложить ему действительное состояние церковных дел. В поддержку митрополита Сергея высказались экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков), архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов) и другие архипастыри. 22 апреля митрополит Петр послал своему заместителю письмо, в котором объявил об упразднении ВВЦС и подтвердил ранее сделанное назначение заместителя местоблюстителя. Григорьевцы, однако, не подчинились воле главы Русской Церкви и, сохранив свою организацию, тем самым учинили новый церковный раскол.

Тучков не терял надежды углубить раскол в епископате и включил в опасную для судеб Церкви игру митрополита Агафангела. Для этого в начале апреля Тучков сам поехал в Пермь к сосланному митрополиту Агафангелу и предложил ему возглавить церковное управление, ознакомив его с обвинением в тяжких политических преступлениях, выдвинутым против митрополита Петра. По словам Тучкова, митрополит Сергей тоже находится под подозрением властей, да и по завещанию патриарха Тихона у митрополита Агафангела больше прав на местоблюстительство, чем у митрополитов Петра и Сергея. Тучков уверял владыку, что к нему власти относятся с большим доверием, поэтому ему легче добиться легализации церковного управления, чем другим архипастырям, он сумеет обеспечить Церкви легализацию. В конце концов Тучков убедил митрополита Агафангела заявить о своих правах.

18 апреля 1926 г. митрополит Агафангел из Перми обратился к всероссийской пастве с посланием, в котором, ссылаясь на завещание патриарха Тихона, известил о своем вступлении в должность патриаршего местоблюстителя. В письме митрополиту Сергию он предложил возносить

в церквах свое имя вместо имени митрополита Петра.

Митрополит Сергей вступил в переписку с новым претендентом на высшую церковную власть и объяснил ему незаконность его притязаний, ибо поставленный местоблюстителем митрополит Петр не отказывался от своих прав. «В распоряжении святейшего, – писал он, – нет ни слова о том, чтобы он принял власть лишь временно, до возвращения старейших кандидатов. Он принял власть законным путем и, следовательно, может быть ее лишен только на законном основании, то есть или в случае добровольного отхода, или по суду архиереев». В Москве состоялась встреча между митрополитами Агафангелом и Сергием. Переписка продолжалась. В ней принял участие и патриарший местоблюститель. В конце концов недоразумение, грозившее Церкви бедой, было преодолено. 17 июня 1926 г. митрополит Агафангел телеграммой уведомил митрополита Сергия об отказе от должности местоблюстителя.

В середине 20-х гг. условия, в которых жила Церковь, оставались по-прежнему исключительно трудными. Многие из архиереев были высланы из епархиальных городов или сосланы на Север, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Для некоторых своеобразной ссылкой были и столичные города Москва и Харьков, откуда епископы не могли выезжать в свои епархии. Но главным местом заключения архиереев, священников и мирян в 20-е гг. был Соловецкий лагерь особого назначения, прообраз лагерей 30–50-х гг., устроенный во всенародно чтимой святыне – обители преподобных Савватия и Зосимы.

К 1926 г. там находилось двадцать четыре епископа, среди них были маститые иерархи: архиепископы Приамурский Евгений (Зернов), Костромской Серафим (Мещеряков), Херсонский Прокопий (Титов), Курский Ювеналий (Масловский), Черниговский Пахомий (Кедров), Верецкий Иларион (Троицкий), епископ Лужский Мануил (Лемешевский). Старшим соловецкие архиереи признавали архиепископа Евгения. Это был человек большой житейской опытности и мудрости, аскет и постник, даже в голодном лагере в принятии пищи он не отступал от предписаний устава. В общении с братьями и сосланными священниками, с невинно осужденными, уголовниками, с надзирателями и охранниками лагеря он был исполнен христианской кроткой любви. Его духовный авторитет для соловецких православных христиан был непререкаем.

От вновь прибывших на Соловки поступали вести о церковных нестроениях, обсуждавшиеся с большой тревогой. 7 июня на продуктовом складе лагеря, которым заведовал казанский игумен Пителим (Крылов),

состоялось совещание 17 архиереев, на котором обсуждалась современная церковная жизнь. Доклад сделал профессор Московской духовной академии И. В. Попов. В обсуждении доклада особенно живое участие принял архиепископ Иларион. В результате 7 июня 1926 г. появилась знаменитая «Памятная записка соловецких епископов», обращенная к Правительству СССР.

«Памятная записка» проникнута искренним стремлением «положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и советской властью, тягостным для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач». В обращении подчеркивается невмешательство Церкви в политическую жизнь государства: «Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Североамериканских Штатов». Соловецкие епископы признают правомерность декрета об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Правительство в этом документе, однако, подвергается критике за то, что оно как в своем законодательстве, так и в порядке управления не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма. Особенную озабоченность авторов «Памятной записки» вызывает то обстоятельство, что «из всех религий... в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения... Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной церковью... Большая часть православных епископов и священнослужителей, находящихся в тюрьме или ссылке, подверглась этой участи за их усиленную борьбу с обновленческим расколом».

Касаясь недавнего прошлого, соловецкие епископы признают, что в первые послереволюционные годы «имели место политические выступления патриарха... но все изданные патриархом акты... направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда... все общественные силы находились в состоянии

борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах... Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила в защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом... Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к советскому правительству...».

В заключение соловецкие епископы выражают надежду на то, что Церковь «не будет оставлена в... беспорядке и стеснительном положении... что законы об обучении детей Закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и... останки святых... перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храмы. Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать патриарха и членов Священного Синода... созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский православный Собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы этих съездов (Соборов), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений...».

Обращение заканчивалось словами: «Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на непреодолимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его создания».

«Памятная записка» соловецких епископов явилась проектом официального обращения от лица Церкви к государственной власти.

Одной из главных забот митрополита Сергия как заместителя главы Русской Православной Церкви было устройство жизнеспособных и закономерных органов высшего церковного управления. После кончины патриарха Тихона прекратил свое существование, учрежденный им

Временный Патриарший Синод. Поэтому самой актуальной задачей церковной власти было образование нового Синода и добиться его легализации.

10 июня 1926 г. митрополит Сергей обратился в НКВД с просьбой о легализации высшего церковного управления, регистрации его собственной канцелярии и епархиальных советов, о разрешении проводить Архиерейские Соборы и издавать церковный журнал. Одновременно он представил проект обращения к всероссийской пастве. В нем подчеркивалась лояльность Церкви к гражданской власти, при этом, однако, в отличие от обновленческих манифестов, не затушевывались мировоззренческие различия между христианством и материализмом. Отделение Церкви от государства рассматривалось в проекте обращения в качестве гарантии от всякого вмешательства как Церкви в политику, так и государственной власти во внутрицерковные дела.

Проект этот, однако, гражданскими властями не был признан удовлетворительным, путь к правомерному устройству органов высшего и епархиального церковного управления по-прежнему оставался закрытым.

Осенью 1926 г. среди епископов обсуждалась возможность тайного избрания патриарха, архиереи надеялись, что законный глава Русской Церкви положит конец церковным нестроениям. Невозможность в условиях гонений создать для этой цели Поместный Собор была всем очевидна. Кандидатом в патриархи был намечен первый из архиереев, назначенных в местоблюстители по завещанию святого Тихона, митрополит Казанский Кирилл, срок ссылки которого скоро заканчивался. Этот выбор поддержал архиепископ Иларион (Троицкий) и другие архиереи в Соловецком концлагере. Инициатива тайного избрания принадлежала епископу Павлину (Крошечкину) и епископу Корнилию (Соболеву). Заместитель местоблюстителя митрополит Сергей сначала сомневался в целесообразности этой акции, но в конце беседы с епископом Павлином уступил сторонникам тайного избрания, поставив непременным условием известить обо всем митрополита Петра, но условие это выполнено не было. Практическое руководство проведением выборов взял на себя проживавший тогда в Москве епископ Павлин. Посланники епископа Павлина, иеромонах Таврион (Батозский), отец и сын Кувшинниковы, миряне из купцов, объезжали православных архипастырей и собирали сведения о том, за кого из кандидатов на патриарший престол они отдали бы свой голос.

К ноябрю 1926 г. было собрано 72 подписи об избрании всероссийским патриархом митрополита Казанского Кирилла. Заходом

выборов с самого начала наблюдало ГПУ. Двое из четырех посланников епископа Павлина, отец и сын Кувшинниковы, были схвачены с документами. По всей России прокатилась волна массовых арестов архиереев, поставивших свои подписи под избирательными бюллетенями. В тюрьмы и лагеря, в ссылки отправлено было сорок архипастырей, арестован был епископ Павлин. В ссылке, в Зырянском крае, схватили и бросили в вятскую тюрьму кандидата в патриархи митрополита Кирилла. В Нижнем Новгороде в ноябре 1926 г. был арестован заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей. Кроме обвинения в проведении нелегальных выборов патриарха, он обвинялся еще в связях с эмиграцией, которые усмотрены были в его послании к зарубежному Синоду; в этом послании митрополит Сергей предлагал зарубежным собратям либо воздерживаться от всяких нелояльных выступлений против советского правительства, либо, если для них это неприемлемо, войти в юрисдикцию зарубежных Православных Церквей, освободив тем самым Патриархию от всякой ответственности за свои действия.

После ареста митрополита Сергея временное управление Русской Церковью взял на себя Иосиф (Петровых), незадолго до этого возведенный в сан митрополита Петроградского, но не получивший возможности поселиться в своем кафедральном городе и оставшийся в Ростове Великом. В распоряжении митрополита Петра он был назван третьим после митрополита Сергея кандидатом в заместители местоблюстителя. Предвидя, что и его вскоре лишат возможности управлять Церковью, митрополит Иосиф 8 декабря издал акт, в котором назначил временных заместителей епископа Свердловского Корнилия (Соболева), архиепископов Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича).

Через несколько дней после издания этот документ вступил в силу. Поскольку архиепископы Корнилий и Фаддей не были на свободе, обязанности заместителя взял на себя архиепископ Угличский священномученик Серафим, викарный архиерей, состоявший в епископском сане с 1920 г. В послании к собратьям-епископам он просил «сократить переписку и сношения с ним до минимума», предоставляя им «все дела, кроме принципиальных и общецерковных, решать окончательно на местах». В начале марта НКВД вызвал архиепископа Серафима из Углича в Москву, где ГПУ задержало его. Тучков предложил заместителю местоблюстителя принять жесткие условия легализации Церкви. Владыка Серафим ответил, что он не может рассматривать их в отсутствие старших иерархов. Тогда Тучков и следователи поинтересовались, кого он оставит

своим заместителем, если его не выпустят с Лубянки. На этот вопрос архиепископ Серафим ответил: «Господа Бога». – «Все оставляли себе заместителей – сказал раздраженный следователь, – и Тихон патриарх, и Петр митрополит». – «Ну а я на Господа Бога оставлю Церковь» – повторил священномученик. Через три дня допросов заместителя местоблюстителя отпустили в Углич.

В этой исключительно сложной для Русской Церкви обстановке усилили свою разрушительную деятельность обновленцы, григорьевцы и украинские самосвяты. Обстоятельства складывались для Церкви крайне тревожно, но 30 марта 1927 г. был освобожден митрополит Сергей. 7 апреля архиепископ Серафим передал ему бразды церковного правления. Выйдя из заключения, митрополит Сергей получил наконец возможность жить в Москве.

7 мая митрополит Сергей обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. Из рассказов близкого к нему митрополита Сергия (Воскресенского) известно, что в тюрьме от митрополита Сергия требовали сделать заявление в поддержку советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений внутри страны и за рубежом, церковных прещений эмигрантскому духовенству, устранения неудобных властям епископов от управления епархиями. Настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с НКВД, арестованные архиереи увольнялись или даже запрещались в священнослужении церковной властью и прекращалось их поминовение за богослужением, гражданская же власть должна была обязательно поминаться на литургии. В ответ митрополит Сергей просил о легализации высшего и епархиального церковного управления, о разрешении на созыв Поместного Собора и выборы патриарха, об освобождении заключенных и сосланных священнослужителей, о разрешении на восстановление духовных школ и издание церковного журнала.

18 мая митрополит Сергей созвал совещание епископов, на котором был образован Временный Патриарший Священный Синод. В него вошли митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Костромской Севастиан (Вести), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков) (впоследствии митрополит и экзарх Украины). Позже членами Синода стали также митрополит Михаил (Ермаков), экзарх Украины, митрополит Ташкентский Никандр (Феноменов), архиепископ Самарский

священномученик Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), епископ Серпуховский Сергей (Гришин).

В августе 1927 г. Патриарший Синод был официально зарегистрирован и утвержден Наркоматом внутренних дел. Легализация высшего церковного управления дала повод Восточным патриархам Дамиану Иерусалимскому и Григорию Антиохийскому отправить послания митрополиту Сергию с благословением ему и его Синоду и с признанием его временным главой патриаршей Русской Церкви. Несколько позже, 7 декабря, к заместителю местоблюстителя обратился Вселенский патриарх Василий III. Он призвал митрополита Сергия к примирению с обновленцами ради восстановления единства Церкви.

Первое заседание Синода состоялось 25 мая, в этот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так началась долгая и трудная работа по воссозданию на гражданских законных основаниях всей церковно-административной структуры Московского Патриархата.

29 июля вышло «Послание пастырям и пастве», подписанное митрополитом Сергием и членами Синода. В литературе оно получило название «Декларация 1927 года». В «Послании» сообщалось церковному народу, что «теперь... Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление». В «Декларации» подчеркивалась патриотическая позиция Церкви в новых исторических условиях: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Одна из главных причин тех трудностей, с которыми столкнулась Церковь в устроении своей жизни в революционное десятилетие, заключалась, по «Декларации», в «недостаточном сознании многими представителями Церкви серьезности совершившегося в нашей стране; между тем в совершившемся, как всегда и везде, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели». На положение Церкви внутри страны неблагоприятное влияние оказывали политически неуравновешенные выступления духовных лиц, оказавшихся в эмиграции. Эти выступления решительно осуждались в «Декларации».

В заключение в послании говорилось о неотложной необходимости подготовки Второго Поместного Собора.

В «Декларации 1927 года» конкретизированы положения, которые

уже были выдвинуты в документах, составленных патриархом Тихоном за два последних года его первосвятительского служения. В ней повторены также многие мысли, выраженные в «Памятной записке соловецких епископов». В «Декларации», однако, в отличие от «Памятной записки», отсутствует всякий критический элемент в оценке политики советского правительства по отношению к Церкви.

В целях укрепления пошатнувшейся церковной дисциплины Синод распорядился о возношении во всех храмах Московской Патриархии имени заместителя патриаршего местоблюстителя вслед за именем митрополита Петра. 21 октября Синод издал указ о возобновлении поминовения государственной власти с присовокуплением апостольских слов, обосновывающих молитву за власть: «Еще молимся о Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

7 октября 1927 г. заместитель местоблюстителя митрополит Сергей подал в ОГПУ заявление с просьбой об амнистии и облегчении участи репрессированных священнослужителей в связи с тем, что они «оказались жертвами (может быть, и не без их вины) прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних ее ненормальных отношений к советскому правительству». Нельзя сказать, что это заявление осталось совершенно без ответа – несколько священнослужителей смогли вернуться из мест заключения и ссылок в конце 1927 – начале 1928 гг. Среди них были архиепископы Захарий (Лобов) и Ювеналий (Масловский), епископы Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский), но другие архиереи и пастыри были арестованы и сосланы.

Но начинают исполняться и условия легализации, поставленные Тучковым и принятые заместителем местоблюстителя: Синод издает указ об увольнении сосланных и заключенных епископов на покой и назначении вернувшихся на волю архиереев в дальние епархии, потому что тем архиереям, которых выпускали из лагерей и ссылок, не разрешался въезд в свои епархии. Прежде архиереи, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, оставались на своих кафедрах. Эта мера вызвала недовольство у части духовенства. Бурные споры, недоумения и возражения вызвала и сама «Декларация». Епископ Козловский Алексей (Буй), временно управляющий Воронежской епархией, епископ Глазовский Виктор (Островидов), управляющий Боткинской епархией, и некоторые другие архиереи отделились от митрополита Сергея.

Особенно тревожная ситуация складывалась в Ленинграде. Целый год Ленинградская епархия управлялась митрополитом, который не имел

возможности выехать в свой кафедральный город и оставался в Ростове. Положение было неестественным и вызывало разного рода затруднения. Правительство же видело в этом протест церковной власти против своих распоряжений. 13 сентября Синод принял постановление о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Еще до того, как митрополит Иосиф официально получил распоряжение Синода, слухи о предстоящем перемещении распространились по питерским приходам, дошли они и до самого архипастыря, и, чтобы предотвратить перевод, он обращается к митрополиту Сергию с пространном посланием:

«...Вы сделали меня ленинградским митрополитом без малейшего домогательства с моей стороны... Владыко! Ваша твердость еще сильна исправить все и настойчиво положить конец всякой смуте и неопределенности. Правда, я не свободен и не могу сейчас служить своей пастве, но ведь «секрет» этот понятен всему миру... Теперь несвободны (и едва ли будут свободны) все сколько-нибудь твердые и нужные люди... Вы говорите – так хочет власть, возвращающая свободу ссыльным архиереям под условием перемены ими прежнего места служения и жительства. Но какой же толк и польза нам от вызываемой этим чехарды и мешанины архиереев, по духу церковных канонов, состоящих в нерасторжимом союзе с паствой, как своей невестой? Не лучше ли сказать: Бог с ней, такой фальшивой человеческой милостью, являющейся просто издевательством над нашим человеческим достоинством, бьющей на дешевый эффект, призраком милования. Пусть уж лучше будет так, как раньше было. Как-нибудь протянем до того времени, когда поймут наконец, что ссылками и напрасными терзаниями неодолима вечная вселенская истина...».

Принять совет митрополита Иосифа и отказаться от перемещения архиереев означало бы отказаться от твердо выбранного митрополитом Сергием курса на компромисс с советской властью. 12 октября Синод снова рассматривал дело о замещении Ленинградской и Одесской кафедр и принял постановление: «Считать митрополита Иосифа перемещенным на Одесскую кафедру и предложить ему не соблазняться легкой возможностью жить в Ростове, что производит смущение среди верующих как в Ленинграде, так и в Ростовском викариатстве; в порядке церковных послушания и дисциплины вступить в управление Одесской епархией, войти в надлежащие сношения с местной гражданской властью на предмет организации епархиального управления на началах, изложенных в указе Патриаршего Синода». Получив это постановление, митрополит Иосиф написал новое письмо митрополиту Сергию, в котором уже не просто отказывался подчиниться Синоду и выехать в Одессу, но и с негодованием

обвинял митрополита Сергия в том, что он толкает Церковь Христову в пропасть раскола.

Узнав о перемещении своего митрополита, ленинградское духовенство, уже ранее смущенное «Декларацией», теперь особенно встревожилось. В Петрограде был очаг обновленчества, поэтому питерские священнослужители подозрительно относились ко всякого рода компромиссам и уступкам властям, опасаясь, что за уступками последует предательство. Но большинство пастырей проявили достаточно послушания и благоразумия и против митрополита Сергия не пошли. Однако недовольных оказалось тут больше, чем где бы то ни было. Викарные епископы Ленинградской епархии Гдовский Димитрий (Любимов) и Нарвский Сергей (Дружинин), часть пресвитеров и мирян, в том числе влиятельные в церковных кругах профессор протоиерей Василий Верюжский, протоиерей Викторин Добронравов, протоиереи Сергей и Александр Тихомировы, 26 декабря 1927 г. заявили об отделении от митрополита Сергия.

Их действия были одобрены митрополитом Иосифом (Петровых). В своем послании в Ленинград митрополит Иосиф заявил: «Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия (Страгородского), противных духу и благу Святой Христовой Церкви, по внешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух».

6 февраля 1928 г. с посланием к заместителю местоблюстителя обратился митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями архиепископом Угличским Серафимом (Самойловичем), епископом Ростовским Евгением (Кобрановым), епископом Варлаамом (Ряшенцевым) и митрополитом Иосифом (Петровых), находившимся тогда в Ярославской епархии. В этом послании они осудили заместителя местоблюстителя за «бесцельное и неоправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев» и заявили о своем отделении от него.

10 февраля митрополит Сергей писал старейшему русскому иерарху митрополиту Агафангелу: «Мы с Вами подошли уже к той черте, у которой все земные ценности и всякие земные счета теряют свою абсолютную значимость, и остается только одно: дать добрый ответ на судилище Христовом... Ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной не отрекаемся», – писал он ему, умоляя не становиться на путь

раскола. В своем ответе митрополит Агафангел писал: «Мы ни одним словом не обмолвились, что отделяемся от Вас по разномыслию в вере, тайнодействии и молитве, а только в порядке административного управления». Но митрополит Сергей в новом письме митрополиту Агафангелу разъяснял, что административный разрыв с ним равносителен разрыву с первым епископом и означает раскол.

11 апреля Синод предал церковному суду с запрещением в священнослужении митрополита Иосифа (Петровых), викарных архиереев Ярославской епархии, а митрополиту Агафангелу сделал последнее предупреждение. 10 мая митрополит Агафангел и его викарии заявили о том, что они не порывают молитвенного общения с заместителем местоблюстителя, раскол не учиняют, но при этом отказываются выполнять те распоряжения, которые смущают их совесть.

Постановлением от 30 мая 1928 г. Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с епископа Варлаама и епископа Евгения. Вскоре после этого, 16 октября 1928 г., святитель Агафангел скончался.

Некоторые из архиереев, находившиеся на покое, выразили несогласие с митрополитом Сергием и Синодом и, не отвергая правомочности власти заместителя местоблюстителя, не поминали его имени, ограничиваясь возношением имени патриаршего местоблюстителя митрополита Петра. Такой позиции придерживались митрополит Кирилл, архиепископ Феодор (Поздеевский), епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Лица, выступившие с критикой действий заместителя местоблюстителя и отделившиеся от него, делали это по разным причинам. Одни, недовольные частыми перемещениями архиереев с кафедры на кафедру и их увольнениями, считали, что митрополит Сергей пошел слишком далеко по пути компромисса, хотя, в принципе, и сами считали необходимым добиваться нормализации отношений между Церковью и государственной властью. Другие выступили против митрополита Сергия и изданной им и Временным Синодом «Декларации» потому, что не видели нужды торопиться, надеясь, что пройдет еще некоторое время, и политическая ситуация в стране решительно изменится, и все вернется на круги своя. Третьи в исключительно трудных условиях потеряли чувство духовного равновесия, исполнились апокалиптической тревоги и уже не считали важным делом сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти в катакомбы. Между тем митрополит Сергей главную цель своей церковной политики видел в том,

чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить духовенство, он не хотел ставить православный народ перед жестким выбором между катакомбами и обновленческой схизмой.

Решительное большинство епископов и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергия и поддерживало его. Патриарший местоблюститель в двух письмах, адресованных своему заместителю, хотя и с оговорками, согласился с неизбежностью его церковной политики и, что особенно важно, подтвердил полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя. Митрополита Сергия поддерживали такие выдающиеся церковные деятели, как митрополиты Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Петр (Зверев), епископы Василий (Зеленцов) (не безусловно), Мануил (Лемешевский), Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников).

Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) написал из Соловецкого лагеря на волю письмо с осуждением отделившихся от митрополита Сергия. Касаясь в этом письме, составленном из-за лагерной цензуры иносказательно, вынужденных переводов и увольнений архиереев, он заметил: «Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли – и еще рады были, а теперь заскандалили».

Святейший патриарх Алексей, в ту пору архиепископ Хутынский, вспоминал впоследствии: «Когда преосвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружающие его архиереи, были с ним согласны. Мы всем Временным Синодом подписали с ним «Декларацию 1927 года» в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой».

29 марта 1928 г. заместитель патриаршего местоблюстителя и Временный Синод издали «Деяние», в котором была подробно изложена позиция высшей церковной власти относительно обвинений, выдвинутых против митрополита Сергия. Полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя выводятся здесь из того обстоятельства, что митрополит Петр передал ему свои права и обязанности «без всяких ограничений».

В разъяснение смутивших многих верующих людей слов из «Декларации» о «радостях и неудачах» в «Деянии» говорится, что эти слова относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к распространению неверия, как представляли это

злонамеренные критики «Декларации». По поводу перевода митрополита Иосифа в Одессу сделано основательное замечание, что если он не признает прав заместителя местоблюстителя на перемещение епископов, то почему он не возражал против сделанного митрополитом Сергием ранее перевода его из Ростова на Ленинградскую кафедру. Действия тех епископов, которые отделились от митрополита Сергия, характеризуются в «Деянии» как раскольнические.

Церковные нестроения в конце 20-х гг. приобрели крайне тревожный характер. В 1942 г. митрополит Сергий, обращаясь к той эпохе, писал: «В нашей Церкви воцарился невообразимый хаос, напоминавший состояние Вселенской Церкви во времена арианских смут, как оно описывается у Василия Великого... Мы могли рассчитывать только на нравственную силу канонической правды, которая и в былые времена не раз сохраняла Церковь от конечного распада. И в своем уповании мы не посрамились. Наша Православная Церковь не была увлечена и сокрушена вихрем всего происходящего. Она сохранила ясным свое каноническое сознание, а вместе с этим и канонически законное возглавление, то есть благодатную преемственность Вселенской Церкви и свое законное место в хоре автокефальных Церквей».

В 1929 г. был отменен НЭП; началась принудительная массовая коллективизация – раскрестьянивание России, сопровождавшаяся попранием законности – конфискацией имущества крестьян, названных кулаками, высылкой миллионов крестьянских семей в Сибирь и на Север, заключением в тюрьмы и лагеря и расстрелами тех, кто казался властям способным к сопротивлению.

Русская Церковь разделила судьбу народа, и ее и на этот раз не миновала горькая чаша ужесточения репрессий. В начале 1929 г. за подписью Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации (церковные советы, мусаваллиаты, синагогальные общества) являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Духовенство объявлялось Л. М. Кагановичем политическим противником ВКП(б), выполняющим задание по мобилизации всех «реакционных и малограмотных элементов» для «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии». Этой директивой фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК издали новое постановление о религиозных объединениях. Этим постановлением священнослужители

исключались из состава «двадцаток»; религиозным объединениям воспрещалась благотворительная деятельность; частное обучение религии, дозволенное декретом 1918 г. об отделении Церкви от государства, интерпретировалось в предельно суженном объеме лишь как право родителей обучать религии своих детей. Вводилась пятидневная рабочая неделя, и воскресенье переставало быть выходным днем.

Началось массовое закрытие церквей. В 1928 г. было закрыто 534 церкви, а в 1929 – уже 1119 храмов. В 1930 г. упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 г. оставалось 224, а через два года – только 87 церквей, находившихся в юрисдикции Патриархии. В Рязанской епархии в 1929 г. было закрыто 192 прихода, в Орле в 1930 г. не осталось ни одной православной церкви.

Закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри – под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. В Москве в июле 1929 г. уничтожили часовню Иверской иконы Божией Матери, в 1930 г. – Симонов монастырь, в 1931 г. взорвали храм Христа Спасителя. По всей стране с колоколен снимались колокола под предлогом того, что они мешают слушать радио. Колокольный звон был запрещен в Москве, Ярославле, Пскове, Тамбове, Чернигове. Иконы сжигались тысячами; в газетах появлялись сообщения о том, как то в одной, то в другой деревне их сжигали целыми телегами; уничтожались иконы древнего письма. Сжигали богослужебные книги; при разгроме монастырей гибли и рукописные книги, археографические памятники, представляющие исключительную культурную ценность; драгоценная церковная утварь переплавлялась на лом.

Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, их высылками и ссылками, этапированием в места заключения, где уже томились тысячи священников и десятки архиереев.

В 1929 г. Русская Церковь потеряла одного из своих самых замечательных иерархов – священномученика архиепископа Илариона, поборника восстановления патриаршества, ревностного и неустрашимого борца с обновленчеством, ревнителя церковного единства, выдающегося богослова. Его мирское имя – Владимир Алексеевич Троицкий. Родился он в 1885 г. По окончании Московской духовной академии защитил магистерскую диссертацию «Очерки из истории догмата Церкви»; принял постриг, служил профессором и инспектором родной академии. На Поместном Соборе он 32-летним архимандритом оказался одним из

кандидатов на патриарший престол.

В 1920 г. был рукоположен во епископа Верейского. Когда вспыхнул обновленческий раскол, епископ Иларион стал ближайшим помощником патриарха в борьбе против смуты. Оказавшись в ссылке на Соловках, исповедник православия сохранил свой жизнерадостный, общительный, неунывающий характер; он скрашивал тяготы соузников непоколебимым благодушием, веселостью, остроумием. Работая на рыболовных тонях вместе с другими епископами и священниками, архиепископ Иларион шутил, перефразируя стихирю Троице: «Вся подает Дух Святой: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот – богословцы рыбаки показа».

«Соловки, – говорил он, – это замечательная школа нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия». В лагере его полюбили все: не только собратья по священству, интеллигенты, дворяне, офицеры, невинно сосланные крестьяне, но и соловецкая шпана. Он мог часами разговаривать с отпетым уголовником, и тот после такого разговора исполнялся особым уважением к нему. Под его началом на Соловках работала «артель Троицкого». По воспоминаниям одного из соузников, артель была и настоящей духовной школой. Архиепископ Иларион терпеть не мог лицемерия, притворства, елейности, самомнения. В разговоре с одним из вновь прибывших на Соловки иноков он спросил: «За что же вас арестовали?» – «Да служил молебен у себя на дому, когда монастыри закрыли, – ответил тот. – Ну, собирался народ, и даже бывали исцеления». – «Ах, вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?» – «Три года». – «Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше».

Человек редкой физической силы, священномученик Иларион после вторичного пребывания на Соловках занемог, здоровье его было подорвано; в 1929 г. Соловецкий лагерь заменили ему ссылкой в Алма-Ату. На этапе, в который исповедник был отправлен во вшивом рубище, он заразился сыпным тифом. Архиепископ Иларион скончался 15 декабря 1929 г. в ленинградской тюремной больнице. Отпевал его митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов). Погребение было совершено на кладбище Новодевичьего монастыря в Ленинграде.

Драконовская политика по отношению к верующим в нашей стране вызвала тревогу в зарубежных религиозных кругах и у общественности Запада. Папа Пий XI обратился с призывом молиться за гонимую Русскую Церковь. В Великобритании архиепископ Кентерберийский организовал моление о страждущей Русской Церкви. Поскольку репрессии против

верующих наносили удар по престижу Советского государства, властями была устроена пропагандистская акция, призванная исправить репутацию советского режима и дезавуировать обвинения советского правительства в религиозных гонениях. 15 февраля 1930 г. было организовано интервью для газет «Известия» и «Беднота» митрополита Сергия и членов Синода. За этой зарубежной кампанией стояла искренняя озабоченность одних, политические расчеты других. Принести пользу Русской Церкви, действительно защитить ее шумная антисоветская кампания не могла. Поэтому митрополит Сергий и члены Синода нашли полезным для Церкви заявить: «Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защитить нашу Православную Церковь». По поводу выступления архиепископа Кентерберийского было сказано, что оно «пахнет подталкиванием паствы на новую интервенцию, от которой так много пострадала Россия».

Через три дня заместитель местоблюстителя митрополит Сергий дал интервью иностранным корреспондентам, в котором сообщил, что Русская Церковь имеет около 30 000 приходов и 163 епископа, занимающих свои кафедры. Закрывание церквей в этом интервью объяснялось распространением атеизма. Митрополит Сергий не отрицал факты нарушения законности по отношению к верующим, но отрицал квалификацию их как гонений.

По словам митрополита Евлогия, главным побуждением для митрополита Сергия дать такое интервью служила забота о сохранении Русской Церкви. «Что было бы, – пишет он, – если бы Русская Церковь осталась без епископов, священников, без Таинств, – этого и не представить... Во всяком случае не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия».

На другой день после встречи с иностранными журналистами заместитель местоблюстителя обратился к советскому правительству с посланием, в котором протестовал против необоснованного закрытия церквей, арестов и ссылок священнослужителей, против причисления духовенства к нетрудовым элементам, против отказа детям духовных лиц в приеме в вузы. Митрополит Сергий ходатайствовал перед гражданской властью о возобновлении церковно-издательской деятельности, о восстановлении духовных школ.

И ходатайство это возымело известный успех. В 1931 г. волна массового закрытия церквей пошла на убыль. Заместитель местоблюстителя получил разрешение на издание официального органа –

«Журнала Московской Патриархии». Журнал выходил с 1931 по 1935 г., за пять лет было выпущено 24 номера. Помимо официальных документов, в нем помещались богословские статьи, в основном самого митрополита Сергия.

В первом номере была напечатана принципиально важная статья «О полномочиях патриаршего местоблюстителя и его заместителя». «Ввиду отсутствия коллегиальных органов высшего церковного управления, патриарх Тихон, – пишет митрополит Сергий в этой статье, – имел единственную возможность сохранить преемственность церковной власти: личным распоряжением указать лицо, которое бы по смерти патриарха восприняло всю полноту патриаршей власти для передачи будущему патриарху. На это патриарх имел поручение от Поместного Собора. Митрополит Петр, взявший на себя по завещанию патриарха бразды высшей церковной власти, передал ее своим распоряжением от 6 декабря 1925 г. своему заместителю, причем без всяких ограничений. Оговорки об ограничении прав заместителя нет в этом документе, да и по существу дела ее не могло быть... Какой был бы смысл нагромождать лишнюю инстанцию – заместителя, если бы последний не мог ничего делать больше предоставленного каждому епархиальному архиерею... Различие между местоблюстителем и его заместителем не в объеме патриаршей власти, а только в том, что заместитель является как бы спутником местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока местоблюститель остается в своей должности... Само собой понятно, что с возвращением местоблюстителя к управлению заместитель перестает управлять. За распоряжения своего заместителя местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и поэтому нельзя ожидать или требовать, чтобы местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором. Конечно, порядок вещей, когда Церковь управляется заместителем, нельзя признать нормальным. Такой порядок может быть терпим лишь в качестве меры временной и переходной... Наш архипастырский долг думать о скорейшем созвании Поместного Собора».

Статья митрополита Сергия была ответом на полемические выпады против него со стороны григорьевцев и «непоминающих», которые, критикуя его за самоуправство, умалчивали об очевидной для них невозможности вполне правомерного устройства высшего управления

через созыв Собора.

Ревнуя о церковной дисциплине, противодействуя анархическому разложению, Синод еще 16 апреля 1929 г. вынес постановление, в котором митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Димитрий (Любимов) и епископ Алексей (Буй), как запрещенные в священнослужении, приравнивались к обновленцам и григорианам.

Часть архиереев, находившихся на покое, не присоединяясь к митрополиту Иосифу, заявившему о своем отделении от митрополита Сергия, продолжала воздерживаться от поминовения имени заместителя местоблюстителя за богослужениями, которые они совершали иерейским чином в монастырских и приходских храмах, в своих домовых церквях. Самыми видными в этой группе иерархов были митрополит Кирилл (Смирнов) и настоятель Даниловского монастыря бывший ректор Московской духовной академии архиепископ Феодор (Поздеевский).

Свою позицию священномученик Кирилл изложил в письме викарию Казанской епархии епископу Афанасию (Малинину), которое он направил из-под Туруханска с тем, чтобы с содержанием его был ознакомлен и заместитель местоблюстителя. Митрополит Кирилл писал: «Никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает... Заместитель назначается для управления текущими делами... коренное же изменение самой системы церковного управления, на что отважился митрополит Сергий, превышает компетенцию и самого местоблюстителя». Коренной реформой митрополит Кирилл называет учреждение «коллегиального церковного управления в виде Временного Патриаршего Синода». «До тех пор, – продолжает он, – пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению... Литургисать с митрополитом Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления».

18 сентября 1929 г. митрополит Сергий обратился с первым письмом к митрополиту Кириллу, в котором, возражая против его доводов о неправомерности уравнивания прав заместителя местоблюстителя с правами местоблюстителя, писал: «С титулом «заместителя» произошло у нас то же, что и с титулом «патриаршего местоблюстителя». В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе патриарших прав и обязанностей, и уже сам владыка митрополит Петр решил именоваться

патриаршим местоблюстителем, по букве же завещания его титул должен бы быть «исполняющий обязанности патриарха». В свою очередь, и владыка митрополит Петр не называет меня в своем распоряжении «заместителем», а говорит только о временном переходе ко мне прав и обязанностей местоблестителя. Значит, и мой титул собственно: «временно исполняющий обязанности патриаршего местоблестителя», и уже потом за мной установился титул «заместитель» ... Несобразно и мои полномочия определять, играя на ходячем смысле слова «заместитель». Отстаивая законность учреждения Временного Патриаршего Синода, который митрополит Кирилл сравнивал с самочинным григорианским Временным высшим церковным советом, митрополит Сергей разъяснял, что Временный высший церковный совет был образован «взамен единоличного замещения», а «Синод утвержден при первоиерархе, причем в 1927 г. я нарочито оговорил, что наш Синод не имеет полномочий на управление без меня».

Отмечая каноническую уязвимость рассуждений митрополита Кирилла о его отказе литургисать с епископами, единомысленными с митрополитом Сергием, которых он, однако, не признает лишенными благодати священства, митрополит Сергей писал: «Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившими раскол, ни нас стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема, – это попытка сохранить лед на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при его отсутствии остальные связи единства не удержат».

В своем ответе митрополит Кирилл продолжал настаивать на различии прав местоблестителя и его заместителя: «Ваши права... только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют». Своего адресата, ссылавшегося в предыдущем письме на 8-е апостольское правило и 2-е правило Антиохийского Собора, митрополит Кирилл обвиняет в «каноническом буквализме». «На основании канонического буквализма – пишет он, – учредительный обновленческий так называемый собор 1923 г. осудил патриарха не только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов». В этом письме митрополит Кирилл осуждает отделившихся от заместителя местоблестителя священнослужителей, которые хулили Таинства,

совершаемые «сергианами», как безблагодатные, в то же время он упрекает и своего адресата за то, что тот «не осмеливается найти более любовный способ воздействовать на них», чем воспрещать, «несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от вашего церковного управления».

Митрополит Сергей отвечал на это письмо 2 января 1930 г. «Смысл единоличного заместительства, – писал он, – в том и состоит, что патриаршая власть всегда остается в Церкви налицо во всем ее объеме. Вы опасались, как бы при неограниченности прав заместителя у нашей Церкви не оказалось двух глав. В 1922 г., при жизни Святейшего Патриарха, митрополит Агафангел вступил в управление Церковью в качестве его заместителя, однако тогда никто не думал о двух главах... Главным мотивом отделения служит наша «Декларация». В ней наши противники, сами не отрицающие обязанности для каждого христианина гражданской верности... не совсем последовательно увидели заявление не таких же, как они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви, как благодатного учреждения. Отсюда – критика о подчинении Церкви государству, Царства Божия – царству мира, и даже Самого Христа Велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить».

Митрополит Сергей выразил в письме изумление по поводу упрека в злоупотреблении буквой канонических норм, которое митрополит Кирилл уподобил каноническому буквализму обновленцев: «До сих пор мы думали, что обновленчество и состоит в отказе от руководства канонами, и, в частности, осуждение святейшего рассматривали как самое яркое и наглое нарушение и смысла, и буквы канонов».

Вновь указывая митрополиту Кириллу на двусмысленность его позиции в вопросе о церковном общении, митрополит Сергей пишет: «Вы хотите считать наши отношения как бы частным делом, которое других не касается... [но] не может быть частным делом евхаристический разрыв старейшего митрополита и первого кандидата в местоблюстители с правящим заместителем. Вы можете сколько угодно писать о необязательности для мирян разрывать общение с нами, но если Вы порываете, то каждый мирянин может задаться вопросом, не должен ли и он порвать. В результате – великий церковный соблазн и разделение, а достаточных оснований для него по канонам не имеется». Письмо заканчивается предупреждением об увольнении митрополита Кирилла от управления Казанской епархией и предании его церковному суду.

До патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, сосланного в

Обдорский край, доходили печальные вести о терзающих Церковь разделениях. 26 февраля 1930 г. он писал из зимовья Хэ своему заместителю: «Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей... Из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя... На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви... необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство... Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения, возложенного на Вас послушания, – это послужило бы не для блага Церкви... Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства».

В 1928–1929 гг. было арестовано большинство «непоминающих» епископов. Лишили свободы и отправили в ссылку и лагеря митрополита Иосифа, архиепископов Серафима (Самойловича), Димитрия (Любимова), Варлаама (Ряшенцева), епископов Виктора (Островидова), Алексия (Буя), Максима (Жижиленко), Илариона (Бельского), Дамаскина (Цедрика), Павла (Кратирова), Сергия (Дружинина), Афанасия (Сахарова). В ссылке оставались священномученики митрополит Кирилл, епископ Серафим (Звездинский).

Но отделившиеся от патриарха иосифляне еще сохранили свои легальные приходы в разных епархиях. В Москве в начале 1930-х гг. «непоминающие» удерживали за собой Воздвиженскую церковь и храм Святителя Николая на Ильинке. После закрытия этих храмов у них оставалась просуществовавшая до 1933 г. церковь Сербского подворья. В Ленинграде оплотом иосифлян был кафедральный храм Воскресения на Крови. Им принадлежали также соборы Святителя Николая и Святого Князя Владимира. После закрытия этих церквей последний иосифлянский храм Тихвинской иконы Божией Матери продержался до 1936 г.

Но большая часть иосифлян и других отделившихся от митрополита Сергия группировок «непоминающих» в начале 30-х гг. уходит в катакомбы, начинает совершать богослужения и исполнять требы для своих единомышленников тайно. Престола с антиминомсами устраивались в частных домах, в подполье, куда доступ был открыт только хорошо известным, доверенным лицам. Очагами деятельности нелегальных церковных групп стали места ссылки – Сибирь, Урал, Северный Кавказ, а Воронежская и Тамбовская епархии оказались опорой для группировок

«бுவцев» – сторонников епископа Алексия (Буя). Время от времени, выходя на свободу, «непоминающие» епископы объезжали города и села, посещали единомышленных с ними священников, налаживая деятельность нелегальных церковных общин.

Отделившиеся от митрополита Сергия клирики предлагали митрополиту Кириллу объявить себя местоблюстителем. На эти предложения он в январе и феврале 1934 г. отвечал в письмах неизвестным частным лицам отказом. В первом письме митрополит Кирилл писал: «Только после смерти митрополита Петра или его законного удаления я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление... Дотоле же иерархи, признающие своим первоиерархом митрополита Петра, вознося его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими».

Во втором, февральском, письме митрополит Кирилл объяснял свою нерешительность «не усталостью от долгих скитаний», а «неполным уяснением окружающей меня и всех нас обстановки». «Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергей хорошо понимает выгоду такого положения и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне он не без права указывает на эту разногласию обращаемых к нему упреков и потому, конечно, не считается с ними». В заключение повторяется двусмысленная оценка благодатности духовенства, находящегося в юрисдикции заместителя местоблюстителя: «Таинства, совершаемые сергианами... являются, несомненно, Таинствами, спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждения и сомнения в их действительности... но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду».

Помимо «непоминающих», отделившихся от митрополита Сергия после издания «Декларации 1927 года», в 1930-е гг. сохранялись и группировки обновленцев и григориан, но влияние их резко упало. Самосвяты в 1930 г. объявили о своем самороспуске. Украинские церковные сепаратисты, на время получившие «автокефалию» от обновленческого синода, утратили свою эфемерную автокефалию и вновь были подчинены синоду, во главе которого после смерти престарелого «митрополита» Вениамина (Муратовского), наступившей в 1930 г., стоял лжемитрополит Тульский Виталий (Введенский), из епископов старого

поставления. Его председательство в обновленческом синоде было, однако, столь же номинальным и декоративным, как и председательство Вениамина. Реальная власть в обновленческом расколе оставалась в руках другого Введенского – Александра.

В отдельных епархиях возникали локальные церковные группировки, находившиеся в юрисдикции «автокефальных» епископов, не имевших общения с другими архиереями. Так, епископ Андрей (Ухтомский), который в 1917 г. прославился своей особенно энергичной поддержкой Временного правительства, объединил вокруг себя ряд приходов Уфимской епархии, отвергавших юрисдикцию заместителя местоблюстителя, обновленческого синода и григорианского ВВЦС и в то же время не имевших общения с «непоминающими» епископами. В Уфимской епархии в 1932 г. так складывалось численное соотношение между общинами разной юрисдикции: 345 приходов в ведении заместителя местоблюстителя, 55 – обновленческих, 30 – андреевских, 4 – григорианских и 2 – иосифлянских. За вычетом локальной андреевской группировки, соотношение это было типично и для других епархий Русской Церкви.

В начале 1932 г. Временный Синод вынес постановление о награждении заместителя патриаршего местоблюстителя, возглавлявшего высшую церковную власть, правом совершать богослужения с преднесением Креста; это право усвоено всем первоиерархам автокефальных и автономных Церквей; правом предношения Креста пользовались и первенствующие члены Святейшего Синода. В 1933 г. Члены Временного Патриаршего Синода, входившие в состав этого органа с самого его учреждения – архиепископы Хутынский Алексей (Симанский), Одесский Анатолий (Грисюк), Ярославский Павел (Борисовский) и Харьковский Константин (Дьяков) – были удостоены сана митрополита. 27 апреля 1934 г. Синод удостоил заместителя местоблюстителя митрополита Сергия титула «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского».

1934 г. явился годом обострения террористической сталинской политики. Резко усилилось давление на Церковь. «Союз воинствующих безбожников», образованный еще в 1925 г., принял в 1932 г. свой пятилетний план, в котором намечал в первый год добиться закрытия всех духовных школ (тогда еще сохранились богословские школы у обновленцев) и лишить священнослужителей продовольственных карточек, во второй – провести массовое закрытие церквей, запретить написание религиозных сочинений и «изготовление предметов культа», а

на третий год – выслать всех «служителей культа» за границу (в реальной обстановке тех лет «заграница» понималась, конечно, как эвфемизм), на четвертый – закрыть остающиеся храмы всех религий, и, наконец, на пятый – закрепить достигнутые успехи. И вот, в 1934 г. возобновлены были массовое закрытие церквей, аресты, заключение в лагеря и тюрьмы, высылки и ссылки священнослужителей, членов церковно-приходских советов, деятельных прихожан – так называемых «церковников». Места ссылок и лагерей переполняются незаконно репрессированными страдальцами за веру.

В самых тяжелых лагерных условиях, в голодных ссылках эти исповедники оставались несломленными, неотчаявшимися, неозлобившимися, верными Христу, утешителями для своих соузников; в каторжных лагерях они сохраняли светлый, исполненный христианской надежды взгляд на мир. Проведший в заключении и ссылках почти все 20–30-е гг. (вплоть до «исчезновения» в 1937 г.) епископ Герман (Ряшенцев) в нескольких письмах на волю выражал твердое убеждение в том, что и под покровом видимой вокруг смертоносной борьбы, преступлений, страданий совершается дело Божие. «Мне кажется, – писал он 18 октября 1933 г. из арзамасской ссылки, – происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святых, их освящение через огонь жестоких испытаний и проверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой... образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоотреченна, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимо все разрозненное и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству через коллективизм... Вы скажете, но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно, но также несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание... форм жизни, которая в своей принципиально идейной части вся Им предуказана, без Него не может быть осуществлена и неминуемо приведет к Нему».

После арестов 1934–1935 гг. епископат, находившийся в ведении заместителя местоблюстителя, страшно поредел. 18 мая 1935 г. заместитель местоблюстителя митрополит Сергей вынужден был

распустить Временный Патриарший Синод. После этого управление всеми епархиями Русской Церкви он осуществлял с помощью своего викария епископа Дмитровского Сергия (Воскресенского) и канцелярии, в штат которой входили один секретарь и одна машинистка.

Патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр, арестованный 10 февраля 1925 г., содержался в заключении вначале в Москве, потом – в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре. В 1927 г. был по этапу отправлен в ссылку в прииртышское село Абалацкое, в 50 верстах к северу от Тобольска; в том же году его перевели оттуда на Дальний Север в ненецкое зимовье Хэ, расположенное в 200 верстах от Обдорска. Там он снимал домик у старушки-ненки. Тяжелый северный климат и непривычная еда подорвали его здоровье; последние годы жизни митрополит Петр страдал от грудной жабы. В 1930-е гг. он находился в тюремном заключении, подвергаясь изощренным мучениям, – и все это для того, чтобы заставить его отказаться от местоблюстительства. Он тяжело страдал от одиночного заключения, от изнурительных болезней, но, прося власти об облегчении своей участи, он не мог пойти навстречу их требованиям. Он знал, какие пагубные для Церкви последствия может иметь его отречение от звания местоблюстителя. Сохраняя за собой звание местоблюстителя ради блага Церкви, ценою тяжелых мучительных страданий, митрополит Петр совершал подвиг исповедничества, венцом которого стало пролитие крови за Христа Спасителя.

В 1936 г. заканчивался очередной срок заключения патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, но выйти на свободу ему не дали. В Московскую Патриархию поступило ложное сообщение о кончине местоблюстителя в заключении 11 сентября 1936 г. В связи с этим 27 декабря Патриархией был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)». Патриархией было принято определение о принятии к сведению завещательного распоряжения митрополита. В декабре 1925 г. он составил завещание, в котором назначал своими преемниками митрополитов Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела, Новгородского Арсения и Нижегородского Сергия. Митрополит Агафангел скончался в 1928 г., митрополит Арсений – в 1936 г. В живых остались только митрополиты Сергей и Кирилл, но митрополит Кирилл отбывал очередную ссылку, лишенный возможности возложить на себя завещанное ему послушание. Тогда же был издан указ Московской Патриархии о форме поминовения за

богослужением патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия.

Как потом стало известно, в 1937 г. митрополит Петр был еще жив. Но 2 октября тройка НКВД по Челябинской области приговорила его к расстрелу за «клевету на существующий строй», выражавшуюся в обвинении этого строя «в гонении на Церковь и ее служителей». 10 октября 1937 г. в 4 часа дня священномученик Петр был расстрелян в Верхнеуральской тюрьме.

4. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1936–1943 гг.

В декабре 1936 г. 7 чрезвычайный Съезд Советов издал новую Конституцию СССР, провозгласившую политические и гражданские свободы, в том числе свободу совести, предоставившую равные права всем гражданам, включая «служителей культа». Конституция породила в умах многих людей надежды на прекращение практики незаконных репрессий, на восстановление в стране правопорядка, на смягчение режима.

Но несмотря на декларации о свободе, в том числе и свободе вероисповедания, Постоянная комиссия по культовым вопросам в 1937 г. рассмотрела 359 дел о закрытии культовых зданий разных вероисповеданий, в большинстве своем это были православные церкви. В 253 случаях решения подтверждали ранее вынесенные распоряжения местных властей. В местные органы власти и в Постоянную комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИК потоком шли ходатайства о возвращении верующим закрытых храмов. Для отклонения таких ходатайств существовало много предлогов: достаточно было доноса на кого-нибудь из членов двадцатки, не говоря уже об аресте, чтобы вся двадцатка была распущена, или ссылки на то, что на расстоянии менее километра от закрытой церкви находится школа, а если учесть, что в России не только церковно-приходские, но и земские школы обыкновенно строились неподалеку от церкви, то этот предлог чаще других служил поводом для закрытия храмов. Не подлежали возвращению и храмы, состояние которых в инженерном отношении было небезупречным, а если учесть, что на протяжении двух десятилетий ремонт церквей практически не проводился, то и в этом случае отказать не составляло труда; абсолютно невозможным было возвращение храма, уже используемого в иных целях – под склад, клуб, фабрику или тюрьму. И наконец, существовал еще один, не лишенный мрачного остроумия предлог для отказа – несогласие местного отделения «Союза воинствующих безбожников» на возвращение храма общине.

Издание новой конституции в действительности явилось прологом к

неслыханному разгулу террора, получившему по имени наркома внутренних дел название «ежовщины»; жертвой репрессий пали миллионы людей, принадлежавших к самым разным общественным слоям, носители разных мировоззрений: политические и государственные деятели, военачальники, дипломаты, ученые, литераторы, рядовые крестьяне, рабочие и служащие. Террор 1937 г., который с затуханием продолжался в 1938–1939 гг., залил страну кровью. Уничтожались все, кто считался потенциально опасным не только для советской власти, но хотя бы только для личной власти Сталина.

Новый чудовищный удар был нанесен в эти страшные годы по Русской Православной Церкви. Пятилетний план «Союза воинствующих безбожников», поставившего своей целью искоренение религий в нашей стране, провалился. Перепись 1937 г., в которую включен был и вопрос о религиозных убеждениях, обнаружила, что 2/3 сельского населения, составлявшего тогда большинство, и 1/3 городского продолжают считать себя верующими. После переписи «Союз воинствующих безбожников», насчитывавший более пяти миллионов членов, был подвергнут чистке, в результате которой из него вышла половина его членов, многие из которых были репрессированы, отправлены в лагеря и расстреляны.

Для «преодоления религии» более эффективным представлялся иной метод, чем пропаганда – метод репрессий. В 1937 г. аресты охватили большую часть духовенства, на этот раз они не миновали и обновленцев. Арестованным, как это принято было тогда, предъявляли самые вздорные, фантастические обвинения: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Архиепископа Смоленского Серафима (Остроумова) обвинили в том, что он возглавил банду контрреволюционеров. Подобные обвинения предъявлены были митрополиту Горьковскому Феофану (Тулякову), епископу Орловскому Иннокентию (Никифорову). Арестованных архиереев чаще всего расстреливали. Так, в 1936–1939 гг. погибли митрополиты Серафим (Чичагов), Серафим (Мещеряков), Константин (Дьяков), Серафим (Александров), Евгений (Зернов), архиепископы Питирим (Крылов), Никон (Пурлевский), епископы Варфоломей (Ремов), Никон (Лебедев). В 1938 г. в застенках НКВД скончался священномученик митрополит Анатолий (Грисюк). Погибли и отделившиеся от заместителя местоблюстителя архиереи: митрополиты Кирилл (Смирнов), Иосиф (Петровых), архиепископ Димитрий (Любимов), епископ Дамаскин (Цедрик).

В 1937 г. был расстрелян священномученик Александр Хотовицкий – в прошлом ключарь храма Христа Спасителя в Москве, удостоенный сана

протопресвитера. В день праздника Введения во храм Божией Матери в 1937 г. на допросе в тюрьме скончался от пыток бывший проректор Киевской духовной академии настоятель церкви Николая Доброго в Киеве протоиерей Александр Глаголев. В лагерях погибли выдающийся богослов и философ священник Павел Флоренский, крупнейший русский патолог профессор Московской духовной академии И. В. Попов, широко известный издатель «Религиозно-нравственной библиотеки» профессор Н. А. Новоселов и тысячи менее известных священнослужителей и церковных деятелей.

Значительное большинство тех священнослужителей, которые остались в живых, находились в тюрьмах, лагерях и ссылке. Церковная организация была разгромлена. В 1939 г. из архиереев на своих кафедрах оставались глава Церкви – митрополит Московский Сергей, митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями, и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский). Несколько архиереев совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939 г. на покой, в октябре того же года был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии была сосредоточена тогда вокруг одной этой церкви.

Спустя годы митрополит Сергей (Воскресенский) писал, что главной задачей Патриархии всегда было «посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность православия, одолеть схизмы, сохранить канонически законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей и довести таким образом Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы вновь воспрянуть... Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в сарае, из которых повар выхватывает свою очередную жертву – одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Но ради Церкви мы все же мирились со своим униженным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посильно охранить ее до лучших времен, до крушения большевизма».

Закрывание церквей приобрело уже обвальный характер. В одном только 1937 г. было закрыто более восьми тысяч церквей. К 1939 г. во всей России осталось лишь около ста соборных и приходских действующих храмов. На Украине сохранилось 3% от числа дореволюционных

приходов. Во всей Киевской епархии в 1940 г. оставалось два прихода с тремя священниками, одним диаконом и двумя псаломщиками, в то время как в 1917 г. епархия насчитывала 1710 церквей, 23 монастыря, 1435 священников, 277 диаконов, 1410 псаломщиков, 5193 монашествующих.

В сентябре 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. После разгрома Польши потенциальный противник вышел на границы нашего государства. Над страной нависла грозная военная опасность, которая побуждала правительство к коррекции своей внутренней политики. В последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла.

После возвращения отторгнутых от России в Гражданскую войну территорий – Западной Украины вместе с принадлежавшей до 1918 г. Австро-Венгрии Галицией, Западной Белоруссии, Бессарабии, Эстонии, Латвии и Литвы – число приходов, находившихся в юрисдикции Московского Патриархата, многократно увеличилось. К началу Великой Отечественной войны Русская Церковь имела около 4,5 тысячи приходов и 88 монастырей с более чем 5000 насельников – почти все на западе страны. Экзархом Украины и Белоруссии в 1940 г. был назначен перемещенный на Волынскую кафедру архиепископ Николай (Ярушевич), возведенный впоследствии, в марте 1941 г., в сан митрополита Киевского. В марте 1941 г. экзархом Латвии и Эстонии стал ближайший помощник местоблюстителя – митрополит Сергей (Воскресенский), переведенный после смерти митрополита Елевферия на Виленскую кафедру.

22 июня 1941 г., в день Всех святых в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Во второй раз за 20 в. Германия вступила в смертельную борьбу с Россией, обернувшуюся для нее новой национальной катастрофой. Но, в отличие от 1914 г., нашей стране противостояла теперь не империя Гогенцоллернов, которая принадлежала все-таки христианской Европе, а разбойничий Третий рейх, поправший все Божии и человеческие законы, провозгласивший расизм своей официальной идеологией, стремившийся к истреблению одних и порабощению других народов. Вожди нацистской партии открыто отвергали христианские нравственные ценности и предпринимали мракобесные опыты по возрождению древнегерманского языческого культа.

В своих пропагандистских обращениях к русскому народу гитлеровцы, спекулируя на печальных страницах в советской истории, пытались предстать в облике защитников религии. Но митрополит Сергей в первый же день войны написал и собственноручно отпечатал на

машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал православный русский народ на защиту Отечества: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя...» (Ин. 15:13). Нам, пастырям Церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиги, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если сверх того молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

В речи на Архиерейском Соборе 1943 г. митрополит Сергей, вспоминая начало войны, говорил: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось, – фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили».

12 октября митрополит Сергей написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия местоблюстителя

митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому). Через неделю после составления завещания, когда фронт приблизился к сердцу России и над Москвой нависла опасность, Патриархия была эвакуирована в Ульяновск, бывший Симбирск. Туда же был перемещен и обновленческий центр. Патриархия разместилась в маленьком доме на окраине города. Рядом с главой Русской Церкви находились управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий и келейник местоблюстителя иеродиакон Иоанн (Разумов) (позже митрополит).

Окраина тихого провинциального города стала в годы войны духовным центром России. Сюда, в Ульяновск, к предстоятелю Русской Церкви приезжали оставшийся в Москве экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий Николай, архиепископы Можайский Сергей (Гришин) и Куйбышевский Андрей (Комаров), другие архиереи.

В первосвятительских посланиях к пастве, которые митрополит Сергей рассылал из Ульяновска по церквям России, он обличал оккупантов за их злодеяния, за пролитие невинной крови, за осквернение и разорение религиозных и национальных святынь. Предстоятель Русской Церкви призывал жителей областей, захваченных врагом, к мужеству и терпению.

24 ноября митрополит Сергей обратился из Ульяновска вместе с митрополитом Киевским и Галицким Николаем, архиепископами Куйбышевским Андреем, Можайским Сергием и Ульяновским Иоанном (Соколовым) с новым посланием к пастве, в котором развенчал лицемерие нацистской пропаганды: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами...».

В пасхальном послании, составленном 2 апреля 1942 г., первосвятитель раскрыл антихристианскую закваску нацистской идеологии: «Праздник Пасхи празднуем мы, а небо над нами все еще покрыто тучами. Но тьма не победит света, хоть бы на время и заслоняла его. Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо

Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: «Сим победиши». Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское «жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его».

В 1942 г. Московская Патриархия выпустила книгу «Правда о религии в России», предисловие к которой написано главой Русской Церкви. В нем говорится: «Эта книга есть ответ прежде всего на «крестовый поход» фашистов, предпринятый ими якобы ради «освобождения» нашего народа и нашей Православной Церкви «от большевиков». Линия поведения нашей Русской Церкви в отношении фашистского «крестового похода» определяется просто. Фашистский «крестовый поход» уже разразился над нашей страной, уже заливает ее кровью, оскверняет наши святыни, разрушает исторические памятники, изощряется в злодеяниях над безоружным населением. Ясно, что мы, представители Русской Церкви, даже и на мгновение не можем допустить мысли о возможности принять из рук врага какие-либо льготы или выгоды...».

С патриотическими посланиями к пастве обращались ближайшие сподвижники местоблюстителя: митрополиты Алексей и Николай. Все страшные дни блокады митрополит Ленинградский оставался со своей паствой в голодном и холодном городе на Неве. В начале войны в Ленинграде оставалось пять действующих православных церквей: Никольский Морской собор, Князь-Владимирский и Преображенский соборы и две кладбищенские церкви. Храмы города были переполнены молящимися и причастниками. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и о упокоении. Температура в храмах опускалась часто ниже нуля. Певчие пели в пальто, в валенках, от голода едва держались на ногах. Из-за несмолкаемого обстрела, от взрывов бомб окна в храмах нередко бывали выбиты воздушной волной и по церквам гулял морозный ветер. Митрополит Алексей жил при Никольском соборе и служил в нем каждое воскресенье, часто без диакона.

Своими проповедями и посланиями он вливал в души исстрадавшихся питерцев мужество и надежду. В Вербное воскресенье в ленинградских церквах было прочитано его архипастырское обращение, в котором он призвал верующих самоотверженно помогать воинам честной работой в тылу: «Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего

подъема и могучей веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, «спасающего» нас «от малодушия и от бури» (Пс. 54:9). И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ».

По всей стране в православных храмах служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...».

В приходах проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение танковой колонны имени Димитрия Донского. В ответ на призыв первоиерарха в московском Богоявленском соборе духовенством и мирянами было собрано более 400 тысяч рублей. Вся церковная Москва собрала свыше 2 миллионов рублей, в блокадном голодном Ленинграде православные собрали один миллион рублей на нужды армии; в Куйбышеве стариками и женщинами было пожертвовано 650 тысяч. В Тобольске один из жертвователей принес 12 тысяч рублей и пожелал остаться неизвестным. Житель села Чебаркуль Челябинской области Михаил Александрович Водолаев написал в Патриархию: «Я престарелый, бездетный, всей душой присоединяюсь к призыву митрополита Сергея и вношу 1000 рублей из своих трудовых сбережений, с молитвой о скорейшем изгнании врага из священных пределов нашей земли». Заштатный священник Калининской епархии Михаил Михайлович Колоколов пожертвовал на танковую колонну священнический крест, 4 серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации. Всего на танковую колонну было собрано более 8 миллионов рублей. В Новосибирске православные клирики и миряне отдали 110 тысяч на строительство самолетов сибирской эскадрильи «За Родину». В один ленинградский храм неизвестные богомольцы принесли пакет и положили его у иконы святителя Николая. В пакете оказалось 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Всего за войну по приходам было собрано более 200 миллионов рублей на нужды фронта. Кроме денег, верующие собирали также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки.

Война стоила нашей родине гибели 25 миллионов ее сынов и дочерей, среди которых были миллионы православных. Русская Церковь потеряла

прекрасные храмы, разрушенные артиллерийскими обстрелами, взорванные бомбами; уцелевшие церкви на освобожденных территориях были опустошены, разграблены; святыни осквернены. Уничтожена была вековая святыня русского народа – Успенский собор Киево-Печерской лавры. Экзарх Украины митрополит Николай писал: «Нельзя без пронизывающей все внутреннее существо скорби смотреть на груды развалин, высыпавшихся на месте взорванной немцами... Великой Лаврской церкви, или Успенского собора, созданного в 12 в. гением бессмертных строителей... Перед взрывом собора немцы вывозили ценности в крытых грузовиках... Так называемая «Верхняя лавра» разрушена немцами полностью. Кроме Успенского собора, их рукой ограблены и разбиты церкви: Больничная Никольская, Трапезная и все 33 монастырских корпуса».

Особенно страшным разрушениям подверглись храмы в окрестностях Ленинграда. Митрополит Алексей, посетив их после освобождения, писал: «Прекрасный Петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золотые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пистолетов иконы в Петергофском соборе. Другие церкви представляют еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежки, верующие... Теперь как памятник позорного фашистского злодеяния лежит на земле огромная груды красных кирпичей, напоенных кровью русских жертв германского зверства». Под сводами разрушенной Троицкой церкви в старом Петергофе погибло свыше двух тысяч человек.

Немцы взорвали великолепный Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой. Жители занятых территорий рассказывали, как оккупанты врывались в православные храмы, сбивая замки, в шапках, с сигаретами в зубах и с собаками на поводу; как стреляли в иконостасы, грабили и оскверняли иконы. Во Ржеве перед отступлением немцы согнали всех оставшихся в живых горожан в Покровскую церковь, закрыли храм на засов и заминировали его, чтобы взорвать. Красная армия, захватив город, освободила ожидавших смерти жителей. Один из них, диакон Ф. Тихомиров, рассказывал посетившему город митрополиту Николаю о том, что двое суток несчастные оставались без еды и питья, в нестерпимой жажде слизывали грязный снег, падавший в храм через разбитые стекла. Когда митрополит спросил у диакона, как они жили при немцах, тот ответил: «Сначала я вел счет побоям плеткой и

каблуками, которым я подвергался за то, что не мог по старости выполнять назначаемой мне тяжелой работы, насчитал тридцать избиений, а потом и счет потерял». Священника этого храма Андрея Попова немцы расстреляли 13 сентября 1942 г. на глазах у диакона на паперти. На оккупированных территориях сжигали деревни, убивали стариков, юношей и девушек увозили в Германию для рабского труда на военных заводах.

Архиепископ Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), совершавший в войну одновременно и архиерейское служение, и служение врача-хирурга (он был начальником госпиталя в Красноярске), писал тогда: «Германский народ, более тысячи лет считавшийся христианским народом... явил всему миру, народам – братьям во Христе и народам нехристианским, неслыханно страшное лицо варвара, топчущего ногами святое Евангелие, вторично распинающего Христа».

Целью войны для Гитлера и его приспешников было расчленение нашей страны и порабощение славянских народов. Поэтому в случае победы Германии Православной Церкви, высшей национальной святыне русского народа, грозило жестокое гонение. Но фашистские идеологи прикрывали свою разбойничью войну именем Бога, называли ее крестовым походом. В пропагандистских целях оккупационные власти выдавали разрешения на открытие церквей. Так, в Киевской епархии в 1942 г. было открыто 8 монастырей и 318 храмов, в которых служило 434 священника. Но в проведении религиозной политики оккупационные власти исполняли коварное указание Гитлера: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола».

В Прибалтике оккупационные власти разрешили митрополиту Сергию (Воскресенскому) сохранить каноническую, но не административную связь с Патриархией, практически заключающуюся лишь в возношении имени местоблюстителя за богослужением. Это было сделано, вероятно, из расчета впоследствии, в случае победоносного для Германии окончания войны, с большим удобством выселить всех православных из Прибалтики в глубину России.

В Белоруссии оккупационные власти пытались сколотить

автокефальную Белорусскую Церковь. В самом начале войны, когда Западная Белоруссия была оккупирована немецкими войсками и митрополит Николай не мог уже осуществлять там церковное управление, патриарший местоблюститель митрополит Сергей назначил экзархом Белоруссии епископа Пантелеймона (Рожновского) с возведением его в сан архиепископа. Владыка Пантелеймон в свое время был решительным противником автокефалии Православной Церкви в Польше, вследствие чего он почти двадцать лет находился за штатом, проживая в Жировицком Успенском монастыре. Вовремя немецкой оккупации он оставался твердым сторонником сохранения канонической связи с кириархальной Церковью – Московским Патриархатом.

Немецкие власти предложили ему возглавить автокефальную Белорусскую Церковь, потребовав от него не вступать в сношения ни с Москвой, ни с Варшавой. Возглавив Белорусскую Церковь в сане митрополита Минского и Белорусского, Пантелеймон не пошел на разрыв с предстоятелем Русской Церкви – Белорусская Церковь, хотя и не имела административных связей с Московской Патриархией, тем не менее не усвоила себе автокефального статуса, к чему ее подталкивали оккупационные власти. Поэтому под давлением оккупационных властей, а также из-за интриг сепаратистски настроенного духовенства владыка вынужден был практически отойти от дел. Вскоре он скончался. После него Белорусскую автокефальную митрополию возглавил Филофей (Нарко), который, однако, тоже не шел на поводу у сепаратистов.

На оккупированной Украине в 1941 г. группа самосвятских священников и поддерживавших их мирян, как и в годы Гражданской войны, образовала Церковную раду, которая направила в Варшаву просьбу прислать в Киев епископов. Митрополит Дионисий передал Церковной раде свое благословение. Единомышленная с липковцами Рада образовалась и в Ровно, тоже получив благословение из Варшавы. 24 декабря 1941 г. митрополит Дионисий назначил епископа Поликарпа (Сикорского), в прошлом петлюровского чиновника, администратором Православной Церкви на Украине. В связи с этим архиепископ Вольнский Алексей (Громадский) обратился с посланием к духовенству Луцкого викариатства, в котором говорилось: «Этот акт епископа Поликарпа противоречит церковным канонам и приведет к церковному разделению на Вольни».

Поликарп получил поддержку со стороны видного украинского политика Степана Скрыпника, который уже в июле 1941 г. был приглашен немецкими властями в качестве советника для подбора из украинской

националистической интеллигенции кандидатов на должности в украинской администрации.

Параллельно действиям по сколачиванию автокефалистской иерархии, предпринятой митрополитом Дионисием и епископом Поликарпом, архиепископ Алексей (Громадский) принял меры для устройства канонически правомерного церковного управления на Украине. 18 августа 1941 г. было созвано епископское совещание в Почаевской лавре. По приглашению архиепископа Алексея туда прибыли архиепископы Антоний (Марценко), Симон (Ивановский), епископы Львовский Пантелеймон (Рудык) и Пинский Вениамин (Новицкий). В установлении отношений с Московской Патриархией совещание исходило из признания автономного статуса Украинской Церкви на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Впрочем, в постановлении, принятом на совещании, не было упомянуто, что этот статус упразднен Святейшим Патриархом Тихоном. «Ввиду того что экзарх Московской Патриархии митрополит Николай – говорилось в постановлении, – за неделю до начала германосоветской войны выехал в Москву, не дав епископам никаких распоряжений, наша Церковь осталась без возглавления... Иные могли бы использовать это обстоятельство для того, чтобы разорвать отношения нашей Церкви с московской иерархией и провозгласить автокефалию. Но не следует вставать на этот скользкий путь анархии». Совещание епископов объявило об образовании Автономной Церкви Украины, а архиепископу Алексею, как старшему архиерею Украины, предоставило права митрополита области.

На очередном епископском совещании в Почаеве, состоявшемся 25 ноября 1941 г., архиепископ Алексей был избран экзархом Украины. Таким образом, на территории оккупированной Украины образовались две Церкви: откровенно схизматическая автокефальная во главе с Поликарпом (Сикорским) и автономная, иерархия которой не избежала частных канонических нарушений, отчасти объяснимых исключительными обстоятельствами времени, не признанная Московской Патриархией, но все-таки дорожившая единством с Русской Православной Церковью и стремившаяся в главном не сойти с канонической почвы. Уже осенью 1941 г. началась острая конкуренция автокефалистов и автономистов за влияние на Киев и на левобережье Украины.

В это время на Левобережной Украине, в той ее части, которая административно находилась вне территории рейхскомиссариата и под управлением военного командования, появилась еще одна раскольническая группировка. Ее предводитель лжемитрополит Феофил

(Булдовский), возглавивший лубенский раскол в 20-х гг. и изверженный из сана священноначалием Русской Православной Церкви, объявил себя в ноябре 1941 г. митрополитом Харьковским. Утвердившись в Харькове, лжемитрополит Феофил распространил свою юрисдикцию и на Полтавскую епархию, где, однако, его попытки подчинить себе духовенство и верующих встретили энергичное сопротивление со стороны церковных деятелей автономной ориентации, во главе которых стоял переведенный на Полтавскую кафедру епископ Вениамин (Новицкий). По мере продвижения германских войск на Восток, Феофил включил в свою церковную область также Воронежскую и Курскую епархии.

Поскольку Феофил действовал вне пределов рейхскомиссариата, его отношения с автокефалистами во главе с Поликарпом (Сикорским) довольно долго не носили административного характера. Лишь в июле 1942 г. с ним встретился Степан Скрыпник, к тому времени уже хиротонисанный во епископа Переславского с именем Мстислав; он вел с ним переговоры по поручению администратора Поликарпа о подчинении его автокефальному центру в Луцке. Скрыпник и Феофил (Булдовский) были знакомы еще со времен Гражданской войны. Сам Феофил так впоследствии говорил о Мстиславе: «О, это страшный человек. Это бандит в епископском клобуке. Он из тех, что могут убить, удавить человека, если он станет ему препятствием... Епископ Мстислав – доверенное лицо гестапо и администратора Поликарпа (Сикорского)». Результатом переговоров Феофила с Мстиславом было подчинение лжемитрополита Харьковского и Полтавского юрисдикции Поликарпа (Сикорского).

Но большая часть украинской паствы занятых областей находилась в юрисдикции Автономной Церкви Украины, которая не порывала канонической связи с Патриархией, хотя автономия ее и не была признана главой Русской Православной Церкви митрополитом Сергием и экзархом Украины митрополитом Киевским Николаем (Ярушевичем). Глава Автономной Церкви митрополит Волынский и Житомирский Алексей (Громадский) 8 мая 1943 г. был убит националистами, близкими к Поликарпу (Сикорскому). В том же году «самостийниками» и сторонниками Поликарпа (Сикорского) убит был еще один архиерей Автономной Церкви – епископ Владимиро-Волынский Мануил (Тарновский).

Каноническое общение с Патриархией сохранили на оккупированной Украине скончавшийся 1 ноября 1942 г. на покое в схиме в Киево-Печерской лавре схиархиепископ Антоний (князь Абашидзе). Оккупационный режим вначале определенно отдавал предпочтение

автокефалистам во главе с Поликарпом (Сикорским). Священников, не желавших подчиняться ему, обвиняли в связях с красной Москвой, чинили им препятствия в совершении богослужений. Генерал-комиссар Днепропетровска приказал даже арестовывать священников, не желавших подчиняться ставленнику Поликарпа местному епископу Геннадию (Шеприковичу). Когда клирики стали выходить из юрисдикции Поликарпа (Сикорского), генерал-губернатор Кох издал приказ, запрещавший православным священнослужителям менять юрисдикцию.

Но на исходе 1942 г. отношение немецких властей к двум церковным группировкам на Украине заметно изменилось. Общая стратегическая линия разделять и властвовать на оккупированных землях оставалась, конечно, неизменной, но прежняя ориентация на поддержку по преимуществу автокефалистов уступила место более благосклонному отношению к Автономной Церкви. Причина перемены была в том, что автокефалисты, тесно связанные с украинским политическим национализмом, постепенно превращались в силу, оппозиционную гитлеровскому режиму. Со временем украинские националисты начали вооруженную партизанскую борьбу одновременно и против оккупантов, и против красных партизан. С украинским националистическим партизанским движением поддерживали контакт автокефальные епископы Мстислав (Скрыпник) и Платон (Артемюк). Им, несомненно, сочувствовал и администратор Поликарп (Сикорский). Автономная же Церковь, объединившая людей искренней и глубокой религиозности, от начала до конца оккупации старалась держаться как можно более аполитично, и немецкие власти со временем стали считать ее более приемлемой для себя. Экзарх Украины митрополит Киевский Николай в своих архипастырских посланиях украинской пастве обличал похитителя церковной власти епископа Поликарпа (Сикорского), предостерегал пастырей от общения с ним, призывал их хранить верность Матери-Церкви и родине.

28 марта 1942 г. с посланием к «архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками», обратился митрополит Сергей. В послании говорится: «С переходом западных областей Украины и Белоруссии в состав России епископ Поликарп остался на службе у нас, то есть фактически отказался от польской автокефалии и признал Московскую Патриархию своим законным священноначалием. Если все это сделано епископом Поликарпом неискренно, только для вида, с целью укрыться от церковного суда и от наказания за принадлежность к польской автокефалии, вина епископа Поликарпа усугубляется, а равно и следующее ему наказание, «яко

солгавшему и обманувшему Церковь Божию» (13-е апостольское правило). За все время службы у нас епископ Поликарп не предъявлял мне никаких обвинений, которые оправдали бы его канонический разрыв со мною. И только теперь, когда преступный разрыв уже совершился и я указал на эту преступность, епископ Поликарп заговорил о моем самозванстве, в которое, думается, и сам в душе не верит. Значит, отказ епископа Поликарпа от подчинения Патриархии и мне, как ничем канонически не оправдываемый, является прямым нарушением 15-го правила Двукратного Собора и угрожает осужденному «лишением всякого священства». Тому же взысканию подлежит епископ Поликарп и за самозванное присвоение себе не принадлежащего ему звания архиепископа Луцкого и звания главы Украинской Церкви и за злостное вторжение в области, ему не подчиненные, и за связанный со всем этим целый клубок канонических нарушений... Особую злостность задуманного предприятия составляет то, что его исполнители вторгаются на Украину намеренно вслед за немцами; пока те будут неистовствовать над невооруженными людьми и громить хозяйственную и культурную жизнь украинцев, они будут громить вековой церковный строй, насаждая автокефалию. По 8-му правилу святого Григория Неокесарийского, изменники христианства, участвовавшие вместе с варварами в ограблении христианских селений, в случае покаяния не принимаются даже в разряд кающихся впредь до особого о них суждения на Соборе... За все вышеизложенное епископ Поликарп по совокупности подлежит... лишению сана и монашества с исключением из духовного звания... По действующим у нас правилам, обвиняемый в преступлениях, угрожающих таким наказанием, должен быть в виде предсудебной меры запрещен в священнослужении... О таком запрещении епископа Поликарпа я и объявляю настоящим своим посланием».

Собрание архиереев, состоявшееся 28 марта в Ульяновске, своим определением признало заключение местоблюстителя канонически правильным и утвердило его, объявив: «Если (чего мы не желаем) епископ Поликарп, «впадая в суд диаволь», пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества, и всякого духовного звания с самого момента нарушения им запрещения».

22 сентября 1942 г. митрополит Сергей запретил в священнослужении митрополита Литовского Сергея (Воскресенского), который вместе с другими православными епископами оккупированной Прибалтики поздравлял Гитлера с военными успехами. Поведение митрополита Сергея (Воскресенского) объяснялось, очевидно, не его приверженностью

фашизму, а политическим расчетом, стремлением сохранить легальную церковную организацию. По словам очевидца, митрополит Сергей (Воскресенский) говорил близким ему людям: «Не таких обманывали... а этих колбасников обмануть нетрудно». Перед отступлением немецких войск из Прибалтики он начал готовить приходы к неизбежным переменам, но 28 апреля 1944 г. был убит на дороге в своем автомобиле.

В декабре 1942 г., после решительного перелома на фронтах Второй мировой войны, митрополит Сергей от лица Русской Православной Церкви обратился к румынским пастырям и православному румынскому народу, втянутому в войну с единой Россией, с призывом отречься от пагубного союза с Германией: «Неужели и теперь, когда война склоняется к концу, явно плачевному для Гитлера, Румыния все еще будет нести тяжкое бремя подневольного союза с Гитлером и продолжать воевать с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства?».

Грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы над врагом, патриотическая позиция Русской Церкви побудили советское правительство к изменению религиозной политики. В первые годы войны было открыто несколько приходов, закрытых в 30-е гг. Некоторые из оставшихся в живых священнослужителей были освобождены из лагерей и смогли возобновить служение в храмах. Возобновились архиерейские хиротонии. В 1942 г. были хиротонисаны предварительно постриженные в монахи вдовые протоиереи: Сергей Городцов (в монашестве и епископстве Варфоломей), Владимир Градусов (в монашестве Димитрий), Николай Чуков (епископ Григорий).

В советской печати практически прекратилась антирелигиозная полемика. Журналы, издаваемые «Союзом воинствующих безбожников», перестали выходить за недостатком бумаги, и даже сам союз прекратил свое существование без его официального роспуска. Были закрыты и некоторые антирелигиозные музеи. Свидетельством признания патриотических заслуг духовенства со стороны правительства явилось назначение митрополита Киевского Николая членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

5. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1943–1944 гг.

31 августа 1943 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей возвратился из Ульяновска в Москву, от которой к тому времени фронт

откатился далеко на запад.

Звонком из Кремля митрополиты Сергей, Алексей и Николай были совершенно неожиданно для них приглашены в Кремль для встречи с председателем Совнаркома И. В. Сталиным. Состоялась беседа, в которой принял участие и заместитель главы правительства В. М. Молотов, а также начальник 4-го отдела 3 управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковник Г. Г. Карпов.

«Кратко отметив, – как пишет Карпов, – положительное значение патриотической деятельности Церкви за время войны, Сталин просил митрополитов Сергия, Алексея и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но не разрешенных вопросах». Митрополит Сергей сказал, что самый главный и назревший вопрос – о центральном руководстве Церкви, что он почти 18 лет является патриаршим местоблюстителем и думает, что едва ли где-то еще возможно такое, что с 1935 г. в Церкви нет Синода. Он просил разрешения собрать Архиерейский Собор, который изберет патриарха и образует при главе Церкви Священный Синод как совещательный орган в составе 5–6 архиереев. Согласившись с предложением митрополита Сергия, Сталин спросил: а) как будет называться патриарх; б) когда может быть собран Архиерейский Собор; в) нужна ли какая-нибудь помощь со стороны правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т. д.).

Отвечая на первый вопрос, митрополит Сергей сказал, что вопрос о титуле предварительно обсуждался и было бы желательным и правильным, чтобы правительство разрешило принять титул «патриарх Московский и всея Руси», хотя патриарх Тихон именовался «Московский и всея России». Сталин согласился с этим предложением, назвав его правильным. Основанием для перемены титула, очевидно, было то обстоятельство, что «Россией» в новом государстве называлась только его часть; слово же «Русь» напоминало о Киевской эпохе, когда предки великороссов (русских), малороссов (украинцев) и белорусов – трех православных славянских народов, составляли единый русский народ, и потому при новой государственной номенклатуре это слово обнимало более обширную территорию, чем слово «Россия». Далее митрополит Сергей сказал, что Собор можно созвать через месяц. Этот срок, очевидно, не соответствовал видам Сталина, ион, улыбнувшись, спросил: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» – и поинтересовался мнением Карпова на этот счет. Карпов ответил, что если помочь митрополиту Сергию транспортом, предоставить самолеты, то Собор можно созвать через 3–4

дня. Договорились, что Архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября. От субсидий же митрополит Сергей отказался.

Затем обсуждался вопрос об открытии духовных учебных заведений. Митрополит Сергей заявил о необходимости открытия духовных школ, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Сталин неожиданно прервал молчание. «А почему у вас нет кадров?» – спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились... Всем было известно, что кадры перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза». Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о Вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Этого эпизода из беседы Сталина с тремя митрополитами нет в записке Карпова, но о нем известно из публикации, принадлежащей А. Э. Краснову-Левитину, который о содержании беседы мог узнать со слов митрополита Николая.

Митрополиты Сергей и Алексей просили Сталина разрешить открыть богословские курсы в нескольких епархиях. Как пишет Карпов, Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей заговорил о возобновлении издания «Журнала Московской Патриархии». «Журнал можно и следует выпускать», – сказал Сталин. Митрополит Сергей поднял важнейший для Церкви вопрос об открытии приходов, о возобновлении нормальной церковно-приходской жизни в стране. Об этом ему постоянно говорят епархиальные архиереи, и он, со своей стороны, считает необходимым предоставить им право вступать в переговоры с гражданской властью по вопросу открытия храмов. Митрополиты Алексей и Николай поддержали митрополита Сергея, отметив при этом неравномерность расположения церквей в Советском Союзе и высказав пожелание в первую очередь открывать храмы в областях и краях, где их нет совсем или где их мало.

Риск поднять перед Сталиным самую болезную тему взял на себя митрополит Алексей. Он просил об освобождении архиереев, находившихся в ссылках, тюрьмах и лагерях. Сталин ответил: «Представьте такой список, рассмотрим». Тогда митрополит Сергей поднял вопрос о праве священнослужителей на свободное проживание и

передвижение внутри Союза, о снятии с них ограничений, связанных с паспортным режимом, и о том, чтобы власти разрешили богослужение тем священнослужителям, которые вышли из заключения. Как пишет Г. Г. Карпов, Сталин предложил ему этот вопрос изучить. И тут Сталин сообщил митрополитам, что правительство собирается образовать Совет по делам Русской Православной Церкви и предложил его председателем назначить Г. Г. Карпова. Как потом рассказывал патриарх Алексей I, это предложение их встревожило: Карпов был известен в церковных кругах как чекист, который с крайней жестокостью вел дела священнослужителей. Но все трое, как пишет Карпов, заявили, что они весьма благодарны за это правительству и лично товарищу Сталину и весьма благожелательно принимают назначение на этот пост товарища Карпова. Сталин предложил подобрать двух-трех помощников, которые будут членами совета, образовать аппарат, но помнить, что Карпов не обер-прокурор и что своей деятельностью он должен больше подчеркивать самостоятельность Церкви.

В заключение беседы Сталин предложил Молотову составить проект коммюнике для радио и газет. В обсуждении текста коммюнике участвовали Сталин, митрополиты Сергей и Алексей. Текст был опубликован на следующий день в «Известиях».

Момент в истории Русской Церкви был исторический. Правительство, допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, откровенно признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа. По существу, были заключены условия своего рода «конкордата», который в основном государственная власть соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений.

Архиерейский Собор состоялся четыре дня спустя после беседы в Кремле – 8 сентября 1943 г. В деяниях Собора, проходившего в здании Патриархии, участвовало 19 архиереев: митрополиты Сергей, Алексей и Николай, архиепископы Горьковский Сергей (Гришин), Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), Рязанский Алексей (Сергеев), Казанский Андрей (Комаров), Ярославский Иоанн (Соколов), Уфимский Стефан (Проценко), Саратовский Григорий (Чуков), Куйбышевский Алексей (Палицын), Новосибирский Варфоломей (Городцов), Калининский Василий (Ратмиров), Сарapulьский Иоанн (Братолюбов), епископы Курский Пителир (Свиридов), Кировский Вениамин (Тихоницкий), Ростовский Елевферий (Воронцов), Молотовский Александр (Толстопятов) и Ульяновский Димитрий (Градусов). На Собор многих архиереев доставляли на военных самолетах. Почти все они были

исповедниками, прошедшими через тюрьмы, лагеря и ссылки. Архиепископ Сарепулский Иоанн (Братолюбов) и епископ Молотовский Александр (Толстопятков) были освобождены незадолго до Собора.

Митрополит Сергей выступил на Соборе с докладом о патриотическом служении Церкви в Великую Отечественную войну. Первоочередным делом Собора было избрание патриарха. Слово взял митрополит Алексей. «Уже давно среди нас, епископов – сказал он, – зрел вопрос о том, что необходимо довершить строительство церковное настоящим возглавлением Православной Русской Церкви – Святейшим Патриархом. Владыка митрополит Сергей в течение 17 лет фактически несет обязанности патриарха. Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании патриаршего местоблюстителя». Предложение было единодушно одобрено.

В ответ на свое избрание митрополит Сергей сказал: «Это избрание меня патриархом будет продолжением того служения, которое пало на меня много лет назад, но теперь оно делается более ответственным, потому что сопровождается такой необычайной почетностью, которая требует и необычайного исполнения этого служения. Я благодарю за то, что вы остановились на мне и вручаете мне продолжение служения в новом звании. Прошу у всех молитв и всяческого содействия».

Собор архиереев избрал Священный Синод Русской Православной Церкви, членами которого стали митрополиты Ленинградский Алексей и Киевский Николай, архиепископы Куйбышевский Алексей, Горьковский Сергей, Красноярский Лука, Ярославский Иоанн. Собор вынес также постановление с осуждением коллаборационистов: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана».

12 сентября состоялась интронизация патриарха в кафедральном Богоявленском соборе. В слове, произнесенном на торжестве интронизации, архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) сказал: «Радовалась Русская Православная Церковь, когда двадцать шесть лет назад на пустовавший со времени Петра Великого патриарший престол был избран святитель Тихон. Засияла тогда наша Церковь полнотой своей жизни. Но недолго судил Господь святителю Тихону править Русской Церковью: скоро взял его к Себе Господь. И снова не стало патриарха, и

снова осиротела Русская Церковь. Но Господь незримо хранит Свою Церковь: не стало на патриаршей кафедре патриарха, но преемственно стали управлять ею местоблюстители патриаршего престола. И в сознании всех верующих русских людей Православная Русская Церковь по-прежнему осталась патриаршей. Не пошли русские православные люди за обновленцами, григорианами, иосифлянами, автокефалистами и другими самочинными собраниями, которые возглавили властолюбивые епископы и их приспешники, но пошли туда, где правил Православной Церковью местоблюститель престола патриарха Тихона – сначала митрополит Петр, а потом до последних дней блаженнейший митрополит Сергей. Тяжелый крест выпал на долю митрополита Сергия, скорбен был его путь, которым пришлось идти ему – второму местоблюстителю: и епископы не все признавали его, и в народе враги Церкви старались возбудить против него злые слухи. Но он – глубоко убежденный православный канонист – твердо отмежевался от всякой нелояльной в отношении государства работы, на которую толкали его некоторые из собратий-епископов. Он помнил слова Христа: «Воздадите кесарево кесарю, а Божие Богу...». Горько было блаженнейшему Сергию переживать эти испытания, тяжело ему было слышать укоризны со стороны не понимавших характера его деятельности обвинения в пассивности, якобы в бездействии. Но он глубоко верил, что Церковью правит Господь... Наступила Великая Отечественная война со всеми ее ужасами. Блаженнейший Сергей сразу, в первый же день объявления войны, призвал всех верующих русских людей к самоотверженной борьбе с вероломным и жестоким врагом... Красуйся же и радуйся, Православная Русская Церковь! Ты получила мудрого, твердого и любвеобильного архипастыря и отца, усердного и проникновенного молитвенника и великого патриота».

Патриарх Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился в Арзамасе в семье потомственного священника в 1867 г. Род Страгородских издревле принадлежал духовному сословию. При Екатерине II епископ Сильвестр (Страгородский) занимал Крутицкую кафедру. Мать будущего патриарха умерла в молодости, вскоре после рождения сына, и мальчик рос сиротой. Самые ранние воспоминания его связаны с Алексеевским женским монастырем, где его тетка – мать Евгения – была монахиней, а потом игуменией. На восьмом году мальчика отдали в приходское училище, а по окончании его – в Нижегородскую семинарию.

В 1886 г. Иван Страгородский поступил в Петербургскую духовную академию. На последнем курсе академии 30 января 1890 г. принял постриг и вскоре был рукоположен в иеромонаха. Сокурсник патриарха

архиепископ Варфоломей (Городцов) вспоминал: «Действительно яркой звездой... курса был Страгородский Иван Николаевич... Он с первых же дней заявил себя внимательным отношением к так называемым семестровым сочинениям, вдумчиво прочитывал нужные книги, для чего часто посещал Публичную библиотеку, слушал лекции и на экзаменах давал блестящие ответы... Еще на третьем курсе он начал усердно изучать творения святых отцов Церкви и знакомиться с мистической литературой... Под влиянием отеческой и аскетической литературы в сердце Ивана Николаевича стало зреть и крепнуть желание принять монашество, и он еще студентом решил поехать в Валаамский монастырь, чтобы опытно изведать подвижническую жизнь иноков этого строгого по уставу монастыря... Он... очень любил творения Тихона Задонского, Феофана Затворника... В беседах он и меня звал в монашество. «Оставь, – говорил он, – мертвых погребать своих мертвецов»».

Кандидатскую диссертацию «Православное учение о вере и добрых делах» он писал под руководством профессора А. Л. Катанского и в 1890 г. закончил академию первым из 47 кандидатов-магистрантов.

Ректору академии он подал прошение направить его на службу в Японскую православную миссию. В Японии он служил под началом святого равноапостольного Николая. Исключительные лингвистические способности миссионера (он превосходно знал греческий, латинский, еврейский и новые европейские языки) позволили ему за несколько месяцев овладеть японским. С осени 1891 г. он уже преподавал догматическое богословие в семинарии на родном для учащихся языке.

Весной 1893 г. иеромонах Сергей был переведен в Россию и назначен доцентом Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания. В том же году его переместили на должность инспектора Московской духовной академии, а в 1894 г. назначили настоятелем русской посольской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

В 1895 г. архимандрит Сергей защитил магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении». Основная мысль этой замечательной работы – о тождестве добродетели и блаженства, нравственного совершенства и спасения. Развивая православную сотериологию, архимандрит Сергей подвергает критике «юридическую доктрину» с ее понятием заслуги, получающей должное воздаяние в вечной жизни. По мысли автора диссертации, опиравшегося на святоотеческую сотериологию, спасение начинается в земной жизни и состоит в изменении тварной природы, совершаемом Божественной благодатью, действующей в согласии с человеческой волей и приводящей к обожению

тварного бытия. Сотериологические воззрения патриарха Сергия оказали заметное влияние на выдающегося догматиста нашего века В. Н. Лосского.

В 1899 г. архимандрит Сергий был назначен ректором Петербургской духовной семинарии, вскоре после этого переведен в Петербургскую духовную академию инспектором, а в январе 1901 г. назначен ректором.

25 февраля 1901 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялась его хиротония во епископа Ямбургского. Чин хиротонии возглавил митрополит Петербургский Антоний (Вадковский). Редкий случай – на хиротонии присутствовал дедушка посвящаемого. При своем наречении во епископа архимандрит Сергий произнес речь, замечательную по провидческой глубине мысли. «Внешняя обстановка епископского служения – сказал он, – может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже в гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и общественных обычаев... С изменением этих внешних причин может измениться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остается одним и тем же апостольским служением, совершается ли оно в великом Царьграде или в ничтожном Сасиме... Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем «душу свою полагает за овцы», отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать своей жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия своего стада».

В должности ректора епископ Сергий был добрым и справедливым начальником, к студентам относился по-отечески. Всегда ровный, спокойный, он благотворно действовал на воспитанников своей ласковой приветливостью. Ученик Святейшего Патриарха по Петербургской академии, архиепископ Фотий (Тапиро) вспоминал: «Каждый вечер после учения в академической церкви в присутствии преосвященнейшего ректора владыки Сергия прочитывались молитвы на сон грядущий. После этого владыку окружала тесная семья студентов, и он долго и любовно беседовал с ними, назидая, научая, наставляя простыми и понятными словами, предупреждая юношей от увлечений и соблазнов столичного города, убеждая не сходить с церковного пути и беззаветно отдать себя на служение Церкви Православной и родному народу. Студенты ценили эти отеческие беседы своего ректора и платили нелицемерной преданностью и любовью».

Годы ректорства были не только временем административно-педагогической, но и научно-богословской деятельности. В периодической духовной печати появился ряд статей епископа Сергия, главным образом посвященных разбору и критике инославных исповеданий. В последние годы ректорства епископ Сергий был назначен председателем Синодальной комиссии по старокатолическому и антипапскому вопросам. Замечательной страницей в его архипастырской деятельности явилось председательство в «Религиозно-философских собраниях», которые способствовали сближению православного духовенства с религиозно настроенной интеллигенцией. Во время Русско-японской войны и начавшейся в ее разгар революции епископ Сергий говорил встревоженным студентам: «Да, Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может».

6 октября 1905 г. епископ Сергий был назначен на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Обстановка в Финляндии была сложной. Финская интеллигенция стремилась насаждать среди православных карелов финскую культуру и в Православной Церкви видела препятствие для проведения «финизации». Архиепископ Финляндский Сергий вынужден был обратиться к генерал-губернатору Финляндии с просьбой оградить православных карелов от насильственной финизации. Много внимания он уделял развитию приходской жизни и школьному делу в своей епархии.

В 1911 г. архиепископ Сергий был включен в состав Святейшего Синода. Он руководил важными синодальными учреждениями: был председателем Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, председателем Совещания по исправлению церковно-богослужебных книг, в 1912 г. назначен председателем Предсоборного совещания, а в 1913 – председателем Учебного комитета.

После отречения императора Николая II архиепископ Сергий возглавил Синод нового состава и Предсоборный совет. В 1917 г. голосами клириков и мирян он был выбран на Владимирскую кафедру. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. архиепископа Сергия избрали членом Священного Синода, а после интронизации патриарха указом святейшего он был возведен в сан митрополита. В годы Гражданской войны митрополит Сергий подвергался неоднократным арестам.

Жизненный путь патриарха Сергия омрачен эпизодом его присоединения к обновленческому расколу в 1922 г., в чем он уже на следующий год принес слезное покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном.

В конце 1925 г. он возглавил Русскую Церковь в звании заместителя патриаршего местоблюстителя. На этом высоком посту ему, по словам М. Каллаш, «приходилось сталкиваться как с противодействием очень честных людей, так и с темными интригами церковных авантюристов. Если первые не понимали, не способны были вникнуть до конца в смысл мероприятий главы Церкви, то вторые, движимые самыми корыстными побуждениями, заинтересованы были только в одном – использовать до конца во вред патриаршей Церкви, с одной стороны, напряженную атмосферу революционной борьбы, а с другой – возбужденное событиями, сбитое с толку и панически настороженное настроение верующих. В атмосфере этого хаоса пришлось действовать святителю Сергию многие годы. Приходилось бороться с наиболее тягостным явлением – демагогией отдельных представителей клира. И чем «возвышеннее» звучали призывы самых искренних из них, но не способных понять, что они таким путем губят главное – единство и целостность Церкви, тем крепче должна была действовать власть главы Церкви в смысле духовно-дисциплинарных мероприятий, сколь бы ни казались эти мероприятия взволнованным и не понимающим положения дел группам верующих суровыми и несправедливыми».

В 1934 г., по предложению митрополита Алексия, заместитель местоблюстителя определением Патриаршего Синода был удостоен титула «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского».

Тяжкие скорби выпали на долю главы Русской Церкви в страшные 30-е гг., когда православные пастыри подвергались жестоким преследованиям: в 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян келейник митрополита Сергия Афанасий, тогда же погибла и его сестра. Надежда оставалась только на Бога.

Когда до митрополита Сергия дошла весть о начале войны, он, помолившись, сказал находившимся возле него: «Господь милостив, и покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу перенести годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну нашей победой». Проживая в Ульяновске и получая там вести от митрополита Алексия, он говорил: «Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то там какво, находясь в руках у смерти».

Келейник патриарха архимандрит Иоанн (Разумов) (позже митрополит) так вспоминал о его жизни в Ульяновске: «Владыка взял себе за правило вставать в 5 часов утра, вычитывать положенное иноческое правило, посещать все церковные богослужения и ежедневно читать

святую Библию на трех языках. Это занятие святейший называл «библейский урок» ... В 9 часов легкий завтрак, после которого начинался прием посетителей... до обеда; в 3 часа скромный обед, после которого... небольшой отдых; немного отдохнув, святейший внимательно разбирал почту. На письма он отвечал сам, ни одного письма не оставив без ответа. Покончив с корреспонденцией, святейший принимался за газеты. Он всегда был в курсе всех политических событий. Затем приступал к вечернему правилу. Каждый день вычитывал дневные службы по Октоиху и Минеям, если сам лично не служил всенощного бдения в храме. Углубившись в молитву, святейший часто забывал об ужине и, утомленный молитвенным подвигом, спокойно ложился спать, чтобы подкрепить силы. Каждую ночь вставал в 3 часа и вычитывал «12 избранных псалмов» с поклонами. Так строго день за днем проходила светлая жизнь Ангела Русской Церкви».

После своей интронизации на престол московских первосвятителей патриарх Сергей произнес слово, в котором подчеркнул особую важность своего нового служения: «В моем положении по внешности как будто ничего не изменилось с получением патриаршего сана. Фактически я уже в течение 17 лет несу обязанности патриарха. Это так кажется только по внешности, а на самом деле это далеко не так. В звании патриаршего местоблюстителя я чувствовал себя временным и не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я, избран патриарх, он и исправит допущенные ошибки. Теперь же, когда я облечен высоким званием патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божией правде, и вести людей к вечному спасению...».

В самый день избрания патриарх Сергей обратился к пастве с посланием, в котором сосредоточил внимание на нестроениях, омрачавших церковную жизнь: «Теперь же у нас требоисправление сделалось главным делом. Ради него, собственно, и приглашается священник, а это влечет за собой коренную перемену в отношении к служению священника. Ищут часто не духовного отца, а хорошего чтеца или певца. Неудивительно, если таким путем в среду пастырей проходят лица совсем без пастырского призвания. Был же, говорят, в Средней Азии случай, когда уполномоченные прихода пригласили на пасхальную службу человека, не стеснявшегося заявлять, что он ни во что не верует. Едва ли нужно прибавлять, что под прикрытием хорошего чтения или пения в священство проникают и совсем никем не рукоположенные люди или рукоположенные какими-нибудь безблагодатными раскольниками».

После своей интронизации святейший направил известительные грамоты патриархам: Константинопольскому Вениамину, Александрийскому Христофору, Антиохийскому Александру и Иерусалимскому Тимофею. Взаимоотношения с Православными Церквями Востока приобрели более широкий и интенсивный характер.

На повестке дня стояла нормализация отношений с Грузинской Православной Церковью, отделения которой в 1917 г. не признал Поместный Собор. В результате переговоров со священноначалием Грузинской Православной Церкви, которые от лица Московского Патриархата вел архиепископ Антоний (Романовский), 10 ноября 1943 г. было восстановлено молитвенно-каноническое общение между Церквями.

8 октября 1943 г. был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомe СССР. В его компетенцию входило содействие в установлении связей между правительством и Московской Патриархией. Председателем совета стал Г. Г. Карпов. Именно ему, Карпову, Сталин и поручил проводить в жизнь новую политику по отношению к Церкви, которая в литературе получила название «конкордата». Конечно, юридически это был совсем не конкордат, предполагающий равенство сторон и взаимные обязательства. Абсолютное всевластие Сталина и политбюро исключало всякую возможность для Церкви эффективно настаивать на соблюдении своих прав, на выполнении условий договора. По существу, никакого договора не было; был широкий жест «августейшей» милости безбожной власти к гонимой ею Церкви. Нельзя думать, что он проистекал из личного произвола и каприза Сталина. За этим стоял трезвый политический расчет и понимание того, что искоренение религии – цель утопическая и недостижимая. Предпочтение было отдано иному, более трезвому соображению: Г. Г. Карпов и его ведомство по-прежнему должны были наблюдать за умонастроениями в церковной среде, выявлять нелояльные и антисоветские элементы и беспощадно искоренять их. Но Церковь получила теперь, после встречи митрополита Сергия со Сталиным, возможность назначать епископов на вакантные кафедры, открывать новые приходы, возобновлять духовное образование и церковную печать.

Важнейшей заботой патриарха было замещение архиерейских кафедр, большинство из которых вдовствовало. В течение одного года состоялось несколько архиерейских хиротоний.

Так, были посвящены во епископа Пензенского Кирилл (Поспелов), во епископа Дмитровского Иларий (Ильин), во епископа Нежинского Борис (Вик). На кафедры назначались также архиереи, освобожденные из мест

лишения свободы, возвращавшиеся из ссылки. Так, на Астраханскую кафедру в декабре 1943 г. был поставлен вернувшийся на свободу один из старейших по хиротонии иерархов – архиепископ Филипп (Ставицкий), на Ставропольскую – архиепископ Антоний (Романовский).

Сложным делом было устройство канонически нормальной церковной жизни в областях, пострадавших от оккупации, где при немцах образовывались расколы и самочинные отделения. Особая заслуга в налаживании церковной жизни на освобожденных территориях принадлежит новому экзарху Украины – митрополиту Киевскому Иоанну (Соколову), который сменил переведенного из Киева на Крутицкую кафедру митрополита Николая.

Для консолидации церковной жизни необходимо было установление внутрицерковного мира, преодоление расколов и разделений в российской пастве. В октябре 1941 г. Александр Введенский, устранив от возглавления обновленческой церкви «митрополита» Виталия (Введенского), усвоил себе титул «Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха». Самозванный «первоиерарх» вместе с уволенным на покой «митрополитом» Виталием (Введенским) и обновленческой канцелярией были эвакуированы в Ульяновск. Нормализация отношений между Православной Церковью и государственной властью привела к тому, что обновленческие приходы начали стремительно таять. К середине войны полный крах обновленчества стал очевидным.

Обновленческие архиереи, осознавшие это, искали пути к возвращению в Православную Церковь. Лжеепископ Звенигородский Сергей (Ларин) в 1943 г. вступил в конфиденциальные переговоры с киевским митрополитом Николаем об условиях, на которых могут быть воссоединены обновленцы. Сергей готов был пожертвовать Александром (Введенским), чтобы обновленческие священнослужители воссоединились в сущем сане, хотя и с пожизненным запрещением женатых епископов. Когда о переговорах этих стало известно самозванному первоиерарху, он перевел Сергия (Ларина) из Москвы в Ташкент. Переговоры заглохли.

По отношению к кающимся обновленцам патриарх Сергей выбрал не чуждую икономии, но твердую линию. В сущем сане принимались епископы, пресвитеры и диаконы, получившие сан до 1924 г., когда обновленцы были запрещены святым патриархом Тихоном в служении, если они не утратили права на священство вступлением в брак после хиротонии. А лжесвященники и лжеепископы обновленческого поставления принимались мирянами или в том сане, которого удостоились до уклонения в раскол.

5 ноября 1943 г. на заседании Священного Синода было принято покаяние от находившегося на покое обновленческого «архиепископа» Михаила (Постникова). Свое покаяние, подписанное собственноручно, присоединяемый прочитал вслух и вручил патриарху: «Я, обновленческий архиепископ Михаил (Постников), рождения 1878 г., исповедую Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери и всем святым и тебе, святейший владыко, и здесь присутствующим архипастырям мой великий грех уклонения от Единой Святой Православной Церкви в раскол обновленческий... Ни на какие чины, полученные как награды, я не претендую, я только смиренно прошу принять меня в общение со Святой Православной Церковью, причем заявляю, что всякое сношение с обновленчеством я порываю. Прости меня, святейший владыко, и благослови, и вкупе с прочими архиереями помолитесь о мне, грешном». Святейший патриарх прочитал над кающимся разрешительную молитву и возложил на него архиерейскую панагию. Воссоединенный с Православной Церковью епископ Михаил (Постников) был назначен на Архангельскую кафедру.

4 декабря 1944 г. к Православной Церкви был присоединен бывший обновленческий «первоиерарх» Виталий (Введенский), получивший назначение на Тульскую кафедру, которую он занимал в прошлом, до уклонения в раскол. Обновленческого архиепископа Звенигородского Андрея (Расторгуева), по принесении покаяния, воссоединили в сане протоиерея, который он имел до отпадения, и назначили настоятелем московского храма Воскресения в Сокольниках. Обновленческий епископ Сергей (Ларин) был воссоединен простым мирянином, но вскоре после этого получил уже каноническое поставление во епископа.

К 1944 г. в обновленчестве оставалось лишь несколько честолюбцев-пастырей, покинутых своим образумившимся стадом. Не принес покаяния перед Матерью-Церковью Александр Введенский. В письме епископу Александру (Толстопятову), написанном за несколько дней до кончины, 20 апреля 1944 г., патриарх Сергей писал: «А. И. Введенский, по-видимому, собирался совершить нечто грандиозное или, по крайней мере, громкое. Прислал мне приветственную телеграмму: «Друг друга объедем!». Меня называет представителем религиозного большинства в нашем православии, а себя – представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: «Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! П. С.»». А. И. Введенский умер в расколе с Церковью 8 августа 1946 г. от паралича.

С Православной Церковью воссоединяются и немногочисленные священнослужители из григорианского раскола. Григорианский епископ Фотий (Тапиро) принес покаяние еще до избрания патриарха, 12 июля 1943 г., и был поставлен после этого на Краснодарскую кафедру.

14 мая 1944 г. патриарх Сергей совершил в Ризоположенском храме хиротонию во епископа Можайского архимандрита Макария (Даева). Вечером он обсуждал с управляющим делами Патриархии протоиереем Н. Ф. Колчицким вопросы, связанные с предстоящим заседанием Синода. Святейший проснулся 15 мая в 6 часов. Но когда в 6 часов 50 минут его келейник архимандрит Иоанн (Разумов), впоследствии митрополит, вошел в спальню, он застал святейшего бездыханным. Врач определил смерть от кровоизлияния в мозг.

18 мая 1944 г. патриарх Сергей был погребен в Никольском приделе Богоявленского патриаршего собора. На отпевание первосвятителя к собору стеклись многие тысячи православных людей. Храм был заполнен молящимися и оплакивающими почившего патриарха. Народ запрудил все пространство, примыкающее к собору. Чин погребения возглавил митрополит Ленинградский Алексей. Ему сослужили митрополиты Крутицкий Николай, Киевский Иоанн, восемь архиепископов и епископов, и сонм пресвитеров.

В надгробном слове, произнесенном перед отпеванием, митрополит Алексей сказал: «В муках скорби глубокой и тяжелой стоим мы у гроба святейшего отца нашего и патриарха и провожаем дух его «в путь всея земли» ... Церковь Православная скорбит об утрате его! Он весь принадлежит Церкви Божией. С самых юных лет он отдал ей все свои силы, все свои дарования и до конца был верен этому служению... Когда Промысл Божий поставил его во главе православной русской паствы, тогда во всей полноте раскрылись его пастырские дарования, и он подлинно стал отцом и мудрым кормчим для самих пастырей и архипастырей... На короткое время судил ему Господь воспринять высокое звание патриарха Московского и всея Руси, главы Церкви Российской, как бы для того только, чтобы дать ему полноту славы церковной в воздаяние его великих заслуг церковных... Господь сподобил его величайшего дара – тихой, безболезненной, мирной кончины и призвал его в дни, когда Церковь духовно празднует торжество жизни над смертью, когда она воспекает победную песнь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», и мы веруем, что земной подвиг его будет увенчан Господом нетленным венцом блаженства в вечных обителях».

Почитатель патриарха Сергия В. Н. Лосский писал о нем после его кончины: «До конца времен Церковь сохранит память великого святителя наряду с другими именами, которые знает каждый христианин. Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святитель Григорий Богослов мог сказать: «Все было велико в тебе, великий Василий, одно лишь было мало: всего только восемь лет ты был епископом Кесарии». То же можно сказать о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан патриарха Московского и всея Руси. Но как патриарший местоблюститель он почти восемнадцать лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир византийских традиций, восходивших к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно распался до основания, и на его месте возникал новый мир, вне христианства, но не вне Божией воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве – столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви».

«Путь святителя Сергия на протяжении почти двадцатилетнего управления им Русской Церковью был неизмеримо труден, – писала через два года после кончины патриарха М. Каллаш, – но он все трудности преодолел, вынес все испытания. В его личности сочеталось богатство самых разнообразных дарований, обычно взаимно исключающих друг друга, и таких же душевных качеств. Он был и отвлеченный мыслитель-богослов, духом устремленный к вечности Царствия Божия, и большой ученый с широкой и разнообразной эрудицией, с редкостным пониманием поворотных моментов человеческой истории. При пленительной доброте и мягкости души обладал он несокрушимой волей. Он не испытывал растерянности там, где многие и многие видели ужас последнего крушения. И потому оказался он на высоте в труднейшей роли не только руководителя, но и воссоздателя Русской Церкви...».

В день кончины патриарха Сергия было вскрыто его завещание, составленное в начале Великой Отечественной войны. В согласии с волей почившего первосвятителя Священный Синод утвердил патриаршим местоблюстителем митрополита Ленинградского Алексия.

20 мая местоблюститель направил письмо председателю Совнаркома. «Нашу Православную Церковь, – писал он, – постигло тяжелое испытание: скончался патриарх Сергий, восемнадцать лет управлявший Русской Церковью. Вам хорошо известно, с какой мудростью он нес это трудное

послушание; вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм... Сего кончиной Церковь наша осиротела. По завещанию почившего патриарха мне судил Бог принять на себя должность патриаршего местоблюстителя... В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего патриарха: следование канонам и установлениям церковным, с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами правительству нашему – с другой».

Продолжалась Великая Отечественная война, и в своем первом послании к пастве патриарший местоблюститель призвал верующих усилить молитвы о победе: «Мы переживаем время, когда Господь дарует нам утешение видеть близость победы нашего оружия над врагом. Усилим, братие, нашу молитву о небесной помощи нашему воинству; усилим нашу, хотя малую, как капля в море, но, если она дается от искреннего сердца, – действительную помощь на нужды военные». По призыву местоблюстителя в епархиях и приходах Русской Церкви начат был сбор пожертвований в фонд помощи детям и семьям воинов.

После кончины патриарха Сергия внутренняя жизнь Русской Церкви нуждалась в дальнейшем устроении. Первостепенной по важности заботой священноначалия оставалось замещение вдовствующих кафедр, в особенности в освобожденных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики. За время местоблюстительства митрополитом Алексием было совершено 16 архиерейских хиротоний. В 1944 г. во епископа Симферопольского был рукоположен бывший архимандрит Александр-Невской лавры Иоасаф (Журманов), на Брестскую кафедру был назначен воронежский протоиерей Алексей Павлович Образцов с пострижением его в монашество и наречением имени Паисий. На кафедру епископов владимирских был назначен священник Н. С. Фестинатов, в постриге нареченный Онисимом. На Смоленскую кафедру священноначалие поставило вдового протоиерея А. В. Смирнова, постриженного с именем Сергия.

Во всех епархиях продолжали открываться закрытые ранее приходы (с января по ноябрь 1944 г. было открыто более двухсот церквей), рукополагались пресвитеры и диаконы.

6. Поместный Собор 1945 г.

С 21 по 23 ноября 1944 г. в здании Московской Патриархии заседал Архиерейский Собор, главной целью которого была подготовка Поместного Собора. С отчетным докладом выступил патриарший местоблюститель. В этом докладе он сформулировал основные принципы

церковного управления, которыми руководствовался сам во все время своего служения: «Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступим однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти». Митрополит Алексей сделал также доклад о патриотической деятельности Русской Православной Церкви.

Архиепископ Псковский Григорий (Чуков) посвятил свой доклад проекту «Положения об управлении Русской Православной Церкви». С сообщением о состоянии подготовки к открытию духовных школ выступил назначенный ректором Православного богословского института протоиерей Т. Д. Попов. Отчет о деятельности редакции «Журнала Московской Патриархии» сделал ее ответственный секретарь протоиерей А. П. Смирнов. Собор заслушал также доклад управляющего делами Московской Патриархии протоиерея Н. Ф. Колчицкого о порядке избрания и чине наставления патриарха. Архиерейский Собор утвердил программу предстоящего Поместного Собора.

24 ноября состоялась встреча между председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Г. Г. Карповым и членами Архиерейского Собора. Выступая на этой встрече, Карпов сказал: «Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временного характера, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны, и которая получила свое развитие во время войны. Эти мероприятия... носят характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении Советского государства в последнее десятилетие перед войной и в особенности во время войны».

Слова Г. Г. Карпова не были обманом, они выражали основной принцип новой религиозной политики государственной власти, которая продолжалась около пятнадцати лет после войны. Принципиальное изменение этой политики произошло уже при новом государственном руководстве. Восемнадцать лет после кончины патриарха Тихона престол московских первосвятителей оставался вдовствующим. От кончины его преемника патриарха Сергия до созыва нового Поместного избирательного Собора прошло всего восемь месяцев.

Поместный Собор открылся 31 января 1945 г. в храме Воскресения в Сокольниках. В деяниях Собора участвовало 47 епископов, и среди них митрополиты: Алексей, Николай, Иоанн, Вениамин (Федченков) – митрополит Северной Америки и Аляски, 87 клириков, 38 мирян.

Собор 1945 г. далеко превзошел Собор 1917–1918 гг. по авторитетности и числу гостей от братских Православных Церквей. На Собор в Москву пожаловали: патриархи Александрийский Христофор, Антиохийский Александр III, Грузинский Каллистрат, представители Вселенского патриарха – митрополит Фиатирский Герман, Иерусалимского – митрополит Севастийский Афинагор; делегация Сербской Церкви во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом, делегация Румынской Церкви во главе с епископом Аржешским Иосифом.

После торжественного молебна Собор открыл его председатель – патриарший местоблюститель митрополит Алексей. «По величию собрания и по составу собравшихся – сказал он, – это поистине Вселенский Собор, ибо здесь, можно сказать, вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь. Но мы смиренно ограничиваем свои полномочия и будем обсуждать и решать дела лишь своей Русской Православной Церкви».

Главными задачами Собора местоблюститель назвал утверждение «Положения об управлении Русской Православной Церкви» и избрание патриарха. С приветствиями к членам Собора обратились католикос-патриарх Каллистрат, почетные гости из-за рубежа. С докладом о патриотической деятельности Церкви во время Великой Отечественной войны выступил митрополит Алексей. Доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) был посвящен проекту «Положения об управлении Русской Православной Церкви», основные идеи которого сформулировал блаженнопочивший патриарх Сергей. В прениях по докладу выступили епископ Кировоградский Сергей (Ларин), ректор Богословского института профессор протоиерей Т. Д. Попов, профессор Г. П. Георгиевский.

Краткое «Положение», единогласно утвержденное Собором, заменило развернутые определения Собора 1917–1918 гг., касавшиеся отдельных инстанций церковной власти. Новое «Положение» резко подчеркивало иерархический строй церковного управления, возвышая в сравнении с определениями предыдущего Собора полномочия патриарха, епархиальных архиереев и настоятелей приходов. Сроки созыва Поместных и Архиерейских Соборов «Положением» не регламентировались. Созыв Поместного и Архиерейского Соборов предоставлялся патриарху или Синоду под председательством

местоблюстителя. По «Положению» Собора 1945 г., местоблюститель патриаршего престола не избирался, а им становился после кончины патриарха старший по хиротонии постоянный член Синода.

Второе, и последнее, заседание Поместного Собора состоялось 2 февраля. На нем управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Н. Ф. Колчицкий огласил телеграмму от патриарха Константинопольского Вениамина: «Радостно приветствую начало деяний Священного избирательного Собора. Великая Церковь Христова благословляет, желает полного успеха. Да совершит Господь Бог святое дело Собора для блага и славы сестры –Российской Церкви». Протоиерей А. К. Станиславский выступил с приветствием от лица членов предыдущего Поместного Собора.

Важнейшим деянием второго заседания Собора явилось избрание патриарха. Архиереи, облачившись в мантии, один за другим, начиная от младшего по хиротонии, подавали от себя и от лица клириков и мирян своих епархий голос за кандидата на патриарший престол. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей единогласно был избран патриархом Московским и всея Руси. После пения «Тебе Бога хвалим» и возглашения многолетия избраннику старший по хиротонии архиерей, архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий), сказал: «Теперь по древнерусскому православному обычаю прими от нас, дорогой избранник, наш земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Христову Церковь, нести великий и ответственный подвиг свой бодро, мужественно, с верой в воздаяние...».

Поместный Собор обратился с посланием к архипастырям, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви, в котором, наряду с радостными явлениями в церковной жизни, обратил внимание и на омрачающие ее недуги: нарушения богослужебного устава, вступление христиан в гражданский брак без церковного благословения, нехранение постов, причем не только мирянами, но и клириками, пренебрежение освященным традицией говением перед причастием, падение церковной дисциплины.

В обращении к христианам всего мира Поместный Собор призвал к единству в достижении победы над фашизмом. Война еще продолжается, но «исход войны уже решен, и никто и ничто изменить его не может». Всем стало ясно, «чьи молитвы, подобно авелевой жертве, вознеслись ко Господу, и чьи кощунственные призывы стелются по земле, как дым от костра братоубийцы Каина...» «Православная Русская Церковь, Церковь великой страны, принявшей основной удар кровавого фашизма и в схватке

с ним нанесшей ему смертельную рану... обращается к вам, братья христиане, чтобы вместе снами напрягли свои усилия к завершению священной борьбы». В заключении послания говорится: «Поместный Собор шлет благословение трудящимся всего мира и вождям народов, которые пекутся о благосостоянии и улучшении жизни меньших братьев», – в такой форме Собор выразил свою озабоченность социальными проблемами.

Интронизация патриарха состоялась 4 февраля 1945 г. в кафедральном соборе Москвы. Митрополит Киевский Иоанн, вручая патриарху куколь, произнес слово: «Быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время, в период великих мировых событий– это подвиг исключительного значения. На твои рамена возлагается величайшее бремя. Дай Бог, чтобы дух святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал бы тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и во благо нашей дорогой Родины».

Вручая патриарху жезл, митрополит Крутицкий Николай тоже напомнил о преемственности первосвятительского служения: «Русский верующий народ видит на тебе сияние света незабвенного старца патриарха Сергия, благословившего тебя замещать его после кончины до избрания нового патриарха: ведь ты в течение восемнадцати лет разделял с ним бремя высшего управления Церковью, как любящий и любимый им, его старший по хиротонии в ряду других епископов сын. И мы верим, что Святейший Патриарх Сергий и ныне незримо благословляет тебя на твой высокий, ответственный путь служения Церкви».

На Божественной литургии, во время запричастного стиха, было оглашено первое послание патриарха к чадам Русской Церкви: «Что есть патриарх для паствы своей и какое бремя на него возлагается? Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий истину. Задачей его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его – спасти вверенные ему души. Подвиг его – жить во Христе и для мира быть распятым. Долг патриарха – хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему поместную Церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных «страхом спасать», иных, по апостолу, «обличать», «запрещать», «да всяко некие спасутся»».

Архипастырей патриарх призвал быть истинными молитвенниками: «Если архипастыри имеют долг наблюдать за тем, чтобы порученные их

попечению пастыри делали свое пастырское дело не как наемники, не радеющие о стаде, а как истинные пастыри, «готовые душу свою положить за овцы своя», то и пастыри... молитвенным настроением, неленостным исполнением своего долга, исканием «не гнусной корысти» (1Пет. 5:2–3), а спасения своих пасомых должны подавать верующим добрый пример служения Христу и Его Церкви». Обращаясь к мирянам, первосвятитель призвал их словами апостола «поступать достойно звания, в которое вы призваны» (Еф. 4:1). «Вы – утешение наше... если жизнь свою направляете по пути христианскому, если честно и совестливо несете свои обязанности – семейные, общественные, гражданские».

Патриарх Алексей I (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился 27 октября 1877 г. в Москве в благочестивой и просвещенной старинной дворянской семье. Отец первосвятителя Владимир Андреевич служил синодальным чиновником, впоследствии удостоился придворного чина камергера. Родной теткой патриарха была игуменья Леонида (Озерова), настоятельница Новодевичьего монастыря.

В 1888 г., получив хорошее домашнее образование, Сергей Симанский поступил в гимназический класс Лазаревского института восточных языков, а оттуда перешел в Николаевский лицей. Уже в лицее мальчика отличала особая любовь к храму. Святитель вспоминал о своем отрочестве: «Как отраднo было после молитвы приложиться к любимой иконе и получить благословение батюшки! Сколько благодатных, теплых воспоминаний оставалось в душе от таких знаменательных событий, неразрывно связанных с храмом, как говение на первой и на второй неделе Великого поста или на Пасхальной седмице». Огромное влияние на формирование души отрока оказал лицейский законоучитель протоиерей Иоанн Соловьев.

Уже в лицейские годы юноша хотел посвятить жизнь служению Церкви, но, окончив лицей с серебряной медалью, он, по настоянию родителей, в 1896 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил со степенью кандидата права. Военную службу проходил вольноопределяющимся в гренадерском Самогитском полку.

В 1900 г. на Покров Сергей Владимирович Симанский поступил в Московскую духовную академию. В академии будущий патриарх слушал лекции выдающихся ученых В. О. Ключевского, Н. Ф. Каптерева, А. П. Голубцова. Неизгладимое впечатление на духовное развитие аскетически настроенного юноши оказал ректор академии епископ Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит, выдающийся церковный

деятель, в 1917 г. один из трех кандидатов на патриарший престол. Это был человек редкого ума, бесстрашия, воли, талантливый церковный историк и публицист, проповедник с несравненным даром слова. Требовательный, но справедливый ректор оценил способности и благочестивую настроенность студента из дворян и полюбил его.

9 февраля 1902 г. Сергей Владимирович принял постриг от руки ректора с наречением имени святителя Московского Алексия. Вскоре он был рукоположен в иеродиакона, а 21 декабря 1903 г. – в иеромонаха. В 1904 г. иеромонах Алексей закончил духовную академию, получив степень кандидата богословия за курсовое сочинение «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета (Дроздова)».

Началось обычное для ученого богослова-монаха административно-педагогическое служение Церкви. Иеромонах Алексей был назначен инспектором Псковской духовной семинарии, и в Пскове его служение проходило под архипастырским окормлением епископа Арсения, занимавшего тогда Псковскую кафедру.

16 сентября 1906 г. иеромонах Алексей был назначен ректором Тульской семинарии с возведением в сан архимандрита.

Вручая жезл новому архимандриту, епископ Арсений сказал: «Возлюбленный брат, помни, что не избежишь неправды и клеветы человеческой. Будешь исполнять свой долг и поступать по закону – заслужишь нареkania в формализме, придиричivosti. Будешь относиться к людям только с любовью, снисходительно – не избежишь обвинения в том, что не держишь как следует бразды правления. Где же найти утешение? – спросишь ты, испытав на опыте тяготы начальствования. Оно только в молитве и в сознании исполненного долга».

Прибыв в Тулу на Покров Божией Матери, архимандрит Алексей прямо с вокзала направился в семинарскую церковь и совершил литургию. Перед молебном по случаю начала учебного года он обратился к воспитанникам со словами назидания: «Не забывайте молитвы, которая есть дыхание благодатной жизни. К Небесному Учителю возводите взор ума вашего. К Нему простирайте воздыхание сердца, когда приступаете к учению, когда вас постигают скорби...». Ректор семинарии преподавал Новый Завет. В Туле зрел проповеднический, административный и педагогический талант будущего предстоятеля Русской Церкви.

Из Тулы архимандрит Алексей был переведен в Новгород ректором семинарии и настоятелем древнего монастыря преподобного Антония Римлянина. Ректорские труды под руководством его учителя, теперь уже

новгородского архиепископа Арсения, продолжались менее двух лет.

28 апреля 1913 г. в Софийском соборе состоялась хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. Хиротонию возглавил высокий гость России – патриарх Антиохийский Григорий IV. В слове при наречении ставленник сказал: «Служение епископа есть путь страданий и Креста, потому что оно есть последование за пастыреначальником Христом, потому что оно есть продолжение того дела спасения людей, на которое послал Спаситель Своих учеников и апостолов, кровью и смертью запечатлевших свое посланничество... И я восхожу на епископскую кафедру, которую святой Григорий Богослов... назвал «завидною и опасною высотой», исповедуя свое недостойнство, свою немощь, свою духовную нищету... Я благодарю Бога за то, что дает нам редкое, исключительное счастье иметь во главе моих рукоположителей великого представителя древнейшей святой Антиохийской Церкви блаженнейшего патриарха Григория... Твоих усердных молитв, святой Владыко церкви Новгородской, архипастырь и благодетель мой, я с особым дерзновением прошу и молю. Под твое мудрое и надежное руководство всеблагий Промысл поставил меня еще тогда, когда из мира я всей душой устремился на путь святого иночества... и с тех пор вся моя иноческая жизнь связана с тобою... Научи меня твоей любви к пастве, твоей неоскудевающей архипастырской ревности, твоей твердости и мудрости, твоему неотступному стоянию за правду...».

Когда началась Первая мировая война, епископ Алексей воодушевлял свою паству на самопожертвование ради Отчизны. В речи перед войсками, уходившими на фронт, епископ сказал: «Настал час воли Божией, наступила грозная година испытаний для нашего дорогого Отечества. Грозный и лукавый враг дерзновенно поднял меч свой на нас и угрожает нашему священному достоянию... Быть может, Промысл Божий готовит нам великий жребий подавить ту вековую неправду и то беззаконие, которые тяготели над государствами Европы...». Будущий предстоятель Русской Церкви устраивал лазареты, служил в них молебны и панихиды по усопшим. В ту пору архиепископ Арсений подолгу бывал в Петербурге, участвуя в деятельности Священного Синода и Государственного совета, и викарный епископ управлял епархией.

Получив в феврале 1917 г. весть об отречении императора Николая II, епископ Алексей обратился к пастве с воззванием: «Твердо веруя, что за крестом внешних испытаний и внутренних нестроений дорогой Родины нашей наступит светлое воскресение и обновление великой России, православное духовенство города Новгорода призывает всех объединиться

в общей горячей молитве к милосердному Господу, да благословит Он в эти тяжелые минуты созидательную работу нового строя». В тяжкие годы Гражданской войны епископ оставался в своей епархии, большую часть времени самостоятельно управлял ей. В Новгороде на его долю выпали суровые испытания – аресты, суд.

В феврале 1921 г. патриарх Тихон назначил епископа Алексея первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского. А вскоре после этого разразился обновленческий раскол. 29 мая 1922 г., после ареста священномученика митрополита Вениамина, епископ Алексей вступил в управление Петроградской епархией. Желая разрядить ситуацию, управляющий епархией снял отлучение с взбунтовавшихся клириков: протоиереев А. Введенского, А. Боярского и священника Е. Белкова. Обновленческое Высшее церковное управление через протоиерея В. Красницкого, заместителя председателя ВЦУ, в ультимативной форме потребовало от епископа Алексея подчиниться ему. «Предлагаю вам, – писал самозванец, – немедленно вступить в обязанности председателя епархиального управления, без чего не может быть осуществлено вами управление Ленинградской епархией. Ленинградское епархиальное управление должно действовать строго по указанию ВЦУ». Епископ Алексей отказался подчиниться самочинному раскольническому центру и был им уволен на покой. В октябре 1922 г. он подвергся административной высылке в Казахстан в город Каракалинск.

Весной 1926 г., на Благовещенье, епископ Алексей вернулся в Ленинград. Заместитель местоблюстителя митрополит Сергей назначил его управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского, позже Хутынского. Митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) находился тогда в Ташкенте. Раскольники не преуспели в Новгородской епархии; в Новгороде им принадлежал лишь один храм – Знаменский собор.

Митрополит Сергей включил архиепископа Алексея в учрежденный им в 1927 г. Временный Патриарший Синод. Архиепископ Алексей участвовал в составлении знаменитой «Декларации 1927 года».

18 мая 1932 г. архиепископ Алексей вместе с двумя другими членами Синода был возведен в сан митрополита с титулом Старорусского. В конце года в связи с тем, что после кончины митрополита Ташкентского Никандра (Феноменова) проживавший более десяти лет в Ташкенте в ссылке митрополит Арсений был назначен на Ташкентскую кафедру, митрополит Алексей стал титуловаться по имени епархии, которой он управлял уже в течение шести лет, а в 1933 г., после ухода на покой

митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова), митрополит Алексей был переведен на Ленинградскую кафедру.

Ленинград был главным оплотом обновленчества; в этом городе прочную опору имели и иосифляне, не поминавшие за богослужением имени митрополита Сергия. Новому митрополиту пришлось много потрудиться над охранением канонического строя церковной жизни в своей особенно сложной епархии. Все время, свободное от административных попечений, митрополит Алексей посвящал богослужениям в городских церквях. По воспоминаниям современников, он часто служил в маленьких окраинных церквях по священническому чину. Обновленческий лжемитрополит Николай (Платонов), впоследствии ренегат и пропагандист атеизма, часто выступал с наглыми личными нападениями на православного митрополита; но его старания вызвать владыку на спор оставались тщетными. Своим необычайно высоким авторитетом у паствы митрополит Алексей был обязан в значительной мере совершенному отсутствию желания искать популярности, льстить народу, заискивать перед ним.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны митрополит Алексей был вызван в Патриархию в Москву. 10 августа 1941 г. он произнес в Москве слово, проникнутое традиционным для русского духовенства глубоким и подлинным патриотическим чувством: «Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Ему свойственна тоска по Родине, о которой у него постоянная дума, постоянная мечта. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целостность, проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как на долг, на священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, которую он не в силах остановить, которую он должен до конца испытать... Мы веруем, что и теперь великий предстатель за землю Русскую преподобный Сергий простирает свою мощь и свое благословение русским воинам».

Вскоре после этого митрополит Алексей вернулся в свой кафедральный город. Девятьсот блокадных дней провел он со своей паствой, вместе с народом, в осажденном, вымирающем и замерзающем городе. Непрерывные бомбежки и артобстрелы, трупы умерших от голода непогребенных жителей на каждом шагу, но городские церкви были переполнены молящимися людьми. Митрополит Алексей был все время в

храме, одно время он даже жил на колокольне Никольского собора. Служил литургию, молебны, а в будние дни – часто без диакона, сам причащал и читал поминания. Всякий мог тогда прийти к нему со своим горем, и он принимал пасомых и утешал их беседами. В своих проповедях и посланиях к пастве митрополит внушал им надежду на избавление и победу.

В пасхальном послании 1942 г. святитель писал: «Во всех нас заговорил русский, сын одного Отечества, и встали не за себя, не за личные блага, а за Мать-Родину, которой грозит разорение и гибель... А над всем сим – непоколебимая вера, присущая русскому православному человеку, вера в бесконечную милость Божию, сильную превозмочь гордость насилия и даровать победу народу, явившему столь великую крепость духа в годину тяжелой опасности».

4 сентября 1943 г. митрополит Алексей участвовал в беседе трех митрополитов со Сталиным. После кончины патриарха Сергия митрополит Алексей по завещанию первосвятителя и с согласия Священного Синода взял на себя обязанности патриаршего местоблюстителя.

7. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1945–1970 гг.

10 апреля 1945 г. состоялась встреча патриарха Алексея I, которого сопровождали митрополит Николай и протопресвитер Николай Колчицкий, с И. В. Сталиным. На встрече обсуждались вопросы, связанные с патриотической деятельностью Церкви на завершающем этапе Великой Отечественной войны, расширением сети духовно-учебных заведений и церковно-издательской деятельностью.

9 мая, получив первое известие о капитуляции Германии, патриарх Алексей обратился к пастве со словами радости о победе русского оружия: «Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, дня, в который изрек Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, и православная Русь после беспримерных бранных подвигов... ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно взывая к Самому Источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру».

Победа в Великой Отечественной войне, освобождение поработанных народов Балкан от немецкой оккупации открывала возможность для упрочения братских сношений с Сербской, Румынской, Болгарской и Греческой Церквями. Благодаря посредничеству патриарха Алексея I пало средостение, разделявшее Болгарскую Церковь и

Константинопольскую Патриархию. 21 февраля 1945 г. Вселенский патриарх Вениамин вместе с Синодом рассмотрел просьбу новоизбранного главы Болгарской Церкви митрополита Софийского Стефана о снятии отлучения с болгарского клира и народа и признании болгарской автокефалии и уважил эту просьбу. С этих пор возобновилось каноническое общение Болгарской Церкви со Вселенским православием.

В апреле 1945 г. в Болгарию отправилась делегация Русской Церкви во главе с архиепископом Псковским Григорием; визит содействовал укреплению братских уз между единоверными и единокровными славянскими народами.

Одновременно в Югославию была направлена другая церковная делегация во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным). Во время пребывания в Югославии епископа Сергия с патриаршей Церковью воссоединилась большая группа русских священников-эмигрантов, находившихся ранее в юрисдикции зарубежного Синода.

Встреча епископа Сергия с сербскими иерархами проложила путь к передаче Мукачевско-Пряшевской епархии (без Пряшева) Русской Православной Церкви. Это событие состоялось 22 октября 1945 г. Оно было обусловлено как историей Закарпатья, которое в древности входило в состав Киевской Руси, так и тем обстоятельством, что по договору с Чехословакией, освобожденной Советской армией, Карпатская Русь была возвращена нашему государству. На Мукачевскую кафедру был поставлен епископ Уманский Нестор (Сидорук).

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в октябре 1945 г., в Чехословакию для восстановления там православных приходов был командирован архиепископ Орловский Фотий (Тапиро). Начались переговоры между Сербской и Московской Патриархиями о передаче Чешской епархии в юрисдикцию Русской Церкви. В марте 1946 г. Архиерейский Собор Сербской Церкви дал согласие на то, чтобы Московская Патриархия направила в Прагу епископа для возглавления Чешской епархии.

5 апреля 1946 г. в Пряшеве состоялся Собор представителей униатского духовенства и мирян, на котором было решено воссоединиться с Православной Церковью. После этого экзархат Русской Православной Церкви в Чехословакии имел уже четыре епархии. Осенью 1951 г. в Праге состоялся церковный Собор под председательством экзарха митрополита Елевферия, на котором было решено ходатайствовать перед Патриархией о даровании Чехословацкой Церкви автокефалии. Ходатайство было удовлетворено. Первоиерархом новой поместной Церкви стал митрополит

Елевферий (Воронцов).

В июне 1948 г. в Москву прибыла делегация Польской Православной Церкви во главе с архиепископом Белостокским и Бельским Тимофеем (Шретером). Делегация просила патриарха Алексия принять Польскую Церковь в молитвенно-каноническое общение, которое прекратилось четверть века назад из-за самочинного отделения епископов Польши от Матери-Церкви. 22 июня Священный Синод издал акт, по которому Польская Церковь принималась в общение и одновременно ей была дарована автокефалия. Митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), восстановив общение с Московской Патриархией, ушел на покой. Первым главой автокефальной Польской Православной Церкви стал митрополит Макарий (Оксиук).

30 апреля 1957 г. Священный Синод признал автономию Финляндской Православной Церкви – дочери Русской Церкви – и ее принадлежность Константинопольскому Патриархату.

12 мая 1945 г. в Румынию отправилась делегация Русской Церкви во главе с епископом Кишиневским Иеронимом. Эта поездка была особенно необходима потому, что румынский народ вовлечен был в братоубийственную войну против единоверного русского народа.

22 мая 1945 г. впервые за всю историю России патриарх Московский отправился в паломничество на Святую Землю. Среди лиц, сопровождавших святейшего в этой поездке, были митрополит Крутицкий Николай, архиепископ Тульский Виталий, протопресвитер Николай Колчицкий. Православные арабы встречали гостей из Москвы с ликованием. Патриарх Иерусалимский Тимофей, приветствуя гостя, сказал: «Эту счастливую встречу двух патриархов во всечестном храме Воскресения Христова принимаем как дар Божий. Это первый раз, когда российский патриарх приезжает как поклонник Живоносного Гроба Господня. За это мы от всего сердца благодарим Бога». Патриарх Алексей I поклонился святыням Иерусалима и его окрестностей, побывал на Масличной горе в Гефсимании.

Из Палестины русская церковная делегация направилась на Кипр, где состоялась встреча с александрийским патриархом Христофором. В Александрии патриарх Алексей был гостем русской колонии. В день Вознесения Господня состоялось принятие александрийской православной общины в юрисдикцию Московской Патриархии. Во время поездки по Ближнему Востоку патриарх Алексей посетил Бейрут и Дамаск, беседовал с патриархом Антиохийским Александром III, выпускником Киевской духовной академии, верным другом России, прекрасно знавшим русский

язык. Из Сирии патриарх возвратился в Москву, а сопровождавший его митрополит Николай отправился в Англию, где встречался с королем Георгом VI, архиепископом Кентерберийским и с эмигрантской русской общиной.

Важнейшей заботой священноначалия в первые послевоенные годы было окончательное преодоление внутренних расколов. В 1945–1946 гг. последние обновленческие приходы переходят в ведение Патриархии. В Москве позже всех принесли покаяние перед Матерью-Церковью клирики храма Преподобного Пимена Великого.

Под омофор патриарха возвращались и многие из тех, кто отделился от Патриархии после издания знаменитой «Декларации 1927 года». Епископ Афанасий (Сахаров), имевший особенно высокий авторитет среди оставшихся в живых «непоминающих» клириков, узнав об избрании и интронизации патриарха Алексия, вместе со своим духовником иеромонахом Иераксом поздравили святейшего и просили принять их в общение. Своим пасомым епископ Афанасий писал: «Помимо первоиерарха Русской Церкви никто из нас – ни миряне, ни священники, ни епископы – не может быть в общении со Вселенской Церковью. Не признающие своего первоиерарха остаются вне Церкви, от чего да избавит нас Господь».

В послевоенные годы из прежних «непоминающих» в отделении от Церкви осталось несколько малочисленных подпольных общин, называвших себя «истинно православными христианами», главным образом в Воронежской и Тамбовской епархиях, на Северном Кавказе и в Казахстане.

Еще в марте 1945 г. была преодолена эстонская схизма. Во время немецкой оккупации митрополит Эстонский Александр (Паулус) нарушил клятву верности Московской Патриархии, данную 30 марта 1941 г., и самочинно отделился от Матери-Церкви. Для упряднения раскола в Таллин был направлен архиепископ Псковский Григорий (Чуков). 6 марта в Никольском храме Таллина состоялось воссоединение с Русской Православной Церковью Эстонской Церкви, вошедшей в нее на правах епархии. Ее возглавил архиепископ Павел (Дмитровский). Из богослужебной практики Эстонской епархии устранены были новшества, заимствованные у протестантов: пение гимнов, органная музыка.

Важнейшим событием церковной жизни 1946 г. явился Львовский Собор. Во время Великой Отечественной войны часть униатского духовенства скомпрометировала себя сотрудничеством с оккупационным режимом. Греко-католическая иерархия была связана с сепаратистским

оуновским движением (ОУН – Организация украинских националистов), которое возглавил Степан Бендера. В результате многие священнослужители-униаты, в том числе и все епископы, подверглись репрессиям.

Назначенный после смерти главы Греко-Католической Церкви Андрея (Шептицкого) в ноябре 1944 г. митрополит Иосиф Слипый был арестован в апреле 1945 г. вместе с епископами униатской Церкви, не эмигрировавшими на Запад. Часть униатского духовенства была репрессирована за действительную связь с сепаратистским оуновским движением, многие пострадали невинно.

В этой ситуации 28 мая 1945 г. во Львове образовалась Центральная инициативная группа по воссоединению Греко-Католической Церкви с Православной Церковью. Ее возглавил настоятель львовского Преображенского собора протоиерей Гавриил Костельник, а первыми членами группы стали священники Михаил Мельник и Антоний Пельвецкий. Не может быть сомнений в искренности религиозных мотивов, побудивших отца Гавриила Костельника взять на себя инициативу воссоединения униатов с Православной Церковью. Свою приверженность праотеческой вере Западной Руси – православию он доказал своей прежней деятельностью. Гавриил Костельник родился в 1886 г. Происходил он из бачванских (югославских) русин. Образование получил на богословском факультете Загребского университета, во Львовской духовной академии и на философском факультете во Фрайбурге, где его удостоили докторской степени. В сан пресвитера он был рукоположен в 1913 г. и священствовал во Львове до 1930 г., на протяжении всего этого времени состоял профессором Львовской Богословской академии. Изучение творений святых отцов убедило его в том, что православие хранит в неповрежденной чистоте веру Древней Церкви. В 1930 г. за свои богословские воззрения Гавриил Костельник был лишен профессорской кафедры, ему запретили публиковать работы, посвященные критике католической доктрины, но в 30-х гг. он написал большую часть своих богословских трудов. У отца Гавриила сложилось твердое убеждение в несостоятельности и беспочвенности унии.

В послевоенные годы в трех униатских епархиях Галиции с их 102 деканатами (благочиниями) служили 1270 священников, и менее чем за год существования инициативной группы к ней присоединились 997 священников. Конечно, не все делали это искренно, по убеждению. Некоторые вошли в состав инициативной группы, не видя иного выхода для униатов Галиции в обстановке, когда епископы арестованы и

обвинены в государственной измене, над всей Церковью висит не лишенное оснований обвинение в пособничестве немецким оккупантам и связях с бендеровской УПА, когда арестам, часто необоснованным, подвергались не только священники, но и миряне. Несомненно, что у высшего руководства Советского Союза уже существовал твердый план ликвидации униатской Церкви на территории Галиции. Но сочувствующие православию униатские священники, возглавившие движение за возвращение униатов в лоно Матери-Церкви, действовали исходя из собственных религиозных убеждений. В ответе на обращение инициативной группы, датированном 28 мая 1945 г., уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при СНКУССР П. С. Ходченко поддержал ее начинание.

Московская Патриархия, естественно, с сочувствием отнеслась к почину протоиерея Гавриила Костельника и его единомышленников. 23 февраля 1946 г. в Киеве митрополитом Киевским и Галицким Иоанном были воссоединены с Православной Церковью протоиерей Гавриил Костельник, священники Михаил Мельник, Антоний Пельвецкий и еще десять униатских священнослужителей. За этим последовал постриг отцов Михаила Мельника и Антония Пельвецкого, а 24 февраля митрополит Иоанн возглавил хиротонию иеромонаха Антония во епископа Станиславского и Коломыйского; на следующий день иеромонах Михаил был хиротонисан во епископа Дрогобычского и Самборского.

8 марта во Львове открылся Собор греко-униатских священников и мирян. Заседания его проходили в митрополичьем кафедральном соборе Святого Юра и продолжались два дня. Председательствовал протоиерей Гавриил Костельник. Участниками Собора были также епископы Станиславский Антоний, Дрогобычский Михаил и те священнослужители, которые воссоединились с Православной Церковью; в деяниях участвовали 204 священника и почетные гости: митрополит Киевский Иоанн, епископ Львовский и Тернопольский Макарий, епископ Мукачевский и Ужгородский Нестор, управляющий делами Киевского экзархата протоиерей Константин Ружицкий.

Брестская уния в докладе протоиерея Гавриила Костельника, прочитанном на Соборе, была представлена как большая беда в религиозной и национальной судьбе Западной Руси. «К Киевской Руси – туда, откуда и воссияла святая вера для всех славянских народов – украинского, белорусского и русского, к святому Киеву – этому православному Иерусалиму, нам нужно обратить свои очи, свои сердца... Из Киева, где и сейчас нерушимо покоятся носители прадедовской

православной веры, мы должны начать свой великий путь возвращения к нашей общей Матери – Православной Церкви», – взволнованно призывал он собравшихся. Далее на заседаниях выступили епископ Антоний (Пельвецкий), священники Миронович, Лопотинский, Венцецкий, Иванов, Закаляк (впоследствии епископ Григорий), Гривнак, Лысюк. По предложению отца Гавриила Костельника уже в первый день приняли принципиальные положения, которые легли в основу решений Собора об отмене решений Брестского Собора 1596 г., о ликвидации унии и возвращении в Русскую Православную Церковь.

На следующий день в соборе Святого Юра двенадцать священников, уже воссоединенных с Православной Церковью в Киеве и приглашенных из православной церкви Львова, приняли исповедь у участников Собора – униатов. Потом епископы Львовский Макарий, Мукачевский Нестор, Станиславский Антоний и Дрогобычский Михаил приняли отречение от римо-католических заблуждений у 204 священников греко-униатов, участвовавших в Соборе, и после чтения разрешительной молитвы воссоединенные с Православной Церковью участвовали в совершении Божественной литургии.

Среди принятых документов особенно важным было обращение к духовенству и верующим Греко-Католической Церкви. Оттого, как оно будет воспринято народом, зависел реальный успех Львовского Собора. Надо было убедить народ Галиции, что уния создана внешними силами по отношению к православным Западной Руси, насильственно навязана польскими властями и Ватиканом, что она разорвала религиозное единство Украины и всей Руси и может существовать только в государстве, где господствует католический элемент, но не в православном мире, где нет для нее места. «Освободитесь и от римского угнетения духа, и от тех остатков полонизма, которые еще у вас остались! Не тратьте своих сил и сил народа для реализации ошибочных идей! Если Православная Церковь не является правдивой, то в таком случае ни одна христианская Церковь не может быть правдивой, так как Православная Церковь – первичная Церковь христианского Востока и Запада, из нее образовались все другие Церкви».

5 апреля 1946 г. делегацию участников Львовского Собора во главе с протоиереем Гавриилом Костельником принимал в Москве патриарх Алексий I, через день они сослужили ему за Божественной литургией в кафедральном патриаршем соборе. Затем протоиерей Гавриил Костельник был награжден высшей для священника из белого духовенства наградой – саном протопресвитера.

Когда большинство униатов после Львовского Собора воссоединилось с Православной Церковью, местные власти сняли с регистрации тех священников, которые отказались подчиниться его решениям. Греко-Католическая Церковь прекратила легальное существование в Галиции. Репрессивные меры советской власти против остатков униатского духовенства ошибочно казались галичанам инспирированными Православной Церковью, которой приписывали ответственность за политику советского правительства, за действия НКВД. Сама подвергшаяся несравненно более страшным ударам в 20–30-х гг., Русская Православная Церковь ни о какой помощи со стороны НКВД в святом деле воссоединения униатов с Матерью-Церковью не ходатайствовала. То обстоятельство, что это воссоединение соответствовало видам государственной политики, не могло, да и не должно было удерживать Православную Церковь принять с распростертыми объятиями возвращавшихся в отчий дом.

Из 3431 униатского прихода, существовавшего в 1946 г., в 1959 г. зарегистрировано было в Совете по делам Русской Православной Церкви 3222 в качестве православных. 67 униатских приходов действовало без регистрации, 98 униатских церквей было закрыто и 18 униатских общин сохранилось на нелегальном положении. Репрессии в Галиции осуществлял тогда не только НКВД. Многие из мирян и священников, присоединившихся к Православной Церкви, пали жертвой террористических актов со стороны бендеровцев из УПА. Мечь врагов православия настигла и главного деятеля воссоединения. 20 сентября 1948 г. на паперти Преображенского собора во Львове сразу после совершения Божественной литургии был убит протопресвитер Гавриил Костельник, своей кровью запечатлевший верность Вселенскому православию. Его убийца Василий Панькив тут же покончил с собой.

Через три года после Львовского Собора, в 1949 г., состоялся Собор униатского духовенства в Ужгороде, в результате которого с Православной Церковью воссоединились униаты Закарпатья. Воссоединенная епархия слилась с расположенной на той же территории православной Мукачевской епархией. Так уния прекратила свое легальное существование в пределах СССР.

Одни из бывших греко-католиков Галиции и Закарпатья с искренним убеждением воссоединились с единокровными братьями в лоне Православной Церкви, к которой искони принадлежали их предки, другие же присоединились не по убеждению, а по обстоятельствам времени, ввиду запрета на легальное существование униатской Церкви, или не

придавая особой важности вероисповедным различиям между православием и католицизмом, либо по соображениям оппортунистического характера. Горстка униатов осталась вне Православной Церкви.

Большая заслуга в деле созидания вероисповедного единства украинского народа принадлежит митрополиту Киевскому и Галицкому Иоанну. Его мирское имя– Иван Александрович Соколов. Он родился в семье диакона в 1877 г., богословское образование получил в Перервинском духовном училище и в Московской семинарии. По окончании семинарии учительствовал в начальной школе при Угрешском монастыре. В 1901 г. принял священство. В 1912 г. священник Иоанн Соколов заочно закончил Институт археологии, защитив диссертацию на тему «Об особенностях богослужбных чинов Русской Церкви до 17 в. по крюковым и нотным книгам». Овдовев в 1915 г., отец Иоанн продолжал священствовать в Москве в трудные годы мировой и гражданской войн и послевоенной разрухи.

В 1928 г. он принял постриг и тогда же был хиротонисан в викарного епископа Московской епархии; впоследствии занимал Брянскую, Вологодскую и Архангельскую кафедры. Но в 1939 г. был вынужден оставить архиерейское служение. В начале войны преосвященный Иоанн оказался в Ульяновске, возле патриаршего местоблюстителя. Там он вступил в управление Ульяновской епархией, в 1942 г. был переведен в Ярославль, а в 1944 г., после назначения митрополита Николая на Крутицкую кафедру, был возведен в сан митрополита Киевского и назначен экзархом Украины.

Ему предстояло много потрудиться над умиротворением верующего украинского народа и устройением церковной жизни на Украине, расстроенной раскольническими действиями епископа Поликарпа и других самочинников. Митрополит Иоанн взял на себя тяжелую ношу по очищению украинского клира от самозванцев, получивших незаконное посвящение от запрещенных епископов. И наконец, под его общим руководством осуществлялось воссоединение греко-униатов в Галиции и Закарпатье. В течение двадцати лет, до 1964 г., митрополит Иоанн подвизался на старейшей русской епископской кафедре. Несмотря на преклонный возраст и крайнюю занятость административными трудами, он часто служил в соборах и монастырских церквях, за богослужениями проповедовал. Митрополит Иоанн скончался на покое в Киеве 29 марта 1968 г., переступив за девяностолетний рубеж своей многотрудной и многоплодной жизни.

В послевоенные годы Русская Православная Церковь, преодолевая внутренние расколы и отделения, приобрела небывало высокий авторитет в православном мире.

В июле 1948 г. в связи с празднованием 500-летия автокефалии в Москве состоялось Совецание глав и представителей поместных Православных Церквей. В совещании участвовали патриархи Московский Алексей I, Грузинский Каллистрат, Сербский Гавриил, Румынский Юстиниан, экзарх Болгарии митрополит Стефан, представитель антиохийского патриарха митрополит Александр, епископ Корчинский Паисий от Албанской Церкви и архиепископ Белостокский Тимофей от Польской Церкви.

Юбилейный доклад, посвященный 500-летию автокефалии Русской Церкви, сделал доцент Московской духовной академии Н. И. Муравьев. Среди докладов, вызвавших особый интерес у участников совещания, были «Ватикан и Православная Церковь» протопресвитера Гавриила Костельника, «Ватикан и Православная Церковь в Болгарии» митрополита Пловдивского Кирилла, «Об англиканской иерархии» митрополита Сливенского Никодима, «К решению вопроса об англиканской иерархии» профессора В. С. Вертоградова, «О церковном календаре» профессора А. И. Георгиевского, доклад об экуменическом движении протоиерея Г. Разумовского.

Совещание 1948 г. вынесло резолюции по вопросам о взаимоотношениях с Ватиканом, с экуменическим движением, об англиканской иерархии и церковном календаре. Участники совещания осудили Римскую курию за ее упорное стремление к насаждению унии; главы и представители Православных Церквей не сочли благовременным для Православных Церквей участие во Всемирном совете Церквей, в котором решительно преобладали протестантские течения. В резолюции по этому вопросу сказано: «Снижение требований к условию единения до одного лишь признания Иисуса Христа нашим Господом умаляет христианское вероучение до той лишь веры, которая, по слову апостола, доступна «бесам»». Совещание подтвердило необходимость для Православных Церквей, живущих по двум календарям, совершать праздник святой Пасхи одновременно, по Александрийской пасхалии. Что касается вопроса об англиканском священстве, вызвавшем разногласие, совещание постановило, что вопрос о признании его действительности обусловлен достижением вероисповедного единства Англиканской Церкви с православием. В своих решениях московское совещание проявило неукоснительную верность православному Преданию, здоровый

традиционализм и трезвость в оценке западной церковной жизни.

Неучастие в совещании прибывших на юбилейные торжества представителей Константинопольского Патриархата и грекоязычных Церквей явилось следствием трудностей, вновь, как и в 20-х гг., нараставших в отношениях между Московской и Константинопольской Патриархиями. На этот раз камнем преткновения явились претензии Константинополя на юрисдикцию над диаспорой, представители которой также присутствовали на торжествах. Впрочем, в качестве официальной причины было объявлено мнимое нарушение порядка созыва общеправославных встреч. Вселенский патриарх Максим заявил, что предстоятель Русской Церкви должен был вначале сообщить о своей инициативе ему, как первому епископу Православной Церкви, а он мог бы оповестить об этом глав других поместных Церквей и в случае их согласия разослал бы официальные приглашения.

Сразу же после Великой Отечественной войны Русская Церковь включилась в миротворческое движение. В обстановке начавшейся в 1947 г. холодной войны миротворческие призывы патриарха Алексия и священноначалия Русской Церкви расценивались многими на Западе как политические акции. Но миллионы христиан во всем мире с доверием относились к пастырской озабоченности судьбой человеческого рода, которой были продиктованы миротворческие выступления иерархов Русской Церкви.

Самым деятельным участником миротворческого движения из российских иерархов в послевоенные годы был ближайший помощник патриарха митрополит Крутицкий Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич). Он родился в семье священника в 1891 г. в городе Ковно. Окончив с золотой медалью Ковенскую гимназию, юноша, по совету родителей, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, хотя душа его лежала к священству. Проучившись в университете один год, он перешел в Петербургскую духовную академию. В студенческие годы он много проповедовал в окраинных церквях столицы, куда приходил молиться простой рабочий люд. Каникулярное время проводил на Валааме. В 1914 г. Борис Дорофеевич Ярушевич закончил академию со степенью кандидата и принял монашеский постриг. Проходя преподавательское послушание в Петербургской семинарии, он к 1917 г. подготовил магистерскую диссертацию «Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича». Это исследование было удостоено Макариевской премии. В предреволюционные годы святитель опубликовал ряд церковно-

исторических, патристических и историко-канонических работ, которые создали ему авторитет одного из самых обещающих деятелей русской церковной науки. В 1919 г. архимандрит Николай был назначен наместником Александро-Невской лавры, а три года спустя хиротонисан в сан епископа Петергофского.

В 20-е гг. епископ Николай самоотверженно боролся с обновленческим расколом, который свил гнездо в Петрограде. С 1922 по 1924 г. находился в ссылке в Усть-Сысольске, где сблизился со священномучеником митрополитом Кириллом. Петроградские приходы явились опорой и для сторонников митрополита Иосифа, отделившегося в 1927 г. от заместителя местоблюстителя. Вместе с правящим архиереем епархии митрополитом Серафимом (Чичаговым), архиепископом Алексием (будущим патриархом), епископом Мануилом епископ Петергофский Николай поддержал митрополита Сергия в его борьбе за церковное единство. Удостоенный в 1935 г. сана архиепископа, он управлял Новгородской и Псковской епархиями. После воссоединения с нашей страной западных областей Украины и Белоруссии архиепископ Николай был назначен туда экзархом.

Поставленный в начале войны на Киевскую кафедру, митрополит Николай, оставшись в Москве, одновременно замещал главу Русской Церкви по управлению Московской епархией. Постоянные поездки для богослужения и проповедей в прифронтовую полосу, организация сбора средств на нужды фронта, обследование разрушенных храмов на освобожденных территориях, участие в деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний снискали ему всенародную популярность.

В послевоенные годы митрополит Николай посетил страны Европы и Ближнего Востока. Русские люди в зарубежье принимали его с редкой теплотой и сердечностью, как посланца утраченной родины. Один из церковных деятелей эмиграции, мирянин, так писал о неизгладимом впечатлении, которое оставила в нем беседа с архипастырем из Москвы, состоявшаяся в Лондоне: «Особенно его светло-голубые глаза, глубоко проникавшие в душу собеседника, поразили нас. В нем чувствовалось огромное внутреннее напряжение человека, взявшего на себя трудный подвиг и несущего его, не сгибаясь под его непомерной тяжестью...». Благодаря его встрече с русскими эмигрантскими общинами, многие священнослужители и миряне, отделившиеся от Матери-Церкви, вернулись под омофор московского патриарха.

Когда 4 апреля 1946 г. был образован Отдел внешних церковных

сношений, его первым председателем стал митрополит Николай. Митрополит Николай также редактировал «Журнал Московской Патриархии», писал статьи для него, произносил проповеди, в которых умел найти путь к сердцам и богословски просвещенных слушателей, и светски образованных, и благочестивых простых людей.

В послевоенные годы были открыты тысячи новых приходов во всех епархиях, в особенности в Белоруссии и на Украине. В 1946 г. Русская Православная Церковь имела 10 544, а в 1949 г. уже 14 477 приходов. Церкви были переполнены тогда молящимся народом, особенно женщинами, потерявшими близких – мужей, сыновей, кормильцев, – исстрадавшимися от непомерно тяжелой жизни, от многолетних духовных лишений. В Церкви эти страдальцы искали и находили утешение. Великой радостью для православного народа явилось возобновление богослужений в Троице-Сергиевой лавре. 21 апреля 1946 г. благовест лаврских колоколов возвестил о возрождении древней святыни Руси, ненова тысячи богомольцев во всей страны потянулись к цельбоносным мощам преподобного Сергия. Возрождались духовные школы. Открылись Московская и Ленинградская духовные академии и 8 семинарий. Ежегодно совершались сотни священнических рукоположений.

Важнейшей задачей патриарха и Синода было замещение архиерейских кафедр. В послевоенные годы состоялись десятки архиерейских хиротоний. Так, в 1945 г. во епископа Воронежского был посвящен Иосиф (Орехов), впоследствии митрополит. В 1946 г. во епископа Ташкентского был хиротонисан ученик и почитатель патриарха Сергия Гурий (Егоров), позже занимавший Ленинградскую кафедру. В 1950 г. на Таллинскую кафедру был посвящен Роман (Танг). В 1953 г. на Ташкентскую кафедру хиротонисали Ермогена (Голубева), на Костромскую – Иоанна (Разумова), бывшего келейника патриарха Сергия; Михаила (Чуба) – во епископа Лужского.

Великая Отечественная война вызвала глубокие перемены в умонастроении русской эмиграции: большая ее часть в победе нашей страны увидела победу русского оружия; массовое открытие церквей внушало надежду на то, что Россия становится на органичный для нее путь исторического развития, становится самой собой. Патриотизм и ностальгия побудили многих эмигрантов вернуться на родину; среди репатриантов были и священники, и архиереи. В 1947 г. из Соединенных Штатов вернулся митрополит Вениамин (Федченков), назначенный сразу на Рижскую кафедру; из Америки вернулись также епископы Феодор (Текучев), Антоний (Васильев) и Алексей (Пантелеев); из Европы–

митрополит Серафим (Лукьянов), архиепископ Иоанн (Лавриненко); из Китая – митрополит Нестор (Анисимов), архиепископ Виктор (Святин), архиепископ Димитрий (Вознесенский), епископ Ювеналий (Килин), епископ Никандр (Викторов).

1948 г. принес с собой перемены к худшему в положении Православной Церкви в Советском государстве. Впрочем, первые признаки осложнения ситуации появились годом раньше в виде ужесточения антицерковной пропаганды, которая во время войны и в первые послевоенные годы несколько поутихла. В 1947 г. «Комсомольская правда» напомнила о том, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога. Конечно, это подразумевалось и раньше, но в течение нескольких лет об этом не вспоминали официально. Правда, большая часть атеистических брошюр была направлена против Ватикана,

не столько даже против учения католицизма, сколько против его политики. Но выходили и другие пропагандистские материалы. Так, в 1951 г. были напечатаны брошюры «Религиозные суеверия и их вред», «Реакционная сущность религиозных идеологий». В последней брошюре общий вывод относительно идеологической сущности религии остается крайне мрачным и выглядит как приговор, обжалованию не подлежащий: «Изменение отношения духовенства к Советскому государству не может изменить реакционного существа религиозной идеологии».

Гораздо более серьезным и чувствительным ударом по Церкви, чем умножение числа изданий и тиражей атеистической макулатуры, явилась волна арестов духовных лиц, которая прокатилась в 1948 г. 4 сентября арестовали в четвертый раз архиепископа Оренбургского Мануила (Лемешевского). 16 апреля 1949 г. он был приговорен к десяти годам лишения свободы и этапирован в Мордовию. Местом его заключения стал лагерь в поселке Явас близ города Потьма. В том же лагере отбывал свой десятилетний срок и другой архипастырь – митрополит Нестор (Анисимов), арестованный в июле 1948 г. в аэропорту Харбина перед самым вылетом в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. Он жил тогда в Китае и исполнял обязанности патриаршего экзарха в Восточной Азии. Поселок Явас находится вблизи Саровской пустыни и Дивеевского монастыря. В лагере митрополита Нестора особенно удручала нескончаемая ругань конвоя и заключенных. Однажды, когда заключенные оказались на работах в Дивееве, один из союзников архипастыря узнал домик дивеевской Паши. Это было в 1951 г., и митрополит Нестор сразу вспомнил странный прием у юродивой старицы ровно сорок лет назад. Когда он вошел в ее келию, то с удивлением

услышал отборную нецензурную брань. Лежавшая на койке старица, обращаясь к молодому архимандриту, сказала: «Вот, батюшка, через сорок лет ты здесь, в этих местах, другого слова не услышишь».

В 1948 г. арестовали инспектора Московской духовной академии Вениамина (Милова), и для него это был далеко не первый арест. Архимандрит Вениамин, по отзывам знавших его, необычайно требовательный к себе монах-аскет, выпускник дореволюционной академии, в год своего ареста защитил магистерскую диссертацию по теме «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви». В Московской академии арестован был еще один преподаватель по фамилии Сретенский. Аресты коснулись и студентов. Жертвой репрессий оказался студент второго курса Дмитрий Дудко, обвиненный в том, что он, находясь на оккупированной территории, напечатал религиозные стихи в выходившей тогда на русском языке газете, издание которой контролировалось немецкими властями. Аресты продолжались и после 1948 г. В Московской семинарии одной из жертв репрессий стал Петр Бахтин, позже протоиерей, во время Великой Отечественной войны боевой офицер, награжденный орденом Красного Знамени. Вовлеченный в партию, он оставил ее после войны, для того чтобы поступить в семинарию. Петр Бахтин осужден был за критические высказывания о Советском государстве. Его приговорили к смертной казни, заменив расстрел двадцатью пятью годами тюремного заключения. Был арестован и осужден известный московский протоиерей Николай Никольский, несмотря на то что еще с дореволюционных лет его хорошо знал и ценил патриарх Алексий I.

В 1951 г. арестовали священника московского храма Рождества Христова Иоанна Крестьянкина. Пастырь безукоризненно чистой, святой жизни, необыкновенно добрый и мудрый, он уже тогда был одним из самых почитаемых священников в городе. Это и послужило причиной ареста, хотя официально его обвиняли в том, что на отпуске святого Александра Невского он назвал благоверным князем, что квалифицировалось как «монархическая пропаганда». Отец Иоанн был осужден на пять лет лишения свободы. Местом его заключения стала Гаврилова Поляна близ Куйбышева. Солагерники полюбили его и тянулись к нему, для многих из них он стал тайным духовником.

Священнослужители подвергались репрессиям во все периоды существования советской власти. Рубеж 40-х и 50-х гг. оказался в этом отношении более тяжелым, чем первые послевоенные годы, и все-таки этот новый удар по Церкви несоизмерим был с тем, что она пережила в два

первых десятилетия революционного разгрома. За арестами 40-х гг. не стояло умысла об искоренении Церкви, в отличие от 20–30-х гг. Частичный пересмотр политики Советского государства по отношению к Церкви сказался в первую очередь на количестве открытых приходов. За четыре года, с 1 января 1949 по 1 января 1953 г., Церковь потеряла 1055 храмов.

5 марта 1953 г. умер И. В. Сталин. Закончилась целая эпоха в истории России – эпоха революционной смуты, тотального террора, распада и восстановления великой державы в огне Второй мировой войны. Это была эпоха самых свирепых гонений против Православной Церкви со времен императора Диоклетиана. Начиналось время стабилизации коммунистического режима, а потом и распада Советского Союза, созданного Сталиным. Его смерть вызвала шок у рядовых коммунистов и миллионов советских граждан; для миллионов других, томившихся в концентрационных лагерях, сосланных в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан, раскулаченных пограбленных, близких родственников расстрелянных и повешенных, эта смерть стала праздником.

Смерть И. В. Сталина вызвала глубокие перемены в жизни Советской страны, которые были названы оттепелью. Эти перемены не обошли стороной и Русскую Православную Церковь. Из лагерей, в которых томились миллионы узников, начали выпускать невинно осужденных, вначале по амнистии, потом большинство осужденных – по реабилитации. В слове, сказанном в московском храме Святого Илии Пророка в праздник Иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в 1956 г., митрополит Николай прикровенно коснулся волновавшей тогда людей радостной темы возвращения из лагерей людей, уже оплаканных близкими наравне с покойниками. «Нечаянная радость – это неожиданная радость – сказал святитель. – Пропал без вести человек, годы о нем не слышал никто, близкие считают его погибшим – и вдруг он дает о себе весть или является сам. Опять милость Божия! Нечаянная радость!».

Были освобождены и священнослужители – те, кто оставался в узах с еще довоенных времен, и те, кто был арестован после войны – либо за то, что во время войны, находясь на занятой врагом территории, совершал богослужения по разрешению оккупационных властей, либо как «повторник», либо по клеветническим доносам. Среди выпущенных на волю священнослужителей были и архиереи: митрополит Мануил (Лемешевский), камчатский миссионер митрополит Нестор (Анисимов), епископ Вениамин (Новицкий), проведенный в заключении десять послевоенных лет; епископ Афанасий (Сахаров), который, по его

собственным словам, в общей сложности провел «в узах и горьких работах» 254 месяца.

5 ноября 1955 г. Русская Православная Церковь понесла тяжелую утрату: в возрасте 85 лет в Москве, в здании Патриархии, после поездки в Румынию, где он участвовал в торжествах канонизации новопрославленных святых Румынской Церкви, скоропостижно скончался постоянный член Синода митрополит Ленинградский Григорий. Митрополит Григорий (в миру Николай Кириллович Чуков) родился 1 февраля 1870 г. в Олонецкой губернии. Его прадед и дед были сказителями былин. Отец, поморский крестьянин, стал состоятельным человеком, содержал в Петрозаводске гостиницу и имел средства, чтобы платить за обучение сына в гимназии. В 1882 г. юный гимназист стал прислуживать в алтаре петрозаводского собора епископу Олонецкому Павлу. Высокий духовный настрой, молитвенность архипастыря произвели столь сильное впечатление на мальчика, что он решил встать на стезю церковного служения и перешел из гимназии в духовную семинарию. Окончив ее, Николай Чуков был назначен надзирателем Петрозаводского духовного училища. Уже в те годы юный педагог обнаружил особый интерес к вопросам воспитания. Он жадно читал не только богословские, но и педагогические статьи и книги. В 1891 г. Николай Чуков поступил в Петербургскую духовную академию и через четыре года окончил ее кандидатом богословия, написав курсовое сочинение по экзегетике Ветхого Завета.

По окончании академии он был назначен наблюдателем церковных школ Олонецкой епархии и вскоре, в 1897 г., принял сан священника. Благодаря его неустанным трудам церковно-приходские школы Олонецкой епархии были приведены в весьма благополучное состояние. В 1911–1918 гг. протоиерей Николай Чуков исполнял обязанности ректора Олонецкой семинарии. Во время Первой мировой войны протоиерей Николай Чуков возглавил важное дело по устройству лазаретов на территории Олонецкой губернии, часто совершая там богослужения, духовно окормляя раненых воинов.

В 1918 г. отец Николай Чуков был переведен из Петрозаводска в Петроград настоятелем университетской церкви, после ее закрытия он был назначен настоятелем кафедрального Казанского собора. Исключительно опытный педагог и администратор, в 1920 г. он стал ректором Православного богословского института, а через два года был арестован, судим вместе с митрополитом Петербургским Вениамином, перенес смертный приговор, был помилован. После обращения патриарха Тихона в

Верховный суд в 1923 г. вместе с другими заключенными и осужденными священнослужителями был освобожден и назначен настоятелем одного из самых посещаемых храмов Петрограда – Николо-Морского собора. Протоиерей Николай Чуков вернулся и к церковно-педагогической деятельности, возглавив в 1925 г. Высшие богословские курсы, которые просуществовали до 1928 г. Неутомимый труженик, он и в бедственных для церковной науки условиях, несмотря на свою исключительную занятость, не прекращал научных занятий. В 1926 г. успешно защитил на богословских курсах магистерскую диссертацию «Мессианские представления иудеев по таргуму Иоанафана, сына Узиелова».

В 30-х гг. отец Николай не раз подвергался кратковременным арестам. В 1935 г. его выслали из Ленинграда в Саратов. Там он не имел возможности служить, занимаясь главным образом литературным трудом, и написал четыре тома «Воспоминаний». В 1939 г. у отца Николая умерла матушка, в первый месяц Отечественной войны без вести пропал сын, в Ленинграде во время блокады умерли два других сына и дочь. После кончины матушки патриарший местоблюститель предложил отцу Николаю принять постриг; отец Николай колебался, и только, как писал сам, «узнав о гибели детей, я понял зов свыше и послал телеграмму митрополиту Сергию, что согласен вступить в монашество».

Сразу после пострига с именем Григория 14 октября 1942 г. состоялась его епископская хиротония, а уже 15 октября он был возведен в сан архиепископа и назначен на Саратовскую кафедру. В мае 1944 г., после кончины патриарха Сергия и назначения патриаршим местоблюстителем митрополита Алексия, архиепископ Григорий был перемещен с Саратовской на Псковскую кафедру, временно ему было поручено управление Ленинградской епархией, главой которой он стал после избрания митрополита Алексия патриархом. Митрополит Григорий сего огромным административно-педагогическим опытом идеально подходил для должности председателя Учебного комитета, на которую и был назначен, возглавив дело восстановления духовного образования в России. Еще в 1943 г. он по поручению патриарха Сергия составил проект организации духовно-учебных заведений Русской Православной Церкви.

22 ноября 1955 г., после кончины митрополита Григория, Священный Синод назначил на Ленинградскую и Новгородскую кафедру митрополита Елевферия (Воронцова) с включением его в состав постоянных членов Синода. В связи с этим назначением митрополит сложил с себя обязанности главы Православной Чехословацкой Церкви.

В 1958 г. в идеологической обстановке в нашей стране обнаружилось

явления, которые чреватые были осложнениями взаимоотношений между Церковью и государством. Свойственное новому политическому лидеру страны Хрущеву утопическое прожектерство подстегивало его атеистический пыл, внушало ему уверенность в легкой победе на фронте борьбы с религией. Неожиданным развенчанием «культа личности» Сталина Н. С. Хрущев вызвал явное недовольство в партийно-номенклатурных кругах, поэтому ему важно было последовательным проведением антицерковной кампании убедить сталинистов в том, что он твердо стоит на партийных позициях. Политическая «оттепель» как раз и послужила своеобразным камуфляжем запланированной кампании по борьбе с Церковью. По его указаниям в печати усилились нападки на Церковь, христианство. Впервые после эпохи «воинствующего безбожника» газеты и журналы заполнили антирелигиозные статьи с кощунственными выпадами против святынь, дорогих сердцам десятков миллионов людей.

В антирелигиозную кампанию вовлечены были и ренегаты. В 1958 г. вышла атеистическая брошюрка, составленная бывшим преподавателем Одесской семинарии Е. Дулуманом; в печати появились заявления бывших протоиереев П. Дарманского, Н. Спасского и Черткова об отречении от Бога.

5 декабря 1959 г. «Правда» опубликовала статью профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова, запрещенного в священнослужении за вступление во второй брак, в которой он публично похулил Бога и Церковь. Статья начиналась игриво: «Да, да, это я, протоиерей, профессор». После статьи в «Правде» начались гастроли по стране этого самого красноречивого и богословски образованного из ренегатов. Одна за другой стали выходить его атеистические статьи и брошюры.

Глубокую характеристику его нравственного облика дал в одном из писем своему духовному сыну известный старец игумен Никон (Воробьев): «Ты, конечно, прочитал статью в «Правде» за 5.12... Этот несчастный показал себя в своей статье таким нравственным ничтожеством (главное, не замечая того, что статья производит на читателя действие обратное тому, чего хотел автор). Он и сам не оправдался, и религии не повредил, а показал, что Господь обнаруживает в свое время скрытых Иуд и выкидывает их из Церкви. Обратил ли ты внимание, что в разделе о молитве перед словом «богослужение» стоят три точки. Я не сомневаюсь, что здесь было какое-то пакостное слово вроде «молитвенное словоблудие». Даже редакция не сочла возможным

напечатать его. Дух, водивший его пером, всю свою злобу излил главным образом на богослужение и на молитву Иисусову... Несчастный Александр своими словами о молитве показал, что он никогда, ни разу не помолился, а, следовательно, никогда и не верил в Бога. Он и отрекается не от Бога, не от христианства, а отрекается от того представления о религии и Боге, которое он имел. Самое отречение его не есть результат искренних сомнений, искания. Нет. Слишком ничтожны указанные им самим причины отречения. Видно, что он человек практичный, человек мира сего. Пока положение было более или менее прочно, пока можно было получать изрядный оклад – он маскировался под верующего, целовал руки архиереев, презираемых им, и «готовил юношей к пастырской деятельности». Когда же положение его стало колебаться, то он решил обеспечить себе твердое положение на другом фронте. Пока могут использовать его отречение и за это принять к себе, он поспешил это сделать, пока не поздно...

Не было у Александра искренности до отречения, нет ее и в отречении. Он – психологический «юрод», построивший здание на песке...».

30 декабря 1959 г. Священный Синод под председательством патриарха Алексия I вынес постановление: «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших имя Божие, считать извергнутыми из священного сана и лишенными всякого церковного общения. «Они вышли от нас, но не были наши» (1Ин. 2:19). Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян, похуливших имя Божие, отлучить от Церкви».

Между тем антихристианская кампания в печати набирала темп. Вновь, как и в два предвоенных десятилетия, началось закрытие церквей.

Выступая на Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 г., патриарх Алексий I попытался защитить Церковь от несправедливых нападок. «Моими устами говорит с вами Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан – граждан нашего государства – сказал он. – Примите ее приветствие и благопожелания. Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях

чувство ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и доньше являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогла объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского сосредоточения Русской земли. Это та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости. Это она служила русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы Смутного времени и в Отечественную войну 1812 г. И она же оставалась вместе с русским народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира. Словом, это та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении веков служила прежде всего нравственному становлению нашего народа, а в прошлом и его государственному устройству... Правда, несмотря на все это, Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людям, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его!».

Речь патриарха не оградила Церковь от нападков, но, опубликованная в «Журнале Московской Патриархии», она укрепила дух тысяч верных служителей алтаря Господня, смущенных возобновлением гонений.

21 февраля 1960 г. был уволен с поста председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов, при котором в военные и послевоенные годы происходило массовое открытие православных приходов. Его преемником стал В. А. Куроедов. Впоследствии, в декабре 1965 г., Совет по делам Русской Православной Церкви был соединен с Советом по делам религиозных культов. Новое учреждение, которое возглавил В. А. Куроедов, получило наименование «Совет по делам религий при Совете министров СССР».

В. А. Куроедов сразу после своего назначения стал старательным исполнителем новых административных и карательных мер против Церкви, призванных не только подорвать ее влияние в обществе, но и подавить попытки сопротивления со стороны священноначалия и духовенства. Главным объектом для травли был выбран самый энергичный из постоянных членов Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, тем более что в Совете по делам Русской Православной Церкви он заявил о своем авторстве «крамольной» речи Святейшего Патриарха на конференции. Большое раздражение вызывали, несомненно, и проповеди владыки в храме Святых Апостолов Петра и Павла на Преображенской площади и в других московских церквях, куда его часто приглашали служить. По словам известного мемуариста, митрополит Николай в одной из проповедей сказал: «Жалкие безбожники! Они подбрасывают вверх свои спутники, которые вспыхивают и, погаснув, падают на землю, как спички, и они бросают вызов Богу, зажегшему солнце и звезды, которые вечно горят на горизонте».

Митрополит Николай как мог противился закрытию подмосковных приходов, которые были в его ведении как митрополита Крутицкого и Коломенского. Даже в миротворческом движении, в той сфере, где деятельность митрополита Николая ранее вызывала полное одобрение властей, владыка счел необходимым изменить тон и общую направленность своих выступлений. Так, в выступлении на сессии бюро Всемирного совета мира в Москве в 1959 г. митрополит Николай отошел от прежней односторонности в оценках международной политики. «Мы стоим – сказал он, – перед фактом самой интенсивной гонки вооружений, в которой каждая сторона оправдывает себя мотивами самозащиты. Что же означает это противоречие? В поисках ответа на этот вопрос приходится признать наличие каких-то глубоких причин, которые мешают Востоку и Западу проникнуться взаимным доверием».

Мировая известность митрополита Николая затрудняла открытую расправу с ним и давала ему возможность хоть как-то сопротивляться гонителям Церкви. 15 июня Куроедов встретился с патриархом Алексием I и заявил, что после детального изучения внешней деятельности Патриархии нашел ее неудовлетворительной в сфере борьбы за мир. Куроедов предложил уволить митрополита Николая с поста председателя ОВЦС. Согласившись на отставку митрополита Николая, патриарх подтвердил, что митрополит Николай тяготеет к внешнецерковной деятельности и неоднократно заявлял об этом. В качестве его преемника патриарх предложил архимандрита Никодима (Ротова), вскоре после этого

хиротонисанного во епископа Подольского. На заседании 21 июня 1960 г. Священный Синод принял соответствующее постановление и выразил глубокую благодарность митрополиту Николаю за многолетние труды в сфере церковных сношений с заграницей.

Но Куроедов настаивал на удалении митрополита Николая из Москвы. Святейший Патриарх предлагал митрополиту Николаю перевод на Ленинградскую или Новосибирскую кафедру, он, однако, не согласился. Тогда совет потребовал увольнения несговорчивого архипастыря на покой. 16 сентября 1960 г. архипастырь подал прошение об увольнении на покой, сославшись на болезнь сердца, и Священный Синод удовлетворил просьбу архипастыря. На Крутицкую кафедру был назначен митрополит Питирим (Свиридов), занимавший Ленинградскую кафедру с апреля 1959 г. Его преемником в Ленинграде стал перемещенный из Минска митрополит Гурий (Егоров), архипастырь подвижнической жизни, в прошлом многолетний узник концлагерей. Временное управление Минской кафедрой было возложено на епископа Бобруйского Леонтия (Бондаря).

13 декабря 1961 г. митрополит Николай скончался. Обстоятельства его смерти до конца не выяснены и поныне. Во время пребывания в Боткинской больнице он находился в полной изоляции. Погребен он в крипте Смоленской церкви Троице-Сергиевой лавры.

18 июля 1961 г., в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в Троице-Сергиевой лавре сразу после Божественной литургии состоялся Архиерейский Собор. Собор открыл патриарх Алексей I. Главной темой повестки дня было внесение изменений в «Положение об управлении Русской Православной Церкви» в части, касающейся приходского управления. Доклад по этому вопросу был сделан управляющим делами Патриархии архиепископом Тульским Пименом (Извековым). Архиерейский Собор установил новую организацию приходского управления. Настоятель вместе с клириками устранялись от участия в приходском собрании и приходском совете.

Реформа приходского управления была вынужденной мерой. Проводилась она в тяжелые для Церкви дни, когда давление на нее резко усилилось. Советом по делам Русской Православной Церкви выставлено было требование привести «Положение об управлении Русской Православной Церкви» в строгое соответствие с Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях», которое устраняло священнослужителей как лиц, лишенных избирательного права, от участия в хозяйственных делах религиозных общин, несмотря на то что

после издания Конституции СССР 1936 г., предоставившей всем гражданам одинаковые права, постановление это вступило в противоречие с Основным законом государства.

По докладу митрополита Крутицкого Питирима (Свиридова) Архиерейский Собор принял постановление о расширении состава Священного Синода включением в число его постоянных членов управляющего делами Патриархии и председателя Отдела внешних церковных сношений. После Архиерейского Собора 1961 г. постоянными членами Синода, кроме митрополита Киевского Иоанна, Ленинградского Гурия и Крутицкого Питирима, стали архиепископы Тульский Пимен (Извеков) и Ярославский Никодим (Ротов).

Заслушав доклад архиепископа Никодима, Собор одобрил постановление Синода о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный совет Церквей, вынесенное 30 марта 1961 г.

Архиерейский Собор заседал в то время, когда по всей стране происходило закрытие церквей. Делалось это под разными предлогами: то потому, что церковь была открыта в войну на оккупированной территории по разрешению немецких властей, то из-за того, что вблизи храма расположена школа, или под предлогом, что церковь мешает движению транспорта.

В Кировской епархии из 75 православных приходов, существовавших в 1959 г., к 1964 г. осталось всего 35; 7 деревянных церквей было разобрано, одна каменная, в епархиальном городе, взорвана; в остальных 32-х богослужебные книги и иконы были сожжены, сами храмы разорены дотла. В Московской епархии с 1959 по 1963 г. было закрыто более половины церквей. В Москве летом 1964 г. впервые за послевоенное время был разрушен храм – Малого Преображения, в котором еще недавно совершал богослужение митрополит Крутицкий Николай. Особенно тяжело пострадали Белоруссия, Украина, Молдавия. В Днепропетровской и Запорожской епархии в 1959 г. было 285 приходов, а к 1961 г. осталось всего 49. В Киеве у Церкви был отнят великолепный Андреевский собор. Всего по стране за время хрущевских гонений была закрыта почти половина приходов. В 1959 г. Русская Церковь насчитывала около 14 тысяч приходов, в 1961 г. число приходов сократилось до 8 тысяч (к 1966 г. сохранилось 7523 прихода).

Сокращался прием в духовную семинарию. В конце концов пять семинарий – Ставропольская, Саратовская, Киевская, Луцкая и Жировицкая – были закрыты. В 1959 г. Русская Церковь имела 47 монастырей, а к середине 1960-х гг. осталось только 16; число

монашествующих сократилось к этому времени с трех тысяч до примерно полутора тысяч.

Особенно тяжелым ударом по Церкви явилось закрытие в 1963 г. древней святыни Руси – Киево-Печерской лавры, в пещерах которой находятся мощи великого сонма святых угодников, на поклонение которым ежегодно стекалось до полумиллиона паломников. Предлогом для ее закрытия послужила необходимость ремонта и реставрации. Лавра была временно закрыта на ремонт, но реставрацию не начинали, храмы и пещеры оказались в угрожающем состоянии как раз после прекращения в ней богослужений и ухода из монастыря монахов. Была предпринята попытка закрыть и Почаевскую Успенскую лавру, но насельники обители во главе с настоятелем архимандритом Севастианом сумели ее отстоять.

Решительное отличие хрущевских гонений от тех, которые обрушились на Церковь в 20-е и 30-е гг., заключалось, однако, в том, что они прошли без кровопролития и почти без арестов. Под суд было отдано, правда, несколько священнослужителей, которые обвинялись, как правило, в финансовых преступлениях, чаще всего связанных с неуплатой или недоплатой налогов.

В 1960 г. на три года заключения был осужден архиепископ Казанский Иов (Кресович), который пытался противодействовать закрытию церквей в епархии. Он разъезжал по селам и призывал паству твердо стоять за свои храмы. Архиепископ Иов был обвинен в неуплате налогов и сокрытии доходов.

В беседе с архиепископом Брюссельским Василием (Кривошеиным), состоявшейся в июле 1960 г., митрополит Николай (Ярушевич) объяснял: «Согласно с установившимися порядками архиереи платят налоги со своего жалования. Кроме того, они получают на представительство (куда часто входит содержание машины, секретаря, поездки и так далее). Эти суммы налогом не облагаются и в инспекцию не заявляются. А вот к архиепископу Иову придрались, что он эти суммы на представительство скрывал и налогов с них не платил. Но даже в таких случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, за это не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог и только в случае отказа могут подвергнуть наказанию. Архиепископ Иов предложил все уплатить, что с него требуют. Тем не менее его приговорили к трем годам!».

Потом, в 1971 г., в беседе с архиепископом Василием сам архиепископ Иов, в то время занимавший Уфимскую кафедру, сказал: «Да, все это суцая правда. И знаете, когда я попал в тюрьму, все меня бросили,

все отреклись от меня... Испугались. Один митрополит Николай (Ярушевич) не испугался. И до суда, и после суда и осуждения поддерживал меня, чем мог, писал мне. Он один!.. После трех лет лагеря... я три года не был у дел».

В 1962 г. архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко) был приговорен к восьми годам заключения по обвинению в экономических злоупотреблениях и «безнравственном поведении». Архиепископ Василий (Кривошеин) пишет: «Думаю, что это обвинение столь же необоснованно, как и в случае с архиепископом Иовом». Освобожден он был досрочно и после выхода на свободу некоторое время пребывал на покое в Псково-Печерском монастыре. Потом, в 1969 г., был назначен на Омскую и Тюменскую кафедры.

Священники, лишенные возможности совершать богослужение из-за закрытия приходов, увольнялись за штат или на покой. Большинство среди них составляли лица пожилого возраста. Некоторые из священников среднего и младшего возраста уходили на светскую службу. Хотя и редко, но все-таки среди них оказывались и ренегаты, которые, в отличие от первых вероотступников конца 50-х гг., чьи действия получили огласку на всю страну, довольствовались обыкновенно выступлениями в местной печати.

На рубеже 50-х и 60-х гг., одновременно с резким ухудшением положения, в котором жила и исполняла свою миссию Русская Православная Церковь, более интенсивными становятся ее контакты с зарубежным христианским миром. Новый подход к экуменическому движению выразился уже в докладе, с которым председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Николай выступил на торжественном акте в Московской духовной академии 13 мая 1958 г. «Православная Церковь – сказал он, – никогда не отгораживалась от инославных христиан стеной нетерпимости. Напротив, руководимая духом любви, она в 1902 г., в лице Вселенской Патриархии, обратилась ко всем поместным Православным Церквам с предложением облегчить путь к единению с западными исповеданиями... Правда, когда появилась возможность заняться экуменическим вопросом, наша Церковь совместно с другими Церквами – участницами московского церковного совещания 1948 г. отказалась послать своих представителей на Амстердамскую ассамблею... Этот отказ имел весьма серьезные основания... Экуменическое движение оказалось чрезвычайно противоречивым. В его широкой и разнородной деятельности исканиям обетованной земли христианского единства с самого начала сопутствовали ярко выраженные

социально-политические планы, которые в период Амстердамской ассамблеи явно преобладали над задачей догматического единства... Благодаря участию одних Православных Церквей и неучастию других, в экуменическом движении за последние десять лет произошли значительные изменения, свидетельствующие о его эволюции в сторону церковности. В этом смысле весьма показательны огромные сдвиги в сфере немецкого протестантского богословия, открывающие мистические глубины православия и преодолевающие традиционный рационализм... Вот почему Русская Православная Церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного совета Церквей и встретиться с его руководителями...».

В 1958 г. в Утрехте состоялась первая официальная встреча представителей Русской Церкви с деятелями Всемирного совета Церквей. В 1959 г. наблюдатели от нашей Церкви участвовали в работе Всемирного совета Церквей. Архиерейский Собор 1961 г. одобрил вступление Русской Церкви в эту экуменическую организацию. В обращении к участникам 3 Ассамблеи Всемирного совета Церквей, состоявшейся в Дели уже в 1961 г., патриарх Алексей I подчеркнул готовность Русской Церкви работать во всех органах Всемирного совета Церквей. С 1962 г. при Всемирном совете Церквей существует представительство нашей Церкви. Русская Церковь являлась одной из основательниц образовавшейся в 1959 г. религиозной экуменической организации – Конференции европейских Церквей.

Теплые отношения с Англиканской Церковью, сложившиеся в конце мировой войны, когда русско- и англоязычные народы сражались против общего врага, получили в 60-е гг. более интенсивный характер. В 1958 и 1968 гг. представители Русской Церкви присутствовали наблюдателями на Ламбетских конференциях епископов Англиканской Церкви. С 1959 г. проводились собеседования между русскими богословами и богословами лютеранских и евангелических церквей Германии и Северной Европы. С начала 60-х гг. устанавливаются контакты с реформатскими церквями Европы и Северной Америки.

В рамках Всемирного совета Церквей представители Русской Церкви участвовали в 1964, 1967 и 1970 гг. в консультациях с богословами нехалкидонских Церквей. Особенно важное значение священноначалие Русской Православной Церкви придавало своим контактам с самой многочисленной христианской Церковью – Католической. Русская Церковь направила своих наблюдателей на 2 Ватиканский Собор, продолжавшийся с 1962 по 1965 г., в Ленинградской духовной академии состоялось первое собеседование русских богословов с делегацией

Римско-Католической Церкви.

16 декабря 1969 г. Священный Синод издал определение, по которому старообрядцам и католикам дозволено было причащаться в православных церквях. Впоследствии определение Синода было отменено. Председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Никодим, разъясняя это решение Синода, сказал, что оно касается членов Старообрядческой Церкви, имеющей трехстепенную иерархию, а также членов Римско-Католической Церкви, когда они «в случае болезни или по иной причине обращаются к священнослужителям Русской Православной Церкви с просьбой о духовном утешении и за совершением Святых Таин». Но практика эта не получила распространения в Церкви.

Важнейшей стороной внешней церковной деятельности в 1960-е гг. оставались взаимоотношения с братскими Православными Церквями. В 1960 г. патриарх Алексий во второй раз совершил паломничество на Восток и нанес визит патриарху Константинопольскому Афинагору. В 60-е гг. в Москву неоднократно приезжали представители автокефальных Православных Церквей. По инициативе Константинопольского Патриархата в 1961 г. на острове Родосе было проведено Первое всеправославное совещание поместных Церквей. Его задачей явилась подготовка Великого Всеправославного Собора. В 1963 г. на Родосе проведено Второе, а в 1964 г. там же – Третье всеправославное совещание. Главной темой совещания был богословский диалог с Римско-Католической, Старообрядческой и Англиканской Церквями. Вопросы, связанные с подготовкой Всеправославного Собора, рассматривались на Всеправославном совещании, проведенном в 1968 г. в Женеве.

Между тем в положении Русской Церкви внутри страны в середине 60-х гг. произошли благоприятные перемены. Начало им было положено отставкой Н. С. Хрущева, состоявшейся 14 октября 1964 г. в праздник Покрова Божией Матери. Пришедшее к управлению страной более трезвое руководство, осознавая утопичность многих проектов Хрущева, встало на почву реальности и в своей политике по отношению к верующим, которые по-прежнему составляли значительную часть населения страны.

Массовое закрытие религиозных общин, в том числе и православных церквей, было прекращено. Но церкви, закрытые в годы хрущевских гонений, за все двадцать «застойных» лет не были возвращены верующим. В связи с массовым оттоком сельского населения в город некоторые сельские приходы теряли прихожан и закрывались; в то же время возможности для открытия новых приходов в городах, население которых стремительно росло, оставались крайне затруднительными. За вторую

половину 60-х гг. число православных приходов убавилось с 7523 в 1966 г. до 7274 в 1971 г.

В конце 60-х гг. прекратилась практика частых переводов архиереев из одной епархии в другую, обусловленная ненормальными условиями, в которые была поставлена Церковь на рубеже 50–60-х гг. Архиереи получили более широкие возможности для объездов своих епархий для контроля за пастырской деятельностью священников, однако не в тех пределах, которые были доступны им в послевоенные годы.

В изменившейся обстановке в кругах епископов и духовенства, озабоченного состоянием церковных дел, пробудилась надежда на восстановление того положения, в котором Церковь находилась в 50-е гг. К тому времени уже проявили себя нездоровые последствия реформы приходского управления, на которую Церковь вынуждена была пойти на Архиерейском Соборе 1961 г. Устранение настоятелей и клириков от административно-хозяйственных дел ставило их в сложное положение, затрудняло и в духовном окормлении паствы, порождало конфликтные ситуации; власть старост, не всегда имевших твердые христианские убеждения, приобрела неподобающие, непомерные масштабы.

Летом 1965 г. архиепископ Калужский Ермоген (Голубев) составил проект петиции на имя Святейшего Патриарха с предложением внести поправки в ту редакцию «Положения об управлении Русской Православной Церкви», которая была принята Архиерейским Собором. В этом проекте предлагалось ввести настоятелей приходов в состав приходского собрания («двадцатки») и приходского совета в качестве председателя.

Документ, составленный архиепископом Ермогеном, подписали также архиепископы Пермский Леонид (Поляков), Иркутский Вениамин (Новицкий), Новосибирский Павел (Гольшев), Казанский Михаил (Воскресенский), Ставропольский Михаил (Чуб), епископы Рижский Никон (Фомичев) и Мукачевский Григорий (Закаляк). Но путь к пересмотру устройства приходского управления был закрыт. Петиция не возымела успеха.

В 1967 г. архиепископ Ермоген, находившийся тогда уже на покое в Жировицком Успенском монастыре, единолично обратился к патриарху с письмом, в котором подверг резкой критике строй высшего церковного управления, установленный Поместным Собором 1945 г., предлагая вернуться к той схеме высшего управления, которая была разработана на Соборе 1917–1918 гг. Он писал: «В «Положении» собственно ничего не говорится о порядке формирования Синода, а только указывается, что он

состоит из шести членов, из которых три митрополита – Киевский, Ленинградский и Крутицкий – являются постоянными членами Синода, а три – временными, вызываемыми по очереди на полгода. Такой порядок имел бы еще... смысл, если бы постоянные члены – митрополиты, занимали свои кафедры в силу канонического избрания на эти кафедры, но поскольку эти митрополиты назначаются и перемещаются в обычном для прочих архиереев порядке, то соединение постоянного членства в Синоде с занятием данных кафедр теряет канонический смысл».

В избрании патриарха архиепископ Ермоген тоже предлагает вернуться к регламенту, установленному Поместным Собором 1917–1918 гг. «Приходится поражаться, – пишет он, – с какой глубокой серьезностью был разработан на Соборе 1917–1918 гг. порядок избрания патриарха с целью обеспечить продуманность избрания и наилучшим образом гарантировать свободу волеизъявления Собора в этом первостепенной важности вопросе». В письме архиепископа Ермогена оспаривается и правомерность избрания Синодом епископов на кафедры, в общем вполне традиционного для Русской Церкви, и предлагается возвращение к тому порядку замещения архиерейских кафедр, который был разработан Поместным Собором 1917–1918 гг., но на практике продержался лишь несколько послесоборных лет: «У нас избираются кандидаты во епископы Синодом, и, безусловно, не без согласования с Советом по делам религий, а с епископатом, не входящим в Синод, никакого согласования об этом не производится».

В ноябре 1965 г. священники Николай Эшлиман из Москвы и Глеб Якунин из Дмитрова направили два открытых письма на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и патриарха Московского и всея Руси Алексия. В письме Подгорному речь шла о заслугах Русской Церкви перед русской государственностью и культурой, о нарушении гражданскими властями законодательства о религиозных культах, о насильственном закрытии храмов в 1959–1964 гг. Второе письмо переполнено развязными обвинениями Патриархии, епископата и духовенства в попустительстве закрытию храмов. Священники Н. Эшлиман и Г. Якунин потребовали немедленно созвать Поместный Собор и отменить постановление Архиерейского Собора 1961 г. о реформе приходского управления.

Письма были переведены на иностранные языки, получили мировую огласку, дали толчок для развязывания широкой кампании в зарубежных средствах массовой информации не только против религиозной политики советских властей, но и против иерархии Русской Православной Церкви.

Эти письма, в которых правда была перемешана с демагогией, угрожали внести раздор в среду духовенства.

24 декабря 1965 г. патриарх Алексей I подписал резолюцию: «Священники Московской епархии Н. Эшлиман и Г. Якунин обратились к нам с так называемым «Открытым письмом», в котором предприняли попытку осуждения деяний Архиерейского Собора 1961 г., а также действий и распоряжений церковной власти. Не дождавшись какого-либо ответа на письмо, они самовольно разослали его копию всем епархиальным архиереям, пытаясь нарушить церковный мир и произвести соблазн в Церкви. Тем самым составители письма не выполнили данное ими перед рукоположением обещание (присягу) «проходить служение согласно с правилами церковными и указаниями начальства». Получившие копию письма архиереи присылают в Патриархию свои отзывы, в которых выражают несогласие с содержанием письма и возмущаются действиями двух священников, посягающих на церковный мир. Ввиду изложенного, поручить Преосвященному митрополиту Крутицкому Пимену указать составителям на незаконность и порочность их действий... направленных на соблазн Церкви, и на соответствующем докладе Преосвященного иметь о священниках Н. Эшлимане и Г. Якунине особое суждение. Резолюцию сообщить циркулярно всем Преосвященным».

В мае митрополит Пимен беседовал с авторами открытых писем, одному из которых – Н. Эшлиману он ранее покровительствовал, надеясь на их раскаяние. Но они по-прежнему стояли на своем. 13 мая 1966 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен запретил их в священнослужении.

В 1968 г. Русская Православная Церковь праздновала 50-летний юбилей восстановления патриаршества. На торжества в Москву прибыли делегации от Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской Церквей, а также от Православных Церквей в Польше и Чехословакии, делегация Финляндской Автономной Церкви. Среди высоких гостей были патриарх Иерусалимский Венедикт I, католикос-патриарх всей Грузии Ефрем II, сербский патриарх Герман, румынский патриарх Юстиниан, болгарский патриарх Кирилл, митрополит Варшавский Стефан, митрополит Пражский Дорофей. Широко были представлены на торжествах инославные Церкви.

Торжества открылись в храме Воскресения Христова в Сокольниках 26 мая благодарственным молебном перед Иверской иконой Божией Матери. С приветственной речью к собравшимся обратился патриарх

Алексий I. Юбилейное собрание состоялось 28 мая в Покровском храме Московской духовной академии в Троице-Сергиевой лавре.

С докладом на собрании выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. В докладе был дан краткий очерк истории Русской Церкви, более подробно митрополит Никодим остановился на новейшем периоде церковной истории, начало которому было положено Поместным Собором 1917–1918 гг. О нем докладчик сказал, что, «несмотря на все человеческие погрешности, ошибки и заблуждения, обусловленные духовной связью ряда его участников со старым миром, или, лучше сказать, вопреки этим погрешностям, ошибкам и заблуждениям, он стал великим историческим событием церковной жизни, без которого была бы немыслима вся последующая канонически-преемственная жизнь нашей Церкви».

С краткой речью на торжественном заседании выступил патриарх Алексий I. Юбилейные торжества завершились Божественной литургией в Богоявленском патриаршем соборе, которую возглавил патриарх Сербский Герман.

В конце 60-х гг. церковная жизнь стабилизировалась в сравнении с бурным началом десятилетия. Но начал сказываться острый недостаток в кадрах духовенства. Старшее поколение священников, переживших предвоенное и военное лихолетье, уходило в иной мир. Закрытие духовных школ, сокращение числа воспитанников в оставшихся школах не позволяла восполнять естественную убыль духовенства выпускниками семинарий. Приходилось рукополагать благочестивых мирян, не получивших школьного церковного образования, часто с недостаточным общим образованием. На Украине, в особенности Западной, в ограде Церкви осталось несравненно больше чад, чем в России; большая часть детей в Галиции, Закарпатье, на Волыни воспитывалась в религиозных семьях. Поэтому среди рукополагаемых не только для церквей своего края, но и для служения в российских епархиях стали преобладать выходцы из западных епархий.

10 апреля 1970 г. патриарх Алексий I вместе с членами Синода подписал томос, которым дарована была автокефалия Православной Церкви в Америке, называвшейся до тех пор Греко-Православной Католической Церковью в Америке или, по-другому, «митрополичьим округом», выросшим из миссионерской Алеутской и Аляскинской епархии. Соглашение о нормализации отношений с Американской Церковью было подписано 31 марта митрополитом Никодимом и митрополитом всей Америки и Канады Иринеем.

Московская Патриархия тогда же нормализовала отношения с Японской Церковью, которая в послевоенные годы оказалась незаконным образом в юрисдикции Американского «митрополичьего округа», даровавшего ей автокефалию. С иерархией Американской и Японской Церквей были сняты запрещения, тяготевшие над ними.

На заседании 10 апреля 1970 г. Священный Синод причислил к лику святых просветителя Японии – равноапостольного Николая (Касаткина).

Устроение канонически правильных отношений Московского Патриархата с Американской и Японской Церквями явилось последним первосвятительским деянием патриарха Алексия. Жизнь великого старца, перешагнувшего за девятистолетний рубеж, угасала. После праздника Сретения, 15 февраля, Святейший Патриарх перенес инфаркт. Последние дни своей земной жизни он провел в загородной резиденции в селе Лукине. 17 апреля, зная о приближении смерти, патриарх продолжал работать: последнего посетителя он принял за 19 минут до кончины. В 21 час 49 минут сердце Святейшего Патриарха остановилось. Возле одра святейшего находились дежурный врач и его личный секретарь Д. А. Остапов.

Первосвятительское служение великого старца продолжалось двадцать пять лет. Господь даровал ему редкое долголетие.

Перед отпеванием блаженнопочившего патриарха митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен произнес надгробное слово. Он сказал: «...Шествие Святейшего Патриарха Алексия в потусторонний мир начинается с тех мест на земле, которые он очень любил и о которых проявлял любвеобильную заботу. Это обитель преподобного Сергия Радонежского, в которой прошла юность Святейшего Патриарха, его годы учения в духовной академии, время монашества и монашеского искусства, а затем и настоятельство... Имя Святейшего Патриарха известно как имя усердного делателя непрестанной молитвы... Он с благоговением и слезами на глазах стоял перед ракой преподобного Сергия, вознося горячие молитвы о Русской Православной Церкви и ее чадах...».

Погребение предстоятеля Русской Церкви состоялось 21 апреля, во вторник, после Литургии Преждеосвященных Даров. Останки блаженнопочившего первосвятителя нашли упокоение в храме Всех Святых земли Русской под Успенским собором Троице-Сергиевой лавры, возле могилы глубоко чтимого Святейшим Патриархом великого миссионера святителя Макария (Невского).

8. Поместный Собор 1971 г.

После блаженной кончины патриарха Алексия I местоблюстителем

патриаршего престола стал в соответствии с «Положением об управлении Русской Православной Церкви» старейший по хиротонии из постоянных членов Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен. 25 июня 1970 г. Синод вынес постановление о созыве Поместного Собора. Была образована Комиссия по подготовке Собора из 22 церковных деятелей: постоянных членов Синода, видных архипастырей и богословов во главе с местоблюстителем. Комиссия разработала нормы представительства клириков и мирян на Соборе, утвердила процедуру соборных деяний и подготовила необходимые материалы к Собору.

В епархиях под председательством правящих архиереев проходили съезды духовенства и мирян, избиравшие членов Собора и обсуждавшие кандидатуру патриарха. Большая часть епархиальных съездов высказывалась за избрание митрополита Крутицкого Пимена. Впрочем, были сторонники и других кандидатов: митрополитов Ленинградского Никодима и Алма-Атинского Иосифа, исповедника и архипастыря святой жизни, старшего по хиротонии в российском епископате и одного из старейших по летам, он родился в 1893 г. и был хиротонисан во епископа в 1932 г., его лагерный стаж насчитывал двадцать пять лет.

В адрес подготовительной комиссии поступали петиции и письма от архиереев, священнослужителей и мирян, часто с предложениями радикального характера. Архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий) предлагал пересмотреть порядок приходского управления, введенный Архиерейским Собором 1961 г., но без возвращения к тому положению, которое действовало до 1961 г., – иными словами, он не считал нужным, чтобы настоятели возглавляли приходские собрания и советы, как это было до 1961 г., но, чтобы клирики получили право входить в состав приходских собраний – двадцаток. В письме священника Николая Гайнова и мирян Л. Регельсона, Ф. Карелина и В. Капитончука подвергалась критике деятельность митрополита Никодима, вероятного кандидата в патриархи; его обвинили в апологии экуменизма и социального христианства. В письме, подписанном священником Георгием Петуховым, иеродиаконем Варсонофием (Хайбулиным) и Петром Фоминым, вина за преследование Церкви в СССР возлагалась на международные «силы широкого сионизма и сатанизма», но были и вполне здравые, хотя по тому времени утопические, предложения ходатайствовать перед правительством: 1) о предоставлении Русской Православной Церкви, ее высшим органам, епархиальным управлениям, монастырям и исполнительным органам права юридического лица; 2) о разработке четкого законодательства о правах и обязанностях уполномоченных... 4) о

разрешении факультативного преподавания детям христиан Закона Божия; 5) об открытии ранее действовавших семинарий и курсов по подготовке псаломщиков и регентов; 6) об учреждении при Московской Патриархии и некоторых епархиальных управлениях типографий; 8) об открытии Киево-Печерской лавры, Дивеевского женского монастыря и женского монастыря в селе Бородино Московской области.

В канун Собора, 26 мая 1971 г., в Успенском храме Новодевичьего монастыря состоялось архиерейское совещание. На Поместном Соборе предстояло утвердить постановление Архиерейского Собора 1961 г. об изменении порядка приходского управления. С критикой этого постановления выступил архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). Он сказал: «Одобрить их я по совести... не могу. Прежде всего, они нарушают церковные каноны, а именно 38-е и 41-е апостольские правила, согласно которым «епископ да имеет попечение о всех церковных вещах» (правило 38-е) и «предписываем епископу иметь власть над церковными вещами. И если ему следует вручать ценные человеческие души, то тем более ему можно управлять деньгами...» (41-е правило). А между тем по постановлениям 1961 г. епископ совершенно отделен от всякого контроля над материально-хозяйственной стороной жизни приходов, также отстранены и настоятели приходов, представители и доверенные лица епископов... Говоря это, я отнюдь не предлагаю вернуться к порядкам 1945 г. Там был перегиб в смысле предоставления слишком большой власти настоятелям и умаления участия мирян в управлении материальной стороной приходской жизни. Это имело результатом злоупотребления. Но в 1961 г. произошел перегиб в противоположную сторону: настоятели были совершенно отстранены и все было передано мирянам. Нужно сейчас выработать нечто среднее. Устранить оба перегиба так, чтобы права мирян в хозяйственной жизни приходов были бы сохранены, а надзор епископов и настоятелей над всеми сторонами жизни приходов, духовной и материальной, восстановлен. Чтобы настоятели опять стали возглавителями приходов, а не наемниками».

Как вспоминает архиепископ Василий, в кулуарных беседах согласие с его позицией выразили архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий), митрополит Алма-Атинский Иосиф (Чернов), архиепископ Уфимский Иов (Кресович). С речами на совещании выступили митрополиты Пимен и Никодим. В своих выступлениях среди прочего они коснулись и вопроса об изменениях в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», которые были внесены Архиерейским Собором 1961 г.

Митрополит Пимен сказал: «От множества клириков нашей Церкви мы также получили аргументированные высказывания в поддержку решений Архиерейского Собора 1961 г... Не скрою, есть, правда, единичные высказывания, которые нас возвращают к положению, существовавшему в приходах до 1961 г. Но для этого нет никаких оснований, ибо принятие подобных решений противоречит государственному законодательству и не будет служить на пользу Святой Церкви».

Подробнее остановился на этом вопросе митрополит Никодим: «18 июля 1961 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви постановил разграничить обязанности настоятелей и исполнительных органов прихода. Само собой разумеется, что структура и организация жизни нашей Церкви не должны и не могут входить в противоречие с законами нашего Отечества, и все, что может осложнять или ухудшать взаимоотношения между Церковью и государством в нашей стране, нами должно отвергаться, ибо в памяти церковной никогда не должны забываться усилия приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия по нормализации этих отношений и обо всем том, что было в церковной жизни при отсутствии этих отношений (напоминание было весьма красноречивым и сильным. – В. Ц.). Я думаю, что нам, ответственным перед Пастыреначальником Господом Иисусом Христом и Его Церковью за нормальное течение и развитие церковной жизни, это совершенно ясно, и в данном вопросе нет места неконструктивным спорам. Опыт десятилетнего применения этого решения Архиерейского Собора 1961 г. в приходской жизни показал оправданность известного утверждения Святейшего Патриарха Алексия, сделанного им в речи на Соборе: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе...»».

На архиерейском совещании обсуждалась также кандидатура патриарха. Выступившие высказались за митрополита Крутицкого Пимена. Обсуждалась и процедура избрания. Против открытого голосования возражал архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин): «Выборы патриарха носят персональный характер, а в персональных вопросах тайное голосование обязательно для обеспечения свободы выборов. Если патриарх будет избран открытым голосованием, это даст всем врагам нашей Церкви повод оспаривать свободу выборов. Это подрывает авторитет будущего патриарха, затруднит дело воссоединения отпавших. Зачем давать врагам нашей Церкви повод нападать на нее? Я

говорю все это не потому, что я против кандидатуры митрополита Пимена. Я много ломал голову над календарем с портретами наших иерархов и никого, кроме владыки Пимена, подходящего не нашел. Один слишком стар, другой слишком молод, а третий мне недостаточно известен. Считаю митрополита Пимена достойным кандидатом в патриархи и заявляю, что будет ли тайное, будет ли явное голосование, я буду голосовать за митрополита Пимена... Думаю, что так мыслят все. Но тогда тем более не нужно делать открытых выборов, раз и при тайном голосовании проявятся единодушие».

Поместный Собор открылся 30 мая 1971 г. и продолжался до 2 июня. Членами Собора были все епископы Русской Православной Церкви, по епархиям было избрано по одному клирику и одному мирянину. На Соборе были представлены также Японская Автономная Церковь, Миссии и благочиния Русской Церкви, духовные академии и монастыри. Среди 236 членов Собора от 67 внутренних и 14 зарубежных епархий было 75 архиереев (9 митрополитов, 30 архиепископов и 36 епископов), 85 клириков и 78 мирян. Гостями Поместного Собора были представители Православных автокефальных Церквей, инославных Церквей, экуменических организаций, среди них: патриарх Александрийский Николай VI, католикос-патриарх Грузии Ефрем II, патриарх Румынский Юстиниан; наместник– председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим, митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей; кардинал Виллебрандс, генеральный секретарь Всемирного совета Церквей Ю. К. Блейк.

Деяния Собора проходили в Троице-Сергиевой лавре. Собор открылся Божественной литургией в Троицком соборе, которую совершил митрополит Пимен. Первое рабочее заседание состоялось в тот же день, 30 мая, в Трапезном храме лавры.

31 мая местоблюститель митрополит Пимен выступил с докладом «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви». В докладе дана высокая оценка первосвятительскому служению блаженнопочившего патриарха Алексия I: «Прежде всего мы отмечаем его глубочайшую церковность и ясное понимание им задач современности. Глубокое проникновение его в сущность миссии Церкви, неуклонное следование православному вероучению и канонам, острое сознание интересов православия и нужд времени служили основой предпринимаемых патриархом Алексием действий во благо Церкви и служения миру... Святейший патриарх Алексей умел связывать духовные традиции прошлого нашей Церкви с современной ее жизнью в новых исторических

условиях. Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью».

В тот же день митрополит Никодим прочитал содоклад «Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви». Он же выступил на Соборе с докладом «Об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их», в котором представил историю церковного раскола и предложил путь к умиротворению печального разделения. Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер), ныне здравствующий патриарх Московский и всея Руси, огласил содоклад «О миротворческой деятельности Русской Православной Церкви».

В конце дня были приняты «Решения Поместного Собора». В своих «Решениях» Собор постановил одобрить деятельность Священного Синода во главе с патриархом Алексием I и местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Пименом в период от Поместного Собора 1945 г. и утвердил определения Архиерейского Собора 1961 г.

Собор «выразил... удовлетворение по поводу решения Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Алексием на основании согласия епископата Русской Православной Церкви о даровании автокефалии ряду поместных Церквей, входивших в Московский Патриархат... а также автономии Японской Православной Церкви», утвердил решение Священного Синода от 30 апреля 1957 г. «О признании автономии Финляндской Православной Церкви, бывшей части Московского Патриархата», Собор охарактеризовал как «выдающееся историческое событие в жизни Русской Православной Церкви возвращение в православие в 1946 и 1949 гг. греко-католиков Галиции и Закарпатья и прекращение Брест-Литовской и Ужгородской уний, в свое время насажденных силою».

Поместный Собор признал «делом исключительной важности напряженные усилия, предпринимавшиеся Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом... по возвращению в лоно Матери-Церкви отошедших от нее в разное время архиереев, клириков и мирян». Он поручил высшей церковной власти продолжать усилия по воссоединению с Матерью-Церковью Русской Православной Церкви за границей.

Собор одобрил деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода по развитию взаимосвязей Московского Патриархата

с поместными Православными Церквями, а также во взаимоотношениях с неправославными христианскими Церквями и исповеданиями и в этой связи назвал важнейшей задачей «дальнейшее развитие этой деятельности, которое должно быть неизменно обусловлено строгим соблюдением чистоты православной веры, учения Русской Православной Церкви». Поместный Собор высоко оценил «активную и многогранную деятельность Святейшего Патриарха Алексия, Священного Синода и всей поместной Русской Православной Церкви в их служении современному человечеству, основой которого является постоянная и усердная молитва Владыке вселенной о мире всего мира».

2 июня Поместный Собор издал деяние «Об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их», принял «Послание... Преосвященным архиереям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви», а также «Обращение... к христианам всего мира».

Главным событием заключительного заседания Поместного Собора, состоявшегося 2 июня, явилось избрание патриарха. Епископы, голосуя от своего имени и от имени клириков и мирян своих епархий, начиная с младшего по хиротонии и кончая заместителем председателя Собора митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом, назвали своим избранником митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена.

3 июня 1971 г. в Богоявленском кафедральном соборе Москвы состоялась интронизация избранного и нареченного патриарха.

Патриарх Московский и всея Руси Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков) родился 10 (23) июля 1910 г. в праздник Ризоположения в городе Богородске в благочестивой семье. Его отец Михаил Карпович служил механиком на фабрике. Дети в семье Извековых умирали в младенчестве, кроме первой дочери – Марии Михайловны, крестной матери своего брата – будущего патриарха. Поэтому, когда родился сын Сергей, его мать Пелагея Афанасьевна дала обет посвятить дитя Богу. Вместе с матерью мальчик совершал паломничества по святым местам, особенно часто они бывали в Троице-Сергиевой лавре. В Богородской средней школе Сергей Извеков был одним из лучших учеников. Даже в школьные годы он находил время для чтения Священного Писания и духовно-назидательных книг, особенно ему понравились сочинения архиепископа Иннокентия (Борисова), находил он время и для клиросного послушания в богородском Богоявленском соборе, а потом для исполнения иподиаконских обязанностей при Богородских епископах Никаноре и Платоне. Мальчик брал уроки музыки у профессора Воронцова.

В 1925 г., окончив среднюю школу, Сергей Извеков переезжает в Москву и в Сретенском монастыре принимает постриг в рясофор с именем Платон. 4 октября 1927 г., в семнадцать лет, от руки игумена Агафодора он принимает постриг в мантию с наречением имени преподобного Пимена Великого. После пострига будущий первосвященник управлял хором в московском храме Преподобного Пимена Великого. В 1931 г. он сдал экзамены за курс духовной школы комиссии под председательством бывшего ректора Вифанской семинарии протоиерея Зверева. После этого, 16 июля 1931 г., архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский) рукоположил его в иеродиакона, а 25 января 1932 г. – в иеромонаха. В течение нескольких лет юный иеромонах нес послушание регента Дорогомиловского Богоявленского собора – в ту пору кафедрального храма Москвы. Вспоминая начало 30-х гг., патриарх Пимен говорил: «Мое благовестничество началось с того времени, как я принял сан иеромонаха...».

В тяжелые для Церкви предвоенные годы иеромонах Пимен разделил судьбу русского духовенства, на долю которого выпали тяжкие испытания – аресты, лагерные сроки, ссылки. Во время Великой Отечественной войны иеромонах Пимен призывался в действующую армию, а в конце войны он уже служил священником в Благовещенском соборе Муроме. В 1946 г. иеромонах Пимен был переведен в Одессу, служил там казначеем Ильинского монастыря, помощником благочинного монастырей епархии, в 1947 г. был удостоен сана игумена и переведен в Ростовскую епархию, где состоял секретарем епископа и ключарем кафедрального собора.

В конце 1949 г. по указу патриарха Алексия I игумен Пимен был назначен наместником Псково-Печерского монастыря, а весной 1950 г. митрополит Григорий (Чуков) возвел его в сан архимандрита. Во время своего наместничества будущий патриарх посвятил много трудов реставрации монастырских церквей, мудро управлял братией, духовно окормлял паломников и усердно проповедовал.

В январе 1954 г. архимандрит Пимен был переведен наместником в ставропигиальную Троице-Сергиеву лавру. В годы его управления лаврой были сооружены два придела в Трапезном храме Преподобного Сергия. При нем был восстановлен и академический храм. За каждой воскресной и праздничной литургией наместник лавры произносил догматически глубокие и наставительные проповеди, которые привлекали сердца верующих. Вспоминая о своем служении в лавре преподобного Сергия, Святейший Патриарх говорил: «За этот прекрасный и содержательный отрезок жизни много получено духовного утешения и неведомой для мира

радости, понятной только инокам».

17 ноября 1957 г. в Успенском соборе Одессы патриарх Алексей I возглавил хиротонию архимандрита Пимена во епископа Балтского. В слове, произнесенном при наречении, ставленник сказал: «Большим утешением для меня является то, что на высоту епископского служения я был призван из дорогой моему сердцу лавры преподобного аввы Сергия, с которой тесно связана вся моя жизнь. Приведенный своей родительницей в святую лавру Сергиеву, когда мне исполнилось восемь лет, я впервые исповедовался и причащался Святых Таин в Зосимо-Савватиевской церкви лавры; в пустыни Святого Духа Параклита состоялось мое пострижение в монашество, и там проходили первые шаги моего монашеского искусства «вся вменяющего во уметы, да Христа приобретащу». Здесь же я насыщался от сладостной трапезы бесед и наставлений, исполненных глубокой мудрости, огромного опыта и духовной настроенности, всегда любвеобильного и благостного приснопамятного наместника лавры архимандрита Кронида, много добрых семян посеявшего в мою душу».

В декабре 1957 г. епископ Пимен был переведен из Одессы в Московскую епархию на викарную Дмитровскую кафедру, а в ноябре 1960 г. удостоен архиепископского сана. В марте 1961 г. архиепископ Пимен был назначен на самостоятельную Тульскую кафедру, а 14 ноября того же года переведен на Ленинградскую митрополичью кафедру. Через два года митрополит Пимен был назначен митрополитом Крутицким и Коломенским, став ближайшим помощником патриарха, одним из столпов Русской Церкви, хранящих чистоту православной веры. В воскресные и праздничные дни митрополит Пимен совершал богослужения в кафедральном Богоявленском соборе, неизменно произнося проповеди. 16 апреля 1970 г., за день до своей кончины, патриарх Алексей I возложил на митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена вторую панагию, символически выразив этим свою мысль о преемстве первосвятительского служения.

9. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1971–1987 гг.

17 июня 1971 г. новоизбранный патриарх Московский и всея Руси Пимен удостоил награждений архипастырей, деятельно участвовавших в подготовке и проведении Поместного Собора: митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима – правом служения с преднесением Креста; митрополитов Таллинского Алексия (ныне Святейший Патриарх) и Киевского Филарета (ныне анафематствован) – правом ношения второй панагии; архиепископы Херсонский и Одесский

Сергий (Петров) и Львовский и Тернопольский Николай (Юрик) были возведены в сан митрополита, а заместитель председателя ОВЦС епископ Тульский Ювеналий – в сан архиепископа.

После интронизации Святейшего Патриарха вакантной осталась Крутицкая кафедра. Священный Синод на заседании 25 июня постановил назначить митрополитом Крутицким и постоянным членом Синода архиепископа Курского Серафима (Никитина) с оставлением его в должности председателя хозяйственного управления. Еще одно изменение в составе постоянных членов Синода произошло 30 мая 1972 г., когда митрополит Никодим по состоянию здоровья был освобожден от должности председателя ОВЦС и эту должность занял возведенный незадолго перед тем в сан митрополита преосвященный Ювеналий (Поярков), сохранивший за собой Тульскую кафедру. С тех пор в течение нескольких лет (до 1977 г.), когда митрополит Серафим (Никитин) был уволен на покой, состав постоянных членов Синода оставался неизменным. В 1977 г. митрополит Ювеналий в связи с уходом на покой митрополита Серафима был переведен на Крутицкую кафедру.

Возведенный благодатию Божией на патриарший престол, новый Предстоятель Русской Церкви продолжал путь, который «предначертал для Церкви» патриарх Алексей I. Но в знаменательной речи, с которой патриарх выступил в Московской духовной академии 30 ноября 1971 г. при вручении ему диплома почетного доктора богословия, обозначены были и некоторые новые акценты в линии Патриархии: сугубо бережное отношение к православному вероучению, каноническим основам церковного строя, богослужебным традициям Церкви. «Я хочу, чтобы наше богословие было всегда сугубо ортодоксальным. Это зависит во многом от вас – сказал он, обращаясь к наставникам духовной школы, – от ваших трудов, от ваших богословских воззрений. Мне хотелось бы, – я уже об этом говорил, – чтобы традиции Русской Православной Церкви неукоснительно сохранялись, и чтобы вы в учебных программах уделяли больше внимания укреплению в слушателях сознания, что необходимо традиции Русской Православной Церкви соблюдать и хранить... Студентам и воспитанникам необходимо прививать любовь к церковнославянскому языку, объяснять им, что церковнославянский – это язык богослужебный, язык красоты особой, чистой. А этот вопрос либо обходится молчанием, либо предпринимаются попытки дать ему превратное, нежелательное толкование».

В первой половине 70-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без особых потрясений, подобных тем, которые

выпали на ее долю десятилетие назад. Государственная политика по отношению к Церкви оставалась в основных своих чертах неизменной, какой она сложилась после отставки Хрущева: жесткий, тотальный контроль за всеми проявлениями церковной жизни, противодействие попыткам расширить сферу дозволенного для Церкви, но без массовых репрессий против духовенства или верующих мирян, без массового закрытия церквей и без шумных пропагандистских атеистических кампаний.

На общем фоне этой политики репрессивные меры воспринимались уже как эксцессы, но Советское государство не могло все-таки вовсе обойтись без подобных эксцессов. Так, в 1973 г. по обвинению в коррупции был арестован Д. А. Остапов, хотя обвинение это юридически было в высшей степени несостоятельным: в Церкви, отделенной от государства, должностные лица не являются государственными служащими, по отношению к которым только и уместно выдвигать подобные обвинения. Это была месть почтенному старцу, перешагнувшему 80-летний рубеж, за то, что свое влияние на патриарха Алексия I он порой употреблял для успешного противодействия антицерковным акциям властей, проводимых зачастую руками самих церковных деятелей. Его продержали в застенке несколько месяцев и освободили, когда в оппозиционных режимах уже началась кампания в защиту секретаря покойного патриарха.

В 1975 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом внес изменения в сохранявшее силу постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях». Эти изменения коснулись главным образом имущественных прав Церкви. Указом отменялась формулировка «Постановления» 1929 г.: «Религиозные объединения и группы верующих не пользуются правом юридического лица». В то же время в нем не декларировалось и усвоение религиозным объединениям такого права. Вместо этого в указе говорилось о том, что «религиозные общества имеют право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке».

В 1970-х гг. продолжала сохраняться острота кадровой проблемы: сказалось резкое сокращение числа учащих в семинариях в начале 60-х гг. Несмотря на то что посещаемость храмов снижалась, так как большинство населения страны стало составлять поколение, воспитанное вне Церкви, более частыми становились случаи религиозного обращения людей, выросших в атеистических семьях, значительно выросло число

крещений взрослых людей, особенно в больших городах. Средний возраст прихожан начал снижаться.

«Сколько же верующих объединяет Святая Церковь? – говорил патриарх Пимен в докладе, который он произнес на торжественном заседании по случаю 60-летия восстановления патриаршества 25 мая 1978 г. – Паства наша многомиллионная. Ввиду разнообразия активности их духовной жизни и при отсутствии традиции нашей Церкви вести статистический учет верующих, назвать конкретные цифры невозможно. Наша Церковь радуется умножению своих чад и скорбит при их утрате». На основании выборочных сведений, полученных в результате социологических исследований, можно считать, что число сознательных верующих в конце 1970-х гг. составляло примерно 30–40 миллионов. Крещенных по православному обряду было больше 100 миллионов.

Новообращенная паства требовала особой пастырской мудрости в ее окормлении. Как правило, новообращенные на своем пути в ограду Православной Церкви переживали мировоззренческий кризис, часто самый мотив обращения носил у них не собственно религиозный, а идеологический характер – принятие учения Христа выросло из острого неприятия официальной советской атеистической идеологии. В связи с этим многие из новообращенных захвачены были настроением радикального социального нигилизма, сблизившего их психологически с их мировоззренческими антиподами – нигилистами 19 столетия. Дух критиканства они легко переносили и на церковную жизнь, которую их сознание часто отражало крайне неадекватно.

Эта среда тесно контактировала с политическим диссидентством 1970-х гг. К диссидентскому движению примкнуло тогда и несколько священнослужителей. Репутацию диссидентов получили и те священники, которые в своей деятельности руководствовались не политическим расчетом, а искренней пастырской тревогой за положение Церкви, болью о духовном состоянии русского народа, о распространении в народе пьянства, о падении нравственных устоев, разрушении семьи.

Частые нарушения законов со стороны органов власти по отношению к церковным общинам побуждали и высокопоставленных церковных деятелей к действиям, направленным на защиту Церкви. Так, 26 октября 1977 г. епископ Полтавский Феодосий (Дикун) обратился к главе государства Л. И. Брежневу с письмом, в котором протестовал против оскорбительных действий многих представителей власти в их обращении с верующими людьми и потребовал прекратить практику регистрации треб, исполняемых приходскими священниками; предоставить возможность

архиереям рукополагать столько священнослужителей, сколько нужно для нормальной жизни приходов; не препятствовать реставрации церквей и молитвенных домов; освободить Церковь от диктата уполномоченных, предоставить больше прав епископам; не допускать печатного оскорбления религиозных чувств верующих, прекратить практику принудительного закрытия церквей; дозволить расширение церковно-издательской деятельности.

В 70-х гг. священноначалие подчеркнуто отмежевывалось от карательных акций гражданских властей против священнослужителей. Когда в 1977 г. скончался архиепископ Иов (Кресович), которого арестовали в годы хрущевских гонений, в «Журнале Московской Патриархии», в некрологе, покойного архипастыря назвали «человеком, глубоко преданным Церкви, скромным, мирным», «добрым и щедрым пастырем», «горячо преданным Богу и милостивым к людям». Московская Патриархия пыталась помочь даже такому деятелю, как запрещенный в служении священник Глеб Якунин, несмотря на то что уже тогда в своих шумных выступлениях он обрушивался с более жесткими обвинениями на священноначалие, чем на государственную власть. В 1976 г. ему было предоставлено место чтеца в подмосковной церкви.

В 1970-е гг. укреплялись связи Русской Церкви с Церквями-сестрами. В апреле и мае 1972 г. Святейший Патриарх Пимен совершил паломничество на Святую Землю и в другие страны Ближнего Востока, встретился там с предстоятелями Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей.

В этот период продолжалась подготовка к Всеправославному Собору. В сентябре 1976 г. в Шамбези близ Женевы состоялось Первое предсоборное всеправославное совещание; в нем участвовала и делегация Русской Церкви. На совещании был уточнен каталог тем, которые предстояло обсудить на Всеправославном Соборе. Такими темами были признаны: православная диаспора; автокефалия и способ ее провозглашения; автономия и способ ее провозглашения; диптихи; календарный вопрос; препятствия к браку; приведение церковных требований о посте в соответствие с требованиями современной эпохи; отношение поместных Православных Церквей к прочему христианскому миру; православие и экуменическое движение; вклад поместных Православных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации.

Упрочению всеправославного единства способствовал визит делегации Русской Церкви во главе с патриархом Пименом в

Константинополь и встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси со Вселенским патриархом Димитрием I. В 70-е гг. встречи между предстоятелем Русской Церкви и главами других Православных Церквей стали носить регулярный характер.

Представители Русской Церкви активно участвовали также в деятельности Всемирного совета Церквей. На 5 Ассамблее ВСЦ, состоявшейся в Найроби в 1975 г., одним из президентов Всемирного совета Церквей был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, безвременно скончавшийся 5 сентября 1978 г. в Ватикане, на аудиенции у новоизбранного папы Иоанна-Павла I.

Митрополит Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов) родился в деревне Фролово Рязанской епархии в семье служащего в 1929 г. Дедушка архипастыря по матери был священником, и уже в отроческие годы Борис Ротов получил религиозное воспитание. Душа мальчика тянулась к Богу. Большое влияние на формирование его религиозности оказал архиепископ Рязанский Димитрий (Градусов). Окончив среднюю школу, Борис Ротов поступил в Рязанский педагогический институт. Но он стремился послужить Церкви, и 19 августа 1947 г., в день Преображения Господня, состоялся его постриг в монашество от руки тогда уже ярославского архиепископа Димитрия (Градусова). Вскоре архиепископ Димитрий рукоположил его в иеродиакона, а в 1949 г., едва достигнув 20-летия, иеродиакон Никодим был посвящен в иеромонаха. Пастырское служение он проходил в Ярославской епархии: с января 1952 г. служил при кафедральном соборе, а в декабре 1954 г. был назначен исполняющим обязанности соборного настоятеля. В 1955 г. иеромонах Никодим заочно закончил Ленинградскую духовную академию. Вскоре после этого, в феврале 1956 г., он был направлен на служение в Иерусалимскую духовную Миссию, в 1957 г. был назначен Священным Синодом начальником миссии с возведением в сан архимандрита. После возвращения на родину архимандрит Никодим был назначен заведующим канцелярией Московской Патриархии.

31 мая 1960 г. состоялось его назначение на должность председателя ОВЦС. За этим последовала его хиротония во епископа Подольского. Впоследствии он занимал Ярославскую и Минскую кафедры. В августе 1963 г. был назначен председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства с возведением в сан митрополита. 9 октября 1963 г. митрополит Никодим был переведен на Ленинградскую кафедру, которую занимал уже до конца своей жизни. В 1970 г. ему была присвоена степень магистра богословия за диссертацию о папе Иоанне

XXIII. 17 июня 1971 г. митрополит Никодим был удостоен высокой награды – права служения с преднесением Креста. В 1972 г., по состоянию здоровья, митрополит Никодим был освобожден от должности председателя ОВЦС. С сентября 1974 г. до кончины митрополит Никодим исполнял обязанности патриаршего экзарха Западной Европы. В 1978 г. он был избран почетным президентом Христианской мирной конференции. В феврале 1975 г. митрополиту Никодиму была присуждена степень доктора богословия. Докторской степени его удостоили и многие зарубежные богословские школы и факультеты. Несмотря на тяжелую болезнь (митрополит Никодим страдал сахарным диабетом, перенес несколько инфарктов), он не щадил себя и до конца своих дней отличался редкой трудоспособностью.

Отпевание митрополита Никодима состоялось 10 сентября в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. Чин отпевания совершил патриарх Пимен в сослужении сонма архипастырей и пастырей.

После кончины митрополита Никодима на Ленинградскую кафедру Священным Синодом был переведен митрополит Минский и Белорусский Антоний (Мельников), ставший в связи с этим постоянным членом Священного Синода, а Минскую кафедру занял митрополит Филарет (Вахромеев). Он был также назначен на должность экзарха Западной Европы, которую ранее занимал митрополит Никодим.

В 1970-е гг. в результате частичной нормализации взаимоотношений между государственными органами и Церковью появились возможности для увеличения числа учащихся духовных школ. За десятилетие, с 1975 по 1985 г., оно выросло почти в два раза – с 750 до 1200.

Ввиду приближения юбилейной даты – 1000-летия Крещения Руси, Священным Синодом в 1981 г. была образована Юбилейная комиссия под председательством патриарха Пимена, которая возглавляла работу по подготовке юбилейных торжеств. В Совете по делам религий было заявлено синодальной комиссии, что празднование 1000-летия Крещения Руси – это только внутренний церковный юбилей, но чиновники совета оказались плохими пророками.

В связи с предстоящим юбилеем патриарх и Синод просили правительство передать Церкви один из монастырей Москвы для устройства в нем и на примыкающих к нему участках церковного административного центра. Решение передать Церкви Свято-Данилов монастырь было принято еще при Л. И. Брежнев, в 1982 г., но официальная передача состоялась 17 мая 1983 г. Монастырские храмы и строения находились в крайне разрушенном состоянии: до передачи их

Церкви они использовались в промышленных целях, ранее в монастыре находилась детская пересыльная тюрьма. Священный Синод назначил председателем Комиссии по приему, реставрации и строительству в Свято-Даниловом монастыре митрополита Таллинского Алексия (ныне Святейший Патриарх), и его попечением монастырь восстал из руин. Средства на восстановление святой обители жертвовала вся православная Русь. Наместником обители был назначен архимандрит Евлогий (Смирнов). Монастырскую братию составили главным образом монахи, переведенные из Троице-Сергиевой лавры, из московских духовных школ.

80-е гг. явились временем кризиса Советского государства и началом радикальных перемен в истории России. В последние годы правления Брежнева обнаружились несомненные черты разложения советского режима, но существенных перемен во взаимоотношениях Церкви и государства, несмотря на частую смену первых лиц в Кремле, в первой половине 80-х гг. не произошло. Официальные идеологические партийные документы как при Андропове, так и при Черненко ставили атеистическое воспитание в ряд важнейших задач партии и комсомола. Июньский 1983 г. Пленум ЦК КПСС потребовал «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов... уделять больше внимания атеистическому воспитанию... настойчивее внедрять советскую обрядность». В ноябре 1984 г. В. А. Куроедов был уволен с должности председателя Совета по делам религий при Совмине СССР. Вместо него назначен был К. М. Харчев, в прошлом партийный работник и дипломат.

В первой половине 80-х гг. в связи с ухудшением состояния здоровья Святейшего Патриарха Пимена руководство церковной жизнью осуществлял митрополит Таллинский и Эстонский Алексий, который еще с середины 60-х гг. управлял делами Московской Патриархии и был председателем Учебного комитета. Постоянными членами Синода, помимо митрополита Алексия, оставались в 80-х гг. митрополиты Киевский Филарет, Ленинградский Антоний и Крутицкий Ювеналий. Единственным изменением в составе постоянных членов Синода стало включение в него в 1981 г. митрополита Минского Филарета (Вахромеева), по новой его должности председателя ОВЦС.

29 мая 1986 г. в возрасте 62 лет после долгой болезни отошел ко Господу митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников), церковное служение которого началось в 1944 г. иподиакономством у патриаршего местоблюстителя, а впоследствии патриарха Алексия I. В 1950 г. он окончил Московскую духовную академию, был пострижен и хиротонисан в иеродиакона и иеромонаха.

Церковное служение будущего архипастыря до его архиерейской хиротонии было связано главным образом с руководством духовными школами и управлением монастырями. В 1964 г. архимандрит Антоний был хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии; в 1965 г. он был переведен на Минскую кафедру, которую занимал до перевода на Ленинградскую в 1978 г. Возглавляемые им богослужения отличала молитвенная сосредоточенность, сердечная простота и проникновенность. Митрополит Антоний проповедовал за каждой своей службой. У людей, близко знавших его, он вызывал особое уважение широтой своей эрудиции и доброжелательностью к людям. В последний месяц своей земной жизни митрополит Антоний ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Свою замечательно богатую библиотеку он завещал Данилову монастырю. Впоследствии она вместе с библиотекой архиепископа Тамбовского Михаила (Чуба) стала ядром Синодальной библиотеки. Погребение почившего возглавил митрополит Таллинский Алексей.

29 июля 1986 г. состоялось заседание Священного Синода, на котором на Ленинградскую кафедру был поставлен митрополит Алексей с сохранением за ним управления Таллинской епархией. В связи с переводом на Ленинградскую кафедру он был освобожден от должности управляющего делами Московской Патриархии, на которую Синод назначил митрополита Одесского и Херсонского Сергия (Петрова). С этой должностью сопряжено постоянное членство в Священном Синоде. 16 сентября 1986 г. Священный Синод по личной просьбе митрополита Ленинградского Алексея освободил его от обязанностей председателя Учебного комитета и назначил новым председателем ректора Московской духовной академии архиепископа Дмитровского Александра (Тимофеева). 30 декабря 1987 г. Священный Синод освободил от должности управляющего делами Московской Патриархии митрополита Одесского Сергия; новым управляющим и одновременно постоянным членом Синода был назначен митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан).

В марте 1985 г. произошла смена политической верхушки Советского государства. После смерти Черненко генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. С. Горбачев, и уже в первый год его правления проявились реформистские тенденции, которые, правда, мало еще коснулись религиозной политики. Новый политический курс, получивший название «перестройка», включал в себя среди прочего либерализацию политической системы, гласность в средствах массовой информации,

тотальный контроль над которыми уступал место более тонкому и сложному манипулированию со стороны политического руководства.

Начиная с конца 1986 г. одной из самых популярных тем средств массовой информации становятся репрессии в годы сталинского режима. Среди жертв политических репрессий упоминаются и священнослужители. В первые перестроечные годы в обществе преобладали оптимистические настроения; экономические трудности и угроза распада государства обнаружилось позже, в конце 80-х гг. Болезненные явления и прошлого и настоящего перестали быть запретными для освещения в средствах массовой информации; широкое звучание приобретает тема духовного выздоровления и возрождения общества, удобная в переходный период своей неопределенностью, потому что в понятие «духовности» всякий волен был вкладывать свое понимание.

17 декабря 1985 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей направил М. С. Горбачеву письмо, в котором обратил его внимание на многовековое служение Русской Церкви своему народу, на заслуги Церкви перед государством и поставил вопрос о пересмотре государственного законодательства, регламентирующего статус религиозных объединений. В этом письме, в частности, говорилось: «Происходящие сейчас в нашей стране изменения находят широкий отклик среди православных верующих и православного духовенства. Деловой и реалистический подход к существующим проблемам, отказ от пустой фразеологии и прожектерства – это веление времени... В этих условиях перед нами, естественно, встает вопрос: что может сделать Русская Православная Церковь для того, чтобы содействовать претворению в жизнь курса, встречающего одобрение всего народа? Не вдаваясь в детали, которые требуют обдумывания, разработки, могу сказать, что основные направления нашего сотрудничества, которое, кстати, де-факто уже имеет место, ясны. Русская Православная Церковь может внести существенный вклад в патриотическое и гражданское воспитание, в дальнейшее укрепление единства нашего общества, что столь необходимо в нынешней сложной международной обстановке. В церковной проповеди следует большее внимание уделять разъяснению необходимости добросовестного отношения к труду, к умножению общественного достояния, бережного отношения к хлебу насущному, деятельному участию в охране окружающей среды, в охране памятников истории и культуры, – к решению всех тех задач, которые стоят перед обществом. Церковь могла бы более активно и решительно бороться с различными

пороками и «болезнями в обществе», не только с пьянством, но и с моральной распушенностью, черствостью, эгоизмом, добиваясь укрепления... семьи, как важной ячейки общества, выступать за духовное и нравственное здоровье людей... Необходимо признать, – продолжает автор письма, – что для выполнения важных задач, о которых сказано выше, Русская Православная Церковь в полной мере еще не готова. Следует провести трудоемкую подготовительную работу, готовить соответствующие кадры. Назрел также вопрос о пересмотре существующих республиканских законодательств в отношении религиозных объединений, которые устарели и не отвечают новым реальностям, сложившимся в нашем обществе и государстве».

В 1986 г. начался пересмотр политики советского руководства по отношению к Русской Православной Церкви и другим религиозным общинам. В печати появились статьи, авторы которых в стремлении к духовному возрождению общества возлагали надежду на Православную Церковь. Грандиозная Чернобыльская катастрофа углубила в обществе апокалиптические и религиозные настроения, а дискредитация советского периода истории России вызывала ностальгическое отношение к дореволюционной России, обострила интерес к Православной Церкви, в которой всегда виделся островок старой России, уцелевший в коммунистической пучине. В 1987 г. официальная идеология, в том числе и в атеистической своей части, ведет уже арьергардные бои при стремительном отступлении. Благоприятные перемены в отношении политического руководства страны к Церкви стали очевидными, но до подлинной религиозной свободы было еще далеко, потому что существовала в основах своих непоколебленной старая политическая и юридическая система.

В канун 1000-летия Крещения Руси было проведено три международных юбилейных конференции: церковно-историческая в Киеве в 1986 г., московская конференция в 1987 г., посвященная вопросам богословия и духовной жизни, ленинградская – в начале 1988 г. по проблемам литургики, богослужения, церковного искусства и церковного права. Эти конференции, во-первых, обнаружили огромный интерес отечественной и зарубежной научной общественности к предстоящему юбилею и к Русской Церкви вообще; во-вторых, они показали, что, несмотря на долгие гонения на Церковь, она сумела вырастить хотя и не сравнимые с дореволюционными, но все-таки реальные научные силы; в-третьих, конференции проложили путь к сотрудничеству церковной науки с наукой светской, среди деятелей которой оказались люди либо

сочувственно относящиеся к Церкви, либо принадлежащие к ней не только по факту крещения, но и по своему мировоззрению.

10. Тысячелетие Крещения Руси и конец советской эпохи (1988–1990)

Важнейшим событием 1988 г. явилось празднование 1000-летия Крещения Руси. Этот юбилей получил всемирный резонанс. Генеральная ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить «1000-летие введения христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре».

С 28 по 31 марта 1988 г. в Московском Новодевичьем монастыре заседало Предсоборное архиерейское совещание. На нем были рассмотрены программа Юбилейного Поместного Собора и проекты его документов. Особое внимание привлек проект Устава об управлении Русской Православной Церкви, архиереи внесли в него ряд поправок. На архиерейском совещании были приняты имена подвижников благочестия для канонизации на Поместном Соборе.

В конце апреля 1988 г. состоялась встреча Святейшего Патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода: митрополитов Ленинградского Алексия, Киевского Филарета, Крутицкого Ювеналия, Минского Филарета и Ростовского Владимира – с М. С. Горбачевым, которую, по ее последствиям, можно сравнить со встречей Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, но, в отличие от кремлевской встречи 1943 г., в 1988 г. прием происходил перед телекамерами разных стран мира. М. С. Горбачев сказал на этой встрече, что трагические события периода культа личности затронули и религиозные организации, но ошибки исправляются и разрабатывается закон о свободе совести, где будут отражены интересы религиозных организаций. С ответным словом выступил патриарх Пимен и напомнил собравшимся о грядущем великом празднике 1000-летия Крещения Руси, о том, что Церковь всегда соединяла свое служение с заботой о целостности Отечества. В состоявшейся затем беседе, как сообщали средства массовой информации, был поставлен ряд конкретных вопросов, связанных с обеспечением нормальной деятельности Православной Церкви.

После этой встречи был открыт путь к широкому, общенациональному празднованию 1000-летия Крещения Руси, которое стало подлинным триумфом Церкви, «расточившим ее врагов». 26 мая 1988 г. в Оружейной палате Кремля состоялась торжественная церемония передачи Церкви в лице ее иерархов святынь, хранившихся в кремлевских музеях, и среди них частицы Древа Креста Господня, камня Гроба Господня, десницы святого апостола Андрея Первозванного, главы

святителя Иоанна Златоуста, частиц мощей равноапостольного князя Владимира и других русских святых. За несколько дней до начала юбилейных торжеств Церкви была возвращена часть Киево-Печерской лавры.

Самой серьезной проблемой для Церкви начиная с 60-х гг. было недостаточное количество приходов. И вот за 5 первых месяцев 1988 г. число приходов увеличилось более чем на 60. Церковные деятели получили наконец доступ к средствам массовой информации – в печать, на радио и телевидение, они стали участвовать в публичных дискуссиях: о нравственном состоянии общества и путях его оздоровления, о культурном наследии, о проблемах сохранения мира, по национальному вопросу. Архипастыри и пастыри начали встречаться с общественностью в клубах, Домах культуры, их приглашали в институты и школы. Состоявшееся в мае 1988 г. в Новгороде приуроченное к памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия празднование Дней славянской письменности, на котором священнослужители встретились с видными деятелями русской культуры, прошло под знаком великого юбилея.

Юбилейные торжества продолжались с 5 по 12 июня. На празднование 1000-летия Крещения Руси в Москву съехались члены Поместного Собора и 517 почетных гостей, среди которых были патриархи Антиохийский Игнатий IV, Иерусалимский Диодор I, Грузинский Илия II, Болгарский Максим, главы Кипрской Церкви – архиепископ Хризостом, Польской – митрополит Василий, Чехословацкой – митрополит Дорофей, Православной Церкви в Америке – митрополит Феодосий, и высокие инославные гости – кардиналы Агостино Казароли, Йозеф Глемп, архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси, генеральный секретарь ВСЦ Эмиль Кастро, патриарх и католикос всех армян Вазген I; митрополит Делийский Павел Мар Григорий, глава Коптской Церкви патриарх Александрийский Шенуде III. В торжествах участвовали главы и представители нехристианских религиозных общин, общественные и политические деятели со всего мира. 5 июня, в Неделю всех святых, Божественной литургией в московском Богоявленском соборе открылись юбилейные торжества.

После поздравлений, с которыми к патриарху Московскому и всея Руси обратились патриарх Иерусалимский Диодор I и коптский патриарх Александрийский Шенуде III, первосвяtitель Русской Церкви произнес ответное слово: «Настал час великого торжества Русской Православной Церкви. Соборной молитвой мы полагаем начало празднованию 1000-летия Крещения Руси... Ныне мы вспоминаем тысячелетний путь

жертвенного служения Русской Православной Церкви и вместе с тем свидетельствуем, что она, как и прежде, не ослабевает наставлять чад своих на путь духовного совершенствования, утверждения в нашем едином земном доме Богом установленных заповедей, определяющих наши отношения ко всем дальним и близким (Еф. 2:17), братьям и сестрам нашим...».

Юбилейный Поместный Собор открылся 6 июня Божественной литургией в Троицком соборе лавры преподобного Сергия. На Собор прибыло 272 представителя от 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 22-х монастырей, 2-х духовных академий и 3-х семинарий, от зарубежных учреждений Русской Церкви и от Японской Автономной Церкви. Заседания Собора проходили в Сергиевском Трапезном храме лавры. В президиум Собора были избраны патриарх и постоянные члены Синода. Собор образовал секретариат во главе с митрополитом Одесским Сергием, Мандатную комиссию под председательством митрополита Сурожского Антония и редакционную комиссию во главе с архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (Гундяевым).

На первом заседании после приветствия гостей Собора с докладом «1000-летие Крещения Руси» выступил митрополит Киевский Филарет. В его докладе прослежены исторические судьбы Русской Церкви от ее начала до наших дней.

6 июня председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий огласил доклад «Канонизация святых в Русской Православной Церкви». Этот доклад представляет собой основательное богословское, церковно-историческое и агиологическое исследование. Для прославления в лике святых были предложены: благоверный князь Московский Димитрий Донской, преподобный Андрей Рублев, преподобный Максим Грек, святитель Макарий Московский, преподобный Паисий (Величковский), блаженная Ксения Петербургская, святитель Игнатий (Брянчанинов), преподобный Амвросий Оптинский, святитель Феофан Затворник. В заключительной части доклада в прикровенной форме была выражена мысль о возможной в будущем канонизации новомучеников. По решению Поместного Собора был совершен чин канонизации новоявленных угодников Божиих.

На утреннем заседании 7 июня с докладом «Жизнь и деятельность Православной Церкви» выступил митрополит Владимир (Сабодан), управляющий делами Московской Патриархии. В докладе был дан обзор основных событий церковной жизни с 1971 по 1988 г., приведены статистические сведения. Ко времени созыва Поместного Собора Русская

Церковь имела 6893 прихода, 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 74 епископа (7 из них несли служение за рубежом), 6674 священника и 723 диакона, 22 монастыря с 1190 насельниками и насельницами; 1999 учащихся духовных школ, включая регентские школы и заочный сектор. Вслед за тем митрополит Владимир остановился на актуальных проблемах церковной жизни, необходимости реорганизовать управление делами Московской Патриархии, увеличить тираж книг Священного Писания и молитвословов, интенсивнее развивать церковно-издательскую деятельность, которую следует направить на катехизацию верующих, на подготовку квалифицированных преподавателей духовных школ. В церковных общинах необходимо поощрять активность прихожан, особенно в делах благотворительности.

Доклад «Внешние связи Русской Православной Церкви» представил председатель ОВЦС митрополит Минский и Белорусский Филарет. В нем был дан обзор взаимоотношений Русской Церкви с другими Православными Церквями во второе тысячелетие христианской истории. Большой раздел доклада посвящен экуменической деятельности Русской Церкви.

На вечернем заседании 7 июня с докладом о миротворческой деятельности Русской Православной Церкви выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, ныне Святейший Патриарх. В докладе было дано глубокое обоснование миротворческого служения Церкви с опорой на святоотеческое наследие и показана органическая связь церковного миротворчества с патриотической позицией Русской Церкви: «Христианство – это всемирная наднациональная религия, не зависящая от политических границ. Ближний в христианстве – это каждый человек на земле. Но в то же время христианство учит, что прежде всего христианин отвечает за свою семью, за свой народ, государство, печется о них и готов за них, за друзей своих положить душу свою (Ин. 15:13)». В докладе были подробно освещены миротворческие аспекты экуменической деятельности Церкви в 70–80-е гг.

Доклад об издательской деятельности Русской Православной Церкви представил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев), председатель Издательского отдела Московской Патриархии. Он подчеркнул ведущую роль Церкви в распространении на Руси книжной культуры в синодальную эпоху. К концу 19 в. помимо «Епархиальных ведомостей», которые выходили в 61 епархии, и 44 других епархиальных периодических изданий, существовало еще 256 церковных газет и журналов. Первоочередной задачей церковно-издательской деятельности

митрополит Питирим назвал публикацию Священного Писания и богослужебных книг, выпуск научно-богословских трудов.

8 июня с докладом «Духовное образование Русской Православной Церкви» выступил председатель Учебного комитета ректор Московской духовной академии и семинарии архиепископ Дмитровский Александр. Докладчик проследил историю духовного просвещения и школьного дела на Руси, подробно остановившись на духовном просвещении синодального периода. В отчете о деятельности духовных школ в период после Поместного Собора 1971 г. докладчик привел следующие статистические данные: из духовных семинарий за это время вышло 3692 выпускника, из академий – 895; защищено 473 кандидатских и 20 магистерских работ, 9-ти богословам присвоена докторская степень. Особое внимание в докладе было уделено проблемам, перед которыми стояли тогда духовные школы. Архиепископ Александр высказался за открытие новых семинарий в Сибири и Поволжье, на Украине и в Белоруссии. Он также указал на необходимость открытия епархиальных курсов для подготовки регентов и псаломщиков.

Доклад председателя Хозяйственного управления митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия «Хозяйственная деятельность Русской Православной Церкви от древности до наших дней (988–1988)», ввиду болезни докладчика, был зачитан секретарем Хозяйственного управления протоиереем Леонидом Кузьминовым. Особое внимание в нем было уделено производственной деятельности Софринских мастерских, созданных в 1980 г. С этого времени было изготовлено 11100 тонн свечей, 250 миллионов печатных икон, 63 миллиона нательных крестов. В докладе отмечен ряд серьезных проблем, связанных с реставрацией церквей, нерешенностью вопроса о церковной собственности. Проблемой проблем, сказано в докладе, является создание собственного реставрационного участка.

Главным событием вечернего заседания 8 июня явилось обсуждение и принятие Устава об управлении Русской Православной Церкви. Проект Устава был представлен Собору архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (ныне митрополит Смоленский и Калининградский). «Церковные уставы – сказал он, – являются своего рода комментариями к канонам. При этом они сами обладают высоким каноническим авторитетом, поскольку принимаются Поместными Соборами. «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое на Поместном Соборе 1945 г., устарело. Изменения, внесенные в него в 1961 г., продиктованные сложной ситуацией, в которой оказалась Церковь на

рубеже 50–60-х гг., привели к тому, что духовенство оказалось фактически отстраненным от руководства приходами, а юридически – и вообще от самих приходов». Предлагаемый проект Устава докладчик поставил в преемственную связь с определениями Собора 1917–1918 гг. Эта связь воплощена в попытке выразить в современных категориях основную идею православной эkkлезиологии – идею соборности.

Вместе с предложенными поправками Устав об управлении Русской Православной Церкви был принят Поместным Собором. Новый Устав ввел периодичность созыва Поместных и Архиерейских Соборов. Поместному Собору, по Уставу, принадлежит высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, исполнительная и судебная. Собор созывается патриархом (местоблюстителем) и Священным Синодом по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет. В его состав входят архиереи, клирики, монашествующие и миряне. Все архиереи – члены Собора составляют Архиерейское совещание. Оно созывается председателем Собора, советом Собора или по предложению 1/3 архиереев. В его задачу входит обсуждение тех постановлений, которые особенно важны и вызывают сомнение с догматической и канонической точек зрения. Если решение Собора отвергается 2/3 присутствующих архиереев, оно повторно выносится на соборное рассмотрение. Если же и после этого 2/3 архиереев его отвергнут, оно теряет силу.

Согласно Уставу, в состав Архиерейского Собора входят епархиальные архиереи и епископы, возглавляющие синодальные учреждения и духовные школы. В период между Поместными Соборами Архиерейский Собор обладает полнотой высшей церковной власти. В Уставе определена периодичность созывов Архиерейского Собора: не реже одного раза в два года. Соборы созываются также по мере необходимости.

Предстоятель Русской Православной Церкви имеет первенство чести среди епископов и подотчетен Поместному и Архиерейскому Соборам. Имя патриарха возносится за богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви. Новый Устав изменил порядок назначения местоблюстителя. По Уставу, местоблюститель должен избираться Священным Синодом на заседании под председательством митрополита Киевского из числа постоянных членов Синода. Между тем, согласно Положению об управлении Русской Православной Церкви 1945 г., местоблюститель не избирался, им становился старейший по хиротонии постоянный член Синода. Святейший патриарх управляет Церковью

вместе со Священным Синодом. Новый Устав предусматривает также расширение состава Священного Синода: число его временных членов было увеличено до пяти.

Возвращаясь к основным принципам определений Собора 1917–1918 гг. о епархиальном управлении, Поместный Собор в Уставе восстановил такой институт, как епархиальные собрания. Важнейшие изменения, в сравнении с действовавшим ранее «Положением об управлении Русской Православной Церкви», касаются приходов. По Уставу, клирики включаются в состав приходского собрания, а председательство в приходском собрании Устав предоставил настоятелю прихода.

На вечернем заседании Собора 8 июня был принят ряд других документов: «Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью», «Обращение ко всем, держащимся старых обрядов и не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом», «Послание боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви».

В «Обращении к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью», составленном в духе христианской любви, говорится: «Мы с вами знаем, что в основе существующих разделений лежат не вопросы веры, но внешние исторические обстоятельства, в обстановке которых между нами выросла стена отчужденности. Но мы должны верить, что общими благими усилиями эта стена может быть разрушена... Некоторые наши братья, находящиеся в разделении, имеют желание вступить с нами в диалог. Мы приветствуем это и надеемся, что такой диалог, милостью Божией, мог бы привести нас к столь желаемому восстановлению церковного общения, помог бы разрушить разъединяющие ныне нас преграды... Поместный Собор призывает вас, дорогие братья и сестры, внять голосу этой любви, обращенному к вам в дни празднования 1000-летия Крещения Руси».

9 июня члены Собора обсудили и приняли ряд новых документов: «Определения Поместного Собора», «Обращение ко всем христианам мира», «Заявление по насущным проблемам современности».

В своих «Определениях» Поместный Собор, среди прочего, постановил одобрить деятельность Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом в период после Поместного Собора 1971 г. Поместный Собор провозгласил чрезвычайную важность попечения о нравственной чистоте клира, монашествующих и всех чад церковных. Собор постановил также увеличить издание книг Священного Писания, творений святых отцов и молитвословов, а также издавать

катехизическую, назидательную, богословскую и церковно-историческую литературу, необходимую для удовлетворения духовных нужд многомиллионной паствы, подчеркнул необходимость выпуска церковных изданий на языках народов, верующие которых являются членами Русской Православной Церкви. Собор отметил необходимость открытия новых духовных учебных заведений, организации подготовки псаломщиков в епархиях, а также совершенствования учебного и воспитательного процесса в духовных школах, развития научно-богословской мысли в духе лучших традиций отечественной богословской науки. Собор признал необходимым всемерное развитие традиционного для Православной Церкви служения в области милосердия и церковной благотворительности.

На заключительном заседании Собора с докладом от Мандатной комиссии выступил митрополит Сурожский Антоний, сообщивший статистические сведения об участниках Собора.

На Поместном Соборе 1988 г. в отличие от двух предшествующих Соборов (1945 и 1971 гг.) обсуждение некоторых тем приобретало острый, полемический характер. В этом отношении особое внимание привлекла к себе речь архиепископа Иркутского Хризостома (Мартишкина). Он говорил, в частности, об отсутствии согласованности в действиях епархиальных архиереев по отношению к священнослужителям, нарушающим свои пастырские обязанности. Он высказался также против того, чтобы настоятели вернулись к административному руководству в приходах и распоряжению приходскими средствами. Речь митрополита Львовского Никодима была проникнута тревогой в связи с обнаружившимися уже в конце 80-х гг. стремлениями сепаратистов возродить унию в Галиции при поддержке со стороны экспансионистски настроенных католических кругов. Архиепископ Смоленский Кирилл в своем выступлении говорил главным образом о проблемах, которые стоят перед духовными школами, особо обратив внимание на слабую подготовку их выпускников к практической церковной деятельности. Архиепископ Куйбышевский Иоанн (Снычев) в своем выступлении выразил озабоченность тем, что в среде не только студентов, но и преподавателей духовных школ встречаются неправославные богословские воззрения, предложил создать «своего рода цензуру, которая бы проверяла преподавателей и профессоров с точки зрения их православного направления». Протоиерей Илия Карлинов критиковал Издательский отдел Патриархии за то, что не печатаются книги на чувашском языке.

Заключительное слово на Соборе произнес патриарх Пимен.

10 июня в Большом театре состоялся торжественный акт,

посвященный 1000-летию Крещения Руси. Доклад о 1000-летнем пути Русской Церкви был зачитан на нем митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, который, касаясь последних 70 лет церковной истории, сказал, что складывающиеся между государством и Церковью отношения не были однозначными. «Это было вызвано различными причинами. Среди тех, кто подвергся массовым репрессиям, были и священнослужители, и верующие. Церковь разделила с народом тяготы выпавших на его долю испытаний». Характеризуя современное состояние Церкви, докладчик сообщил следующие сведения: «В настоящее время в лоне Русской Православной Церкви находятся десятки миллионов верующих. Достаточно указать на то, что со времени Поместного Собора 1971 г. святое крещение приняло свыше 30 миллионов человек. Средний возраст духовенства Русской Православной Церкви составляет 47 лет».

В тот же день в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца группа архипастырей во главе со Святейшим Патриархом Пименом была награждена государственными орденами.

В Неделю всех святых, в земле Российской просиявших, в Даниловом монастыре было совершено торжественное богослужение. Божественную литургию служили патриарх Антиохийский Игнатий IV, патриарх Иерусалимский Диодор I, патриарх Московский Пимен, католикос-патриарх всей Грузии Илия II, патриарх Румынский Феохист, патриарх Болгарский Максим, архиепископ Кипрский Хризостом. Молитвы и возгласы произносились на греческом, арабском, славянском, грузинском и румынском языках. За литургией молились почетные гости и десятки тысяч православных людей, собравшихся в древней обители на великое торжество.

В конце слова, произнесенного за литургией, патриарх Пимен сказал: «Завершаются первые десять веков истории нашей Церкви. Господи! Благослови в мире и благочестии вступить во второе тысячелетие нашего бытия в доме Божиим, который есть Церковь Бога Живаго, «столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15)».

Юбилей 1000-летия Крещения Руси принес с собой радикальные перемены в церковной жизни. После Собора до конца 1988 г. было открыто более тысячи приходов; этот процесс продолжался и в 1989 г., в конце которого число приходов Русской Церкви приблизилось уже к десяти тысячам. В 1988 г. был увеличен прием абитуриентов в семинарии. В Смоленске в том же году открылось первое межпархиальное духовное училище. В 1989 г. открылись новые семинарии: Киевская, Тобольская и Минская.

В 1989 г. Русская Церковь отмечала новый юбилей – 400-летие учреждения патриаршества. В связи с этим юбилеем с 9 по 11 октября в Даниловом монастыре заседал Архиерейский Собор. Архиерейский Собор по докладу председателя синодальной Комиссии по канонизации святых митрополита Ювеналия совершил прославление первого патриарха Московского Иова и первого предстоятеля Русской Церкви после восстановления патриаршества святителя Тихона. По существу, канонизация патриарха Тихона была первым шагом к прославлению новомучеников и новых исповедников Российских, пострадавших в годы революционной смуты и большевистского террора. Собор также поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы для прославления протоиерея Иоанна Кронштадтского.

В своих «Определениях» Собор особое внимание уделил состоянию приходской жизни, «связав свои надежды на благотворные преобразования церковной жизни с возрождением жизни приходов, включающей в себя богослужение, диаконию, научение в вере, взаимную поддержку его членов». Собор принял решение о реорганизации системы духовного образования, признав целесообразным преобразовать духовные семинарии в высшие школы. Архиерейский Собор рекомендовал епархиальным архиереям возобновить издание епархиальных ведомостей. Собор высказал свою точку зрения на содержание подготавливаемого «Закона о свободе совести». «Мы считаем необходимым – говорится в «Определениях», – внесение в него следующих положений: 1) юридическое признание Церкви как единой религиозной организации и уравнение ее в правах с другими общественными организациями; 2) предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; 3) предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности; 4) свободное издание и распространение религиозной литературы; 5) доступ Церкви к средствам массовой информации; 6) отмена дискриминационного налогообложения и уравнение в этом отношении духовенства и церковных работников со всеми советскими гражданами».

Архиерейский Собор выразил озабоченность состоянием церковной жизни в западных епархиях Украины, где предпринимались усилия к возрождению унии. В связи с этим Собор подтвердил определение всеправославного совещания 1986 г., что униатская проблема является «препятствием на пути к единству» и омрачает наши отношения с Римокатолической Церковью.

В №2 «Журнала Московской Патриархии» за 1990г. была

опубликована статья нового председателя ОВЦС архиепископа Смоленского Кирилла, в которой остро представлены взаимоотношения Церкви с государством и обществом в прошлом и настоящем: «Для того чтобы Церковь могла осуществлять пастырское служение в обществе, необходимо соблюдать, по меньшей мере, два неперемennых условия. Во-первых, общество должно допускать и уважать пророческую миссию Церкви, которая предполагает противостояние греху и утверждение духовно-нравственных ценностей. Пророческое служение Церкви есть бескорыстное провозглашение правды, которое не должно и не может преследовать какие-либо скрытые политические, экономические или даже мировоззренческие интересы. Голос Церкви должен быть голосом совести, пробуждающим спящую совесть людей, формирующим систему нравственных ценностей. Во-вторых, Церковь призвана быть вне политики в том смысле, что у нее не должно быть своих собственных политических программ, а в равной мере и претензий на политическое лидерство...

Хорошо известно, что в течение нескольких десятилетий пророческий голос Церкви слышали немногие наши соотечественники. В обществе господствовал ложный и весьма опасный стереотип, относящий религию и Церковь к досадным «пережиткам буржуазного строя», противоречащим социалистической морали, построение нового общества связывалось с идеей искоренения «религиозных предрассудков». На этом пути использовались разнообразные методы: от репрессий и грубого администрирования до оскорбительной пропаганды и замалчивания. В результате Церковь оказалась вытесненной из общественной жизни. Ей было предоставлено узкое и неосвещенное пространство за «полями» этой жизни, призванное демонстрировать «массовый» отход граждан от религии. Видимым символом положения религии в нашем обществе был закрытый кафедральный собор в центре города и переполненная старушками маленькая церковь на городской окраине. Такая картина была призвана показать, что Церкви нет места в динамичной жизни современного общества, а значит, нет места в будущем».

Бурные политические события в стране, рост сепаратистских движений отражались и на церковной жизни. Особенно тревожные события происходили с начала 1988 г. в церковной жизни Галиции. Сохранившиеся там немногочисленные нелегальные униатские общины вышли из подполья, появились униатские священники и епископы, и началась опирающаяся на местные националистические силы агрессивная кампания, целью которой был захват православных храмов. Местные власти, еще коммунистические, но уже ориентирующиеся на союз с

националистами, не оказывали противодействия организаторам и участникам этой кампании даже тогда, когда она осуществлялась в формах неприкрытого насилия над верными Православной Церкви священнослужителями и мирянами. Пытаясь предотвратить легализацию и распространение унии, патриарший экзарх Украины митрополит Киевский Филарет главную ставку делал на то, чтобы убедить руководство СССР не допустить легализации униатской Церкви, поскольку это в конечном счете приведет к децентрализации государства. Выбранная им церковно-политическая линия, с одной стороны, скомпрометировала правое дело защиты православия в глазах верующих галичан, много пострадавших от советского режима, а с другой – не привела к успеху. Кремль остался глух к его аргументам. Уже в сентябре 1988 г. представитель Совета по делам религий Ю. Смирнов заявил, что униаты на Украине могут действовать легально, в июне 1989 г. он публично пообещал, что после принятия нового закона о свободе совести на Украине начнется регистрация униатских общин. Заявления эти делались для того, чтобы заслужить одобрение советской перестроечной политики в религиозной области со стороны влиятельных политических и общественных кругов на Западе, а в Галиции они были поняты униатским духовенством и «Комитетом защиты Украинской Церкви» во главе с Иваном Гелем как прямое поощрение произвола. Комитет организовывал тогда уже прямо погромные и разбойные акции по захвату православных храмов.

Осенью 1989 г. ситуация в церковной жизни Западной Украины стала еще более сложной и тяжелой. Уволенный на покой после многократных жалоб на состояние здоровья бывший епископ Житомирский Иоанн (Боднарчук), который этими просьбами добивался, собственно, не увольнения, а перевода в одну из прикарпатских епархий, 1 ноября 1989 г. сообщил в Патриархию о выходе из ее юрисдикции. Священный Синод пригласил его на свое заседание, назначенное на 13 ноября, но епископ Иоанн отказался явиться в Москву, заявив, что он вошел в юрисдикцию Украинской автокефальной православной церкви во главе с «митрополитом» Мстиславом (Скрыпником). В благодарность за переход митрополит Мстислав пожаловал раскольнику сан архиепископа. Несколько приходов в Галиции ушли в Украинскую автокефальную православную церковь вместе с епископом Иоанном. За внесение раскола Священный Синод Русской Православной Церкви на своем заседании 14 ноября 1989 г. лишил епископа Иоанна сана, объявив безблагодатными священнослужения, совершаемые им и находящимся в общении с ним

духовенством.

1 декабря 1989 г. на встрече М. С. Горбачева с папой Иоанном Павлом II в Ватикане был окончательно решен вопрос о легализации унии. В этот же день председатель Совета по делам религий Украинской ССР сделал заявление о том, что униатские приходы впредь будут регистрироваться на тех же основаниях, что и другие религиозные общины.

30 и 31 января 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре в Москве состоялся Архиерейский Собор. Собор открыл краткой речью Святейший Патриарх Пимен: «Со всей остротой перед нами стоит вопрос о взаимоотношениях между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине. С болью мы воспринимаем раскол, учиненный сторонниками так называемой Украинской автокефальной православной церкви. Эти горестные события потребовали их срочного обсуждения на настоящем Соборе епископов Русской Православной Церкви. На Соборе мы предполагаем также обсудить некоторые вопросы дальнейшего церковного строительства».

Далее были заслушаны доклады митрополита Киевского Филарета «О положении в Русской Православной Церкви в связи с обострением межнациональных и межтерриториальных отношений в некоторых регионах нашей страны» и «О результатах переговоров между делегациями Русской Православной и Римо-католической Церквей по нормализации отношений православных и католиков восточного обряда в западных областях Украины» и доклад архиепископа Смоленского Кирилла о проекте «Положения об экзархатах Московского Патриархата».

В связи с раскольническими действиями бывшего епископа Иоанна (Боднарчука) Собор подтвердил определение Священного Синода от 14 ноября 1989 г. относительно бывшего епископа Иоанна (Боднарчука) и заявил о полной неканоничности провозглашенной им Украинской автокефальной православной церкви греко-украинского обряда, призвав всех священнослужителей и мирян, уклонившихся в раскол, вернуться в ограду Матери-Церкви.

По докладу председателя ОВЦС архиепископа Смоленского и Калининградского Кирилла Архиерейский Собор принял «Положение о экзархатах», внося его в качестве 12 раздела в «Устав об управлении Русской Православной Церкви». Одновременно Собор упразднил зарубежные экзархаты Русской Церкви, подчинив девять зарубежных епархий Русской Церкви непосредственно Святейшему Патриарху и Священному Синоду. В определении Собора о ситуации на Западной Украине в связи с захватами православных храмов униатами, проникнутом

духом христианской любви, предлагался вполне конструктивный подход к мирному разрешению конфликта: «Факты изгнания католиками восточного обряда православных из храмов с угрозой и применением физической силы и самовольного занятия этих храмов к настоящему времени нарушили нормальное течение жизни православных приходов на Западной Украине. Усилия православных разрешить конфликт на местном уровне ни к чему не привели. По договоренности с Ватиканом 12–17 января 1990 г. в Москве состоялась встреча представителей Римо-Католической и Русской Православной Церквей. Делегации в духе братства и взаимного доверия откровенно рассмотрели проблему положения католиков восточного обряда на Западной Украине и последствия развития ситуации для православных. Были выработаны совместно «Рекомендации по нормализации отношений между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине». Этот документ после одобрения его священноначалием обеих Церквей должен послужить основой для реальных шагов к нормализации церковной жизни на Западной Украине...

Не бесчинство и силовое давление, а сотрудничество в духе взаимопонимания на основе достигнутых договоренностей и в рамках закона может быть фундаментом для решения существующих проблем...».

После Архиерейского Собора на основании достигнутой ранее договоренности с Римо-католической Церковью были начаты четырехсторонние переговоры об урегулировании конфликтной ситуации в Галиции. В этих переговорах участвовали по два представителя от Московской Патриархии, Украинского экзархата Русской Православной Церкви, Ватикана и униатской Церкви. Переговоры проходили во Львове с 8 по 13 марта 1990 г. Была достигнута договоренность о том, что путем опроса населения стайной подачей голосов в каждой местности (городе и селе) будет выявляться соотношение православных и униатов. Распределение храмов между конфессиями будет определяться результатами этих опросов. Религиозное большинство при наличии нескольких храмов в городе или селе получит больше храмов, при наличии двух храмов большинство получит храм больших размеров, в случае если храм один – оно получит его, но с обязательством помочь общине меньшинства устроить молитвенный дом или выстроить новый храм. Переговоры шли, казалось бы, успешно, но 13 марта униатский архиепископ Владимир Стернюк заявил, что он не согласен с действиями комиссии и прекращает участие в ней, причину своего выхода из комиссии он не объяснил, но через девять дней в газете «Лениньска

молодь» была опубликована статья, которая известила о том, что униатский епископ отказывается вести переговоры до тех пор, пока Русская Православная Церковь не признает за униатской Церковью прав юридического лица. Требование это было нелепо. Во-первых, это дело не церковной, а государственной власти давать или не давать права юридического лица. Во-вторых, как сказал тогда участвовавший в переговорах председатель ОВЦС митрополит Смоленский Кирилл: «Какое признание можно требовать от нас, если сама Русская Православная Церковь почти лишена права юридического лица?». За этим требованием признания за униатской Церковью прав юридического лица стояло притязание на передачу униатам всех храмов, принадлежавших униатской Церкви в 1939 г., независимо от воли прихожан. Униаты настаивали на незаконности перехода этих храмов в юрисдикцию Московской Патриархии в 1946 г.; православная сторона возражала, ссылаясь на то, что после Брестской унии 1596 г. Греко-Католической Церковью незаконно захватывались храмы, принадлежавшие Православной Церкви.

Массовые захваты православных храмов между тем продолжались при полной поддержке местных властей, состоявших после местных выборов из приверженцев сепаратизма. Во Львове, Тернополе, Ивано-Франковске к лету 1990 г. униатами были захвачены почти все храмы. Значительное большинство храмов было захвачено униатами и по всей Галиции, хотя по результатам социологических исследований, проведенных Академией наук в марте–апреле, доля униатов составляла в Львовской области 28%, в Ивано-Франковской – 22%, а в Тернопольской – только 12%. Но православные, не имея иных побуждений к тому, чтобы оставаться православными, кроме религиозных, не могли защищать свои храмы кулаками и кольями, с помощью которых отнимали у них церкви банды униатов, воспламененных политическими сепаратистскими страстями, ненавистью к Москве.

3 мая 1990 г., в 15 часов, в патриаршей резиденции в Чистом переулке в Москве почил в Бозе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. 6 мая было совершено погребение почившего первосвятителя в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, возле могилы его предшественника патриарха Алексия I.

Во время отпевания Святейшего Патриарха Пимена католикос-патриарх всей Грузии Илия II произнес слово, проникнутое искренней любовью к почившему собрату: «Ныне, в час последнего прощания, перед нами встает светлый образ первосвятителя, который воистину был добрым пастырем всероссийской паствы. Когда мы со стороны смотрим на жизнь

Святейшего Патриарха Пимена, то видим только величие и славу, вспоминаем торжественные богослужения, но не видим тяжелых испытаний, которые он перенес, бессонных молитвенных ночей, слез и страданий, того тяжелого креста, который нес он на своих раменах. Святейший владыко, прости нас за нашу близорукость!».

11. Епархиальное управление

Установленный Поместным Собором 1917–1918 гг. порядок епархиального управления, ввиду крайне тяжелых обстоятельств церковной жизни, сложившихся уже во время соборных деяний, удалось провести в жизнь лишь частично.

За годы Гражданской войны в рядах российского епископата произошла серьезная убыль: одни архиереи умерли естественной смертью, другие погибли, третьи оказались за пределами России. А между тем Поместный Собор постановил значительно увеличить число архиерейских кафедр – в каждой епархии открыть по несколько викариатств. И постановление это было исполнено, несмотря на, казалось бы, неодолимые препятствия. В 1918 г. были совершены 4 архиерейские хиротонии – примерно столько, сколько совершалось их в дореволюционные годы, а вот в 1919 г. во епископы хиротонисали 14 ставленников, в 1920 г. – 30, в 1921 г. состоялось 39 архиерейских хиротоний. Среди преемников апостолов, получивших благодать святительства в безмерно трудные годы Гражданской войны, были выдающиеся деятели нашей Церкви, бесстрашные и мудрые архипастыри: священномученики Петр (Полянский), Иларион (Троицкий), Петр (Зверев), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Павлин (Крошечкин). В 1920-е гг. в нашей Церкви насчитывалось не менее 200 архиереев – больше, чем в относительно спокойные дореволюционные годы.

Нормальным образом викарные епископы имели своим местопребыванием города, по которым они титуловались, но случалось это все-таки нечасто. На Церковь обрушились гонения. Архиереи подвергались арестам, заточениям, ссылкам, высылкам, и в результате они утрачивали возможность управлять своими епархиями или викариатствами – в большинстве случаев епархиями управляли не правящие, а находившиеся временно на свободе и в пределах своей епархии викарии. Сосланные архиереи часто назначались на кафедры по месту ссылки, когда там открывалась вакансия. До 1927 г. ссыльные архипастыри могли занимать кафедры городов, из которых они были удалены. Не имея возможности управлять епархией, они, однако, сохраняли с ней молитвенно-каноническую связь. В дальнейшем подобное

положение могло сохраняться лишь в исключительных случаях: такой выдающийся архипастырь и член Временного Синода, как митрополит Арсений (Стадницкий), продолжал и после 1927 г. титуловаться Новгородским, находясь в ссылке в Ташкенте. В остальных случаях, в соответствии с требованиями властей, арестованные и сосланные архиереи стали увольняться на покой либо перемещаться по месту их ссылки или высылки.

Церковная жизнь 1920–1930-х гг. была омрачена также и расколами, в результате которых водной епархии обычно помимо канонической епархиальной власти существовали параллельные схизматические юрисдикции: обновленческая повсеместно, григорианская в отдельных епархиях, самосвятская на Украине.

В первой половине 30-х гг. продолжали совершаться архиерейские хиротонии, хотя и несравненно реже, чем в 1920-е гг. Так, в 1930 г. во епископа Елабужского был хиротонисан Палладий (Шерстенников), в 1932 г. во епископа Таганрогского – Иосиф (Чернов), в 1933 г. во епископа Коломенского – Сергей (Воскресенский), в 1935 г. во епископа Каширского – Алексей (Сергеев). Епископат 20–30-х гг. – это собор мучеников и исповедников. Церковь уже причислила к лику общечтимых святых сонм архипастырей эпохи большевистских гонений. Во второй половине 30-х гг. епископские хиротонии почти прекратились. В результате арестов архипастырей епархиальная организация оказалась разрушенной. Почти все епархии, а большинство из них имело по одному храму на миллион верующих, находились под временным управлением оставшихся на свободе архиереев – патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, митрополита Алексия (Симанского), архиепископов Николая (Ярушевича) и Сергия (Воскресенского).

Расширение территории Советского Союза на западе в 1939 г. восстановило реальный контроль Патриархии над епархиями Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики, где сохранилась относительно нормальная церковная жизнь. В результате увеличилось и число епископов в пределах СССР. В период Отечественной войны удалось заместить и ряд кафедр в Российской Федерации. К 1943 г., когда состоялся Архиерейский Собор, число правящих архиереев достигло двух десятков. В 1943–1944 гг. продолжалось замещение епархиальных кафедр, и ко времени Поместного Собора 1945 г. Русская Церковь имела уже около 50 правящих епископов внутри страны.

Учитывая реальные обстоятельства церковной жизни, сложившиеся в 1940-е гг., Поместный Собор 1945 г. в своем «Положении об управлении

Русской Православной Церкви» пересмотрел «Определение о епархиальном управлении», принятое Собором 1917–1918 гг. Вместо епархиального собрания и епархиального совета, предусмотренных определениями Поместного Собора 1917–1918 гг., по «Положению», при епархиальном архиерее мог состоять епархиальный совет – «там, где таковой будет архиереем образован», – иными словами, учреждение его предоставлялось усмотрению епископа. В «Положении» не упоминались благочиннические собрания и благочиннические советы, упраздняясь и введенная на Поместном Соборе 1917–1918 гг. выборность благочинных.

Согласно «Положению» 1945 г., епархиальный архиерей носит титул по своему кафедральному городу. Еще при заместителе патриаршего местоблюстителя митрополите Сергии, в 1927 г., было вынесено постановление о том, чтобы епархии именовались по новым названиям своих кафедральных городов. Как раз тогда и появились титулы епископов Ленинградского, Калининского, Куйбышевского. Каноническим основанием такого переименования, смутившего многих церковных людей, является 7-е правило I Вселенского Собора: в нем епископ города, в древности именовавшегося Иерусалимом, носит новый титул – по названию города, данному ему языческим императором Адрианом, – Элия. Лишь после того, как город вновь стал именоваться Иерусалимом, епископы матери всех церквей стали титуловаться Иерусалимскими.

В послевоенные годы продолжалось замещение епархиальных кафедр правящими архиереями. В большинстве случаев они были из вдовствовавших протоиереев, успевших получить академическое духовное образование в дореволюционное время и потому часто преклонных лет. Почти все они в 20–30 гг. подвергались репрессиям, пастырское служение возобновили после лагерных сроков в военные или первые послевоенные годы. Часть епископата тех лет прошла через участие в обновленческом расколе, что помогло им выжить, ряд епископов до войны служили за пределами нашего государства: на западных территориях и в диаспоре. Среди архиереев, хиротонисанных в эти годы, были такие известные впоследствии церковные деятели, как епископ Черновицкий Андрей (Сухенко), епископ Уманский Иларион (Кочергин), епископ Кировоградский Евстратий (Подольский).

Хиротонию епископа Евстратия, совершенную во Владимирском соборе Киева, возглавлял патриарх Алексий I. При вручении жезла новопоставленному епископу Святейший Патриарх произнес речь, в которой выразил озабоченность нравственным и религиозным состоянием части духовенства, проникновением в среду пастырей чуждых Церкви

элементов: «Не излишним почитаю напомнить тебе еще одну заповедь апостола: руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехам (1Тим. 5:22). Исполнение этой заповеди особенно потребно ныне, когда оскуде, по слову пророка, преподобный (Пс. 11:2), когда ищущие служения Церкви Божией часто не проникнуты разумением святости этого служения и не заботятся о святости, ища лишь внешних благ. Охраняя святость служения церковного и вспоминая ревность Господа Христа о доме Божием, дерзай очищать вверенную тебе паству от тех, кто под личиною овечьей скрывает лицо волчье, и от тех, кто с корыстными целями приметается к алтарю Христову».

На 1 января 1947 г. епископат Русской Церкви насчитывал 70 архиереев, а через три года, в декабре 1949 г., – уже 74 епископа. Помимо патриарха это были 5 митрополитов: Крутицкий Николай, Киевский Иоанн, Ленинградский Григорий, Рижский Вениамин (Федченков), Новосибирский Варфоломей (Городцов); 21 архиепископ, в том числе один викарный, 40 епархиальных и 7 викарных епископов. В это число (74) не входят находившиеся в юрисдикции Московской Патриархии архиереи, которые совершали свое служение за пределами СССР – в Чехословакии, Франции, Германии, США и других странах.

Во второй половине 50-х гг. продолжали совершаться посвящения новых епископов, причем происходила быстрая смена поколений в российском епископате: уходили из жизни немногие архиереи, рукоположенные в дореволюционное время и в 20–30-е гг., уходили и те, кто был хиротонисан в маститой старости в военное лихолетье и первые послевоенные годы, чаще всего из вдовых протоиереев. В иной мир отошли митрополиты Григорий (Чуков; † 1955), Варфоломей (Городцов; † 1956), архиепископы Андрей (Комаров; † 1955), Димитрий (Градусов; † 1956). Им на смену приходило новое поколение, сформировавшееся уже в советскую эпоху. Некоторые из них были выпускниками возрожденных духовных академий, как правило, принимавшими постриг в студенческие годы. Были хиротонисаны: в 1956 г. Алексей (Коноплев) во епископа Молотовского и Соликамского, в 1957 г. Пимен (Извеков) (будущий патриарх) на Балтскую викарную кафедру Одесской епархии, в 1958 г. Иоанн (Вендланд) на Подольскую викарную кафедру Московской епархии и Феодосий (Погорский) на Калининскую кафедру.

В годы хрущевских гонений новое поколение архиереев, выросшее в советское время, получившее богословское образование в возрожденных духовных школах, стало составлять уже большинство епископата. В эту пору под давлением властей стало обычным явлением частое перемещение

архипастырей с кафедры на кафедру. Некоторые епархии утратили тогда своих правящих епископов и стали управляться архиереями соседних епархий. Такая участь постигла Новгородскую, Ульяновскую, Днепропетровскую, Сумскую, Донецкую епархии. Сократилось и число епископов Русской Православной Церкви, поскольку власти чинили препятствия хиротониям епископов на вдовствующие кафедры.

Ситуация несколько нормализовалась после отставки Хрущева: реже имели место перемещения архиереев, но заместить кафедры, надолго лишившиеся правящих епископов, не удавалось. В 60-е гг. из жизни ушли выдающиеся иерархи: митрополиты Гурий (Егоров; † 1965), Иоанн (Соколов; † 1968), Мануил (Лемешевский; † 1968), Нестор (Анисимов; † 1962), святители Лука (Войно-Ясенецкий; † 1961) и Афанасий (Сахаров; † 1962). Но в это же десятилетие были хиротонисаны во епископы такие выдающиеся церковные деятели последующей эпохи, как Никодим (Ротов) – в 1960 г., Алексий (Ридигер; ныне Святейший Патриарх) – в 1961 г., Антоний (Мельников) – в 1964 г., Ювеналий (Полярков) – в 1965 г., Владимир (Сабодан) – в 1966 г.

Ко времени Поместного Собора 1971 г. Русская Церковь имела 67 внутренних и 14 зарубежных епархий. При этом правящих архиереев внутри страны было уже только 58 – значительно меньше, чем в 50-е гг. В этом отношении почти ничего не изменилось и за последующие два десятилетия. В канун перемен, в 1987 г., Русская Православная Церковь насчитывала 64 епархии в СССР, из которых 18 были в составе Украинского экзархата, а также 9 зарубежных, помимо Японской Автономной Церкви.

В 70-х гг. за рубежом был опубликован чрезвычайно характерный документ – «Извлечения из отчета Совета по делам религий членам ЦК КПСС» за 1974 г., подписанный заместителем председателя совета В. Г. Фуровым. Отчет этот озаглавлен «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона». Особенно важен раздел документа «О составе епископата Русской Православной Церкви и усилении политической работы с ним в институтах государства», который начинается со статистических сведений о епископате.

В пределах СССР Русская Церковь имела в начале 60-х гг. 73 епархии, а в 1974 г. – только 67, причем число правящих архиереев было значительно меньше – 58. Это означало, что многие епархии возглавлялись временно управляющими епископами. Средний возраст архиереев, как подсчитали в совете, – 58 лет, средний стаж архиерейского служения – 12 лет. Из 58 правящих архиереев до 1945 г. были хиротонисаны во епископа

только четверо (это были митрополит Орловский Палладий (Шерстенников), хиротонисанный в 1930 г., митрополит Алма-Атинский Иосиф (Чернов) – в 1932 г., архиепископ Чебоксарский Вениамин (Новицкий) – в 1941 г. и архиепископ Ивановский Иов (Кресович) – в 1942 г.) От 21 года до 30 лет совершали архипастырское служение 4 архиерея: митрополит Иоанн (Разумов), архиепископы Палладий (Каминский), Михаил (Чуб) и епископ Боголеп (Анцух); от 11 до 20 лет – 30 и до 10 лет – 20 архипастырей. По образовательному цензу архиереи распределялись так: высшее духовное образование имели 44 епископа, семинарское – 11, кандидатов богословия было 28, магистров – 6 и докторов – 3 (патриарх Пимен, митрополит Ленинградский Никодим и архиепископ Рижский Леонид). Светское высшее образование имели 7, среднее – 22 и неполное среднее – 29 епископов.

Конечно, действительность отражалась в отчете Фурова, как в кривом зеркале. Но его наблюдения и характеристики все-таки представляют известный интерес. В принятом в те годы стиле отчетов, призванных порадовать начальство радужными картинами триумфального успеха во всем, Фуров пишет о подконтрольности Патриархии его учреждению.

По степени лояльности архиереев советской власти Фуров условно разделяет их на три группы. Первая из них характеризуется таким образом: «Правящие архиереи, которые и на словах, и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах, и в том же духе воспитывают приходское духовенство, верующих». Вторая – это правящие архиереи, «которые стоят на лояльных позициях к государству, правильно относятся к законам о культах и соблюдают их, но в своей повседневной административной и идеологической деятельности стремятся к активизации служителей культа и церковного актива, выступают за повышение роли Церкви в личной, семейной и общественной жизни с помощью модернизированных или традиционных концепций, взглядов, подбирают на священнические должности молодежь, ретивых ревнителей православного благочестия». Наибольшие опасения у автора доклада вызывает третья группа, о которой он пишет так: «Это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно консервативны, другие способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти».

В первую группу включено 17, во вторую – 23 и в третью – 17 архиереев. В третью, наиболее опасную, с точки зрения Совета по делам религий, группу архиереев, своего рода «черный список», попали митрополит Львовский Николай (Юрик), архиепископы Иркутский Владимир (Котляров), Чебоксарский Вениамин (Новицкий), Житомирский Палладий (Каминский), Калужский Донат (Щеголев), Горьковский Флавиан (Дмитриук), Уфимский Феодосий (Погорский), Владимирский Николай (Кутепов), епископы Архангельский Никон (Фомичев), Астраханский Михаил (Мудьюгин), Саратовский Пимен (Хмелевский), Вологодский Дамаскин (Бодрый), Курский Хризостом (Мартишкин), Ростовский Иоасаф (Овсянников), Куйбышевский Иоанн (Снычев).

В значительной мере распределение архиереев по группам в докладе Фурова носит случайный характер, и не следует, как это обычно делается в зарубежных публикациях, посвященных Русской Церкви, в этой «классификации» видеть в одних случаях свидетельство об исповедничестве (третья группа), в других – улику, обличающую переход на сторону противника. Всю неосновательность подобных заключений обнаруживает то обстоятельство, что митрополит Алма-Атинский Иосиф (Чернов), многолетний узник ГУЛАГа, архипастырь святой жизни и замечательный проповедник, привлечший в ограду Церкви множество лиц, воспитанных в атеистических семьях, пользовавшийся необычайной любовью своей паствы, оказался в документе Фурова в группе самых лояльных советской власти архиереев.

Ни один из постоянных членов Синода не был включен в третью группу – это было бы признанием в провале кадровой политики совета. Хотя сейчас стало известно, что митрополит Никодим, равно как и ряд других архиереев, и среди них включенные вместе с ним во вторую группу митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) и архиепископ Рижский Леонид (Поляков), совершали тайные рукоположения, что по классификации Фурова оставляло им место лишь в третьей, наиболее «зловредной» группе архиереев, у которой проявлялись «попытки обойти законы о культах».

Что же в поведении епископов заставляло уполномоченных включать архиереев в проскрипционный список – в третью группу? Об архиепископе Житомирском Паллади (Каминском) местный уполномоченный докладывал в совет: «Архиепископ Палладий и настоятель собора Веськовский постоянно вмешиваются в финансовые и официальные дела. В общине утвердилось правило, по которому без благословения архиепископа никто не может быть избран в руководство

общины, а лица, не удостоенные милости архиепископа, несмотря на регистрацию уполномоченного... и одобрение горисполкома, практически не допускаются к исполнению возложенных обязанностей». Епископу Ростовскому Иоасафу (Овсянникову) уполномоченный дает такую характеристику: «Опытный и хитрый церковный деятель, по своим убеждениям фанатично верующий монах, был настоятелем монастыря. Прилагает много усилий и ухищрений по активизации религиозной деятельности в области. Рекомендации уполномоченного воспринимает болезненно и под всякими предлогами не выполняет их».

В 70-е гг. Церковь потеряла архипастырей, сполна изведавших в свое время ночные аресты и допросы с пытками, тюремные нары и каторжные работы. В 1975 г. отошел ко Господу митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов), в 1976 г. преставились митрополит Орловский Палладий (Шерстенников) и архиепископ Чебоксарский Вениамин (Новицкий), в 1977 г. во Львове скончался пребывавший на покое архиепископ Иов (Кресович). В 1978 г. в Жировицком монастыре почил уволенный на покой за 13 лет до кончины архиепископ Ермоген (Голубев). Но в эти годы на смену им приходили новые архипастыри. В 70-х гг. были хиротонисаны во епископы известные впоследствии церковные деятели: Кирилл (Гундяев), Серапион (Фадеев), Агафангел (Саввин), Анатолий (Кузнецов), Максим (Кроха), Симон (Новиков), Хрисанф (Чепиль).

Поместный Собор 1988 г. в изданном им Уставе существенно пересмотрел устройство епархиального управления. Устав предусматривал повсеместное образование коллегиальных органов епархиального управления – епархиального собрания и епархиального совета. В обязанности собрания, в соответствии с Уставом, были включены такие полномочия, как избрание членов Поместного Собора, членов епархиального совета; создание епархиальных учреждений и забота об их финансировании; наблюдение за течением епархиальных дел. В обязанности епархиального совета входят: исполнение решений епархиального собрания; представление собранию своих годовых отчетов, забота об изыскании средств на нужды епархии и приходов, рассмотрение отчетов благочинных, наблюдение за деятельностью приходских советов, проведение ревизий епархиальных учреждений, ознакомление с проектами строительства, ремонта и реставрации храмов, забота об обеспечении заштатного духовенства и заштатных церковных работников. Епархиальный совет, по Уставу, становился судом первой инстанции по делам, связанным с обвинением клириков и мирян в неправославной вере,

нарушениях канонов и христианских нравственных норм; его компетенции подлежали также вопросы, касающиеся церковного брака и развода, разногласия между духовенством и приходскими должностными лицами.

После Поместного Собора 1988 г. обстоятельства церковной жизни стали быстро меняться – Церковь обретала свободу. В связи с этим в 1988–1989 гг. были замещены правящими архиереями кафедры, не имевшие епископов в течение десятилетий: Ижевская, Хабаровская, Ульяновская, Челябинская, Сумская; была учреждена новая Тернопольская епархия, выделенная из Львовской.

12. Приходское управление и приходское духовенство

«Приходской устав», принятый Поместным Собором 1917–1918 гг., исходил из существования нормальных условий церковной жизни. В обстановке Гражданской войны и гонений его было невозможно провести в жизнь в полном объеме. Тем не менее в соответствии с решениями Собора в приходах повсюду образовывались приходские собрания и приходские советы, члены которых обнаруживали жертвенную готовность защищать Церковь, часто ценой не только свободы, но и жизни.

В 1918 г. в Москве под председательством бывшего обер-прокурора Синода А. Д. Самарина был организован «Союз объединенных приходов Православной Церкви». 25 февраля 1918 г. на собрании представителей московских приходов было решено требовать сохранения преподавания Закона Божия в школах, а законоучителям преподавать его до тех пор, пока не выгонят оттуда штыками, затем продолжить обучение в храмах и по домам. Рассматривался также вопрос об охране патриарха. Постановили, что по 18–20 человек из духовенства и мирян будут неотлучно дежурить на Троицком подворье, где пребывал святейший.

Тяжелым испытанием для приходского духовенства в 1920-е гг. явились массовые, в том числе и кровавые репрессии, «изъятие церковных ценностей», предательство раскольников – обновленцев и самосвятов, эмиграция нескольких тысяч священнослужителей.

На рубеже 1920–1930-х гг. по Церкви был нанесен новый тяжелый удар. В 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», а просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась. Духовенство устранялось от участия в хозяйственных и финансовых делах так называемых «двадцаток». НКВД в инструктивном циркуляре председателям исполкомов всех ступеней строго предписывал уделить

серьезное внимание надзору за деятельностью религиозных объединений, «зачастую сращивающихся с контрреволюционными элементами и использующих в этих целях свое влияние на известные прослойки трудящихся».

От слов к делу тогда переходили незамедлительно. Как вспоминает профессор А. Ч. Козаржевский, «на Пасху в церкви посылались хулиганы, которые свистели, ругались... подвозили усилительные установки и громом вульгарной музыки старались заглушить церковное пение. Китайцы из коммунистического университета народов Востока врываются в храм Христа Спасителя, тушили лампы и свечи». Для борьбы с «религиозными предрассудками» в стране вводилась 5-дневная рабочая неделя со скользящим выходным днем.

Началось массовое закрытие церквей. На 1 января 1928 г. Русская Православная Церковь имела на территории РСФСР 28 560 приходов (вместе с обновленческими, григорианскими и самосвятскими приходами в нашей стране оставалось тогда еще около 39 тысяч общин – примерно 2/3 от дореволюционного их числа). В 1928 г. в РСФСР закрыли 354 церкви, а в 1929-м – уже 1119, из которых 322 были разрушены.

По всей России шла война с колокольным звоном. Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан. Колокольный звон запрещался постановлением местных властей в Ярославле, Пскове, Тамбове, Чернигове. В начале 30-х гг. был снят и перелит самый большой в России 67-тонный колокол Троице-Сергиевой лавры. Запрещен был колокольный звон и в Москве. А. Ч. Козаржевский вспоминал: «Воробьевы горы находились за официальной границей города, и до повсеместного запрета звона москвичи ездили туда послушать незатейливый благовест скромной Троицкой церкви. Одно время были запрещены рождественские елки. Приходилось всеми правдами и неправдами добывать деревце, украшать, завесив окна плотными шторами, чтобы сознательные соседи (порвавших с религией называли «разобравшимися») не видели». Народ в большинстве своем оставался еще верующим и православным, и не многих удавалось вовлечь в святотатственные преступления, но остановить святотатцев, удержать от кощунственных злодеяний, защитить святыни было некому. Не только физически, но и духовно народ был раздавлен.

В стране вводились продовольственные карточки, но «служителям культа» эти карточки не полагались, они могли жить только на подаяние. Советский режим беспощадно мстил даже детям. О трагической участи детей духовенства вспоминал выдающийся артист Евгений Лебедев, сын

священника: «В глухом приволжском городке Балаково отец служил в церкви Иоанна Богослова, и сколько же мне, братишке, сестрам за это доставалось, особенно в школе! Только и слышишь, бывало: «Эй, ты, поп, попенки, кутейники!». Учиться нам, «кутейникам», позволялось лишь до четвертого класса, и с каждым годом издевательства сверстников становились все мучительней. Да еще «умная» учительница вносила свою лепту: «Ну что, «лишенец», опять ходил в церковь? Опять слушал этот опиум для народа? Ступай к отцу и скажи, что он – длинноволосый дурак!». Что такое «лишенец», я еще не понимал, что такое «опиум», не знал, но ноги все равно становились ватными. А сколь тяжело было отцу».

Вполне адекватное представление о бытовом положении духовенства начала 1930-х гг. дает меморандум заместителя местоблюстителя, с которым он обратился к председателю Комиссии ВЦИК по вопросам культов Смидовичу после того, как в феврале 1930 г. дал интервью иностранным журналистам. В меморандуме говорилось: «Пожелания духовенства: чтобы служители культа, как не пользующиеся при извлечении дохода наемным трудом, приравнены были по-прежнему к лицам свободных профессий, а не к нетрудовому элементу, тем более не к кулакам... чтобы при назначении трудовой повинности принимались во внимание как сообразный со здравым разумом размер налагаемой повинности (например, на священника села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров), так и возраст и состояние здоровья подвергаемых повинности; чтобы служители культа не лишались права иметь квартиру в пределах своего прихода и около храма в сельских местностях, хотя бы и в селениях, перешедших на колхоз, и чтобы лица, предоставляющие служителям культа такую квартиру, не облагались за это налогами в усиленной степени; чтобы детям духовенства разрешено было учиться в школах первой и второй ступени и чтобы те из них, кто к осени 1929 г. уже был зачислен в состав вуза, не изгонялись за одно свое происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить свое образование».

Число действующих храмов в начале 30-х гг. сократилось катастрофически. В Ленинградской епархии за год закрыли 355 церквей, в Горьком за два года – 305 церквей, во Владивостоке в 1932 г. осталась одна церковь, да и та в доме священника, где службы совершались тайно. В Самаре и Тамбове к 1933 г. было по одному действующему храму, в Хабаровске в это время закрыли последний храм. Не многим лучше положение было и в Москве, где к 1933 г. в юрисдикции Московского Патриархата осталось 87 храмов. Были разрушены церкви Николы

Стрелецкого (у Боровицкого моста) и Великомученика Георгия Победоносца на Красной Горке, храм Архидиакона Стефана за Яузой; в 1933 г. – Спас на Бору в Кремле, Святителя Николая «Большой Крест» на Ильинке, Святителя Тихона на Арбатской площади, в 1934 г. – храмы Троицы в Полях и Владимирской иконы Божией Матери в Китай-городе, часовня Великомученика Пантелеймона, храм Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке, – и это только малая часть уничтоженных церквей. Священники закрытых храмов, пока оставались на свободе, совершали богослужения по домам православных.

В эти страшные годы в Москве служили замечательные священники, любимые народом: протопресвитеры Александр Хотовицкий и Николай Арсеньев – пастыри, особенно близкие заместителю местоблюстителя; протоиереи Александр Воскресенский, Георгий Чинов, Александр Смирнов, Владимир Воробьев, Александр Лебедев, Виталий Лукашевич, Александр Толгский; многие из них закончили потом свою исповедническую, страдальческую жизнь под пулями палачей или на лагерных нарах.

В самом начале 1937 г. разворачивается самая масштабная за всю советскую эпоху кампания массового закрытия церквей. В результате этого опустошения и разорения на огромных просторах РСФСР осталось около ста храмов, почти все в больших городах, в основном в тех, куда пускали иностранцев. Эти храмы так и называли «показательными».

Несколько больше, до 3% дореволюционных приходов, сохранилось на Украине.

Церковная жизнь, ставшая почти невозможной в легальных формах, уходит в подполье. Представители советской власти, ответственные за антирелигиозную пропаганду, предостерегали своих подчиненных на местах, чтобы те не упускали из поля зрения тех священнослужителей, кто оказался за штатом. «Глупо думать, – писал Е. Ярославский, – что если поп лишился своего прихода, то он перестал быть попом. Мы знаем сотни случаев, когда после закрытия церквей их священнослужители превращались в попов-передвижек и вместе со своим немудреным инвентарем путешествовали по деревням, рабочим поселкам, совершая религиозные обряды, читая молитвы, Библию, Псалтирь. Такой поп-передвижка порой опаснее того, кто служит открыто». В журнале «Безбожник» (21 апреля 1939 г.) в статье «Церковь в чемодане» рассказывалось о том, что у священников, снятых с регистрации НКВД и передвигающихся из города в город, «все необходимые принадлежности для совершения обряда находятся в чемодане; если нужно помочь хозяйке

на кухне, они и это делают, занимаются с детьми, покупают продукты для бедных». Действительно, священники странствовали под видом сантехников, печников, точильщиков.

Часть нелегально действовавших священнослужителей принадлежала к группировкам непоминающих, но в подполье уходили и верные Патриархии клирики, о чем сообщает как о характерной черте церковной жизни 30-х гг. митрополит Сергей (Воскресенский): «В России была вообще очень деятельная тайная религиозная жизнь – тайные священники и монахи, катакомбные церкви и богослужения, крещения, исповеди, причащения, браки, тайные богословские курсы, тайное хранение богослужебной утвари, икон, богослужебных книг, тайные сношения между общинами, епархиями и патриаршим управлением».

В 1939–1941 гг. в легальных формах церковная жизнь сохранилась по существу только в западных епархиях, территория которых вошла в состав СССР в 1939 и 1940 гг. Здесь было тогда более 90% всех приходов Русской Православной Церкви.

Во время Великой Отечественной войны тысячи приходов были открыты на оккупированных немцами территориях Восточной Украины, Восточной Белоруссии и в западных областях Российской Федерации. Несколько сот приходов было открыто во время войны и во внутренних епархиях Русской Церкви.

Поместный Собор 1945 г. в принятом им «Положении об управлении Русской Православной Церкви» установил новый порядок приходского управления, совместимый с советским режимом. Согласно «Положению», приходская община, состоящая не менее чем из 20 человек, по ее заявлению регистрируется гражданской властью, которая предоставляет ей храм. Это делается по соглашению с епархиальным архиереем. В «Положении» предусмотрено существование трех коллегиальных органов управления общиной: распорядительный орган – двадцатка, заменяемая после учреждения прихода приходским собранием, исполнительный – церковный совет, контрольный – ревизионная комиссия. При этом церковный совет и ревизионная комиссия избираются приходским собранием.

В состав церковного совета входили настоятель, в качестве председателя совета, и избираемые собранием староста, его помощник и казначей. Все приходское хозяйство находится на попечении церковного совета. Церковный совет заботится о содержании, ремонте, освещении и отоплении храма, о снабжении храма богослужебными утварью и книгами, нательными крестиками, ладаном и другими необходимыми

вещами. Церковный совет распоряжается средствами прихода и ведет их учет. Он был обязан делать отчисления из этих средств в Патриархию и епархиальное управление. Ревизионная комиссия, согласно «Положению», состояла из четырех членов прихода; в ее обязанности входило постоянное наблюдение за церковным имуществом и проведение епархиальных ревизий имущества, денежных сумм и произведенных расходов.

В послевоенные годы продолжалась начатая еще в Отечественную войну передача церковным общинам сохранившихся, но закрытых храмов. Но далеко не все ходатайства верующих об открытии приходов удовлетворялись. Так, в Казахстане в первом квартале 1945 г. было возбуждено 21 ходатайство об открытии приходов, удовлетворено было четыре, на остальные последовали отказы. За 1944–1947 гг. Русской Православной Церкви было передано 1270 храмов, и общее число их составило на 1 января 1948 г. 14 329; из них около 2500 были храмами, принадлежавшими до 1946 г. униатской Церкви. В течение 1948 г. было открыто 148 новых церквей, и на 1 января 1949 г. Русская Церковь имела уже 14 477 действующих храмов.

Статистика эта была секретной, точными сведениями о количестве приходов располагал только Совет по делам Русской Православной Церкви; сама Патриархия таких данных не имела. Между тем в печати появились искаженные, сильно преувеличенные сведения о числе открытых приходов, на основании которых можно было заключить, что восстановлено около половины дореволюционного числа приходов. Например, в брошюре Г. Г. Карпова «О Русской Православной Церкви в Советском Союзе», изданной в 1946 г., говорилось: «Для удовлетворения религиозных нужд верующих в Советском Союзе функционируют 22 000 православных церквей и молитвенных домов». Протоиерей Андрей Сергиенко из Западно-Европейского экзархата в брошюре «О положении Церкви в России», опубликованной в Париже в 1947 г., сообщал, что Церковь в СССР имеет 25 000 храмов и 3500 молитвенных домов, между тем реальное число их было в два раза меньше. В Москве было вновь открыто всего лишь десять храмов, а во многих больших областных городах насчитывалось по одному, по два или по три храма, часто на окраине города, бывшие кладбищенские или сельские приходские церкви, вошедшие в черту города.

Большая часть приходов была сосредоточена на западе страны, главным образом на Украине, потому что из действующих храмов большую половину (7547) составляли церкви, открытые на оккупированных территориях. Чем дальше на восток, тем церквей было

меньше, а на Камчатке и Сахалине, на Чукотке и Колыме не сохранилось ни одного храма. Этот регион целиком входил в империю ГУЛАГа, и новые церкви в послевоенные годы там не строились. Но в некоторых городах, где церквей не было, а приходы были зарегистрированы, разрешали открывать молитвенные дома – храмы, не имевшие церковного вида. Особо ценные в художественном и историческом отношении храмы не передавались Церкви. Музеями оставались кремлевские соборы в Москве, Исаакиевский, Казанский и Петропавловский соборы Ленинграда, Софийские соборы в Киеве и Новгороде.

На 1 апреля 1946 г. в клире Русской Православной Церкви состояло 9254 священнослужителя. Почти половина (45,6%) из них были рукоположены в дореволюционную эпоху; 30,3% священнослужителей получили рукоположение во время войны, в большинстве случаев на оккупированной территории; из 264 священников, хиротонисанных в РСФСР в годы Великой Отечественной войны, 240 были рукоположены в областях, занятых немцами. Средний возраст священнослужителя составлял почти 60 лет. С 1 апреля 1946 по 1 января 1948 г. число священнослужителей заметно выросло и составило 11 846 священников и 1258 диаконов. При этом, естественно, уменьшилась доля духовенства с дореволюционной хиротонией – 30,6%; 39% духовенства было рукоположено с 1918 по 1941 г., 20% – в годы Великой Отечественной войны и 9,7% – в послевоенные годы.

Многие клирики, служившие тогда в российских епархиях, в период между мировыми войнами жили в пределах Польского государства: на Волыни, в Западной Белоруссии и в Галиции, чаще всего они и родом были из этих мест, и там же получали хиротонию. Они с трудом понимали своих прихожан, переживших три десятилетия советского атеистического режима, которых им приходилось окормлять на новом месте. Крайне невелико было число священников, которые с 20-х по 40-е гг. постоянно пребывали в своих приходах; значительную часть составляли исповедники, пережившие тюрьмы, лагеря, ссылку, иногда и смертные приговоры, которые были заменены им пожизненным заключением, – и это были, конечно, лучшие пастыри нашей Церкви. Но были и такие, которые вышли из лагерей нравственно и духовно надломленными. Долгое пребывание в неволе, оторванность от нормальной церковной жизни создавали трудности для вышедших на свободу священников при возобновлении приходского пастырского служения.

Среди духовенства были и лица, в 20–30-х гг. оставившие священническое служение, но не отречься от Бога, Церкви и сана; они

поступали на гражданскую службу школьными учителями, бухгалтерами, порой рабочими на заводы. Теперь многие из них получили возможность вернуться к пастырскому служению. Хорошее знание жизни, которое они приобрели, помогало им в пастырском окормлении, но, с другой стороны, внешняя расцерковленность могла опустошить душу пастыря, оставившего служение. Священнослужители, рукоположенные в послевоенные годы, составляли только десятую часть духовенства, и большинство из них были искренне преданы Богу и Церкви, воспитывались в верующих семьях, были сыновьями или внуками клириков. Заметную долю среди новохиротонисанных составляли демобилизованные солдаты и офицеры, которые из военного опыта вынесли глубокую и твердую веру в Промысл Божий.

Относительно стабильная и материально обеспеченная в сравнении с предвоенным периодом жизнь духовенства послевоенных лет порой привлекала людей маловерных и просто стяжателей. Разумеется, не избежало духовенство и внедрения в свою среду сотрудников НКВД или их пособников, осуществлявших свою деятельность в согласии с уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви. Во всяком случае, священноначалие проявляло обеспокоенность нравственным состоянием духовенства. В послании пастве архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов) в 1946 г. писал: «Наша святая задача – возродить, переродить нашу церковную паству своим пастырским словом, своею жизнью показывать добрый пример чистой, непорочной жизни, чтобы у нас дело со словом не расходилось, чтобы наши пасомые не сказали нам: «Врачу, исцелися сам». Если мы, проповедуя любовь Христову, будем погрязать в эгоизме, в стремлении к наживе, явно обнаруживая свое корыстолюбие, – это значит одною рукою разорить то, что создали другою».

В середине 50-х гг. в лучшую сторону изменился состав православного духовенства. Связано это было с тем, что все большую его часть составляли выпускники восстановленных в послевоенные годы духовных школ: двух академий и восьми семинарий. Между тем массовое открытие приходов на исходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы вынуждало архипастырей рукополагать людей, не получивших духовного образования, а подчас и не имевших призвания к пастырству, случайных. В свое время не улучшило религиозно-нравственного состояния духовенства воссоединение обновленцев с Православной Церковью. Обновленческие священнослужители, кто не был двоеженцем, в большинстве случаев получали канонически правильную

хиротонию, но часто это были уже пожилые люди, и многие из них к середине 50-х гг. ушли из жизни.

Совсем другое последствие для Церкви имела утрата тех немногих пастырей дореволюционного и послереволюционного поставления, кто был испытан в горниле гонений 20–30-х гг. В ночь на 23 мая 1953 г. в возрасте 88 лет скончался настоятель московского храма Покрова Богородицы на Лыщиковой горе протоиерей Алексей Станиславский. Его служение продолжалось 67 лет. Отец Алексей Станиславский был одним из немногих членов двух Поместных Соборов: 1917–1918 и 1945 гг. Собор 1917–1918 гг. избрал его членом Высшего Церковного Совета – столь высок был его авторитет в ту страшную для Церкви пору. В послевоенные годы, несмотря на преклонный возраст, он помимо пастырского служения был консультантом при Хозяйственном управлении и членом Пенсионной комиссии при Московской Патриархии. В его некрологе начертан образ истинно доброго пастыря: «Как священнослужитель, отец Алексей был строг и требователен прежде всего к себе самому. Сознание великой ответственности перед Богом и Церковью за свое пастырское служение никогда не покидало его. Он тщательно готовился к совершению каждого богослужения, к произнесению каждой проповеди. Умиленно было видеть в домашней обстановке сидящую на диване согбенную фигуру маститого седовласого старца, сосредоточенно и молитвенно, в окружении церковных книг, готовящегося к очередному богослужению и проповеди. Мужественно и упорно преодолевал он в последние годы все немощи своего престарелого возраста при совершении богослужения в храме. После литургии он всегда был готов сердечно побеседовать с теми, кто искал встречи с ним... Его любви и терпения хватало на всех. Он не терпел лжи, фальши в человеческих отношениях. В каждом человеке он видел прежде всего образ Божий и ради него помогал всем прибегавшим к нему в нужде за помощью». Дожившие до конца 50-х гг. священники с дореволюционной хиротонией оставались уже последними из могикан, сумевшими передать свой драгоценный пастырский опыт новому послевоенному поколению духовенства.

Священноначалием предпринимались усилия по повышению образовательного уровня духовенства, в особенности тех священнослужителей, кто не получил школьного богословского образования. В «Журнале Московской Патриархии» обсуждался вопрос об организации богослужений для обучения духовенства, не имеющего достаточного богослужебного опыта и знаний, о проведении богословских чтений и регулярных встреч духовенства, на которых можно было бы

совместно решать трудные вопросы пастырской и богослужебной практики. В Астраханской епархии устраивались краткосрочные курсы для священнослужителей. В Рижской и Ростовской епархиях созывались благочиннические собрания духовенства для обсуждения разных проблем пастырского служения. В Полтаве в 1956 г. состоялся съезд благочинных, на котором особое внимание было уделено богослужебной практике. На съезде было предложено вызывать священников в кафедральные соборы для проверки их знаний; участники съезда просили ускорить издание необходимых богослужебных книг.

В 50-х гг. продолжало расти число верующих. Городские храмы были переполнены. В конце 1950-х гг. возобновилось массовое закрытие приходов. В начале 1959 г. Русская Церковь имела 13 372 действующих храма, а 1 января 1960 г. на учете состояло уже только 13 008 церквей, при этом более всего было закрыто сельских храмов. Столь значительное сокращение сельских приходов только отчасти явилось следствием массовой миграции населения в города, закрывались и те храмы, которые вполне могли содержаться оставшимися на селе жителями. Число служащих клириков за 1959 г. сократилось с 12 099 до 11 407. Из-за закрытия храмов и сокращения приходских мест священнослужители увольнялись на покой или снимались с регистрации уполномоченными.

Закрытие приходов в 1960 г. осуществлялось с еще более грандиозным размахом, сравнимым разве что с кампаниями эпохи «великого перелома». Из 13 008 приходов на 1 января 1961 г. остался 11 571. 1437 храмов были закрыты, многие разрушены или взорваны. Так, в Харькове в 1960 г. был взорван величественный Александро-Невский собор. В Златоусте церковь была взорвана на глазах у прихожан, причем не разрешили даже вынести утварь.

Архиерейский Собор, состоявшийся 18 июля 1961 г., внес существенные изменения в «Положение об управлении Русской Православной Церкви», установив новую организацию приходского управления. Настоятель и клирики устранялись от участия в приходском собрании и приходском совете. «Настоятель храма – говорилось в новой редакции «Положения», – памятуя слова апостола: «А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян. 6:4), осуществляет духовное руководство прихожан, наблюдает за благолепием и уставностью богослужений, за своевременным и тщательным удовлетворением религиозных нужд прихожан». Хозяйственные и финансовые попечения о приходе и храме были возложены на мирянские по своему составу приходское собрание и приходской совет во главе с председателем –

старостой.

Реформа приходского управления проводилась в разгар хрущевских гонений. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов, исполняя волю Хрущева, потребовал тогда от патриарха Алексия I и Священного Синода провести коренную реформу приходского управления, заявив, что «в нашей подлинно демократической стране, в которой управление государством осуществляется народом», сохранение в религиозных общинах диктаторской власти одного лица недопустимо. «Надо пересмотреть отдельные пункты «Положения об управлении Русской Православной Церкви», чтобы во главе общины был исполнительный орган, а не настоятель церкви».

Отделенная от государства, Церковь не обязана была следовать в своей внутренней жизни за новыми политическими веяниями, которые к тому же и к демократии никакого отношения не имели. Для осуществления замысла по разрушению церковной организации подчинение приходских общин и самих клириков так называемым «исполнительным органам», с устранением из этих органов настоятеля, было призвано, по мысли инициаторов реформы, внести разлад в приходскую жизнь, подорвать канонический порядок церковного управления и упростить процедуру закрытия приходов. Влияние уполномоченных на священнослужителей было ограничено канонической церковной дисциплиной, священнической присягой, чувством пастырского долга, а состав приходских собраний (двадцаток) и приходских советов (исполнительных органов) находился под полным контролем уполномоченных, и через них было удобнее и проще проводить в жизнь антицерковные решения. Но в своих разрушительных начинаниях советский режим прибегал и к юридическим аргументам: на этот раз власть потребовала привести «Положение об управлении Русской Православной Церкви» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 1929 г. «О религиозных объединениях», по которому священнослужители как лица, лишённые избирательного права, устранялись от участия в хозяйственных делах религиозных общин, хотя это постановление находилось в грубом противоречии с Конституцией СССР 1936 г., предоставившей всем гражданам одинаковые права.

После Архиерейского Собора продолжалось как закрытие церквей, так и сокращение числа служащих священников и диаконов. К 1961 г. оставалось лишь 8252 священника и 809 диаконов, к 1967 г. – 6694 священника и 653 диакона. При этом новые двадцатки, почти не оказывая сопротивления, самораспускались и подавали заявления о снятии

религиозной общины с регистрации. На 1 января 1961 г. в Русской Православной Церкви существовал 11 571 приход, за год это число сократилось почти на полторы тысячи. На 1 января 1962 г. в стране оставалось 10 149 православных храмов (в том числе 1489 молитвенных домов), из них более 40 принадлежало Грузинской Церкви. На регистрации при этом состояли 10 221 православная община, так что 72 зарегистрированных прихода своих храмов не имели. На 21 августа 1963 г. на регистрации осталось лишь 8314 православных общин, из них 44 в юрисдикции Грузинской Церкви; за полтора года было утрачено почти 200 приходов. При таких темпах на полное разрушение церковной организации потребовалось бы только пять лет, – даже меньше того срока, что готовы были терпеть энтузиасты грядущего коммунизма.

При этом сохранившиеся общины распределялись по стране крайне неравномерно: в огромной Российской Федерации осталось только 2093 прихода, на Украине – 5114, причем около половины из этого числа в Галиции и других западных областях, в Белоруссии – 465, в Молдавии – 231, в Прибалтике – 262, в Казахстане и Средней Азии – 100, в Азербайджане и Армении – по 4. Всего за годы хрущевских гонений с 1959 по 1964 г. было закрыто в Молдавии 321 церковь, в Одесской епархии – 210, на Волыни – 180, в Кировской епархии из 75 приходов к 1965 г. осталось 35, в Полтавской епархии закрылось 43 прихода. В Днепропетровской епархии в 1959 г. было 285 приходов, а к концу хрущевской эпохи число их убавилось почти в шесть раз. В Киеве из 25 действующих церквей осталось только 8; в Одессе уцелело 9 приходов из 23, в Ростове-на-Дону – 4 из 12. В Вологодской епархии осталось только 17 приходов, а до революции их было более 800. В Крымской епархии – 12, в Оренбургской – 10. В Новгороде, Орле, Чернигове, Риге и ряде других епархиальных центров были закрыты кафедральные соборы. Особенно страшный удар был нанесен по Церкви в Белоруссии. Из 1250 православных храмов, которые существовали в 1945 г., к концу 1964 г. осталось немногим более 400. В некоторых больших городах число действующих храмов вернулось на предвоенный уровень. В Саратове в середине 1964 г. осталось 2 действующих храма, в Минске – 2, в Смоленске и Новгороде – по 1 церкви.

Основания для закрытия церквей были разные: в Белоруссии, на Украине и на западе Российской Федерации частым предлогом служило то, что храмы были открыты по разрешению оккупационных властей, следовательно, по советским законам нелегально; часто храм закрывали и разрушали, ссылаясь на необходимость расширить проезжую часть улицы.

В сельской местности приходская община не выдерживала налогового пресса, и тогда двадцатка, сформированная гражданскими властями, объявляла о самороспуске. Иногда приход закрывали после снятия с регистрации священника и отказа уполномоченного зарегистрировать другого священника, которого мог бы назначить в приход правящий архиерей.

В ряде случаев закрытые церкви были варварски уничтожены. Церковь святых апостолов Петра и Павла на Преображенке – особенно дорогой верующей Москве кафедральный храм митрополита Николая, под предлогом, что на этом месте надо открыть вход в метро, была взорвана в канун престольного праздника, в ночь с 10 на 11 июля. Десятки тысяч православных христиан, зная о предстоящей беде, собрались вокруг храма, чтобы уберечь его от разрушения, но их разогнали.

В приходском духовенстве в годы хрущевских гонений были печальные случаи отпадений и предательства. Публично от веры отрекались те, кто вступал на стезю священства по земным расчетам, не обладая ни истинной верой во Христа, ни желанием обрести ее. Однако в целом русское духовенство выдержало грозу хрущевских гонений не менее стойко, чем самоотверженные пастыри 20–30-х гг. Среди священников, которые жертвенно исполняли свой долг в это время, были и выдающиеся пастыри, замечательные проповедники, опытные и мудрые духовники. Так, в Москве совершали служение любимые народом протоиереи Александр Толгский, Николай Никольский, Николай Голубев, Владимир Елховский, Всеволод Шпиллер. В 1960 г. Русская Православная Церковь потеряла протопресвитера Николая Колчицкого, настоятеля патриаршего Богоявленского собора, который в течение почти двух десятилетий исполнял обязанности управляющего делами Московской Патриархии, не оставляя и своего прямого пастырского долга – служил уставно, истово, окормляя многочисленных духовных чад.

После отставки Хрущева массовое закрытие приходов прекратилось, и все-таки число их продолжало сокращаться. Так, за пять лет с 1971 по 1976 г. число приходов сократилось с 7274 до 7038, в среднем закрывалось по 50 приходов в год. В последующие пять лет среднее количество ежегодно закрываемых приходов уменьшилось до шести, и в 1981 г. Русская Православная Церковь насчитывала 7007 приходов.

С 1971 по 1975 гг. число священников убавилось с 6234 до 5994, а диаконов – с 618 до 594. Некоторые священники, особенно в западно-украинских и прибалтийских епархиях, окормляли по два, по три и даже по четыре прихода. Снизился образовательный уровень духовенства.

Богословское образование имела лишь половина духовенства, а около половины священнослужителей не имело даже общего среднего образования. Подбор кандидатов священства был крайне затруднен. Рукоположениями, которых ежегодно совершалось во всех епархиях в среднем чуть более ста, не удавалось перекрыть естественную убыль духовенства; больше половины священников и диаконов составляли пожилые люди старше 60 лет. За 1972–1974 гг. духовные школы направили на приходское служение всего лишь 219 священнослужителей – менее 2/3 своих выпускников.

В 1986 г. Русская Православная Церковь имела 6794 прихода; в 1981–1986 гг. их число уменьшилось на 213, но в 1987 г. впервые после середины 50-х гг. их количество начало возрастать. В 1988 г. открытие приходов происходило с нарастающим темпом. В некоторых приходах начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими, и священники, проводившие их, уже не подвергались, как ранее, травле со стороны уполномоченных совета. Появились первые воскресные школы.

«Устав об управлении Русской Православной Церкви», изданный Поместным Собором 1988 г., отчасти, но не вполне, возвратил то положение, которое существовало на приходах до 1961 г. Членами приходского собрания, по Уставу 1988 г., могли быть клирики и совершеннолетние миряне, не находящиеся под церковным или гражданским судом. Председателем собрания, по формулировке Устава, избирался настоятель прихода. Парадоксальная формула об избрании председателем исключительно настоятеля прихода содержала в себе идею двойной санкции на поставление настоятеля – председателя собрания: и со стороны архиерея, который настоятеля назначает, и затем со стороны приходского собрания, которое своим избранием это назначение подтверждает. В круг обязанностей приходского собрания были включены хранение внутреннего единства прихода и содействие его духовно-нравственному возрастанию, ответственность за сохранность имущества прихода, забота о состоянии храмового пения, утверждение годового бюджета прихода и изыскание средств на его нужды. Приходской совет, согласно Уставу, должен избираться приходским собранием из числа его членов и является исполнительным органом собрания, подотчетным ему. По Уставу, он состоит из председателя, его помощника и казначея, избираемых из клириков или мирян сроком на три года. Председателем совета мог быть избран и настоятель прихода. Приходской совет несет ответственность за сохранность храма и церковного имущества, распоряжается денежными средствами прихода, исполняет решения

приходского собрания. В состав ревизионной комиссии, избираемой приходским собранием на три года, входят председатель и два члена. Обязанности комиссии, согласно Уставу, следующие: проведение ревизий наличия денежных средств, контроль за законностью расходов, правильностью ведения приходно-расходных книг, за снятием кружечек с пожертвованиями, наблюдение за состоянием церковного имущества, ежегодная инвентаризация этого имущества.

13. Духовные школы

Революционные события 1917 г. явились катастрофой для духовного образования в России. По богословским школам удар был нанесен уже на самом раннем этапе борьбы с Церковью декретом Совнаркома «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»: религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, поэтому духовные школы, существовавшие ранее на средства Святейшего Синода, практически теряли финансовую основу, а специальные богословские школы могли создаваться только заново, без предоставления им денежных средств и без права пользоваться учебными помещениями прежних академий, семинарий и духовных училищ, которые подлежали конфискации. Помещения, библиотеки и даже часть педагогического персонала духовных учебных заведений использовались новыми властями для устройства общеобразовательных средних школ, педагогических училищ, учительских институтов. Высшее церковное управление своим указом от 1 ноября 1918 г. было вынуждено констатировать, что не располагает средствами содержать духовные учебные заведения. Однако профессура духовных академий предпринимала попытки в той или иной форме сохранить православные школы.

21 мая 1918 г. по благословению патриарха Тихона Московский епархиальный совет союза духовенства и мирян по предложению профессора Московской академии В. П. Виноградова постановил открыть Православную народную академию богословских наук во главе с председателем союза профессором Московского университета протоиереем Н. И. Боголюбским. Предполагалось открыть три отделения: общедоступные богословские курсы для всех желающих, высшие богословские курсы для лиц, имеющих среднее и высшее образование или прослушавших курс первого отделения (оба отделения для мужчин и женщин), и пастырские курсы. В качестве преподавателей собирались привлечь главным образом профессоров Московской духовной академии, в том числе и ее последнего ректора протоиерея А. П. Орлова. Но осуществить этот проект не удалось.

Московская духовная академия в Сергиевом Посаде умирала, в 1918 г. она последний раз приняла абитуриентов. «Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание академии у Церкви нет», – с горечью писал в феврале 1919 г. профессор И. В. Попов петербургскому коллеге Н. Н. Глубоковскому. Занятия в академии прекратились, некоторые преподаватели в светском звании устроились на различные должности в государственные культурные и образовательные учреждения. Но в Москве и Сергиевом Посаде отдельные профессора продолжали занятия в частном порядке, студенты готовили к защите курсовые сочинения по крайней мере до 1924 г.

Лекции для желающих получить высшее богословское образование читались в Московском епархиальном управлении вплоть до 1928 г. в Высоко-Петровском монастыре, настоятель которого епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), по существу дела, и возглавил полулегально существовавшую школу. В преподавательскую корпорацию также входили епископы Иларион (Троицкий), пока он был на свободе, и протоиерей Василий Виноградов. На содержание духовной школы собирались пожертвования в московских храмах. Варфоломей (Ремов), уже в сане архиепископа, был расстрелян в 1936 г., репрессиям подверглись и другие лица, преподававшие и учившиеся в этой богословской школе.

В Петрограде для спасения академии ее руководство обратилось в совет Петроградского университета с просьбой о включении академической корпорации и студентов в состав университета в качестве богословского факультета. Университетский совет был готов пойти навстречу, но Наркомат просвещения во главе с Луначарским воспрепятствовал осуществлению этого плана. 23 июня 1918 г. скончался последний ректор Петроградской духовной академии епископ Ямбургский Анастасий (Александров). Этот год стал последним в существовании старой Петербургской академии, занятия профессоров со студентами продолжались позже только в частном порядке.

Перед угрозой прекращения существования Казанской академии ее совет, испросив благословение священноначалия, готов был к тому, чтобы преобразоваться в богословский факультет Казанского университета. Но, как и в Петрограде, большевистские власти не допустили слияния Казанской академии с университетом, и положение ее ухудшалось с каждым днем. О состоянии, в котором она оказалась к началу 1919 г., пишет ее последний ректор епископ Чистопольский священномученик Анатолий (Грисюк) все тому же профессору Н. Н. Глубоковскому: «Библиотека в наших руках и взята под свою защиту Архивной комиссией.

Половина наличных студентов (человек 20) и Ваш покорный слуга, а равно и канцелярия – помещаются в здании академическом. В главном здании – заразный госпиталь, почему пришлось отказаться даже от академической церкви и перейти в приходскую. Треть корпорации находится по ту сторону фронта, а трое в Москве. Остальные профессора почти все служат на советской службе, и сравнительно немногие на епархиальной или совмещают должности в академии». Казань в ходе гражданской войны переходила из рук в руки, поэтому репрессии со стороны властей оказались здесь особенно кровавыми. Коснулись они и академической корпорации: был расстрелян экононом академии священник Филарет Великанов.

В отличие от Московской и Петербургской, Казанская академия просуществовала до весны 1921 г. В марте 1921 г. двадцать преподавателей академии во главе с ректором епископом Чистопольским Анатолием были арестованы за нарушение декрета об отделении Церкви от государства. Священномученика Анатолия этапировали из Казани в Москву и заключили в Бутырскую тюрьму, а преподавателей академии в октябре 1921 г. освободили, приговорив к одному году заключения в концлагере условно. И уже в ноябре академическая корпорация организовала Богословский институт во главе с профессором Казанской академии протоиереем Николаем Васильевичем Петровым и его помощником архимандритом Варсонофием (Лузиным). Коллегия Татарского наркомпроса зарегистрировала институт, но просуществовал он менее года.

Киев до окончания Гражданской войны, за исключением коротких промежутков, не был в руках красных, поэтому Киевская академия находилась в более сносных условиях до 1920 г.; но при большевистской власти она тоже была обречена на уничтожение. Ее последний ректор епископ Каневский Василий (Богдашевский) писал профессору Н. Н. Глубоковскому: «Крайне бедствуют и профессора академии. Бедствие дошло до того, что В. И. Попов пошел в деревню в псаломщики; собирается в псаломщики и М. Н. Скабалланович. Почтеннейший Н. П. Смирнов, тяжело болевший тифом, отправился искать свободного прихода в Киевский уезд, ибо семья буквально умирает с голоду. Страшно, что ожидает нас в будущем... С. Т. Голубев до того исхудал, что прямо стал неузнаваем и еле передвигает ноги».

А уже 14 октября епископ Василий писал Глубоковскому: «Академия, к великому прискорбию, почти умерла, и никак нельзя ее восстановить, потому что студентов нет и профессора многие отсутствуют. Что дальше

будет, неизвестно, но утешительных перспектив не предвидится. Открыты пастырские курсы, и они «оттянули» важнейшие профессорские силы. Предложил я читать лекции «по домам» ... но ничего пока из этого не выходит».

В 20-х гг. наиболее серьезный и успешный опыт создания высшей духовной школы нового типа, совместимого с советским законодательством, был предпринят в Петрограде. Еще в 1918 г. преподаватель Петроградской духовной семинарии Иван Павлович Щербов († 1925) организовал пастырское училище, которое существовало на местные епархиальные средства. В 1919 г. он поставил вопрос о создании Богословского института – высшей духовной школы. Предложение И. П. Щербова поддержал митрополит Петроградский Вениамин, и в апреле 1920 г. Богословский институт был открыт. Его ректором был избран настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков (впоследствии митрополит Григорий), опытный пастырь и педагог, в прошлом ректор Петрозаводской семинарии. Среди преподавателей института были профессора Петроградской академии – протоиереи Василий Верюжский, А. В. Петровский, А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский, С. М. Зарин, И. А. Карабинов, Н. В. Малицкий, Д. П. Митров, И. П. Соколов, и профессора Петроградского университета – академик Б. А. Тураев, Д. И. Абрамович, Л. П. Карсавин, С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан), М. Д. Приселков, А. П. Алявдин, М. Н. Соколов, С. В. Меликова-Толстая.

В Богословский институт принимались лица обоего пола с высшим или средним образованием, желающие послужить Церкви как пастыри или на иных послушаниях. Было принято 100 слушателей, из них 32 человека имели высшее образование. В мае 1923 г. Богословский институт прекратил свое существование. Ужесточение антицерковного террора в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, арест ректора протоиерея Николая Чукова и угроза захвата обновленцами института привели к его роспуску. Выйдя на свободу, протоиерей Николай Чуков в 1925 г. сумел организовать в Ленинграде Высшие богословские курсы, которые имели более скромный состав профессоров и студентов. Но эти курсы позволили некоторым из студентов института, например, Н. Д. Успенскому, известному впоследствии профессору-литургисту, завершить высшее богословское образование. В 1928 г. власти закрыли ленинградские Высшие богословские курсы.

Поместный Собор в определении от 7 (20) апреля 1918 г. постановил, наряду с существовавшими духовными учебными заведениями, учредить в

епархиях пастырские училища. На основании этого определения в Москве, Киеве, Казани, Симбирске, Харькове, Смоленске, Перми, Вологде, Могилеве, Угличе, в Павловске Воронежской епархии на местные средства в 1919–1922 гг. открывались псаломщические и пастырско-богословские курсы, которые, просуществовав по несколько лет, закрывались властями.

К концу 20-х гг. школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза. Оставалась возможность только для частного, индивидуального и нелегального преподавания, которое, видимо, не прекращалось никогда. До 30-х гг. свои духовные школы имели раскольники-обновленцы и самосвяты, но в 30-х гг. и их школы прекратили существование.

Возможность возобновления духовного образования открылась только на исходе Великой Отечественной войны. В сентябре 1943 г. на встрече со Сталиным митрополиты Сергей, Алексей и Николай просили дать разрешение на открытие богословских курсов в нескольких епархиях. Вскоре после этой встречи архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) по поручению патриарха Сергия разработал проект организации Православного богословского института в Москве и богословско-пастырских школ в епархиальных центрах.

Торжественное открытие Богословского института и Богословско-пастырских курсов состоялось после кончины патриарха Сергия, 14 июня 1944 г., в Московском Новодевичьем монастыре. На торжествах присутствовал местоблюститель митрополит Алексей в сопровождении митрополита Крутицкого Николая и архиепископа Псковского Григория (Чукова). Перед началом молебна митрополит Алексей обратился к собравшимся с назидательным словом: «Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Хорошая ей память, честь и слава... Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству, сословию в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой задачей ее было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника, или диакона, или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков, и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон его церковного настроения. С другой стороны, и само руководство допускало несвойственные строго духовной школе послабления в

отношении режима и общего внутреннего уклада. И получалось, что наши духовные школы носили полусветский характер, который отражался на всем строе – учебном и воспитательном. Теперь же не так должно быть и не так будет. Сословий у нас нет... и каждый гражданин, чей бы он ни был сын и потомок, может свободно избирать себе путь по своему влечению; и потому те, кто поступает в наши духовно-учебные школы, поступят в них не подневольно, а следуя влечению своему послужить Святой Церкви в священном сане. Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться».

Учебные аудитории института разместились в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря, а его общежитие и аудитория Богословско-пастырских курсов – в помещениях при монастырской Успенской церкви. К преподаванию в институте и на курсах были приглашены немногие из наставников и питомцев старой духовной академии, а также некоторые из преподавателей светских школ, имевших основательные богословские знания. Проректор института, возглавивший его на первых порах, Сергей Васильевич Савинский, магистр богословия, впоследствии протоиерей, до революции преподавал догматическое богословие в Черниговской семинарии. Первым ректором института стал протоиерей Тихон Попов, присоединенный незадолго до открытия института из обновленческого раскола, где он носил архиерейский сан; выпускник Казанской академии, он успел защитить в ней магистерскую диссертацию о святителе Тихоне Задонском. К преподаванию в институте удалось привлечь известного миссионера дореволюционной эпохи протоиерея Дмитрия Боголюбова. Среди первых преподавателей высшей богословской школы были А. В. Ведерников, назначенный инспектором, и А. И. Георгиевский, ставший секретарем института. По своему возрасту они не могли получить образование в дореволюционной духовной академии, но полученные ими благодаря самообразованию богословские знания были широкими и основательными. Впоследствии преподавателями стали выпускники Киевской духовной академии Н. И. Муравьев и В. С. Вертоградов, Казанской академии – Н. П. Доктусов и А. А. Ветелев, позже протоиерей.

Один из студентов Богословского института вспоминал, что учащиеся первого, «военного» набора «пришли отовсюду... были и молодые, и совсем пожилые люди. Одни из них имели законченное гуманитарное образование, другие прошли курс духовной семинарии в далеком прошлом, но были и такие, кто вообще не имел никакой подготовки, кто по зову сердца пришел с сельскохозяйственных работ, от станков тыловой

промышленности или с передовых позиций Великой Отечественной войны – опаленные огнем военного пожара, с нашивками ранений, боевыми наградами. Среди студентов нашего курса был Павел Александрович Голубцов (впоследствии архиепископ Сергей; † 1982), в выцветшей зеленой гимнастерке с погонами солдата технических войск. Были и специалисты с большим жизненным опытом, работавшие прежде в конструкторских бюро, и люди, много лет служившие на приходах псаломщиками... Но в этой сложной и разноликой массе главным и определяющим фактором была пастырская направленность».

Подготовить достаточное число пастырей для нескольких тысяч приходов, нуждавшихся в них, Московский богословский институт и Богословско-пастырские курсы, конечно, были не в состоянии, поэтому вскоре после своего избрания патриарх Алексей I обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви с письмом: «Считая необходимым иметь пастырско-богословские курсы в городах Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке и Львове, прошу совет войти в ходатайство к правительству о разрешении открытия означенных курсов в указанных городах». В другом письме патриарх просил о разрешении на открытие таких курсов в Одессе и Таллине. За исключением Таллина, во всех городах, упомянутых в его письме, были открыты духовные учебные заведения.

В Учебном комитете под руководством митрополита Ленинградского Григория (Чукова) был разработан план системы духовного образования в традиционной его структуре. Предполагалось преобразовать Богословский институт в духовную академию, а Богословско-пастырские курсы в духовную семинарию. При этом академия по своим учебным планам, программам и продолжительности обучения действительно должна была в целом повторить старую академию. Но новая семинария, в отличие от дореволюционной, соединявшей в себе общеобразовательную среднюю школу с богословско-пастырской, не ставила цели давать своим воспитанникам полное среднее образование. Значительная часть ее абитуриентов приходила в стены духовной школы с аттестатом зрелости, хотя правила допускали прием и выпускников 7-классных школ. Обучение в духовной семинарии и академии было рассчитано на четыре года. Учебные планы двух первых классов семинарии в основном воспроизводили церковно-образовательную программу старого духовного училища с вводным курсом основ православного вероучения (катехизиса, священной истории, церковного устава) и церковно-славянского языка. Два старших класса семинарии приближались по предметам и объему

учебного материала к дореволюционной семинарии. Особое значение придавалось воцерковлению питомцев духовных школ, строго церковной системе их воспитания. Хотя и в ненормальных условиях, но возрождающаяся семинария явилась до известной степени осуществлением тех проектов преобразования духовной школы, которые предлагали архиереи в своих «Отзывах» 1906 г.

Московские духовные школы были преобразованы в духовную академию и семинарию 31 августа 1946 г. Исполняющим обязанности ректора академии и семинарии назначили профессора протоиерея Тихона Попова, возглавлявшего ранее Богословский институт и Богословско-пастырские курсы. Но вскоре Священный Синод постановил освободить его от занимаемых должностей с оставлением его профессором нравственного богословия по состоянию здоровья, а ректором и настоятелем академического храма назначить инспектора академии протоиерея Николая Чепурина. Это был исповедник, прошедший через аресты, тюрьму, лагеря и ссылку. Магистр богословия, в прошлом он служил петербургским епархиальным миссионером. Находясь в Средней Азии и не имея возможности служить в церкви, он защитил кандидатскую диссертацию по биологии и возглавлял кафедру микробиологии медицинского института. Затем, после его вскоре последовавшей кончины, в течение девяти месяцев обязанности ректора исполнял профессор протоиерей С. В. Савинский.

Постановлением Священного Синода от 28 октября 1947 г. новым ректором Московских духовных школ был назначен епископ Гермоген (Кожин). В прошлом обновленец-митрополит, он, к тому времени уже овдовевший, был воссоединен с Матерью-Церковью в 1945 г. в сане протоиерея. Сразу после этого он был пострижен и скоро получил уже канонически законную епископскую хиротонию.

В 1946 г. в день Покрова Божией Матери состоялось открытие патриархом Алексием I Ленинградской духовной академии и преобразование уже год существовавших Богословско-пастырских курсов в семинарию. При Ленинградских духовных школах открыт был заочный сектор. Первая корпорация Ленинградских духовных школ включала в себя 10 преподавателей (из них 3 профессора и 5 доцентов), в большинстве выпускников дореволюционных духовных школ, а некоторые – протоиерей Василий Верюжский, А. И. Сагарда и В. В. Четыркин – имели опыт преподавания в дореволюционной Петербургской академии. На 1 июня 1951 г. в корпорации Ленинградских духовных школ состояло 4 профессора: Л. Н. Парийский, С. А. Купресов, Н. Д. Успенский и

протоиерей А. Осипов, запрещенный в служении из-за вступления во второй брак, тайный, а с 1959 г. явный ренегат; 8 доцентов и 6 преподавателей. В 1948–1952 гг. ректором Ленинградской духовной академии и семинарии состоял епископ Лужский Симеон (Бычков), кандидат богословия старой Санкт-Петербургской академии.

В ноябре 1946 г. на базе Богословско-пастырских курсов была открыта духовная семинария в Ставрополе. Ее ректором Священный Синод назначил протоиерея Иоанна Богдановича. В Киеве торжественное открытие семинарии состоялось 18 февраля 1947 г. Ректором семинарии стал священник С. П. Афонский. Минские Богословско-пастырские курсы при их преобразовании в духовную семинарию были переведены в Свято-Успенский Жировицкий монастырь, но по названию это была Минская семинария. Одновременно с этим была закрыта Виленская семинария. В 1946/47 учебном году в семинарии были преобразованы Богословско-пастырские курсы, открытые в Саратове, Одессе, Луцке. Львовские богословско-пастырские курсы, организованные в 1946 г., просуществовали только год. Ходатайства об открытии духовных семинарий в своих епархиях подавали в Совет по делам Русской Православной Церкви правящие архиереи Новосибирской, Краснодарской, Ростовской, Ярославской, Смоленской, Черновицкой и Таллинской епархий. Эти ходатайства были поддержаны Святейшим Патриархом Алексием I, но ответом Карпова на все эти просьбы было: «Воздержаться».

На начало 1950/51 учебного года в 8 семинариях и 2 академиях обучалось 730 студентов. Священнослужителей не хватало, и правящие архиереи были вынуждены рукополагать благочестивых мирян без духовного образования. Чтобы преподать таким священнослужителям хотя бы основные богословские знания, в некоторых епархиях устраивались краткосрочные, чаще всего месячные, пастырские курсы, по окончании которых проводились проверочные испытания. В сентябре 1947 г. под руководством архиепископа Орловского Фотия (Тапира) были проведены занятия со священнослужителями епархии с чтением обзорных лекций по всем основным предметам семинарского курса; подобные курсы были организованы в Гродно; в Минске с 28 сентября по 11 октября 1947 г. были проведены занятия на церковно-певческих курсах для псаломщиков епархии. Проводились также конференции епархиальных священников, которые частично решали образовательные задачи.

В середине 50-х гг. удалось заметно увеличить прием в семинарии. Зависело это не только от Совета по делам Русской Православной Церкви, но больше от того, что среди верующей молодежи заметно возросло

стремление к пастырскому служению. Всего в 1956/57 учебном году в духовных школах Русской Церкви обучалось 1522 человека; из них на стационаре в семинариях – 924 и в академиях – 157; кроме того, на заочном секторе при Ленинградских духовных школах занимались 302 семинариста и 139 студентов академии; те и другие были в священном сане. Через два года общее число семинаристов, обучавшихся на стационаре, составило уже 1112, академических студентов – 168; увеличилось и количество заочников. Число учащихся выросло во всех духовных школах, за исключением Вольнской семинарии, где оно в 1958/59 учебном году составило 138 человек – на 10 меньше, чем в предыдущем году; в Саратовской семинарии с 1954 по 1958 г. количество учащихся увеличилось почти в три раза: с 41 до 115. Но истинное положение духовной школы обнаруживается только при сравнении приведенных статистических данных с теми, которые относятся к предреволюционной России. В 1912 г. в 4 духовных академиях обучались 939 студентов, в 57 семинариях – 21 850 и в 185 духовных училищах – 28 883. В 1957 г. духовные семинарии закончили 150 выпускников, а в 1912 г. – 2030, 4 академии выпустили кандидатами богословия и действительными студентами 220 человек.

Восьми семинарий было явно недостаточно для замещения вакантных мест священнослужителей, даже при уменьшившемся в четыре раза в сравнении с предреволюционной эпохой числе приходов. Священноначалие ходатайствовало перед Советом по делам Русской Православной Церкви о разрешении на открытие еще одной – Львовской семинарии, с тем чтобы она готовила пастырей, которые бы совершали служение в приходах Галиции, где в 50-х гг. большинство духовенства составляли лица, присоединенные к Православной Церкви из униатов, и где сохранилось около 3000 церквей, то есть до четверти всех приходов Русской Церкви. Но в 1955 г. уполномоченный совета по Украине Корчевой дал окончательный отказ, сославшись на то, что вполне достаточно Вольнской семинарии для замещения приходов в Галиции, 60 % воспитанников которой из общего числа 93 – выходцы из трех галицких епархий.

В Московских духовных школах, которые, наряду с Ленинградскими, сосредоточили у себя лучшие педагогические силы, обучалось самое большое число студентов: в 1956/57 учебном году 146 в семинарии и 99 в академии, через 2 года уже 169 и 106 соответственно. Московские академию и семинарию с 1951 по 1964 г. возглавлял выпускник дореволюционной Московской академии протоиерей Константин

Ружицкий, богословски хорошо образованный педагог и многоопытный администратор. Протоиерей Константин Ружицкий сумел организовать разумный распорядок академической и семинарской жизни, у него сложились добрые отношения с преподавателями и студентами, его ценило священноначалие; благодаря гибкости, дипломатическому таланту, умению найти компромисс ему удавалось успешно защищать интересы духовных школ. Инспектором Московских духовных школ до середины 50-х гг. был протоиерей Сергей Савинский, талантливый преподаватель, человек высокой эрудиции, хороший администратор. С 1957 по 1959 г. должность инспектора в академии занимал архимандрит Леонид (Поляков). В прошлом врач, экстерном закончивший после войны Ленинградскую академию, он сумел за короткое время расположить к себе студентов своей любовью, заботой и снисхождением к немощным. Нетерпимость к лицам случайным и чуждым академической среде создавала ему репутацию справедливого и мудрого наставника.

Среди преподавателей академии особой популярностью пользовались протоиерей Александр Ветелев, выпускник Казанской академии, преподававший пастырское и нравственное богословие, и литургист А. И. Георгиевский. Большой потерей для Московских духовных школ стала кончина профессора протоиерея Дмитрия Боголюбова, последовавшая на 85-м году жизни 22 июня 1953 г. Окончив Московскую академию еще в 19 в., он стал выдающимся миссионером, принимал участие в деяниях Собора 1917–1918 гг., в 20-х гг. был бесстрашным борцом против обновленчества, узником тюрем и лагерей. В конце своей исповеднической жизни отец Дмитрий Боголюбов, прекратив преподавание, нес обязанности духовника академии, писал статьи для «Журнала Московской Патриархии». Его преемником по кафедре сектоведения стал другой миссионер предреволюционных лет, великолепный знаток старообрядчества протоиерей Иоанн Козлов.

На жизнь Московских духовных школ благотворно влияло их пребывание в стенах великой святыни – Троице-Сергиевой лавры. Студенты участвовали в монастырских богослужениях как певцы, пономари, чтецы, окормлялись у лаврских духовников. Полумонашеский уклад жизни Московских духовных школ, их тесная связь с обителью углубляли веру воспитанников, многих побуждая к постригу. Академия и семинария не располагали тогда своим храмом, а имели общие с лаврой. Но в 1956 г. Патриархия и администрация академии добились передачи им той части помещений старой академии, которую ранее занимал педагогический институт; благодаря этому открылась возможность для

устроения в чертогах, на прежнем месте, академического Покровского храма.

В Ленинградской духовной академии в 1956/57 учебном году обучалось 58, через два года – 62 студента, а в семинарии – 112 и 126 воспитанников соответственно, примерно в 1,5 раза меньше, чем в Московских духовных школах. В 50-е гг. Ленинградские духовные школы возглавлял протоиерей Михаил Сперанский, выпускник Петербургской академии 1913 г. Ближайшим помощником ректора был инспектор академии и семинарии Л. Н. Парийский, тоже выпускник старой Петербургской академии. В 1922 г. он был приговорен по делу митрополита Петербургского Вениамина к пяти годам лишения свободы. Своей строгой требовательностью инспектор компенсировал великодушную снисходительность ректора, поэтому Л. Н. Парийского любили далеко не все, но все ценили его за преданность делу духовного просвещения, за богословскую эрудицию и высокую культуру; впоследствии Л. Н. Парийский был секретарем патриарха Алексия I. Профессор протоиерей Василий Верюжский преподавал в возрожденной академии с 1951 г. до своей кончины 28 августа 1955 г.

В конце 50-х гг. новые гонения на Церковь разрушили возрождавшуюся систему духовного образования. Уже в 1959 г. был ограничен прием абитуриентов в духовные семинарии и академии. Молодых людей, подавших прошения о принятии в духовные школы, вызывали через военкоматы для беседы с уполномоченными совета, их не просто пытались переубедить, им угрожали, срочно отправляли на военные сборы на время вступительных экзаменов, комсомольские организации устраивали судилища и разборы, шантажировали и запугивали священников, давших рекомендации абитуриентам.

Контролирующие Церковь инстанции беззастенчиво вмешивались в самый процесс обучения в духовных школах. Например, член совета Сивенков в докладной записке Карпову писал о недопустимости в кандидатских сочинениях на нравственные темы развивать мысль о долге родителей давать детям религиозное воспитание: «Эти сочинения являются прямым нарушением ленинского декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Совет практиковал выдворение воспитанников из семинарии из-за бывшего членства в КПСС или комсомоле, за первоначальное обучение в светском институте, исполнение в прошлом должности завклубом в сельсовете и т. д.

Результатом принятых мер стало резкое сокращение приема абитуриентов в духовные семинарии, что должно было стать, по замыслу

властей, удобным предлогом для закрытия духовных школ. 4 мая 1960 г. новый председатель совета Куроедов рекомендовал Святейшему Патриарху Алексию I закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую семинарии, ссылаясь на незначительное число учащихся и на неудовлетворительные бытовые условия в них. Патриарх вынужден был подчиниться. Минскую и Волынскую семинарии решили брать измором. В 1960 г. Минская семинария не смогла провести вступительные экзамены, потому что власти не допускали абитуриентов в Жировицкий монастырь, где находилась семинария, отказывая им во временном пропуске. В 1963 г. состоялся последний выпуск: 4-й курс окончили пять студентов, больше семинаристов не осталось, и Минская семинария прекратила существование без официального закрытия. В 1962 г. настала очередь Волынской семинарии, где в канун закрытия оставалось всего 5 студентов, которых никакими способами не удавалось заставить уйти. Затем у семинарии отняли второй этаж здания, с автомашины, которая использовалась для закупки продовольствия, сняли номерные знаки. К 1965 г. Волынская духовная семинария прекратила свое существование.

У Русской Православной Церкви с ее 100-миллионной паствой осталось три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская, которую власти планировали закрыть в ближайшее время, и две духовных академии: Московская и Ленинградская. На начало 1964/65 учебного года во всех духовных школах насчитывалось 752 учащихся: в академиях 207 студентов стационара и 157 заочников и в семинариях 211 воспитанников стационара и 177 заочников. При этом в первых классах всех духовных семинарий числилось всего 58 учащихся.

Московские духовные школы в 1964 г. потеряли своего многолетнего ректора протоиерея Константина Ружицкого. Короткое время после него академию и семинарию возглавлял епископ Филарет (Денисенко). 14 мая 1966 г. новым ректором с перемещением на Дмитровскую кафедру был назначен епископ Филарет (Вахромеев), под его руководством протекала вся деятельность Московских духовных школ во второй половине 60-х и в начале 70-х гг. Инспектором был тогда архимандрит Симон (Новиков), ныне архиепископ. В Московской академии в 60-х гг. преподавали профессора: епископ Питирим (Нечаев), протоиереи Иоанн Козлов, Александр Ветелев, Андрей Сергеенко, а также Д. П. Огицкий, В. Талызин, А. И. Георгиевский, И. Н. Шабатин. Из преподавателей нового поколения, получивших образование в духовных школах в 50-х гг., – протоиерей Алексей Остапов, иеромонах, потом игумен Марк (Лозинский) (оба рано скончавшиеся), К. Е. Скурат. Большим тружеником был заведующий

академической библиотекой В. М. Волков, выпускник Тобольской семинарии.

Несмотря на преклонные лета, Святейший Патриарх Алексий I и в 60-х гг. с любовным вниманием покровительствовал духовной школе у Троицы, из стен которой он вышел, посещал академию в актыные дни, на Покров Божией Матери, присутствовал на Филаретовских вечерах, которые стали традицией по его почину. Он проявлял особую заботу о том, чтобы и в крайне неблагоприятных для духовного образования условиях, созданных атеистическим государством, в академии свято хранились лучшие традиции дореволюционной школы. Попечением Святейшего Патриарха при Московской академии был открыт Церковно-археологический кабинет, в фондах которого хранятся русские и византийские иконы, картины на религиозные сюжеты известных художников и другие предметы церковного искусства.

Ленинградские духовные школы до середины 1960-х гг. возглавлял профессор протоиерей Михаил Сперанский, который и после ухода с должности ректора ввиду преклонных лет продолжал преподавательскую деятельность, оставаясь одним из самых любимых младшими коллегами и студентами наставников. С 1966 по 1968 г. ректором в сане епископа Тихвинского был преосвященный Михаил (Мудьюгин), а с 1968 по 1970 г. – епископ Тихвинский Герман (Тимофеев). Видными церковными учеными, которые несли свое педагогическое служение в Ленинградских духовных школах в 60-х гг., были профессора протоиереи Петр Гнедич, Ливерий Воронов, Виталий Боровой, Г. П. Миролубов, Н. Д. Успенский, М. Ф. Русаков. На жизнь Ленинградских духовных школ и направленность научных интересов преподавателей академии решающее влияние оказывал митрополит Ленинградский Никодим. Ленинградская академия стала тогда наряду с ОВЦС самым крупным центром Русской Православной Церкви, занимающимся систематическим исследованием проблем, связанных с экуменическим движением. С 1965 г. в академии существовал факультет африканской христианской молодежи, позже преобразованный в факультет иностранных студентов. Здесь обучались студенты из восточных нехалкидонских Церквей, а также инославные христиане из Европы, Америки и Азии и проходили многочисленные экуменические встречи. Самыми энергичными участниками экуменических контактов были профессора академии протоиереи Виталий Боровой (ныне протопресвитер) и Н. А. Заболотский.

Одесскую духовную семинарию с 1967 г. возглавлял в должности ректора архимандрит Агафангел (Саввин), ныне митрополит.

Вся деятельность духовных школ протекала под руководством Учебного комитета при Священном Синоде, во главе которого с середины 60-х гг. стоял митрополит Таллинский Алексей, ныне Святейший Патриарх. В трудных условиях подневольной церковной жизни комитет прилагал усилия к тому, чтобы сохранить духовную школу, сберечь лучшие традиции дореволюционной системы богословского образования, чтобы, несмотря на режим изоляции, в котором существовали академии и семинарии, в них не погасло духовное горение и любознательность наставников и студентов.

В 70–80-х гг. из жизни уходили последние профессора, получившие богословское образование до революции: в Московской духовной академии – протоиерей Александр Ветелев († 1976), в Ленинградской – ее бывший ректор протоиерей Михаил Сперанский († 1984). В малом числе оставались уже и те, кто окончил семинарию и академию в первое послевоенное десятилетие, когда среди студентов были высоко интеллигентные люди, которые благодаря самообразованию приходили в открывавшиеся духовные школы с весьма солидным багажом богословских знаний. Это были профессора Сарычев (монах Василий) и В. Талызин в Московской академии, протоиерей Ливерий Воронов, пребывавший, правда, послевоенное десятилетие в заключении и завершивший образование уже в 60-х гг. в Ленинградской академии. В это время кафедру литургики возглавлял здесь профессор Н. Д. Успенский, выпускник Ленинградского богословского института 20-х гг.

Значительную часть преподавателей составляли уже те, кто учился в академии в крайне ненормальных условиях хрущевских гонений. В первой половине 70-х гг., как и прежде, был жестко ограничен прием в духовные школы: в семинарии, за редким исключением, не допускались выпускники светских высших школ. За 1972–1974 гг. духовные школы смогли направить на приходское служение всего лишь 219 священнослужителей – около 2/3 своих выпускников, в среднем по 4 человека на епархию. Это, конечно, лишь в малой степени покрывало естественную убыль духовенства, поэтому большинство рукополагаемых в эти годы не имели вовсе никакого школьного церковного образования. Тем большее значение приобрел открытый в 1964 г. заочный сектор при Московской духовной академии, через который за десять лет прошла тогда едва ли не основная часть духовенства.

В 70-х гг. произошла замена ректоров во всех трех духовных школах. Московским ректором вместо переведенного на должность экзарха Центральной Европы архиепископа Филарета (Вахромеева) 18 апреля 1973

г. был назначен епископ Дмитровский Владимир (Сабодан), в этой должности он оставался до перевода на Ростовскую кафедру в 1982 г.; в свою очередь его заменил рукоположенный в епископа Дмитровского Александр (Тимофеев), ранее в течение многих лет исполнявший обязанности инспектора академии. Ректором Ленинградской духовной академии вместо уволенного по старости епископа Тихвинского Мелитона (Соловьева) 26 декабря 1974 г. назначили архимандрита Кирилла (Гундяева), через полтора года хиротонисанного во епископа Выборгского. Владыка Кирилл возглавлял Ленинградские духовные школы в течение десяти лет, до тех пор, пока в связи с его переводом на Смоленскую кафедру временно исполняющим обязанности ректора не был назначен архимандрит Мануил (Павлов). Ректором Одесской семинарии в 1975 г. стал протоиерей Александр Кравченко, сменив на этом посту Агафангела (Саввина), хиротонисанного во епископа Винницкого.

С середины 70-х гг. условия существования духовных школ становятся чуть более сносными, чем ранее. Все три учебных заведения получили разрешение от совета и местных властей на расширение помещений или строительство новых зданий, соответственно можно было увеличить и прием в семинарии. В 1978 г. при Ленинградской академии были открыты регентские курсы; вначале на них учились 16 человек, в основном девушки, а в 1981 г. – уже более 70. В 70-х гг. и при Московской академии появился регентский класс, преобразованный в 1985 г. в школу, в которой занималось около 100 воспитанниц. Это была единственно возможная форма регентского образования в то время. Количество учащихся в каждом классе Московской семинарии к концу 80-х гг. составляло уже около 100, а в Ленинградской и Одесской – более 50 воспитанников в каждой. В семинарии с середины 70-х гг. начали принимать абитуриентов с высшим образованием, в Московской к середине 80-х гг. они составили до четверти всех поступающих.

В конце 70-х и в 80-х гг. в Московские духовные школы приняли преподавателей с университетским гуманитарным образованием и основательными знаниями в области церковных наук, полученными путем самообразования. Большинство из них впоследствии в течение нескольких лет сдали экзамены за полный курс семинарии и академии. Благодаря этому качество преподавания в академии удалось несколько поднять. Значительным событием в истории академии стала проведенная в декабре 1985 г. конференция, посвященная 300-летию ее образования, материалы которой вышли в юбилейном выпуске «Богословских трудов».

Большим бедствием для Московских духовных школ явился пожар,

случившийся в ночь после Воздвижения Креста Господня в 1986 г. Погибло пять студентов семинарии, сгорела часть зданий, был поврежден и академический храм. Эта беда переживалась всею Церковью как посещение Божие, побудившее православных христиан жертвовать на восстановление разрушенных и ремонт поврежденных помещений. Сочувственное отношение проявили тогда и государственные власти, которые со своей стороны оказали помощь в восстановительных работах, в основном законченных к 1000-летию Крещения Руси. Московским духовным школам были переданы примонастырские строения с храмом, прежде занятые под больницу. В этих строениях после завершения восстановительных работ была размещена часть семинарии.

С 1971 по 1987 г. из стен духовных семинарий вышло 2755 выпускников, учившихся на стационаре; Московская семинария выпустила 1205, Ленинградская – 721 и Одесская – 829 человек. 937 священников и диаконов закончили Московскую семинарию, обучаясь заочно. Полный курс Московской академии прошли 355 выпускников по стационару и 338 – по заочному сектору. Ленинградскую духовную академию закончили 202 выпускника. За этот период степень кандидата богословия получили 473 выпускника академий, 20 ученых успешно защитили магистерские диссертации и девяти видным деятелям церковной науки были присвоены докторские степени. Регентские школы при Московской и Ленинградской академиях закончили 213 выпускников, главным образом девушки, 92 человека получили образование на факультете иностранных студентов при Ленинградской академии.

В 1988 г., ко времени Поместного Собора, общее число учащихся трех семинарий приблизилось к 900, а двух академий по стационару – к 200 студентам. На секторе заочного обучения в Московской академии обучались 202, а в Московской семинарии – 602 священнослужителя. Преподавательская корпорация Московских духовных школ насчитывала 11 профессоров, 9 доцентов и 63 преподавателя; в Ленинграде – 9 профессоров, 6 доцентов и 26 преподавателей; в штатах Одесской семинарии состояли 25 преподавателей.

В год 1000-летия Крещения Руси взаимоотношения Церкви и государства начали радикально меняться. В 1989 г. удалось открыть три новых семинарии: Киевскую, Минскую в Жировицком монастыре и Тобольскую, существование которой прекратилось еще в Гражданскую войну. Появились духовные школы нового типа – духовные училища, двух- или трехгодичные, предназначенные для подготовки церковнослужителей, но из-за острой нехватки духовенства заканчивающие такие училища

канонически правоспособные выпускники, как правило, рукополагались в священнический сан. В октябре 1989 г. были открыты духовные училища в Смоленске и Ставрополе, в Новосибирске, а также в Кишиневе. Было открыто Черниговское духовное училище по подготовке регентов и псаломщиков. При Московской духовной академии была создана иконописная школа. В октябре 1989 г. общее число учащихся всех церковных школ составило 2948 человек.

На Архиерейском Соборе 1989 г. было принято определение о «реорганизации структуры и содержания учебного процесса таким образом, чтобы в ближайшее время обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви на базе духовных семинарий».

14. Церковная наука и церковная печать

В условиях советского режима церковная наука могла существовать в России лишь нелегально и полулегально в крайне изуродованных формах. Многие из ее выдающихся деятелей ушли из жизни в первые годы после октябрьского переворота: профессора Московской и Петроградской академий Н. Ф. Каптерев, А. Д. Беляев, П. Н. Жукович, И. С. Пальмов. Другие эмигрировали, но немало было и таких, кто, несмотря на происходившее в стране, остался в России. Например, оригинальный мыслитель, богослов и философ, крупный специалист в области математики, лингвистики, техники священник Павел Флоренский, расстрелянный в концлагере в 1937 г.; выдающийся патролог И. В. Попов, тоже погибший в лагерях; крупнейший специалист по византийским и южнославянским источникам, посаженный на скамью подсудимых вместе со священномучеником Владимиром Петроградским, тогда оправданный, но впоследствии погибший в застенках ГПУ В. Н. Бенешевич; выдающийся литургист А. А. Дмитриевский, богатое рукописное наследие которого до сих пор остается ненапечатанным. В России остались и такие видные ученые профессора, как А. И. Бриллиантов, Н. И. Сагарда, М. М. Тареев, С. С. Глаголев, В. И. Мышцын, С. Т. Голубев, Н. К. Никольский, а также, может быть, самый крупный религиозный русский философ А. Ф. Лосев, которого не сломала советская каторга. Крупнейшими богословами были патриарх Сергий, архиепископы Иларион (Троицкий), Василий (Богдановский). И хотя большая часть статей патриарха Сергия послереволюционных лет связана с обсуждением актуальных церковных тем, несколько его работ – «К вопросу о западном православии», «Есть ли у Христа наместник в Церкви?» – представляют значительный вклад в экклесиологию и каноническое право.

Отсутствие церковной печати, постоянная угроза репрессий лишали богословов и церковных историков возможности для нормального творчества. Их труды в основном не публиковались, и только отдельные работы по философии, истории, источниковедению помещались в советских научных изданиях.

В советскую эпоху отдельные отрасли церковной науки развивались светскими учеными и профессорами в академиях наук и университетах. Большую ценность представляют труды, посвященные древнерусским литературным памятникам, в том числе и агиографическим, таких ученых, как академики Д. И. Абрамович, В. П. Адрианова-Перетц, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев. Крупным специалистом в области древнерусского церковного права был С. В. Юшков. Академик Я. Н. Щапов занимается исследованием общерусских, южнославянских и византийских источников церковного права. Признанным знатоком койне, языка Нового Завета, был известный филолог-византист А. Ч. Козаржевский. Заслуживают высокой оценки и ряд исследований по византийской и восточной христианской литературе академика С. С. Аверинцева. В области изучения древнерусской иконописи много сделано крупным ученым и верной дочерью Православной Церкви О. И. Подобедовой. Знатоком и исследователем византийской и древнерусской иконы с мировым именем был В. Н. Лазарев. Своеобразный характер носят иконоведческие исследования одного из крупнейших деятелей российской науки в области точных наук академика Б. В. Раушенбаха.

Сближению светской и церковной науки во многом способствовали конференции, посвященные 1000-летию Крещения Руси, состоявшиеся в Киеве, Москве, Ленинграде, а также конференция, проведенная в 1989 г. в связи с 400-летием учреждения патриаршества на Руси. Доклады, прочитанные учеными, показали, что плодотворным оказался союз науки церковной, сохранившей православное мировоззрение, и светской, восполнившей пробелы в истории древнерусской литературы и искусства своими публикациями и исследованиями источников и памятников.

Церковная наука во второй половине 20 в., вплоть до конца 80-х гг., находилась в еще более прискорбном состоянии, чем раньше, поскольку из жизни ушли почти все дореволюционные церковные ученые и преемственная связь со старой школой и академической наукой если не вовсе прервалась, то крайне истончилась. И все-таки с именами некоторых церковных ученых, таких как архиепископ Михаил (Чуб), протоиерей Петр Гнедич, протоиерей Ливерий Воронов, профессор Н. Д. Успенский, связаны значительные научные исследования. Серьезным

патрологическим трудом, не опубликованным до сих пор, явилась магистерская диссертация рано скончавшегося профессора Московской академии игумена Марка (Лозинского), посвященная святителю Игнатию (Брянчанинову). В эти годы был написан ряд церковно-исторических и патрологических трудов профессором МДА К. Е. Скурата, большая часть которых была опубликована уже в 1990-х гг.

Одним из средств религиозного просвещения паствы является церковная печать. После октябрьского переворота, издания декрета об отделении Церкви от государства и введения цензуры стало невозможным легальное существование в Советском государстве каких бы то ни было периодических печатных органов, кроме большевистских. Лишь на окраинах страны, там, где власть еще не принадлежала большевикам, продолжали до окончания Гражданской войны выходить местные «Епархиальные ведомости» и некоторые другие периодические церковные издания. До 1925 г. Православная Церковь могла издавать настольные календари.

С 1931 по 1934 г. вышло несколько номеров «Журнала Московской Патриархии» под редакцией заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия. Помимо официальных документов Патриархии в «Журнале» печатались и проблемные, богословские, церковно-исторические статьи, а также материалы по вопросам применения норм канонического права к исключительному положению, в котором находилась тогда Русская Церковь. Митрополит Сергий был не только редактором, но и главным автором «Журнала». Но в середине 30-х гг. с церковной печатью в Советском Союзе было покончено.

В связи с частичной нормализацией церковно-государственных взаимоотношений в Великую Отечественную войну в 1943 г. возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии», а с 1944 г. он начал выходить ежемесячно. Редакционная комиссия, выпускавшая его, возглавлялась председателем Издательского отдела Патриархии митрополитом Крутицким Николаем.

В 50-х гг. ближайшим помощником председателя Издательского отдела митрополита Николая стал ответственный секретарь редакции А. В. Ведерников. Он был родом из крестьян Тверской губернии; в 20-х гг. получил высшее филологическое образование, учился в консерватории, самостоятельно изучал богословие, религиозную философию. В годы гонений на Церковь он оставался ее верным сыном, и уже в 1945 г. был привлечен к преподаванию в Богословском институте, потом в духовной академии. Вынужденный оставить академию, он полностью

сосредоточился на редакторской и литературной деятельности в издательстве. Среди сотрудников Издательского отдела в 50-х гг. своей разносторонней блестящей эрудицией, знанием языков выделялся И. Н. Хибарин, его называли «живой энциклопедией». Весьма колоритным литературным сотрудником стал вернувшийся из эмиграции видный политический деятель А. Л. Казем-бек, в прошлом – вождь партии младороссов, интернированный немецкими властями во время Второй мировой войны. Исключительным трудолюбием, преданностью делу выделяется Уржумцев, принадлежащий к новому поколению церковной интеллигенции, вышедшему из стен возрожденной духовной школы. К этому же поколению принадлежал и такой высококвалифицированный подвижник церковно-издательского дела, как Е. А. Карманов.

Редакция «Журнала Московской Патриархии» и в 50-х гг. по-прежнему располагалась в крайней тесноте в одной комнате при храме Успения Божией Матери в Новодевичьем монастыре, заставленной столами, полками со справочной литературой, шкафами; но, конечно, не теснота была главной трудностью в издании «Журнала». Все его номера по-прежнему проходили цензуру в Совете по делам Русской Православной Церкви. Сотрудник «Журнала» того времени вспоминает: «Существовала четко выработанная, но неписаная номенклатурная схема, которую каждый работник репортажного отдела должен усвоить себе с самого начала и соблюдать строже заповедей Божиих. Например: меньше употреблять слово «духовенство». Лучше всего «причт», «клир». Крестный ход упоминать только в пасхальных богослужебных хрониках. Можно упомянуть о чтении Евангелия. «Архиерей благословлял народ» – так нельзя. Колокольный звон упоминать только в хронике пасхальных служений. «Встреча старостой архиерея». Старосту не упоминать. Встречает настоятель и члены церковного совета. Можно упомянуть о мирянах». Соблюдать эти неписаные правила внутренней самоцензуры было нелегко, придирки опытных редакторов, знающих «правила игры», порой смущали авторов статей, но это было необходимо для того, чтобы провести «Журнал» сквозь игольное ушко цензуры.

Жертвой обид и упреков особенно часто становился секретарь редакции А. В. Ведерников, который брал на себя печальную обязанность редакционного цензора. Круг реальных литературных сотрудников журнала был значительно шире тех лиц, кому Совет по делам Русской Православной Церкви разрешал ставить свои подписи под статьями. По цензурным соображениям статьи часто подписывались фамилиями сотрудников редакции, а не их авторами. И все-таки, даже пройдя через

драконовскую цензуру, покалеченный в совете, «Журнал» оставался церковным изданием и вносил свой вклад в дело духовного просвещения.

С конца 1954 г. в «Журнале» растет число богословских и церковно-исторических статей, появляются и новые разделы – «Храмы и монастыри», «Из жизни автокефальных Православных Церквей», «Библиография». Официальный и информационный материал оставлял в «Журнале» мало места для богословских публикаций.

Это обстоятельство подвигло Московскую Патриархию обратиться в 1956 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви с ходатайством о разрешении на издание «Богословских трудов». Необходимость такого издания мотивировалась так: «Дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей, с которыми Русская Православная Церковь вступает в оживленные отношения. Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же. Такое положение становится тем более нетерпимым, что оно подает повод зарубежным Церквам обвинять Русскую Православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу нашего государства. Ссылаться же на наш единственный печатный орган, «Журнал Московской Патриархии», не приходится, так как он имеет официальный характер, ограниченный объем и богословские труды помещать не может». Далее следует просьба разрешить издавать сборник «Богословские труды» в объеме 20 печатных листов тиражом в 3000 экземпляров. Положительный ответ Патриархия получила только в 1959 г. Тираж «Богословских трудов» определили в 1500 экземпляров, что было крайне недостаточно на 100 миллионов православных, по крайней мере треть из которых сохранила живую связь с Церковью, при этом почти 500 экземпляров высылались за границу.

«Богословские труды», выходившие в среднем по одному номеру в год, представляют собой значительное явление в издательской и научно-богословской жизни Русской Церкви. Особенно большой интерес читателей привлекли те выпуски, где были помещены труды В. Н. Лосского (№ 8), протоиерея Александра Державина (№ 15–16), неизданные ранее богословские лекции священника Павла Флоренского (№ 9, 17), «Исповедь» блаженного Августина (№ 19). В ряде выпусков помещены литургические труды Н. Д. Успенского, патрологические

исследования архиепископа Михаила (Чуба), церковно-исторические и патрологические труды В. С. Вертоградова, Д. П. Огицкого, К. Е. Скурата, архимандритов Георгия (Тертышникова), Макария (Веретенникова), археологические и библиографические статьи архимандрита Иннокентия (Просвирнина). В течение многих лет, до своей кончины в 1986 г., должность председателя редакционной коллегии сборника занимал митрополит Антоний (Мельников). Его преемником стал митрополит Питирим (Нечаев).

Кроме «Журнала Московской Патриархии», Издательский отдел ежегодно выпускал настенные и настольные календари и начиная с 1953 г. – «Богослужебные указания». Этим ведала Богослужебно-календарная комиссия во главе с епископом Афанасием (Сахаровым), который, не имея возможности постоянно жить в Москве, всю эту требовавшую тщательности работу выполнял у себя в Петушках, потом во Владимире, где жил в крохотном доме вместе со своим сотрудником, другом и духовным отцом Иераксом.

С 1971 г. Издательский отдел начал выпускать «Журнал Московской Патриархии» на английском языке, что способствовало лучшему ознакомлению зарубежной общественности с церковной ситуацией в России. В Киеве с послевоенных лет выходит на украинском языке ежемесячный журнал «Православный весник». Русская Православная Церковь имеет свои периодические издания также в Берлине, Париже, Нью-Йорке, Будапеште, Эдмонте (Канада).

На Поместном Соборе 1988 г. председатель Издательского отдела митрополит Волоколамский Питирим сказал, что «Журнал Московской Патриархии» не отвечает требованиям, предъявляемым к нему временем и читателями. «Предстоит выработать новый подход к этому единственному пока в Русской Церкви массовому периодическому изданию, выполняющему функции и газеты, и журнала, вынужденного учитывать запросы и духовенства, и учащихся духовных школ, и мирян всех возрастных и образовательных уровней».

Первой книгой, которую смогла выпустить Московская Патриархия после перерыва, длившегося более двух десятилетий, явилась «Правда о религии в России», напечатанная в разгар войны, в 1942 г. Затем последовала подготовленная Издательским отделом и опубликованная в 1943 г. «Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну». В 1947 г. вышел сборник под названием «Патриарх Сергей и его духовное наследство». В 1956 г. был издан на русском и иностранных языках альбом под названием «Русская Православная Церковь, ее жизнь и деятельность».

Большим событием церковной жизни явилось предпринятое в 1956 г. первое после 1917 г. издание Библии и отдельно Нового Завета с Псалтирью на русском языке. Библию напечатали тиражом в 25 000 экземпляров, из которых почти половину отправили за границу. Столь своеобразное распределение тиража, разумеется, было навязано Советом по делам Русской Православной Церкви. Выпущены были также молитвослов и другие богослужебные книги. Значительным достижением церковного издательства, во главе которого с 1963 г. стоял епископ Волоколамский Питирим (Нечаев) (ныне митрополит), стало предпринятое в 1968 г. издание Библии тиражом в 40 000 экземпляров. В 1970 г. с матриц издания 1968 г. дополнительно напечатали еще 30 000 экземпляров. Конечно, такой тираж в христианской стране, где Библия не печаталась сорок лет, был мизерным, но все-таки часть священнослужителей и верующих мирян сумела приобрести Библию и почитала это за великое счастье.

В 1978–1988 гг. в рамках предюбилейных мероприятий издавались богослужебные Минеи. В подготовке Миней к публикации участвовали лучшие научные и литературные силы Церкви; особенно большой вклад в осуществление этого издания внес знаток церковных архивов, библиограф и историк архимандрит Иннокентий (Просвирнин), исполнявший обязанности заместителя председателя Издательского отдела. Весьма солидным изданием Московской Патриархии явилась составившая 8 томов «Настольная книга священнослужителя», выходявшая с конца 70-х до начала 90-х гг. В это же время вышли деяния Поместных Соборов 1971 и 1988 гг., книга-альбом «Православная Церковь в России» (1982) и ряд других иллюстрированных изданий, чаще всего выпущенных совместно с иностранными издательствами.

15. Монастыри и монашество

Православная Церковь оставалась и при коммунистическом режиме душой России; душой же самой Церкви были монашеские обители, с которыми во все десятилетия советской истории боролись с особенным ожесточением. На православные монастыри обрушился самый сильный удар гонителей уже в первые годы советской эпохи. В 1920-е гг. происходило их повсеместное закрытие, в ту пору, правда, монастырские храмы чаще всего передавали близлежащим приходам. Монахов же в лучшем случае изгоняли из их обителей, но многих из них лишали свободы, а некоторых казнили.

В начале 30-х гг. прекращается легальное существование последних из сохранившихся еще монастырей, а поскольку в ту же пору происходило

массовое закрытие приходов, то монастырские храмы уже не передавались приходским общинам, а закрывались, часто уничтожались, в сохранившихся монастырских строениях устраивались производственные цеха, складские помещения, размещались административные учреждения, а еще чаще – воинские гарнизоны, лагеря и тюрьмы. После закрытия монастырей их насельники старались по возможности оставаться вблизи своих разоренных обителей, но в 30-е гг. их тщательно выслеживали, вылавливали, отправляли в лагеря и убивали.

В марте 1933 г. за нелегальные богослужения приговорили к высшей мере арестованных в Казани, в Раифском монастыре, настоятельницу Феодоровского монастыря мать Софию, нескольких монахов, монахинь и мирян. В том же 1933 г. Козельск очистили от насельников Оптиной пустыни. Немногие из иеромонахов получили места на приходах, монахини служили в приходских храмах просфорницами или певчими. Самоотверженные иноки и инокини пытались создавать тайные нелегальные обители. В марте 1933 г. в Москве был арестован епископ Варнава (Беляев). Его обвинили в создании тайного монастыря. Под его духовным руководством находилось несколько монахов и монахинь. В конце 1930-х гг. большая часть монашествующих была истреблена.

В 1939 г., ко времени воссоединения западных областей, на территории Советского Союза не осталось ни одного монастыря, но после включения в состав нашего государства Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины Русская Церковь имела уже на своей канонической территории 64 монастыря, и среди них такие древние и прославленные обители, как Почаевская лавра, Жировицкий и Псково-Печерский монастыри. Во время Великой Отечественной войны в оккупированных областях немецкие власти не препятствовали открытию монастырей. В Киеве монашеская жизнь возобновилась в великой Печерской лавре. На исходе войны, в 1945 г., Русская Православная Церковь насчитывала уже 101 монастырь с 4632 насельниками и насельницами.

Однако ряд обителей, возобновленных с разрешения оккупационных властей, прекратил свое существование в послевоенные годы, так что на 1 января 1948 г. осталось лишь 85 монастырей. Почти все они находились на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике. В Российской Федерации числилось всего два монастыря: один, Успенский Псково-Печерский, оказался на территории России после возвращения восточных районов Эстонии в состав России; другой российской обителью была великая Троице-Сергиева лавра. По традиции, священноархимандритом лавры

состоял Святейший Патриарх Московский и всея Руси, а первым наместником был назначен архимандрит Гурий (Егоров), позже митрополит, выпускник Петербургской академии, твердо стоявший на стороне заместителя местоблюстителя митрополита Сергия в 20–30-х гг. Это был исповедник, проведший десять лет в лагерях и ссылке в Средней Азии; его брат Лев умер в конце 30-х гг. в заточении.

С немалым трудом архимандриту Гурию удалось собрать в обители немногих переживших гонения прежних насельников. В лавру к мощам преподобного Сергия, печальника Русской земли, стали приходить для пострига благочестивые люди, стремившиеся к монашескому житию. Часть из них составляли воспитанники возобновленных духовных школ. Решение о возвращении лавры Церкви было принято в 1945 г., но монастырские храмы и другие строения, хотя и объявленные архитектурными памятниками, были основательно разорены, и только на Пасху 1946 г. в Успенском соборе совершилось первое богослужение. Накануне, в ночь с Великой пятницы на Великую субботу, состоялась передача братии монастыря мощей преподобного Сергия, считавшихся в советское время экспонатом атеистического музея, расположенного в стенах обители. Рака со святыми мощами была установлена на южной стороне Успенского собора. При осмотре собора обнаружили, что на престоле нет антиминса. Узнав о возобновлении богослужений, к наместнику пришел благочестивый старец Тихон Пелех и сказал: «Когда лавру закрывали, последний наместник отец Кронид передал мне на хранение антиминс Успенского собора: «После открытия лавры передашь антиминс моему первому преемнику». Он у меня сейчас с собой. Однажды попал в пожар, немного обгорел». Тихон Пелех снял с груди антиминс и передал наместнику. Вскоре после этого старец принял священный сан. В ночь пасхальной заутрени впервые после 25-летнего перерыва зазвонил лаврский колокол, и народ с изумлением и радостью стал стекаться на богослужение в родную обитель. В своей телеграмме наместнику лавры по случаю праздника Воскресения Христова и возобновления богослужений Святейший Патриарх Алексей I назвал это событие «Пасхой избавления скорби».

Закрытие монастырей осуществлялось и в послевоенные годы, так что к 1 января 1956 г., по данным Совета по делам Русской Православной Церкви, оставалось уже только 57 монастырей, из которых 20 были мужскими, и в них вместе с их скитами проживало 878 насельников, и 37 – женских с 3686 насельницами. Судя по тому, что общее число монашествующих, послушников и послушниц при этом сократилось

незначительно – с 4632 (в 1945 г.) до 4574 (в 1957 г.), иноки и инокини закрытых обителей переводились или сами переходили в сохранившиеся монастыри, и постриги в послевоенное десятилетие не прекращались. За 1956 г. общее число монастырей не изменилось, а вот число монастырских насельников в 1956 г. даже несколько увеличилось, составив 893 насельника в мужских монастырях и 3768 сестер в женских.

Крайне неравномерным оставалось размещение монастырей по стране, обусловленное прежде всего тем, что в основном сохранились обители на территории, оторванной от России на исходе Гражданской войны, и отчасти еще открытые на Левобережной Украине во время немецкой оккупации. Так, на 1 января 1956 г. более половины монастырей Русской Православной Церкви находилось на Украине: 9 мужских с 3 скитами и 24 женских с 6 скитами; в них подвизалось 2700 насельников и насельниц; в Молдавии сохранилось 7 мужских и 7 женских обителей с 1370 братьями и сестрами; в России монастырей было даже меньше, чем в Белоруссии: в Белоруссии – 1 мужской и 2 женских монастыря, а в России всего 2 мужские обители – Троице-Сергиева лавра и Псково-Печерский Успенский монастырь. Общее число насельников и насельниц в монастырях России и Белоруссии на 1 января 1956 г. было одинаково: по 135. Кроме того, в Прибалтике существовало 4 православных монастыря: в Литве 1 мужской и 1 женский (оба в Вильнюсе) с 38 братьями и сестрами, в Эстонии – женский Пюхтицкий со 106 сестрами и в Латвии – женский монастырь с 82 насельницами.

Как и встарь, монастыри привлекали к себе богомольцев не только из ближних, но и из самых отдаленных мест. В престольные праздники в православные обители стекалось по несколько десятков тысяч богомольцев. Особенно много паломников, и не только в праздничные дни, но и в будни, собиралось в лаврах: Киево-Печерской, Троице-Сергиевой и Почаевской, в Псково-Печерском и Жировицком монастырях, посвященных Успению Божией Матери. Среди паломников обреталось великое множество нищих людей, которые при монастырях находили себе приют и пропитание, несмотря на строгие запреты монастырям заниматься благотворительностью.

В большинстве монастырей богослужение совершалось строго по уставу. В день памяти преподобного Антония в Крестовоздвиженском храме Киево-Печерской лавры всенощное бдение начиналось в 5 часов вечера и оканчивалось в 11 часов 30 минут. Столь же продолжительные строго уставные богослужения совершались и в других монастырских церквях и в праздники, и в будни.

Но паломники притекали в монастыри не только ради того, чтобы поклониться их святыням, и чтобы участвовать в торжественных богослужениях. Они приходили в обители и для того, чтобы окормляться у опытных духовников. Церковная Россия знала и чтит тогда таких пастырей-старцев, как схиигумен Савва (Савченко) из Троице-Сергиевой лавры, позже он подвизался в Псково-Печерском Успенском монастыре, преподобный Кукша (Величко) из Одесского Успенского монастыря, преподобный Иосиф (в схиме Амфилохий) из Почаевской лавры.

В 50-х гг. в короткий период своего существования, после возобновления в 1942 г., строгостью устава, святостью жизни и духовной мудростью своих старцев особенно отличалась Глинская пустынь. В ней подвизались такие старцы, как настоятель пустыни архимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш) и духовник обители иеросхимонах Серафим (Романцов). Духовником Черниговского женского монастыря был богомудрый прозорливый старец преподобный Лаврентий. В Закарпатье в Углинском монастыре подвизался архимандрит Иов, которого знала церковная Украина и Россия.

Некоторых старцев, главным образом из-за претензий к ним со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви и КГБ, церковные власти были вынуждены переводить из одного монастыря в другой, но, несмотря на это, они все-таки находили возможность для окормления своих духовных чад. Весьма широк был круг духовных чад и почитателей таких учителей духовной жизни, как иеросхимонах Сампсон (Сивере) – человек удивительной и трудной судьбы, и многолетний узник ГУЛАГа архимандрит Таврион (Батозский). Своеобразие их духовного облика, необычные методы духовного руководства порой вызывали несогласие и трения в их отношениях с братией тех монастырей, где они, обыкновенно непродолжительное время, бывали насельниками.

Несмотря на существование нескольких десятков обителей, некоторые из старцев не имели возможности жить в монастырях и совершали свое пастырское служение в приходских храмах. В далекой Караганде подвизался на закате своего многотрудного исповеднического жития один из учеников Оптинских старцев преподобный Севастиан (Фомин). С конца 40-х гг. в городе Гжатске служил на приходе игумен Никон (Воробьев), который, как и старец Сампсон, переписывался со своими духовными чадами; изданные впоследствии их письма помогают спасаться тем, кто не состоял с ними в личном общении.

В годы хрущевских гонений возобновляется и приобретает катастрофический характер упразднение монастырей. В 1958 г. Русская

Церковь насчитывала еще 63 обители: 20 мужских монастырей с 1 скитом и 36 женских с 6 скитами; а к 1 января 1960 г. осталось только 14 мужских обителей с 813 насельниками и 28 женских монастырей и 2 скита с 2911 насельницами. Всего за год закрыли 19 монастырей, и среди них Овручский и Кременецкий монастыри, насельников которых силой выдворяли из монастырских стен. К 1964 г. осталось всего 18 монастырей, и среди них Троице-Сергиева и Успенская Почаевская лавры, Псково-Печерский монастырь, Успенский монастырь в Одессе, Покровский и Фроловский женские монастыри в Киеве, мужской и женский монастыри в Жировицах, Свято-Духов монастырь в Вильнюсе, Пюхтицкий женский монастырь в Эстонии. Число монастырских насельников и насельниц сократилось почти в четыре раза и составляло примерно полторы тысячи человек.

Особенно тяжелым ударом явилось закрытие в 1963 г. древней святыни Руси – Киево-Печерской лавры под предлогом ее ремонта и реставрации. Но ее храмы и пещеры оказались в действительно угрожающем состоянии как раз после прекращения в них богослужений и ухода из монастыря монахов.

Предпринималась попытка закрыть и Почаевскую лавру, но насельники обители во главе с настоятелем архимандритом Севастианом сумели ее отстоять. Правда, их всячески притесняли, создавая невыносимые для жизни условия. Насельников лишали прописки, выдворяли из лаврских стен, подвергали зверским избиениям, лишали паспортов, арестовывали. Большая часть строений, принадлежавших лавре, была конфискована, остались только церкви и монашеские келии. Из гостиницы для насельников сделали психиатрическую больницу, запретили зимой продавать монастырю топливо, так что иноки были вынуждены спать в неотапливаемых келиях, но добровольно из монастыря они не уходили, на что рассчитывали власти, боровшиеся с обителью. Жители Почаева, которые давали приют паломникам, подвергались преследованиям, штрафам, у некоторых конфисковывали дома, других лишали прописки и выдворяли из Почаева. Паломники ночевали на голой земле у лаврских стен или в полях и лесах, окружавших монастырь. На них совершала набеги милиция, тех, кто не успевал скрыться, избивали, иногда арестовывали, вывозили из города по обвинению в нарушении паспортного режима и приговаривали к лишению свободы, некоторых помещали в дома для сумасшедших.

В сентябре 1973 г. духовный собор лавры во главе с наместником обители архимандритом Самуилом был вынужден подать жалобу

председателю Совета по делам религий В. А. Куроедову. Положительной реакции на жалобу не последовало, более того, в 1980 г. у лавры конфисковали последний принадлежавший ей земельный участок. Были предприняты новые действия, которые, вероятно, опять имели целью закрытие монастыря. Вечерами после службы милиция стала изгонять паломников из храмов, где они оставались ночевать, поскольку монастырская гостиница была конфискована, а в местные гостиницы их не пускали. Из лавры насильственно удалены были 30 монахов и послушников, среди них игумен Амвросий (Юрасов), которого многие богомольцы почитали как хорошего проповедника и духовника, игумены Антоний (Темников), Апеллий (Станкевич), монах Нестор. Архимандрит Олимпий был жестоко избит милицией на Светлой седмице 1981 г. и вскоре после этого скончался от побоев. Верующий народ стал подозревать наместника лавры архимандрита Иакова (Панчука) в сотрудничестве с гонителями Церкви, и одна фанатичная женщина совершила на него покушение, ударив его топором по голове.

Для того чтобы спасти Почаевскую лавру от закрытия, в «Журнале Московской Патриархии» были опубликованы статьи об истории обители, которая в прошлом служила форпостом православия против римско-католической экспансии. В «Журнале» регулярно помещались сообщения о богослужениях, которые совершали в Почаевской лавре посещавшие ее архипастыри, в одной из статей сообщалось о постриге в лавре американского студента-богослова. И закрытие монастыря и на этот раз удалось предотвратить.

После 1000-летия Крещения Руси перемены коснулись и православных монастырей. В 1988 г. снова была возобновлена монастырская жизнь в Киево-Печерской лавре. В конце юбилейного года и в 1989 г. Русской Православной Церкви были возвращены Толгский монастырь в Ярославской епархии и знаменитая Оптиная пустынь. 29 новых монастырей открылось в других епархиях: Московской, Рязанской, Ивано-Франковской, Курской, Кишиневской, Львовской.

16. Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь

Церковная жизнь в советскую эпоху протекала в экстремальных условиях. Прямые гонения 1920-х и 1930-х гг., грубая и откровенная дискриминация верующих в последующие десятилетия налагали свою печать на все ее проявления. Гонения обрушились на церковных людей уже в первые месяцы после установления советского режима. В ответ на аресты и расстрелы священнослужителей и ревностных мирян в городских и сельских храмах уже в 1918 г. совершались часто ночные моления, и

православные люди не расходились из храмов до рассвета, исповедовались и причащались, готовые в любую минуту принять смерть за Христа.

В Самаре после издания декрета об отделении Церкви от государства 30 января 1918 г. был объявлен трехдневный покаянный пост. В Москве, Самаре, Чите образовались союзы ревнителей православия, оживилась деятельность старых братств и создавались новые. В Харькове при Покровском монастыре открывается братство святителя Мелетия; в Киеве еще в декабре 1917 г. было основано братство Воскресения Христова, во главе братства стоял псаломщик Василий Николаевич Попов. В Петрограде члены братства защиты Александро-Невской лавры во главе с председателем епископом Прокопием перед ракой с мощами благоверного князя Александра дали обет защищать обитель до последнего вздоха. До 57 тысяч питерских прихожан вступили в союзы защиты православных храмов.

Несмотря на то что часть народа была увлечена коммунистической пропагандой, в обществе в годы Гражданской войны и последующее десятилетие происходил религиозный подъем. Он охватил и значительную часть интеллигенции, даже той, которая утратила веру в предреволюционные годы. Страшные события, происходившие в стране, власть в которой захватили атеисты, побудили многих радикально пересмотреть свое мировоззрение и возвратиться к вере отцов.

В 1930-х гг. гонения на Церковь ужесточились. Открытое участие в церковной жизни, само присутствие в храме за богослужением было сопряжено с ежедневной и ежечасной опасностью ареста; и тем более христиане, посещавшие еще открытые храмы, рисковали своим служебным положением. Поэтому регулярно ходили на службы люди самоотверженные, настоящие исповедники.

Свидетель тех лет профессор А. Ч. Козаржевский так вспоминал о жизни церковной Москвы 30-х гг.: «Довоенные прихожане в большинстве своем успели получить минимум духовных знаний еще до 1917 г., хорошо знали церковную службу и были свободны от предрассудков. Не было в обычае посещать разные храмы, особенно по праздникам. Держались своего прихода, хорошо знали друг друга, у каждого было привычное место молитвы. Несмотря на притеснения и контроль со стороны государства, священник тех лет умудрялся, подоткнув полы подрясника под пальто, вместе с псаломщиком ходить (правда, таясь) по квартирам знакомых прихожан в Рождество, Крещение и Пасху и служить молебен. Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожилые женщины в скромных темных платьях и

белых косынках следили за порядком во время богослужения, ставили свечи, оправляли лампы, подводили детей и немощных к чаше, кресту, иконам, ходили с блюдом для сбора добротных даяний. Функции сестричества ограничивались церковью... Сестры не были монахинями, у многих из них были мужья и дети. В храме служили, как правило, превосходные псаломщики. Они читали четко, с осмысленными логическими паузами и ударениями... О том, что они безупречно знали церковно-славянский язык и служебный обиход, и говорить не приходится. Время богослужений было рассчитано на работающих людей, а не только на пенсионеров: будничная литургия совершалась в половине седьмого утра, вечернее богослужение – в половине седьмого вечера». Перепись населения, проведенная в 1937 г., показала, что 2/3 сельского и 1/3 городского населения открыто называют себя верующими. Сельские жители составляли тогда 3/4 всего населения страны, таким образом, верующих было больше половины населения, – и это в стране, где атеизм был провозглашен высшей идейной ценностью.

Когда началась Великая Отечественная война, немецкие войска, как писал историк Белорусской Церкви епископ Афанасий (Мартос), застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии: «Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись, где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе. В Минске, столице Белоруссии, из девяти церквей уцелела только одна на военном кладбище за городом. Остальные переделаны и приспособлены для разных хозяйственных нужд. Три церкви: кафедральный собор, архиерейская церковь и собор возле железнодорожной станции – были снесены... Богослужений в городе не совершалось уже много лет».

На оккупированных территориях по разрешению немецких властей возобновилось богослужение в сохранившихся храмах. Верующий народ, голодный, нищий, разоренный войной, самоотверженно трудился над восстановлением храмов Божиих, украшал их уцелевшими в домах и пожертвованными иконами, приносил тайно укрывавшиеся богослужебные книги. Богослужения совершались в храмах, переполненных народом. Множество народа, и дети, и подростки, которые не были крещены в советские годы, принимали крещение. На Украине и в Белоруссии практически все, кто происходил из православных семей, но не получил крещения в годы гонений на Церковь, были крещены в течение нескольких месяцев немецкой оккупации. Протоиерей Владимир

Беневский за год с малым крестил в Полтаве 2500 человек. Порой при большом стечении желающих креститься или крестить своих детей Таинство совершалось по древнему обычаю в реке. На праздничные богослужения сходились множество верующих, совершались крестные ходы, в которых участвовали тысячи православных. Религиозный энтузиазм наиболее велик был в восточных областях Украины и Белоруссии, где церковная жизнь была разрушена почти до конца. Правда, религиозность сохранилась тут по преимуществу у сельского населения, а в городах в основном у людей старшего поколения. Наблюдалось и обратное. Новая советская интеллигенция, городская рабочая молодежь под влиянием атеистической пропаганды в массе своей отвернулась от веры отцов, и люди из этой среды так и остались за церковной оградой.

Несмотря на то что немецкие власти разрешали открывать церкви, они вовсе не были склонны поощрять религиозные настроения населения. На оккупированных территориях было сохранено действие большей части советского законодательства, оказавшегося весьма удобным для новых хозяев, в том числе и ленинского декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В начальных школах и ремесленных училищах (открывать другие учебные заведения немецкие власти не разрешали) на основании этого декрета было запрещено преподавать Закон Божий. Грубое издевательство над чувствами верующих и над самими верующими были повседневной реальностью в занятых немцами городах и селах. Так, в Василькове во время уборки урожая начальство областного сельскохозяйственного управления запретило совершать богослужения даже в воскресные дни. Когда же пришедшие помолиться люди стали просить местного священника отслужить обедню, начальник управления велел разогнать народ из церкви плетками.

Во время войны усилилась религиозность населения и на территориях, не занятых противником. Гибель близких, голод, непосильный труд оставляли людям одну надежду – на Бога. Храмов катастрофически не хватало, но сохранившиеся церкви были переполнены молящимися людьми.

Еще более народ потянулся в храмы в послевоенные годы. Люди, перенесшие тяготы войны, потерявшие своих близких, искали утешения в Боге. Большинство народа все-таки не утратило веру в годы гонений на Церковь и истребления духовенства, но у многих за время лихолетья были утрачены навыки правильной церковной жизни, а некоторые оставались без церковного окормления из-за удаленности ближайшего храма, либо не ходили в церковь по малодушию, хотя дома иконы у себя держали и не

вовсе утратили молитвенный навык. Население западных областей Украины и Белоруссии в этом отношении отличалось в лучшую сторону, там церковная жизнь не подверглась тотальному разрушению, и большинство местных жителей остались религиозными людьми, исключение составляли те, кто старался продвинуться по службе, да и их атеизм часто был лицемерным.

Верующей и православной осталась русская деревня. Многие крестьяне, родившиеся после революции, по преимуществу мужчины, утратили живую связь с Церковью, но и в их домах ради верующих матерей и жен сохранялись иконы, праздники они помнили и детей своих крестили. В городе ситуация была более плачевной, особенно глубоко расцерковленной оказалась новая советская интеллигенция, а также часть рабочих, в особенности младшего возраста, но большинство рабочих женщин сохранили веру, а многие в этой среде, даже прошедшие через комсомол, обрели веру. Трудно назвать число сознательно верующих, но, во всяком случае, половина советских граждан в послевоенные годы сохранила в той или иной мере религиозность, и большинство из них принадлежало Русской Православной Церкви.

Цитаделью мирового коммунизма и атеизма являлась Москва, но в то же время она оставалась и сердцем православной Святой Руси. Ее население впервые послевоенные годы составляло около 5 миллионов человек. По свидетельству одного русского священника из эмиграции, посетившего столицу в 1946 г., в Великий пост в одном только патриаршем Богоявленском соборе исповедались и причастились более 40 000 человек. Почти во всех городских церквях богослужения совершались каждый день; в воскресные и праздничные дни служилось по две литургии. На Пасху Божественная литургия повторялась до трех раз, и делалось это потому, что храмы были переполнены молящимся народом. В сравнении с предреволюционными годами после войны православных церквей в нашей стране было в 3,5 раза меньше, но посещаемость их несравненно возросла. Конечно, в храмах среди молящихся женщин было значительно больше, чем мужчин, а пожилых больше, чем молодых, но приходили люди и других возрастов, приводили детей; заметно реже появлялись в храмах школьники и молодые люди комсомольского возраста.

Из родившихся в православных семьях до 1930 г. крещены были, за редким исключением, все. В 30-х гг., особенно во второй половине, когда большинство храмов было закрыто, многие дети оставались некрещеными, но во время войны на оккупированных территориях, где проживало едва

ли не 40 % населения страны, крестили всех православных по происхождению, не крещенных в 30-е гг. В послевоенные годы, пожалуй, только в семьях новой советской интеллигенции дети оставались некрещеными. Из-за крайней отдаленности церковью весьма значительной была доля некрещеных детей в Сибири и особенно на Дальнем Востоке. Приблизительно число православно крещенных впервые послевоенные годы может быть оценено в 150 миллионов. Разумеется, далеко не все они были сознательными церковными людьми.

В 50-е гг. продолжало расти число молящихся в православных храмах. Городские церкви были переполнены. В воскресные и праздничные дни число причастников доходило до нескольких сот, в Великий пост в московских храмах причащалось по 15–20 тысяч человек. Каждое воскресенье совершалось до полусотни крещений. Правда, решительное большинство среди прихожан составляли женщины, не только пожилые, но и те, чья молодость пришлась на тяжелые предвоенные, военные и послевоенные годы.

Среди верующих преобладали люди малообразованные, но связь с Церковью сохраняла и часть старой интеллигенции. Среди верных чад Православной Церкви было немало выдающихся деятелей русской науки и культуры: великая поэтесса А. А. Ахматова, пианистка М. В. Юдина, художник П. Д. Корин, который в течение нескольких десятилетий работал над полотном «Русь уходящая», циклом портретов и картин, в которых запечатлен образ Святой Руси в пору гонений; всемирно известный тенор И. С. Козловский нередко пел на клиросе в патриаршем соборе, церковно верующими людьми были и такие большие ученые, как президент Академии наук С. И. Вавилов, ректор Московского университета И. Г. Петровский, выдающийся офтальмолог В. П. Филатов. Новая интеллигенция, получившая образование в советских вузах, более всего была отчуждена от Церкви, но исключения, конечно, наблюдались и в этой среде.

У коммунистических идеологов в конце 1950-х гг. создалось представление о тотальном наступлении религии на умы и сердца людей, ранее уже завоеванные атеизмом, и журнал «Партийная жизнь» бил тревогу: «В последнее время церковная кампания ведется умело и обдуманно. Особое внимание уделяется привлечению молодежи в лоно Церкви. Церковные службы сейчас отличаются большой торжественностью и благолепием. Кроме того, в Церкви стали усиленно заниматься благотворительной деятельностью. Стоимость похорон, свадеб и т. п. понижена. Духовенство не жалеет денег на создание отличных

храмов. Благодаря этим методам духовенству удалось повлиять на многих граждан, в том числе и на многих представителей молодого поколения». В статье «Раздумья атеиста», напечатанной в «Правде», автор с горечью признавал, что колхозная деревня всенародно празднует большие церковные праздники, и в них участвуют молодые люди. Комсомольцы посещают церкви и держат в своих домах иконы, в Ульяновске в отдельные дни в единственной городской церкви венчается до ста пар молодоженов.

Несмотря на заметные успехи хрущевской атеистической кампании среди молодого поколения страны, даже в 60-х гг. так и не удалось оторвать от Церкви верующий народ: большинство населения Западной Украины и Белоруссии, Молдавии от мала до велика оставалось верующим. В сельской местности и в России женщины не только старшего, но и среднего возраста сохранили связь с Церковью.

По данным Совета по делам Русской Православной Церкви, в 1961 г. крещеных по отношению к числу новорожденных было от 9 % в Курской (это минимум) до 60 % в Ярославской области (это максимум); венчаний в сравнении со всеми зарегистрированными браками – от 0,2 % в Архангельской до 11 % в Горьковской области и церковных погребений по отношению к документально зафиксированным смертям – от 7 % в Архангельской до 79 % в Кировской области, но эти данные, несомненно, занижены, потому что многие старались избежать регистрации треб, опасаясь неблагоприятных последствий со стороны государственных властей. В первую очередь это касалось крещений, в действительности их было, может быть, в 1,5–2 раза больше, поэтому можно утверждать, что крестили до 2/3 всех детей. Что касается отпеваний, то статистика отражает только те, что совершались в храме. Во многих случаях, если не в большинстве, отпевали заочно, и тогда можно говорить почти о 90 %. Число же венчаний было действительно крайне низким: в российских областях, вероятно, не более 3 %. Но в Молдавии и на западе Украины венчание считалось совершенно необходимым для большинства пар, вступавших в брак.

Только в конце 60-х гг., когда уходило из жизни поколение людей, чья юность пришлась на дореволюционные годы, заметно уменьшилась в сравнении с послевоенным десятилетием и посещаемость храмов прихожанами. Снизилось число крещений. В России среди молящихся в церквях решительно преобладали теперь уже пожилые женщины. Состарились те, кто вернулся в Церковь в военные и послевоенные годы, а приток молодых людей в Церковь почти иссяк; обращения были

немногочисленными, в основном в среде столичной интеллигенции.

Но духовное горение верных чад Церкви не угасало и в эту духовно особенно мрачную пору. Вот как описывает свои впечатления от посещения православных храмов в нашей стране русская гостыя из-за рубежа: «Будничная служба у Николы в Хамовниках. Без хора пели женщины по-крестьянски, но так естественно, как дыхание. Эти простые и скромные люди не были ни экстатичны, ни трагичны, но скоро погружаешься в поток их напряженной беседы с Богом, и в голову приходит мысль: «Так молятся только тогда, когда в доме умирающий»». И вот ее же впечатление от посещения Никольского собора в Ленинграде: «Когда подходил момент пения Символа веры, я не вытерпела и позвала переводчиц посмотреть. Оказалось, что ни одна из них никогда не была в церкви. Они были изумлены. «Чаю воскресения мертвых...» – как гром неслось к сводам церкви, а они, забыв положенный им этикет снисходительной терпимости к отсталым старушкам, свесившись, смотрели вниз на небывалую красоту и повторяли: «Наизусть поют» ... Около церкви продавали ветки березы в Троицын день. По дороге мне встретила сгорбленная старушка. Увидя у меня ветки, она взмолилась: «Дай мне, голубка, веточку, Христа ради! Стояла в очереди вчера, да не достала». Я с радостью поделилась. Тогда она, стоя тут же на тротуаре, стала широко креститься и кланяться, молясь за моих покойных родителей, за меня и всех моих родных. Это была Россия, меня молитвенно провожающая».

Характерным явлением религиозной жизни 60-х гг. было полулегальное паломничество к разоренным святым местам, в Оптину пустынь, в Дивеевский монастырь, к святым источникам, связанным с подвигами прославленных угодников и почитаемых в народе подвижников благочестия. После закрытия почти всех монастырей хранителями благочестия и православных традиций стали монахи и особенно монахини, вынужденные спасаться вне монастырских стен, чаще всего исполнявшие на приходах обязанности уставщиц, псаломщиц, певчих; беседуя с прихожанами, они научали их христианской жизни, а искавших познания истины приводили ко Христу, в Его Церковь.

В начале 70-х гг. посещаемость церквей была ниже, чем десятилетие назад, в разгар хрущевских гонений; уже более половины населения страны составляло поколение, воспитанное вне влияния Церкви. Но к концу десятилетия положение изменилось в лучшую сторону. Более частыми становились случаи религиозного обращения людей, выросших в атеистических семьях, значительно увеличилось число крещений

взрослых, особенно в больших городах. Средний возраст прихожан начал снижаться. В советской атеистической литературе доля верующих среди сельского населения оценивалась в 20–25 %, а среди городского – в 20 %. При этом, правда, вычленили и такую группу лиц, которых по отношению к религии аттестовали как колеблющихся; величину этой группы оценивали в 10 %. Совершенно очевидно, что объективность этой статистики, основанной на социологических опросах, весьма относительна. Именно у верующих, а не у атеистов были поводы уклониться от опроса или даже, идя на компромисс с совестью, дать лукавый ответ, чтобы не навлечь на себя неприятности: анонимность опросов, которые проводились советскими социологами, вызывала у многих оправданные сомнения. Поэтому принимать результаты подобных статистических выкладок стоит со значительной поправкой в сторону увеличения числа верующих. Конечно, не все верующие, но значительно больше половины из них, принадлежали к Православной Церкви. На основании выборочных сведений число сознательно верующих в СССР конца 70-х гг. может быть оценено в 70–80 миллионов, из них, вероятно, около 50 миллионов были православными. Крещенных по православному обряду было более 100 миллионов.

Умножение числа новообращений, главным образом из среды столичной и городской интеллигенции, свидетельствовало о том, что влияние Церкви на общество не сойдет на нет, как надеялись ее недруги, после того как уйдет из жизни поколение, получившее традиционное воспитание, потому что, в отличие от политических, философских, социальных идеологий с их земным происхождением и земными горизонтами, христианское вероучение неотмирно и укоренено в вечности. Разные обстоятельства приводили молодых людей в ограду Церкви, особенно часто это было чтение религиозно-философской литературы начала века и эмигрантских изданий. Как и в начале 20 в., многие из тех, кто приходил в Церковь, не столько искали водительства от нее, сколько пытались сами учить Церковь, прилагая к церковной жизни мерки, вынесенные ими из совсем иных сфер. Но огромная разница в образовательном уровне между интеллигенцией начала 20 столетия и его конца делала ситуацию более сложной. К тому же надо учесть еще и то обстоятельство, что интеллигенция начала века получала в детстве религиозное образование и в Церковь действительно возвращалась, а новообращенные 1970–80-х гг. в детстве чаще всего получали о Церкви анекдотически искаженное представление, и часть их, причем особенно активная, в Церковь не возвращалась, а приходила из среды, которая

искони была чужда христианству.

Новообращенные переживали трудный мировоззренческий кризис и не всегда изживали социальный нигилизм; дух критиканства они легко переносили и на церковную жизнь, которую их сознание часто отражало крайне неадекватно. Эта среда становилась питательной почвой для церковного диссидентства. В 70-е гг. появляются кружки, в сознании участников которых царил причудливая смесь из ложного мистицизма околоцерковных мыслителей прошлого, унаследованного от обновленцев нигилизма в оценке церковной истории и политических тенденций того или иного толка. Самиздатская литературная продукция этих кружков получала широкую огласку на Западе.

Дальновидные пастыри считали духовное окормление новообращенных исключительно важным делом для Церкви. В ту пору протопресвитер Виталий Боровой в проповеди, произнесенной в кафедральном православном соборе в Лондоне, коснулся и темы новообращенных. «Новое движение – сказал он, – началось среди... образованной молодежи... Это поколение пришло к Христу само по себе путем глубочайших раздумий и внутренних переживаний. Это делает честь не нам... Это делает честь нашим верующим; и слава и благодарность Господу, Который распространяет Свою весть через Святого Духа среди тех людей, которые далеки от Церкви и, казалось бы, для которых нет дороги, ведущей туда. Но все же они пришли к Церкви многими различными путями... Это часто заканчивается распадом семьи, принесением в жертву образования и карьеры... И сейчас у нас есть сотни и тысячи таких конкретных жизненных примеров... Это новое в нашей Церкви; этот процесс можно, конечно, замедлить, но никто в этом мире не обладает властью, чтобы полностью прекратить его. Это движение началось, и оно ускорится, так как за ним стоит харизма и могущество Господа нашего Иисуса Христа, Который видел принятие веры Своим народом, Который подверг Свой народ испытанию унижением, трудностями в таких условиях, что временами казалось, что еще немного и наступит конец. Господь испытывает веру русского народа. Господь видит, как она (Русская Церковь. – В. Ц.) преодолевает суровые испытания; Он видит, что за эти 60 лет у нас в тысячи раз больше святых, чем на протяжении всей остальной истории Русской Церкви, что сейчас живые святые идут по лику земли в России... и придет время, когда Русская Церковь канонизирует тысячи новых святых».

Исключительно широкий, прямо миссионерский характер имела в 70-х гг. пастырская деятельность священника Димитрия Дудко. За год ему

удавалось крестить до 400 взрослых людей, большинство из которых становилось ревностными прихожанами. В своих проповедях отец Димитрий, нарушая неписаное табу, затрагивал болезненные общественные темы: падение нравов, распространение пьянства, разрушение семьи; называл он и корень всех зол – насильственно пропагандируемое безбожие. Помимо проповедей он устраивал после богослужения беседы с паствой, обстоятельно отвечал на любые вопросы прихожан и всех, кто приходил к нему в храм. В своем приходе он организовал издание бюллетеня «В свете Преображения». В глазах контролирующих церковную жизнь инстанций миссионерское служение отца Димитрия было дерзким вызовом, его деятельность расценивалась как антисоветская.

Священноначалие, вынужденное перемещать отца Димитрия с прихода на приход по требованию совета, все-таки, насколько это было возможно, пыталось защитить его и в той или иной форме выражало ему свою поддержку. Весной 1979 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий посетил храм отца Димитрия Дудко, расположенный в 40 километрах от Москвы, сослужил с ним и в своем слове похвалил духовную атмосферу храма и пастырскую деятельность отца Димитрия, которого он назвал святым человеком.

В январе 1980 г. священник Димитрий Дудко был арестован. Через полгода он выступил по телевидению, осудив свою прежнюю деятельность, его заявление было опубликовано в советской печати и последовало его освобождение. Он сразу получил приход в селе Виноградове, в ближнем Подмосковье. Среди его духовных чад произошло размежевание: часть ушла, обвинив его в трусости и предательстве, другие остались с ним. После ареста и возобновления пастырского служения отец Димитрий не прекратил активной миссионерской деятельности, по-прежнему много проповедовал, проводил беседы, вновь стал издавать приходской бюллетень, но уже избегал социально-критических тем, резко осуждал диссидентство, в его проповедях и печатных выступлениях особое значение приобрела патриотическая тема, которая, впрочем, и раньше резко отличала его от таких церковных диссидентов, как Глеб Якунин.

Религиозная ситуация в стране во второй половине 80-х гг. весьма своеобразно охарактеризована в докладе председателя Совета по делам религий К. М. Харчева, сделанном им «среди своих» – для преподавателей Высшей партийной школы в марте 1988 г.: «В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится миллион отпеваний, это 20–30 % покойников, а отпевание, по моему мнению, наиболее достоверный показатель религиозности, так

как при жизни человек врал из-за боязни потерять работу. 30 % младенцев крестят. Раньше была практика: при крещении требовать паспорт. Это давало возможность партийным работникам находить крещеных по паспортным данным и административными методами воздействовать на верующих... Сейчас практику предъявления паспортов в церкви по нашей инициативе отменили».

Празднование 1000-летия Крещения Руси на фоне перестройки, которая к тому времени обнажила язвы коммунистического режима, обрекавшие его на скорое падение, совершило переворот в восприятии Церкви большинством народа. Церковь вышла из гетто, в сознании общества она стала тем, чем она была в действительности со времени святого князя Владимира – единственной надежной духовной опорой существования русского народа.

В условиях несвободы, в которых Церковь оказалась в результате прихода к власти в стране большевиков, и в то же время после освобождения патриарха Тихона и ряда его заявлений о лояльности Церкви новой государственной власти вынужденная согласовывать свои решения с ее представителями, Русская Церковь в течение многих десятилетий не имела возможности совершать акты канонизации святых угодников, почитание которых существовало в благочестивом народе.

Первая канонизация в советскую эпоху состоялась 10 апреля 1970 г., когда Священный Синод принял деяние о причислении к лику святых в чине равноапостольных просветителя Японии архиепископа Николая (Касаткина), которого благоговейно чтили православные японцы и к памяти которого с уважением относились японцы иных вероисповеданий. Эта канонизация состоялась через сто лет после основания святым равноапостольным Николаем Российской духовной миссии в Японии и одновременно с нормализацией ситуации вокруг юрисдикции Японской Церкви, которая тогда канонически правомерно возвратилась в состав Русской Православной Церкви как ее автономная часть. Государственные инстанции не возражали против этой канонизации, очевидно, из-за ее возможных дипломатических последствий, из-за того, что она должна была положительно сказаться на развитии взаимоотношений нашего государства с Японией. 6 октября 1977 г. в ответ на просьбу Священного Синода новообразованной Православной Церкви в Америке Священный Синод Русской Церкви после опроса всех архиереев принял деяние о прославлении в лике святых просветителя Сибири, Дальнего Востока, Алеутских островов и Аляски, а в конце жизни митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова).

В 1978 г. по благословию Святейшего Патриарха Пимена к лику общерусских святых был причислен местночтимый Харьковский святитель Мелетий (Леонтович). Эта канонизация не вызвала контрмер со стороны Совета по делам религий только потому, что она совершена была без официального синодального акта.

Расширение круга русских святых, почитаемых в Русской Церкви, в 20 столетии происходило и через включение в наш церковный календарь имен тех святых, канонизация которых была совершена в других поместных Церквях. Так, 19 июля 1962 г. Священный Синод Русской Церкви под председательством Святейшего Патриарха Алексия I постановил причислить к лику святых, чтимых Русской Церковью, канонизованного ранее Греческой Церковью праведного Иоанна Русского, военнопленного, проданного в рабство после неудачного Прутского похода Петра Великого и в турецкой неволе кротко, по-христиански сносившего все испытания и тем стяжавшего Божественную благодать и заслужившего уже в земной жизни почитание со стороны единоверцев-греков и даже иноверных мусульман.

В святцы Русской Церкви в 1970 г. было внесено имя новопрославленного святого Американской Церкви, русского по происхождению, преподобного Германа Аляскинского, выходца из Валаамского монастыря. Его канонизацию совершил годом раньше Собор епископов Американской Церкви накануне нормализации своих канонических взаимоотношений с Матерью – Русской Церковью и получения от нее автокефального статуса.

Совершенно новая эпоха в истории канонизации святых в Русской Церкви открылась в год празднования 1000-летия Крещения Руси. Поместный Собор 1988 г. прославил девять угодников Божиих: благоверного великого князя Московского Димитрия Донского, преподобных Андрея Рублева и Максима Грека, святителя Макария Московского, преподобного Паисия Нямецкого, блаженную Ксению Петербургскую, святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника, преподобного Амвросия Оптинского. Архиерейский Собор 1989 г. канонизировал первосвятителей Русской Церкви патриархов Иова и Тихона.

Глава 3. Русская Православная Церковь при святейшем патриархе Алексии II

1. Поместный Собор 1990 г. и интронизация Святейшего Патриарха Алексия II

В день кончины Святейшего Патриарха Пимена, 3 мая 1990 г., состоялось заседание Священного Синода, на котором был избран местоблюстителем митрополит Киевский Филарет. 7 мая Священный Синод вынес постановление о созыве с 6 по 10 июня Поместного Собора для избрания патриарха Московского и всея Руси и образовал комиссию по подготовке Собора во главе с местоблюстителем. Синод также постановил провести до 26 мая епархиальные собрания для избрания делегатов на Собор по следующей квоте: по одному клирику и мирянину от каждой епархии, а также по одному представителю от монастырей, духовных академий и семинарий. Все епископы, находящиеся на кафедрах, в соответствии с Уставом об управлении Русской Православной Церкви 1988 г., являлись членами Поместного Собора по своему статусу.

6 июня в патриаршей резиденции в Даниловом монастыре состоялся Архиерейский Собор, который принял программу Поместного Собора, избрал трех кандидатов на патриарший престол и постановил, что Поместный Собор может дополнить число кандидатов. На Соборе каждый архиерей мог голосовать за одного, двух или трех кандидатов. Тайным голосованием в первом туре были избраны митрополиты Ленинградский Алексей (37 голосов) и Ростовский Владимир (34 голоса). Второй тур состоялся потому, что митрополиты Киевский Филарет и Крутицкий Ювеналий получили равное число голосов – по 25. По результатам второго тура перевес в 1 голос (34 против 33) получил митрополит Филарет. 7 июня Божественной литургией в Троицком соборе лавры преподобного Сергия открылся Поместный Собор. Заседания Собора проходили в Трапезном храме Преподобного Сергия, и в них участвовало 317 делегатов: 90 архиереев (по болезни не смогли прибыть митрополит Рижский Леонид (Поляков) и архиепископ Цюрихский Серафим (Родионов)), 92 клирика, 88 мирян, в том числе 38 женщин, 39 представителей от монастырей и 8 делегатов от духовных школ. 40 членов Собора представляли зарубежные епархии Русской Церкви. В докладе патриаршего местоблюстителя была представлена деятельность почившего патриарха Пимена, но особое внимание он уделил ситуации, сложившейся в Церкви в западных областях Украины, где мир был нарушен действиями

украинских раскольников – автокефалистов.

Важнейшим деянием первого дня заседаний явилось избрание патриарха. Поместный Собор утвердил процедуру избрания, предложенную Архиерейским Собором: 1) Поместный Собор тайным или открытым голосованием утверждает список трех кандидатов, предлагаемых Архиерейским Собором для избрания из их числа патриарха; 2) Поместный Собор вправе в этот список внести дополнительные имена; 3) для включения дополнительных лиц в список кандидатов проводится тайное голосование: в бюллетень вносятся лица, получившие при открытом голосовании поддержку не менее 12 членов Поместного Собора. Избранными являются кандидаты, набравшие более половины голосов; 4) Поместный Собор тайным голосованием избирает из числа утвержденных им кандидатов одного; 5) избранным патриархом считается архиерей, набравший более 50 % голосов; 6) если ни один из кандидатов не наберет более половины голосов, то в таком случае проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее количество голосов. Дополнительно к трем кандидатам от Архиерейского Собора на Поместном Соборе были предложены в качестве кандидатур имена митрополитов Крутицкого Ювеналия, Минского Филарета, Волоколамского Питирима (Нечаева), Ставропольского Гедеона (Докукина) и Сурожского Антония. Кандидатуру митрополита Антония, председательствовавший на Соборе митрополит Филарет отвел, напомнив, что Устав не допускает избрания патриархом лица, не имеющего советского гражданства. При открытом голосовании за четырех дополнительно предложенных кандидатов выяснилось, что митрополита Гедеона поддержало менее 12 человек, поэтому в списки для тайного голосования были внесены имена только трех кандидатов. Из 316 голосовавших митрополита Питирима поддержало 128 соборян, митрополита Минского Филарета – 117 и митрополита Ювеналия – 106. Председатель Собора объявил, что ни один из дополнительно выдвинутых кандидатов не получил поддержки половины голосов.

Таким образом, в списке для голосования остались три кандидата, выдвинутых Архиерейским Собором. Архиепископ Могилевский Максим (Кроха) предложил не голосовать за кандидатов, а по примеру Поместного Собора 1917 г. избрать патриарха жребием. Председатель поддержал это предложение, но оно, не встретив сочувствия у соборян, не было принято.

Было проведено тайное голосование. Вечером председатель счетной комиссии митрополит Сурожский Антоний объявил результаты тайного голосования: 139 голосов было подано за митрополита Ленинградского и

Новгородского Алексия, 107 – за митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира и 66 – за митрополита Киевского и Галицкого Филарета. Во втором туре за митрополита Алексия проголосовало 166, а за митрополита Владимира – 143 члена Собора.

После оглашения окончательных результатов голосования новоизбранный патриарх ответил на обращенный к нему вопрос председателя Собора положенными по чину словами: «Избрание меня Освященным Поместным Собором Русской Православной Церкви патриархом Московским и всея Руси со благодарением приемлю и нимало вопреки глаголю». Затем был составлен Соборный акт об избрании Святейшего Патриарха и соборная грамота, адресованная ему. Под тем и другим документом поставили подписи все архиереи – члены Поместного Собора.

В конце вечернего заседания старший по хиротонии архипастырь Русской Церкви архиепископ Оренбургский Леонтий (Бондарь) обратился к новоизбранному патриарху с поздравлением. В ответном слове патриарх Алексей поблагодарил всех членов Поместного Собора за избрание и поздравление и сказал: «Я сознаю трудность и подвиг предстоящего служения. Жизнь моя, которая от юности посвящена служению Церкви Христовой, подходит к вечеру, но Освященный Собор возлагает на меня подвиг первосвященнического служения. Я приемлю это избрание, но в первые минуты прошу высокопреосвященных и преосвященных архипастырей, честной клир и всю боголюбивую паству всероссийскую своими молитвами, своей помощью помогать мне и укреплять меня в предстоящем служении. Много вопросов встает сегодня перед Церковью, перед обществом и перед каждым из нас. И в их решении нужен соборный разум, нужно совместное решение и обсуждение их и на Архиерейских Соборах, и на Поместных Соборах, согласно принятому нашей Церковью в 1988 г. Уставу. Соборный принцип должен распространяться и на епархиальную, и на приходскую жизнь, только тогда мы решим те вопросы, которые стоят перед Церковью и перед обществом. Деятельность церковная сегодня расширяется. От Церкви, от каждого ее служителя, от деятеля церковного ожидают и дела милосердия, и благотворительности, и воспитания самых разных возрастных групп наших верующих. Мы должны служить примиряющей силой, объединяющей силой и тогда, когда нашей жизни часто сопутствуют разделения. Мы должны сделать все, чтобы способствовать укреплению единства святой Православной Церкви. Я сознаю свою немощь и уповаю на ваши святые молитвы и помощь в предстоящем моем служении».

8 июня заседание Собора открыл его новый председатель митрополит Алексей, избранный патриархом. С докладом о причислении клику святых протоиерея Иоанна Сергиева, чтимого всей церковной Россией, выступил председатель синодальной комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. По этому докладу Собор издал деяние о прославлении праведного отца Иоанна Кронштадтского.

Проекты соборных определений и посланий, актуальные вопросы церковной жизни (правовой статус Церкви, единство Церкви и раскол на Украине, взаимоотношения с Зарубежной Церковью) стали предметом долгих дискуссий. Острый характер носило выступление архиепископа Берлинского Германа (Тимофеева), посвященное в основном отношениям Церкви и государства как в историческом, так и в юридическом плане и проекту закона о свободе совести. «Проект закона игнорирует право верующих на освобождение от работы в дни их религиозных праздников – сказал он, – лишает людей радости жизни, труда и отдыха в полном согласии с их верой и вековыми обычаями. Этого нет ни в одном цивилизованном государстве. Законодатели присвоили себе право подменять собственными понятиями представления верующих о своей Церкви и, например, упорно хотят провести подмену свойственной Церкви монолитной иерархической структуры конгрегационалистским ее устройством. Этим они вмешиваются во внутреннюю церковную жизнь, намеренно хотят ее исказить и это искажение законодательно закрепить». В заключение архиепископ Герман говорил о гонениях, пережитых Церковью в советскую эпоху, и поднял вопрос о канонизации новомучеников.

Взаимоотношениям с Зарубежной Церковью были посвящены выступления митрополитов Крутицкого Ювеналия, Венского Иринея (Зуземиля), архиепископов Смоленского Кирилла (Гундяева), Саратовского Пимена (Хмелевского), Ярославского Платона (Удовенко), протоиерея Василия Стойкова, священника Виталия Шастина и иеромонаха Илариона (Алфеева). Архиепископ Смоленский Кирилл дал критическую оценку действиям зарубежного Синода, открывшего свои приходы в России и увлекшего нескольких священников; в то же время он сказал: «Каждый раскол питается нездоровыми силами в Церкви. И если в нашей Церкви будет как можно меньше нездоровых сил... тем менее перспектив будет у этого раскола».

Принятые Поместным Собором после дискуссии и внесения поправок в представленные проекты определения включали в себя, помимо утверждения постановлений Архиерейских Соборов 1989 и 1990 гг. и

синодальных решений предшествующего периода, следующие положения: поручить Комиссии Священного Синода по канонизации святых подготовить материалы к канонизации мучеников, пострадавших за веру в годы гонений в 20 в.; образовать Красноярскую и Саранскую епархии; обратить особое внимание архипастырей, пастырей и мирян на необходимость возрождения христианской приходской общины, на организацию во всех приходах катехизического обучения взрослых и детей. Поместный Собор признал необходимым дальнейшее развитие системы церковного образования, в частности увеличения числа семинарий, открытие духовных училищ в каждой епархии, возобновление Киевской духовной академии, создание иконописных школ. Особо была подчеркнута крайняя нужда церковного народа в изданиях Священного Писания, в богословской, религиозно-назидательной, катехизической, житийной и церковно-исторической литературе, в изданиях святоотеческих творений.

Оценивая взаимоотношения Русской Православной Церкви с Римско-Католической, Поместный Собор был вынужден констатировать, что они серьезно омрачены униатской проблемой, которая болезненно обострилась на западе Украины. Признавая права униатских общин на легальное существование, Поместный Собор счел недопустимыми насилие над православными клириками и мирянами, захваты православных храмов и выразил протест против неконституционных действий местных властей Западной Украины по отношению к гражданам православного вероисповедания. Собор осудил действия украинских раскольников-автокефалистов, нарушивших церковный мир в Галиции. Поместный Собор отметил случаи нарушения церковной и канонической дисциплины со стороны мирян и духовенства в разных епархиях и осудил публичные выступления отдельных церковных или околоцерковных людей, которые от лица Церкви высказывают мысли, не только не разделяемые Церковью, но и сеющие рознь в православной пастве.

Поместный Собор выступил также с заявлением в связи с проектом закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», в котором содержатся конкретные поправки к документу: «Опубликованный проект закона представляет составным частям Церкви (приходам, монастырям, управлениям, центрам, духовным учебным заведениям) право юридического лица, но лишает такового права Церковь как целостную религиозную организацию. Это положение не только продолжает, но еще более узаконивает дискриминационную в отношении Церкви позицию печальной памяти законодательства о культах 1929 г. Как известно, это

законодательство отражало враждебные по отношению к Церкви идеологические установки и было направлено на разрушение религиозных структур. Эта «преемственность» старого и нового законов в наиболее важном для Церкви вопросе вызывает у нас тревогу... В Церкви не может быть независимых от иерархического центра и друг от друга «религиозных обществ» ... Именно поэтому закон должен признавать право юридического лица за Церковью как единой организацией с составляющими ее приходами, монастырями, духовными учебными заведениями, управлениями и центрами. При этом каждое из перечисленных церковных учреждений в свою очередь также может обладать правом юридического лица. Делегирование части этого права одного учреждения другому, как, например, от епархии – приходу, от Патриархии – епархии, должно регулироваться внутренним церковным законодательством, находящимся в соответствии с вероучением. Светскому законодательству в правовом государстве следует уважать вероучение, на основании которого действует церковное право и функционируют церковные учреждения».

Вечером 8 июня с заключительным словом на Соборе выступил его председатель митрополит Алексей, избранный Патриархом Московским и всея Руси. «Освященный Поместный Собор, созванный для избрания Патриарха Московского и всея Руси – сказал он, – завершил свои деяния. Избранием Собора, через который проявилась, верим, воля Божия в Русской Церкви, на мое недостойнство возложено бремя первосвятительского служения. Велика ответственность этого служения. Принимая его, я осознаю свои немощи, свою слабость, но нахожу подкрепление в том, что избрание меня состоялось Собором ничем не стесненным волеизъявлением архипастырей, пастырей и мирян, призванных на священный Собор. Нахожу подкрепление в предстоящем мне служении еще в том, что вступление мое на престол московских святителей соединилось во времени с великим церковным торжеством – прославлением святого праведного Иоанна Кронштадтского, чудотворца, чтимого всем православным миром, всей святой Русью, место погребения которого находится в городе, который до сего времени был моим кафедральным градом. Русская Православная Церковь, исполняя завещанный ей от Бога долг быть солью земли и светом мира, готова жертвенно служить духовному благополучию своего земного Отечества. Условия, в которых Русская Православная Церковь совершает свое апостольское служение в обществе, в значительной мере определяют ее правовым статусом. Началось всенародное обсуждение опубликованного в

печати и принятого в первом чтении закона о свободе совести и религиозных организациях. Мне хотелось бы подчеркнуть серьезность и основательность той озабоченности, которая выражена была на Поместном Соборе в связи с содержанием этого закона... В основе устройства Православной Церкви лежит принцип соборности. Нужно при этом ясно сознавать, что соборное начало Церкви органически сочетается с иерархическим. Архипастыри, пастыри, миряне, весь церковный народ несут ответственность за судьбу Церкви. Но служение Церкви неодинаково. По православному каноническому учению, замечательно емко выраженному преподобным Иоанном Дамаскиным, Церковь вручена епископам. В Церкви все совершается в духе любви, единomyслия и единогодушия, с соблюдением канонической дисциплины. Отступления от этих богозаповеданных начал угрожают Церкви нестроениями и бедами. Закрывая заседание Освященного Собора, я хотел бы призвать всех высокопреосвященных и преосвященных архипастырей, честной клир, монашествующих, наших благочестивых верующих сделать все для единства Церкви Христовой. В то время как в современном обществе проявляется нетерпимость друг к другу, мы должны явить пример братства, сотрудничества, взаимопонимания. Любовь Христова должна объединять нас в нашем служении Богу, Святой Церкви Христовой и пастве, которая вручена нашему духовному водительству». 10 июня в Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация новоизбранного Патриарха, которому за Божественной литургией сослужили Католикос-Патриарх Грузии Илия II, члены Священного Синода, представитель Антиохийского Патриарха епископ Нифон и сонм духовенства. В храме находились члены Поместного Собора, приглашенные гости, православные москвичи. Настолование нареченного Патриарха совершили два патриарших экзарха. С приветствием к Патриарху Алексию II обратились Католикос-Патриарх Грузинский Илия II и другие высокие гости.

В день своей интронизации новоизбранный 15-й Патриарх Московский и всея Руси Алексий II произнес первосвятительское слово, в котором наметил программу предстоявшего ему патриаршего служения. «Свою первоочередную задачу, – сказал он, – мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви. Многообразны средства для возрождения должного духовного состояния нашего христианского общества, опирающегося на древние традиции нашей Церкви. Мы уповаем на то, что боголюбивая паства будет исполнена стремления содействовать этому возрождению во славу Христа Спасителя

и Его Святой Церкви... Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывавшего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние всего общества. Немало усилий потребует восстановление великих и малых монашеских обителей нашей страны. Во множестве восстанавливаются храмы, возвращаемые Церкви, и строятся новые. Этот радостный для нас процесс еще только развивается и потребует от всех нас многих трудов и материальных затрат. Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания... Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь вместе с другими христианскими Церквями и религиозными объединениями нашей страны призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью. С горечью свидетельствуем о все возрастающем беззаконии, чинимом на Западной Украине католиками восточного обряда. Положение там усугубляется расколом, возникшим в результате незаконного объявления так называемой Украинской автокефальной православной церкви. Мы прилагаем всемерные усилия для устранения этих мучительных для Тела Христова недугов. Как и прежде, мы будем развивать наши братские отношения с Поместными Православными Церквями и тем самым укреплять всеправославное единство. Мы видим наш христианский долг в свидетельстве православия, в развитии диалога и сотрудничества с инославными исповеданиями. Для исполнения этих предначертаний нашей Церкви я нуждаюсь в братском сотрудничестве членов Священного Синода, всего епископата, клира, монашествующих и мирян».

2. Биография Святейшего Патриарха Алексия II

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II родился 23 февраля 1929 г. в Таллине в благочестивой и интеллигентной русской эмигрантской семье. Его отец Михаил Александрович, уроженец Санкт-Петербурга, происходил из знатного и старинного дворянского рода, один из представителей которого граф Федор Васильевич Ридигер, генерал от кавалерии и генерал-адъютант, вошел в историю как герой Отечественной войны 1812 г., выдающийся полководец и государственный деятель. Он был главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами и членом Государственного совета. Отец Патриарха учился в

привилегированном учебном заведении столицы – Императорском Училище правоведения, а после революции был вынужден эмигрировать. Михаил Александрович с юности стремился стать священником. Окончив русскоязычные богословские курсы в 1940 г., он был рукоположен в сан диакона. Два года спустя в Казанском храме Таллина состоялась его священническая хиротония. Мать Патриарха Елена Иосифовна Писарева родилась в Таллине в русской семье и была дочерью офицера.

«Мои родители, – вспоминал Святейший Патриарх Алексей II о своем детстве, – были прихожанами Александро-Невского кафедрального таллинского собора, а после его закрытия в 1936г. – Симеоновской церкви... Отец принимал активное участие в приходской жизни, в деятельности Русского студенческого христианского движения. Семейной традицией было совершение паломничеств в период летних отпусков. Мы ездили или в Пюхтицкий женский монастырь, или в Псково-Печерский мужской. Но особенно мне запомнились паломнические поездки в Валаамский Преображенский мужской монастырь в 1938 и 1939 гг. Мы плыли пароходом до Хельсинки, оттуда по железной дороге ехали до Выборга и потом уже на монастырском пароходом – до Валаама». Мальчик на всю жизнь запомнил беседы с валаамскими старцами схиигуменом Иоанном (Алексеевым), иеросхимонахом Ефремом (Хоробостовым) и особенно с Иувианом (Красноперовым), который после знакомства вел переписку с юным паломником.

Будущий Патриарх получил среднее образование в таллинской русскоязычной гимназии. С 6 лет он прислуживал в храме своего духовного отца протоиерея Иоанна Богоявленского (впоследствии епископа Исидора). В 15 лет стал старшим иподиаконом архиепископа Нарвского Павла (Дмитровского), а затем у его преемника и своего духовного отца епископа Исидора. В 1945 г. юному иподиакону было поручено епархиальной властью подготовить к открытию Александро-Невский собор Таллина, в котором он потом (до 1946 г.) исполнял обязанности алтарника и ризничего. Затем он служил псаломщиком в Симеоновской и Казанской церквях эстонской столицы.

В 1946 г. Алексей Ридигер успешно сдал вступительные экзамены в Ленинградскую семинарию, но не был принят по возрасту – ему было только 17 лет, а прием в духовные школы несовершеннолетних не позволялся. Успешное поступление состоялось в следующем году, причем сразу в 3-й класс.

Закончив семинарию по первому разряду в 1949 г., будущий Патриарх стал студентом Ленинградской академии и уже на 1-м курсе был

рукоположен в диакона, а через день (17 апреля 1950 г.) – во пресвитера. После рукоположения отец Алексей Ридигер был назначен настоятелем Богоявленского храма города Йыхви в Эстонии. Служение на приходе он совмещал с продолжением учения в академии, которую в 1953 г. закончил по первому разряду со степенью кандидата богословия за курсовое сочинение «Митрополит Филарет (Дроздов) как догматист».

В городе Йыхви будущий Патриарх прослужил до 1957 г. «Паства там была непростая, – вспоминал он впоследствии. – В шахтерский город после войны приезжали из самых разных регионов по специальным направлениям на тяжелые работы в шахтах; многие погибали: аварийность была высокой, поэтому, как пастырю, мне пришлось иметь дело со сложными судьбами, с семейными драмами, с различными социальными пороками». В 1957 г. священник Алексей был переведен в Тарту и назначен настоятелем Успенского собора в этом университетском городе. Здесь он столкнулся с совершенно иной средой, чем в Йыхви. «Я застал, – рассказывал он, – и в приходе, и в приходском совете старую университетскую интеллигенцию. Общение с ними у меня оставило очень яркие воспоминания». Вспоминая о пастырском служении в 50-х гг., Святейший Патриарх говорил, что ему «довелось начать свое церковное служение в то время, когда за веру уже не расстреливали, но сколько пришлось пережить, отстаивая интересы Церкви, будет судить Бог и история».

17 августа 1958 г. священник Алексей был возведен в сан протоиерея, а 30 марта 1959 г. назначен благочинным Тарту-Вильяндиского округа Таллинской епархии, который включал в себя 32 русских и эстоноязычных приходов. Протоиерей Алексей совершал богослужения на церковно-славянском языке, а в некоторых приходах – по-эстонски, этим языком он владеет свободно.

19 августа 1959 г., в праздник Преображения Господня, скончалась его мать Елена Иосифовна. Уже начались новые, хрущевские гонения на Церковь, и в эту пору ее муж и сын несли тяжелый крест пастырского служения. Отпевали Елену Иосифовну в Тарту, а похоронили на Александро-Невском кладбище в Таллине, месте упокоения нескольких поколений ее предков.

3 марта 1961 г. в Троице-Сергиевой лавре совершился монашеский постриг протоиерея Алексея Ридигера с именем в честь святителя Алексея, митрополита Московского. Монашеское имя было вытянуто по жребию из раки преподобного Сергия Радонежского. В крещении будущему Патриарху было дано имя в честь Алексея человека Божия.

Священнослужителю, который в молодые лета с пастырской любовью и мудрым благоразумием окормлял свою паству, управлял благочинническим округом, предстояло высшее поприще церковного служения. 14 августа 1961 г. постановлением Священного Синода иеромонаху Алексию определено было стать епископом Таллинским и Эстонским с поручением ему временного управления Рижской епархией. После возведения в сан архимандрита 3 сентября в Александро-Невском кафедральном соборе Таллина состоялась его хиротония во епископа Таллинского и Эстонского. Хиротонию возглавил архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов).

В слове при наречении во епископа архимандрит Алексей сказал: «С юных лет в моем сердце была любовь к храму Божию, и в глубине своей души я слышал голос, зовущий: иди по Мне (Лк. 5:27) ... Сознаю свою немощь, неопытность, молодость и в эти великие, святые минуты своей жизни всецело возлагаю все свое упование на Господа, от Которого исправляются стопы человеку (Пс. 36:23). Верю, что по воле Божией совершается и ныне наречение моего недостойства, ибо Сам Господь, по слову апостола, дает Церкви Своей пастырей и учителей (Еф. 4:11) и Духом Святым поставляет их пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею (Деян. 20:28)».

В годы хрущевских гонений архипастырское служение было нелегким, нужна была немалая мудрость и изобретательность для того, чтобы сохранить паству от расхищения, уберечь храмы от закрытия. Прямой, открытый конфликт с властью предрержащими к успеху в сохранении приходов привести не мог. Но новохиротонисанный архипастырь верил, что «врата адовы Церковь не одолеют».

«Время действительно было трудное: власти приняли решение о закрытии Пюхтицкого монастыря и тридцати шести эстонских приходов, как «нерентабельных», – рассказывал он впоследствии. – Им не удалось провести в жизнь эти решения: я убедил их, что молодой епископ не может начать служение с закрытия монастыря: это дискредитация всей его будущей деятельности. Уговорами мне удалось затянуть время, а в мае 1962 г., когда я уже почти полгода был заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений, я направил в Пюхтицы первую иностранную делегацию – лютеран из ГДР. В те дни мой отец лежал с инфарктом, которого так и не перенес. А я должен был его покинуть, чтобы сопровождать иностранных гостей. Речь шла о спасении обители единственно возможным тогда способом. Вскоре газета «Neue Zeit» опубликовала восторженные отзывы этой делегации; затем приехала

вторая, третья – вопрос о закрытии монастыря больше не поднимался. 9 мая 1962 г. скончался мой отец (он похоронен на Александро-Невском кладбище). Я возвращаюсь с похорон, а уполномоченный Совета по делам религий объявляет мне, что молодежь хочет забрать кафедральный собор под планетарий... Долго пришлось бороться. Дошел до центрального руководства. И, видимо, из Москвы последовало некое указание: когда я вернулся в Таллин, уполномоченный мне заметил: «Да мало ли, что молодежь хочет»».

23 июня 1964 г. указом Святейшего Патриарха Алексия I епископ Таллинский Алексей был возведен в сан архиепископа. С самого начала архипастырского служения возглавление епархии он сочетал с участием в высшем управлении Русской Православной Церкви: в 1961 г. был назначен заместителем председателя ОВЦС, с 1964 по 1986 г. был управляющим делами Московской Патриархии, а с этой должностью сопряжено постоянное членство в Священном Синоде. С 1965 до 1986 г. он являлся также председателем Учебного комитета и с 1970 по 1986 г. осуществлял общее руководство Пенсионным комитетом при Священном Синоде.

25 февраля 1968 г. архиепископ Таллинский и Эстонский Алексей был возведен в сан митрополита. В 1971 г. патриарх Пимен за организацию и проведение Поместного Собора удостоил митрополита Алексия правом ношения второй панагии. Должность управляющего делами Московской Патриархии поставила митрополита Алексия в самый центр церковной власти, а поскольку это были годы маститой старости патриарха Алексия I, а потом, в 80-е гг., он исполнял эту должность во время тяжелой болезни патриарха Пимена, на управляющего делами ложилось бремя принятия самостоятельных решений, касающихся церковного управления. Это требовало от митрополита Алексия проявления исключительных административных способностей, дипломатического такта, высокой работоспособности, а главное – всецелой преданности Богу и Церкви.

Помимо исполнения постоянных должностей в высшем церковном управлении, митрополит Алексей участвовал в деятельности временных синодальных комиссий: по подготовке и проведению празднования 50-летия и 60-летия восстановления патриаршества, Поместного Собора 1971 г., проведения 1000-летия Крещения Руси, а также был председателем ответственной комиссии по приему ансамбля Данилова монастыря. Жертвенная самоотдача в совершении высокого служения и при исполнении нелегких будничных церковных трудов создали митрополиту Алексею высокий авторитет в епископате, духовенстве и церковном

народе.

Уже в 60-х и 70-х гг. имя митрополита Таллинского Алексия получило широкую известность в церковных кругах за рубежом. На 3 Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели в 1961 г. он был избран членом центрального комитета ВСЦ и с тех пор принимал самое деятельное участие во многих межцерковных, экуменических, миротворческих форумах; часто возглавлял делегации Русской Церкви, участвовал в богословских конференциях, беседах, диалогах. В 1964 г. был избран президентом Конференции европейских Церквей (КЕЦ) и потом неизменно переизбирался на эту должность. В 1987 г. стал председателем президиума и совещательного комитета этой организации.

Занятый ответственными архипастырскими и церковно-общественными трудами, митрополит Алексей находил время и для занятий церковно-исторической наукой. В 1984 г. им был представлен в Ученый совет ЛДА трехтомный труд «Очерки по истории православия в Эстонии» на соискание степени магистра богословия, но Ученый совет решил присвоить диссертанту степень доктора церковной истории, поскольку «диссертация по глубине исследования и по объему материала значительно превосходит традиционные критерии магистерской работы» и «в преддверии 1000-летия Крещения Руси этот труд может составить особую главу в исследовании об истории Русской Православной Церкви». Этот труд информативно насыщен и исключительно актуален в наши дни, когда православие в Эстонии оказалось в трудном положении. В монографии содержится неотразимая аргументация в доказательство того, что у православия в Эстонии древние корни и возвращались они Русской Церковью, причем без особого покровительства со стороны российского правительства, а часто и при сопротивлении движению к Православной Церкви значительной части эстонского населения со стороны местных чиновников и их влиятельных покровителей в Петербурге.

В середине 80-х гг. с приходом к власти в правящей партии М. С. Горбачева обозначились перемены в политике руководства страны, и уже 17 декабря 1985 г. митрополит Алексей направил письмо М. С. Горбачеву, в котором поставил вопрос о пересмотре государственного законодательства, регламентирующего статус религиозных объединений. Но в ту пору власти были еще не готовы к такому пересмотру. Письмо вызвало неудовольствие в инстанциях, контролирующих церковную жизнь. После кончины митрополита Ленинградского Антония (Мельникова) определением Священного Синода от 29 июля 1986 г. митрополит Алексей был назначен на Ленинградскую и Новгородскую

кафедру составлением за ним управления и Таллинской епархией. Этот перевод оказался удобным поводом для увольнения его от должности управляющего делами Патриархии.

Уже первый день пребывания митрополита Алексия на новой кафедре ознаменовался молитвой в часовне у блаженной Ксении Петербургской, а через год, предвосхищая официальное прославление блаженной Ксении, митрополит Алексей совершил освящение часовни. От нового митрополита зависело, удастся ли в этом городе, где советский режим был особенно враждебен Церкви, устроить нормальную церковную жизнь в период начавшихся в стране перемен. «В первые месяцы, – вспоминает Патриарх Алексей II, – я остро ощущал, что никто не признает Церкви, никто не замечает ее. И главное, что мне удалось сделать за четыре года, – это добиться того, что с Церковью стали считаться: положение в корне изменилось». Митрополит Алексей добился возвращения Церкви части бывшего Иоанновского монастыря, в котором поселились сестры Пюхтицкой обители, приступившие к восстановлению обители.

В конце 80-х гг. в обстановке реально начавшихся перемен авторитет митрополита Алексия вырос не только в церковных, но и в общественных кругах. В 1989 г. он был избран народным депутатом Союза от Фонда милосердия и здоровья, членом правления которого он состоял. Он стал также членом Комитета по международным премиям мира.

Так в 1990 г. на первосвятительский престол Русской Православной Церкви возшел архипастырь, который более других был подготовлен к несению креста патриаршего служения. В своем отклике на избрание Патриарха один из старейших иерархов Русской Церкви митрополит Сурожский Антоний писал, что в ту пору был «необходим патриарх, способный понять случившееся и заглянуть в будущее, причем не гадать, а уметь прозревать пути Божии в быстро меняющейся обстановке». «В этой обстановке... патриарх не просто администратор церковной жизни, а человек, который является для Церкви знаменем ее единства и цельности. Так в годы революции патриарх Тихон, ставший фокусом церковного сознания, спас Церковь от разброда. Мне кажется, что выбор, который мы сделали, правильный. Новоизбранный Патриарх Алексей II представляется мне человеком достойным, вдумчивым, умным, культурным, внутренне твердым, устойчивым, способным понимать происходящее».

3. Взаимоотношения Церкви и государства и высшая церковная власть в 1990–2000 гг.

Через несколько дней после интронизации, 14 июня, Святейший Патриарх Алексей II отправился в свой прежний кафедральный город, для

того чтобы совершить там на основании соборного определения прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского. Торжество прославления совершилось в Иоанновском монастыре на Карповке, где был погребен угодник Божий.

Вернувшись в Москву, 27 июня Патриарх Алексей II встретился с московским духовенством в Свято-Даниловом монастыре. На этой встрече он говорил о том, что новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви» позволяет возрождать соборность на всех уровнях церковной жизни и что начинать надо с прихода, где должны быть созданы воскресные школы. К преподаванию следует привлекать не только клириков, но и благочестивых мирян. Задачей прихода является подготовка абитуриентов духовных семинарий. Особо ответственного отношения от священнослужителей требуют ставшие многочисленными крещения взрослых, которых необходимо готовить к принятию Таинства, проводить с ними катехизические беседы. Число крещений выросло за последние годы в три раза, а венчаний – в десять раз, сообщил святейший. Это первое выступление Патриарха Алексея II перед московским духовенством содержало емкую и конкретную программу преобразований в церковной жизни, направленных на то, чтобы нормализовать ее в условиях, когда существенно была расширена свобода Церкви.

16–20 июля под председательством Патриарха Алексея II состоялось заседание Священного Синода. В отличие от прежних заседаний, на которых по преимуществу рассматривались вопросы, связанные с внешней церковной деятельностью, на этот раз в центре внимания стояли темы внутренней жизни Церкви. Священный Синод постановил назначить митрополитом Ленинградским и Ладожским и постоянным членом Синода архиепископа Куйбышевского Иоанна (Снычева). При Патриархе Алексии II Священный Синод стал заседать значительно чаще, чем раньше: раз в месяц или в два месяца. Этим обеспечивалось соблюдение канонической соборности в церковном управлении. На заседании Синода, состоявшемся 29–31 января 1991 г., по предложению Святейшего Патриарха было принято решение об образовании двух новых отделов Московского Патриархата – по религиозному образованию и катехизации и по церковной благотворительности и социальному служению.

Характерная черта первосвятительского служения Святейшего Патриарха Алексея II – многочисленные посещения епархий, начало которым было положено поездкой в северную столицу сразу после интронизации; всего за первый год своего патриаршества он посетил 15 епархий, при этом патриарх совершал богослужения не только в

кафедральных соборах, но и в отдаленных от епархиального города приходах, во вновь открываемых монастырях, встречался с местным руководством, с общественностью, посещал высшие и средние школы, военные части, дома престарелых, тюрьмы, неся радость и утешение страдающим людям.

Святейший Патриарх Алексей II взшел на первосвятительский престол, когда кризис Советского государства вступил в завершающую фазу. Для Русской Православной Церкви важно было в быстро изменяющихся условиях вернуть себе необходимый правовой статус, и успех в этом деле в значительной мере зависел от инициативы Патриарха, от его умения построить отношения с государственной властью и политиками так, чтобы утвердить достоинство Церкви как высшей святыни и духовной путеводительницы народа, колыбели его государственного существования. С самых первых шагов первосвятительского служения председатель Русской Церкви в контактах с сильными мира сего самой их этикетной, протокольной стороной умел оградить и подчеркнуть достоинство Церкви, которую он возглавляет.

Святейший Патриарх довел до сведения президента СССР критическое отношение Поместного Собора к проекту нового закона «О свободе совести и религиозных организациях», и тогда была достигнута договоренность об участии представителей Православной Церкви и других религиозных общин в дальнейшей работе над законопроектом. Это благоприятно отразилось на содержании закона, принятого 1 октября 1990 г. и утвердившего за отдельными приходами, церковными учреждениями, в том числе и Патриархией, права юридического лица. Исключительно важное положение нового закона содержалось в статье 6-й, которая, хотя и подтверждала принцип отделения школы от Церкви, тем не менее открывала юридическую возможность для религиозного обучения детей. Новый закон сохранял прежний Совет по делам религий, но менял его функции, лишал его властных полномочий по отношению к религиозным организациям, превращая его в информационный, консультативный и экспертный центр.

Спустя месяц после издания союзного закона был принят российский закон «О свободе вероисповеданий». Он не предусматривал уже правительственного учреждения, подобного Совету по делам религий; вместо него в Верховном Совете была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям. Положение об отделении школы от Церкви формулировалось в более деликатной форме: «Государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели

формирования того или иного отношения к религии». При этом, однако, преподавание вероучения на факультативной основе допускалось «в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях». Преподавание же «религиозно-познавательных, религиоведческих и религиозно-философских дисциплин» могло, в соответствии с законом, «входить в учебную программу государственных учебных заведений».

Радикальные перемены в правовом статусе Русской Православной Церкви, рост ее влияния и авторитета в сфере государственной и общественной не вызывали всеобщего энтузиазма. Серия убийств священников, ни одно из которых не было раскрыто, убеждала верующих в том, что в определенных кругах к Церкви сохраняется враждебное отношение. 9 сентября 1990 г. неподалеку от своего дома был убит широко известный на Западе и пользовавшийся большим авторитетом в среде церковной и околоцерковной интеллигенции, особенно у новообращенных, протоиерей Александр Мень. Церковный народ и вся российская общественность были потрясены злодеянием, совершенным в Оптиной пустыни на Пасху 1993 г. – зверским убийством иеромонаха Василия (Рослякова) и монахов Трофима и Ферапонта. Схваченный вскоре убийца признался в содеянном и назвал себя сатанистом.

В 1990 г. по всей стране продолжалось возвращение Церкви отнятых у нее ранее храмов, чаще всего разрушенных. Церковь столкнулась при этом с колоссальными трудностями в их восстановлении, но во многих случаях местные власти стали оказывать финансовую помощь в реставрации церквей; пожертвования поступали от общественных организаций и фондов, а также от государственных и частных предприятий, банков, компаний, отдельных лиц. Посильную помощь в восстановлении храмов оказывали и воинские части. 23 сентября 1990 г. впервые после многих десятилетий запрета на крестные ходы вне ограды храма состоялся крестный ход по московским улицам от стен Кремля к храму Большого Вознесения во главе со Святейшим Патриархом Алексием II. 4 ноября 1990 г. Патриарх совершил освящение закладного камня восстанавливаемого Казанского собора на Красной площади, варварски разрушенного в 1936 г.

Но картина возрождающейся церковной жизни омрачалась действиями раскольников. 16 мая 1990 г. в период межпатриаршества Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви вынес постановление об открытии своих приходов и епископских кафедр в России. Джорданвилль призвал клириков Московского Патриархата переходить в юрисдикцию зарубежного Синода. Своей самой большой удачей в Джорданвилле сочли переход к ним архимандрита Валентина (Русанцова), священника из

древнего Суздаля, который ранее пользовался особым доверием со стороны Совета по делам религий и местных властей.

С 25 по 27 октября 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре под председательством Святейшего Патриарха Алексия II заседал Архиерейский Собор. В центре внимания на Соборе стояли три вопроса: церковная ситуация на Украине, открытие приходов Зарубежной Церкви на канонической территории Московского Патриархата, а также правовой статус Русской Православной Церкви, обусловленный двумя новыми законами о свободе совести и вероисповедания. Соборное воззвание к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви, посвященное действиям зарубежного Синода на канонической территории Русской Церкви, выдержано в жестком тоне. Вместе с тем Архиерейский Собор выразил позицию священноначалия Русской Православной Церкви по тем вопросам, которые стояли в центре полемических выступлений представителей Зарубежной Церкви: «Отдавая дань глубокого уважения памяти патриарха Сергия и с благодарностью вспоминая его борьбу за выживание нашей Церкви в тяжелые для нее годы гонений, мы тем не менее вовсе не считаем себя связанными его «Декларацией 1927 года», сохраняющей для нас значение памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи. Нас обвиняют «в попрании памяти новомучеников и исповедников» ... В нашей Церкви никогда не прерывалось молитвенное поминовение страдальцев за Христа, преемниками которых довелось стать нашему епископату и клиру. Сейчас, чему весь мир свидетель, у нас разворачивается процесс их церковного прославления, который в соответствии с древнецерковной традицией должен быть избавлен от суетного политиканства, поставленного на службу меняющимся настроениям времени... Русской Православной Церкви вменяется в вину участие в деятельности Всемирного совета Церквей. Участие в деятельности ВЦС уже в течение нескольких десятилетий всех Поместных Православных Церквей дает им возможность свидетельствовать перед лицом остального христианского мира истинность хранимой веры как залога возможного будущего единства всех христиан. Никакой измены православию здесь нет, а есть свидетельство о его спасительной красоте перед лицом всего христианского мира».

Архиерейский Собор принял решение о предоставлении Украинской Православной Церкви независимости и самостоятельности в управлении при сохранении юрисдикционной связи с Московской Патриархией.

Между тем кризисные явления в жизни Советского государства нарастали как снежный ком, утрата коммунистической партией контроля

над страной стала вопросом времени, за этим неизбежно должен был последовать развал союзного государства, поскольку кроме КПСС в нем не было других общесоюзных политических сил, хотя большинство народа, отвергая коммунистическую идеологию, стремилось сохранить единое государство. В этой обстановке Церковь не могла, как в годы советского режима, воздерживаться от суждений о путях развития страны, такое молчание не встретило бы понимания в обществе.

5 ноября 1990 г., впервые после послания святителя Тихона 1918 г. по поводу годовщины Октября, Святейший Патриарх в обращении к согражданам дает содержательную оценку этому роковому событию: «Семьдесят три года назад произошло событие, определившее путь России в двадцатом столетии. Этот путь оказался скорбен и тяжек... И пусть все минувшие годы один за другим встанут в нашей совести и будут нас умолять не платить человеческими судьбами за эксперименты и принципы политиков».

По просьбе Святейшего Патриарха российскими властями Рождество Христово было объявлено выходным днем, и в 1991 г., впервые после 20-х гг., в этот праздник граждане России не принуждались к работе.

Трагические события происходили в стране с 19 по 22 августа 1991 г. Группа государственных деятелей в день Преображения Господня объявила об устранении президента СССР М. С. Горбачева, находившегося на летней даче в Форосе, и об образовании ГКЧП. Когда в ночь с 20 на 21 августа поступили первые известия о пролитии крови у «Белого дома», первосвященник, чтобы предотвратить гражданскую войну, в особом обращении призвал вооруженных лиц воздерживаться от применения оружия под угрозой отлучения от Церкви. В результате поражения ГКЧП к власти в СССР вернулся М. С. Горбачев, но союзное правительство утратило контроль над страной.

«В дни, которые только что довелось пережить нам, кончился Промысл Божий период нашей истории, начатый в 1917 г., – писал 23 августа в своем послании к архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Алексий II. – Отныне уже не может вернуться время, когда одна идеология владела государством и пыталась навязать себя обществу, всем людям. Коммунистическая идеология, как мы убеждены, никогда более уже не будет государственной в России... Россия начинает труд и подвиг исцеления!..».

Ход событий после августовского путча сделал практически неизбежным распад союзного государства. Предвидя это, Священный

Синод 22 октября 1991 г. в своем заявлении напомнил чадам Церкви о том, что изменение государственных границ не должно повлечь за собой изменение состава поместной Церкви, а распад Союза не подразумевает автокефализации отдельных частей Русской Православной Церкви.

В 1991 г. продолжалось начатое ранее возвращение Русской Церкви ее святынь, храмов и монастырей, причем возвращались не только рядовые приходские церкви и разрушенные монастыри, но и древние храмы, которые составляют величайшее достояние Церкви, в том числе и Софийский собор в Новгороде. В Успенском соборе Московского Кремля, при сохранении в нем музейного режима, стали регулярно совершаться богослужения, и он вновь стал патриаршим собором Русской Православной Церкви.

Начало 90-х гг. явилось временем освобождения Русской Православной Церкви из тисков рухнувшего тоталитарного режима, расширения ее влияния на общество, укрепления доверия к ней со стороны всех слоев населения. Но церковную жизнь омрачало происходившее одновременно развитие такого кризисного явления, как расколы. В результате униатской агрессии в Галиции в конце 1991 г. появилось 597 приходов Украинской Католической Церкви, раскольническая УАПЦ захватила 351 приход на западе Украины. В июне 1990 г. автокефалистами в Киеве был проведен первый «собор» УАПЦ (Украинской автокефальной православной церкви), который избрал лишеного епископского сана В. Н. Боднарчука, именовавшего себя архиепископом Львовским и Галицким Иоанном, «патриаршим местоблюстителем», а проживавшего в Соединенных Штатах Мстислава (Скрыпника), переступившего через порог 90-летия, провозгласил патриархом всея Украины.

После провала августовского путча и временного запрета коммунистической партии в России у коммунистов в союзных республиках возникают сепаратистские тенденции из-за опасений утраты власти и юридической ответственности за прошлую деятельность. В этих условиях парламент Украины, где ранее сторонники отделения составляли меньшинство, принимает решение о выходе из Союза, и митрополит Филарет из непримиримого противника украинской церковной автокефалии становится ее ревнителем, тем более что исход выборов патриарха на Поместном Соборе 1990 г. он счел своим провалом. Немаловажное значение для него имела и публикация в периодических изданиях Киева и Москвы статей о его личной жизни; авторы утверждали, что митрополит Филарет имеет жену и детей, обкрадывает Церковь и связан с КГБ. Под давлением митрополита Филарета в начале ноября 1991

г. Собор Украинской Православной Церкви вынес постановление о том, чтобы обратиться к Святейшему Патриарху и епископату Русской Православной Церкви с просьбой даровать Украинской Православной Церкви полную каноническую самостоятельность, то есть автокефалию.

На заседании Священного Синода, состоявшемся 25–27 декабря 1991 г. под председательством Святейшего Патриарха и с участием митрополита Филарета, было решено разослать обращение и определение Украинского Собора всем архиереям Русской Церкви для тщательного изучения вопроса столь исключительной важности, с тем чтобы впоследствии он стал предметом обсуждения на Архиерейском Соборе. Решение Собора Украинской Церкви встревожило значительную часть священнослужителей и мирян на Украине; и в Московскую Патриархию из разных епархий стали поступать телеграммы с просьбой оставить их приходы в Московской юрисдикции, приезжали ходоки и группы верующих с протестами против попытки установления автокефалии. В то же время митрополит Филарет предпринимал энергичные усилия к тому, чтобы ускорить процесс автокефализации, разослал по епархиям циркуляр о проведении собраний духовенства в поддержку решения Собора УПЦ о предоставлении ей независимости.

22 января 1992 г. в Киеве состоялось епископское совещание Украинской Церкви. На совещании было принято новое обращение к Святейшему Патриарху, в Синод и ко всем архиереям Русской Церкви, в котором содержался упрек в том, что священноначалие Русской Церкви умышленно затягивает положительное решение вопроса об автокефалии. Однако вскоре три архиерея Украинской Церкви епископы Черновицкий Онуфрий (Березовский), Тернопольский Сергей (Генсицкий) и Донецкий Алипий (Погребняк) дезавуировали свои подписи под обращением. На следующий день, 23 февраля, решением Синода Украинской Церкви они были смещены со своих кафедр и направлены в другие епархии. Решение Синода вызвало возмущение в пастве, находившейся в окормлении этих архиереев, и паства не выпустила их из своих епархий.

31 марта 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре открылся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, заседания которого продолжались до 5 апреля. Во вступительном слове Святейший Патриарх Алексей II сделал обзор программы Собора: канонизация новомучеников российских и святых родителей преподобного Сергия Радонежского, вопрос о статусе Украинской Церкви и о ситуации в церковной жизни на Украине, взаимоотношения Церкви и общества.

Архиерейский Собор по докладу председателя синодальной Комиссии

по канонизации святых митрополита Крутицкого Ювеналия принял деяния о канонизации преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского, о прославлении митрополита Киевского Владимира, митрополита Петроградского Вениамина и расстрелянных вместе с ним архимандрита Сергия (Шейна), Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова, а также преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. В деянии о канонизации новомучеников было сказано, что это только начало церковного прославления новомучеников и исповедников, пострадавших в годы революционной смуты и послереволюционного террора.

Архиерейский Собор обсудил ходатайство украинских архиереев о предоставлении Украинской Церкви автокефального статуса. В своем докладе на Соборе митрополит Филарет обосновывал необходимость предоставления Украинской Церкви автокефалии политическими событиями: распадом СССР и образованием независимого Украинского государства. Затем началась дискуссия, в которой участвовало большинство архиереев. На обсуждение вопроса о статусе Украинской Церкви не могли не повлиять многочисленные делегации верующих из разных епархий Украины, протестовавших против домогательств автокефалии. В ходе дискуссии слово брал и Святейший Патриарх. Большинство выступавших отвергло мысль об автокефалии, виновником церковного кризиса на Украине был назван митрополит Филарет. Архипастыри потребовали его ухода со своего поста. Митрополит Филарет выступил тогда с заявлением, которое не могло быть понято иначе как изъявление готовности оставить пост главы Украинской Церкви и подчиниться воле Архиерейского Собора, голосу большинства священнослужителей и мирян Украины. Несколько украинских епископов подошли к Патриарху и предупредили, что словам митрополита Филарета верить нельзя, что он обманет. Патриарх во время заседания сказал об этом митрополиту Филарету, на что были получены заверения и дано архиерейское слово исполнить обещанное. Патриарх высказал пожелание, чтобы митрополит Филарет еще раз сказал об этом Собору. Митрополит Филарет вторично заверил членов Собора, сказав: «Мы же христиане, и если мы говорим да, то да».

Однако, вернувшись в Киев, митрополит Филарет заявил, что он не намерен оставлять свой пост. В сложившейся ситуации Священный Синод поручил старейшему по хиротонии архипастырю Украинской Церкви митрополиту Харьковскому Никодиму (Руснаку) созвать Архиерейский Собор Украинской Церкви для того, чтобы принять отставку митрополита

Филарета и избрать нового предстоятеля Украинской Церкви. Получив извещение о постановлении Священного Синода, митрополит Филарет заявил, что он считает решение Синода «необоснованным и... недееспособным». 26 мая предстоятель кириархальной Церкви Святейший Патриарх Алексий II направил митрополиту Филарету телеграмму, в которой, взывая к его архипастырской и христианской совести, просил его во имя блага церковного подчиниться каноническому священноначалию. В тот же день митрополит Филарет собрал в Киеве своих сторонников на конференцию, которая отвергла постановление Священного Синода Русской Православной Церкви.

Архиерейский Собор, созванный в Харькове 27 мая митрополитом Никодимом в составе 17 архипастырей, но в отсутствие митрополита Филарета, не пожелавшего явиться на Собор, выразил недоверие митрополиту Филарету и уволил его с Киевской кафедры. За учинение раскольнических действий Собор в качестве предсудебной меры запретил митрополиту Филарету священнослужение впредь до окончательного решения по этому вопросу Архиерейского Собора кириархальной Церкви. После этого состоялось избрание нового предстоятеля Украинской Церкви тайным голосованием. Во втором туре главой Украинской Церкви был избран митрополит Ростовский Владимир (Сабодан).

Священный Синод Русской Церкви на заседании, состоявшемся 28 мая, выразил согласие с решением Архиерейского Собора Украинской Церкви и назначил на 11 июня созыв Архиерейского Собора Русской Православной Церкви для рассмотрения дела бывшего митрополита Киевского Филарета. Святейший Патриарх Алексий II в соответствии с определением «Об Украинской Православной Церкви», принятом Архиерейским Собором в октябре 1990 г., благословил новоизбранного митрополита Киевского на его служение в качестве главы Украинской Церкви.

11 июня 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся Архиерейский Собор под председательством Патриарха Алексия II, специально созванный для рассмотрения дела по обвинению митрополита Филарета в антицерковной деятельности. Вначале было заслушано заявление 16 епископов Украинской Церкви, которое давало подкрепленную ссылками на каноны характеристику раскольническим действиям митрополита Филарета, за которые он подлежал лишению сана на основании 15-го правила Двукратного Собора. Тщательно рассмотрев все обстоятельства дела по обвинению митрополита Киевского и епископа Почаевского Иакова в тяжких церковных преступлениях, Архиерейский

Собор в особом «Судебном деянии» постановил извергнуть митрополита Филарета (Денисенко) из сущего сана, лишив его всех степеней священства и всех прав, связанных с пребыванием в клире, считать все рукоположения в сан диакона, пресвитера и епископа, совершенные им в запрещенном состоянии, а также все прещения, наложенные им на клириков и мирян, незаконными и недействительными; извергнуть из сана епископа Почаевского Иакова (Панчука) за соучастие в антиканонических действиях бывшего митрополита Киевского, лишив его всех степеней священства.

Филарет и Иаков не подчинились решениям Архиерейского Собора кириархальной Церкви и вступили в переговоры с лжеепископами УАПЦ во главе с Антонием (Масендичем). Переговоры велись в Киеве под патронажем президента и правительства Украины и закончились 25 июня собранием запрещенных священнослужителей и впавших в раскол мирян, провозгласившим себя Всеукраинским православным собором. Этот лжесобор постановил объединить сторонников Филарета, отделившихся от канонической Украинской Православной Церкви, с УАПЦ и считать, что «Украинская православная церковь – Киевский патриархат является правопреемницей УПЦ и УАПЦ, всех договоров и соглашений, заключенных ими до нынешнего дня, и всех ее средств и имущества – движимого и недвижимого, включая храмы, монастыри, учебные заведения и другое. Все банковские счета УПЦ и УАПЦ становятся счетами Украинской православной церкви – Киевского патриархата. Собор заявляет, что главой Украинской Православной Церкви – Киевского патриархата считает патриарха Мстислава. В связи с неотложной необходимостью укрепления руководства Украинской православной церкви – Киевского патриархата, учитывая пребывание патриарха Мстислава за пределами Украины, а также его возраст – 94 года, что осложняет руководство церковью, ввести должность заместителя патриарха. Утвердить заместителем патриарха блаженнейшего Филарета, митрополита Киевского и всея Украины. Утвердить управляющим делами Киевской патриархии митрополита Переяславского и Всечеславского Антония».

Но вопреки расчетам объединителей, Мстислав, узнав о принятых за его спиной в Киеве решениях, дезавуировал их, предложив своему давнему противнику Филарету подчиниться своему церковному начальству и уйти на покой. Филаретовская группировка объявила решение Мстислава следствием невменяемости. Большинство раскольников Восточной и Южной Украины, а также Волыни пошли за Филаретом; раскольники

Галиции объединились вокруг лжеепископа Петра Петруся и бывшего львовского священника Владимира Яремы – их-то и признал своими продолжавший жить в Соединенных Штатах Мстислав.

В 1993 г. он умер, после чего филаретовцы избрали своим «патриархом» священника Василия Романюка, переименованного во Владимира, – украинского националиста, узника сталинских, потом брежневских лагерей и потому не имевшего репутации агента госбезопасности, которая твердо сложилась у Филарета, но зато тяжело больного алкоголика, совершенно не способного к административным делам, которые и продолжал вершить его заместитель, не уступивший своему «первоиерарху» даже резиденции, не говоря уж о праве распоряжаться банковскими счетами. Приверженцы Мстислава избрали другого «киевского патриарха» Владимира Ярему, ставшего Димитрием, для чего его пришлось на старости лет развести с престарелой женой и постричь. В 1994 г. филаретовскую группировку стали покидать лжеепископы и клирики: одни переходили к Димитрию (Яреме), другие, и их было большинство, в каноническую Церковь. В Московский Патриархат вернулся один из самых влиятельных лжеархиереев Антоний (Масендич). Принят он был в пресвитерской степени, но вскоре потом хиротонисан во епископа Барнаульского.

В 1992 г. в лоне Русской Православной Церкви возник еще один раскол, локальный по своим масштабам, но печально отразившийся на взаимоотношениях двух наиболее многочисленных Православных Церквей – Русской и Румынской. Учинителями новой схизмы явились викарный архиерей Молдавской епархии епископ Бельцкий Петр (Пэдерару) и протоиерей Петр Бубуруз, которые в силу своих политических пристрастий агитировали и интриговали, добиваясь перевода Молдавской епархии в юрисдикцию Румынской Патриархии. На состоявшихся в Кишиневе 8 сентября и 15 декабря 1992 г. съездах духовенства было выражено почти единогласное желание остаться в юрисдикции Московской Патриархии. Но епископ Петр и после этого не остановился в попытках внести раскол в церковную жизнь Молдавии. За непослушание своему правящему архиерею митрополиту Кишиневскому Владимиру и за неявку на заседание Священного Синода он был запрещен в священнослужении. И тогда 19 декабря 1992 г. он вместе с протоиереем Петром Бубурузом был принят без отпускной грамоты в юрисдикцию Румынской Церкви. Вслед за тем Румынская Патриархия объявила о включении Молдавской епархии в состав своей Церкви, чем поставила под угрозу сохранение евхаристического общения с Русской Церковью.

Одно из важнейших событий церковной жизни 1992 г. – празднование 600-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского; по существу, весь этот год прошел под сенью юбилея святого Сергия. 1992 г. был объявлен ЮНЕСКО годом преподобного Сергия Радонежского. Празднование началось с конференции на Вологодской земле, в монастыре, где подвизался ученик игумена Русской земли преподобный Димитрий Прилуцкий, затем научно-богословские конференции состоялись в Москве, Нижнем Новгороде и других российских городах. В программу юбилейных торжеств входили выставки, концерты духовной музыки и заключительное собрание 15 января 1993 г. После 1917 г. впервые церковный юбилей праздновался так всенародно, и это явилось свидетельством того, что русский народ, который в течение многих десятилетий стремились оторвать от его святынь, остался народом православным, сохранил сознание своего духовного преемства с сонмом единокровных ему святых, своей сопричастности святой Руси.

В конце сентября и начале октября 1993 г. Российское государство пережило один из самых трагических кризисов в своей новейшей истории – противостояние исполнительной и законодательной властей, в результате которого пролилась человеческая кровь, прекратил существование Верховный Совет, была принята новая конституция, проведены выборы в 5 Государственную думу и Совет Федерации. Узнав о событиях в Москве, Святейший Патриарх Алексий II, находившийся тогда на праздновании 200-летия православия в Америке, срочно прервал визит и вернулся на родину. В Даниловом монастыре при посредничестве священноначалия Русской Церкви состоялись переговоры представителей противоборствующих сторон, которые, однако, не привели к соглашению. Большинство православного духовенства в эти трагические дни было свободно от политических страстей и молилось о том, чтобы происшедшее кровопролитие не столкнуло Россию в бездну полномасштабной гражданской войны, но часть священнослужителей, не имея на то благословения от высшей церковной власти, своими публичными выступлениями активно поддерживала ту или другую из противоборствующих сторон, тем самым вступив на неподобающий священнослужителям путь политической борьбы.

В октябре 1993 г. Священный Синод принял постановление, запрещавшее священнослужителям баллотироваться в депутаты Государственной думы и Совета Федерации. Не подчинившийся этому решению священник Глеб Якунин, ввиду явного и демонстративного неповиновения святым канонам, воспевающим клирикам участвовать в

делах «народного управления», и своему священноначалию, был лишен сана и вскоре принят в юрисдикцию бывшего митрополита Филарета, которому в свое время он досаждал обвинениями в сотрудничестве с КГБ.

29 ноября 1994 г. в Даниловом монастыре открылся очередной Архиерейский Собор, деяния которого продолжались до 2 декабря. В первый день соборных заседаний Святейшим Патриархом Алексием II был зачитан отчетный доклад, в котором нашли отражение важнейшие события церковной жизни за два с половиной года, прошедших после предыдущего Архиерейского Собора: возобновление регулярных богослужений в кремлевских храмах и соборе Василия Блаженного, освящение восстановленного Казанского собора на Красной площади, начало восстановления храма Христа Спасителя, всенародное празднование 600-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского.

С отчетными докладами на Соборе выступили также исполняющий обязанности председателя Учебного комитета епископ Верейский Евгений (Решетников), председатель отдела религиозного образования и катехизации игумен Иоанн (Экономцев). Председатель Богословской комиссии при Священном Синоде митрополит Минский Филарет зачитал два доклада: один «Об отношении Русской Православной Церкви к межхристианскому сотрудничеству в поисках единства» и другой – отчет о деятельности синодальной Богословской комиссии, созданной 27 декабря 1993 г. и ставшей преемницей Комиссии Священного Синода по христианскому единству.

Одним из важных деяний Архиерейского Собора явилось прославление митрополита Московского Филарета (Дроздова) и священномучеников протопресвитера Александра Хотовицкого, погибшего в 1937 г., и протоиерея Иоанна Кочурова, убитого вскоре после октябрьского переворота. Доклад о прославлении новых угодников Божиих сделал председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

Архиерейский Собор принял определения по темам, которые ставились в докладе Святейшего Патриарха Алексия II и других докладах, в том числе «О вопросах внутренней и внешней деятельности Церкви», «О православной миссии в современном мире», «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и неооккультизме», «Об отношении Русской Православной Церкви к межхристианскому сотрудничеству в поисках единства». Было также принято определение «Об установлении особого ежегодного поминовения усопших в День Победы 9 мая (26 апреля)».

Архиерейский Собор издал обращение в связи с началом воссоздания храма Христа Спасителя.

После Архиерейского Собора 1994 г. были образованы новые отделы Московской Патриархии: Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями во главе с епископом Красногорским Саввой (Волковым) и Миссионерский отдел, председателем которого Синод назначил епископа Белгородского Иоанна (Попова). В октябре 1996 г. управляющим делами Московской Патриархии был назначен архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин), при этом за ним осталось руководство Отделом церковной благотворительности.

О трудностях и недостатках приходской жизни, о задачах духовенства, как неизменных и вечных, не зависящих от обстоятельств времени, так и диктуемых злобой дня, неотступно напоминает Святейший Патриарх Алексей II в своих традиционных выступлениях на московских епархиальных собраниях, созываемых в конце каждого года. Так, в слове на епархиальном собрании в декабре 1995 г. Патриарх Московский и всея Руси с особой озабоченностью говорил о том, что некоторые клирики не дорожат церковными традициями: «Это приводит к вольным или невольным искажениям всей церковной жизни... Некоторые в последнее время активно пытаются внедрить на приходах религиозно-демократический плюрализм... Правомерно и справедливо говорить о религиозном плюрализме в государстве, но не внутри Церкви. В Церкви не демократический плюрализм, а благодатная соборность и свобода чад Божиих в рамках закона и святых канонов, которые не стесняют доброй чистоты свободы, но ставят преграду греху и чуждым Церкви элементам».

18 февраля 1997 г. кратким выступлением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II открылся очередной Архиерейский Собор. Первый день соборных заседаний был посвящен докладу первосвященителя. Святейший Патриарх доложил о трудах предстоятеля Русской Церкви и Священного Синода, о положении епархий, монастырей и приходов. Касаясь миссионерского служения в Церкви, докладчик особо отметил работу по организации миссии среди молодежи. В разделе доклада, посвященном церковной благотворительности, было сказано: «По официальным статистическим данным, в России от одной четверти до одной трети населения живет за чертой бедности... Очевидно, что Русская Православная Церковь... должна... стать полноправным субъектом той социальной политики, которая смогла бы изменить нынешнюю драматическую ситуацию».

В части доклада, посвященной межправославным связям, Святейший

Патриарх особо остановился на характеристике сложных взаимоотношений с Константинопольским Патриархатом, явившихся следствием вмешательства Константинополя в церковную жизнь Эстонии, захвата нескольких эстонских приходов и распространения своей юрисдикции на Эстонию. «Мы были вынуждены пойти на крайнюю меру – сказал Святейший Патриарх, – приостановить евхаристическое и каноническое общение Русской Православной Церкви с Константинопольским Патриархатом, а также поименование имени Патриарха Константинопольского за патриаршим богослужением в Русской Православной Церкви... В марте – апреле 1996 г. состоялось несколько консультаций между представителями Константинопольского и Московского Патриархатов по выходу из сложившейся кризисной ситуации. 16 мая 1996 г. совместным решением Священных Синодов двух Патриархатов стороны договорились о восстановлении канонических отношений при условии четырехмесячного моратория на исполнение решения Константинополя об учреждении его юрисдикции на территории Эстонии и снятия Московским Патриархатом канонических прещений с клириков, самовольно перешедших в константинопольскую юрисдикцию. Общение между двумя Церквями было восстановлено».

Говоря о положении на Украине, Святейший Патриарх отметил, что, несмотря на все усилия раскольников, поддержанных в некоторых местах властью и прессой, украинская паства отвергла новый соблазн раскола, который не получил заметного распространения.

В докладе Святейшего нашла выражение реакция духовенства и церковного народа на клеветнические публикации ряда газет, посвященные церковной жизни: «Спорить с ними просто бесполезно... Мы не забываем о призыве апостола Павла, обращенном к каждому христианину: «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников» (2Тим. 2:23–25)».

19 февраля на Архиерейском Соборе выступили с докладами митрополиты Крутицкий Ювеналий, Минский Филарет и епископ Верейский Евгений. Председатель Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополит Ювеналий доложил Собору о работе по изучению жизни подвижников веры, проделанной комиссией в межсоборный период. Главным в деятельности комиссии, по словам ее председателя, оставался вопрос, связанный с изучением материалов о жизни и мученической кончине царской семьи. По докладу митрополита

Ювеналия Архиерейский Собор причислил к лику священномучеников патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра, митрополита Серафима (Чичагова), архиепископа Фаддея (Успенского). Вопрос о канонизации царской семьи Архиерейский Собор постановил передать для решения Поместному Собору.

Затем с докладом выступил председатель Богословской комиссии митрополит Минский Филарет. По вопросу об участии Русской Церкви в ВСЦ были сделаны следующие выводы: необходимо вынести на межправославное обсуждение весь комплекс вопросов, связанных с участием представителей Православных Церквей в контактах с инославным миром и в работе в международных христианских организациях.

Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного комитета и ректора Московских духовных школ епископа Верейского Евгения был посвящен проблемам богословского образования. Им были обозначены такие проблемы, как нехватка преподавательских кадров, снижение числа рукоположений среди выпускников семинарий и финансовые трудности. Епископ Евгений доложил Собору о ходе работ над концепцией богословского образования, которую Архиерейский Собор 1994 г. постановил осуществить к 2000 г.

Митрополиты Харьковский Никодим и Одесский Агафангел, а также епископ Львовский Августин подняли на Соборе вопрос об отлучении от Церкви лишеного сана и кощунственно называющего себя «патриархом» монаха Филарета. И Собор отлучил его от Церкви через анафематствование, предупредив об отлучении в случае нераскаяния монахов Иакова (Панчука) и Андрея (Горака), ранее изверженных из епископского сана. В особом акте Собор отлучил от Церкви и Г. П. Якунина, который «не внял обращенному к нему призыву к покаянию и прекращению бесчинств, продолжал кощунственно носить священнические одежды, вступил в общение с раскольническим образованием лишеного всех степеней священства монаха Филарета (Денисенко)... продолжает возводить хулы на епископат, духовенство и верных чад Матери-Церкви, тем нанося ей ущерб».

Архиерейский Собор 1997 г. явился свидетельством единения епископов Русской Православной Церкви, совершающих свое служение в разных государствах и регионах, вокруг первосвятителя, а за этим единением архипастырей стоит единство церковного народа в обществе, раздираемом противоречиями и враждой. 20 февраля участники Архиерейского Собора совершили паломничество к святыням Москвы,

посетили кремлевские соборы. В Успенском соборе Кремля совершилось знаменательное событие – предстоятель Русской Православной Церкви впервые после патриарха Адриана взошел на патриаршее место, которое без малого триста лет оставалось пусто.

В 1997 г. был издан новый ныне действующий закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», вызвавший острую дискуссию в печати и поддержанный священноначалием Русской Православной Церкви, православным духовенством и церковным народом. В этом документе в основном повторяются нормы предыдущего закона, но содержится также отсутствующее в законе от 1990 г. положение, которым признается особая роль Православной Церкви в истории России.

В феврале 1999 г. Русская Церковь и общественность России праздновали 70-летие Патриарха Алексия II. Юбилейные торжества стали крупным событием в жизни страны. Поздравить первосвятителя в Большой театр, где отмечался юбилей, пришли архипастыри и пастыри, видные государственные и политические деятели разных направлений и партий, выдающиеся ученые, писатели, художники, артисты. В юбилейные дни с особенной очевидностью обнаружилось, что в Святейшем Патриархе общество видит духовного лидера России.

4. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 г.

В год празднования 2000-летия Рождества Христова 13–16 августа в зале церковных Соборов храма Христа Спасителя состоялся Юбилейный Архиерейский Собор. В соборных деяниях приняло участие 144 архипастыря, отсутствовал 21 архиерей Русской Православной Церкви, в числе которых пятеро пребывали тогда на покое. Собор открыл после совершения Божественной литургии в Успенском соборе Московского Кремля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Архиерейский Собор в начале своих деяний утвердил программу и регламент заседаний. Президиум Собора в соответствии с «Уставом об управлении Русской Православной Церкви» составил Священный Синод. Собор избрал секретариат из четырех архиереев во главе с секретарем Собора – митрополитом Солнечногорским Сергием (Фоминым), управляющим делами Московской Патриархии, редакционную комиссию из 11 иерархов под председательством митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, а также Мандатную комиссию из трех архиереев под председательством митрополита Одесского и Измаильского Агафангела (Саввина).

В первый день соборных деяний, 13 августа, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II огласил доклад «Русская Православная Церковь на рубеже веков». Вначале доклада первосвятитель охарактеризовал духовное состояние человечества на рубеже тысячелетий. Юбилей, по его словам, напоминает об эсхатологическом измерении истории, но, видя бушующее вокруг море греха, христианин не должен отчаиваться, дело Церкви – насколько возможно удерживать мир от падения в бездну. В связи с этим Святейший Патриарх, напомнив слова Спасителя о том, что мир во зле лежит, и сказав, что отделение современного человека от Бога носит угрожающий характер, закончил мысль напоминанием о том, что никто не в состоянии отнять у Церкви ее конечной победы над злом мира сего.

В докладе Святейшего Патриарха дана обстоятельная характеристика состояния Русской Церкви на исходе второго тысячелетия, приведены характеризующие его основные статистические сведения: так, число приходо́в ко времени открытия Собора составило 19 417, число монастырей – 545. Это количество особенно впечатляет, если учесть, что в 1988 г. Русская Церковь имела только 21 обитель. В докладе первосвятителя подробно освещены и такие стороны церковной деятельности, как высшее и епархиальное церковное управление, проблемы приходской жизни, монастыри и монашество, состояние духовных школ и всей системы религиозного образования, положение церковного бюджета и хозяйственная деятельность Русской Церкви, церковная печать, церковное служение молодежи, церковная благотворительность и весь комплекс проблем, связанных с социальным служением Церкви, миссионерство, а также вопросы взаимоотношений Русской Церкви с армией и правоохранительными учреждениями. Значительное место в докладе Святейшего Патриарха уделено внешней деятельности Русской Церкви, ее взаимоотношениям с другими поместными Православными и инославными Церквями и с иноверными религиозными общинами. В заключительном разделе предстоятель Русской Церкви дал оценку церковным взаимоотношениям с государствами и обществом в России, странах СНГ и Балтии, контактам с политическими организациями на канонической территории Русской Церкви и со средствами массовой информации.

Свой доклад Святейший Патриарх Алексей II завершил представлением тех задач, которые должен был решить Собор: оценить состояние жизни и деятельности Русской Церкви на рубеже тысячелетий и составить соответствующее определение, совершить канонизацию Собора

святых мучеников и исповедников и иных угодников Божиих, обсудить и принять новую редакцию «Устава Русской Православной Церкви», рассмотреть проект «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», обсудить проект документа об основных принципах отношений Русской Церкви с инославными Церквами и принять по нему решение.

На следующий день, 14 августа, участники Собора обсудили доклад Святейшего Патриарха. Особое внимание в ходе соборной дискуссии было уделено состоянию церковной жизни на Украине, омраченной расколами, а также вопросу о статусе Украинской Православной Церкви и соответствующим аспектам межправославных, православно-католических и церковно-государственных отношений. По этой теме выступили архиепископ Львовский Августин (Маркевич), причем его речь носила остро проблемный характер, а также митрополит Одесский Агафангел, епископ Тульчинский Ипполит (Хилько), архиепископ Винницкий Макарий (Свистун), епископ Каменец-Подольский Феодор (Гаюн), архиепископ Черкасский Софроний (Дмитрук), епископ Белоцерковский Серафим (Зализницкий) и другие архипастыри, представлявшие Украинскую Православную Церковь. Неоднократно по ходу дискуссии брал слово Святейший Патриарх Алексей II, комментируя выступления участников дискуссии.

С особой озабоченностью обсуждалось на Соборе и положение Православной Церкви в Эстонии, подвергаемой дискриминации со стороны правительства Эстонии. Этой теме посвятил свою речь архиепископ Таллинский и всей Эстонии Корнилий (Якобс). В дискуссии прозвучал призыв к признанию правительством Эстонии Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата субъектом права, который не прервал своего существования в 1940 г., но неизменно продолжал действовать на территории Эстонии, приспособившая свою структуру к обстоятельствам времени.

Среди других тем, поднимавшихся при обсуждении доклада первосвященника, были пастырская и духовническая практика, богословское образование, монашеская жизнь, отношение к межхристианским связям, ряд вопросов церковного устройства и управления.

На соборном заседании 14 августа председателем синодальной Комиссии по канонизации святых митрополитом Крутицким Ювеналием были представлены доклад и материалы к прославлению российских новых мучеников и исповедников 20 в. и других подвижников веры и благочестия. Доклад митрополита Ювеналия состоял из трех частей, в первой речь шла о соборном прославлении новых мучеников и

исповедников для общероссийского почитания, причем в Собор новомучеников предлагалось внести также имена ранее местно прославленных подвижников, вторая часть доклада была посвящена теме, вызывавшей в течение многих лет особо пристальный интерес как церковного народа, так и широких кругов общественности – прославлению императора Николая II и других царственных мучеников, и третья часть – канонизации других святых, подвизавшихся в разные исторические эпохи.

В состоявшейся затем дискуссии в центре внимания оказался вопрос о канонизации императора и членов его семьи. Выступившие на Соборе архиереи высоко оценили представленный доклад. Мысль о прославлении царственных мучеников поддержали митрополиты Ставропольский Гедеон (Докукин), Челябинский Иов (Тывонюк), Рязанский Симон (Новиков), архиепископы Львовский Августин, Астанайский Алексей (Кутепов), Псковский Евсевий (Саввин). Сомнение в церковной пользе такого акта выразил только архиепископ Брюссельский Симон (Ишунин), который сказал, что вопрос о прославлении императора Николая II не объединяет, но разделяет его бельгийскую паству.

После обстоятельной дискуссии Собор единогласно принял решение прославить для общего церковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских 20 в. К Собору причислен и ряд ранее местночтимых святых мучеников и исповедников, общим числом более 1200. В результате этой соборной канонизации сонм новопрославленных русских святых по меньшей мере втроекратно превзошел число русских святых, канонизированных ранее за всю историю Русской Церкви, что сделало Архиерейский Юбилейный Собор 2000 г. беспримерным событием в истории Церкви.

Архиерейским Собором в сонме новомучеников и исповедников Российских были прославлены как страстотерпцы император Николай II, императрица Александра, царевич Алексей, великие княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия, бессудно убиенные в Екатеринбурге 4 (17) июля 1918 г. Архиерейским Собором было также канонизировано еще 57 святых, послуживших Богу и Церкви в разные исторические периоды.

Вслед за принятием деяния о канонизации святых Собор заслушал доклад председателя синодальной Богословской комиссии митрополита Минского Филарета, посвященный деятельности возглавляемой им комиссии и ряду обсуждавшихся ей тем, в частности состоянию богословской мысли Русской Православной Церкви и ее взаимоотношениям с инославием. После краткой дискуссии по докладу, в котором приняли участие архиепископы Львовский Августин,

Белоцерковский Серафим, епископ Тираспольский Юстиниан (Овчинников) и некоторые другие архипастыри, Собор одобрил предложенный проект документа «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию», в котором, с одной стороны, Православная Церковь характеризуется как единственная из конфессий, тождественная Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви Символа веры, а с другой – признается относительная церковность и инославных Церквей, насколько они сохранили наследие Древней Церкви.

15 августа в первой половине дня Архиерейскому Собору был представлен доклад митрополита Смоленского Кирилла, председателя синодальной рабочей группы по выработке проекта «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Касаясь в своем докладе подготовки проекта представленного документа, митрополит Кирилл сказал, что в рабочую группу были включены носители разных политических убеждений, но одинаково преданные Церкви специалисты в различных областях знания, и при формулировании положений документа, выражающих церковный взгляд на такие реальности, как государство, нация, политика, культура, наука, семья, проблемы биоэтики, экологии, рабочая группа исходила не из мнений отдельных своих участников, но стремилась опираться на те истины, которые содержатся в Священном Писании, творениях святых отцов и церковном Предании.

После обстоятельной дискуссии, в которой, в частности, участвовали митрополит Челябинский Иов, архиепископы Винницкий Макарий, Львовский Августин, Белгородский Иоанн (Попов), Таллинский Корнилий, Тверской Виктор (Олейник), Аргентинский Платон (Удовенко), епископы Тираспольский Юстиниан, Вологодский Максимилиан (Лазаренко), отцы Собора постановили одобрить «Основы социальной концепции». Принятый документ явился явлением уникальным в истории Православной Церкви. Ни одна другая поместная Церковь не имеет подобного документа, в котором бы так целостно и полно была выражена принципиальная позиция Церкви по общественным проблемам.

Во второй половине дня вниманию участников Собора были представлены на обсуждение доклады руководителей синодальных учреждений Московского Патриархата, посвященные их деятельности в межсоборный период. За каждым докладом следовала дискуссия, в которой принял участие ряд архипастырей. С докладом о миссионерском служении Русской Православной Церкви выступил архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, председатель синодального Миссионерского отдела. В своем докладе архиепископ Иоанн говорил, в

частности, о религиозно-просветительских изданиях на разных языках народов России, осуществленных возглавляемым им отделом, об организованных отделом миссионерских поездках, которых в 1999 г. состоялось 93.

Вопросам социального служения и благотворительности был посвящен доклад митрополита Солнечногорского Сергия. Митрополит Сергий в самом начале доклада сделал особый акцент на расслоении российского общества на богатых и бедных, в связи с чем социальное служение Церкви приобрело особую актуальность. В заключение доклада митрополит Сергий сказал: «Пока созданный Творцом мир существует, будет существовать и потребность в защите немощных, помощи страждущим, спасении погибающих. Социальное служение всегда было и останется делом сугубо личным и вместе с тем общим для добрых людей разных культур и вероисповеданий».

О служении Русской Православной Церкви в области религиозного образования и катехизации Собору доложил председатель соответствующего синодального отдела игумен Иоанн (Экономцев), который, в частности, сказал о введении с 2000 г. в светских высших школах государственного стандарта по направлению «теология». Председатель Всецерковного православного молодежного движения архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев) предложил в своем докладе преобразовать руководящий орган возглавляемого им движения в синодальный отдел по молодежному служению. Издательской деятельности Московского Патриархата был посвящен доклад председателя Издательского совета архиепископа Бронницкого Тихона (Емельянова). «Русской Православной Церкви – сказал, в частности, докладчик, – нужны свои пресса, радио, телевидение». Проблемы духовного образования в Русской Православной Церкви были рассмотрены в докладе председателя Учебного комитета архиепископа Вереяского Евгения (Решетникова). Взаимодействие Церкви с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями стало темой доклада председателя Отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями епископа Красногорского Саввы (Волкова), который акцентировал внимание на возрождении опыта служения дореволюционного военного и тюремного духовенства.

На утреннем заседании 16 августа Архиерейский Собор заслушал и подверг детальному обсуждению доклад председателя ОВЦС митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о деятельности возглавляемого им отдела в межсоборный период. Доклад был посвящен состоянию

церковной диаспоры, межправославным, межхристианским, церковно-государственным и церковно-общественным отношениям, а также некоторым другим вопросам.

Основными темами дискуссии стали межхристианские отношения и церковная ситуация на Украине. В состоявшейся затем обстоятельной дискуссии среди прочих приняли участие митрополит Челябинский Иов, архиепископы Донецкий Иларион (Шукало), Клинский Лонгин (Тальпин), Таллинский Корнилий, Астанайский Алексей, Самарский Сергей (Полеткин), епископы Мурманский Симон (Гетя), Петропавловский Игнатий (Пологрудов), Полоцкий Феодосий (Бильченко), Житомирский Гурий (Кузьменко). Епископ Владивостокский Вениамин (Пушкарь) в своем выступлении подверг резкой критике деятельность ОВЦС, назвав при этом экуменизм «всеересью», что вызвало возражения со стороны докладчика, а также ряда других выступивших в ходе дискуссии архипастырей, в том числе митрополита Волгоградского Германа (Тимофеева) и епископа Астраханского Ионы (Карпухина).

В выступлениях, посвященных церковной ситуации на Украине, содержались предложения об изменении статуса Украинской Церкви, причем разного характера: епископ Тульчинский Ипполит высказался за возвращение ей прежнего статуса экзархата, а архиепископ Черкасский Софроний – за предоставление Украинской Церкви полной автономии. По вопросу о статусе Украинской Церкви выступил также в завершение дискуссии ее предстоятель блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан), который отверг крайние предложения как о возвращении к статусу экзархата, так и о полной автономии.

Затем митрополит Смоленский Кирилл выступил с еще одним докладом, в котором представил проект новой редакции «Устава Русской Православной Церкви». После детального и остродискуссионного рассмотрения каждого раздела Устава, в котором участвовали, в частности, митрополиты Киевский Владимир и Крутицкий Ювеналий, архиепископы Калужский Климент (Капалин) и архиепископ Верейский Евгений, епископ Тираспольский Юстиниан, Устав был принят Собором с рядом поправок, предложенных в ходе дискуссии.

Издание нового Устава было вызвано в первую очередь тем, что после политических перемен начала 1990-х гг. Русская Православная Церковь оказалась в радикально иных правовых условиях, чем прежде: она обрела свободу и одновременно ее каноническая территория вследствие распада СССР оказалась в пределах не одного, но нескольких государств. Имело значение и то обстоятельство, что церковная жизнь 1990-х гг. обнаружила,

что некоторые положения прежнего Устава либо не целесообразны практически, либо требовали модификации по принципиальным соображениям канонического характера. Изменено само название Устава. Ранее это был «Устав об управлении...», а новый акт именуется просто «Уставом Русской Православной Церкви». Но основные положения и большая часть формулировок Устава 2000 г. совпадают с положениями и текстом предыдущего Устава. До известной степени его можно рассматривать поэтому не как совершенно новый документ, но как новую редакцию прежнего Устава.

Главные новации Устава 2000 г. заключаются в перераспределении компетенции Поместного и Архиерейского Соборов в сторону расширения полномочий канонически важнейшего органа церковного управления – Архиерейского Собора, в этом контексте в новом Уставе уже не предусматривается периодичность в созыве Поместных Соборов, декларированная Уставом 1988 г., но, ввиду реальных потребностей и условий церковной жизни, оказавшаяся нереализованной.

Поместному Собору Устав предоставил власть истолковывать учение Православной Церкви на основе Священного Писания и Священного Предания при сохранении вероучительного и канонического единства с поместными Православными Церквами; решать канонические, богослужебные, пастырские вопросы, обеспечивая единство Русской Православной Церкви, хранить чистоту православной веры, христианской нравственности и благочестия; утверждать, изменять, отменять и разъяснять свои постановления, касающиеся церковной жизни, утверждать постановления Архиерейского Собора, относящиеся к вероучению и каноническому устройству. Поместный Собор также канонизирует святых; избирает патриарха Московского и всея Руси и устанавливает процедуру такого избрания; определяет и корректирует принципы отношений между Церковью и государством; выражает в необходимых случаях озабоченность проблемами современности.

«Все архиереи – члены Собора составляют Архиерейское совещание. Совещание созывается председателем Собора по его инициативе, по решению совета Собора или по предложению не менее 1/3 архиереев. В задачу совещания входит обсуждение тех постановлений Собора, которые имеют особую важность и которые вызывают сомнение с точки зрения соответствия Священному Писанию, Священному Преданию, догматам и канонам, а также поддержания церковного мира и единства. Если какое-либо решение Собора или его часть отвергаются большинством присутствующих архиереев, то оно выносится на повторное соборное

рассмотрение. Если же и после этого большинство присутствующих на Соборе иерархов его отвергнут, то оно теряет силу соборного определения». Подобное положение в Уставе 1988 г. отличалось тем, что давало аналогичную власть Архиерейскому совещанию лишь в случае голосования за отмену принятого полным составом Собора решения квалифицированным большинством в две трети голосов, а не простым большинством. В результате этой новации епископат приобрел контроль за ходом дел, рассматриваемых Поместным Собором.

В новом Уставе изменена периодичность созыва Архиерейских Соборов: ранее предусматривался 2-летний межсоборный период, новый Устав вводит 4-летний период между Архиерейскими Соборами. Изменения внесены и в положение Устава относительно состава Архиерейского Собора. Его членами являются епархиальные архиереи, а также те викарные епископы, которые возглавляют синодальные учреждения и духовные академии (в прежней редакции – любые духовные школы). Изменение, несомненно, мотивировано многократным увеличением числа духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. Кроме того, в состав Архиерейского Собора входят также викарные архиереи, имеющие каноническую юрисдикцию над подведомственными им приходами. Иные викарные епископы могут, согласно Уставу, участвовать в заседаниях Архиерейского Собора без права решающего голоса.

Устав вменяет в обязанность Архиерейского Собора хранение чистоты и неповрежденности православного вероучения и норм христианской нравственности, принятие Устава Русской Православной Церкви и внесение в него изменений и дополнений, хранение догматического и канонического единства Русской Православной Церкви, решение принципиальных богословских, канонических, богослужебных и пастырских вопросов, канонизацию святых и утверждение богослужебных чинопоследований, толкование канонов и иных церковных законоположений, выражение пастырской озабоченности проблемами современности, вопросы, связанные с взаимоотношениями Русской Церкви с государственными органами и с поместными Православными Церквями, создание, реорганизацию и ликвидацию самоуправляемых Церквей, экзархатов, епархий, а также синодальных учреждений, утверждение порядка владения, пользования и распоряжения церковным имуществом, решение вопросов, связанных с созывом Поместного Собора, в том числе и по процедуре избрания патриарха Московского и всея Руси, наблюдение за претворением в жизнь решений Поместного Собора,

суждение о деятельности Священного Синода и синодальных учреждений, установление процедуры всех церковных судов, утверждение новых общецерковных наград.

Изменился и состав Синода: в число постоянных членов Синода был дополнительно включен митрополит Кишиневский, а число временных членов соответственно сокращено с шести до пяти.

Затем Устав предусматривает существенную реформу в сфере церковного суда: положения, регламентирующие судоустройство и распределение компетенции разных инстанций церковного суда выделены в новом Уставе в отдельную главу. Устав устанавливает три инстанции церковного суда и впервые в истории Русской Церкви действительно вводит отдельные церковные судебные учреждения, о которых в некоторых определениях Собора 1917–1918 гг. есть только упоминания. Церковно-судебными инстанциями Устав называет епархиальные суды, имеющие юрисдикцию в пределах своих епархий, общецерковный суд с юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви, и в качестве органа высшей судебной власти – суд Архиерейского Собора с юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви. В соответствии с Уставом 2000 г., Поместный Собор утратил судебные функции. В состав Поместного Собора, помимо епископов, входят также клирики и миряне. Поскольку, однако, нет канонов, которые бы наделяли судебной властью в Церкви персонально или коллегиально клириков и мирян, упразднение судебной компетенции Поместного Собора представляется канонически правомерным актом.

Епархиальный суд, являясь судом первой инстанции, состоит из судей, которые епархиальным архиереем наделяются полномочиями осуществлять правосудие во вверенной ему епархии. Председатель епархиального суда может быть либо викарным архиереем, либо пресвитером, членами суда должны быть лица в пресвитерском сане. Председатель епархиального суда назначается правящим архиереем сроком на три года. Епархиальное собрание избирает, по представлению правящего архиерея, не менее двух членов епархиального суда. Церковное судопроизводство может осуществляться в судебном заседании епархиального суда при участии непременно председателя и как минимум двух членов суда. Постановления суда подлежат исполнению только после их утверждения епархиальным архиереем, чем обеспечивается сохранение канонической полноты судебной власти епископа. «В случае несогласия епархиального архиерея с решением епархиального суда он действует по своему усмотрению. Его решение входит в силу немедленно, но дело

передается в общецерковный суд, который и принимает окончательное постановление».

Общецерковный суд, являясь судом второй инстанции, состоит из председателя и не менее четырех членов в архиерейском сане, которые избираются Архиерейским Собором сроком на четыре года. Досрочный отзыв председателя или члена общецерковного суда осуществляется решением патриарха и Синода с последующим утверждением Архиерейским Собором. «Право назначать временно исполняющего обязанности председателя или члена общецерковного суда в случае образовавшейся вакансии принадлежит патриарху Московскому и всея Руси и Священному Синоду». Постановления общецерковного суда подлежат исполнению после их утверждения патриархом и Синодом. В случае несогласия патриарха и Синода с решением общецерковного суда в силу вступает решение по данному делу патриарха и Синода. «В таком случае для окончательного решения дело может быть передано на суд Архиерейского Собора». Общецерковный суд осуществляет судебный надзор за деятельностью епархиальных судов.

Архиерейский Собор 2000 г. отложил образование общецерковного суда до очередного Архиерейского Собора, тем самым сохранив его уставные полномочия до тех пор за судом Синода.

Ныне действующий Устав устанавливает различный статус для Церквей, имеющих разный уровень самостоятельности по отношению к кириархальной – Русской Церкви. Согласно ныне действующему Уставу, «Украинская Православная Церковь является самоуправляемой справами широкой автономии». При этом она руководствуется в своей жизни и внутреннем управлении «Томосом патриарха Московского и всея Руси 1990 г. и Уставом Украинской Православной Церкви, который утверждает ее предстоятелем и одобряется патриархом Московским и всея Руси». Статусом самоуправляемых Церквей в составе Московского Патриархата в настоящее время пользуются Латвийская Православная Церковь, Православная Церковь Молдовы и Эстонская Православная Церковь. В настоящее время в состав Русской Православной Церкви входит единственный экзархат – Белорусский, который находится на территории Белоруссии. «Белорусская Православная Церковь» – другое официальное наименование Белорусского экзархата.

В новом Уставе положения, регламентирующие порядок распоряжения церковным имуществом, сформулированы с учетом ныне действующего гражданского законодательства. В 1988 г., когда принималась предыдущая редакция Устава, еще только решался вопрос о

признании за церковными учреждениями прав юридических лиц.

В последней главе Устава констатируется, что «с момента принятия настоящего Устава утрачивает силу Устав об управлении Русской Православной Церкви, принятый Поместным Собором 8 июня 1988 г.». Право внесения поправок к Уставу предоставляется здесь Архиерейскому Собору. Ранее такой компетенцией обладал Поместный Собор. Поэтому, чтобы не войти в противоречие с положениями прежнего Устава, Архиерейский Собор 2000 г., по предложению митрополита Крутицкого Ювеналия, внес в определение положение о том, что настоящий Устав будет рассматриваться и утверждаться на следующем Поместном Соборе, после чего эта важнейшая законодательная функция – принятие Устава и внесение в него изменений окончательно станет исключительной компетенцией Архиерейского Собора.

После принятия Устава Собор принял «Послание боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви», «Определение об Украинской Православной Церкви», в котором устанавливается ее статус самоуправляемой Церкви с широкой автономией, «Определение о положении Православной Церкви в Эстонии» и «Определение о вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви». Участники Собора направили президенту Российской Федерации В. В. Путину письмо, в котором был поставлен вопрос о возврате церковной собственности.

Работа Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви завершилась вечером 16 августа. Выступая при закрытии Собора, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, в частности, сказал: «Собор подвел итог церковной жизни за три года, истекших со времени последнего Архиерейского Собора. Нашей работе благоприятствовала атмосфера храма Христа Спасителя, под сводами и в стенах которого проходили дискуссии и принимались решения. Каждого благодарю за вклад в общую дискуссию, а также за единомыслие и единоподушие, ибо нами руководило стремление ко благу Святой Православной Церкви».

После завершения соборных деяний, 18 августа, в Зале церковных Соборов храма Христа Спасителя состоялся торжественный акт, посвященный 2000-летию Рождества Христова в составе участников Собора, духовенства и мирян Москвы, высоких гостей, представлявших поместные Православные Церкви, в том числе католикоса-патриарха всей Грузии Илии II, патриарха Румынского Феофана, патриарха Болгарского Максима. С докладом на этом акте выступил Святейший Патриарх

Московский и всея Руси Алексей II. Характеризуя в начале доклада состояние Русской Церкви на исходе второго тысячелетия христианской истории, предстоятель Русской Церкви сказал: «Духовное возрождение, переживаемое нашим народом, очевидно для всех. Русская Церковь сумела восстановить тысячи разрушенных и оскверненных храмов, возродить систему общедоступного православного образования, развернуть программу социального служения, занять подобающее ей место в системе общественных отношений. Но главное совершающееся на наших глазах чудо Божие состоит в обретении веры и обращении ко Христу Спасителю миллионов наших соотечественников, духовную память о которых оказались бессильны помрачить все усилия воинствующего государственного атеизма... Покинув социальное гетто и вновь став мощной созидательной и объединяющей духовной силой в обществе, русское православие возвращает себе то место в народной жизни, которое на протяжении тысячелетия отечественной истории принадлежало ему по праву».

20 августа состоялась канонизация святых, прославленных Архиерейским Юбилейным Собором.

Архиерейский Собор 2000 г. явился событием исключительной важности в истории Русской Православной Церкви. Его историческое значение определяется прежде всего такими деяниями, как беспримерная канонизация Собора новых мучеников и исповедников российских, принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», издание нового Устава. Эти акты Собора дают основание поставить его в ряд таких важнейших событий церковной истории, как Стоглавый Собор или Поместный Собор 1917–1918 гг.

5. Епархиальное управление

Вскоре после интронизации Святейшего Патриарха Алексея II, с 16 по 20 июля 1990 г., под председательством первосвященника заседал Священный Синод, который, в частности, принял ряд решений, связанных с епархиальным управлением. Синод назначил митрополитом Ленинградским и Ладожским и постоянным членом Синода архиепископа Куйбышевского и Сызранского Иоанна (Снычева). Из состава Ленинградской епархии были выделены Новгородская и Олонецкая епархии. Таллинская епархия оставалась в ведении предстоятеля Русской Церкви, но в помощь ему с титулом епископа Таллинского назначался викарный епископ. Им стал протоиерей Вячеслав Якобс, узник лагерей в годы хрущевских гонений, принявший после состоявшегося определения Священного Синода постриг с именем Корнилия (впоследствии правящий

архиерей Таллинской епархии и митрополит). Священный Синод принял и ряд других решений, относящихся к замещению епископских кафедр в России, Белоруссии, на Украине, в Молдавии и Средней Азии. Уже в самом начале 1990-х гг., когда изменился государственный строй в нашей стране и Церковь обрела свободу, были замещены правящими архиереями епархии, не имевшие их в течение нескольких десятилетий. Высшей церковной властью были также приняты решения об образовании новых епархий, особенно в Сибири, на Дальнем Востоке, на Украине и в Белоруссии. К концу 1994 г. общее число епархий достигло 114. Столько епархий Русская Православная Церковь не имела никогда ранее, даже в дореволюционное время. Эти епархии окормлялись 136 правящими и викарными архиереями.

Ко времени Архиерейского Собора 1997 г. Русская Православная Церковь имела уже 117 епархий на своей канонической территории, в том числе 65 в России, 34 на Украине, 10 в Белоруссии, 8 в других странах ближнего зарубежья, а также 8 в дальнем зарубежье, включая Японскую Автономную Церковь, всего же – 125. Епископат Русской Церкви насчитывал 144 правящих и викарных епископа.

В соответствии с «Уставом об управлении Русской Православной Церкви» в изменившихся условиях стали регулярно созываться епархиальные и благочиннические собрания, повсеместно были образованы епархиальные советы, осуществляющие под каноническим руководством правящих архиереев текущее управление в епархиях.

2 ноября 1995 г. в возрасте 68 лет в иной мир отошел митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, архипастырь-аскет и молитвенник, духовный сын и ученик митрополита Мануила (Лемешевского), продолжавший его труды по составлению справочников по истории Русской Церкви 20 столетия, автор ряда книг и статей. Архипастырское служение митрополита Иоанна в Санкт-Петербургской епархии протекало в обстановке острого политического противоборства, и авторитетом митрополита Иоанна злоупотребляли левые политические круги, стремившиеся к иным целям, чем митрополит. Отношение же самого архипастыря к советскому периоду в истории России было вполне определенным. «Залогом будущего воскресения Святой Руси – говорил он, – была и есть Церковь Православная, торжествующая ныне свою духовную победу над богоборцами и христоненавистниками. Церковь никого не принуждает – но всех зовет разделить с ней это ее торжество». После кончины митрополита Иоанна на Санкт-Петербургскую кафедру был переведен митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир

(Котляров), ставший постоянным членом Священного Синода.

В 90-х гг. Церковь потеряла еще несколько архипастырей, и среди них митрополитов Рижского Леонида (Полякова), Луганского Леонтия (Гудимова), архиепископов Саратовского Пимена (Хмелевского), Полтавского Савву (Бабинца), пребывавшего на покое архиепископа Никона (Фомичева). Трагически погиб в 1994 г., вскоре после архиерейской хиротонии, епископ Саратовский Нектарий.

Ко времени Юбилейного Архиерейского Собора 2000 г. Русская Православная Церковь насчитывала 130 епархий, в том числе на территории Российской Федерации – 67, Украины – 33, Белоруссии – 10, Молдавии – 4, Казахстана – 3, Эстонии, Латвии и Литвы – по 1, на территории Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана – 1, на территории Азербайджана и входящих в состав России Дагестана и Чечни – 1, в дальнем зарубежье (вместе с Японской Автономной Церковью) – 10. Епископат Русской Православной Церкви насчитывал 153 правящих и викарных епископа, помимо архиереев, находившихся на покое.

В соответствии с «Уставом Русской Православной Церкви», принятым на Соборе 2000 г., главой епархии является епархиальный архиерей, как предстоятель местной церкви. Он избирается Священным Синодом. При необходимости в помощь ему назначается викарный епископ, круг обязанностей которого устанавливается по усмотрению правящего архиерея. В епархии архиерей пользуется полнотой власти в делах вероучения, христианской нравственности, священнодействия и пастырства. Он рукополагает и назначает клириков, назначает сотрудников епархиальных учреждений и благословляет постриги. Архиерей созывает епархиальное собрание и епархиальный совет и председательствует на них; он имеет высшее начальственное наблюдение над всеми епархиальными учреждениями и входящими в епархию монастырями. Без согласия епархиального архиерея ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь. Архиерей обращается с архипастырскими посланиями к своей пастве; составляет ежегодные отчеты о жизни епархии и своей деятельности и направляет их патриарху; он является представителем своей епархии перед государственными властями.

Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание. Епархиальное собрание состоит из клириков и мирян. Прежний Устав содержал положение о равном числе клириков и мирян. В новом Уставе этого трудно исполняемого и на практике обыкновенно не исполнявшегося условия нет.

Епархиальное собрание созывается правящим архиереем не реже одного раза в год. Процедура избрания членов епархиального собрания устанавливается епархиальной властью. В обязанности собрания входит избрание членов Поместного Собора и членов епархиального совета, создание епархиальных учреждений и забота об их финансировании, наблюдение за течением епархиальных дел, заслушивание сообщений епархиального начальства о различных сторонах епархиальной жизни.

Епархиальный совет состоит не менее чем из четырех лиц в пресвитерском сане, половина из которых назначается архиереем, а остальные избираются епархиальным собранием. Архиерей назначает секретаря епархиального совета. В обязанности епархиального совета входит исполнение решений епархиального собрания, представление собранию своих годовых отчетов, забота об изыскании средств на нужды епархии и приходов, определение границ благочиний и приходов, рассмотрение отчетов благочинных, наблюдение за деятельностью приходских советов, проведение ревизий епархиальных учреждений, ознакомление с проектами строительства, ремонта и реставрации храмов, забота об обеспечении штатного духовенства и штатных церковных работников. До тех пор, пока в епархиях не образовано епархиальных судов, за епархиальным советом сохраняются и судебные функции по делам клириков и мирян.

Епархия разделяется на благочиннические округа, возглавляемые благочинными, которых назначает правящий архиерей. Границы и названия округов, в соответствии с Уставом 2000 г., определяются архиереем совместно с епархиальным советом.

6. Приходское управление и приходское духовенство

В 1988 г. Русская Церковь имела всего 6,9 тысячи приходов, а на исходе 1989 г. уже около 11 тысяч. На октябрь 1991 г. в 93 епархиях Русской Церкви действовало более 12 тысяч приходов и 117 монастырей. Богослужения совершали в них около 10 тысяч священников и диаконов. Таким образом, из-за острой нехватки духовенства, многие священнослужители совершали богослужения в нескольких храмах, и поэтому, конечно, не во всех приходах службы были регулярными. Русской Православной Церкви в первую половину 90-х гг. было возвращено большинство сохранившихся храмов. В некоторых городах, реже в селах, строились новые храмы. В связи с этим значительно выросло число приходов. За два с половиной года патриаршества Алексия II оно увеличилось более чем на 3 тысячи, составив на 1 января 1993 г. 14 113. В конце 1994 г. общее количество приходов приблизилось к 16 тысячам,

превысив максимальное число приходов в период патриаршества Алексия I.

Для совершения богослужений по всем епархиям рукополагались священники. На 1 января 1993 г. Русская Церковь имела 12 013 священнослужителей, через год число священников составляло уже 12 841, а диаконов – 1402. Но священников было по-прежнему меньше, чем приходов, и значит, несколько тысяч приходов не имели своих постоянных настоятелей, окормляясь по совместительству священниками соседних приходов.

В середине 90-х гг. продолжалось возвращение Церкви отнятых у нее ранее храмов и в связи с этим создание новых приходов. В конце 1995 г. Русская Православная Церковь насчитывала уже более 17 тысяч приходов, а в начале 1997 г. их число достигло 18 тысяч.

В одной только Москве, по словам Святейшего Патриарха, сказанным на московском епархиальном собрании 12 декабря 1996 г., в ведении Церкви находилось 389 храмов, в том числе 254 приходских. Из них в 298 совершалось богослужение, но в 80 оно не было возобновлено. Число московских храмов приблизилось к дореволюционному, правда, Москва имела тогда около 400 церквей, и среди них около 300 приходских, в той черте города, которая ныне опоясывает только центр столицы и прилегающие к нему районы, а население города выросло с тех пор более чем в пять раз. В декабре 1996 г. на приходах Москвы служили 480 священников и 165 диаконов; в это число, естественно, не входит монастырское духовенство.

В столице, правящим архиереем которой является патриарх, церковная жизнь развивается наиболее интенсивно: здесь регулярно проводятся городские епархиальные собрания, выступая на которых Святейший Патриарх поднимает важнейшие и часто болезненные вопросы церковной жизни. Так, в слове, произнесенном патриархом Алексием II 23 декабря 1994 г., особое внимание было уделено таким темам, как церковная благотворительность, состояние воскресных школ, церковно-издательская деятельность. Жесткой критике подверглись действия некоторых священнослужителей, граничащие с симонией. «Не меньшие нарекания – сказал Святейший Патриарх, – поступают и по поводу назначения предварительной платы за требы, особенно совершаемые на дому». В своем докладе первосвятитель потребовал исключить из приходской практики предварительную плату за выездные требы: «Священник должен довольствоваться добротным даянием, как это было всегда... Церковь существует не только для богатых, но и для бедных. Это

мы должны помнить, а сейчас бедных гораздо больше... Если человек умирает без напутствия священника, священник, отказавший в этом, несомненно, должен понести наказание, вплоть до отрешения от службы».

Святейший патриарх отметил в своем выступлении и такой перекося в приходской жизни, когда ввиду необходимости проведения строительных или реставрационных работ храмы Божии становятся «строительными управлениями» или отделами «социального обеспечения» при забвении и нерадении о самом главном – о молитве и богослужении. Социальное служение и строительство, несомненно, нужны, но они важны не сами по себе, а лишь когда выражают нашу веру и создают условия для строительства внутреннего храма – души человека. «Может случиться, что храмы будут построены, отреставрированы, но они окажутся пусты: «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии» (Пс. 126:1). Долг священника – главное место уделять молитве и богослужению, а в приходе всегда найдутся люди, готовые оказать помощь в строительных делах и в поисках благотворителей».

В управлении церковной жизнью Москвы ближайшими помощниками Святейшего Патриарха в 1990-е гг., помимо его викария архиепископа Истринского Арсения (Епифанова), являлись также настоятель кафедрального Богоявленского собора протопресвитер Матфей Стаднюк и секретарь епархиального совета и заведующий канцелярией Патриархии протоиерей Владимир Диваков.

Ко времени Архиерейского Собора 2000 г. число приходов Русской Церкви составило 19 417. Это число почти в три раза превосходит количество приходов, существовавших в канун празднования 1000-летия Крещения Руси, но оно все еще уступает числу канонических православных приходов, которые сохранились у Русской Церкви на исходе 1920-х гг., когда началось массовое закрытие церквей.

В «Уставе Русской Православной Церкви», принятом Архиерейским Собором 2000 г., есть некоторые изменения в сравнении с предыдущим Уставом в разделе, посвященном приходскому устройству и управлению. Приходом, по определению нового Устава, является община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме. Приход является каноническим подразделением Русской Православной Церкви, находится под начальственным наблюдением своего епархиального архиерея и под руководством поставленного им священника-настоятеля. В сравнении с предыдущим Уставом в новом нет указания на минимальное число прихожан в двадцать лиц. «Для получения статуса юридического лица приход регистрируется государственными органами», – говорится в

Уставе. «Границы приходов устанавливаются епархиальным советом». Упоминание границ прихода представляет собой важную новацию. В Уставе 1988 г. не было аналогичного положения. Между тем Поместный Собор 1917–1918 гг. включил указание на пребывание клириков и мирян прихода на определенной местности в само определение прихода, содержащееся в принятом Собором 1917–1918 гг. «Приходском уставе». Четко обозначенные границы приходов существовали и в синодальную эпоху.

Конечно, и в синодальный период всякий православный мог молиться, исповедоваться или причащаться в любом, а не только в своем приходе и в любом соборном или монастырском храме. Но важнейшими требованиями – крещением, браковенчанием, отпеванием – прихожанин был связан со своим приходом, так что отступления от установленного в этом отношении порядка могли допускаться лишь при их серьезной мотивации. Разрушение структуры приходских границ происходило у нас по трем основным причинам. Устранение приходов от ведения метрических книг, имевшее место на заре советской истории, фактически устранило прежде поддерживаемый государственными властями порядок совершения треб, связанных с актами гражданского состояния. Кроме того, гонения на Церковь в советскую эпоху побуждали малодушных или, деликатнее сказать, осторожных христиан замечать следы своего участия в церковной жизни и уже в этих целях посещать разные храмы. Наконец, условия жизни в большом городе с его сложной транспортной системой, с тем, что место службы у большинства его жителей расположено далеко от места проживания, делают близлежащий храм не всегда самым доступным. В суммирующем результате все эти обстоятельства выветрили из сознания многих современных христиан саму необходимость принадлежать к определенной приходской общине, либо, при сохранении сознания такой необходимости, позволять себе в этом отношении полную свободу выбора, мотивируемую часто субъективными пристрастиями.

Конечно, нет ни необходимости, ни реальной возможности эту свободу выбора упразднить либо существенно ограничить, приписав всех православных к определенным приходам, как это было в синодальную эпоху. Но, помимо принципиальных канонических соображений, есть и вызываемая пастырскими соображениями реальная нужда в том, чтобы границы между приходами были обозначены, даже и в больших городах. Острота такой необходимости становится особенно очевидной, когда возникает ситуация с вызовами священников к тяжело больным или находящимся при смерти христианам. Внесение порядка в размежевание

приходов может существенно уменьшить случаи, когда священнику приходится ехать на другой конец города к умирающему, рискуя не застать его живым и ставя в трудное или безвыходное положение тех, кто обратится за подобной же требой в свой приходской храм и не успеет застать священника в своем приходе, потому что он отъехал в чужой. Первый шаг в восстановлении правильной территориальной структуры приходов заложен в содержащемся в новом Уставе упоминании приходских границ.

Охраняя незыблемость прав Русской Православной Церкви и защищая ее от расколов, Архиерейский Собор 2000 г. включил в Устав следующее положение: «В случае выделения какой-либо части или выхода всех членов приходского собрания из состава прихода, они не могут заявлять никаких прав на приходское имущество и средства. В случае принятия приходским собранием решения о выходе из иерархической структуры и юрисдикции Русской Православной Церкви, приход лишается подтверждения о принадлежности к Русской Православной Церкви, что влечет прекращение деятельности прихода как религиозной организации Русской Православной Церкви и лишает его права на имущество, которое принадлежало приходу на правах собственности, пользования или на ином законном основании, а также права на использование в наименовании названия и символики Русской Православной Церкви».

Органами приходского управления Устав называет настоятеля прихода, а также приходское собрание, приходской совет и ревизионную комиссию.

Настоятель храма назначается правящим архиереем для духовного руководства верующими и управления причтом и приходом. В своей деятельности он подотчетен архиерею. Приходской причт состоит из священника, диакона и псаломщика. «Число членов причта – говорится в Уставе, – может быть увеличено или сокращено епархиальной властью по просьбе прихода и в соответствии с его нуждами, во всяком случае причт должен состоять не менее чем из двух лиц – священника и псаломщика». При этом должность псаломщика может быть замещена лицом в священном сане. Избрание и назначение клириков совершает епархиальный архиерей. Устав перечисляет условия, которым должен соответствовать кандидат на поставление в священный сан, а именно: принадлежность к Русской Православной Церкви, совершеннолетие, необходимые нравственные качества, достаточная богословская подготовка, свидетельство духовника об отсутствии канонических препятствий к рукоположению. Кандидат не должен состоять под

церковным или гражданским судом и обязан принять церковную присягу. Члены причта могут быть перемещаемы и увольняемы только епархиальным архиереем по личному прошению, по церковному суду или ввиду церковной целесообразности.

Высшим органом управления прихода Устав называет приходское собрание, председателем которого по должности состоит настоятель. Устав 1988 г. содержал иную формулировку – об избрании настоятеля председателем приходского собрания. В состав приходского собрания, согласно Уставу, входят «священнослужители прихода, его учредители, а также прихожане, регулярно участвующие в литургической жизни прихода, достойные по своей приверженности православию, нравственному облику и жизненному опыту участвовать в решении приходских дел, достигшие 18-летнего возраста и не состоящие под запрещением, а также под церковным или светским судом». «Прием в члены приходского собрания и выход из него осуществляется на основании прошения (заявления) решением приходского собрания. В случае признания члена приходского собрания не соответствующим занимаемому им положению, он может быть выведен из приходского собрания решением приходского собрания».

Данное положение Устава допускает две интерпретации: о членстве в собрании всех клириков и канонически правоспособных прихожан, но также и о членстве в нем только представителей причта и прихожан, которые берут на себя ответственность за содержание прихода. В реальной церковной жизни реализуется обычно второй вариант интерпретации уставного положения о составе приходского собрания.

Приходское собрание созывает настоятель или благочинный по указанию архиерея, оно может быть также созвано иным полномочным представителем епархиального архиерея не реже одного раза в год. Приходские собрания, на которых избираются или переизбираются члены приходского совета, проводятся непременно с участием благочинного или иного представителя епархиального архиерея.

Исполнительным и распорядительным органом приходского собрания является приходской совет, подотчетный настоятелю и приходскому собранию. Совет состоит из председателя – церковного старосты, его помощника и казначея. Ставшее традиционным наименование председателя приходского совета «старостой» не предусматривалось Уставом 1988 г. По благословию правящего архиерея председателем совета может быть избран настоятель. В этом отношении практика в разных епархиях разная. В приходах большинства епархий, в том числе и в

Москве, председателями приходских советов избираются, как правило, миряне. Состав совета избирается из числа членов приходского собрания сроком на три года без ограничения числа переизбраний. Соответствующее положение в прежнем Уставе было выражено в более осторожной редакции: приходскому собранию предоставлялось право сократить или продлить трехлетний срок пребывания его членов в совете.

Приходской совет, в соответствии с Уставом 2000 г., исполняет решения приходского собрания; приобретает имущество для прихода, ведет инвентарные книги; решает текущие хозяйственные вопросы; распоряжается денежными средствами прихода с ведома и под контролем настоятеля; предоставляет в случае нужды жилье членам причта прихода; по согласованию с настоятелем и в соответствии со штатным расписанием принимает рабочих и служащих; заботится о храме, о поддержании благочиния и порядка за богослужениями и на крестных ходах; «осуществляет контакты с органами государственной власти, местного самоуправления, общественными объединениями и гражданами».

Приходское собрание также избирает из числа своих членов сроком на три года ревизионную комиссию, которая состоит из председателя и двух членов. Ревизионная комиссия проверяет финансово-хозяйственную деятельность прихода, сохранность и использование имущества, проводит ежегодную инвентаризацию, ревизует зачисление пожертвований и поступлений и расход денежных средств. Результаты проверок комиссия представляет на рассмотрение приходского собрания. «В случае выявления злоупотреблений ревизионная комиссия, – гласит Устав, – немедленно информирует о том епархиальную власть». Право ревизии прихода и приходских учреждений принадлежит также правящему архиерею.

7. Духовное просвещение

30 ноября 1990 г. Святейший Патриарх Алексий II выступил перед преподавателями Московской академии и семинарии с речью об актуальных проблемах богословского образования в Русской Церкви. «На протяжении трудных послереволюционных лет – сказал он, – возможности пастырской деятельности были ограничены стенами храма... Но все же совершались богослужения, продолжалась литургическая жизнь, проповедовалось слово Христовой истины. Сегодня ситуация изменилась. Нужно готовить пастырей, которые будут широко вовлечены и в социальную церковную работу. Мы сегодня все ощущаем, что опыт этой работы утрачен. С принятием закона о свободе совести Церкви дано право заниматься и воспитанием детей, и катехизацией. Особенно важна катехизация взрослых... Нужно приучать студентов к катехизаторской

работе. Количество крещений в среднем увеличилось в три раза. Спрашивают иногда: «Что это? Дань моде?». Я думаю, что нет. Дефицит духовности, который сегодня ощущается в обществе, требует каких-то духовных начал. И люди устремляют свои взоры к Церкви, крестятся. Но мы должны позаботиться о том, чтобы они были не только крещены, но и просвещены».

В 1990-е гг., при Святейшем Патриархе Алексии II, число духовных школ Русской Православной Церкви выросло многократно. После падения советского режима, когда в России и других государствах, образованных на территории бывшего СССР, сложились новые правовые системы, уже не требуется предварительных санкций со стороны государственных властей на открытие духовной школы, и соответствующие вопросы решаются как исключительно внутрицерковные. Но сдерживающими факторами в расширении сети духовных школ остаются финансовые и кадровые проблемы. При этом новые семинарии создаются, как правило, через преобразование открытых ранее духовных училищ.

Уже в начале 90-х гг. были созданы семинарии в Саратове, Нижнем Новгороде, Смоленске, в Луцке и Почаеве на Украине, в Риге. В середине 1990-х гг. открылись Калужская и Белгородская семинарии с миссионерской направленностью. Всего в 1996 г. Русская Церковь имела пять духовных академий – Московскую, Петербургскую, Киевскую, Белорусскую в Минске и Молдавскую, созданную на базе открытого ранее богословского факультета при Кишиневском университете. Количество семинарий к этому времени достигло двадцати, что составляло уже более трети дореволюционного числа духовных семинарий. При этом ряд из них имел регентские, а Курская и Томская – иконописные отделения.

С конца 80-х гг. до 1997 г. было открыто 23 духовных училища, 5 пастырских курсов и духовные курсы в Тамбове. На пастырских курсах обучение, как правило, продолжается в течение года. Они существуют временно, из-за нехватки педагогических кадров, и со временем преобразуются в духовные училища.

Ведущими учебными заведениями Русской Православной Церкви остаются и ныне Московская и Санкт-Петербургская духовные академии, где сосредоточены наиболее квалифицированная профессура и лучшие педагогические кадры. Эти две академии имеют возможность принимать наиболее подготовленных абитуриентов, предоставляя им для занятий богатые научно-богословские библиотеки.

С 1992 по 1995 г. Московские духовные школы возглавлял епископ Дмитровский Филарет (Карагодин), его преемником стал епископ

Верейский Евгений (Решетников), ныне архиепископ, соединяющий ректорство с должностью председателя Учебного комитета при Священном Синоде. В корпорацию Московских духовных школ в конце 1990-х гг. входили известные церковные ученые, в том числе профессора архимандриты Матфей (Мормыль), Макарий (Веретенников), Платон (Игумнов), К. Е. Скурат (ныне заслуженный профессор), М. С. Иванов, А. И. Осипов, М. М. Дунаев.

Санкт-Петербургскую, ранее Ленинградскую, духовную академию и семинарию после перевода архиепископа Кирилла на Смоленскую кафедру на исходе 1984 г. возглавляли последовательно архимандрит Мануил (Павлов), протоиереи Николай Гундяев, Владимир Сорокин и Василий Стойков. В 1996 г. новым ректором академии и семинарии с титулом епископ Тихвинский стал преосвященный Константин (Горянов) (ныне архиепископ), в прошлом ректор Минской духовной семинарии, при котором она была преобразована в высшую богословскую школу.

Большой потерей для Петербургских духовных школ явилась последовавшая в 1995 г. кончина профессора протоиерея Ливерия Воронова, многолетнего узника ГУЛАГа, высококвалифицированного догматиста, замечательного лектора. В течение двух последних лет прикованный к инвалидному креслу, он не оставлял преподавания. В корпорации Петербургских духовных школ в профессорском звании в конце 1990-х гг. состояли ее бывшие ректоры архиепископ Михаил (Мудьюгин), протоиереи Николай Гундяев, Владимир Сорокин, Василий Стойков, а также Аркадий Иванов, Георгий Тельпис и Владимир Мустафин. Протоиереи Василий Стойков и Иоанн Белевцев имеют звания заслуженных профессоров.

Киевскую духовную академию и семинарию возглавляет в должности ректора протоиерей Николай Забуга.

Значительным подспорьем в деле духовного образования явилось начатое в 1994 г. и поныне продолжающееся полноценное типографское издание учебных пособий по ряду дисциплин для академий, семинарий и училищ. При подготовке этих учебных пособий было существенно улучшено их качество, в большинстве случаев они написаны преподавателями Московских духовных школ.

Развитие духовного образования – одна из главных тем Архиерейского Собора, проходившего с 29 ноября по 2 декабря 1994 г., который вынес определение «О задачах Церкви в области богословского образования». Для священнослужителей, преподавателей и катехизаторов, в соответствии с определением Собора, высшее богословское образование

должно стать нормой, необходима также и специальная подготовка «для священников, осуществляющих пастырскую работу в Вооруженных силах и в местах заключения, а также постоянно действующие структуры поддержания и повышения уровня богословских и иных специальных знаний». На базе духовных академий, говорилось в соборном определении, целесообразно создать «систему научно-богословской специализации, включающую подготовку и защиту диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и магистра». Делом особой важности должно стать постепенное преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения. Для этого необходимо озаботиться разработкой новых программ и учебных планов, подготовкой преподавательского состава. Принимая во внимание все вышеизложенное, Собор определил «считать финансирование системы богословского образования приоритетным при формировании общецерковного бюджета».

Как было предусмотрено Собором 1994 г., образованная Священным Синодом рабочая группа во главе с епископом Верейским Евгением ведет работу над созданием концепции богословского образования, которая в настоящее время близится к завершению.

Состояние духовных школ стало одной из тем, которые обсуждались на Архиерейском Соборе 1997 г. Святейший патриарх Алексий II посвятил целый раздел своего доклада богословскому образованию. В докладе, прочитанном исполняющим обязанности председателя Учебного комитета епископом Верейским Евгением, приводятся данные, характеризующие систему духовного образования на начало 1997 г.: общее число учащихся духовных школ (без Украинской Церкви) – 3700 человек; на заочных отделениях и экстернате – более 2700 священнослужителей; кроме того, в Православном Свято-Тихоновском институте на дневном отделении – 550 человек, на вечернем – 486, на заочном – 659. Во всех филиалах Свято-Тихоновского института в Архангельской, Виленской, Екатеринбургской, Казанской, Кемеровской и Уфимской епархиях обучается 521 человек. Число преподавателей в духовных школах составляет более 800 человек. За период после Архиерейского Собора 1994 г. духовные училища окончили 259 человек, духовные семинарии – 791 человек, Московскую и Санкт-Петербургскую духовные академии – соответственно 38 и 42 человека (из них со степенью кандидата богословия – по 16 человек). Епископ Евгений доложил Собору о деятельности возглавляемой им рабочей группы по разработке детальной концепции новой системы богословского образования, охарактеризовал «Основные направления концепции богословского образования», утвержденные Священным

Синодом 31 декабря 1996 г. В соответствии с этим документом «духовная семинария будет давать основное богословское образование, на завершающем этапе студенты семинарии должны писать дипломные работы, при успешной защите которых им будет присваиваться степень бакалавра». «Цель духовной академии – подготовка преподавателей духовных учебных заведений и научных работников. Учебный процесс в академии должен быть ориентирован на подготовку научных специалистов: библеистов, догматистов, церковных историков, канонистов, литургистов и т. д. Это потребует, вероятно, ввести в академиях отделения или факультеты».

Ко времени Архиерейского Собора 2000 г. Русская Церковь имела 5 духовных академий, 1 богословский институт (ПСТБИ), 27 семинарий, 27 духовных училищ и 6 пастырских курсов. Выступая с докладом на Соборе, председатель Учебного комитета и ректор Московских духовных школ сказал: «Выпускники духовных школ должны быть «солью земли»». Особое внимание архиепископ Евгений уделил в докладе осуществляемой уже в течение нескольких лет реформе духовной школы и возникающим в связи с этим проблемам.

Падение советского режима в 1991 г. создало правовые условия для развития системы религиозного образования для детей и взрослых, включающей в себя воскресные школы, факультативное преподавание Закона Божия в государственных средних школах, православные общеобразовательные гимназии, преподавание богословских и церковно-исторических дисциплин в некоторых светских высших учебных заведениях, подготовку катехизаторов и преподавателей Закона Божия в специально предназначенных для этого высших богословских школах.

Еще в сентябре 1990 г. при одной московской средней школе в Ясеневе по благословению Святейшего Патриарха Алексия II обществом «Радонеж» была учреждена православная классическая гимназия. Со временем православные гимназии появились и в других районах Москвы, в Петербурге, а затем и в провинциальных городах. Во многих городских и даже в некоторых сельских приходах по всей России стали открываться воскресные школы. В целях координации этой религиозно-образовательной деятельности в 1991 г. был образован синодальный Отдел религиозного образования и катехизации во главе с игуменом Иоанном (Экономцевым).

В 90-х гг. в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах было создано несколько высших богословских школ, которые ставят своей целью подготовку катехизаторов, преподавателей воскресных школ и

православных гимназий, ученых богословов и других церковных работников. Наиболее солидной школой такого типа является Московский православный богословский институт имени святого патриарха Тихона, во главе которого стоит протоиерей Владимир Воробьев. В институте существует несколько факультетов, которые готовят катехизаторов, иконописцев, регентов и других церковных специалистов. Выпускники богословско-пастырского факультета рукополагаются в священные степени. Помимо стационара, институт ведет также заочное и вечернее обучение, имеет филиалы в провинции. Председатель Отдела религиозного образования и катехизации игумен Иоанн (Экономцев) основал и возглавил Православный университет имени святого апостола Иоанна Богослова; цель университета – подготовка высококвалифицированных богословов и ученых специалистов в разных областях знаний (философии, экономике, праве) с православным христианским мировоззрением.

Вопросы религиозного образования для мирян обсуждались на Архиерейском Соборе 1994 г., который вынес по этому кругу проблем ряд определений. Одно из них устанавливает общецерковную систему религиозного образования для мирян, которая включает воскресные (приходские) школы, детские сады, гимназии, лицеи, катехизаторские курсы, высшие православные учебные заведения, не занятые специальной подготовкой пастырей и церковнослужителей. Важнейшим направлением церковного служения делу просвещения народа должна являться подготовка катехизаторских и педагогических кадров из мирян с учетом особенностей работы с детьми и взрослыми, степени воцерковления учащихся, специфики социальных групп.

На Соборе было отмечено, что современная практика преподавания религиозно-научных дисциплин в государственных учебных заведениях представляется неприемлемой с церковной точки зрения, ибо, независимо от намерений педагогов, «объективное и непредвзятое» преподавание этих дисциплин превращается в утонченный вариант атеистической пропаганды. Решением этого вопроса может быть введение в государственных школах факультативных занятий, проводимых представителями различных религий и конфессий для детей, исповедующих эти религии и конфессии, с согласия их родителей. В ходе дискуссии было высказано пожелание относительно слияния двух синодальных учреждений – Учебного комитета и Отдела религиозного образования и катехизации. При этом подчеркивалось, что вопросы катехизации и использования средств массовой информации для научения

народа истинам веры должны находиться в ведении вновь создаваемой общецерковной миссионерской структуры. Но это предложение не было принято Собором.

Вопросы религиозного образования обсуждались и на Архиерейском Соборе 1997 г. Им уделил внимание Святейший Патриарх Алексий II в своем докладе. «Несмотря на чрезвычайные трудности – практически полное отсутствие помещений, пригодных для занятий, финансовую необеспеченность, недостаток образованных педагогов из священников и мирян, система религиозного образования значительно окрепла. Духовно-нравственное просвещение охватило многие слои общества... Все шире распространяется свет истины Христовой в простом народе. Глубокую заинтересованность мы встречаем со стороны армии и правоохранителей... Практическая образовательная работа, которую ведет Церковь, наиболее зримо представлена в устройении приходами воскресных школ. Больше всего воскресных церковно-приходских школ в Московской епархии – 286. В Москве – 86 воскресных школ при храмах, в Ставропольской епархии – 70, в Кемеровской – 66, в Ростовской – 60, в Воронежской – 59, во Владимирской – 58, в Краснодарской – 55, в Санкт-Петербургской – 54, в Саранской – 50, в Смоленской – 47, в Пензенской – 44, в Екатеринбургской – 46, в Ивановской – 45. Всего по России на данный момент, – сказал первосвященник, – существует около 1550 воскресных, церковно-приходских и монастырских школ, где воцерковляется и обучается более 72 000 детей и 5000 взрослых».

Святейший патриарх говорил также о том, что «для расширения системы православного образования и особенно для усиления благотворного влияния Церкви на различные стороны жизни общества необходима подготовка православных специалистов во многих областях знания». «Именно такие люди смогут приблизить истины веры к образованным людям, далеким от Церкви, в доступной для них форме. Вот почему особую роль сегодня призвано играть высшее православное образование для мирян. Отдельно нужно сказать, – продолжал Святейший Патриарх, – о таком явлении, как православный университет. Их у нас два: Российский православный университет во имя святого Иоанна Богослова и Царицынский православный университет. В стадии становления находится и несколько других высших православных учебных заведений в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске, хотя следует отметить, что не все они сумели выработать строго выраженную православную ориентацию».

В деле религиозного образования масштабными событиями стали регулярно проводимые Рождественские чтения, в организации которых,

помимо Отдела религиозного образования, принимают участие Министерство образования Российской Федерации, Академия образования, педагогическая и научная общественность страны.

В 1990-х гг. новое состояние обретает и церковная наука. Развитие системы духовного образования, отсутствие государственной цензуры создали условия, в которых стали регулярно публиковаться богословские и церковно-исторические труды, отчасти созданные в предыдущие десятилетия, отчасти же новые, написанные уже после перемен. В библеистике наиболее значительной работой этих лет стало исследование священника Леонида Грилихеса «Археология текста: сравнительный анализ Евангелия от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции» (1999). В области литургики особую ценность представляет монография А. М. Пентковского «Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси», напечатанная уже в 2001 г. В 90-х гг. публикуются патрологические труды А. И. Сидорова, статьи по догматическому богословию М. С. Иванова и священника Владимира Шмалия, работы по истории Русской Церкви и каноническому праву автора этих строк, церковно-исторические исследования архимандрита Макария (Веретенникова) и протоиерея Георгия Митрофанова. Большим вкладом в церковно-историческую науку является многотомный труд иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви 20 столетия», основанный на архивных материалах, на беседах со свидетелями мученических и исповеднических подвигов страдальцев за веру. В области православной христианской апологетики внимание широких читательских кругов привлекают труды профессора МДА А. И. Осипова и исключительно талантливого церковного публициста диакона Андрея Кураева.

В 90-х гг. радикально изменилась ситуация с церковной печатью: появились издательства при монастырях и братствах, возникли также частные фирмы, специализирующиеся на выпуске православной религиозной литературы, в основном репринтов дореволюционных книг. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преобразованное в конце 1996 г. в Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», выпускало в 1990-х гг. в основном церковно-историческую и богословскую литературу, в том числе и многотомную «Историю Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова) с дополнительными томами, относящимися к церковной истории 18–20 столетий, а также с комментариями современных ученых и многочисленными справочными материалами. Возглавляет центр С. Л.

Кравец.

Одной из задач центра является объединение усилий церковных и светских ученых в деле возрождения церковной науки. С этой целью и в ознаменование 2000-летия Рождества Христова Церковно-научный центр начал издание 25-томной «Православной энциклопедии», потребность в которой Церковь ощутила еще 150 лет назад. Вокруг издания «Православной энциклопедии» удалось сплотить лучшие силы церковной науки, а также светских ученых, тематика исследований которых соприкасается с богословием, церковной историей, историей церковных искусств и религиозной философией.

Издательство Сретенского монастыря выпускает широкий спектр православной литературы, но специализируется на богослужебных и святоотеческих творениях, издательство Оптиной пустыни – на житиях святых и подвижников благочестия, издательство Свято-Тихоновского гуманитарного университета – на истории Русской Православной Церкви советского периода.

Ситуация в православном книгоиздательстве и новые задачи потребовали коренного реформирования организации и управления церковно-издательским делом. В своем докладе на Архиерейском Соборе 1994 г. Святейший Патриарх Алексий выразил благодарность «нескольким поколениям сотрудников Издательского отдела» и предложил «подумать об образовании такого органа, который бы координировал всю многообразную православную издательскую деятельность». В определениях Собора записано решение «создать Издательский Совет Московского Патриархата как коллегиальный орган, состоящий из представителей синодальных учреждений, духовных школ, церковных издательств и иных учреждений Русской Православной Церкви, в целях координации издательской деятельности, оценки публикуемых рукописей и представления издательских планов на утверждение Священного Синода».

В настоящее время во главе Издательского Совета стоит протоиерей Владимир Соловьев. Издательский Совет осуществляет экспертизу и рецензирование книг на предмет их соответствия православному вероучению и русской церковной традиции. В его ведении находится также издание «Журнала Московской Патриархии» и газеты «Церковный вестник». При Издательском Совете действует издательство Московской Патриархии.

8. Монастыри и монашество

В 1990-е гг. повсеместно возобновлялась монашеская жизнь в

закрытых и часто разрушенных в советскую эпоху монастырях. Менее 20 обителей сохранилось в канун празднования 1000-летия Крещения Руси. В 1988–1989 гг. было передано Церкви и открыто более 30 монастырей. А на Архиерейском Соборе 1994 г. Святейший Патриарх Алексий II, говоря в своем докладе о повсеместном возрождении монашеской жизни, привел такие статистические сведения: общее количество монастырей составляло 281, к этому числу следовало прибавить и 31 монастырское подворье. Число обителей, возвращенных Церкви, продолжало увеличиваться и в период между Соборами 1994 и 1997 гг., составив на конец 1995 г. 337 монастырей и 40 монастырских подворий, на конец 1996 г. уже 395 монастырей и 49 подворий. Только в Москве было восстановлено 4 мужских и 4 женских обители.

Большинство возобновленных монастырей– это малобратственные обители; в женских монастырях подвизается больше насельниц, монахинь и послушниц, чем насельников в мужских обителях, но так было в России и в синодальную эпоху, особенно во второй половине 19 в.

Насельникам и насельницам разоренных и восстанавливаемых монастырей приходится нести тяжелый труднический подвиг, реставрировать храмы, ремонтировать и строить церкви, корпуса келий и другие монастырские здания, часто восстанавливая их из руин. Но в некоторых из обителей, возвращенных Церкви в последнее десятилетие, произошло полноценное восстановление аскетической подвижнической жизни. Эти монастыри стали наряду с обителями, существовавшими до 1000-летия Крещения Руси, очагами духовной жизни, духовного наставления и учительства для православного русского народа. Это Киево-Печерская лавра, московские Новоспасский и Донской монастыри, далекие северные обители на Соловках и Валааме, Оптиная пустынь. Монашеская жизнь процветает в таких женских обителях, как Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, Дивеевский, Ново-Голутвин в Коломне.

Помощь монастырям в восстановлении и устройении монашеской жизни осуществляет образованная при Синоде Комиссия по делам монастырей, первым председателем которой был архиепископ Владимирский Евлогий; затем ее возглавил наместник Новоспасского монастыря епископ Орехово-Зуевский Алексий (Фролов).

На Архиерейском Соборе 1997 г. Святейший Патриарх привел такие статистические данные о действующих монастырях: 185 мужских и 205 женских, из них 242 в России, 89 на Украине, 57 в других странах СНГ, Балтии и дальнего зарубежья, а также 47 монастырских подворий.

«Конечно, не все наши монастыри вполне готовы к активной деятельной миссии, – сказал патриарх в своем докладе, не умалчивая о тех трудностях, которые переживают монастырские насельники, – главные причины – в разрыве преемства религиозного образования и воспитания, в ужасающем кадровом кризисе, доставшемся нам от времен богоборчества. Те, кто приходит сегодня в монастырь, зачастую имеют весьма приблизительные, а иногда и искаженные представления об иноческом пути. Вот почему так важно обращать особое внимание на мотивы, приводящие человека в обитель. К большому сожалению, в монастырях мало духовников, способных бережно вести своих чад ко спасению, содействовать их духовной жизни... Духовное созидание обители становится возможным, только если духовник и настоятель или настоятельница находят согласие в вопросах устройства монашеской жизни. С сожалением должен констатировать тот факт, что сегодня нередки конфликты между настоятелями монастырей и правящими преосвященными».

Но есть и немало иных, светлых примеров из жизни монастырей, которые привел патриарх в докладе. Так, при Свято-Николаевском Черноостровском женском монастыре создан приют «Отрада» для девочек-наркоманок, сотни людей приходят в Серпуховской монастырь к иконе Божией Матери «Неупиваемая чаша». Особой областью социального служения становится прием многочисленных паломников, приток которых в монастыри увеличивается.

Ко времени Юбилейного Архиерейского Собора 2000 г. число открытых монастырей, причем не только возвращенных Церкви, но и новосозданных, составило 541. Это уже более половины количества православных обителей России на исходе синодальной эпохи.

Монастырское управление составляет тему 12-й главы «Устава Русской Православной Церкви», принятого Архиерейским Собором 2000 г. В ней монастырь определяется как «церковное учреждение, в котором проживает и осуществляет свою деятельность мужская или женская община, состоящая из православных христиан, добровольно избравших монашеский образ жизни для духовного и нравственного совершенствования и совместного исповедания православной веры». Решение вопроса об открытии монастырей Устав предоставляет Святейшему Патриарху и Священному Синоду, которые рассматривают при этом соответствующее представление епархиального архиерея. «Ставропигиальными монастыри провозглашаются, – как сказано в Уставе, – решением патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода с соблюдением канонической процедуры». Зачисление в

монастырь и увольнение из монастыря, в соответствии с Уставом, производится распоряжениями епархиального архиерея по представлению настоятеля (настоятельницы) или наместника.

Устав содержит в себе положение о том, что в случае выхода монастыря из юрисдикции Русской Православной Церкви, он лишается «права на имущество, которое принадлежало монастырю на правах собственности, пользования или на иных законных основаниях, а также права на использование в наименовании названия и символики Русской Православной Церкви». Ныне действующий Устав не содержит имевшегося в прежнем Уставе 1988 г. положения о том, что все монастыри Русской Церкви должны быть общежительными.

Относительно монастырей и монашествующих Архиерейский Собор 2000 г. принял определение, согласно которому «для улучшения подготовки к постригу и повышения ответственности лиц, его принимающих, признано необходимым перейти к практике пострижения в мантию только по достижении 30 лет, за исключением студентов духовных школ и вдовых священнослужителей». «Нельзя признать нормальным, – говорится далее в соборном определении, – положение «тайных» и «странствующих» монахов и монахинь, не несущих церковного послушания». Собор 2000 г. отметил необходимость тщательного подбора духовников женских обителей, считая желательным, чтобы таковыми были «семейные священнослужители, исключения же могут делаться только для пастырей, имеющих богатый духовный опыт и находящихся в преклонных летах».

9. Церковная жизнь

В самом начале патриаршества Алексия II Православной Церкви передаются древние храмы, составляющие святыню русского народа. 16 августа 1990 г. в Новгороде Святейшим Патриархом было совершено повторное освящение закрытого в 1929 г. Софийского собора. В Успенском соборе Московского Кремля, при сохранении в нем музейного режима, стали регулярно совершаться богослужения, и он вновь стал патриаршим собором Русской Православной Церкви. В дни храмовых праздников и некоторые иные знаменательные и памятные дни стали совершаться богослужения и в других кремлевских соборах.

Но одна из величайших святынь Руси, киевская София, не была возвращена украинскими властями Православной Церкви, оставаясь только музеем. В Киево-Печерской лавре лишь часть церквей и строений была передана воссозданной обители, но доступ к мощам сонма Киево-печерских угодников, покоящихся в Ближних и Дальних пещерах, был

открыт паломникам и передан возрожденной Печерской обители.

В конце 1990 г. в одном из служебных помещений музея истории религии и атеизма, оккупировавшего Казанский собор Петербурга, были обнаружены святые мощи преподобного Серафима Саровского. «После получения информации из музея, – рассказывал Святейший Патриарх Алексей II, – я стал искать другие сведения, в первую очередь акт о вскрытии мощей. Мощи не полностью нетленны. Митрополит Антоний (Вадковский) делал специальное разъяснение по их поводу в 1903 г. при прославлении. Акт был найден. И сопоставив два акта – о канонизации в 1903 г. и о вскрытии в 1920 г., я направил в Петербург двух архипастырей, епископов Тамбовского и Мичуринского Евгения и Истринского Арсения, которые провели тщательное обследование мощей... Архипастыри, которые производили осмотр, свидетельствовали также о чувстве благодатности и о благоухании мощей, которые они обследовали. После сопоставления появилась уверенность, что это действительно мощи преподобного Серафима». 11 января 1991 г. Святейший Патриарх прибыл в Петербург и после молебна в часовне блаженной Ксении и в Иоанновском монастыре на Карповке отправился в Казанский собор. Рака с мощами преподобного Серафима была перенесена из Казанского в Троицкий собор Александро-Невской лавры, и мощи оставались там до 6 февраля, привлекая к себе многие тысячи православных петербуржцев. Из Санкт-Петербурга святые мощи в сопровождении первосвященника Русской Церкви, архипастырей и пастырей были доставлены в Москву и крестным ходом перенесены в кафедральный Богоявленский собор. Пять с половиной месяцев святые мощи находились в Москве, и каждый день выстраивалась перед патриаршим собором длинная очередь желающих приложиться к ним. С 23 по 30 июля 1991 г. мощи преподобного крестным ходом в сопровождении Святейшего Патриарха и сонма духовенства через Ногинск (Богородск), Владимир, Нижний Новгород и Арзамас были перенесены в основанную преподобным Серафимом и любимую им Дивеевскую обитель, возрожденную незадолго до вторичного обретения мощей святого основателя этого монастыря. Многие тысячи людей приходили поклониться мощам преподобного Серафима на пути их следования. У врат Дивеевской обители 30 июля 1991 г. Святейший Патриарх сказал многозначительные слова: «Перевернута последняя страница дивеевской летописи, пришло время исполнения пророчеств: мощи преподобного Серафима отныне упокоятся по его слову в соборе во имя Рождества Пречистой Матери Божией Дивеевского монастыря».

28 февраля 1991 г. в Казанском соборе Петербурга, где располагался

музей атеизма, были обретыены мощи еще одного святого, прославленного, как и преподобный Серафим, в начале 20 столетия, – святителя Иоасафа Белгородского. Из Петербурга через Москву и Курск нетленные мощи святителя Иоасафа были перенесены в Белгород. 4 (17) сентября, в день его памяти, патриарх Алексей II совершил Божественную литургию в белгородском Преображенском соборе, где упокоились перенесенные туда нетленные мощи. В 1992 г. в жизни Русской Церкви совершилось знаменательное событие. После пожара в Малом соборе Донского монастыря, подожженного злоумышленниками, во время ремонта были проведены раскопки под полом церкви, и там, в склепе, обнаружен гроб с нетленными мощами святого патриарха Тихона. 22 февраля Алексей II совершил молебен у гроба святителя, который еще находился в склепе, а 5 апреля святые мощи были торжественно перенесены патриархом Алексием II в сослужении 93 архиереев из Малого в Большой собор Донского монастыря.

Благодатным событием в жизни Русской Церкви явилось пребывание в Москве с 25 апреля по 12 июня 1996 г. святых мощей великомученика и целителя Пантелеймона из Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне в Богоявленском кафедральном соборе, на Афонском подворье, в Донском, Даниловском и Новоспасском монастырях. Поклониться этим мощам и помолиться у них приходили и приезжали не только православные москвичи, но и жители отдаленных мест России. Храмы были переполнены, приходилось простаивать в очереди по 10–11 часов, чтобы приложиться к святым и цельбоносным мощам угодника Божия. При этом совершались благодатные исцеления.

Одно из самых значимых явлений церковной жизни 1990-х гг. – многочисленные канонизации святых. В 1991 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в месяцеслов Русской Православной Церкви было внесено имя прославленного Константинопольской Церковью в год 1000-летия Крещения Руси великого русского подвижника 20 столетия и учителя христианской жизни преподобного Силуана Афонского, преставившегося на Святой Горе в 1938 г.

Архиерейский Собор, состоявшийся в апреле 1992 г., по докладу председателя синодальной Комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого Ювеналия принял деяния о канонизации преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей святого Сергия Радонежского, а также о канонизации митрополита Киевского и Галицкого Владимира, митрополита Петербургского и Гдовского Вениамина и иже с ним убиенных архимандрита Сергия (Шеина), Юрия

Новицкого и Иоанна Ковшарова, великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. В деянии о канонизации новомучеников было ясно сказано, что это только начало церковного прославления новомучеников и исповедников, пострадавших в годы революционной смуты и послереволюционного террора. Опираясь на определение Поместного Собора 1917–1918 гг. «установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером)... исповедников и мучеников», Архиерейский Собор 1992 г. постановил совершать «празднование Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (по старому стилю) в случае совпадения сего числа с воскресным днем или в ближайший воскресный день после оногo».

Исключительно важными были два последних положения из деяния Освященного Собора: «Поручить синодальной Комиссии по канонизации святых при изучении подвига новомучеников Российских начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной царской семьи. Образовать во всех епархиях Русской Православной Церкви комиссии по канонизации святых для сбора и изучения материалов к канонизации подвижников веры и благочестия, особенно мучеников и исповедников 20 столетия в пределах каждой епархии».

После Архиерейского Собора во многих епархиях были прославлены для местного почитания новомученики и другие подвижники благочестия. Так, в Костромской епархии состоялась канонизация пострадавшего в 1938 г. архиепископа Костромского и Галичского Никодима (Кроткова). Клику местночтимых святых были причислены убиенный в 1940 г. архиепископ Харьковский Александр (Петровский), архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), выдающийся церковный деятель 18 столетия архиепископ Могилевский Георгий (Конисский), преподобный старец Варнава Гефсиманский, скончавшийся в 1906 г. В 1996 г. Святейшим Патриархом Алексием II была совершена канонизация сонма преподобных Оптинских старцев для местного почитания. Прославлены также как местночтимые святые старцы, подвизавшиеся в 20 столетии: архимандрит Лаврентий (Проскура) Черниговский и схиигумен Кукша (Величко).

25 марта 1993 г. Священный Синод одобрил представленный Комиссией по канонизации святых проект постановления «О порядке канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви на епархиальном уровне». Согласно синодальному решению, собранные епархиальной комиссией по канонизации святых материалы, связанные с житием и кончиной подвижника, должны направляться в синодальную

комиссию. По рассмотрении этих материалов и при наличии достаточных оснований для прославления подвижника, Святейший Патриарх дает благословение на его причисление к лику местночтимых святых. Сама же канонизация совершается епархиальным архиереем. Такой порядок прославления подвижников для местного почитания был призван устранить возможные ошибки, поспешные, непродуманные действия в деле исключительной церковной важности и тем уберечь церковный народ от смущения и недоумений.

Одним из важных деяний Архиерейского Собора 1994 г. явилось прославление митрополита Московского Филарета (Дроздова) и священномучеников протопресвитера Александра Хотовицкого, погибшего в 1937 г., и протоиерея Иоанна Кочурова, убитого вскоре после октябрьского переворота. Доклад о прославлении новых угодников Божиих сделал председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. О прославлении священномучеников Александра и Иоанна ходатайствовало священноначалие Американской Православной Церкви, потому что эти пастыри в течение долгого времени совершали церковное служение в Соединенных Штатах. Особое внимание докладчик уделил подготовке комиссией ряда исследований, связанных с предполагаемой канонизацией императора Николая II и царской семьи.

Архиерейскому Собору 1997 г. митрополит Крутицкий Ювеналий представил материалы для канонизации в числе священномучеников, погибших в 1937 г., патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра, митрополита Серафима (Чичагова), архиепископа Фаддея (Успенского). По докладу митрополита Ювеналия Архиерейский Собор причислил их к лику священномучеников для общецерковного почитания.

В истории канонизаций совершенно уникальное место занял Юбилейный Архиерейский Собор 2000 г., который принял решение прославить для общего церковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских 20 в., поименно известных и донныне миру не явленных, но ведомых Богу. К Собору причислен и ряд ранее местночтимых святых мучеников и исповедников, общим числом 1154. В сонме новомучеников и исповедников Российских были прославлены как страстотерпцы император Николай II, императрица Александра, царевич Алексей, великие княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. Соборный акт о канонизации царственных мучеников гласит: «В последнем православном российском монархе и членах его семьи мы

видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4 (17) июля 1918 г., был явлен побеждающий зло свет Христовой веры подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонения за Христа в 20 в.».

Архиерейским Собором было также канонизировано еще 57 святых, послуживших Богу и Церкви в разные исторические периоды, и среди них священномученик митрополит Арсений (Мацеевич), ревнитель церковной свободы, пострадавший при Екатерине Великой, валаамские преподобномученики, убитые отрядом шведских протестантов, оптинские старцы, ранее местночтимые, подвижники 20 столетия преподобные Алексий Зосимовский и Серафим Вырицкий, святой праведный отец Алексий Мечев.

Характерной чертой церковной жизни первой половины 1990-х гг. стало возрождение братского движения. Уже впервые месяцы первосвятительства Алексия II повсеместно организуются братства, особенно много их появилось в Москве и Ленинграде (Петербурге). На Украине и в Галиции учреждались братства, которые ставили своей целью защиту православия от униатской агрессии и раскольнических действий автокефалистов. 12 и 13 октября 1990 г. в Москве прошел первый съезд представителей братств, на котором был учрежден Союз православных братств. Его почетным попечителем стал патриарх Алексий II, председателем был избран иеромонах Кирилл (Сахаров).

Но в деятельности некоторых братств скоро обнаружились и негативные черты, прежде всего чрезмерная политическая ангажированность, компрометирующая их в глазах как церковных людей, так и внешних, в особенности тех, кто придерживается иных политических взглядов. Отдельные братства оказались по существу дела политическими организациями, которые только прикрывались своим церковным статусом. Из недр подобных организаций выросло провокационное движение, направленное на канонизацию царя Ивана Грозного и Григория Распутина. В связи с этим священноначалие потребовало от братств руководствоваться в своей деятельности исключительно церковными задачами и поддерживать тесную связь с приходами. Не все братства подчинились этому решению. Не подчинившиеся, естественно, поставили себя вне церковной ограды.

Оправданную озабоченность вызывала у священноначалия,

духовенства и церковной общественности и деятельность Сретенского братства во главе со священником Георгием Кочетковым. 15 и 16 ноября 1994 г. в Москве была проведена богословская конференция «Единство Церкви», на которой председательствовал епископ Владимирский и Суздальский Евлогий. В конференции участвовали епископы Таллинский и Эстонский Корнилий, Новогрудский Константин (Горянов), Белгородский Иоанн (Попов), находившийся на покое епископ Василий (Родзянко), известные в церковных кругах священнослужители, богословы, церковные историки, зарубежные гости. Конференция была организована Московской духовной академией и Свято-Тихоновским богословским институтом. В центре внимания конференции оказалась своеобразная пастырская практика московских приходских настоятелей священников Георгия Кочеткова и Александра Борисова, а также их сомнительные богословские воззрения, проповеди, публикации, лекции, выступления по радио и многочисленные интервью, вызывающие резкое неприятие большинства духовенства. Единодушно высказанные на конференции критические суждения относительно пастырской практики и богословских взглядов отцов Георгия Кочеткова и Александра Борисова были в дальнейшем правильно восприняты священником Александром Борисовым (ныне протоиерей).

«Устав Русской Православной Церкви», принятый Архиерейским Собором 2000 г., предусматривает возможность создания прихожанами братства и сестричества лишь с согласия настоятеля и по благословению епархиального архиерея. При этом целью братства и сестричества должно быть привлечение прихожан к участию в трудах по поддержанию храмов в надлежащем состоянии, к благотворительности и милосердию, к религиозно-нравственному просвещению. Приходские братства и сестричества, в соответствии с Уставом 2000 г., состоят под начальственным наблюдением настоятеля. В исключительных случаях их уставы, утверждаемые архиереем, могут быть представлены для государственной регистрации. К своей деятельности братства и сестричества приступают после благословения архиерея.

В случае выхода какой-либо части или всех членов братства и сестричества из их состава они не имеют права заявлять претензии на братское и сестрическое имущество и средства. Если общим собранием братства или сестричества выносится решение о выходе из юрисдикции Русской Православной Церкви, такие братства и сестричества лишаются подтверждения о принадлежности к Русской Церкви, что «лишает их права на имущество, которое принадлежало братству или сестричеству на

правах собственности, пользования или на иных законных основаниях, а также права на использование в наименовании названия и символики Русской Православной Церкви», гласит Устав.

Значительным событием церковной жизни 1996 г. стал Всероссийский миссионерский съезд, проведенный в Белгороде с 11 по 14 ноября по инициативе Миссионерского отдела Московской Патриархии. В съезде участвовали миссионеры из всех епархий Русской Церкви. Внимание участников съезда, выступивших с докладами и сообщениями, было сосредоточено на так называемой внутренней миссии, на христианском просвещении и воцерковлении людей, принадлежащих к традиционно православным народам России, но оторвавшихся от Церкви в годы атеистической диктатуры. Председатель съезда епископ Белгородский Иоанн, возглавляющий Миссионерский отдел, после съезда в интервью газете «Радонеж» сказал: «Очень важно, чтобы священники знали, с чем пойти к людям, каким арсеналом средств вооружиться. Одна из самых серьезных проблем – это взаимоотношения с той культурой, которая сложилась в обществе. Нужно дать ей оценку, правильно ее распознать, чтобы не наделать неправильных шагов, скажем, в деле духовного просвещения, чтобы быть верными тем целям, которые объявлены православной миссией на ее съездах».

Начало 1990-х гг. явилось временем освобождения Русской Православной Церкви из тисков рухнувшего тоталитарного режима, расширения ее влияния на жизнь общества, укрепления доверия к ней со стороны всех слоев населения. С 26 по 28 мая 1993 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся I Всемирный русский собор, объединивший общественных деятелей России и русской эмиграции для возрождения русского национального сознания. В организации этого собора самое деятельное участие приняла Православная Церковь. Открывая соборное заседание, Святейший Патриарх Алексий II сказал: «Мы, служители Церкви, видим патриотизм не потворствующим порокам народа, но очищающим его, преображающим и тем подвигающим чад Божиих к святости. Именно идя подобным путем, мы принесем Отчизне не призрачное временное благо, но благо высшее, непреложное. Мы не будем искать недругов, но с верой и мужеством возродимся духовно, отбросим грех и не устранимся никого, не устранимся и злейшего врага рода человеческого – дьявола. Тогда-то и восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь – Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, созидающая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь

святая». В докладе на соборе митрополит Смоленский Кирилл говорил о духовных причинах крушения Российской империи в 1917 г. и о путях восстановления российской государственности в органических для нее традиционных формах, о роли Православной Церкви в жизни российского общества. С тех пор Всемирные русские соборы стали проводиться регулярно при самом деятельном участии в них представителей Русской Православной Церкви.

В связи с передачей Церкви отнятых у нее ранее храмов, большая часть которых находилась в полуразрушенном состоянии, одной из важнейших церковных забот стала их реставрация. Но в 1990-е гг. не только реставрировались полуразрушенные церкви, были восстановлены и некоторые из совершенно уничтоженных храмов, церковно-историческая значимость которых особенно велика. 4 ноября 1990 г. патриарх Алексий II совершил освящение закладного камня восстанавливаемого Казанского собора, построенного в 1633 г. в честь освобождения России от польских интервентов, отреставрированного под руководством замечательного архитектора П. Д. Барановского и вскоре после завершения реставрации, в 1936 г., варварски разрушенного. И Казанский собор был восстановлен, став одним из самых посещаемых храмов столицы.

После разрушения храма Христа Спасителя дерзновенная мечта о его восстановлении согревала сердца верующих москвичей и всех православных русских людей в течение многих десятилетий, превратившись после крушения коммунистического режима в надежду. В конце 80-х гг. возникло общественное движение за восстановление уничтоженного храма Христа Спасителя. Это движение получило поддержку со стороны священноначалия. В 1991 г. в сквере у бассейна, вырытого на месте поруганного и уничтоженного собора, была построена деревянная часовня в честь Державной иконы Божией Матери, чудесное обретение которой произошло в день начала катастрофы российской государственности, когда император Николай II был вынужден отречься от престола.

В новой России идея восстановления всенародной святыни получила понимание со стороны влиятельных государственных и политических деятелей. Президент России Б. Н. Ельцин 5 декабря 1991 г. произнес особую речь в связи с 60-летием со дня разрушения храма Христа Спасителя и в ней подтвердил стремление российского руководства устранить последствия глубоко несправедливой политики многолетней коммунистической диктатуры по отношению к верующим и передать православные святыни, храмы, обители тем, кому они по праву должны

принадлежать. Мысль о восстановлении храма Христа Спасителя широко обсуждалась в печати. Были и противники этого плана, одни при этом исходили из коммунистической атеистической идеологии, другие, декларируя свой антикоммунизм, возражали против восстановления храма, движимые опасением роста влияния Православной Церкви, в которой они видели препятствие для скорейшей вестернизации России, третьи ссылались на прагматические экономические соображения, на нехватку средств в стране, наконец, против восстановления храма Христа Спасителя возражали, прибегая к градостроительным аргументам. Более того, даже в церковной общественности не все были энтузиастами возрождения храма. Некоторые считали, что целесообразнее потратить средства на реставрацию сохранившихся церквей. Но идеологические предубеждения и мелкий прагматизм не были в состоянии противостоять всенародному стремлению к возрождению поруганной и уничтоженной святыни Русской земли, ибо в восстановлении храма Христа Спасителя виделся многим символ возрождения России.

По всей стране совершался сбор средств на восстановление храма. Жертвовали состоятельные люди, свою лепту приносили и малоимущие. Мысль о восстановлении храма получила поддержку руководства Москвы и страны. Несмотря на исключительно трудную экономическую ситуацию в России было решено все-таки выделить средства из городской и государственной казны на возрождение храма. Такое решение вполне вписывается в традиционную для Российского государства политику, движимую идеалистическими мотивами. 7 ноября 1994 г. в Москве состоялось общее собрание наблюдательного совета по воссозданию храма Христа Спасителя. Председателем наблюдательного совета был избран Святейший Патриарх Алексей II, а его заместителем – мэр Москвы Ю. М. Лужков. Закладка храма была совершена в 1995 г.

Началось восстановление храма, ставшее поистине всенародным подвигом, вокруг которого совершалось единение всех, кому дорога Православная Церковь и Россия, независимо от их политических убеждений. Руководителем группы архитекторов был назначен М. М. Посохин. Новое здание не стало точной копией разрушенного собора. Ввиду утраты холма, на котором был воздвигнут первый храм, понадобилось выстроить стилобат, в котором размещен храм Преображения Господня с приделами в память о церквях, находившихся ранее на месте храмов Алексеевского монастыря, залы для заседания Соборов, а также хозяйственные помещения. При восстановлении храма в отдельных случаях использовались варианты проектов К. А. Тона.

Наружные рельефы отлили из бронзы согласно первоначальному проекту, поскольку выбранный позже Тоном мрамор оказался недолговечным. Тем не менее общим обликом новый храм повторяет разрушенный. Монументальная стенопись храма выполнена несколькими бригадами художников, победивших на конкурсе. Они с максимально возможной точностью восстановили уничтоженные композиции в академическом стиле второй половины 19 в.

Первое богослужение в нижнем храме состоялось в день его престольного праздника – на Преображение Господне, 19 августа 1995 г., а в верхнем храме Рождества Христова – в день Пасхи, 14 апреля 1997 г.

По завершении отделочных работ в интерьере верхнего храма в последний день 1999 г., 31 декабря, состоялось его малое освящение. В ночь с 7 на 8 января (25–26 декабря по юлианскому стилю) Святейший Патриарх Алексей II совершил всослужении архипастырей и пастырей Божественную литургию в верхнем храме Рождества Христа Спасителя. Храм был переполнен молящимся народом. За богослужением присутствовали видные государственные деятели и политики, другие известные в стране люди. Среди них был и исполняющий обязанности президента России В. В. Путин, который обменялся со Святейшим Патриархом Алексием II праздничными поздравлениями. С тех пор богослужения в храме совершаются регулярно.

Восстановление храма Христа Спасителя стало символом восстановления исторической преемственности, прерванной катастрофой 1917 г., и залогом возрождения России. Его сооружение послужило сплочению народа России, разделяемого идеологическим разномыслием и политическими пристрастиями, оно засвидетельствовало верность русского народа своей Церкви, от которой его пытались оторвать и массивной пропагандой, и прямым насилием, не прекращавшимся в течение семи десятилетий. Восстановление поруганной и уничтоженной святыни из небытия явилось истинным чудом Божией благодати и свидетельством неотмирной природы Церкви Христовой.

Глава 4. Русское церковное зарубежье

1. Церковная жизнь на канонической территории Московского Патриархата за пределами Советского Союза (1918–1940)

В результате гибели Российской империи и Гражданской войны значительная часть территорий, прежде принадлежавших империи, оказалась за пределами Советского Союза. На этих территориях образовались новые государства: Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Была восстановлена государственность Польши.

После того как в начале 1918 г. румынские войска заняли Бессарабию, Священный Синод Румынской Православной Церкви без согласования с Московской Патриархией распространил свою власть на территорию Кишиневской епархии. Румынские церковные власти хотели оставить на Кишиневской кафедре архиепископа Анастасия (Грибановского), предлагая ему войти в Румынский Синод, но он, как иерарх Русской Церкви, отказался от этого предложения и, удалившись в Константинополь, затворился там в Галате, на подворье русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. По постановлению Священного Синода Румынской Церкви в управление Кишиневской епархией вступил епископ Хушский Никодим (Никулеску).

Глава Русской Церкви патриарх Тихон отреагировал на захват епархии двумя посланиями, адресованными председателю Синода Румынской Церкви митрополиту Молдавскому и Сучавскому Пимену, составленными в октябре 1918 г. В них патриарх Тихон резко протестовал против антиканонических деяний священноначалия Румынской Церкви, которая «своим односторонним, предпринятым без согласия Русской Церкви решением не имела права определить судьбу Кишиневской епархии в смысле подчинения ее своей власти, после того как православная Бессарабия в последние сто лет составляла нераздельную часть русского церковного тела; такой образ действий румынского Священного Синода противоречит одинаково и духу христианской любви, и исконным каноническим указаниям, и священным обычаям Православной Церкви... И к тому же и самый акт присоединения Бессарабии к Румынскому королевству, как мы утверждали это и ранее, далеко еще не является общепризнанным с международной точки зрения и может быть подвергнут пересмотру при окончательном учете результатов мировой войны».

Румынский Синод пренебрег законным протестом патриарха Тихона

и в 1919 г. поставил на Кишиневскую кафедру архимандрита Гурия (Гроссу), русского клирика молдавского происхождения, выпускника Киевской духовной академии, бывшего в канун революции настоятелем монастыря в Смоленске, затем бежавшего в Румынию, в Яссы. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал о Гурии, что, несмотря на русское образование, это был воинственный румынский шовинист, который приветствовал вхождение Бессарабии в состав Румынии. После захвата Кишиневской кафедры Гурий был запрещен в священнослужении священноначалием Русской Православной Церкви.

Почти половину населения Бессарабии составляли православные русские и украинцы. Шовинистический курс архиепископа (а потом и митрополита) Гурия вносил разлад между единоверцами румыно-молдавского и славянского происхождения. В приходах епархии искоренялось церковно-славянское богослужение. О нравственном облике этого архиерея можно судить и по тому обстоятельству, что в 1936 г. он был предан гражданскому суду за похищение 1,5 миллиона лей из Кишиневского епархиального управления. Его преемником стал митрополит Ефрем (Тигиняну).

После возвращения Бессарабии в состав Советского Союза значительная ее часть была включена в Одесскую епархию, а в Кишинев в декабре 1940 г. временно управляющим Кишиневской и Бессарабской епархией был назначен епископ Тульский Алексей (Сергеев). В мае 1941 г. он был возведен в сан архиепископа и стал правящим архиереем Кишиневской епархии, но через месяц началась Отечественная война и последовала новая оккупация Бессарабии Румынией, продолжавшаяся до августа 1944 г. Архиепископ Алексей (Сергеев) был эвакуирован в Центральную Россию.

После избрания в 1917 г. архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) на Владимирскую кафедру вместо архиепископа Алексия (Дородницына), уехавшего на Украину, временное управление Финляндской епархией было поручено викарному епископу Сердобольскому Серафиму (Лукьянову). 17 января 1918 г. он стал самостоятельным правящим епископом, а с 1920 г. – архиепископом Финляндским и Выборгским. Ввиду отделения Финляндии от России, в июне 1919 г. Собор в Сердоболе (ныне Сортавала) обратился к патриарху Тихону с ходатайством о самостоятельности, которая и была дарована Финской Церкви в 1921 г.

Но финское правительство хотело полного разрыва канонических уз Православной Церкви Финляндии с Московским Патриархатом. Власти

потребовали ввести в церковное употребление григорианский календарь. Архиепископ Серафим был вынужден подчиниться, но это требование вызвало протест и неповиновение со стороны большинства монахов древних обителей Севера – Валаама и Коневца. Многие монахи покинули монастыри; другие, оставшись в своих обителях, держались за старый юлианский календарь и подвергались за это преследованию. В монастырях Валаама и Коневца произошло разделение на ново- и старостильников.

Правительство Финляндии потребовало от архиепископа Серафима в трехмесячный срок выучить финский язык и сдать соответствующий экзамен, если он желает сохранить управление Церковью. Этому оскорбительному ультиматуму владыка Серафим не подчинился, за что был устранен от церковного управления и заточен в монастырь на острове Коневце, но по ходатайству митрополита Западноевропейского Евлогия (Георгиевского) он был вскоре освобожден и сумел покинуть Финляндию. На его место был поставлен епископ Герман (Аав) – финн, прежде бывший священником в Эстонии. В 1922 г. под давлением финских властей он был избран викарием архиепископа Серафима, 8 июля 1922 г. в Константинополе, несмотря на протест правящего архиерея, Герман без предварительного пострига был хиротонисан патриархом Мелетием IV во епископа Сортавальского. Став главою автокефальной Церкви, он был самовольно переведен в юрисдикцию Константинопольского Патриархата с титулом «архиепископа Карельского и всей Финляндии», что явилось нарушением канонических прав Русской Православной Церкви.

30 ноября 1939 г., когда началась советско-финская война, в результате которой граница между двумя государствами была отодвинута с Карельского перешейка на запад, монахи Валаамского монастыря были эвакуированы вглубь Финляндии.

Лишь 7 мая 1957 г. было восстановлено молитвенное каноническое общение между Русской Православной Церковью и Финляндской Автономной Церковью. Московская Патриархия признала юрисдикцию Константинополя над Финской Православной Автономной Церковью. Архиепископ Герман (Аав) ушел на покой в 1960 г. и скончался в 1961 г.

После мученической кончины епископа Ревельского Платона (Кульбуша), последовавшей 14 января 1919 г., в Ревель, переименованный правительством Эстонии в Таллин, на кафедру, ставшую самостоятельной, был переведен порховский епископ Александр (Паулус) с возведением его в сан архиепископа. Патриарх Тихон предоставил Эстонской Церкви широкую автономию, но по настоянию эстонского правительства, стремившегося оторвать православный народ Эстонии (это были русские,

сету и часть эстонцев) от Москвы, архиепископ Александр в 1923 г. обратился к Константинопольскому патриарху Мелетию IV с прошением о принятии Эстонской Церкви под свое духовное окормление. Архиепископ Александр отправился с этой целью в Стамбул и 7 июля 1923 г. получил от патриарха Мелетия томос, по которому была признана автономия Эстонской Церкви в юрисдикции Константинопольского патриарха. Константинопольский патриарх возвел архиепископа Александра в сан митрополита Таллинского и всей Эстонии. В церковное употребление был введен новый календарь. Московская Патриархия не могла, естественно, признать канонически неправомерный переход. Митрополит Александр настойчиво проводил эстонизацию церковной жизни, несмотря на то что большинство православных в Эстонии были русскими.

Очагами монашеского подвижничества в Эстонии были Пюхтицкий женский и Псково-Печерский мужской монастыри: граница между Эстонией и Советской Россией по мирному договору 1920 г. прошла так, что ряд исконно русских городов и сел, включая и Печеры с древней обителью, отошли к Эстонии. Настоятелем Псково-Печерского монастыря был архимандрит Иоанн (Булин), сам по национальности сету. В 1929 г. отца Иоанна хиротонисали в викарного епископа Нарвского с сохранением за ним настоятельства в монастыре. Несмотря на свое происхождение, епископ Иоанн противился эстонизации церковной жизни, отстаивал неприкосновенность церковно-славянского богослужебного языка. У эстонских властей это вызвало недовольство, и в 1933 г. владыка Иоанн был устранен от управления Псково-Печерским монастырем и выехал за границу, в Белград. На родину он вернулся в 1941 г., после присоединения Эстонии к Советскому Союзу, но в ходе проводившейся тогда массовой депортации был сослан в Сибирь и там бесследно исчез.

На викарную Нарвскую кафедру в 1937 г. хиротонисали вдового протоиерея, преподававшего Закон Божий в русской гимназии, Павла (Дмитровского). Одним из видных церковных деятелей Эстонии был протоиерей Иоанн Богоявленский, брат митрополита Виленского Елевферия (Богоявленского). В 30-х гг. он редактировал выходивший в Таллине русский журнал «Православный собеседник». Как и большинство православных священнослужителей и мирян, отец Иоанн (впоследствии епископ Исидор) стремился к сохранению церковно-славянского языка в богослужении и русского в проповедях, в школах и делопроизводстве. В 1938 г. он сумел открыть в Таллине богословские курсы с преподаванием

по-русски. Одним из выпускников этих курсов был отец патриарха Алексия II протоиерей Михаил Ридигер. Протоиерей Иоанн Богоявленский оказал большое духовное влияние и на самого будущего патриарха Алексия II, который уже в шесть лет прислуживал в храме, помогая отцу Иоанну.

В 1935 г. Собор Эстонской Церкви принял Устав, по которому она получила наименование Эстонской Апостольской Православной Церкви. Однако этот новый Устав не был утвержден Константинопольским патриархом.

Одним из проявлений антирусского курса эстонского правительства явилось закрытие в 1936 г. кафедрального собора во имя святого благоверного князя Александра Невского. Правда, он не был разрушен, как храм Христа Спасителя в Москве или православный кафедральный собор Варшавы.

После присоединения Эстонии к Советскому Союзу, 27 декабря 1940 г. на расширенном заседании Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви было принято решение о восстановлении канонических отношений с Матерью-Русской Церковью. В марте 1941 г. митрополит Александр (Паулус) посетил Москву и дал клятву в верности Патриархии. 31 марта Эстонская Церковь воссоединилась с Русской Церковью. Она была включена в Прибалтийский экзархат, во главе которого был поставлен митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский).

Рижская епархия после перевода на Рязанскую кафедру архиепископа Иоанна (Смирнова) четыре года оставалась без правящего архиерея. Латвийские власти не разрешили въезд в Латвию ни митрополиту Серафиму (Чичагову), ни архиепископу Геннадию (Туберозову), которых святитель Тихон предполагал назначить на Рижскую кафедру. В 1918 – начале 1919 г. временно Рижской епархией управлял викарный епископ Ревельский священномученик Платон (Кульбуш). Лишь после того как на Рижскую кафедру было предложено перевести из Пензенской епархии архиепископа Иоанна (Поммера), по национальности латыша, вопрос о возглавлении Рижской епархии был улажен с латвийскими властями. Православный народ Латвии, русские и латыши, с радостью и любовью приняли своего нового архипастыря.

В поисках компромисса с правительством священномученик Иоанн ходатайствовал перед патриархом Тихоном о даровании его епархии самостоятельности в делах внутреннего управления, и это ходатайство было удовлетворено: 21 июня 1921 г. патриарх Тихон, Священный Синод и

Высший Церковный Совет признали внутреннюю самостоятельность Латвийской Церкви.

Архиепископ Иоанн стремился объединить православных латышей и русских, ему это удавалось. Популярность его в Латвии была велика, и в 1925 г. его избрали в республиканский сейм. В парламенте архиепископ Иоанн не без успеха отстаивал равноправие Православной Церкви с другими Церквями Латвии. Священномученик Иоанн одинаково хорошо проповедовал на родном латышском и на русском языках. Многим особенно запомнилась его речь, произнесенная в память о почившем первосвятителе Российской Церкви патриархе Тихоне, которого он глубоко чтит. Свято хранил архиепископ Иоанн каноническое единство с Московской Патриархией, что после кончины патриарха Тихона многих в Латвии раздражало.

В ночь с 11 на 12 октября 1934 г. священномученик Иоанн был заживо сожжен на пригородной даче. Преступление так и не расследовали до конца, однако в народе считали, что возможных виновников убийства следует искать среди агентов латвийских властей или советской разведки.

После его кончины в жизни Латвийской Церкви произошли серьезные перемены. Церковь без согласия Московской Патриархии перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. 29 марта 1936 г. митрополит Фиатирский Герман возглавил хиротонию во епископа с возведением в сан митрополита Рижского и всей Латвии бывшего до тех пор гарнизонным священником в Даугавпилсе Августина (Петерсона).

После присоединения Латвии к Советскому Союзу латвийское духовенство через покаяние было принято в юрисдикцию Московской Патриархии. Митрополит Рижский Августин (Петерсон) ушел на покой.

С 1917 по 1921 г. Литовской епархией временно управлял викарный епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский). 28 июня 1921 г. он был назначен правящим архиереем с возведением в сан архиепископа Литовского и Виленского. В конце Гражданской и Первой мировой войн его епархия оказалась разделенной государственной границей между Литвой и Польшей. Епархиальный центр Вильно вместе с Виленским краем, в котором была сосредоточена большая часть православного населения епархии, оказались в пределах Польского государства. Владыка Елевферий за решительное неприятие незаконной автокефалии Польской Церкви был подвергнут в Польше трехмесячному аресту и содержался при этом в одном из католических монастырей. Только в апреле 1923 г., по настоянию литовского правительства, он был освобожден и смог переехать в столицу Литвы Каунас. Архиепископ Елевферий не признал раздела

своей епархии, учиненного священноначалием Польской Церкви, поставившей на Виленскую кафедру в 1922 г. архиепископа Феодосия (Феодосиева).

Литовские власти не настаивали на отделении Литовской епархии от Московской Патриархии отчасти потому, что православных в республике было сравнительно мало, а среди литовцев почти не было. К тому же литовское правительство в своих притязаниях на Вильно, отторгнутый Польшей, встречало поддержку со стороны правительства СССР. Во всяком случае, архиепископ Елевферий не встречал никаких затруднений со стороны властей в сношениях с Патриархией, которой он хранил безусловную каноническую верность. В октябре 1928 г. архиепископ Елевферий приезжал в Москву для доклада о своих епархиальных делах и о положении Православной Церкви в Польше. В ноябре того же года владыка Елевферий был возведен в сан митрополита.

После крушения Польского государства Вильно был передан Литве и стал столицей республики. Митрополит Елевферий переселился в свой кафедральный город. Вскоре республика была присоединена к Советскому Союзу. 31 декабря 1940 г. митрополит скончался от менингита и был погребен в Виленском Свято-Духовском монастыре.

27 февраля 1941 г. на Виленскую кафедру был поставлен архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) с возведением в сан митрополита, одновременно он был назначен экзархом Прибалтики.

Большая часть православных, оставшихся на исходе Первой мировой и Гражданской войн за пределами Советского государства, оказалась подданными Речи Посполитой, восстановленной в результате мировой войны и гибели трех империй. В состав Польши, помимо собственно польских земель, входивших в состав прежней России, Германии и Австро-Венгрии, вошли также белорусские и украинские земли на западе России и принадлежавшая Австро-Венгрии Галиция, большую часть населения которой составляли русины, или украинцы. После подписания Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей в пределах Польского государства оказались Варшавская, Холмская, Гродненская епархии, а также часть Минской с Пинском, Литовской с Вильно и часть Волынской епархии с Луцком.

Существуют разные статистические оценки численности православного населения Польши ко времени ее восстановления: от 3,5 до 5 миллионов. Вошедшая в состав Польши Галиция была населена главным образом униатами, но помимо униатов и католиков латинского обряда там проживало несколько десятков тысяч православных. В 1918 г. в

православие, к вере предков, вернулись 25 000 лемков (русинов) в Перемышльском повете.

Виленской епархией управлял епископ Елевферий (Богоявленский). На викарного епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого) было возложено патриархом Тихоном окормление всей Гродненской епархии. Часть Волынской епархии, входившая в пределы Польского государства, находилась под управлением викарного епископа Кременецкого Дионисия (Валединского). Для окормления церквей Полесья Святейший Патриарх Тихон направил в Пинск епископа Пантелеймона (Рожновского), который по отцу был поляком. Назначенный на Варшавскую кафедру митрополит Серафим (Чичагов) не получил от польских властей разрешения на въезд в Польшу.

Польские власти стремились оторвать православные епархии на своей территории от Московской Патриархии. Свои попытки устроить в Польше независимую от Москвы православную юрисдикцию они начали с контактов с белостокским епископом Владимиром (Тихоницким), видевшим путь к правильному устройению церковной организации в Польше в сохранении канонической зависимости от Патриархии и в созыве всепольского Собора. Польским властям стало ясно, что они не могут рассчитывать на епископа Владимира, и их контакты с ним прекратились. Новым кандидатом правительства на возглавление Православной Церкви в Польше стал кременецкий епископ Дионисий (Валединский). Министерство исповеданий пригласило его в июне 1921 г. в Варшаву для обсуждения проекта устройства высшего церковного управления в Польше, где вскоре, по согласованию с польскими властями, оказался и архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), эмигрировавший из России вместе с разбитыми войсками генерала А. И. Деникина. Министерство пригласило в Варшаву также епископа Пантелеймона. Министр исповеданий откровенно заявил русским архиереям, что вмешательство иностранных церковных властей, иными словами Московской Патриархии, в церковную жизнь Польши нежелательно. Архиереи выразили готовность добиваться автокефалии Православной Церкви в Польше при условии, что этот путь будет санкционирован законной патриаршей властью.

В августе 1921 г. польское правительство сообщило патриарху Тихону через посланника Филипповича в Москве свою заинтересованность в автокефальном устройстве Православной Церкви в Польше. Святейший патриарх был готов к компромиссу. 15 сентября 1921 г. определением Священного Синода главе Православной Церкви в Польше сообщались

полномочия окружного митрополита. Патриарх Тихон своим указом от 27 сентября назначал архиепископа Георгия (Ярошевского) своим экзархом в Польше, правда, без перемещения его на Варшавскую кафедру, которую по-прежнему занимал не имевший возможности выехать за границу священномученик митрополит Серафим (Чичагов). В своем послании минскому архиепископу Георгию Святейший Патриарх ввиду затрудненности сношений Патриархии с польскими епархиями даровал Церкви в Польше права автономии.

Между тем в православном епископате Польши обнаружили разногласия. Образовались две группировки, одна – в нее входили архиепископ Георгий (Ярошевский) и епископ Дионисий (Валединский) – сочувствовала видам польского правительства относительно автокефалии, другая же – весь остальной епископат – дорого ценила каноническую и юрисдикционную связь с Матерью-Церковью и видела в православных, живущих в Польше, часть единого русского народа, разделенного незаконно образовавшимися в результате смуты границами.

Сторонник автокефалии, архиепископ Георгий тщетно пытался преодолеть разногласия среди епископата. 24 января 1922 г. он созвал в Варшаве Архиерейский Собор. Помимо владык Георгия, Дионисия и Пантелеймона (Рожновского), к которым впоследствии под давлением польских властей присоединился и епископ Владимир (Тихоницкий), в деяниях Собора участвовали секретарь Синода Александр (Иноземцев), бежавший вместе с архиепископом Георгием из России, ректор Вольнской семинарии протоиерей Александр Громадский, которого вскоре после пострига с именем Алексий хиротонисали во епископа Луцкого, и начальствующий над православным военным духовенством Василий Мартиш. Министерство исповеданий на Соборе представлял Пекарский. Его усилия в переговорах с русскими архиереями были направлены главным образом на то, чтобы вынудить их подписать так называемые «Временные правила», составленные в министерстве, которыми предусматривался далеко идущий государственный контроль за жизнью Православной Церкви в Польше. 30 января «Временные правила» подписали только владыки Георгий и Дионисий. Епископы Владимир и Пантелеймон, участвовавшие в заседании Собора, отказались поставить свои подписи под документом.

В тот же день патриарх Тихон издал указ о переводе архиепископа Георгия на Варшавскую кафедру и возведении его в сан митрополита, поскольку стала очевидной невозможность добиться от польских властей разрешения на въезд в Варшаву митрополита Серафима (Чичагова),

который имел репутацию крайне правого по своей политической ориентации. Но титулярное возвышение владыки Георгия отнюдь не означало поддержки его намерений со стороны патриарха, ибо в указе уже не упоминаются ни церковная автономия, ни его экзаршие права.

Арест патриарха Тихона был использован митрополитом Георгием как еще один довод в пользу провозглашения автокефалии. На заседании архиерейского Синода 14 июня 1922 г. в Варшаве под председательством митрополита Георгия было решено, что «ввиду церковной смуты и развала в России не может быть возражений против автокефалии Православной Церкви в Польше», но необходимым условием для ее провозглашения ставилось «благословение на автокефалию польскому правительству (именно так. – В. Ц.) от Константинопольского и других патриархов, а также от глав автокефальных Церквей Греческой, Болгарской и Румынской, а также от Московского патриарха в случае его возвращения к церковному управлению и, если в России не будет упразднено патриаршество». Это решение означало условное учреждение автокефалии. Архиепископ Елевферий (Богоявленский) и епископ Владимир (Тихоницкий) по приговору церковного суда, состоявшего из епископов, подчинившихся диктату польской власти, были уволены со своих кафедр.

Путь к автокефалии, выбранный митрополитом Георгием, и его безусловное подчинение диктату польской власти у части православных в Польше вызвали крайнее ожесточение. 8 февраля 1923 г. ректор Вольнской семинарии архимандрит Смарагд (Латышенко) в митрополичьей резиденции несколькими выстрелами убил варшавского митрополита. Как выяснилось на процессе, в его намерение входило и убийство архиепископа Дионисия, который также находился в резиденции, но тот спрятался в шкафу и тем спас себе жизнь. Архимандрит Смарагд, один из самых последовательных, энергичных и образованных противников автокефалии, был лишен сана и осужден на десять лет тюремного заключения. Отбыв их полностью, он в 1935 г. выехал в Чехословакию.

Убийство митрополита Георгия явилось вопреки замыслу его исполнителя ударом не по автокефалистам, а по их противникам. 29 апреля 1923 г. в Богоявленском монастыре Кременца состоялась интронизация владыки Дионисия как главы Церкви с титулом «митрополита Варшавского и Вольнского и всей Православной Церкви в Польше и священноархимандрита Почаевской Успенской лавры». Новый глава Церкви, как и его предшественник, действовал в полном согласии с

правительством. Возглавлявший оппозицию архиепископ Елевферий (Богоявленский), арестованный и высланный польскими властями в Литву, продолжал управлять своей епархией из Каунаса (Ковно) и требовал от епархиального духовенства не подчиняться митрополиту Дионисию. Еще раньше митрополит Дионисий направил в Вильно викарного епископа Луцкого Алексия (Громадского), чтобы взять под контроль Виленскую епархию. Но правящим архиереем в Вильно был назначен бежавший из Советского Союза архиепископ Одесский Феодосий (Феодосиев), а Алексий (Громадский) был перемещен на Гродненскую кафедру, от управления которой был устранил епископ Владимир (Тихоницкий). Таким образом, все кафедры оказались заняты епископами, готовыми к сотрудничеству с польскими властями. 23 мая 1924 г. патриарх Тихон направил письмо митрополиту Дионисию с резким осуждением самочинного отделения Православной Церкви в Польше от всероссийского патриарха.

Православные миряне, мало осведомленные в делах иерархических, были недовольны готовностью епископата перейти на новый календарь. Еще в июле 1923 г. Священный Синод просил Министерство исповеданий разрешить православным военным служащим и государственным служащим иметь выходные дни в великие праздники по юлианскому календарю, в ответ было рекомендовано перейти на григорианский календарь, тогда Священный Синод обратился в Константинополь. В марте 1924 г. оттуда пришел ответ, что патриарх Григорий VII ввел новый календарный стиль в Константинопольской Церкви и благословил введение его в Польше. На совещании православных епископов в Варшаве 12 апреля 1924 г. объявили о введении нового календаря в Православной Церкви в Польше. Польские чиновники подвергали жестким репрессиям тех приходских священников, которые отказывались совершать богослужения по новому календарю.

Теря авторитет в народе, митрополит Дионисий созвал 16 августа 1924 г. в Почаеве заседание Синода для выработки программы экстренных мер по урегулированию сложившейся ситуации. На нем епископы выступали за то, чтобы придерживаться впредь гибкой линии: там, где народ отказывался принимать новый стиль, благословлять совершение богослужения по юлианскому календарю. С тех пор новый календарь остался в употреблении в Варшавском митрополичьем соборе и в православных церквях воеводств с преимущественно польским населением. На Волыни и в Белоруссии в православных церквях вернулись к юлианскому стилю.

Власти выслали из страны не имевших польского гражданства

епископов Владимира (Тихоницкого) во Францию и епископа Сергия (Королева) в Чехословакию. Из оппозиционного епископата в Польше оставался только владыка Пантелеймон, которого не могли выслать из страны ввиду его польского гражданства, но вплоть до 1939 г. он оставался без кафедры.

16 августа 1924 г. Синод составил послание патриарху Тихону, главная мысль которого заключалась в том, что не произвол епископов, а сама жизнь подталкивает Православную Церковь в Польше к самостоятельности. Ответа от патриарха Тихона на это послание не последовало. 13 ноября 1924 г. после переписки с митрополитом Дионисием Константинопольский патриарх Григорий VII вместе с Синодом дал благословение на учреждение автокефальной Церкви в Польше. Через четыре дня после принятия этого решения патриарх Григорий VII скончался. Его преемник Константин VI 30 января 1925 г. известил все автокефальные Церкви о состоявшемся определении, но вскоре после этого он был выслан турецким правительством из Константинополя, и только его преемник Василий III отправил томос о даровании автокефалии в Варшаву. Цель польского правительства – оторвать русский православный народ в Польше от канонической связи с Московской Патриархией – была достигнута.

Православная Церковь в Польше после ее незаконного автокефального устройства и частичной реорганизации епархиального деления состояла из пяти епархий: Варшавско-Холмской, во главе которой стоял глава автокефальной Церкви с титулом митрополита Варшавского и всей Польши, Вольнской с кафедральным городом в Кременце, Полесской с центром в Пинске, Гродненской и Виленской. Помимо епархиальных кафедр были открыты еще кафедры викарных епископов: Люблинская в Варшавской епархии, Луцкая и Острожская в Вольнской, Камень-Каширская в Полесской епархии. Во всех православных епархиях насчитывалось около полутора тысяч приходов и свыше двух тысяч приходских и приписных церквей – значительно меньше дореволюционного их числа на этой территории, а также 15 монастырей: 10 мужских и 5 женских, среди которых первенствовала Успенская Почаевская лавра. В белорусских землях важнейшими очагами монашеской жизни были Жировицкий Успенский монастырь в Гродненской епархии и Свято-Духовский в Вильне; в Подляшье – Яблочинский монастырь преподобного Онуфрия Великого. Священнослужителей готовили на богословском факультете в Варшаве и в двух духовных семинариях: в Вильне и в Кременце на Волыни;

существовала также иноческая школа в Яблочинской обители. Официальным языком обучения в духовных школах был польский, но на практике таковым, как правило, оставался русский, в Волынской епархии предпринимались попытки пользоваться украинским языком.

Положение Православной Церкви в Польше существенным образом зависело от отношения к ней польского правительства, влиятельных политических сил, польского католицизма и Ватикана, который рассматривал Польшу как плацдарм для своего наступления на православную Россию. Предварительные шаги к осуществлению долгосрочного плана по расширению юрисдикции Ватикана на огромную территорию России были предприняты уже в год крушения императорской России. В 1917 г. папа Бенедикт XV основал в Риме Папский Восточный институт, в котором готовили специалистов по христианскому Востоку для миссионерства среди православных. Для изучения «восточного вопроса» папа направил в Польшу своего нунция кардинала Ратти, впоследствии ставшего папой Пием XI. В Варшаве была учреждена Восточная миссия иезуитов.

Большевистские зверства давали курии особую надежду на успех прозелитической миссии. Выступая в Восточном институте через двадцать лет после его основания с докладом «Католический апостолат в будущей России», иезуит доктор Швайгель сказал: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам, и одухотворенное состояние русского народа, его благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России». Став папой, Пий XI с его опытом служения в Польше явился компетентным и энергичным организатором католического наступления на Востоке.

Лучшим средством окатоличивания России тогда казалась уния. В 1923 г. в Подлясье местный католический епископ латинского обряда Генрих Пжеждзецкий испросил у Римской курии дозволение вести униатскую пропаганду среди православных на территории своей епархии и включать вновь образуемые католические приходы восточного обряда в свою юрисдикцию. Новообразованные общины назывались иначе, чем униатские приходы Галиции, это были парафии католического Костела (приходы Католической Церкви) восточно-славянского обряда. Польские власти надеялись, что эти приходы будут быстро полонизироваться. В восточные воеводства Польши с миссионерскими целями направлялись монахи-редемптористы и иезуиты. Главным центром униатской пропаганды в Речи Посполитой стал униатский монастырь, основанный специально с миссионерской целью в Альбертине, в имении графа

Пусловского около Слонима, в 1924 г. Организаторами и руководителями этого центра были иезуиты, вначале француз Филипп де Ронни, а после его отъезда – ксендз белорусского происхождения А. Неманцевич. Но затея эта провалилась. В 1935 г. в Альбертине числилось пятьдесят миссионеров и около трехсот прихожан из окрестных деревень, причем какую-то часть униатов составляли, несомненно, просто переселенцы из Галиции. Таким образом, попытка распространения унии, предпринятая впервые после Бреста с таким размахом, с такими грандиозными целями, на этот раз решительно провалилась. Православный народ Западной Руси сохранил преданность вере отцов – святому православию.

Разочаровавшись в униатской миссии и отвернувшись от нее, польские националисты, определявшие восточную политику правительства, предпочли иные пути: привлечение православных в католичество латинского обряда либо полонизацию православных общин. В 1936 г. Варшавская митрополия согласилась на требование Министерства исповеданий в дни государственных праздников совершать богослужения по-польски. Митрополит Дионисий сам совершил молебен в митрополичьем соборе 11 ноября на польском языке. По приходам были разосланы переводы панихиды и молебна на польский, но они оказались из рук вон плохи; ряд литургических выражений был переведен с грубыми богословски значимыми нарушениями смысла.

Особенно энергично польский язык внедрялся в пасторское окормление православных солдат польской армии. В мае 1935 г. митрополит Дионисий разрешил военному духовенству в тех случаях, когда того желает паства, проповедовать по-польски. Разрешение скоро превратилось в предписание, а за польских солдат эту проблему решали их командиры католического исповедания. По указу митрополита Варшавского с 1935 г. в православных храмах введено было пение в дни государственных праздников национального гимна Польши, естественно, по-польски. В 1938 г. в белорусских церквях проповедь на русском языке оказалась под запретом. Белорусские священники часто не знали польского языка и вовсе прекратили проповедовать. Младшее поколение духовенства уже в достаточной мере было воспитано в польском духе, но православный народ национальности своей не поменял, по-польски понимал плохо, тем самым вообще подрывалось влияние Церкви на народ.

Языковая сумятица вносилась в жизнь Польской Православной Церкви и отдельными попытками ее украинизации. Правда, происходило это не столько под давлением сверху, сколько усилиями политизированных церковных деятелей Воьлини, пользовавшихся отчасти

поддержкой униатов Галиции. В 20-х гг. украинизация Православной Церкви на Волыни встречала благожелательное понимание со стороны маршала Пилсудского. Но на Холмщине попытки украинизации жестоко пресекались властями. Натиск украинизаторов особенно усилился после хиротонии на викарную Луцкую кафедру архимандрита Поликарпа (Сикорского), в прошлом начальника канцелярии у Семена Петлюры, рьяного украинского националиста. В бытность настоятелем Жировицкой обители, он при каждении храма демонстративно обходил Казанскую икону Божией Матери, громко изрекая при этом: «Це не можна, це кацапська». В июне 1934 г. епископ Поликарп впервые отслужил литургию на украинском языке в Ровенском соборе, при этом грубо обошелся с отказавшимся сослужить ему «на мове» настоятелем собора протоиереем Димитрием Сайковичем.

28 августа (10 сентября), в день памяти обретения мощей преподобного Иова Почаевского, в лавру съехалось множество богомольцев. Предводители так называемого «Беспартийного блока сотрудничества с правительством» Буря и Скрыпник (недавно скончавшийся «патриарх» Мстислав) устроили в обители грандиозную демонстрацию. Во время крестного хода, возглавлявшегося митрополитом Дионисием, в сослужении всех православных епископов Польши и сонма духовенства, над молящимися взвилось несколько десятков «жовто-блакитних» флагов, демонстранты развернули плакат с требованием создания Украинской Церкви, раздавались угрозы в адрес москалей. Один из бандитов замахнулся на митрополита Дионисия палкой, которую в последний момент поймал казначей лавры. Когда на колокольню был водружен «жовто-блакитний» флаг, архиепископ Алексей (Громадский), окинув взглядом происходящее, воскликнул: «Як гарно!» С горькими чувствами наблюдали молящиеся, как группа из ста человек во главе со Скрыпником и Бурей, устроив погром и разорение, вышла из лавры на базарную площадь Почаева и митинговала еще и там «за Українську Церкву».

После почаевского скандала митрополит Дионисий уступил натиску украинизаторов и в 1934 г. перевел архиепископа Алексея (Громадского) из Гродно на Волынь, в Кременец. До революции владыка Алексей в протоиерейском сане был ректором Холмской семинарии и зарекомендовал себя русским патриотом, состоял в «Союзе архангела Михаила», написал книгу по церковной истории Холмщины, которую справедливо называли «сплошным гимном русскому политическому и национальному самодержавию». Но в Польше архиепископа Алексея

словно подменили, он стал одним из ревностных украинизаторов Церкви. Архиепископ Алексей издавал на украинском языке епархиальную газету, проповедовал в храме, что заметно смущало прихожан, которые хотя и были местного происхождения, но сознавали себя частью единого русского народа: в 20–30-х гг. на Волыни слово «украинец» воспринималось скорее не как этноним, а как обозначение политической ориентации, почти как синоним «самостийника». В 1937 г. в Волынской епархии было официально разрешено совершать богослужение на украинском языке.

Польские власти в 20-х – начале 30-х гг. поощряли украинизацию Православной Церкви, видя в этом одно из средств ее отрыва от Москвы. Но впоследствии, особенно после убийства в 1934 г. националистами министра Перацкого, украинское националистическое движение, к которому принадлежали и украинизаторы Церкви, стало вызывать серьезную озабоченность властей. В 1938 г. покровитель церковных украинизаторов волынский воевода Н. Юзефский был переведен на запад Польши. Полонизация, которая давно уже навязывалась православным приходам Подляшья, Полесья, Гродненщины, теперь, по расчетам польского правительства, должна была бескомпромиссно проводиться и на Волыни. Но оставались уже считанные дни для проведения какой бы то ни было польской политики на востоке. Близился крах государства.

Среди испытаний, выпавших на долю Православной Церкви в Польше, помимо униатской экспансии, полонизации и украинизации, была еще и прямая агрессия: конфискация движимого и недвижимого имущества, захват православных храмов, их разрушение, арест священнослужителей и мирян, не говоря уже о публичных, в том числе и печатных, оскорблениях православной веры.

Захваты православных храмов католиками на территории Польши начались еще в 1919 г. На юридическом языке разорение Церкви называлось ревиндикацией. Костел затребовал передать ему то имущество Православной Церкви, которое ранее, до воссоединения униатов Белоруссии на Полоцком Соборе в 1839 г. и Холмщины в 1875 г., принадлежало Греко-Католической Церкви – всего 718 храмов; при этом грубо игнорировалось то обстоятельство, что ранее, до введения унии, это имущество, земли, храмы были православными, некоторые хотя и строились униатами, но на месте стоявших здесь прежде православных церквей. Варшавский суд в 1933 г. постановил 70 церквей передать католикам, а судьбу других 708 отдавал на усмотрение местной администрации. И теперь храмы, как и до суда, отнимали у православных

в административном порядке. Историк Белоруссии и Белорусской Церкви епископ Афанасий (Мартос) пишет об этом так: «Польские власти закрыли все церкви в учебных заведениях, госпиталях и тюрьмах, отняли у православных более ста приходских церквей, некоторые отдали католикам, а часть оставили вообще закрытыми. Более десятка церквей вообще разрушили. Из тринадцати мужских и женских монастырей довоенного времени осталось здесь пять. Остальные восемь монастырей (6 мужских и 2 женских) передали католикам или использовали на государственные нужды».

Особенно тяжелые удары по Православной Церкви были нанесены в землях со смешанным православно-католическим населением: в Подляшье и на Холмщине. В 1914 г. на Холмщине было 393 православных храма, а в 1938 г. осталось лишь 229. В древнем православном городе Холме, поляками переименованном в Хелм, из четырнадцати православных храмов довоенных лет к 1937 г. богослужение совершалось лишь в двух. Две церкви взорвали динамитом, несколько храмов разобрали на кирпичи, в одном устроили кинотеатр, в другом сельскохозяйственную выставку, в третьем разместили пожарную команду и, наконец, еще одну церковь приспособили под жилые помещения. Практику большевиков по борьбе с Православной Церковью здесь, на Холмщине, копировали до мелочей.

Советский опыт использовался польскими властями и в осквернении православных святынь. Вокруг храма в центре Белостока местными властями был устроен грохочущий, визжащий аттракцион, а к самой церкви прикрепили вывеску: «Луна-парк». С первых лет существования восстановленного Польского государства в русских гарнизонных церквях устраивались военные склады, где хранили фураж, дрова, уголь, а в некоторых размещали конюшни или даже устраивали отхожие места. За два межвоенных десятилетия в Польше были взорваны сотни храмов. Эта горькая участь не миновала и великолепный православный собор в центре Варшавы, один из лучших памятников неовизантийского зодчества второй половины 19 в. Храм взорвали в 1922 г., при этом погибли великолепные мозаики. Утрата эта соизмерима разве что с гибелью храма Христа Спасителя в Москве.

Новый этап разрушения Православной Церкви начался в 1938 г. после заключения польским правительством с Ватиканом договора, основанного на ранее подписанном конкордате. Этот договор касался судьбы православных храмов и все еще принадлежавших Православной Церкви земельных владений, на которые претендовали католики. В одном только 1939 г. на Холмщине в результате исполнения правительством этого

договора Православная Церковь утратила 176 церквей, так что к концу существования Польского государства там осталось лишь 53 православных прихода.

Глава униатов Галиции митрополит Андрей (Шептицкий), который отнюдь не принадлежал к числу друзей Православной Церкви, счел своим долгом в 1938 г. в особом архипастырском послании заявить: «Поразительные события, которые происходят в последние месяцы на Холмщине, побуждают меня публично выступить в защиту наших братьев, не воссоединенных греко-кафолических христиан Волыни, Холмщины, Подляшья и Полесья, и призвать вас к молитве за них и к подвигу покаяния, чтобы испросить у неба милость Божию... Все церковно воссоединенные христиане болезненно переживают удар, которым поражено дело унии. Собратья на Холмщине убивают в душах наших православных не воссоединенных братьев саму мысль о возможности церковного воссоединения, и Католическая Церковь предстает перед ними как враждебная сила, опасная для православного народа. В глазах нескольких миллионов населения Польши апостолический престол стал совиновником происходящих разрушений. Между Католической и Православной Церквами выросла новая пропасть. Кто же дерзает на столь неслыханные дела, противоречащие интересам государства и порывающие с традицией маршала Юзефа Пилсудского?.. К сожалению, мы должны и в этом моральном ударе по идее церковной унии, по авторитету Вселенской Церкви и католического престола видеть триумф врагов Церкви – вольных каменщиков».

Православный народ не оставался безучастным к горькой участи своей Церкви. Особенно громко свой голос в защиту Матери-Церкви возвышали русские общественные и политические деятели. Известный поборник православия и российский патриот В. В. Богданович выступил в Сенате с большой речью о несправедливости Православной Церкви, о конфискации церковного имущества, о разрушении храмов, о кощунственных оскорблениях православной веры и насилии над православными в Польском государстве.

Положение православной иерархии в Польше, вышедшей под давлением правительства из канонического послушания Московской Патриархии, затрудняло ее действия, направленные на защиту Церкви и противостояние разрушительной политике правительства. Тем не менее Священный Синод в окружном послании от 16 июля 1938 г. заявил: «Все знают, что произошло в последние дни на Холмщине и в Подляшье, где издревле сияла святая православная вера и где наши предки с давних пор

славилась своей верностью православию. И ныне в этих скорбью объятых землях живет более двухсот пятидесяти тысяч православных, чьей верой и верностью дорогой их сердцам Православной Церкви восхищался весь мир. У этих людей разрушили более ста церквей. В знак нашего сострадания и молитвы мы устанавливаем 19, 20 и 21 июля трехдневный молитвенный пост, как научили нас тому богобоязненные ветхозаветные иудеи и первые христиане».

Страдания православных в Польше привлекли к себе внимание людей во всем мире. Особенно потрясена была русская эмиграция. 8 марта 1936 г. в Нью-Йорке состоялось Общее русское собрание, посвященное 75-летию отмены крепостного права в России, с участием представителей четырнадцати русских национальных организаций. В итоге обсуждения положения Православной Церкви в Польском государстве собравшиеся вынесли резолюцию, осуждающую гонения на православие. Эти гонения русская эмигрантская общественность назвала «пережитками средневекового варварства».

Митрополита Дионисия эта резолюция протеста повергла в тревогу. Он счел необходимым во всех изданиях Православной Церкви в Польше напечатать свое обращение к польскому правительству, в котором, в частности, говорилось: «Выражаю свое самое глубокое возмущение ввиду провокационной акции, подчеркивая, что вопрос резолюции внесу на чрезвычайную сессию Синода, каковая будет созвана в ближайшее время. Таким образом желаю публично выразить горячую привязанность автокефальной Православной Церкви в Польше к государству и опровергнуть гнусные инсинуации». Чрезвычайная сессия Священного Синода была созвана 20 июня. В своем определении Синод аттестовал упоминание о многочисленных случаях преследований православных в резолюции американского собрания русской общественности как «гнусные инсинуации». «Польша – суверенное государство, которое имеет право вникать во все стороны бытия и жизни своих граждан и устраивать эту жизнь сообразно с порядками и интересами общего целого», – отмечалось в определении Синода. Актом предательства назвали этот прискорбный документ ревнители православия и русские патриоты. Он явился ярким примером несвободы Церкви в конституционно-демократическом государстве и подтверждал правоту тех, кто возвышал свой голос в защиту обездоленного и гонимого русского православного меньшинства в Польше, участь которого была немногим лучше той, что выпала на долю их братьев по вере и крови в стране, поработанной Коминтерном.

В течение более чем полутора десятилетий правовой статус Православной Церкви, а также в значительной мере и ее внутреннее устройство регламентировались «Временными правилами». Ненормальность такого положения была очевидной. В результате переговоров польских властей с Синодом Православной Церкви был выработан текст «Внешнего устава Польской Автокефальной Православной Церкви», который 18 ноября 1938 г. подписали президент, премьер-министр и министр исповеданий Польской республики. Через несколько дней после издания этого акта был опубликован «Внутренний устав» Польской Православной Церкви. Согласно «Внешнему уставу», для созыва церковного Собора требовалась санкция министра исповеданий. С гражданскими властями должны были согласовываться поставления епископов на кафедры. Епархиальный архиерей, прежде чем назначить священника или диакона на приход, должен был получить от местного воеводы справку об отсутствии возражений против предлагаемой кандидатуры. Преподавание Закона Божия православным детям переводилось в ведение Министерства образования. Подобных стеснений не знало в Польше римо-католичество, статус которого регламентировался актом международного права – конкордатом польского правительства с Ватиканом. При издании новых уставов произошло переименование Православной Церкви в Польше в Польскую Автокефальную Церковь. По существу, это был акт юридического закрепления ее полонизации. Церковь православного народа Западной Руси, только незначительная часть которого пользовалась государственным языком как своим родным, а основная масса его, по существу, не владела им, становилась по своему официальному названию польской Церковью.

Менее чем через год после издания, навязанного Православной Церкви внешнего и внутреннего уставов действие их прекратилось вследствие исчезновения самой Польской республики. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. В считанные дни отчаянное сопротивление польской армии было сломлено, и немцы оккупировали западные воеводства. 17 сентября в восточные воеводства Польской республики, в пределы исторической Западной Руси, вошла Красная армия. Западная Белоруссия, Волынь и Галиция были включены в состав Советского Союза, а исконно польские земли, а также территории Подляшья, Холмщины и Западной Галиции со смешанным польско-русским населением вошли в генерал-губернаторство Третьего рейха. Поляками католического вероисповедания гибель их государства с самого начала переживалась как великая национальная трагедия, это было

трагедией и для православных подданных, но для них Польша оказалась злой мачехой, поэтому многие на Волыни, в Полесье, на истерзанной Холмщине тешили себя иллюзиями на лучшее и рассуждали так: хуже, чем под поляками, не будет, потому что хуже некуда. В этом они ошибались.

После гибели Польского государства на территории генерал-губернаторства оказалась одна епархия Польской Православной Церкви – Варшавско-Холмская. Учитывая радикально изменившуюся государственно-политическую ситуацию, митрополит Дионисий отказался от возглавления Церкви. 23 декабря 1939 г. он отправил архиепископу Берлинскому Серафиму (Ляде), иерарху, состоявшему в юрисдикции зарубежного Синода Русской Православной Церкви письмо, в котором писал: «Распад независимого Польского государства, существованием которого была обусловлена независимость и автокефалия Православной Церкви в Польше, лишает Церковь возможности автокефального существования в дальнейшем. Новый государственный порядок, установленный на бывшей польской территории, которая ныне принадлежит к области германских имперских интересов, вызывает необходимость объединения бывшей автокефальной Православной Церкви в Польше с церковными организациями, которые представляете Вы, Ваше Высокопреосвященство... В связи с вышеизложенными основаниями я сообщаю Вам, что со дня принятия Вами на себя церковного управления отказываюсь от дальнейшего окормления вышеназванной Церкви».

Вскоре после составления этого письма митрополит Дионисий оказался под домашним арестом на своей даче в Отвоке, а архиепископ Серафим с согласия зарубежного Синода Русской Православной Церкви прибыл в Варшаву. 21 марта 1940 г. генерал-губернатор Франк издал статут о временном церковном управлении в Люблинском округе, первый параграф которого гласил, что православные священники округа находятся в ведении православного архиепископа Берлинского и всей Германии, как местоблюстителя автокефальной Православной Церкви в генерал-губернаторстве.

Но церковная политика архиепископа Серафима вызвала спустя некоторое время неодобрение со стороны администрации генерал-губернаторства. В это время в Кракове был образован Украинский комитет, состоявший исключительно из униатов-галичан, проводивших линию митрополита Андрея (Шептицкого). Под влиянием этого комитета в преддверии войны с Советским Союзом и оккупации Украины Франк взял курс на создание на территории генерал-губернаторства опорной базы

по формированию православного епископата для Востока и преобразованию Православной Церкви в Украинскую. По рекомендации Украинского комитета были подобраны два кандидата на епископские кафедры из националистов-украинцев православного вероисповедания, но сочувствующих унии. Это были профессор Иван Огиенко и архимандрит Палладий (Выдубида-Руденко). В прошлом Огиенко был министром исповеданий, а Выдубида-Руденко – заместителем министра финансов в правительстве Петлюры. Архиепископ Серафим отказался хиротонисать этих лиц, а митрополит Дионисий готов был выполнить требование генерал-губернатора. Иоанна (Огиенко) рукоположили на Холмскую кафедру в октябре 1940 г., а Палладия (Выдубида-Руденко) – на Краковскую в феврале 1941 г. Архиепископа Серафима, по происхождению немца, активисты Украинского комитета обвинили в русофильстве и непонимании истинных интересов германского правительства на Востоке, и он был вынужден отказаться от окормления православных приходов генерал-губернаторства, передав бразды правления митрополиту Дионисию, возвратившемуся на Варшавскую кафедру 23 сентября 1940 г. В беседе с митрополитом Дионисием Франк внушил ему надежду на то, что в будущем он возглавит Русскую Православную Церковь.

В условиях германской оккупации Православная Церковь в Польше изменила свой национальный характер. Она стала восприниматься как украинская национальная Церковь. Территория генерал-губернаторства была разделена на три епархии: Варшавскую, во главе которой остался митрополит Дионисий, Холмскую и Подляшскую во главе с Иоанном (Огиенко) и Краковскую и Лемковскую во главе с епископом Палладием. Большая часть православных, объединенных в 170 приходов, находилась в юрисдикции холмского епископа. Три правящих архиерея во главе с митрополитом Дионисием образовали Синод, при котором в должности вице-председателя состоял известный украинский националист Степан Скрыпник. Ко времени немецкой оккупации Польши он был директором кожевенной фабрики в Люблине. Скрыпник пользовался особым доверием администрации генерал-губернаторства и был проводником германских политических интересов в Синоде.

Большая часть православного населения разгромленной Польши, около четырех миллионов человек, в сентябре 1939 г. оказалась на территории Советской Украины и Белоруссии.

2. Церковная диаспора

Поражение белых армий в Гражданской войне вызвало исход

огромных масс русских людей – остатков разбитых войск и мирных граждан – за пределы России: в Китай, Константинополь, на Балканы и в Западную Европу. К октябрю 1920 г. только в европейских странах оказалось около двух миллионов русских; всего российскую эмиграцию начала 20-х гг. оценивают в три–четыре миллиона человек; главным образом это были люди православного вероисповедания.

Вместе с паствой за рубеж ушли пастыри и архипастыри. Церковная жизнь русских беженцев в Западной Европе сосредоточивалась вокруг православных храмов, построенных в 19 в. в столичных и курортных городах: Париже, Вене, Копенгагене, Дрездене, Висбадене, Женеве, Флоренции, Карловых Варах. На Балканах русские эмигранты молились в православных сербских и болгарских церквях. Центром китайской эмиграции стал Харбин.

Виднейшие иерархи, оказавшиеся за пределами России, – митрополит Киевский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий – первоначально собирались затвориться в монастырях: на Афоне или в Сербии. Митрополит Антоний считал, что всякая деятельность русского Высшего церковного управления за границей должна быть прекращена, а духовное окормление беженцев должны взять на себя поместные Православные Церкви, на территории которых они оказались. «Затем, ознакомившись с действительным положением русской эмиграции и узнав о намерении генерала Врангеля во что бы то ни стало сохранить военную организацию для возобновления борьбы с большевиками, владыка Антоний, – пишет его биограф, – пришел к непоколебимому убеждению в необходимости сохранить русскую церковную организацию». Архиепископ Евлогий писал тогда из Женевы в Константинополь митрополиту Антонию: «Много овец осталось без пастырей... Нужно, чтобы Русская Церковь за границей получила руководителей. Не думайте, однако, что я выставляю свою кандидатуру». Между тем еще до ухода в эмиграцию, 15 октября 1920 г., в Симферополе Высшее церковное управление на юге России назначило управляющим церквями в Западной Европе архиепископа Евлогия.

19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Константинопольском порту состоялось первое за пределами России заседание Высшего церковного управления на юге России, в котором участвовали митрополиты Киевский Антоний, Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). На заседании было вынесено решение о продолжении

деятельности ВЦУ. Высшее церковное управление подтвердило вынесенное еще в Крыму постановление о назначении архиепископа Евлогия управляющим западно-европейскими русскими церквами, включая русские приходы в Болгарии и Румынии, оставив за собой управление русскими церквами Югославии, Греции и Турции. 8 апреля 1921 г. патриарх Тихон вместе со Священным Синодом издали указ о подчинении всех русских церквей в Западной Европе до восстановления нормальных отношений с петроградским митрополитом, в юрисдикции которого они ранее находились, архиепископу Евлогию.

Архиереи, принявшие решение о продолжении деятельности Высшего церковного управления, находились на канонической территории Константинопольского Патриархата, поэтому они должны были вступить в переговоры с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Досифеем о правомерном устройении статуса своего учреждения. Эти переговоры вели митрополит Антоний и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). Результатом переговоров явилось издание указа местоблюстителя от 2 декабря 1920 г. об учреждении Эпитропии (Временного высшего русского церковного управления за границей) под председательством митрополита Антония в каноническом ведении Константинопольской Патриархии, которая сохраняла за собой все судебные прерогативы. При этом, однако, само это ВЦУ считало себя идентичным с Высшим церковным управлением на юге России и оставалось в подчинении патриарха Московского.

После переезда из Константинополя в Югославию 30 июля 1921 г. ВЦУ обратилось к сербскому патриарху Димитрию с посланием, в котором говорилось о признании патриархом Тихоном зарубежного ВЦУ. Это признание было выражено в косвенной форме: 8 апреля 1921 г. Священный Синод во главе с патриархом Тихоном издал указ на имя архиепископа Финляндского Серафима, в котором говорилось: «Ввиду состоявшегося постановления Высшего церковного управления за границей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением преосвященного Вольнского Евлогия, имя которого и должно возноситься в означенных храмах вместо имени преосвященного митрополита Петроградского».

В 1921 г. центром русской церковной жизни за рубежом становится Югославия. 21 ноября 1921 г. в этой стране, в Сремских Карловцах, по инициативе епископа Севастопольского Вениамина и с согласия

патриарха Сербского Димитрия открылось Общецерковное заграничное собрание, переименованное потом в Русский всезаграничный церковный Собор. Собор заседал до 2 декабря. В состав Собора вошли все оказавшиеся за рубежом и сумевшие добраться до Карловцев русские архиереи и члены Поместного Собора 1917–1918 гг., а также делегаты от зарубежных приходов Русской Церкви, от эвакуированной армии, от монашествующих и лица, приглашенные по усмотрению митрополита Антония, архиепископов Евлогия и Анастасия (Грибановского) – управляющего русскими православными общинами в Константинополе, и епископа Вениамина – управляющего военно-морским духовенством. Среди 163 членов Собора было 11 епископов, из них 2 сербских, 22 представителя монашествующих и белого духовенства, 67 делегатов были мирянами, в основном политическими и военными деятелями, в том числе руководители эмигрантского Военного монархического совета Н. Е. Марков и А. М. Трепов. Председателем Собор избрал митрополита Антония, его товарищами – архиепископа Кишиневского Анастасия, протоиерея С. Орлова, А. Крупенского, князя Ширинского-Шихматова.

Участие в Соборе политических деятелей, которым сочувствовал митрополит Антоний, создавало обстановку ангажированности, в которой председатель Государственной думы М. В. Родзянко, появившийся на Соборе в Карловцах как член Всероссийского Поместного Собора, был с негодованием изгнан с его заседаний – его обвинили в развале Российской империи.

Собор составил два послания. В одном из них говорилось: «Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм, этот культ убийства, грабежа, из России и всего мира». Поскольку все постановления Собора начинались со слов: «По благословению Святейшего Тихона», то, несмотря на то что патриарх был лишен возможности даже ознакомиться с их текстом, советское руководство возложило на него ответственность за издание этих документов.

Во втором послании Собора, обращенном к чадам Русской Церкви в рассеянии и изгнании сущим, были такие слова: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту вере и Церкви, и всей земле Русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский

престол помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых».

Против этого места из обращения возражали многие на Соборе. Архиепископ Евлогий призывал к благоразумию: «Поберегите Церковь, патриарха. Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху итак уже тяжело!» 34 члена Собора, в том числе архиепископы Евлогий и Анастасий, епископы Вениамин (Федченков), Аполлинарий (Кошевой), Сергий (Королев), Максимилиан, 12 священников, сделали письменное заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством отдела «Духовное возрождение России» постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер и, как таковая, обсуждению церковного собрания не подлежит, почему мы в решении этого вопроса и голосовании не считали возможным принять участие».

Митрополит Антоний, возражая тридцати четырем, сказал: «Вопрос династии не политический, а чисто церковный, ибо отвергать этот вопрос – значит отвергать существующие, никем не отмененные основные законы, соглашаться с так называемыми «завоеваниями революции», то есть одобрять низвержение государя с царственной династией, уничтожение русского народа и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный, нравственный, и, следовательно, чисто церковный».

Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония, которому Собор усвоил звание заместителя патриарха. Высшее церковное управление состояло из Архиерейского Синода и Церковного Совета. Оно претендовало на возглавление церковной жизни всего русского зарубежья.

Вскоре после окончания Собора в Карловцах патриарх Тихон направил сербскому патриарху Димитрию грамоту: «Сердце Наше тем более исполнено чувством радости и благодарности Вашему Блаженству, что Мы живо сознаем все то добро, какое сделано и делается Вами по отношению к русским изгнанникам – епископам, клирикам и мирянам, которые, силою обстоятельств оказавшись за пределами своей Родины, нашли себе радушие и приют в пределах Сербской Патриархии». Многими русскими клириками эти слова были восприняты как косвенное одобрение постановлений Карловацкого Собора.

Между тем 5 мая 1922 г. в Москве на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством

патриарха Тихона было вынесено постановление, которое в виде указа патриарха было выслано митрополиту Антонию и возведенному 30 января 1922 г. в сан митрополита Евлогию, временному управляющему западно-европейскими русскими приходами. Указ гласил: «1) Я признаю Карловацкий Собор заграничного духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающими официального голоса Русской Церкви. 2) Ввиду того что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, Высшее церковное управление за границей упразднить. 3) Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления».

Этот акт издан был перед самым арестом святителя Тихона, его издание было продиктовано прежде всего заботой о том, чтобы уберечь Русскую Церковь от новых ударов со стороны властей, предлогом для которых могли послужить акты зарубежного Собора.

Получив этот указ, митрополит Антоний решил подчиниться ему, но большая часть членов ВЦУ склонялась к тому, чтобы не исполнять воли патриарха. 1 сентября 1922 г. в Карловцах состоялось заседание ВЦУ, на котором доклад об указе патриарха сделал секретарь ВЦУ Е. И. Махараблидзе. Он высказал ряд доводов против подчинения указу. Митрополит Евлогий заявил о недопустимости тона, которым ведется обсуждение указа Святейшего Патриарха.

На следующий день в Карловцы из Константинополя прибыл архиепископ Анастасий, и 2 сентября 1922 г. там состоялся Архиерейский Собор, в котором участвовали митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископы Анастасий и Феофан (Быстров), епископы Черноморский Сергий (Королев), Курский Феофан, Челябинский Гавриил (Чепур), бывший Екатеринославский Гермоген (Максимов) – управляющий приходами в Греции, Александровский Михаил, Царицынский Дамиан (Говоров), Севастопольский Вениамин и Лубенский Серафим (Соболев) – управляющий русскими приходами в Болгарии. Собор постановил выразить сыновнее послушание патриарху, упразднить ВЦУ, созвать Русский всезаграничный церковный Собор Русской Православной Церкви. На Соборе был образован Синод, которому впоследствии и передали все полномочия Высшего церковного управления. В Синод были избраны

митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископ Феофан, епископы Гавриил и Гермоген. Епископ Вениамин предлагал, чтобы Синод возглавил митрополит Евлогий. Но было вынесено решение, чтобы председательствовал старейший иерарх – митрополит Антоний.

Между председателем Синода митрополитом Антонием и митрополитом Евлогием наметились тогда серьезные расхождения церковно-административного характера: митрополит Евлогий, расходясь с большинством членов Синода, выводил свои полномочия из указа патриарха и не считал себя подчиненным Синоду. В Париже, где он обосновался, образовав там свое епархиальное управление, архипастырь нашел себе крепкую поддержку в церковно-общественных кругах со стороны таких известных деятелей, как протоиерей Сергий Булгаков, П. Б. Струве, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов. Митрополита Евлогия поддерживал и митрополит Платон, возглавивший Северо-Американскую епархию. Митрополит Антоний, не желая быть камнем преткновения, решил в канун Рождества 1922 г. удалиться на Афон и принять схиму. Но Афонский протат, согласившись вначале на приезд маститого русского архипастыря, потом отказал ему в разрешении поселиться на Афоне.

31 мая 1923 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор, на котором присутствовало 12 епископов, 16 других заграничных архиереев прислали письменные мнения. Всего за рубежом тогда находилось 32 архипастыря из России. Собор вынес ряд постановлений. В одном из них говорилось: «Представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности выражают голос свободной Русской заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни собор иерархов этих епархий не представляет собой власти, которой принадлежали бы права, коими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии... Все находящиеся за пределами России русские православные епископии... суть неразрывная часть автокефального Московского Патриархата».

В постановлении Собора о Западно-европейской епархии было сказано, что она «на основании прав, данных митрополиту Евлогию указами Святейшего Патриарха Всероссийского... и вследствие того, что территория ее обнимает не одну страну, как в прочих епархиях, а заключает в себе большую часть европейских государств, – выделяется в автономный митрополичий округ».

Но на Архиерейском Соборе, состоявшемся в Карловцах 16 октября 1924 г., вновь был поднят вопрос о статусе Западно-европейской

митрополии в связи с тем, что митрополит Евлогий не признавал за Архиерейским Синодом канонической власти над собой. Восемью голосами против четырех при нескольких воздержавшихся было вынесено решение об упразднении автономии Западно-европейской митрополии. По настоянию митрополита Евлогия Собор, однако, согласился отложить исполнение этого постановления до утверждения его патриархом.

Напряженные отношения между митрополитом Евлогием и зарубежным Синодом в 1926 г. привели к формальному разрыву. На очередном Архиерейском Соборе в Карловцах в июне 1926 г. митрополит Евлогий потребовал в первую очередь рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей. Собор отказался менять повестку дня, и митрополит Евлогий покинул Карловцы. Архиерейский Собор осудил митрополита Платона (Рождественского) за его попустительское автокефалистским тенденциям в Североамериканской епархии. В ответ на это митрополит Платон тоже ушел с Собора. Решение Архиерейского Собора о выделении Германии в особую самостоятельную епархию во главе с епископом Тихоном (Лященко) вызвало резкий протест со стороны митрополита Евлогия. Разрыв стал свершившимся фактом. Митрополита Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции: бывший председатель Совета министров В. Н. Коковцов, генералы и офицеры, профессора, литераторы, студенческая молодежь. На очередном Архиерейском Соборе, состоявшемся в январе 1927 г. в Карловцах, митрополит Евлогий и его викарии были запрещены в священнослужении. В ответ на это митрополит Евлогий обратился с посланием к духовенству и приходам, в котором отверг решения, принятые в Карловцах, как неправомочные: «Собор и заграничный Архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моею канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут ведать и решать духовную совесть вверенной мне паствы. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, не зависимого от заграничного Архиерейского Синода существования, так же как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие».

Во Франции и других западно-европейских странах строились православные храмы, открывались новые приходы. Почти все они окормлялись митрополитом Евлогием. В юрисдикции зарубежного Синода остались русские приходы на Балканах, в Германии и на Дальнем Востоке,

главным образом в Китае, где также сооружались новые храмы для многочисленной русской эмиграции.

Еще в 1926 г. заместитель местоблюстителя митрополит Сергей обратился к своим собратьям-архиереям, оказавшимся за рубежом, с настоятельным советом уклоняться от политической деятельности: отказ от антисоветской политики являлся непереносимым условием для того, чтобы сохранить их связь с Патриархией. Если же такая линия, как резонно предвидел митрополит Сергей, окажется слишком трудна для них, то он предлагал им и иной выход – войти в юрисдикцию других автокефальных Церквей и тем избавить Патриархию от ответственности за их политические выступления. Но зарубежный епископат, учитывая настроения своей паствы, жившей ожиданиями падения большевистского режима и возвращения на родину, не мог последовать этому совету, исполненному и скорбью о разделении, и пониманием сложности ситуации, и заботой о сохранении канонических церковных устоев.

14 июля 1927 г. Временный Синод в Москве издал постановление с требованием к зарубежному духовенству прислать в Патриархию обязательства в том, что оно «не допустит в своей общественной, в особенности церковной, деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности советскому правительству». Назначен был и срок – 15 октября, после которого не подавшие такого заявления подлежали увольнению из клира Московского Патриархата. Увольнение грозило и нарушившим свои «обязательства». «Подписки о лояльности» были поданы митрополитом Евлогием, архиепископом Литовским Елевферием, архиепископом Японским Сергием и некоторыми другими архиереями, но епископы, находившиеся в ведении зарубежного Синода, решительно отказались пойти на этот шаг.

Митрополит Антоний в ответ на требование митрополита Сергея и Временного Патриаршего Синода издал окружное послание, в котором говорилось: «Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых учеников – митрополитов Сергея и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви – гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма... И пусть те новые оболъстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевистского царства: в душе они, может быть, и не друзья им, но они

этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими».

Архиерейский Синод в Карловцах 5 июля 1928 г. вынес постановление: «Настоящий указ в положение Заграничной Церкви ничего нового не вносит. Он является повторением того же пресловутого указа Святейшего Патриарха Тихона в 1922 г., в свое время решительно отвергнутого всей Заграничной Церковью...».

Часть священников во Франции, не подавших обязательств, перешла в юрисдикцию зарубежного Синода, который назначил епархиальным архиереем в Париж архиепископа Серафима (Лукьянова).

В 1930 г. от заявлений политического характера не смог удержаться и митрополит Евлогий. В этом году в связи с ужесточением гонений на Церковь в СССР по всей Великобритании были проведены моления о страждущей Русской Церкви. Митрополит Евлогий находился в это время в Англии и участвовал в этих молениях. 10 июня 1930 г. митрополит Сергей и Временный Патриарший Синод уволили митрополита Евлогия от управления русскими приходами в Западной Европе «за нарушение данного им обещания». Управление церквями в Западной Европе было поручено митрополиту Литовскому Елевферию.

Но митрополит Евлогий не подчинился Патриархии. В феврале 1931 г. он «без отпускной грамоты» вместе со своей митрополией перешел в юрисдикцию патриарха Константинопольского, который образовал из русских приходов в Западной Европе экзархат, даровав митрополиту Евлогию сан экзарха. 30 апреля 1931 г. митрополит Евлогий и его сторонники были запрещены в священнослужении Временным Патриаршим Синодом в Москве.

Из викарных архиереев Западно-европейской митрополии верность Матери-Церкви сохранил епископ Вениамин (Федченков), в юрисдикцию которого вошло несколько православных приходов во Франции. Ревностным сторонником сохранения канонических уз русской православной эмиграции с Московской Патриархией был В. Н. Лосский, выдающийся православный богослов 20 в. В юрисдикции Московской Патриархии остался и всемирно известный религиозный философ Н. А. Бердяев.

В Париже оставшиеся верными Матери-Церкви во главе с епископом Вениамином (Федченковым) в 1931 г. образовали общину и, взяв в аренду подземный автомобильный гараж, расположенный в 15-м районе Парижа,

одном из центров русской эмиграции, создали в нем православный храм во имя Трех Святителей. Так возникло Трехсвятительское подворье. В 60-х гг. на этом месте был построен новый дом, первый этаж которого занял Трехсвятительский храм. Этот храм ныне является кафедральным собором Корсунской епархии Московского Патриархата. В период до Второй мировой войны во Франции возникло несколько новых приходов в юрисдикции Московской Патриархии, умножилось число монашествующих. В 1936–1937 гг. было организовано издательское дело, расширилось православное молодежное движение. Большое место в церковной жизни русской диаспоры во Франции заняло православное братство святителя Фотия, важнейшей задачей которого было свидетельство о православии на Западе. Одним из членов братства был В. Н. Лосский.

За пределами Европы в послушании Патриархии оставался архиепископ Сергий (Тихомиров), возглавлявший Православную Церковь в Японии и осуществлявший архипастырское окормление Русской православной миссии в Корее, и камчатский епископ Нестор, который в ту пору возглавлял Камчатское подворье в Харбине, впоследствии, правда, перешедший в юрисдикцию зарубежного Синода.

На Американском континенте Православная Церковь имела свою особую историю, отличную от истории церковной диаспоры в Европе и на Дальнем Востоке. До 1917 г. там существовали не отдельные русские приходы, как в Европе, а целая епархия; причем среди православных в Америке были не только русские переселенцы, но и крещеные местные жители, в особенности на Аляске и на Алеутских островах, – эскимосы, индейцы, алеуты, обращенные трудами и подвигами преподобного Германа Аляскинского, святителя Иннокентия и других миссионеров. Среди православных в Америке были и присоединенные к Православной Церкви белые американцы из протестантов, в состав епархии входили также грекоязычные и арабоязычные приходы. Часть греческих эмигрантов, в особенности на восточном побережье, не пожелала войти в состав Американской епархии Российской Церкви, официальное название которой с 1900 г. было Греко-Православная Церковь Алеутских островов и Америки, и в Нью-Йорке был открыт приход под названием Эллинистическая Восточно-христианская Церковь. Значительную часть (около ста тысяч) русских в Америке составляли воссоединившиеся с Православной Церковью бывшие униаты из Галиции и Карпатской Руси.

В 1918 г. правящим архиереем с титулом епископа Алеутского и Североамериканского был назначен Александр (Немоловский), ранее

служивший викарием епископом в Америке. Последствием русской революции явился наплыв новых политических, а не экономических, как это было ранее, эмигрантов из России, которые благодаря высокому образованию и принадлежности к состоятельным классам заняли лидирующее положение в русской диаспоре, что вызвало трения и в церковной жизни. Новые русские беженцы сознавали себя частью российской белой эмиграции, в то время как американские галичане и карпатороссы к тому времени уже достаточно прочно укоренились в стране. Seriously ухудшилось экономическое положение епархии, потому что субсидии из России прекратились. В этих обстоятельствах «епископ Александр, – как пишет митрополит Евлогий, – в хозяйственных делах человек неопытный, послушался каких-то советчиков и заложил наши церкви, до собора в Нью-Йорке включительно. Это обеспечило на время оплату духовенства, но, когда наступили сроки платежей по закладным, платить было нечем. Поднялись протесты, возникли серьезные трения с карпатороссами – словом, положение создалось запутанное и тревожное».

В 1921 г. ввиду исключительно тяжелого положения Русской Церкви в СССР Константинопольский патриарх Мелетий IV (Метаксакис) предоставил Синоду Элладской Церкви «право» принять в свою юрисдикцию православные греческие приходы в Северной Америке, находившиеся в ведении Московского Патриархата, без согласия на это их священноначалия. 1 марта 1922 г. Священный Синод Константинопольской Церкви по предложению патриарха Мелетия IV принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» Константинопольской Патриархии всей православной диаспоры. Вслед за тем Константинопольский Синод взял обратно у Синода Элладской Церкви право юрисдикции над православными греческими приходами в Северной Америке и перевел их под омофор патриарха Константинопольского. Впоследствии из Североамериканской епархии выделялись и другие нерусские эмигрантские приходы, образуя отдельные епархии в составе поместных Православных Церквей своих национальностей. Так происходил процесс дробления Американской Церкви на сообщество юрисдикций.

В сентябре 1922 г. состоялся 3 Всеамериканский церковный Собор клириков и мирян, избравший митрополитом Американским и Канадским Платона (Рождественского), который ранее, с 1907 по 1914 г., уже возглавлял Американскую епархию и был известен своими незаурядными административными способностями. Митрополит Платон был утвержден в этой должности зарубежным Синодом. Патриарх Тихон в сентябре 1923 г.

издал указ о назначении Платона управляющим Североамериканской епархией с освобождением от управления Херсонской и Одесской епархией. Митрополит Платон сумел сохранить большинство приходов своей епархии и нормализовать ее финансовое положение.

В конфликте между митрополитом Антонием и митрополитом Евлогием, разгоревшемся после Карловацкого Собора, митрополит Платон был на стороне владыки Евлогия, оспаривая права зарубежного Синода на высшую церковную власть в диаспоре, и в связи с этим, а также в условиях отсутствия нормальных сношений с Московской Патриархией в делах текущего церковного управления держался вполне самостоятельно.

После освобождения патриарха Тихона из-под ареста и его заявлений о лояльности советскому режиму митрополит Платон и подведомственное ему духовенство в Америке выступили с рядом политических заявлений и в церковной печати, и даже с амвона. Вынужденный реагировать на них, 16 января 1924 г. патриарх Тихон издал указ следующего содержания: «Ввиду имеющихся данных о контрреволюционных выступлениях североамериканского митрополита Платона (Рождественского), направленных против советской власти и пагубно отражающихся на Православной Церкви, постановляем: 1) уволить митрополита Платона от управления Североамериканской епархией со дня объявления настоящего Нашего распоряжения. 2) Иметь особое суждение о кандидате на Североамериканскую кафедру, коему и предписать объявить настоящее мое распоряжение митрополиту Платону и принять от него все церковное имущество, управляя Североамериканской епархией по особо данной мною ему инструкции. Предложить митрополиту Платону (Рождественскому) прибыть в Москву, в Наше распоряжение».

Этот указ не был, однако, официально выслан митрополиту Платону, и это обстоятельство помогло ему в отстаивании имущества епархии, в том числе церквей и даже Свято-Никольского собора в Нью-Йорке, от посягательств со стороны назначенного в Америку обновленцами лжемитрополита Кедровского. Если бы указ патриарха Тихона был официально отправлен, шансы Кедровского на выигрыш процесса, который он вел в американском суде, могли бы вырасти; однако он проиграл процесс 23 декабря 1924 г., когда его иск был отвергнут американским апелляционным судом.

В апреле 1924 г. под председательством митрополита Платона в Детройте состоялся 4 Собор Американской митрополии, на котором была провозглашена временная автономия Церкви на период до урегулирования взаимоотношений между Церковью и государством в СССР. На

Архиерейском Соборе в Сремских Карловцах в октябре 1924 г. митрополит Платон заявил, что временная автономия его архиепископии не является автокефалией и не означает разрыва с патриархом Тихоном. В тот момент Собор поддержал митрополита Платона в особом обращении к американской пастве. Но митрополит Платон демонстрировал независимость от зарубежного Синода.

В 1926 г. в Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор, в котором участвовал и митрополит Платон. На этот раз митрополиты Евлогий и Платон выступили заодно против притязаний зарубежного Синода во главе с митрополитом Антонием на церковное управление в диаспоре. Оказавшись в меньшинстве, они покинули Собор и порвали отношения с Синодом. Реакцией Синода был указ о смещении митрополита Платона с должности управляющего Североамериканской епархией и назначении на его место находившегося тогда в Америке епископа Белгородского Аполлинария (Кошевого). Митрополита Платона среди прочего обвинили и в самовольном провозглашении автокефалии. Однако лишь малая часть американских приходов признала власть епископа Аполлинария и вошла в юрисдикцию зарубежного Синода. Большинство православных общин Америки осталось в ведении митрополита Платона.

В 1928–1929 гг. митрополит Платон вел переписку с заместителем местоблюстителя митрополитом Сергием. Митрополит Платон просил заместителя местоблюстителя подтвердить законность его пребывания во главе Североамериканской епархии в каноническом послушании Матери-Церкви, в свою очередь митрополит Сергей настаивал на том, чтобы митрополит Платон дал подписку о лояльности советскому правительству и напомнил ему об указе патриарха Тихона от 16 января 1924 г., которым патриарх уволил митрополита Платона от управления епархией, и предупредил, что теперь этот указ может быть приведен в исполнение. Митрополит Платон уклонился от подписки, упрекал митрополита Сергия за то, что он слишком далеко пошел по пути компромиссов с большевистской властью. Не оспаривая права митрополита Сергия на возглавление Церкви в отсутствие митрополита Петра, митрополит Платон, однако, не выполнил указа заместителя местоблюстителя о возношении его имени за богослужением вслед за именем митрополита Петра.

Ограждая самостоятельность своей епархии от Московской Патриархии и зарубежного Синода, митрополит Платон в 1933 г. снова объявил свою епархию автономной Церковью. В 1933 г. митрополит

Сергий направил в США возведенного годом ранее в сан архиепископа Вениамина (Федченкова) для выяснения положения дел в епархии. Отчет архиепископа Вениамина о церковных делах в Америке дал основание митрополиту Сергию вместе с Временным Священным Синодом 16 августа 1933 г. издать постановление об увольнении митрополита Платона от управления Североамериканской епархией за самочинное учреждение фактической автокефалии и учинение тем самым раскола и о предании его суду епископов с запрещением в священнослужении его и подведомственного ему духовенства впредь до раскаяния или церковно-судебного решения о нем. Временное управление Североамериканской епархией было возложено на архиепископа Вениамина, который несколько позже, 22 ноября 1933 г., был назначен архиепископом Алеутским и Североамериканским и экзархом Русской Православной Церкви в США. Однако, как и в случае с назначением епископа Аполлинария зарубежным Синодом, лишь часть приходов в Америке признала его своим правящим архиереем. Большинство русских приходов, более трехсот, осталось в юрисдикции митрополита Платона.

20 апреля 1934 г. митрополит Платон скончался. Собор Американской епархии, состоявшийся в ноябре 1934 г. в Кливленде, избрал викарного архиепископа Чикагского Феофила (Пашковского) митрополитом всей Америки и Канады. В основном докладе, прочитанном на Соборе, парадоксальным образом утверждалась канонически несостоятельная идея о том, что в Америке законны и правомерны все три юрисдикции Русской Церкви: экзархат Московской Патриархии, епархия Синодальной Зарубежной Церкви и автономная Американская Церковь; однако существование двух первых юрисдикций в Америке, по мнению Кливлендского Собора, сомнительно сточки зрения церковной пользы, поскольку православная Америка нуждается в автономии. В 1935 г. заместитель местоблюстителя и Священный Синод Русской Православной Церкви подтвердили запрещение в священнослужении, наложенное на митрополита Феофила и подчиненное ему духовенство.

В апреле 1934 г. заместитель патриаршего местоблюстителя обратился к патриарху Сербскому Варнаве, оказавшему гостеприимство зарубежному Синоду, с просьбой об увещании архиереев, вышедших из повиновения Патриархии. Вновь было высказано предложение войти им в юрисдикцию других Церквей, в частности Сербской. Но отклика на это обращение со стороны зарубежного Синода не последовало, и 22 июня 1934 г. митрополит Сергий вместе с Временным Патриаршим Синодом издали указ о запрещении в священнослужении митрополита Антония и

архиереев, входивших в состав зарубежного Синода и находившихся в его ведении.

Ответом на этот акт явилось письмо митрополита Антония на имя митрополита Виленского Елевферия: «Отрицая всякую силу за постановлениями митрополита Сергия и его «Синода», я глубоко скорблю, что мой бывший ученик и друг находится в таком не только физическом, но и нравственном пленении у безбожников. Признаю деяния его преступными и подлежащими суду будущего свободного Всероссийского Собора... Вам же, – обращался он непосредственно к митрополиту Елевферию, – удивляюсь, что, будучи на свободе, вы принимаете участие в разрушительных для Церкви актах наравне с плененными иерархами, для которых самое пленение их служит некоторым извинением».

10 сентября 1934 г. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах особым постановлением отверг указ митрополита Сергия о запрещении в священнослужении. Под соборным постановлением стоят подписи митрополита Антония, архиепископов Анастасия, Серафима (Лядэ), Гермогена, Дамиана, Сергия, Феофана, Мелетия, Нестора, Тихона, Виталия, Серафима Богучарского, епископов Тихона, Виктора, Серафима, Иоасафа, Димитрия и Иоанна.

Инициативу примирения и улаживания споров в русской церковной диаспоре взял на себя Сербский патриарх Варнава, и ему удалось сблизить епископов-эмигрантов. В ноябре 1935 г. в Карловцах под его председательством состоялся Собор, в котором участвовали архиереи, принадлежавшие всем ветвям церковной диаспоры, кроме тех архипастырей, кто оставался в послушании Московской Патриархии. Собор принял «Временное положение», которое усиливало власть зарубежного Синода. Синоду предоставлялось право поставлять епископов в автономные регионы, которыми были признаны Балканы во главе с архиепископом Анастасием, Западная Европа во главе с митрополитом Евлогием, Северная Америка во главе с митрополитом Феофилом (Пашковским) и Дальний Восток во главе с архиепископом Хайларским Димитрием (Вознесенским). На этот раз новый глава Американского округа митрополит Феофил поддержал решения Собора. Митрополит Евлогий возражал против проекта «Положения», но в конце концов согласился подписать его, выговорив для себя следующие условия: «Временное положение» должно быть одобрено епархиальным собранием в Париже и утверждено Вселенским патриархом.

Епархиальное собрание, созванное в Париже митрополитом Евлогием, по докладу графа Коковцова, отказалось утвердить «Временное

положение». По словам митрополита Евлогия, Коковцов «совершенно раскритиковал «Временное положение», разъяснив собранию, что этот проект своей централизацией предусматривал лишение их» всякой самостоятельности и сосредоточивал всю власть в карловацком Синоде»». В результате взаимоотношения между Синодом и митрополитом Евлогием вернулись «на круги своя». Возобновилось соперничество из-за приходов в Западной Европе, прежде всего в Германии, где все большее их число переходило от митрополита Евлогия к епископу Тихону (Лященко), представлявшему зарубежный Синод.

В Соединенных Штатах реакция на решение «примирительного» Собора 1935 г. была иной, чем в Париже. В мае 1936 г. в Америке состоялся совет русских епископов Америки, который включал в себя и проживавших в США архиереев, состоявших в ведении зарубежного Синода. Совет ратифицировал «Временное положение», подтвердив одновременно автономный статус Американского округа. Однако и в Америке неприязненные отношения между приходами «синодальной» и собственно американской ориентации сохранялись; соединение их было скорее формальным, обусловленным соображениями церковной дисциплины.

10 августа 1936 г. скончался митрополит Антоний. Это был, несомненно, один из самых крупных, талантливых и влиятельных архипастырей Русской Церкви 20 столетия. Его мирское имя – Алексей Павлович Храповицкий. Он родился в 1863 г. в селе Ватагине Новгородской губернии в семье помещика из старинного дворянского рода. Детство его прошло в родной усадьбе и в Петербурге, где он окончил классическую гимназию. Пылкая религиозность, интенсивное чтение отцов Церкви, житий святых уже в отроческие годы, увлечение идеями религиозного славянофильства определили его жизненный путь после гимназии, которую он окончил с золотой медалью.

В 18 лет он, вопреки желанию отца, поступил в Петербургскую духовную академию. По окончании академии, в 1885 г., принял постриг, был рукоположен в иеромонаха и назначен субинспектором академии. Так началось его церковное административно-педагогическое служение. На этом поприще он служил в Холмской семинарии, потом снова в родной академии. В 1889 г. его назначили ректором Санкт-Петербургской семинарии с возведением в сан архимандрита, и в том же году состоялся его перевод на должность ректора Московской духовной академии. В истории русской духовной школы это был уникальный случай: впервые ректором академии назначался молодой человек в возрасте 27 лет.

Юный ректор был необычайно любим студентами, и любовь эта была взаимной. Один из его учеников, протоиерей Сергий Четвериков, вспоминал о своем ректоре и учителе: «Владыка Антоний был сердцем нашего академического мира... Двери его покоев во всякое время были открыты для студентов. Сам он часто приходил на нашу вечернюю молитву в академическую церковь и после молитвы о чем-нибудь беседовал. Он умел подойти к каждому из нас, и из наших отношений с ним был устранен дух формализма и официальности. Мы жили согретые его любовью и лаской. И вместе с тем эти отношения были чужды всякой фамильярности. Мы чувствовали его неизмеримое превосходство...».

Одной из главных забот ректора было привлечение своих студентов к монашескому постригу. В монашестве владыка Антоний видел не столько поприще аскетического подвижничества, выбор которого должен проистекать из склада личности, сколько своего рода передовой отряд Церкви в борьбе с миром, лежащим во зле. Свою ревность в призвании студентов к монашеству он обнаружил и в бытность ректором Казанской академии. Некоторые из послушников митрополита Антония делали под его влиянием выбор, который превышал их душевные силы, их монашеская жизнь складывалась поэтому неудачно и даже трагично, но большинство из шестидесяти его послушников времен ректорства в двух академиях впоследствии стали архиереями.

В сентябре 1897 г. архимандрит Антоний был хиротонисан в епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, потом он носил титул епископа Чистопольского, оставаясь ректором академии. В 1900 г. епископ Антоний был назначен на самостоятельную Уфимскую кафедру, а в 1902 г. переведен в Волынскую епархию, где в его ведении оказалась Почаевская Успенская лавра.

Владыка Антоний был плодовитым и талантливым духовным писателем, автором нескольких книг, множества статей, опубликованных проповедей. В годы первой русской революции в его трудах заметное место стала занимать церковная и политическая публицистика. Когда над Российским государством нависла опасность крушения, он энергично выступил на защиту его устоев, поддерживал «Союз русского народа» и другие монархические организации, чем заслужил в либеральных и революционных кругах репутацию крайне правого, почти черносотенца. Но владыка Антоний вовсе не был апологетом сложившейся при Петре I государственной системы. В вопросах церковно-государственных отношений он был сторонником коренных реформ: стремясь восстановить основные начала византийской симфонии церковной и государственной

властей, он твердо стоял как за тесный союз Церкви и государства, так и за независимость Церкви от государственного контроля, введенного при Петре. Он был ревнителем восстановления патриаршества в России; его любимым образом из русской церковной истории был патриарх Никон. В мужественном стоянии за восстановление патриаршества – а эта идея не встречала понимания со стороны высшей бюрократии России, прежде всего у такого влиятельного сановника, как обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, который в патриаршестве видел угрозу царскому самодержавию, – главная заслуга митрополита Антония.

С 1914 по 1918 г. владыка Антоний занимал Харьковскую кафедру. На Поместном Соборе он стал кандидатом в патриархи, получив больше голосов, чем другие кандидаты. Но воля Божия, обнаружившаяся через жребий, сделала иной выбор, чем воля человеческая. Патриархом избран был святитель Тихон, а владыка Антоний был возведен в сан митрополита. После убийства священномученика Владимира Киевского, преемником его на Киевской кафедре стал митрополит Антоний.

Патриарх Сербский Варнава в надгробном слове митрополиту Антонию сказал: «Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы... Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства... Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, стоя у его бездыханного тела, мы все должны навсегда сохранить его священный завет о том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас».

Незадолго до кончины митрополита Антония, в 1935 г., кишиневский архиепископ Анастасий (Грибановский) был возведен Сербским патриархом Варнавой в сан митрополита, после кончины митрополита Антония он возглавил зарубежный Синод.

В августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся 2 Всеэмигрантский Собор с участием епископов, клириков и мирян. Всеэмигрантским в буквальном смысле слова он быть не мог, в нем не участвовала ни та часть эмиграции, которая находилась в послушании Московской Патриархии, ни представители Западно-европейского экзархата Константинопольского Патриархата, за которыми уже закрепилось название евлогиан. Участвовали в Соборе епископы, клирики и миряне, которые с самого начала разделений в эмиграции находились в ведении зарубежного Синода, и представители Американского округа во главе с митрополитом

Феофилом, в 1935 г. признававшим юрисдикцию Синода. Председательствовал на Соборе митрополит Анастасий. 2 Всеэмигрантский Собор резко осудил митрополита Евлогия за переход в юрисдикцию Константинопольского патриарха, а Константинопольскую Патриархию за захват русских приходов в Западной Европе. Собор не обошел вниманием гонения на Церковь в Советском Союзе; он высказался также в защиту Православной Церкви в Польше, протестуя против разрушения православных храмов польскими властями, полонизации и украинизации богослужения.

В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, и в мировую войну некоторые представители Зарубежной Церкви не избежали сотрудничества с гитлеровским режимом, чаще всего вынужденного. В 1938 г. немецкими властями была оказана помощь в ремонте девятнадцати православных храмов, находившихся в юрисдикции зарубежного Синода, в том числе кафедрального собора в Берлине, на Курфюрстендамме. В связи с этим 12 июня 1938 г. митрополит Анастасий обратился к Гитлеру с благодарственным адресом. Оказав финансовую поддержку, германские власти настояли на том, чтобы берлинским епископом зарубежный Синод поставил архиерея немецкого происхождения. Синод подчинился этому требованию: архиепископ Тихон был отправлен на покой и вскоре выехал из Германии в Белград, а на его место Синод назначил епископа Потсдамского Серафима (Лядэ), из российских немцев. Бывший обновленческий епископ на Украине, принятый в эмиграции в епископат Зарубежной Церкви митрополитом Антонием (Храповицким) после принесения покаяния, – таков послужной список нового архиерея, вступившего на Берлинскую кафедру. Впрочем, о личных качествах Серафима (Лядэ) даже самые жесткие критики зарубежного Синода отзываются весьма положительно: он был человеком скромным и во время войны старался помочь русским военнопленным.

25 февраля 1938 г. Гитлер издал указ о передаче собственности Православной Церкви в Германии под контроль министерства религиозных культов, а министерство передало эту собственность, прежде всего православные храмы, в распоряжение епископа Серафима (Лядэ). После назначения епископа Серафима в Берлин немецкие власти ужесточили давление на священнослужителей-евлогиан, принуждая их переходить в юрисдикцию зарубежного Синода. Упорствовавших в стремлении остаться у митрополита Евлогия вызывали на допросы в гестапо.

Давление было оказано и на митрополита Евлогия. Германские власти

предложили ему для блага Церкви передать его приходы, находившиеся в Германии, в ведение зарубежного Синода. Митрополит Евлогий пытался договориться с зарубежным Синодом о совместном управлении германскими приходами, но в Карловцах это предложение было отклонено. В результате вытеснения евлогиан в ведении Константинопольского экзархата в Германии не осталось ни одного прихода. Последние евлогианские приходы в Германии – Берлинский, Дрезденский и на Мазурских озерах в Восточной Пруссии – в 1937 г. были подчинены митрополиту Серафиму, который, однако, обращался с ними весьма деликатно и не совершал в них богослужений.

Мировая и Отечественная война, война русского народа и союзных ему народов с поработителями, вызвала размежевание в эмиграции. Решительное большинство ее исполнилось патриотических настроений. Русские в Америке, союзной СССР (большинство из них входило в митрополичий округ), сочувствовали победам Красной армии. Экзарх Московской Патриархии в Америке митрополит Вениамин (Федченков) выступая на многочисленных митингах, добивался скорейшего открытия второго фронта, организовывал сбор пожертвований в пользу Красной армии.

О победе русского оружия втайне молился в оккупированном немцами Париже митрополит Евлогий. Своим близким он говорил тогда: «Сейчас мы переживаем вторую Отечественную войну, тот же всенародный подвиг спасения Родины». Так поступали и многие другие священнослужители Западно-европейского экзархата. Русские патриоты участвовали во французском Сопротивлении. Многие из них были казнены фашистами. Мученическую кончину в концентрационном лагере приняли священник Димитрий Клепинин († 1944) и монахиня Мария (Кузьмина-Караваева; † 1945); казнены были В. А. Оболенская, Б. Вильде, А. Левицкий. В Сопротивлении участвовали также архимандрит Афанасий (Сахаров), протоиерей Андрей Сергеенко, В. Н. Лосский, А. Блум (позже митрополит Сурожский Антоний), И. А. Кривошеин, Н. А. Полторацкий.

Часть эмигрантов, однако, с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз связывала надежду на крушение большевизма. Эти надежды выразились в некоторых официальных заявлениях и проповедях иерархов и клириков зарубежного Синода. Зарубежный Синод также направил священнослужителей для окормления военнослужащих Русской освободительной армии, Русского охранного корпуса, сформированного немцами в Югославии, поддерживал генерала Власова и других русских военачальников, воевавших на стороне Германии. Попытки представить

генерала Власова героем предпринимались авторами, принадлежавшими к Зарубежной Церкви, и в послевоенную пору. Протопресвитер Георгий Граббе в 1961 г. писал: «Власовская армия, созданная в крайне тяжелых условиях, никогда не скрывала своего русского патриотизма и рассматривала немцев в качестве только временных союзников для уничтожения коммунизма на Русской земле, нередко ясно давая это понять и им самим. Никто из русских патриотов не мечтал о конечной победе немцев, но все думали и молились об освобождении России от большевистской тирании».

Дело не в том, что патриотизм клириков и мирян Зарубежной Церкви не был искренним, а в том, что осознанно или неосознанно, но некоторые эмигранты держались принципа: никакая цена не будет слишком большой, если Россия заплатит ее за победу над большевиками. К тому же в силу ряда особенностей мировоззрения многих из тех, кто входил в юрисдикцию зарубежного Синода, нацизм, с которым они, конечно, не отождествляли свою идеологию, казался им все-таки более приемлемым, чем коммунизм и даже западные демократии.

Особенно удивителен был поступок 80-летнего архиепископа Гермогена (Максимова), который до эмиграции занимал викарную Аксайскую кафедру. В 1942 г. он возглавил Хорватскую православную церковь – раскольническое образование, выделившееся из Сербской Церкви, марионеточное учреждение усташеского правительства Хорватии, которое осуществляло массовый геноцид православного сербского народа, далеко превзойдя своими зверствами террор немецких оккупантов Югославии. Митрополит Анастасий, узнав о действиях, учиненных архиепископом Гермогеном, запретил его в священнослужении, о запрещении было доведено до сведения Сербской Патриархии, однако напечатать сообщение о запрещении архиепископа Гермогена, по словам епископа Григория (Граббе), «немцы... не позволили». В 1945 г. архиепископ Гермоген был казнен партизанами Тито.

26 мая 1942 г., с согласия Германского правительства, был открыт Среднеевропейский митрополичий округ, в который вошли церкви Германии, Бельгии, Чехословакии, Венгрии, а также часть оккупированных западных областей СССР – Орловская, Смоленская и Белостокско-Гродненская епархии. Митрополитом этого округа был назначен Серафим (Лядэ). Архиепископ Брюссельский Александр (Немоловский), состоявший в юрисдикции митрополита Евлогия, был арестован и выслан во Францию.

После избрания митрополита Сергия патриархом Московским и всея

Руси, 21 октября 1943 г. в Вене, контролируемой немецкими властями, состоялось совещание восьми епископов во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским). Венское совещание вынесло постановление, в котором избрание патриарха признавалось незаконным и недействительным, главным аргументом был тот, что процедура выборов не соответствовала предусмотренной в соответствующем определении Собора 1917–1918 гг., т. е. на Соборе не было клириков и мирян. Но очевидно, что созвать избирательный Собор такого состава, какой устанавливался определением Поместного Собора, было невозможно ввиду исключительных обстоятельств, в которых жила тогда Церковь. Неубедительна ссылка и на то, что в избирательном Соборе участвовала только часть российского епископата. Право архиереев-эмигрантов на участие в Соборе было абсолютно нереализуемо. Не могли участвовать в деяниях Собора и архипастыри, находившиеся в местах заключения, либо и на свободе, но не на кафедрах: к тому же полноту канонических прав имеют только правящие епископы.

Не признала Русская Зарубежная Церковь и избрание патриарха Алексия I. Иначе воспринял весть об избрании патриарха митрополит Евлогий и окружавшее его духовенство. Биограф митрополита Евлогия так описывает его настроение и последние месяцы Великой Отечественной войны: «Огромная непобедимая Россия... гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... всемирный центр православия... казалось, теперь может развернуться со всей убедительностью исторической реальности... Что-то незаметно сдвинулось, изменилось в старых привычных оценках, начала меркнуть самая о них память... Постепенно стало забываться незабываемое, о чем говорили так часто с амвона, в печати – о Соловках, о епископах-мучениках, об осквернении святынь... История перевернула страницу, и содержание следующей поглотило внимание, так оно казалось ново. Это новое – прекращение в России гонений на Церковь. Больше этого – согласие во взаимоотношениях государства и Церкви... Известие о прекращении гонений, а потом и о Соборе и избрании патриарха владыка воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак «прощенности» русского народа».

В Соединенных Штатах митрополит Феофил отозвался на избрание патриарха Сергия дружелюбным поздравительным посланием, выразив в нем надежду на то, что патриарх с пониманием отнесется к проблемам Американской Церкви. В октябре 1943 г. собрание епископов, клириков и мирян Американской митрополии, в котором участвовали и архиереи,

изначально находившиеся в ведении зарубежного Синода, – архиепископ Сиэтлский Тихон (Троицкий) и епископ Детройтский Виталий (Максименко) – вынесло постановление о поименовании патриарха Сергия вслед за возношением имен Восточных патриархов. После кончины патриарха Сергия собрание духовенства и мирян Американской митрополии постановило возносить за богослужением имя патриаршего местоблюстителя митрополита Ленинградского Алексия.

Ряд приходов в Америке перешли из юрисдикции митрополита Феофила к экзарху Московской Патриархии митрополиту Вениамину. В этой обстановке митрополия начала переговоры с Патриархией о воссоединении. Патриарший местоблюститель митрополит Алексей пригласил делегацию от Американской митрополии на избирательный Поместный Собор. Американская делегация вылетела из Нью-Йорка в Москву через Аляску на военных самолетах 15 января 1945 г. Но по причине тумана или под предлогом тумана делегация Американской Церкви во главе с митрополитом Феофилом задержалась в Сибири и прибыла в Москву после завершения Собора. Новоизбранный патриарх Алексей I делегацию принял радушно, но от сослужения с ней отказался ввиду прещений, наложенных на епископат и клир Американской митрополии в 1933 г., которые к тому времени не были сняты. Тем не менее переговоры о воссоединении, состоявшиеся в Москве, закончились успешно, хотя не все спорные вопросы были улажены. В частности, американская делегация настаивала на полной административной автономии Американской митрополии от Патриархии и на том, чтобы выборы правящих митрополитов проводились на соборах митрополии и только утверждались патриархом. Окончательного положительного ответа на это требование не было дано, и все-таки после возвращения делегации из Москвы во всех храмах Американской митрополии стало возноситься имя патриарха Алексия I.

По указу патриарха Алексия, привезенному из Москвы, предусматривалось, что Собор в Америке соберется под председательством архиепископа Ярославского Алексия (Сергеева), который был направлен в США патриархом Алексием для переговоров с митрополитом Феофилом, и что этот Собор изберет митрополита; кандидатами патриарх предлагал митрополита Вениамина (Федченкова) или архиепископа Алексия (Сергеева), однако допускалась возможность избрания и иного лица, причем избранный митрополит подлежит утверждению в своей должности патриархом. В указе было выражено также требование, чтобы клирики и миряне Американской митрополии

дали обещание воздерживаться от антисоветских выступлений, и чтобы всякие контакты с зарубежным Синодом были прекращены. Только при выполнении этих условий с клириков Американской митрополии могло быть снято запрещение, наложенное в 1933 г. Совет епископов Американской митрополии в мае 1945 г. постановил, что условия, выдвинутые патриархом, неприемлемы, и предложил сохранить существующую связь с зарубежным Синодом. Но в приходах Американской митрополии происходило брожение: одни прихожане поддерживали решение совета епископов, другие, и их было большинство, настаивали на разрыве с зарубежным Синодом и полном восстановлении общения с Московской Патриархией. Такие же настроения существовали и в евлогианских приходах, и даже в некоторых приходах Русской Зарубежной Церкви.

24 августа из Москвы в Париж выехала русская церковная делегация во главе с митрополитом Крутицким Николаем. Митрополит Николай встретился с экзархом Константинопольского патриарха митрополитом Евлогием, в ведении которого находилось 75 приходов в Западной Европе и Северной Африке (большинство из них, более 50, во Франции), а также с митрополитом Серафимом (Лукияновым), главой Западно-европейской епархии, состоявшей в ведении зарубежного Синода и объединявшей около 30 приходов. В результате переговоров митрополита Николая с митрополитами Евлогием и Серафимом они оба вместе с находившимися в их ведении приходами вошли в юрисдикцию Московской Патриархии. В октябре 1945 г. с Матерью-Церковью воссоединились русские приходы в Германии во главе с архиепископом Александром (Немоловским), бывшим викарием митрополита Евлогия. После воссоединения он был назначен архиепископом Берлинским и Германским.

Отвечая на стремление к возвращению в лоно Матери-Церкви, патриарх Московский и всея Руси Алексей I 10 августа 1945 г. издал обращение к архипастырям и клиру Русской Зарубежной Церкви. В этом обращении суровой критике подвергнута позиция иерархов Зарубежной Церкви во время Второй мировой войны. Издание этого обращения ускорило размежевание в епископате, духовенстве и пастве Зарубежной Церкви, начавшееся в последние месяцы войны.

Еще до издания этого обращения патриарха, 26 июня 1945 г., русскими епископами епархий, находившихся на территории Китая и состоявших в ведении зарубежного Синода, было направлено патриарху послание, в котором они поздравляли его с восшествием на первосвятительский престол. Под этим документом стояли подписи

митрополита Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора (Анисимова), архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина). В октябре 1945 г. в Харбин направилась делегация Русской Православной Церкви во главе с епископом Ростовским Елевферием (Воронцовым) для переговоров с архипастырями китайских епархий. После этих переговоров был подписан акт о воссоединении митрополита Мелетия, архиепископа Нестора, архиепископа Димитрия и епископа Ювеналия с Матерью – Русской Православной Церковью.

После перехода в юрисдикцию Московской Патриархии дальневосточных архиереев вместе с большинством духовенства и паствы в Китае в ведении зарубежного Синода остался только архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович) с горсткой приходов. Владыка Иоанн в течение года колебался, склоняясь одно время к тому, чтобы последовать примеру своих братьев, вел переговоры с Московской Патриархией через советское консульство в Шанхае, пытался убедить свою паству перейти в юрисдикцию Патриархии, но в конце концов все-таки остался в ведении зарубежного Синода и выехал из Китая через Филиппины в Соединенные Штаты. На Балканах в ведение Московской Патриархии перешел архиепископ Серафим (Соболев). Таким образом, в Европе осталось только два архиерея Зарубежной Церкви: председатель Синода митрополит Анастасий и митрополит Серафим (Лядэ), который из-за своего немецкого происхождения и официального положения в Третьем рейхе был объявлен теперь главным виновником компрометации Синода сотрудничеством с гитлеровским режимом. 25 марта 1946 г. митрополит Серафим писал в одном частном письме: «Теперь я вышел из состава Архиерейского Синода. Ясно, конечно, почему митрополит Анастасий занял такую позицию. Он хочет теперь зарекомендовать себя как противника Германии. Я ведь немец».

Митрополит Серафим скончался 14 сентября 1950 г. в больнице от травм, нанесенных ему двумя неизвестными лицами.

Остаться в Югославии после прихода к власти Тито зарубежный Синод не мог. Он переместился вначале на короткое время в Карловы Вары, а потом в Мюнхен. По существу, Синод прежнего состава распался, но в Мюнхене он был воссоздан в 1946 г. вследствие присоединения к митрополитам Анастасию и Серафиму, тогда еще не исключенному из Синода, значительной группы архиереев, выехавших из Советского Союза и входивших ранее в состав Украинской Автономной Церкви и

Белорусской Церкви. Среди прочих это были митрополит Пантелеймон (Рожновский), скончавшийся в Мюнхене в 1950 г., архиепископы Феофил (Нарко), Димитрий (Маган), епископы Пантелеймон (Рудык), вернувшийся в 1959 г. в юрисдикцию Московской Патриархии, Леонтий (Филиппович), Афанасий (Мартос). Воссозданный в Мюнхене Синод возглавлял по-прежнему митрополит Анастасий.

Впервые послевоенные годы изменилась и паства Зарубежной Церкви. Активную часть ее составили теперь перемещенные лица: военнопленные, жители оккупированных территорий, угнанные на работы в Германию и теперь из страха вполне вероятных репрессий не пожелавшие вернуться на родину. Среди них были и власовцы, сумевшие избежать выдачи советским властям. В связи с этим изменилось и географическое распределение приходов Зарубежной Церкви. Если в годы между двумя мировыми войнами центрами сосредоточения таких приходов были Балканы и Китай, то теперь на первое место выходит Германия, где в послевоенные годы под окормлением двадцати двух священников Русской Зарубежной Церкви состояло около 200 000 перемещенных лиц. Усиливается влияние зарубежного Синода и на Американском континенте – не только в Северной Америке, но и в странах Южной Америки, где поселилось значительное число «невозвращенцев» – перемещенных лиц.

В обстановке, начавшейся в 1946 г. холодной войны непримиримое отношение зарубежного Синода к Московской Патриархии, лояльной советскому правительству, получило поддержку со стороны правительств западных государств, в том числе Соединенных Штатов, и Синод в 1950 г. переехал из Мюнхена в Америку, в Нью-Йорк.

В конце 40-х гг. наиболее влиятельными лицами в окружении митрополита Анастасия становятся протопресвитер Михаил Польский и граф Ю. П. Граббе, крайне враждебно относившийся к Московской Патриархии. В православном мире в связи с ростом влияния и авторитета Московской Патриархии усиливалась изоляция Русской Зарубежной Церкви. Если в довоенный период к зарубежному Синоду вполне покровительственно относилась Сербская Патриархия, то после Второй мировой войны уже ни одна Поместная Православная Церковь не поддерживала с ним нормального канонического общения, и только в порядке исключения Иерусалимский и Сербский Патриархаты допускали иногда сослужение с клириками Русской Зарубежной Церкви.

8 августа 1946 г. скончался вернувшийся незадолго до смерти в юрисдикцию Московской Патриархии и назначенный ею экзархом в Западной Европе митрополит Евлогий. Его погребли в крипте

освященного им храма Успения Божией Матери на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. В погребении участвовал приехавший из Москвы Ленинградский митрополит Григорий (Чуков). 14 августа он вручил архиепископу Ницскому Владимиру (Тихоницкому) постановление Священного Синода о назначении экзархом Западной Европы на основании достигнутой ранее договоренности присоединенного из Зарубежной Церкви митрополита Серафима (Лукьянова).

Назначение это встретило негативную реакцию у значительной части бывших евлогиан, которые в 30–40-х гг. упорно боролись с приходами Зарубежной Церкви во Франции, во главе которых стоял тогда митрополит Серафим. Архиепископ Владимир заявил, что он не может согласиться с решением Патриархии, потому что еще не получен канонический отпуск от патриарха Константинопольского на переход евлогианских приходов в юрисдикцию Москвы. В октябре 1946 г. в Париже был созван епархиальный съезд, на котором большинство участников высказалось за то, чтобы остаться, справедливее было бы сказать – вернуться, в ведении Константинопольской Патриархии. Но шесть бывших евлогианских приходов не пожелали следовать за решением епархиального съезда, и одни из них сохранили верность Матери-Церкви, а другие ушли в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви.

Константинопольская Патриархия возвела архиепископа Владимира в сан митрополита и назначила его своим экзархом в Западной Европе, повторно захватив русские приходы. После этого митрополит Владимир вел переговоры с митрополитом Анастасием, предлагал ему подчинить свои приходы зарубежному Синоду с тем, однако, чтобы зарубежный Синод признал юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Предложение это было отвергнуто митрополитом Анастасием. Воссозданный Константинопольский экзархат, в обиходе по-прежнему называвшийся евлогианским, был малочисленнее и менее влиятелен, чем в своем довоенном составе. Помимо потери ряда приходов, ушедших к Московской Патриархии и зарубежному Синоду, он понес еще значительные утраты в результате массового отъезда русских эмигрантов в конце 40-х гг. из разоренной войной Франции в благополучную Америку. Как правило, евлогиане, переселявшиеся в Америку, входили там в юрисдикцию Американской митрополии, возглавлявшейся митрополитом Феофилом.

Сама же Американская митрополия в 1946 г. находилась в состоянии разброда. Одни клирики и миряне хотели воссоединения с Московской Патриархией, другие – сохранения подчиненности зарубежному Синоду, в

ту пору еще находившемся в Мюнхене. В этой обстановке в ноябре 1946 г. в Кливленде состоялся Собор духовенства и мирян Американской митрополии, на котором в центре обсуждения стоял вопрос о юрисдикционной принадлежности Американской Церкви. Кливлендский Собор вынес резолюцию, в которой патриарх Московский и всея Руси Алексий признавался духовным, но не административным главой для Церкви в Америке, сохраняющей за собой автономный статус и полную независимость в делах внутреннего управления. Во взаимоотношениях с Русской Зарубежной Церковью Собор постановил прекратить всякое административное подчинение, но сохранить молитвенное и евхаристическое общение.

Постановление было принято 187 голосами против 61, но среди этих 61 члена Собора были все четыре епископа, состоявших ранее в ведении зарубежного Синода и вошедших в свое время в юрисдикцию митрополита Феофила, во главе с архиепископом Детройтским Виталием (Максименко). Эти архиереи отказались подчиниться решениям Кливлендского Собора. Сам Собор был провозглашен ими и их сторонниками неканоническим, поскольку на Соборе миряне и пресвитеры имели равные права с епископами, которым, по учению Церкви, вверена власть в ней Самим Богом. Эти четыре архиерея 27 и 28 мая 1947 г. провели совещание, на котором приняли постановление о неканоничности соборного постановления о прекращении подчинения зарубежному Синоду. В связи с этим зарубежный Синод в 1947 г. решил восстановить свою юрисдикцию в Америке, порвав общение с митрополитом Феофилом и его сторонниками. В юрисдикцию Синода вошло 40 американских приходов с четырьмя епископами. В том же году эти четыре архиерея были отлучены митрополией за неподчинение решениям Кливлендского Собора.

Постановление Кливлендского Собора не могло вполне удовлетворить и Московскую Патриархию. Патриарх Алексий I направил в Соединенные Штаты для переговоров с митрополитом Феофилом митрополита Григория (Чукова). Патриарх просил митрополита Феофила служить вместе с митрополитом Григорием, что явилось косвенным выражением снятия прещений с митрополита Феофила и его сторонников. Владыка Григорий довел до сведения иерархии Американской митрополии проект постановления Патриархии о статусе Американской Церкви. Она признавалась автономной и подчиняющейся постановлениям своих Соборов, но с соблюдением определенных условий, а именно: утверждение Патриархией избранного Американским Собором

митрополита, участие делегатов митрополии в Соборах Русской Церкви, сохранение за Патриархией статуса высшей судебной инстанции для Американской Церкви и осуществление контактов Американской Церкви с другими Церквами через Московскую Патриархию; иными словами, это был статус автономии, причем никаких политических условий, никаких требований лояльности советскому правительству на этот раз не выдвигалось.

И тем не менее совет епископов митрополии отверг эти условия, заявив, что возможна лишь духовная, но никак не административная связь с Патриархией. Митрополит Григорий был вынужден констатировать, что Американская митрополия по существу дела домогается не автономии, а автокефалии, каковую Московская Патриархия не готова была тогда ей предоставить. Митрополит Григорий вернулся в Россию.

31 октября 1947 г. исполняющим обязанности экзарха Московской Патриархии в США был назначен принятый в общение с нею за полтора года до этого, в прошлом примыкавший к Американской митрополии архиепископ Макарий (Ильинский). Прежний экзарх митрополит Вениамин (Федченков) вернулся на родину и 21 августа 1947 г. был назначен на Рижскую кафедру. 12 декабря 1947 г. архиепископ Макарий стал полноправным экзархом Северной и Южной Америки, позже, в 1952 г., он был возведен в сан митрополита Нью-Йоркского. В юрисдикции Московской Патриархии в конце 40-х гг. находилось более 50 американских приходов. Большинство же русских приходов в Америке, около 500, осталось в юрисдикции Американской митрополии, по существу дела, самочинно усвоившей себе автокефальный статус без формального его провозглашения. В декабре 1947 г. Московская Патриархия подтвердила прещения, наложенные ранее на митрополита Феофила и находившихся с ним в общении епископов и клириков, а тогда же было принято постановление о предании их суду епископов. После этого в приходах Американской митрополии прекратилось возношение имени патриарха Алексия I.

В результате перемен, происшедших в русской церковной эмиграции на исходе Второй мировой войны и в послевоенные годы, количество приходов Московской Патриархии за рубежом значительно выросло, хотя оно по-прежнему уступало числу приходов других юрисдикций. В послевоенный период Русская Православная Церковь имела за рубежом несколько экзархатов. Западно-европейский экзархат возглавлял до возвращения на родину в 1949 г. митрополит Серафим (Лукьянов). Преемниками митрополита Серафима последовательно были

архиепископы Фотий (Тапино; 1950–1951), Борис (Вик; 1951–1954), Николай (Еремин; 1954–1963, с 1960 г. митрополит), митрополиты Антоний (Блум; 1965–1974), Никодим (Ротов; 1974–1978), Филарет (Вахромеев; 1978–1986) и Владимир (Сабодан; 1986–1989). В состав Западно-европейского экзархата входили епархии: Корсунская (с кафедрой в Париже), Сурожская (с кафедрой в Лондоне), Брюссельская и Гаагская. В Западно-европейском экзархате совершали в разное время архипастырское служение такие видные церковные деятели, как архиепископ Бельгийский Василий (Кривошеин), сын крупного государственного деятеля императорской России, афонский монах, аскет и выдающийся богослов, епископ Медонский Алексей (Ван дер Менсбрюгге), фламандец, присоединенный к Православной Церкви, архиепископ Петр (Л'Юилье) французского происхождения, ныне архиерей Американской Православной Церкви, один из крупнейших православных канонистов.

Позднее в Европе был образован еще один экзархат Московской Патриархии – Среднеевропейский, в его состав входили епархии: Берлинская, Дюссельдорфская, Венская, Баден-Баденская. Центром экзархата был Берлин. Должность экзарха в разное время занимали епископы Иоанн (Вендланд; 1960–1962), Владимир (Котляров; 1967–1970), архиепископ Мелхиседек (Лебедев; 1978–1984) и другие архипастыри.

Экзархами Патриархии в Северной и Южной Америке среди прочих архиереев после митрополита Макария (Ильинского; 1947–1953) были архиепископы Борис (Вик; 1954–1962), Иоанн (Вендланд; 1962–1967).

После воссоединения с Матерью-Церковью дальневосточных епархий и Российской духовной миссии в Китае, которую возглавлял архиепископ Виктор (Святин), в 1946 г. был образован Восточный экзархат, его первым экзархом стал митрополит Нестор (Анисимов). После его ареста советскими властями в 1948 г. новым патриаршим экзархом в 1950 г. был назначен архиепископ Виктор (Святин), вернувшийся в 1955 г. на родину и получивший вскоре после этого назначение на Краснодарскую кафедру. С отъездом архиепископа Виктора Российская духовная миссия в Китае прекратила свое существование.

В ноябре 1956 г. Святейший Патриарх и Священный Синод определили образовать Китайскую Автономную Православную Церковь. В мае 1957 г. в Москве была совершена хиротония архимандрита Василия (Шуана) во епископа Пекинского, который и получил от священноначалия полномочия на архипастырское окормление Китайской Автономной Церкви. В ходе массового коммунистического террора, названного

«культурной революцией», Православная Церковь в Китае была разгромлена. Епископ Василий (Шуан) скончался 3 января 1962 г. Часть православных священников и мирян выехала на рубеже 50–60-х гг. в Австралию, Соединенные Штаты и другие страны, немногие вернулись на родину в Россию. Оставшиеся же в самом Китае православные русские люди почти все были репрессированы, и многие из них погибли. В настоящее время идет трудный процесс возрождения православия в Китае.

В 1948 г. Русской Православной Церкви властями государства Израиль частично были возвращены ее владения, расположенные в Западном Иерусалиме и на территории Израиля, которыми ранее распоряжалась Русская Зарубежная Церковь. В ноябре 1948 г. в Палестину выехал первый состав Духовной миссии во главе с архимандритом Леонидом (Лобанковым). В юрисдикцию Московской Патриархии вернулся тогда Горненский женский монастырь, расположенный на окраине Западного Иерусалима, в то время как Елеонский и Гефсиманский монастыри в Восточном Иерусалиме, в ту пору отошедшем к Иордании, остались в ведении зарубежного Синода. Обязанности начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме в разное время исполняли такие видные церковные деятели, как архимандриты Поликарп (Приймак), Никодим (Ротов) и Ювеналий (Поярко).

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, состоявшийся 30–31 января 1990 г., постановил упразднить зарубежные экзархаты.

В 1990-е гг., в связи с активной экономической эмиграцией из России на Запад, значительно выросло число зарубежных приходов Русской Церкви. В 2000 г. за пределами своей канонической территории Московский Патриархат имел шесть епархий в Европе и одну в Южной Америке, а также приходы в Соединенных Штатах и Канаде, управляемые викарными епископами.

27 июня 1950 г. в Сан-Франциско скончался митрополит всей Америки и Канады Феофил (Пашковский). Новым предстоятелем Американской Церкви был избран преосвященный Леонтий (Туркевич), давний сторонник автономного и в перспективе автокефального статуса Американской Церкви. При митрополите Леонтии Американская Церковь не только стала фактически автокефальной, но и произошла ее американизация: она постепенно утратила характер Церкви беженцев и стала одной из многих американских религиозных общин. Все большее число приходов Американской Церкви переходит на английский язык в богослужении; среди прихожан в храмах Американской митрополии уже преобладают дальние потомки выходцев из Российской империи, из

Галиции и Карпатской Руси, родным языком которых является английский. Все более заметную часть ее паствы составляют конвертиты – обращенные в православие американцы, никак не связанные своим происхождением с Россией. При такой переориентации Церкви и столь заметном изменении ее национального состава часть принадлежащих к ней православных, стремящихся сохранить свою русскость, свое национальное лицо, стали переходить в зависимости от политических предпочтений либо в приходы Русской Зарубежной Церкви, либо, реже, в приходы экзархата Московской Патриархии.

В такой обстановке в 1963 г. по инициативе председателя ОВЦС митрополита Никодима (Ротова) начались неофициальные переговоры с епископатам Американской Церкви о нормализации ее канонического статуса. В 1965 г. в Нью-Йорке скончался престарелый 89-летний предстоятель Американской Церкви митрополит Леонтий. Новым митрополитом всей Америки и Канады был избран Иринея (Бекеш). При нем были продолжены переговоры с Московской Патриархией о нормализации взаимоотношений с Матерью-Церковью.

31 марта 1970 г. митрополитом Никодимом и митрополитом всей Америки и Канады Иринеем (Бекешем) было подписано достигнутое на переговорах соглашение, в котором определены основные принципы взаимоотношений между Церковью-Матерью и ее американской Дщерью, а также основы будущего автокефального бытия Американской Церкви. В тот же день митрополит Иринея от имени Собора епископов Американского митрополичьего округа обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I как своему кириарху с прошением о даровании автокефалии Американской Церкви. После письменного опроса всех архиереев Московского Патриархата Священный Синод ратифицировал соглашение, подписанное митрополитами Никодимом и Иринеем, и принял решение о даровании Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке автокефалии, с тем чтобы впредь она именовалась Православной Церковью в Америке.

Особым соглашением был упразднен экзархат Московской Патриархии в Северной Америке, или, точнее сказать, прежний экзархат в Северной и Южной Америке был переименован в Южно-американский экзархат, и юрисдикция его с тех пор распространялась лишь на южно-американские страны. В ведении Патриархии остались 30 приходов в Соединенных Штатах и 20 приходов в Канаде, но и они получили право на переход в Православную Церковь в Америке по решению большинства прихожан. Для управления приходами Московской Патриархии в США и

Канаде стали назначаться викарные епископы. В ведении и собственности Русской Православной Церкви сохранился Свято-Никольский собор в Нью-Йорке, который построен в начале 20 столетия по благословию и попечением святого патриарха Тихона трудами священномученика протопресвитера Александра Хотовицкого.

Автокефальный статус Православной Церкви в Америке не был признан Константинопольской Церковью и некоторыми другими Поместными Церквами.

10 апреля 1970 г., ровно через сто лет после создания Русской православной миссии в Японии, были нормализованы отношения с Японской Церковью. Преемник святого равноапостольного Николая Японского митрополит Японский Сергий (Тихомиров) неизменно до своей кончины 11 августа 1945 г. хранил верность Матери-Церкви и оставался в каноническом послушании Московской Патриархии. Между тем в 1939 г. в Японии был издан закон, по которому лишь урожденные японцы могли возглавлять религиозные общины. В связи с этим митрополит Сергий в 1940 г. назначил своим официальным преемником в должности главы Православной японской миссии протоиерея Иоанна (Оно); в марте 1941 г. он был пострижен с именем Николая, а в апреле того же года хиротонисан во епископа Японского в Харбине архиереями, находившимися в ведении зарубежного Синода; сразу после хиротонии он возвратился в юрисдикцию Московской Патриархии. Официально ушедший на покой митрополит Сергий (Тихомиров) продолжал оказывать помощь епископу Николаю в управлении Японской Церковью.

После поражения Японии в войне она была оккупирована американцами. Посылаемые в Японию патриархом Алексием I для возобновления нормальных деловых контактов с Японской Церковью епископы Борис (Вик) и Сергий (Ларин) не получили виз на въезд в страну. В этих обстоятельствах группа православных японцев во главе с протоиереем Арсением Ивасавой в апреле 1946 г. провела Собор, на котором было решено подчинить Японскую Церковь Американской митрополии во главе с митрополитом Феофилом. Японскую Церковь возглавил архиепископ Вениамин (Басальга), присланный из Соединенных Штатов. Несколько приходов сохранили, однако, верность Матери-Церкви. Один из них окормлял епископ Николай (Оно), перешедший в 1954 г. в юрисдикцию митрополита Феофила и скончавшийся в 1956 г. Оставшиеся верными Московскому Патриархату приходы в 1957 г. были объединены в благочиние во главе с рукоположенным еще архиепископом Николаем протоиереем Антонием

Токай.

После нормализации отношений Американской митрополии с Московской Патриархией Православная Церковь в Америке отказалась от притязаний на Японскую Церковь, которая вернулась в лоно Матери-Церкви. С Японской Церковью было возобновлено молитвенно-каноническое общение и ей был дарован автономный статус. 10 апреля 1970 г. главой Японской Православной Церкви патриарх Алексий I и Священный Синод утвердили архиепископа Токийского и митрополита всей Японии Владимира (Нагосского), его преемником стал митрополит Феодосий (Нагашима). После его кончины, последовавшей в 1999 г., Японскую Церковь возглавил митрополит Даниил (Нуширо). Церковь эта немногочисленна, сейчас она насчитывает около двадцати тысяч христиан – столько, сколько она имела в конце подвижнического жития святого равноапостольного Николая.

На рубеже 60–70-х гг. изменился также статус Константинопольского экзархата, который до своей кончины в 1959 г. возглавлял митрополит Владимир (Тихоницкий). Само существование экзархата, включавшего в себя русские приходы Франции и других стран Западной Европы, являлось обстоятельством, осложнявшим взаимоотношения между Русской и Константинопольской Церквами. Московская Патриархия в своих контактах с Константинополем настаивала на возвращении канонически неправоммерно захваченных приходов в юрисдикцию Матери-Церкви, и в 1965 г. патриарх Афинагор прекратил юрисдикционную связь с Парижским экзархатом, предложив ему вернуться в лоно Матери-Церкви. Но этот путь оказался неприемлемым для большинства евлогиян. И тогда экзархат провозгласил себя временно Автономной Церковью Франции, поставив своей целью в будущем стать автокефальной Французской Православной Церковью. Константинопольская Патриархия, отказавшись от юрисдикции над этим самочинным автономным образованием, сохранила с ним молитвенно-евхаристическое общение.

После смерти патриарха Афинагора патриарх Димитрий в 1971 г. вновь принял Парижскую епархию в юрисдикцию Константинопольской Церкви, но уже не в качестве русского экзархата, а как Русскую Православную архиепископию Западной Европы. Несмотря на русские корни этой епархии и русское происхождение значительной части ее духовенства, она в течение последних десятилетий утрачивает былую связь с Россией. В 90-е гг. это во многом уже Православная Церковь натурализовавшихся французов с широким употреблением французского языка в богослужении, в проповеди, с преподаванием на французском

языке в ведущей духовной школе епархии – Свято-Сергиевском богословском институте. В состав епархии вошли и обращенные в православие французы, и люди других национальных корней. Эта Церковь, по существу дела, в такой же мере галлицизирована, в какой американизируется и Православная Церковь в США. В настоящее время она вновь получила статус экзархата Константинопольской Патриархии.

Эмигрантский характер стойко сохраняли в русской диаспоре в послевоенный период лишь приходы Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. В первые послевоенные десятилетия к Зарубежной Церкви принадлежало до полумиллиона паствы. По причине ассимиляции русских эмигрантов в странах рассеяния вследствие смешанных браков паства Зарубежной Церкви сокращалась и в настоящее время насчитывает около 300 тысяч человек, рассеянных по разным странам и континентам.

После крушения фашизма и переезда зарубежного Синода в 1950 г. в Нью-Йорк иерархия Зарубежной Церкви меняет акценты в своей политической ориентации. Если ранее, при митрополите Антонии, и потом, во время Второй мировой войны, ее епископы, клирики и миряне ориентировались, в основном, на крайне правые политические круги, выступали как последовательные русские националисты, всячески подчеркивали свой монархизм, позволяли себе антизападные, антиамериканские выпады, отождествляли большевизм с масонством, то в Америке эта тенденция хотя и сохранилась, но стала маргинальной даже и в церковной печати; ведущий идеолог Зарубежной Церкви послевоенных десятилетий протопресвитер Георгий Граббе в 50–60-х гг. выступал уже скорее как апологет США и американской политики. Главной темой его обличений архипастырей Русской Православной Церкви становится обвинение их в том, что они, поддаваясь советской пропаганде, допускают заявления с критикой Запада.

Не все члены Зарубежной Церкви разделяли позицию протопресвитера Георгия Граббе, например, владыка Иоанн (Максимович), в последние годы жизни архиепископ Сан-Францисский и Западно-американский. Он был аскетом, молитвенником, щедрым благотворителем, прозорливцем и чудотворцем. Архиепископ Иоанн старался держаться подальше от политических дрызг, любил Россию и родной ему русский народ; в своей жизни он много пострадал от церковных политиканов, подобных Г. Граббе, которого епископ Зарубежной Церкви Митрофан (Зноско, † 2002), тоже много пострадавший от его интриг, назвал «чиновником в рясе».

27 мая 1964 г. ушел на покой глава Зарубежной Церкви митрополит

Анастасий (Грибановский), архиерей дореволюционного поставления, сохранив за собой почетное председательство в Синоде. 22 мая 1965 г. в возрасте 92 лет митрополит Анастасий скончался. Его преемником, новым первоиерархом Русской Православной Церкви за границей был избран младший по хиротонии среди архиереев Зарубежной Церкви митрополит Филарет (Вознесенский), сын возвратившегося в 1946 г. из Китая на родину архиепископа Хайларского Димитрия. Избрание первоиерархом мало известного прежде архиерея способствовало пребыванию у кормила церковных дел правителя канцелярии Г. Граббе.

В 60-х гг., после вступления в ВСЦ Русской Православной Церкви, в полемических выступлениях представителей Зарубежной Церкви против Московской Патриархии появляется новая тема – обвинение ее в экуменической ереси. Конечно, и раньше священнослужители и миряне Зарубежной Церкви не отличались экуменическими настроениями, но та риторическая непримиримость к инославному миру, которая столь остро характеризует позицию зарубежного Синода в три последних десятилетия, не была свойственна ему в довоенные и первые послевоенные годы.

В 1965 г. зарубежный Синод причислил клику святых отца Иоанна Кронштадтского, а вскоре и блаженную Ксению Петербургскую, что благоприятно повлияло на отношение православных людей внутри России к Зарубежной Церкви. В 1971 г. состоялся Собор епископов Зарубежной Церкви. Собор решил создать комиссию по подготовке канонизации императора Николая II, его семьи и всех новомучеников и исповедников Российских. Состоявшаяся в 1981 г. канонизация новомучеников во главе с императором Николаем II была проведена без тщательных предварительных исследований обстоятельств жизни и кончины прославленных лиц, осуществить которые в ту пору ввиду недоступности архивных материалов было совершенно невозможно. В числе канонизированных оказались лица неправославного исповедания: протестантка гоф-лестриса Е. Шнейдер и католик А. Трупп. Тем не менее большинство православных людей в России вполне сочувствовали самому факту канонизации, потому что почитание новомучеников и новых исповедников в России никогда не прекращалось, хотя в условиях советского режима не носило официального церковного характера.

Собор объявил незаконной автокефалию Православной Церкви в Америке, полученную от Московской Патриархии. Всякое общение с этой Церковью было воспрещено для клириков и мирян Зарубежной Церкви. Собор постановил также, что все западные христиане, как еретики, впредь могут присоединиться к Православной Церкви только через крещение;

такое решение обозначало возвращение к практике, которая в Русской Церкви существовала только в 17 в. – от Собора 1620 г. до Собора 1656 г. при патриархе Никоне.

Значительным событием в жизни Зарубежной Церкви стал 3 Собор епископов, духовенства и мирян, состоявшийся в сентябре 1974 г. в монастыре Святой Троицы в Джорданвилле. В соборном «Послании православному русскому народу на Родине» содержалось признание малочисленности катакомбной Церкви в России, о которой ранее в документах Зарубежной Церкви часто говорилось как о Церкви большинства православных русских людей, а к катакомбникам, имеющим благодать священства, причислялись в послании и те священники Московского Патриархата, которые без регистрации крестят и отпевают, кто занимается запрещенной советским законодательством катехизацией. 3 Собор составил «Обращение к Американской Автокефальной Церкви», в котором призвал ее начать поиски путей сближения, предлагал в качестве модели взаимоотношений то положение, какое существовало с 1936 по 1946 г., когда Американская митрополия подчинялась зарубежному Синоду.

10 августа 1983 г. Архиерейский Собор Зарубежной Церкви издал окружное послание, главной темой которого является экуменическая ересь. В этом послании содержится постановление о внесении анафематствования экуменической ереси в чин Торжества Православия.

Митрополит Филарет (Вознесенский) скончался в 1985 г., его преемником в должности первоиерарха и председателя зарубежного Синода стал митрополит Виталий (Устинов). Перемена в высшем управлении Зарубежной Церкви совпала с началом преобразований в Советском Союзе, которые в конечном счете привели к его распаду и падению коммунистического режима. Многим и внутри России, и в диаспоре, в том числе в духовенстве и в пастве Зарубежной Церкви, казалось, что поскольку исходной причиной разделения послужили политические события– установление коммунистической диктатуры в России, то с ее падением падет и средостение, разделяющее Мать-Церковь и ее отделившуюся часть за рубежом. Но в зарубежном Синоде возобладало не примирительное, а настороженное отношение к Московской Патриархии. У некоторых иерархов возникла обманчивая надежда, что с падением советского режима падет и авторитет Патриархии в верующем народе и церковная власть в России перейдет к епископам-эмигрантам, не имевшим ничего общего с режимом.

10 августа 1988 г. зарубежный Синод ответил на солидно

аргументированное братское послание Поместного Собора 1988 г., адресованное русской православной диаспоре, заявлением, в котором выразил уверенность, что недалек тот час, когда советский режим падет, «и только тогда кончится самостоятельное существование Зарубежной Церкви». Это заявление давало основание надеяться на близкое воссоединение Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом в лоне единой Русской Православной Церкви. Однако, когда Русская Православная Церковь стала ничуть не менее свободной, чем Зарубежная Церковь в странах рассеяния, зарубежный Синод предпринял действия, затруднившие открытие диалога. В мае 1990 г. им было принято решение об открытии своих приходов и епархий на канонической территории Московского Патриархата.

Этим актом зарубежная иерархия вызвала негативную реакцию со стороны тех мирян и клириков в России, кто сочувствовал ранее Зарубежной Церкви, разделяя ее политическую идеологию. Открываемые ей приходы наполнились не идейными антикоммунистами, как, может быть, рассчитывали в зарубежном Синоде, но мелочными скандалистами, раздорниками и авантюристами. Многие клирики за рубежом также не одобряли этого опрометчивого шага. Не было согласия по этому вопросу даже среди епископов Зарубежной Церкви. Так, епископ Митрофан (Зноско) писал: «Данная возможность организации там приходов Русской Зарубежной Церкви не является ли одним из хорошо продуманных путей в борьбе с Церковью вообще и дискредитации Русской Православной Церкви зарубежья, которую многие отечественные иерархи и верующий народ воспринимали как хранительницу чистоты Христова Благовестия, как путеводную для себя звезду? Нет ли тут расчета предрержащей власти на возникновение в церковной ограде новых провокаций, ссор, вплоть до раскола в доселе единой Церкви Российской?».

Вызывают сочувствие слова епископа Митрофана о взаимоотношениях между Зарубежной Церковью и Московским Патриархатом, хотя они сказаны с позиций Зарубежной Церкви и не лишены односторонности: «Помочь нашей страждущей Церкви – это не только наша задача, это наш долг. Мы имели бы полное право и нравственное основание резко обличать и даже судить подъяремных иерархов страждущей Матери-Церкви, если бы сами, пройдя на их долю выпавшие испытания, вышли из них совершенно чистыми. Наш долг скорбеть о их немощах и молиться за них. Там ожидают, ибо в этом нуждаются, воссоединения Русской Зарубежной Церкви с Церковью Российской. Уверен в том, что о воссоединении говорить еще рано, но не

приспело ли время для встреч, как говорят, на всех уровнях».

Во второй половине 1990-х гг. в Германии проводились регулярные встречи между представителями Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Берлинским и Германским Феофаном (Галинским) и клириками Зарубежной Церкви во главе с архиепископом Марком (Арендтом).

На исходе 20 столетия в епископате Зарубежной Церкви возобладали конструктивные настроения, которые уже раньше обнаруживались в среде большинства клириков и мирян. В результате этих перемен Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей, состоявшийся в октябре 2001 г., уволил на покой митрополита Виталия и избрал новым первоиерархом Зарубежной Церкви архиепископа Троицкого и Сиракузского Лавра. 28 октября состоялась его интронизация с возведением в сан митрополита. Престарелый митрополит Виталий не подчинился решению Собора и в результате стал центром притяжения для радикальных сил. При митрополите Лавре после его встречи со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в 2003 г. начались переговоры о восстановлении евхаристического общения в лоне единой Русской Православной Церкви. Делегацию Московского Патриархата на этих переговорах возглавляет архиепископ Корсунский Иннокентий, а делегацию Русской Зарубежной Церкви – архиепископ Марк.

3. Духовное просвещение

В послереволюционные годы в относительно нормальных условиях находились только те русские богословские школы, которые оказались за границами СССР.

На территории Польского государства существовали две православные духовные семинарии – в Кременце и Вильне, и богословский факультет в Варшаве, где уровень образования был весьма высоким благодаря тому, что к преподаванию были привлечены серьезные ученые-эмигранты. Церковную историю и церковное право преподавал профессор М. В. Зызыкин, большой популярностью пользовались лекции по философии известного русского мыслителя Н. С. Арсеньева. Преподавал здесь и будущий патриарх Румынский Юстиниан.

Условия, в которых жили православные духовные школы в Польше, были нелегкими; правительство пыталось полонизировать факультет и семинарии вплоть до полного запрета вести обучение на русском языке. Само существование этих школ, в которых польские шовинисты видели, как во всей вообще Православной Церкви, осколки ненавистной им

императорской России, было под угрозой, но закрыты они были уже советскими и нацистскими властями во время Второй мировой войны.

В послевоенные годы, когда духовные учебные заведения в нашей стране лишь в малой степени могли удовлетворить потребности в пастырях с богословским образованием, значительную часть священнослужителей, особенно на Украине, в Белоруссии и Литве, составляли выпускники Виленской и Кременецкой семинарий, а также православного богословского факультета Варшавского университета. Из его стен вышли такие видные архипастыри послевоенных лет, как архиепископы Вениамин (Новицкий) и Мстислав (Волонсевич), митрополит Леонтий (Бондарь), выдающийся церковный деятель протопресвитер Виталий Боровой.

Православные духовные семинарии существовали также в Латвии и Эстонии. Кишиневская семинария была преобразована в богословский факультет университета, но это было уже румынское учебное заведение и по языку преподавания, и по составу преподавателей.

В диаспоре крупнейшим православным образовательным и научным центром стал Парижский богословский институт, организованный на подворье преподобного Сергия под покровительством митрополита Западно-европейского Евлогия. Инициатива создания этого института принадлежала Русскому студенческому христианскому движению. Крупную субсидию на обустройство Свято-Сергиевского богословского института выделил председатель Всемирного комитета ИМКА (Христианской ассоциации молодых людей) доктор Мотт. Митрополит Евлогий вспоминал: «Он придавал огромное значение... созданию богословского института – единственной русской богословской школы за границей... В России большевики закрыли все духовные академии и семинарии, богословское образование прекратилось; образовалась пустота, которую наш институт хоть в минимальной мере мог заполнить».

1 марта 1925 г. был освящен храм преподобного Сергия на подворье, и после Пасхи было принято десять человек, с которыми велись подготовительные занятия. Осенью началось систематическое преподавание, а 30 апреля 1926 г. институт был официально открыт. Для управления институтом митрополит Евлогий пригласил из Сербии епископа Вениамина (Федченкова), который в дореволюционные годы возглавлял Тверскую семинарию, назначил его инспектором. Он пользовался большой любовью студентов и придал всей жизни института, по словам митрополита Евлогия, «строго монашеское направление»: для студентов обязательным было ежедневное посещение богослужений в

храме преподобного Сергия, воспитанники одевались в подрясники, за трапезой непременно читались прологи или жития.

Первыми студентами института были люди самых разнообразных профессий и биографий. Митрополит Евлогий вспоминал: «Важно было одно: большинство поступающих были люди убежденные, идеалисты, через Церковь пришедшие к решению посвятить себя церковному служению. Полумонашеским строем они не тяготились, напротив, чувствовали себя в нем, как в своей стихии. Некоторые из воспитанников еще студентами приняли монашество и стали прекрасными монахами-миссионерами, монахами-пастырями, подвизающимися в миру, попадая иногда прямо из института в какой-нибудь приход в отдаленном захолустном углу нашего эмигрантского рассеяния».

Через год епископ Вениамин оставил институт, уехав в Сербию. В 1929 г. он вернулся в Париж и руководил институтом до 1930 г., когда после разрыва с митрополитом Евлогием, перешедшим вместе с институтом в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, он оставил свою должность. После епископа Вениамина инспекторские обязанности в институте исполнял протоиерей Сергий Булгаков. Митрополит Евлогий рассказывал: «Отец Сергий имел большое влияние на студентов. Он стал их духовником, другом, советчиком, и авторитет его в студенческой среде огромен. Но административные, инспекторские обязанности не соответствуют философскому складу отца Сергия – он более философ, нежели администратор».

Экономическое положение Богословского института было нелегким, он зависел от пожертвований эмиграции, которая в основной массе своей была бедна, и от помощи ИМКА и других международных организаций. Финансовая зависимость от ИМКА давала повод некоторым эмигрантам, главным образом тем, кто находился в юрисдикции зарубежного Синода, обвинять Богословский институт в связях с масонством.

К преподаванию в Свято-Сергиевском институте удалось привлечь лучшие богословские и философские научные силы русского зарубежья: архимандрита Киприана (Керна), Г. В. Флоровского, впоследствии протоиерея, С. С. Безобразова, впоследствии епископа Кассиана (с 1947 г. до своей кончины в 1964 г. – ректор института), В. В. Зеньковского, позже протоиерея (впервые послевоенные годы декан института), А. В. Карташева, Г. П. Федотова, Б. П. Вышеславцева, Н. Н. Афанасьева, позже протопресвитера, В. Н. Ильина, В. В. Вейдле, К. В. Мочульского, Л. А. Зандера, П. Е. Ковалевского. Для чтения отдельных лекций приглашались Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Со временем преподавателями

института стали его выпускники Б. И. Сове, С. С. Верховский, П. Т. Лютов, А. П. Князев, впоследствии протоиерей и ректор института после кончины епископа Кассиана. В послевоенные годы среди лучших профессоров были Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, позже протопресвитеры, переехавшие затем, как и протоиерей Георгий Флоровский, в США и составившие ядро Свято-Владимирской академии.

За первые одиннадцать наиболее ярких лет своего существования Богословский институт окончили 133 студента, 52 из них приняли священный сан. В послевоенные годы богословский институт постепенно стал утрачивать свою русскую ориентацию. В настоящее время преподавание в нем ведется на французском языке; и студенты, и преподаватели принадлежат к разным Церквам. Из его русских по происхождению профессоров наиболее известен в богословской науке протоиерей Борис Бобринский, читающий курс догматического богословия.

Другие духовные школы русской эмиграции по своему вкладу в церковную науку несопоставимы с Парижским богословским институтом, но и они исполняли свою главную миссию – готовить пастырей для окормления лишившейся родины и оказавшейся в рассеянии паствы. Так, в Харбине были открыты духовная семинария и богословский факультет института святого князя Владимира, находившиеся в ведении зарубежного Синода. В 1922 г. в болгарском городе Станимаке (ныне Асеновград) епископ Дамиан (Говоров) основал пастырскую школу, в которой преподавал епископ Серафим (Соболев), и за первые десять лет в ней было подготовлено около пятидесяти священников. В послевоенные годы единственной пастырской школой Русской Зарубежной Церкви стала Свято-Троицкая семинария в Джорданвилле под Нью-Йорком.

В 1920–1930-е гг. русские студенты имели также возможность получать духовное образование на богословских факультетах Софийского и Белградского университетов, ведущими профессорами которых стали эмигранты из России, и среди них такие крупные ученые, как Н. Н. Глубоковский и М. Э. Поснов – в Софии, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий и Ф. И. Титов – в Белграде. Богословский факультет Белградского университета стал одним из крупных центров русской церковной науки в эмиграции.

Труды русских эмигрантов, выброшенных из России революционной бурей, – это исключительно яркая страница в истории русского богословия 20 в. К старшему поколению церковных ученых и религиозных философов русского зарубежья принадлежали канонист С. В. Троицкий, экзегет и

патролог Н. Н. Глубоковский, историк Русской Церкви и публицист А. В. Карташев; религиозные философы протоиерей Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, А. И. Ильин, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов, чьи имена получили известность еще на родине. К следующему поколению ученых, зрелое творчество и известность которых приходится уже на время эмиграции, принадлежали архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), удивительно талантливый историк и богослов с редким даром слова протоиерей Георгий Флоровский, В. Н. Лосский, протопресвитер Николай Афанасьев, епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Софроний (Сахаров). Последнее поколение русской эмиграции, выросшее в диаспоре, представляют протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, ныне здравствующий протоиерей Борис Бобринский.

Большая часть крупных церковных ученых и религиозных философов русской эмиграции находилась в юрисдикции либо Московской Патриархии, либо экзархата Константинопольской Патриархии, а в годы после Второй мировой войны – в Американском митрополичьем округе, преобразованном потом в Американскую Православную Церковь. Сочинения ряда авторов, принадлежавших к «парижской школе», и даже таких крупных мыслителей, как протоиерей Сергий Булгаков, протопресвитер Николай Афанасьев, не свободны от теологуменов, не совместимых с церковным преданием. Особенно серьезной и в целом справедливой критике подвергались в самых разных церковных кругах софиологические построения протоиерея Сергия Булгакова, тем не менее оказавшего значительное влияние на развитие русской религиозной мысли. О философе Н. А. Бердяеве, который в эмиграции всегда оставался в послушании Матери-Церкви – в юрисдикции Московской Патриархии, лишь с большой натяжкой можно говорить как о православном философе – столь очевидно влияние на его философские и исторические построения гностицизма, манихейского дуализма, религиозного экзистенциализма.

Самым крупным богословом Русской Зарубежной Церкви был ее глава митрополит Антоний (Храповицкий), но расцвет его богословского творчества приходится на предреволюционные годы. Большое влияние имел и продолжает иметь не только в эмиграции, но и в России архиепископ Серафим (Соболев), в послевоенные годы воссоединившийся с Московской Патриархией. Архиепископ Серафим взял на себя трудную и неблагодарную миссию своего рода богословской цензуры и выполнял ее с великим усердием и строгостью, но, кажется, подчас слишком прямолинейно. Критикуя софианство и сотериологические заблуждения

митрополита Антония (Храповицкого), архиепископ Серафим в главном был прав, опираясь в своих суждениях на Предание Церкви, но он выражал его не творчески, а схоластично, решительно отличаясь в этом от таких богословов, как архиепископ Василий (Кривошеин), В. Н. Лосский, протоиерей Георгий Флоровский. Они сохраняли безукоризненную верность Преданию, но при этом творчески осмыслили традиции и творения отцов Церкви. Архиепископ Василий (Кривошеин) и В. Н. Лосский принадлежат той ветви русской богословской мысли, которая более всего связана с именем святителя Филарета Московского.

На закате 20 столетия русская эмигрантская церковная наука, богословская и философская мысль, пережившие в 20–40-х гг. блестящий расцвет, поблекли, стали явлением провинциальным, утратили былое влияние на западно-европейскую религиозную философию. Это связано с общей судьбой эмиграции. Поколение первой послереволюционной, белой, волны эмиграции ушло из земной жизни, уходят и их дети, а внуки и правнуки эмигрантов 20-х гг. в значительном большинстве ассимилировались. Последующие волны русской эмиграции уже не имели таких блестящих умов и талантов. В 1990-х гг. русская церковная наука успешнее развивается у себя на родине – в России.

Приложения

1. Численность населения России и СССР, в том числе православных

Год	Численность населения	В том числе православных
1724	Около 14 000 000	
1762	Около 19 000 000	
1812	Около 41 000 000	
1858	Около 74 000 000	Около 53 000 000
1862	82 172 022	Около 59 000 000
1897	128 924 289	Около 89 000 000
1910	163 778 800	–
1912		99 166 662
1914	Около 178 400 000	
1922	136 800 000 (СССР)	Около 90 000 000
1939	170 600 000	Около 90 000 000
1940	191 700 000	Около 90 000 000
1945	170 000 000	Около 80 000 000
1955	192 000 000	Около 90 000 000
1959	208 800 000	Около 100 000 000
1990	290 000 000 (СССР)	Около 100 000 000
1992	150 000 000 (Россия)	
2000	145 000 000	70 000 000 (Россия)

2. Количество церквей и часовен

Год Церквей	Часовен
172215 761	
173816 901	
176415 761	
177620 907	
178421 141	
182527 585	
185035 775	
187038 613	13 229
189045 037	18 979
189846 000	
190861 959	20 610
192828 560 (приходов)	
193123 213 (приходов)	
1939Около 100 (РСФСР)	
19413 732	
1945Около 10 000	
194914 477	
195913 008	
196210 451 (приходов)	
19638 314 (приходов)	
19667 523 (приходов)	
1968Около 7 300	
19717 274	
19886 893	
1989Около 11 000	
199314 113	
199415 985	
2000Более 20 000	
2003Около 25 000 (16 195 без Украины)	

3. Численность духовенства

Год	Священников	Диаконов	Церковнослужителей	Всего
1722				61 111
1738				124 923
1764				67 111
1784				84 131
1825	32 672	14 047	54 321	101 040
1850	36 243	14 302	63 416	113 961
1870	37 537	13 755	59 930	115 619
1880	39 208	9 152	50 105	98 892
1890	41 987	12 970	43 935	98 892
1898	44 678	14 361	43 619	102 682
1908	48 879	14 779	44 248	107 906
1941				5 665
1948	11 846	1 258		
1959				11 407
1961	8 252	809		
1967	6 694	653		
1971	6 234	618		
1986	6 674	723		
1994	12 841	1 402		

4. Духовные школы

Год	Академий	Семинарий	Духовных училищ	Студентов академий	Семинаристов	Учеников духовных училищ	Преподавателей академий
17382	17				2 589		
17642	26				Около 6 000		
18074	46				24 167		
18253	39		128				
18504	47		182	383	16 702	24 737	77
18694	51		189	395	14 800	27 900	96
18814	53		183	950	14 914	30 582	134
18944	56		186	901	18 749	30 869	131
19084	57		185	873	19 892	30 765	152
19124	57		185	935	21 850	28 833	165
19144	57		185	995	22 734	—	—
19482	8						
19562	8			296	1 226		
19642	3			364	388		
19882	3			Около 400	Около 1 500		
19891	6		5				
19975	20		23				
20005	27		27				
20035	32		43				

5. Монастыри и монашество

Год	Мужских монастырей	Женских монастырей	Всего	Монахов	Послушников	Монахинь	Послуш
1701	1965	236	1201				
1724							
1738							
1764	319	68	387				
1796							
1810	358	94	452				
1840	435	112	547	5 122	3 259	2 287	4 583
1850	464	123	587	4 878	5 018	2 303	6 230
1855	415	129	544				
1865	449	138	587				
1894	511	263	774	7 582	6 696	8 319	21 957
1908	523	408	928	9 729	8 739	12 712	39 781
1912	529	456	985	10 998	10 203	15 003	55 450
1914	550	475	1 025	11 845	9 485	17 283	56 016
1939							
1940				46			
1958	63	20	36				
1959							
1960	14	28	42				
1964		12	18				
1969							
1970							
1989				47			
1991				117			
1994				312			
1995-1997	---	---	---				

1997185	205	390
2000		541
2003295	319	614

6. Святейшие Патриархи Московские и всея Руси

1. Святитель Тихон (Беллавин) 1917–1925.
2. Сергий (Страгородский) 1943–1944.
3. Алексей I (Симанский) 1945–1970.
4. Пимен (Извеков) 1971–1990.
5. Алексей II (Ридигер) с 1990 г.

7. Местоблюстители патриаршего престола

1. Митрополит Стефан (Яворский) 1700–1721.
2. Священномученик митрополит Петр (Полянский) 1925–1936.
3. Митрополит Сергий (Страгородский) 1936–1943.
4. Митрополит Алексей (Симанский) 1944–1945.
5. Митрополит Пимен (Извеков) 1970–1971.
6. Митрополит Филарет (Денисенко) 1990 (анафематствован в 1997 г.).

8. Заместители патриаршего местоблюстителя

1. Митрополит Сергий (Страгородский) 1925–1926.
2. Митрополит Иосиф (Петровых) 1926.
3. Священномученик Серафим (Самойлович) 1926–1927.
4. Митрополит Сергий (Страгородский) 1927–1936.

9. Архиепиеи важнейших епархий

а) митрополиты Новгородские (первенствующие в Синоде с 1722 по 1775 гг.)

1. Иов 1697–1716.
2. Феодосий (Яновский) 1721–1725 (архиепископ).
3. Феофан (Прокопович) 1725–1736 (архиепископ).
4. Амвросий (Юшкевич) 1740–1745 (архиепископ).
5. Стефан (Калиновский) 1745–1753 (архиепископ).
6. Димитрий (Сеченов) 1757–1767 (1757–1762 гг. – архиепископ, с 1762 г. – митрополит).
7. Гавриил (Петров) 1775–1800 (1775–1783 гг. – архиепископ Петербургский и Новгородский, 1783–1799 гг. – митрополит Петербургский и Новгородский, 1799–1800 гг. – митрополит Новгородский; в 1775–1891 гг. епархия Новгородская соединена с Петербургской, с короткими перерывами).

б) митрополиты Петербургские (первенствующие в Синоде с 1775 г.)

1. Никодим (Сребницкий) 1742–1745 (епископ).
2. Феодосий (Яновский) 1745–1750 (архиепископ).
3. Сильвестр (Кулябка) 1750–1761 (архиепископ).
4. Вениамин (Пуцек-Григорович) 1761–1762 (архиепископ).
5. Гавриил (Кременецкий) 1762–1770 (архиепископ).
6. Гавриил (Петров) 1770–1799 (1770–1775 гг. – архиепископ Петербургский, 1775–1783 гг. – архиепископ Петербургский и Новгородский, с 1783 г. – митрополит).
7. Амвросий (Подобедов) 1799–1818, (1799–1800 гг. – архиепископ Петербургский, 1800–1801 гг. – архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1801 г. – митрополит).
8. Михаил (Десницкий) 1818–1821.
9. Серафим (Глаголевский) 1821–1843.
10. Антоний (Рафальский) 1843–1848.
11. Никанор (Клементьевский) 1848–1856.
12. Григорий (Постников) 1856–1860.
13. Исидор (Никольский) 1860–1892.
14. Палладий (Раев) 1892–1898.
15. Антоний (Вадковский) 1898–1912 (первенствующий в Синоде с 1900 г.).
16. Священномученик Владимир (Богоявленский) 1912–1915 (с 1914 г.

– митрополит Петроградский).

17. Питирим (Окнов) 1915–1917 (Петроградский).
18. Святой Вениамин (Казанский) 1917–1922 (Петроградский).
19. Иосиф (Петровых) 1926–1927 (Петроградский).
20. Святой Серафим (Чичагов) 1928–1933 (Ленинградский).
21. Алексей (Симанский) 1933–1945 (Ленинградский).
22. Григорий (Чуков) 1945–1955 (Ленинградский).
23. Елевферий (Воронцов) 1955–1959 (Ленинградский).
24. Питирим (Свиридов) 1959–1960 (Ленинградский).
25. Гурий (Егоров) 1960–1961 (Ленинградский).
26. Пимен (Извеков) 1961–1963 (Ленинградский).
27. Никодим (Ротов) 1963–1978 (Ленинградский).
28. Антоний (Мельников) 1978–1986 (Ленинградский).
29. Алексей (Ридигер) 1986–1990 (Ленинградский).
30. Иоанн (Снычев) 1990–1995.
31. Владимир (Котляров) с 1995 г.

в) митрополиты Московские

1. Иосиф (Волчанский) 1742–1745 (архиепископ).
2. Платон (Малиновский) 1748–1754 (архиепископ).
3. Тимофей (Щербацкий) 1757–1767.
4. Амвросий (Зертис-Каменский) 1768–1771 (архиепископ).
5. Платон (Левшин) 1775–1812 (1775–1787 гг. – архиепископ, с 1787 г.

– митрополит).

6. Августин (Виноградский) 1818–1819 (архиепископ).

7. Серафим (Глаголевский) 1819–1821.

8. Святитель Филарет (Дроздов) 1821–1867 (1821–1826 гг. – архиепископ, с 1826 г. – митрополит).

9. Святитель Иннокентий (Вениаминов) 1868–1879.

10. Макарий (Булгаков) 1879–1882.

11. Иоанникий (Руднев) 1882–1891.

12. Леонтий (Либединский) 1891–1893.

13. Сергий (Ляпидевский) 1893–1898.

14. Священномученик Владимир (Богоявленский) 1898–1912.

15. Святитель Макарий (Невский) 1912–1917.

16. Святитель Тихон (Беллавин) 1917.

17. Сергий (Страгородский) 1934–1944.

г) митрополиты Киевские

1. Варлаам (Ясинский) 1690–1707.

2. Иоасаф (Краковский) 1708–1718.

3. Варлаам (Вонатович) 1722–1730 (архиепископ).
 4. Рафаил (Заборовский) 1731–1747 (1731–1743 гг. – архиепископ, с 1743 г. – митрополит).
 5. Тимофей (Щербацкий) 1748–1757.
 6. Арсений (Могиланский) 1757–1770.
 7. Гавриил (Кременецкий) 1770–1783.
 8. Самуил (Миславский) 1783–1796.
 9. Иерофей (Малицкий) 1796–1799.
 10. Гавриил (Бодони-Бонулеско) 1799–1803.
 11. Серапион (Александровский) 1803–1822.
 12. Евгений (Болховитинов) 1822–1837.
 13. Филарет (Амфитеатров) 1837–1857.
 14. Исидор (Никольский) 1858–1860.
 15. Арсений (Москвин) 1860–1876.
 16. Филофей (Успенский) 1876–1882.
 17. Платон (Городецкий) 1882–1891.
 18. Иоанникий (Руднев) 1891–1900 (первенствующий в Синоде с 1898 г.).
 19. Феогност (Лебедев) 1900–1903.
 20. Флавиан (Городецкий) 1903–1915.
 21. Святитель Владимир (Богоявленский) 1915–1918 (первенствующий в Синоде с 1915 г.).
 22. Антоний (Храповицкий) 1918–1924 (в РПЦЗ титул митрополита Киевского до † 1936 г.).
 23. Михаил (Ермаков) 1924–1929.
 24. Димитрий (Вербицкий) 1930–1932 (архиепископ).
 25. Сергей (Гришин) 1932–1934 (архиепископ).
 26. Константин (Дьяков) 1934–1937.
 27. Николай (Ярушевич) 1941–1944.
 28. Иоанн (Соколов) 1944–1964.
 29. Иоасаф (Лелюхин) 1964–1966.
 30. Филарет (Денисенко) 1966–1992 (анафематствован в 1997 г.).
 31. Владимир (Сабодан) с 1992 г.
- д) митрополиты Крутицкие
1. Трифиллий (Инихов) 1699–1702 (Сарский и Крутицкий).
 2. Иларион (Властелинский) 1703–1711 (Сарский и Крутицкий).
 3. Феодосий (Вадбольский) 1711–1712 (епископ Сарский и Крутицкий).
 4. Алексей (Титов) 1714–1719 (епископ Сарский и Крутицкий).

5. Игнатий (Смола) 1719–1721 (Сарский и Крутицкий).
6. Леонид 1722–1742 (архиепископ Сарский и Крутицкий).
7. Платон (Малиновский) 1742–1748 (архиепископ Сарский и Крутицкий).
8. Иларион (Григорович) 1748–1759 (епископ Сарский и Крутицкий).
9. Амвросий (Зертис-Каменский) 1761–1768 (архиепископ, с 1764 г. – Крутицкий и Можайский).
10. Сильвестр (Страгородский) 1768–1771 (епископ Крутицкий и Можайский).
11. Самуил (Миславский) 1771–1776 (епископ Крутицкий и Можайский).
12. Амвросий (Подобедов) 1782–1785 (епископ Крутицкий и Можайский).
13. Евсевий (Никольский) 1920–1922.
14. Никандр (Феноменов) 1922–1923 (архиепископ).
15. Священномученик Петр (Полянский) 1923–1937.
16. Николай (Ярушевич) 1944–1960.
17. Питирим (Свиридов) 1960–1963.
18. Пимен (Извеков) 1963–1971.
19. Серафим (Никитин) 1971–1977.
20. Ювеналий (Поярков) с 1977 г.

10. Обер-прокуроры Святейшего Синода

1. И. В. Болтин 1722–1725.
2. А. П. Баскаков 1725–1726.
3. Р. А. Раевский 1726–? (прокурор).
4. Н. С. Кречетников 1741 (назначен, но не вступил в должность).
5. Князь Я. П. Шаховской 1741–1753.
6. А. И. Львов 1753–1758.
7. Князь А. С. Козловский 1758–1763.
8. И. И. Мелиссино 1763–1768.
9. П. П. Чебышев 1768–1774.
10. С. В. Акчурин 1774–1786.
11. А. И. Наумов 1786–1791.
12. Граф А. И. Мусин-Пушкин 1791–1797.
13. Князь В. А. Хованский 1797–1799.
14. Д. И. Хвостов 1799–1802.
15. А. А. Яковлев 1803.
16. Князь А. Н. Голицын 1803–1817 (1817–1824 – министр «двойного министерства»).
17. Князь П. С. Мещерский 1817–1833.
18. С. Д. Нечаев 1833–1836.
19. Граф Н. А. Протасов 1836–1855.
20. А. И. Карасевский 1855–1856.
21. Граф А. П. Толстой 1856–1862.
22. А. П. Ахматов 1862–1865.
23. Граф Д. А. Толстой 1865–1880.
24. К. П. Победоносцев 1880–1905.
25. Князь А. Д. Оболенский 1905–1906.
26. Князь А. А. Ширинский-Шихматов 1906.
27. П. П. Извольский 1906–1909.
28. С. М. Лукьянов 1909–1911.
29. В. К. Саблер 1911–1915.
30. А. Д. Самарин 1915.
31. А. И. Волжин 1915–1916.
32. Н. П. Раев 1916–1917.
33. В. Н. Львов 1917.
34. А. В. Карташев 1917.

11. Хронологическая таблица

- 1700 – Кончина патриарха Адриана и назначение местоблюстителем патриаршего престола митрополита Рязанского Стефана (Яворского).
- 1701 – Восстановление Монастырского приказа.
- 1702 – Издание указа Петра I о веротерпимости.
- 1720 – Составление «Духовного регламента».
- 1721 – Учреждение Святейшего Синода.
- 1722 – Издание «Прибавления к Духовному регламенту».
- 1723 – Признание Святейшего Синода Восточными патриархами.
- 1724 – Перенесение мощей святого князя Александра Невского в Петербург.
- 1751 – Издание «Елизаветинской» Библии.
- 1757 – Прославление святителя Димитрия Ростовского.
- 1763 – Суд над митрополитом Ростовским Арсением (Мацеевичем).
- 1764 – Секуляризация церковных земель (издание Указа о церковных владениях).
- 1786 – Секуляризация церковных земель в Малороссии.
- 1788 – Секуляризация церковных земель в Слободской Украине.
- 1793 – Учреждение Алеутской духовной миссии.
- 1797 – Преобразование Петербургской и Казанской семинарий в академии.
- 1798 – Прославление преподобного Феодосия Тотемского.
- 1804 – Прославление святителя Иннокентия Иркутского.
- 1808 – Начало проведения реформы духовного образования.
- 1809 – Преобразование Петербургской духовной академии.
- 1811 – Учреждение Грузинского экзархата.
- 1813 – Открытие Библейского общества в России.
- 1814 – Преобразование Московский духовной академии и перевод ее в Троице-Сергиеву лавру.
- 1817 – Учреждение «двойного министерства» духовных дел и народного просвещения.
- 1819 – Преобразование Киевской духовной академии.
- 1826 – Закрытие Библейского общества.
- 1830 – Учреждение Духовной миссии на Алтае.
- 1831 – Возвращение Почаевской лавры Православной Церкви.
- 1832 – Прославление святителя Митрофана Воронежского.
- 1839 – Собор в Полоцке. Воссоединение униатов с Православной

Церковью.

1840 – Издание новых Правил духовно-учебных школ.

1842 – Преобразование (вторичное открытие) Казанской духовной академии.

1842 – Введение монастырских штатов в западных епархиях.

1848 – Учреждение Духовной миссии в Иерусалиме.

1857 – Возобновление работы над переводом Библии на русский язык.

1861 – Прославление святителя Тихона Задонского.

1867 – Начало реформы духовного образования.

1870 – Учреждение Духовной миссии в Японии.

1875 – Воссоединение униатов Холмщины с Православной Церковью.

1876 – Издание Библии на русском языке.

1884 – Издание Правил о церковно-приходских школах.

1884 – Издание новых Уставов духовных школ.

1901–1903 – Религиозно-философские собрания.

1903 – Прославление преподобного Серафима Саровского.

1905 – Издание закона о свободе вероисповеданий.

1906 – Предсоборное присутствие.

1908 – Ревизия духовных академий.

1909 – Перенесение мощей святой благоверной княгини Анны Кашинской.

1910 – Издание нового Устава духовных академий.

1912–1913 – Предсоборное совещание.

1917 – Предсоборный совет.

1917–1918 – Поместный Собор Православной Российской Церкви.

1917 – Начало большевистского террора против Церкви.

1917 – Восстановление патриаршества.

1918, 25 января (7 февраля) – Убийство священномученика Владимира, митрополита Киевского.

1918 – Сибирское церковное совещание в Томске.

1919 – Юго-Восточный русский церковный Собор в Ставрополе.

1920 – Предоставление автономии Православной Церкви в Эстонии.

1921 – Начало самосвятского раскола.

1921 – Предоставление автономии Православным Церквям в Финляндии, Латвии и Польше.

1921 – 1 Русский всезаграничный церковный Собор в Сремских Карловцах.

1922 – Образование обновленческого ВЦУ.

1922, 13 августа – Расстрел священномучеников митрополита

Вениамина, архимандрита Сергия (Шейна) и мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова.

1923 – 1 «собор» обновленцев.

1925 – Незаконное провозглашение автокефалии Польской Церкви.

1925 – 2 «собор» обновленцев.

1925 – Образование Временного высшего церковного совета (ВВЦС) во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским).

1926 – Составление «Памятной записки» узников Соловецких лагерей.

1927 – Образование Временного Патриаршего Священного Синода.

1927 – Издание «Декларации» заместителем местоблюстителя и Временным Патриаршим Синодом.

1930 – Увольнение митрополита Евлогия от должности управляющего западно-европейскими приходами и назначение управляющим митрополита Елевферия.

1931–1934 – Издание «Журнала Московской Патриархии».

1935 – Упразднение Временного Патриаршего Синода.

1937, 10 октября – Расстрел патриаршего местоблюстителя священномученика Петра.

1938 – 2 Собор Русской Зарубежной Церкви в Сремских Карловцах.

1939–1940 – Возвращение в юрисдикцию Московской Патриархии епархий Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Северной Буковины и Бессарабии.

1943, 8 сентября – Архиерейский Собор и избрание Святейшего Патриарха Сергия.

1943 – Возобновление издания «Журнала Московской Патриархии».

1943 – Возобновление канонического общения Русской и Грузинской Православных Церквей.

1945 – Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание патриарха Алексия I.

1946 – Львовский Собор. Воссоединение униатов Галиции с Русской Православной Церковью.

1948 – Дарование автокефалии Польской Православной Церкви.

1948 – Празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. Совещание глав и представителей поместных Православных Церквей.

1949 – Воссоединение закарпатских униатов с Православной Церковью в Ужгороде.

1951 – Дарование автокефалии Чехословацкой Православной Церкви.

1959 – Постановление Священного Синода об извержении из сана и

отлучении от Церкви ренегатов.

1961 – Архиерейский Собор в Троице-Сергиевой лавре. Реформа приходского управления.

1970 – Дарование автокефалии Православной Церкви в Америке и восстановление канонического общения с Японской Автономной Церковью

1971 – Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание Святейшего Патриарха Пимена.

1988 – Празднование 1000-летия Крещения Руси.

1988, 6–9 июня – Поместный Собор Русской Православной Церкви. Принятие Устава об управлении Русской Православной Церкви. Канонизация святых.

1989 – Архиерейский Собор.

1990 – Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание Святейшего Патриарха Алексия II. Канонизация святого праведного Иоанна Кронштадтского.

1990 – Архиерейский Собор в Свято-Даниловом монастыре. Дарование самостоятельности Украинской Православной Церкви.

1992 – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Канонизация священномучеников митрополита Владимира, митрополита Вениамина ниже с ним пострадавших, преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары, преподобных Кирилла и Марии.

1992 – Архиерейский Собор Украинской Православной Церкви в Харькове в связи с раскольническими действиями митрополита Филарета (Денисенко).

1992 – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви по делу митрополита Филарета. Извержение из сана митрополита Филарета и епископа Иакова (Панчука).

1994 – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

1997 – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

2000 – Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

Источники и литература

Die Orthodoxe Kirche in Russland. Dokumente ihrer Geschichte (860–1980). Gottingen, 1988.

Fireside Harvey. Icon and Svastika: The Russian Orthodox Church under Nazi- and Soviet Control. Cambridge, 1971.

Fletcher, William C. A study in survival. The Church in Russia. 1927–1943. London, 1963.

Heyer F. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1943. Koln-Braunsfeld, 1933.

Johannes Chrysostomos. Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit. 1.–3. Bd. Munchen-Salzburg, 1963–1968.

Manuil (Lemesevskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie. Bis zur Gegenwart ergänzt von C. Patock, 1.–4. Bd. Erlangen, 1979–1986.

Rosler R. Kirche und Revolution in Russland. Patriarch Tichon und der Sowjetstaat. Wien-Koln-Graz, 1969.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999.

Алексий II, Патриарх. Православие в Эстонии. М., 1999.

Алексий II, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Обращение к клиру и приходским советам храмов города Москвы на епархиальном собрании 21 декабря 1995 г. М., 1996.

Алексий II, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово на епархиальном собрании духовенства Москвы 23 декабря 1994 г. М., 1995.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. М., 1994.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 29 ноября – 2 декабря 1994 г. Документы. Доклады. М., 1995.

Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству православного исповедания. СПб., 1885.

Барсов Т. В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей.

Т. 1–2. М., 1993.

Валентинов А. Черная книга. (Штурм небес.) Сборник документальных данных. Париж, 1925.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Венок на могилу Высокопреосвященного митрополита Владимира († 25 января 1918 г.). Киев, 1992. (Репринт издания 1918 г.).

Виноградов В., протоиерей. Положение Церкви в СССР и за границей. Нью-Йорк, 1950.

Виноградов В., протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности патриарха Тихона. Мюнхен, 1959.

Вострышев М. Божий избранник. М., 1990.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания.

Гидулянов П. В. Отделение Церкви от государства в СССР // Полное собр. документов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. М., 1926.

Голубцов Сергей, протодиакон. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999.

Гордун С., свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 гг. // ЖМП. 1993, № 1.

Граббе Г., протоиерей. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961.

Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви 20 столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1–7. Тверь – М., 1992–2002.

Деяния Второго всезаграничного Собора Русской Православной Церкви. Белград, 1939.

Деяния Русского всезаграничного Собора. Сремски Карловцы, 1922.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1–11. М., 1994–2000.

Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. Т. 4. Синодальный период 1700–1890. М., 1893.

Духовный Регламент. СПб., 1722.

Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.

Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в 20 столетии. М.,

1995.

Жизнеописания подвижников благочестия 18–19 вв. Январь – декабрь. СПб., 1819.

ЖМП, 1931–1934, 1943–2003.

Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991.

Знаменский П. В. История Русской Церкви. М., 1996.

Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.

Знаменский П. В. Руководство по русской церковной истории. Казань, 1912.

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб., 1993.

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х гг. 20 столетия: григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Изд. 2-е, доп. Сортавала, 1993.

История Российской иерархии. Т. 1–6. М., 1807–1815.

История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней (1917–1970). СПб., 1997.

К церковному Собору. Сборник. СПб., 1906.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992.

Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в 20 столетии. М., 1995.

Козаржевский А. Ч. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920–1930-х гг. Воспоминания прихожанина // ЖМП. 1992. № 11–12. С.21–28.

Константинов Дмитрий, протоиерей. Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967.

Краснов-Левитин А. Воспоминания: В поисках нового града. Тель-Авив, 1980.

Краснов-Левитин А. Воспоминания: Рук Твоих жар. Тель-Авив, 1979.

Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М. 1996.

Малицкий В. А. Руководство по истории Русской Церкви. Изд. 3-е. Тула, 1889.

Митрофан (Зноско-Боровский), епископ. Хроника одной жизни. М., 1995.

Никанор (Бровкович), архиепископ. Биографические материалы. Т. 1.

СПб., 1900.

Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–7. Нью-Йорк, 1936–1961.

Одинцов М. И. Государство и Церковь: 1917–1938. М., 1991.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1–22. СПб., 1869–1914.

Отец Арсений. М., 1993.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1–3 и доп. т. СПб., 1906.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.

Пимен, патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания и обращения. 1957–1977. М., 1977.

Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1–2. Новосибирск – М., 1997–1998.

Положение об управлении Русской Православной Церкви. М., 1945.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1949–1957.

Польский М., священник. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1937.

Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева лавра, 6–9 июня 1988 г. Материалы. М., 1990.

Поместный Собор Русской Православной Церкви. 30 мая – 2 июня 1971 г. М., 1972.

Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1–8. СПб., 1894–1902.

Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в 18 в. СПб., 1905.

Поселянин Е. Русские подвижники 19 в. СПб., 1910.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в 20 в. М. 1995.

Правда о религии в России. М., 1942.

Рар Глеб (А. Ветров). Плененная Церковь. Очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 1996.

Римский С. В. Православная Церковь и государство в 19 в. Ростовн/Д, 1998.

Рункевич С. Г. Русская Церковь в 19 в. История Русской Церкви в 19 в. Под ред. А. П. Лопухина. Т. 2. СПб., 1901.

Рункевич С. Г. История Русской Церкви в Синодальный период. Т. 1. СПб., 1900.

Русская Православная Церковь 988–1988. Выпуск 2. Очерки истории 1917–1988 гг. М., 1988.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1–2. М., 1995.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. (Сб. документов). М., 1943.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М., 1996.

Русская Православная Церковь. М., 1958.

Русская Православная Церковь. М., 1980.

Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. В 9 т. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1897–1911.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния (Кн. 1–12). М., 1918.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений. В 4-х вып. М., 1918.

Сергий (Страгородский), архиепископ. О составе ожидаемого чрезвычайного Поместного Собора Российской Церкви. СПб., 1905.

Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 1994.

Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. Т. 1–3. М., 1993.

Стратонов И. А. Русская церковная смута (1921–1931). Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в 20 столетии. М., 1995.

Толстой М. В. История Русской Церкви. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991.

Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. Париж, 1960.

Устав об управлении Русской Православной Церкви. М., 1989.
Феодосий (Процюк), архиепископ. Обновленческие движения в Православной Церкви на Украине 1917–1943 гг. Т. 1–4, машинопись. МДА. Смоленск, 1978–1979.

Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. В 5 т. М., 1896.

Филарет (Дроздов), митрополит. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1–4 и доп. т. М., 1885–1888.

Филарет (Дроздов). Мнения, отзывы и письма. М., 1905.

Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж, 1988.

Царская и патриаршие грамоты об учреждении Святейшего Синода. М., 1899.

Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994.

Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. Кн. 9. М., 1997.

Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). М., 1996.

Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Церковь (1925–1938). М., 1999.

Чумаченко Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие (1941–1961). М., 1999.

Шкаровский М. В. Иосифлянское течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999.

Эллис Джеймс. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон, 1990.

Содержание

История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005 гг.) протоиерей Владислав Цыпин	1
Введение. Периодизация истории русской церкви синодального и новейшего периодов	2
Часть первая. Синодальный период	6
Глава 1. Русская православная церковь в эпоху Петра I	7
Глава 2. Русская православная церковь в 18 в.	45
Глава 3. Русская православная церковь в 19 в.	123
Глава 4. Русская Православная Церковь в царствование святого императора Николая II	262
Часть вторая. Новейший период	291
Глава 1. Поместный собор русской православной церкви 1917–1918 гг. и восстановление патриаршества	292
Глава 2. Русская Православная Церковь в советскую эпоху	319
Глава 3. Русская Православная Церковь при святейшем патриархе Алексии II	564
Глава 4. Русское церковное зарубежье	637
Приложения	703
1. Численность населения России и СССР, в том числе православных	704
2. Количество церквей и часовен	705
3. Численность духовенства	706
4. Духовные школы	707
5. Монастыри и монашество	708
6. Святейшие Патриархи Московские и всея Руси	710
7. Местоблюстители патриаршего престола	711
8. Заместители патриаршего местоблюстителя	712
9. Архиереи важнейших епархий	713
10. Обер-прокуроры Святейшего Синода	717
11. Хронологическая таблица	718
Источники и литература	722